

26.8.19/6
Г-69

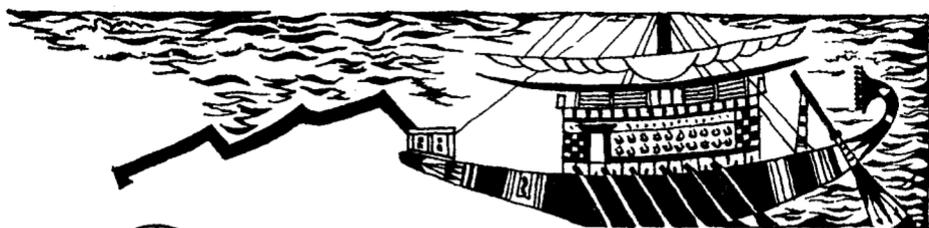

ГОРНЬЕ М.

ИСТОРИЯ
ОТКРЫТИЯ
И ИССЛЕДОВАНИЯ
АФРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МЫСЛЬ •

97709) 26.88 (6)
Г69 ✓

2017

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ АФРИКИ

173396

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· МЫСЛЬ ·

МОСКВА
1973

БИБЛИОТЕКА ДСМА СОВЕТОВ
Кировского района
пр. Стачек, д. 18, тел. Д 2-62-61

91(09)
Г69

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Предисловие, глава I и Заключение написаны М. Б. Горнунгом; глава II—Ю. Г. Липецем при участии М. Б. Горнунга; главы III, IV и V—М. Б. Горнунгом, Ю. Г. Липецем и И. Н. Олейниковым; глава VI—И. Н. Олейниковым; глава VII—И. Н. Олейниковым при участии М. Б. Горнунга

Оформление серии
разработано художником
А. Н. ФИНОГЕНОВЫМ

Книга оформлена
В. СКОБЕЛЕВЫМ

Г $\frac{0281-080}{004(01)-73}$ 174-72

© Издательство «Мысль», 1973.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование Африки — одна из последних страниц в истории географических открытий, а объективная, не фальсифицированная история народов этого материка только еще воссоздается силами передовых ученых мира и самими африканцами, освободившимися от колониального угнетения совсем недавно. Борьба против колониализма и расового угнетения на Африканском континенте еще не завершена. Многие определяют сейчас интерес к Африке, к ее природе и ресурсам, к ее народам, к их прошлому, настоящему и будущему.

Африка с большой степенью научной вероятности может считаться прародиной человечества. Находки английского археолога Л. Лики в 1960-х годах в Восточной Африке свидетельствуют о том, что здесь, по-видимому, жили одни из самых древних доисторических людей. Именно эти находки позволили по-новому датировать время зарождения человечества. Костные остатки и орудия древнейших людей найдены и во многих районах Северной и Южной Африки. Бесспорно, что древнейшее население Африки развивалось по тем же законам, что и население других континентов. 12—15 тыс. лет назад Африка была уже заселена людьми разных расовых типов на севере, в межтропической зоне и на юге (европеиды, негроиды, предки бушменов и готтентотов). 5—10 тыс. лет назад в Африке повсеместно завершился переход к занятию земледелием и скотоводством. Многие ученые полагают, что еще в неолите в разных районах Африки возникли независимо друг от друга очаги примитивной обработки металлов — меди и железа.

Северо-восточная окраина Африканского континента — родина одной из древнейших мировых цивилизаций. Примерно 5 тыс. лет назад в Египте уже сложилась высокая культура строительства, ирригации, развивались художественные ремесла, создавалась письменность. Мировая история неотъемлема от этой цивилизации, возникшей на африканской земле. Уже древнейшее египетское государство развивало торговые связи с окружающими странами, в основном с народами к югу от порогов Нила. В стране, имевшей письменность, жрецов-ученых, опытных мореплавателей, знакомых с астрономией, стали накапливаться первые систематические сведения о разных областях Африки. Многие из этих сведений позже легли в основу географических знаний других народов об Африке.

Торговые, культурные и иные связи народов Европы и Азии с народами Африки восходят к глубокой древности. Задолго до нашей эры на севере Африки возникали целые колонии переселенцев из Финикии, Греции, Рима. Исторические исследования нашего времени открывают все новые и новые факты проникновения в глубь Африки в далекие времена не только выходцев из стран Ближнего Востока и европейского Средиземноморья, но и смелых путешественников из Южной и Юго-Восточной Азии. С каждым столетием нашей эры люди из внешнего для Африки мира все дальше проникали на Африканский континент, где происходил сложный процесс контакта разных цивилизаций, продолжающийся до наших дней.

Из многих тысяч путешественников по Африке лишь небольшая часть внесла подлинный вклад в развитие правильных представлений о географии этого континента, ставших достоянием человечества. Немало географических открытий путешественников более или менее далекого прошлого, особенно из азиатских стран, стали известны миру совсем недавно и потому не оказали прямого влияния на формирование современных географических представлений об Африке в мировой науке, сохранив, однако, большой интерес для истории, в частности для воссоздания исторической правды о приоритете первооткрывателей.

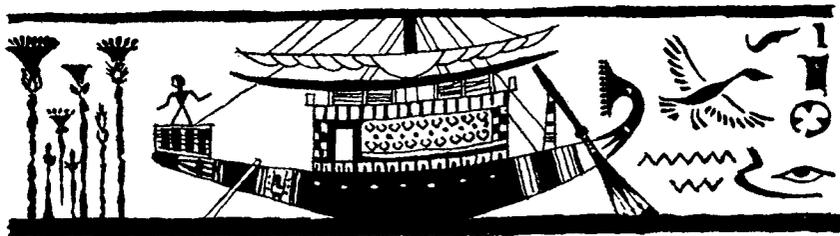
История географических открытий и исследований, изложенная в этой книге, отнюдь не анализ всех путешествий по Африканскому континенту, оставивших след в литературе. Из огромной массы исторических и полулегендарных сведений о путешествиях в Африку мы старались отобрать те факты, которые вошли в сокровищницу мировых знаний и, соединившись с новыми открытиями последующих веков, нашли свое отражение на современной географической карте Африки. Поэтому настоящая книга отличается от многочисленных обзоров путешествий, где со скрупулезностью добросовестных историков описываются достоверные и недостоверные перипетии трудных путешествий античного времени, средневековья и особенно начального перио-

да европейского проникновения в глубь Африканского материка.

Развитие мировой науки шло так, что обобщение географических сведений об Африке, начиная от данных, пришедших из античной литературы или от великих арабских ученых средневековья, происходило преимущественно в европейских странах. Именно эта особенность, усугубленная бурным развитием европейских путешествий периода колонизации Африки, нередко затушевывала приоритет неевропейских открытий в Африке.

Открытие Африки европейцами, однако, дало возможность получить те научные факты, которые через многотиражные книги и карты сформулировали общемировые представления о географии всего Африканского континента. Только этим надо объяснить, что в данной книге столь значительное место уделено путешественникам из стран Европы.

Авторы стремились упомянуть или подчеркнуть участие отечественных ученых в изучении Африки и развитие интереса к географии Африки в нашей стране, что небезынтересно советскому читателю.

ГЛАВА 1

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АФРИКЕ ДО ЕВРОПЕЙСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ XV в.

Контакты цивилизаций и открытие Африки

Сравнительно недавно известный советский африканист И. И. Потехин предлагал заменить термин «история открытия Африки» термином «история географических исследований Африканского континента европейцами»*. Он мотивировал это тем, что Африка была «открыта» народами других континентов задолго до появления там европейцев и что отнюдь не европейцы первыми вступили в контакт с африканскими народами. И. И. Потехин имел в виду прежде всего так называемое открытие Африки европейцами в XIX в. Но его мотивировка достаточно справедлива и для более ранних периодов. Тем не менее его позиции, совпадающие со взглядами многих современных прогрессивных историков, отражают некоторое смешение понятий. Действительно, для историка всякая новая находка письменных или археологических свидетельств древних путешествий и других контактов народов в далеком прошлом представляет несомненный интерес. Это — выявление нового исторического факта для воссоздания истории страны или всего человечества. Однако далеко не всегда такие известные издавна или вновь ставшие известными исторические факты играли роль в формировании и развитии общемировых географических представлений. Очень многие путешествия как в отдаленные, так и в близкие нам времена стали достоянием только истории и историков, так как полученные в этих путешествиях сведения дошли

* И. И. Потехин. От редактора. — В кн.: «Новое открытие Африки». Пер. с англ. М., 1962, стр. 5.

до ученых и всех людей лишь столетия или даже тысячелетия спустя. В большинстве случаев географические знания древних народов раскрылись благодаря упорному труду историков, филологов и археологов тогда, когда новые исследования повторили открытия древних и сделались всеобщим достоянием.

Другое дело история путешествий, а тем более исторические работы по воссозданию представлений древних народов о Земле и географии ее частей. Одним из триумфов историков было доказательство плавания древних исландцев к Северной Америке. Однако открытие Америки все равно остается делом Колумба.

Из свидетельств древних народов Африки, из античной литературы, арабских рукописей или европейских средневековых произведений нелегко отобрать то, что бесспорно явилось вкладом в формирование правильных географических представлений об Африке, которые передавались из века в век, обрастая новыми данными либо подвергаясь уточнениям и исправлениям. Именно такие сведения мы и относим к «открытиям», способствовавшим формированию карты Африканского континента и заполнению ее географическим содержанием.

Такой подход отнюдь не противоречит происходящему сейчас процессу воссоздания истории Африки. В этом активном историческом поиске иногда вольно или невольно проявляется стремление преувеличить значение отдельных исторических открытий для освящения истории исследования Африки другими народами. До недавнего времени в трудах западноевропейцев, которые по преимуществу и занимались как историей Африки, так и историей ее открытия, часто уделялось мало внимания к прошлому Африканского континента до появления там европейцев. Сейчас история Африки, в том числе и областей к югу от Сахары, раскрывается все полнее и полнее. История же научного исследования этого континента связана преимущественно с путешествиями всего лишь двух последних столетий, не считая, конечно, морских европейских плаваний XV в., до которых не существовало даже приближенного представления о размерах и очертаниях материка.

Африканский континент, отделенный от Европы только Средиземным морем, в силу разных исторических причин и природных особенностей по существу оказался исследованным после того, как географическая наука уже располагала значительно более полными сведениями по остальным материкам, не считая Антарктики и части Арктики. Это тем более парадоксально, что многим как европейским, так и азиатским народам Африка была известна за многие столетия до «открытия» ими Америки и других далеких земель. Сейчас бесспорно доказано, что даже до нашей эры в Африке, как и на других континентах, существовали значительные связи между народами, разделенными друг от друга тысячекилометровыми расстояниями.

И эти связи были не только отражением миграционных процессов, так называемого переселения народов. Еще задолго до нашей эры почти непрерывное и временами очень интенсивное общение происходило между разными цивилизациями Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, европейского Средиземноморья. Несколько иначе развивались связи между Северной Африкой и прилегающими к ней областями Азии и Европы с Африкой южнее Сахары. Еще за несколько тысячелетий до нашей эры эти две части Африки пошли разными путями развития. Народы Северной Африки оказались как бы первооткрывателями более южных областей континента. Но их «открытия» происходили тогда, когда, например, часть юго-восточного побережья Африки была уже открыта для себя индийскими мореплавателями первого тысячелетия до нашей эры. И те и другие «открытия» стали известны, однако, во времена, когда почти всюду в мире можно было купить печатную карту Африки, близкую к современной.

Труднопреодолимым природным барьером для общения между народами Северной и Центральной Африки, а следовательно, и более южными областями континента была Сахара. Вплоть до эпохи авиации основным путем к югу был путь по морю, хотя караванные тропы от Средиземного моря до Сенегала и Нигера возникли в отдаленное историческое время, а скотопрогонные переходы через Сахару, возможно, совершались и в так называемые доисторические времена.

В воссоздании истории формирования современных географических представлений об Африке нам мало что дает самый яркий факт из древней рукописи, найденной почти сегодня. Даже широко известное открытие Анри Лотом в 1950-х годах замечательных наскальных рисунков в Тассили остается лишь доказательством полудогадки о наличии связей у древних жителей Сахары с египетской цивилизацией. Но сам Древний Египет, безусловно, был родиной географии Африки.

В этой связи трудно согласиться с автором широко известной сводки по истории географических открытий Дж. Бейкером, который считал, что в истории географических исследований «незачем заглядывать в прошлое глубже истории древних греков»*. Дело даже не только в том, что недооценен вклад египтян и других древних народов в развитие географии Африки. Часто переоценивается значение географов античного времени, труды которых либо стали широко известны слишком поздно, либо, что касается Африки, даже затормозили на долгое время интерес к южной части этого континента. Давая весьма полное

* Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований. М., 1950, стр. 17. На ошибочность этого взгляда обратил внимание и редактор русского перевода книги Бейкера И. П. Магидович.

представление о географическом кругозоре древних и их нередко весьма глубоких для своего времени географических познаниях, исследователи античной географии недостаточно оттеняют то, что эти познания и при жизни древних авторов были достоянием очень узкого круга лиц. Накопленные географические сведения нередко забывались со сменой всего одного-двух поколений, а в течение почти целого тысячелетия в начале нашей эры античные географические труды были известны преимущественно только арабам. Кроме тех античных трудов, которые дошли до арабов, а через них до европейцев в эпоху Возрождения, почти все остальные географические сочинения ученых Греции и Рима получили широкое распространение не раньше XV в. «География» Страбона, например, впервые была издана в Риме в 1469 г., а отрывки из замечательной «Географии» Эратосфена (кроме фрагментов, использованных Страбоном) и вовсе были опубликованы только в 1770 г. в Гёттингене. Труды Клавдия Птолемея и его карты, выдержавшие за двести с небольшим лет 50 изданий, впервые были опубликованы в Европе в 1472 г. Только в начале XVII в. в Аугсбурге были изданы сохранившиеся отрывки описания плавания Ганнона вдоль западных берегов Африки в V в. до н. э.

Древний Египет

Древнейшие географические представления об Африке, в основном о ее областях в северном полушарии, были связаны с цивилизацией Египта и его политикой. Именно накопленные в Египте знания об Африке послужили основой для географических представлений об этом континенте у других народов — греков, римлян, арабов. Поскольку сам Египет — африканская страна, то все изученное египтянами в своей стране вошло в географию Африки. Всем известно древнее изречение, что Египет — дар Нила и исследование Нила с древнейших времен до наших дней неотрывно связано с египтянами. К ним восходит и изучение Красного моря и его побережий, первые ступени познания (и освоения) пустынных районов Северной Африки; немало исходных сведений собрали египтяне и об окружающих Египет странах и народах.

Экспансионистская политика Древнего Египта приобрела большой размах с начала династического периода, т. е. еще за 3000 лет до н. э. — время I династии. Главным направлением устремлений фараонов был, как правило, юг. Проникали древние египтяне и глубоко на запад от Нила в Ливийскую пустыню, стремились расширить владения по Красному морю. В своих морских экспедициях они достигали царств Пунт и Куш, т. е. современных территорий Судана, Эфиопии, Сомали, но главным оставалось движение на юг, по долине Нила.

Это продвижение, правда, шло очень постепенно. Примерно 2500 лет до н. э. войска одного из фараонов V династии дошли до района Асуана. Только при фараонах VI династии был пройден первый порог Нила. Лишь около 1525 г. до н. э. Тутмос I (XVIII династия) достиг четвертого порога, не дойдя 600—700 км до слияния Белого и Голубого Нила. Со времени так называемого Нового царства усилились контакты Египта с царством Куш и торговые связи с Пунтом. Ко времени Рамсеса II (1292—1225 г. до н. э.) Египет устанавливает господство над Кушем, и сухопутные, точнее речные, путешествия в тропические области по Нилу до пределов нынешнего Судана становятся довольно частыми. К этому времени относится, в частности, получение в Египте первых сведений о болотах в верховьях Нила и пигмейских народностях.

Другое дело морские путешествия древних египтян в области Пунта, занимающие так много места в литературе по истории Египта и в книгах о путешествиях древних. Такие экспедиции требовали сложной и дорогостоящей подготовки и поэтому происходили редко. Благодаря археологическим находкам стали известны морская экспедиция при одном из фараонов V династии и значительно более поздняя экспедиция в правление царицы Хатшепсут (около 1500 г. до н. э.). Изображения сцен из этой экспедиции с подробными надписями были детально изучены уже в наше время. Как ни редки были такие морские экспедиции, сведения о пути вдоль северо-восточного побережья Африки до широт современного Сомали восходят к этим далеким временам и сохранялись на всем протяжении исследования Африки другими народами в последующие эпохи.

Что касается изучения Африки в прямом смысле этого слова, то в Древнем Египте было немало сделано по исследованию Нила. Собранные египтянами сведения, ставшие впоследствии достоянием греков и других народов, включали довольно точные данные о долине Нила до впадения в него Атбары, смутные представления о влажных лесных районах значительно дальше к югу и некоторые расчеты по паводкам Нила, причины которых не находили в то время реалистических объяснений. В Древнем Египте возникла также гипотеза о том, что Нил вытекает на юге из пресноводного океана, опоясывающего всю сушу.

О государстве Мероэ, столица которого лежала менее чем в 200 км к югу от слияния Белого и Голубого Нила, египтяне сохранили мало сведений к тому времени, когда Геродот записал их со слов египетских жрецов 24 века тому назад. Руины столицы Мероэ на территории современной республики Судан относятся, бесспорно, к величайшим археологическим памятникам африканской древности. Расцвет кушитской цивилизации в государствах Напата и Мероэ происходил в первом тысячелетии до нашей эры. Через 500 лет после того как Рамсес II установил

власть над областью Куш, сами кушитские цари начали захват южных районов Египта. В 725 г. до н. э. кушиты покорили весь Египет. Недолгое время существовало единое государство от дельты Нила до территории современной Эфиопии на юго-востоке и, видимо, до границ нынешней Уганды на крайнем юге. Столицей этой древней африканской империи кушитов оставался город Мероэ, процветавший и после распада империи вплоть до конца III в., когда начало расширяться и укрепляться будущее Аксумское царство — древнейшее эфиопское государство. Связи египтян с югом были заметно ослаблены, новые сведения географического характера почти перестали накапливаться, а бывшее известным ранее сохранялось в основном в касте жрецов. В VII в. до н. э. финикийцы уже колонизируют почти все побережье Северной Африки — от древней Кирены в Ливии (631 г. до н. э.) до Танжера, а греки в это же время (650 г. до н. э.) высаживаются в дельте Нила. В истории Северной и Северо-Восточной Африки начинается новая эпоха, с которой связано многое в истории познания Африканского материка.

Финикийские и карфагенские путешествия

Важнейшее открытие, определившее развитие представлений об Африке в дальнейшем, заключалось в том, что Африка была признана островом, правда соединенным с Азией узким перешейком. Это произошло около 600 г. до н. э., когда появились сведения о том, что финикийцы на своих кораблях обошли вокруг Африки. Это плавание было совершено из Красного моря по приказу фараона Нехо и продолжалось около трех лет. Путешественники вернулись через Гибралтар и Средиземное море. Таковы сведения, зафиксированные полтора столетия спустя Геродотом — «отцом истории» и путешественником античного времени (484—406 гг. до н. э.). Правдивость рассказа об этом путешествии оспаривалась в древние времена и не может быть ни подтверждена, ни опровергнута и в наши дни.

Немало сомнений вызывает до сих пор правдивость рассказа о плавании, по-видимому, в начале VI в. до н. э. вдоль западного побережья Африки потомка древних финикийцев — Ганнона. Он вышел в плавание из Карфагена и, пройдя Гибралтарский пролив, направился к югу. Его экспедиция была известна и в Карфагене, и в Греции. Историки и географы и поныне спорят о том, куда все же доплыл Ганнон, следуя вдоль атлантических берегов Африки. Большинство современных исследователей сходится на том, что Ганнон проплыл 3—4 тыс. км и побывал в районе устьев Сенегала и даже Нигера. Сведения об этом плавании впоследствии были сильно искажены и с каждым столетием искажались еще более, превращаясь в сказку, полную

ужасов, которые ждут каждого, кто осмелится бы проплыть далеко на юг вдоль берегов Африки. В какой-то степени сведения о плавании Ганнона послужили препятствием для повторения таких плаваний даже спустя много веков после его путешествия. Однако именно с этой морской экспедицией связаны первые представления о существовании больших рек где-то на западе материка. Эти представления способствовали возникновению гипотезы о связи западных африканских рек с Нилом — единственной достоверно известной древним великой рекой Африки. Ганнон сообщил также об огнедышащей горе Феон-Охема, название которой было переведено как «колесница богов» (или «гора богов»). Он же ввел и другие названия географических объектов на западном побережье Африки (например, заливы Золотой Рог, Южный Рог и т. д.). Некоторые ученые пришли впоследствии к выводу, что Ганнон видел извержение вулкана Камерун и, следовательно, почти достиг экватора.

Именно в связи с сообщениями Ганнона Геродотом было высказано мнение о якобы широтном течении Нила южнее порогов и истоках его на западе Африки. Как ни парадоксально, но эта гипотеза просуществовала дольше других ошибочных представлений о географии Африки и дожила до XIX в. — столь непоколебимым казался в течение многих веков авторитет географических сведений, включенных Геродотом в свои труды.

Финикийцы считаются также первооткрывателями Мадейры и Канарских островов еще в начале первого тысячелетия до нашей эры. Позже открытие этих островов приписывалось античными авторами уже не древним финикийцам, а карфагенянам. Это открытие было повторено европейцами только в XIV—XV вв., сначала итальянцами, а позже португальцами. Безусловно, финикийцы и карфагеняне хорошо знали часть побережья Северной Африки, как береговую линию, так и прибрежные районы вблизи своих колоний, но значение этих знаний ограничилось лишь тем, что они послужили одним из источников информации для античных географов.

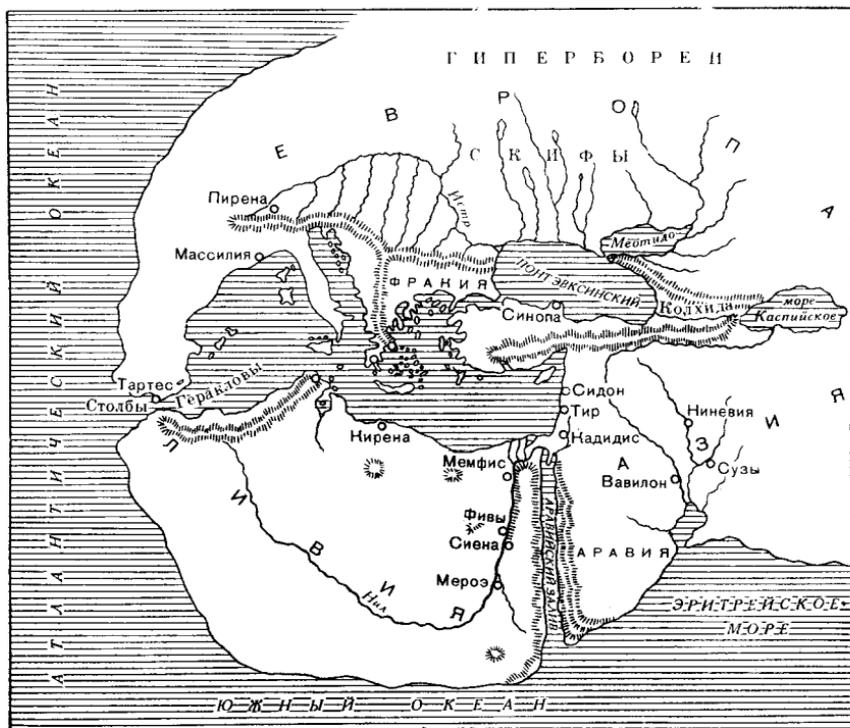
Туманность сведений о плавании финикийцев вокруг Африки и плавании Ганнона не позволила ученым древности получить представление об истинных размерах Африки и ее конфигурации. Все последующее тысячелетие и даже дольше Африка представлялась древним грекам и римлянам, средневековым арабам и европейцам приключенным к Азии островом, южная оконечность которого проходила где-то вблизи экватора. Одни, как Птолемей, вытягивали эту оконечность далеко на восток в Индийский океан, остававшийся в его эпоху неизвестным всем народам, кроме мореходов Индии и Индонезии. Другие поворачивали линию южного берега на запад примерно на широте экватора. Первые попытки воссоздать общую картину географии Африки связаны с пытливым умом античных греческих ученых.

Древнегреческие исследователи Африки

Еще в VII в. до н. э. установились прочные торговые и культурные связи Греции с Египтом, быстро стали развиваться связи Греции и с другим государством на севере Африки — Карфагеном. Исключительному расцвету науки и литературы в Древней Греции география обязана тем, что именно в трудах греков оказались собранными первые крупницы знаний об Африке, накопленные к античному времени в разных странах Средиземноморья.

Мы уже упоминали Геродота, который сам совершил путешествие в Египет еще в молодости. Маршруты путешествий этого выдающегося ученого древности определить нелегко, так как он переплетает свои личные впечатления с собранными им из разных источников сведениями. Труды Геродота испытали ту же судьбу, что и большинство сочинений античных авторов. Они дошли до нас довольно поздно. Но тем не менее именно с описаниями Геродота связана помимо мнения о широтном течении Нила на юге еще одна несостоятельная географическая гипотеза, просуществовавшая более полутора тысячелетий. Геродот сообщил о единой цепи песчаных гор или холмов, протягивающейся от Египта на запад вплоть до Атлантического океана. Геродот, несомненно, видел пустыню, песчаные дюны, оазисы на западе Египта. Для этого не надо далеко отъезжать от долины Нила. И с легкой руки Геродота эта несуществующая широтная цепь «просуществовала» до первых печатных европейских карт. Эти карты, опираясь на сведения из античной географии, добросовестно включали все мифические горы, озера и реки в разных районах Африки.

От Аристотеля (384—322 гг. до н. э.) осталась гипотеза о том, что Ливийская впадина — дно высохшего моря, отделенного от океана валом. Первых греческих путешественников по Египту заинтересовала, естественно, проблема происхождения Нила и его разливов. Таким же умозрительным, как гипотеза Аристотеля, явилось предположение путешественника и философа Демокрита (ок. 460—ок. 370 гг. до н. э.) о том, что Нил питается дождями, идущими на юге, в «эфиопских горах». Гипотеза Демокрита, основанная, возможно, на каких-то сведениях, перешла в труды Аристотеля уже в виде сообщения о Серебряных горах. Впоследствии Клавдий Птолемей (70—147 гг.) обозначил их как «Лунные горы», и они просуществовали на картах Африки также примерно полтора тысячелетия. Пытливый ум греческих ученых поставил целый ряд вопросов, которые почти двадцать веков волновали географов. Однако нельзя не напомнить лишний раз, что догадки, гипотезы и настоящие открытия античных авторов, как правило, долгие века были забыты. Например, трактат Аристотеля «Разливы Нила» «воз-

Африка по Геродоту

вратился» в Европу через арабов только в средние века, когда он был переведен на латинский язык с арабского.

Географические познания античных авторов были, безусловно, обширны и разнообразны, о чем свидетельствуют, например, дошедшие до нас отрывки из произведений Эратосфена (ок. 276—196 гг. до н. э.). Эратосфен, в частности, свел воедино известные к его времени сведения о побережье Красного моря и Северо-Восточной Африки и дал первые очертания этой части Африки. Они были смещены на восток, но уже приближались к истинной конфигурации. Эратосфену принадлежит попытка картографически изобразить всю Африку. Данные египтян, финикийцев и греков позволили ему в очень приближенной форме воссоздать весь северный берег Африки. На востоке от мыса Гвардафуй (мыс Благоуханий), за которым неизвестное еще тогда побережье резко поворачивает на юго-запад, он провел линию к западному побережью на широте, примерно соответствующей положению крайней южной точки в описании плавания Ганнона. Представления Эратосфена оказали огромное влияние на последующих авторов, описывавших Африку.

173 396

Древние греки называли Африку Ливией. В конце IV в. до н. э. появилось название Африка, которым обозначалась территория, примыкавшая к Карфагену. Высказывалось много предположений о происхождении слова «Африка». Бесспорно лишь то, что его начальное значение было связано только с указанной маленькой территорией. Даже много позже для римлян большая часть Африки все еще остается «Ливией».

В III в. до н. э. греческая наука, включая географию, расцветает на африканской земле. В это время в Египте укрепляется греческая династия Птолемеев, возродившая походы из дельты Нила на юг и к Красному морю. Однако и эти военные походы на юг ограничивались продвижением в Нубию и к границам царства Мероэ. В этот период возникло устойчивое географическое понятие «острова Мероэ» — территории между Нилом, Атбарой и Голубым Нилом. Становится хорошо известным район слияния Белого и Голубого Нила. Греки получили первые достоверные сообщения о том, что Голубой Нил берет начало из горного озера (Тана).

При царе Птолемее II (285—246 гг. до н. э.) наука особенно развивается в Александрии, крупнейшем средиземноморском городе на северо-восточном побережье Африки. Именно здесь одно время Эратосфен возглавляет знаменитую Александрийскую библиотеку, где наряду с подготовкой не дошедшей до нас «Географии» он занимался математической географией, измерением Земли. Нельзя не вспомнить в связи с этим, что одно из древнейших измерений величины земного градуса проводилось Эратосфеном на Африканском континенте по данным расстояний от Александрии до Асуана.

С походами в области, прилегающие к Красному морю, связан и «Перипл Красного моря» — описание этого моря и его побережий, составленное около 132 г. до н. э. Агафархидом. Это описание, как и многие другие античные рукописи, не дошло целиком до потомков, но отрывки из него переходили впоследствии из одной рукописи в другую. Ко II в. до н. э. красноморское побережье Африки было известно даже точнее, чем средиземноморское к западу от Карфагена, что очевидно из трудов Эратосфена. Дальнейшие исследования на севере Африки связаны уже преимущественно с Древним Римом.

Римские исследования Африки

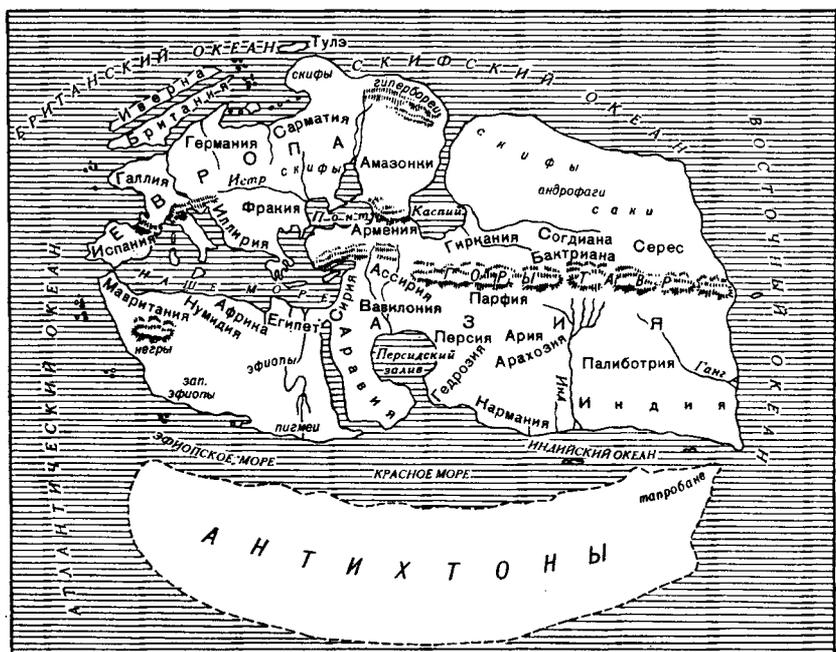
Бурная экспансия Римской республики, приведшая к образованию Римской империи на землях трех континентов, связана с окончательной победой над Карфагеном, завершившей в 146 г. до н. э. III Пуническую войну. Вместе с военной и экономической экспансией рабовладельческого Рима растет и

географический кругозор его военных, ученых и государственных деятелей. Римские географы и историки скрупулезно обобщают географические сведения, собранные египтянами, карфагенянами и особенно греками.

С падением Карфагена его территория становится римской провинцией Африка. Легионеры Рима укрепляются почти по всему североафриканскому побережью. Военные лагеря и посты возникают и в глубине материка, в сотнях километров от побережья. В I в. до н. э. Страбон (65—21 гг.) располагает уже отдельными точными сведениями о горной системе Атласа. Интерес римлян к более южным областям материка оказывается ограниченным не только трудностями продвижения через Сахару, но и сложившимися к этому времени теоретическими заключениями о невозможности жизни людей в жарком экваториальном поясе. Античная гипотеза о семи климатах Земли, среди которых жаркий был отнесен к «необитаемым», просуществовала более тысячи лет и уступила место другим представлениям лишь после того, как накопленные в путешествиях по суше и морю факты окончательно опровергли ее.

В компилятивной «Географии» Страбона из 17 книг только одна была посвящена Африке. Труд Страбона тоже стал широко известным настолько поздно, что географические сведения, собранные в нем, не представляли уже практического интереса. Во времена же, близкие к Страбону, его работой не воспользовался даже автор знаменитой энциклопедической «Естественной истории» Плиний Старший, живший в I в. н. э. В «Географии» Страбона обобщались преимущественно труды греческих авторов. Закономерен особый интерес Страбона, как и почти всех античных ученых, к Нилу. Довольно четко в труде Страбона указано на связь нильских паводков с притоком дождевых вод из Голубого Нила. Страбон подчеркивает, что южнее мыса Гвардафуй ему ничего не известно на востоке Африки.

Африка в целом занимала довольно скромное место и в знаниях ученых римлян, и в их географических интересах. От I в. н. э. сохранилось небольшое географическое сочинение Помпония Мелы «О положении Земли» (*De situ orbis*), которое по сути дало мало нового в отношении географии Африки. Но так как труд этот был хорошо известен с момента его написания в 43 г., то он особенно часто приводится в историко-географической литературе как показатель уровня античных знаний о Земле. Плиний Старший во всеобъемлющей энциклопедии посвятил географии четыре книги из 37. Плиний обобщил в этой сводке сотни рукописей своих предшественников и современников, но сам не обогатил географию Африки новыми сведениями. Мало места уделено Африке и в учебнике географии Дионисия, широко известном в античном мире. Сведения об Африке в нем почти целиком почерпнуты из Эратосфена.

Африка по Помпонию Меле

К концу I в. новые данные о восточном побережье Африки вошли в морской справочник по Индийскому океану, который сначала считали сочинением Арриана. Рукопись эта была опубликована в Европе в 1533 г. и получила название «Перипл Эритрейского моря» псевдо-Арриана. Из этого произведения можно увидеть, что в начале нашей эры продолжалось серьезное уточнение географических сведений по северо-восточной части Африки. «Перипл» псевдо-Арриана включает описание восточного побережья Африки от мыса Гвардафуй и примерно до широты Занзибара. Его автор утверждал, что Индийский и Атлантический океаны соединяются на юге.

К началу II в. относится появление интересных документальных сведений о северных районах Сахары и восточном побережье Африки до Занзибара и даже южнее этого острова. Сведения эти, принадлежащие некоему Марину из города Тира (Марин Тирский), стали известны крупнейшему географу I—II вв. н. э. Клавдию Птолемию, а через него арабам и позже европейцам. Вклад в развитие представлений об Африке, связанный с именем Марина Тирского, заключался главным образом в расширении площади континента по сравнению с размерами Африки по гипотетическим построениям Эратосфена.

Клавдий Птолемей (70—147 гг.) известен прежде всего своими концепциями и трудами по математической географии и астрономии. С его именем связана целая эпоха в науках о Земле, продолжавшаяся на Востоке и в Европе не менее тысячелетия. Птолемей развил представления о геоцентрической системе мира. Его основной труд «*Megalē syntax*». («Великое строение»), переведенный на арабский язык как *Ал-Мажисти* («Великое»), вернулся в Европу под названием «*Альмагеста*» уже как перевод с арабского языка. Хотя теоретические воззрения Птолемея сыграли немаловажную роль во всем развитии географии и географических представлений о частях Земли, мы здесь остановимся лишь на другом его сочинении — «*Географическое руководство*», также известном нам благодаря арабам. Около 150 г. Птолемей предпринял попытку свести воедино все собранные им сведения о географических пунктах и их координатах. Назвать это географическое произведение картой, в нашем понимании этого слова, было бы, пожалуй, неверно. Но все же этот перечень позволяет определить те территории в Африке, которые были известны римлянам к середине II в., а затем в последующие столетия арабам до того, как они сами непосредственно занялись географией Африки. Анализировать «*Географическое руководство*» не так легко, поскольку описания Птолемея полны несуразностей, а иногда просто не поддаются географической расшифровке.

Ко II в. римляне уже хорошо изучили так называемую Малую Африку, т. е. территорию прежней провинции Африка (в пределах нынешнего Туниса), примыкающую к ней с запада и юга Нумидию (до Шотт-Мельгира), область восточных Атласских хребтов (Тель-Атлас), североафриканское побережье до Танжера (античный Тингис). К этому времени были исправлены грубые искажения в очертаниях побережья Магриба, сохранявшиеся во времена Страбона. Однако это побережье от залива Малый Сирт до Гибралтара у Птолемея по крайней мере вдвое удлинено против истинных размеров. Со Страбоном связывается введение в географическую номенклатуру названия Атлас. У Птолемея среди многочисленных путанных сообщений, бесспорно, надо отметить разделение Атласских гор на Большой и Малый Атлас, хотя в этой области показано немало и несуществующих гор. Это и неудивительно, так как горная система Атласа довольно сложна и орография Магриба была окончательно уточнена только в XIX в.

С Птолемеем связывается введение в африканскую географическую номенклатуру названия реки Нигрим на западе Африки. Со времен Птолемея эта таинственная река в описаниях и на картах много раз меняет свое географическое положение и название, пока не совмещается с реальным Нигером. Подобно Нигриму от Птолемея в распоряжение географов

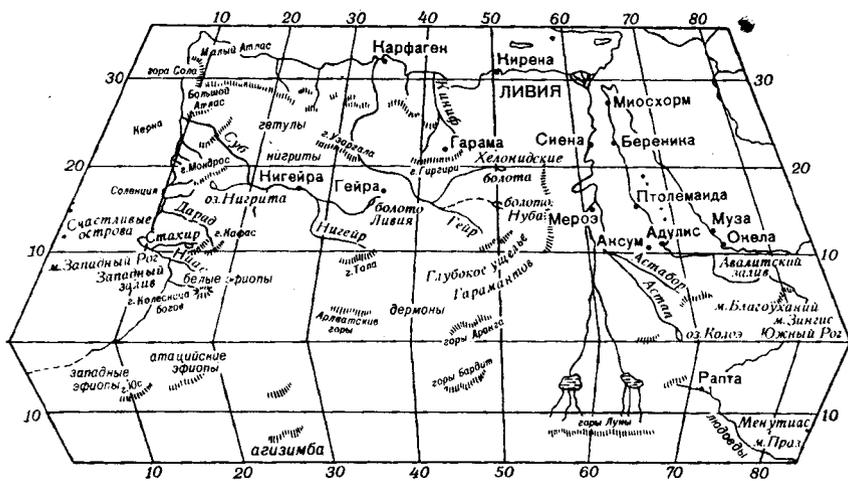
будущих веков поступило множество легендарных, несуществующих или существующих неизвестно где географических объектов — хребтов, отдельных гор, рек, озер и т. д. Здесь и «самые легендарные горы Африки», и известные уже нам «Лунные горы», и «Колесница богов» с другими сведениями о виденном Ганноном и т. п. Когда через 15 веков очертятся контуры и уточнятся размеры всей Африки, приближающиеся к действительности, картографы, чтобы хоть чем-то заполнить обширное пространство континента, воспользуются легендарными объектами, почерпнутыми из трудов Птолемея. А историки и историко-географы и сегодня будут продолжать ломать головы, хотели ли Птолемей сообщить нам о Зеленом мысе или Сенегале, либо его истинные сведения оканчивались всего лишь атлантическим побережьем Марокко. Не будем строго судить за это Клавдия Птолемея. Если на Птолемея ссылались как на главный авторитет, доказывая невозможность двигаться на юг Африки, где солнце обжигает людей дочерна, а море кипит и испаряется, то и благодаря поискам таинственных гор, рек и озер, упомянутых Птолемеем, были впоследствии сделаны в Африке немало важные истинные открытия. Даже о внутренних районах Северной Африки от Плиния, Птолемея и их современников-римлян сохранились также весьма неопределенные и порой нелепые сведения. Многих современных ученых справедливо поражает сочетание у величайших мыслителей античного времени гениальных теоретических построений с изложением откровенных географических небывлиц, которые могли быть ими отброшены даже при всех скидках на общий уровень знаний и религиозные предрассудки той эпохи. Больше всего это относится именно к Птолемею. Трудно также понять, почему столь некритически воспринимались римскими географами сведения, почерпнутые ими у своих предшественников, но перекрытые новыми данными. Так, например, еще Плиний помещает где-то в Северной Сахаре вблизи от ливийского побережья огромное сказочное озеро Тритон*. К этому времени римскими войсками было совершено немало походов и карательных экспедиций далеко в глубь Сахары. Не вызывает никаких сомнений, что римские военные отряды доходили до оазисов Феццана. Даже если допустить, что в официальных донесениях римские военачальники могли, сильно преувеличивая свои заслуги, преувеличивать и пройденные расстояния, то все равно римляне должны были располагать немалыми сведениями о географии Северной Сахары.

* В 1507 г. в Аугсбурге была найдена римская дорожная карта, относимая к IV в. Она известна под названием таблицы Конрада Пейтингера. На ней также показано крупное озеро в северной части Сахары. Скорее всего автор карты начертил это мифическое озеро, опираясь на данные Плиния или Птолемея.

Анализируя сведения о римских походах в глубь Африки, некоторые историки склонны доводить их маршруты до Чада, Нигера и даже Бенуэ. Не вдаваясь в полемику на эту тему, мы можем отметить, что будущему эти малодостоверные сведения дали немного. Бесспорно, что до римлян доходили какие-то сведения о плодородных землях, реках и озерах далеко к югу от колонизованного ими побережья. Туманно представляя себе истинные масштабы материка, его протяженность в южном направлении, римские авторы сузили размеры пустыни по широте и нагромодили по существу на территорию Сахары все то, что могло находиться только к югу от нее. Именно поэтому и на картах Африки вплоть до XVII в. можно было увидеть на месте Сахары огромные горные цепи и речные системы, «берущие начало» из сочинений Птолемея. От Плиния через Птолемея, а затем арабских географов распространяется версия не только о том, что Нил берет начало где-то на западе Африки, но и о том, что он якобы вытекает из озер. Эти слухи переплетались и с другими версиями, например о подземном течении Нила под песками пустыни из одного большого озера в другое.

Сообщения античного времени о Западном, или Негритянском, Ниле были окончательно отвергнуты только в XIX в. Живучесть этих и некоторых других легендарных сведений по географии Африки оказалась поистине невероятной! Первые европейские мореплаватели — португальцы, достигшие в XV в. устья Сенегала, были твердо убеждены, что они увидели Западный Нил, текущий с «Лунных гор», помещенных на карту Африки Птолемеем. Этому не приходится удивляться, если вспомнить, что даже Д. Ливингстон с большим уважением относился к сведениям Птолемея.

За античными географами закрепилась слава авторов первых сообщений о великих западных реках Африки и о существовании на юге огромного озера, которым в действительности мог быть только Чад. С таким же успехом, однако, можно предполагать, что античные путешественники и географы, не ориентируясь в масштабах континента, сообщали лишь о виденных в Северной Африке разлившихся уздах и шоттах. Но поскольку последующие путешествия привели к нанесению на карту Африки подлинных великих рек и озер к югу от Сахары, то и сведения римских ученых представились как бы ранними сообщениями именно об этих географических объектах. При этом как-то легко забывается, что многие домыслы античных компиляторов, например о великих реках и горных хребтах, пересекающих всю Центральную Сахару, по данным географии Птолемея, были начисто отвергнуты. Не преувеличивая истинного значения всех сообщений римлян, и особенно Птолемея, для развития правильных представлений о географии Африки, надо, однако, еще раз подчеркнуть, что стремление проверить сведе-

Африка по Птолемею

ния античной географии о внутренних областях Африки послужили толчком для многих даже очень поздних исследовательских путешествий по Африке.

Помимо многочисленных достоверных сведений о географии Северной Африки римляне оставили сообщения о своих походах вверх по течению Нила вплоть до «острова Мероз». В I в. н. э. отдельные отряды римских легионеров продвигались по Нилу и южнее Мероз. Некоторые историки сейчас стараются доказать, что римские солдаты могли побывать даже на берегах озер Виктория и Альберт. Римляне собрали сведения и о каких-то лесистых островах у восточного побережья Африки. В литературе можно встретить предположения, что этими островами были либо Сокотра, либо Занзибар и Pemба, либо даже Мадагаскар, о котором нет никаких сведений ни в «Перипле» псевдо-Арриана, ни в других источниках того же или более позднего времени. Значение этих отрывочных и произвольно истолковываемых сведений, относимых к тропической Африке, для развития географических представлений об Африке южнее Сахары было весьма невелико. Достаточно еще раз вспомнить, что сам Птолемей не принимал их всерьез и в отличие от Эратостфена «повернул» берег Африки южнее Сомалийского полуострова в широтном направлении на восток наподобие южного берега Индийского океана. Этот домысел был отвергнут только с развитием арабских путешествий и исследований.

Вообще после Птолемея римская наука почти ничего не прибавила к географии Африки, ни достоверного, ни фантастического, кроме единичных новых сведений, например уточнения

положения озера Псебо (т. е. озера Тана) в Эфиопии. В III в. Римская империя оказалась уже на грани развала, хотя римская колонизация на севере Африки в это время еще процветала и побережье исследовалось все более детально. В накопленные принципиально новых сведений о географии Африки наступают перерыв. На северо-востоке континента в расширении познания этой части Африки играют некоторую роль походы укреплявшегося Аксумского царства. В IV в. в связи с распространением в Аксуме христианства сведения об этой стране поступают на Ближний Восток и в Константинополь. Развитие представлений об этой части Африки и ее географии идет по несколько особому пути и будет рассмотрено вместе с обзором начала исследований Эфиопии после анализа достижений арабской географии, внесшей существенный вклад в историю исследования Африканского материка после римской эпохи.

Изучение географии Африки арабами в VII—XV вв.

В VII—XIV вв. главные достижения в изучении географии Африки принадлежат арабским географам. Особенно важно то, что арабские сочинения этого периода оказали существенное влияние на распространение географических представлений об Африке во многих странах Азии и Европы. К тому же благодаря арабам в этих странах стали известны не только новые сведения об Африке, накопленные арабскими географами, но и данные, почерпнутые ими из сочинений античных авторов, забытых или почти неизвестных в этот период в Европе. Уже к XII—XIII вв. многие весьма ценные для своего времени арабские географические произведения были переведены в Европе. К сожалению, немало арабских рукописей, в том числе содержащих новые данные по географии Африки, стали известны мировой науке, когда арабские открытия уже были повторены европейцами. Эти рукописи поэтому представляют теперь ценность главным образом для востоковедов.

В доисламской Аравии географические познания были крайне отрывочными. Лишь в отношении части Северо-Восточной Африки арабы располагали относительно достоверными сведениями еще до установления господства ислама. Так, например, походы аксумских правителей в Южную Аравию способствовали распространению здесь сведений о древней Эфиопии времени расцвета Аксумского царства в III—VI вв.

Появление Корана с его скудной географической информацией, в основном касающейся только Аравии, Египта и некоторых легендарных областей, само по себе никак не способствовало развитию географических знаний. Но бурное расширение

владений приверженцев Корана положило начало накоплению разнообразных географических сведений, в первую очередь о Северной и Северо-Восточной Африке. Начало великих арабских завоеваний приходится на середину VII в. В это время (640—641 гг.) происходит захват Египта арабами. В течение двух последующих столетий арабы распространяются почти по всей Северной Африке, проникая далеко на юг в Нубию, затем в Судан и даже к верхнему течению Нила.

С конца VII — начала VIII в. арабы появляются в Сомали, на побережье Восточной Африки и некоторых островах Индийского океана у берегов Африки. Изучение арабских источников, правда, дает основание утверждать, что ни в этот, ни в более поздний период арабы не располагали достоверными сведениями о районах Восточной Африки, удаленных от побережья*. Примерно к этому же времени относится начало проникновения арабов в Западную и Центральную Африку. Оно шло с севера. Некоторые арабские племена прошли из Южного Марокко через Сиджильмасу, Таудени до Томбукту и в районы к западу от Томбукту вплоть до Сенегала. Другие арабские группы через Гадамес, Гат и Томбукту прошли на Агадес и в район Канно. Третий путь, видимо, шел из Южного Египта к Чаду.

Арабские переселения и походы привели к накоплению многочисленных географических сведений о разных районах Африки. Но в начальный период существования арабского халифата эти данные еще не находили большого отражения в арабской литературе, которая сначала развивалась преимущественно в Аравии и была более всего посвящена толкованию Корана. Географические сведения концентрировались в военно-административной среде и не стали еще достоянием арабских ученых. В VII и даже VIII вв. в арабских произведениях реальные и библейские представления смешивались настолько, что эта литература вряд ли представляла собой шаг вперед в познании окружающего Аравию мира. Отдельные описания путешествий в арабской литературе того времени, сохранившиеся до более поздних веков, настолько фантастичны, что их справедливо относят к разряду «мифологической географии».

Арабская географическая литература научного характера возникает только с конца VIII в. В IX в. географические сведения все чаще включаются в сочинения ученых-арабов. Происходивший в это время рост и укрепление халифата, расширение его владений от Атлантического до Индийского океана, оживленные связи между отдаленными областями самого халифата и торговля с соседними странами — все это сделало к VIII—IX вв. дальние путешествия как бы неотъемлемой частью жизни

* Вводная статья Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева в кн.: «Арабские источники VII—X веков». М.—Л., 1960.

средневековых арабов. Вместе с ростом числа религиозных, торговых, дипломатических и других поездок арабов на расстояния, измерявшиеся тысячами километров, возникла арабская фактологическая «наука о долготах и широтах», а вместе с ней и «наука о путях и государствах».

До IX в. арабские географические сочинения преимущественно излагают личные наблюдения авторов, но затем в арабской географической литературе наступает серьезный перелом, оказавший, в частности, большое влияние и на развитие представлений об Африке. В IX в. арабы знакомятся со многими произведениями античных авторов, в том числе и с географией Птолемея, которую и кладут в основу своих географических трудов и справочников. Где-то в конце VIII — начале IX в. Харун-ар-Рашид создает в Багдаде переводческую коллегию, отправляя экспедиции за греческими рукописями в Византию. В исторически короткий срок переводится почти все сохранившееся к тому времени из античных географических сочинений. В X в. появляются уже весьма серьезные описания «путей и государств», заметно расчищенные от простого нагромождения фактов и сказочного элемента, характерного для произведений ранних арабских путешественников, стремившихся прежде всего поразить читателя невиданными чудесами далеких стран. В том же столетии создается и знаменитый «Атлас ислама», в котором центром мира, конечно, указывается Мекка. После X в. арабские географические труды в основном обобщают накопленные арабами или почерпнутые из античных сочинений знания, лишь дополняя их отдельными новыми сведениями, уточняя и подправляя. Зачастую, однако, возникало совершенно очевидное противоречие между новыми и старыми данными. Как ни странно, но новые сведения излагались обычно без особых попыток увязать их, например, с каноническими и легендарными представлениями исламского учения о земном шаре или с данными географии Птолемея.

Тем не менее географические познания средневековых арабов, в частности об Африке, были поистине огромны по сравнению с географическим кругозором любых народов того времени. Советские арабисты определяют число арабских сочинений IX—XV вв., содержащих сведения об Африке южнее Сахары, в несколько десятков, а Северная Африка, территория халифата, была предметом описания почти во всех арабских географических работах этого времени. В 1916 г. в Вене было предпринято специальное исследование всех известных тогда арабских рукописей, относящихся к Африке. Но наиболее глубокий научный анализ средневековой арабской географической литературы был сделан выдающимся советским ученым, академиком И. Ю. Крачковским. Его капитальный труд «Арабская географическая литература» (1957 г.) позволяет легко определить тот

вклад, который арабские географы внесли в развитие географических представлений об Африке в мировую науку.

Если посмотреть на историю арабских географических открытий и обобщений именно с этой точки зрения, то лишь относительно небольшая часть арабских письменных и картографических источников сыграла существенную роль в развитии представлений об Африке вне арабского мира. Это никак не принижает выдающегося значения арабских географов и путешественников в исследовании Африки, а лишь отводит им должное и весьма достойное место в долгом процессе так называемого открытия Африки. Хотя многие арабские рукописи стали известны европейцам только в XVIII—XIX вв., нельзя забывать, что еще в середине XIX в. европейские книги по географии и истории внутренних областей Африки нередко почти целиком основывались на арабских источниках, как, например, знаменитые в свое время книги Уильяма Кули о Центральной Африке, вышедшие в свет в начале 1850-х годов.

Некоторые сочинения арабских географов все же оказались широко известными вне стран арабского языка уже в XI в. В Европе на протяжении многих веков основным языком, на который переводились эти сочинения, был латинский. Международный язык средневековой Европы давал возможность использовать латинские сочинения и переводы во всех европейских странах, где зарождалась или возрождалась наука. Правда, наиболее ранние переводы арабских географических сочинений на латинский язык касались преимущественно произведений из области общей математической и астрономической картографии.

И. Ю. Крачковский четко провел грань между арабскими географическими сочинениями описательного характера — описаниями путешествий, в форме скорее изящной литературы, и научными трактатами, преимущественно с элементами математической географии и астрономии. Особое место занимают арабские сочинения энциклопедического типа и своего рода путеводители почти служебного характера. Арабские сведения по географии Африки, послужившие опорой для представлений об этом континенте вне мусульманских стран, в основном черпались из описательных сочинений. Это снижало их ценность, вернее степень достоверности, из-за обилия фантастических сообщений, склонности авторов к гиперболе или даже к художественному вымыслу, сказочности.

Никаких следов переводов сочинений арабских путешественников в период раннего европейского средневековья пока не обнаружено. Но с развитием европейских путешествий на Ближний Восток отголоски арабских географических знаний доходят и до Европы. Так, на карте Мартино Сануто в 1321 г. была повторена карта мира из «Атласа ислама» (но с Иеру-

салимом вместо Мекки в центре), на которой показана значительная часть восточного побережья Африки.

Оригиналы арабских географических сочинений и их переводы на европейские языки разделяют, как правило, не менее четырех столетий. Например, одно из наиболее значительных арабских географических произведений XII в., принадлежащее перу ал-Идриси (Эдриси), было сначала воспроизведено по списку с подлинника в типографии Медичи в 1592 г. и лишь в 1619 г. издано в переводе на латинский язык. Арабские географические сведения обычно попадали в европейские страны благодаря путешествиям отдельных культурных и любознательных европейцев по Арабскому Востоку. Так, английский ученый монах-францисканец Аделард из города Бат (Adelard, или Aethelard of Bath), путешествуя по Востоку в 1110—1114 гг., познакомился с трудами ал-Хоризми и частично перевел их. В сочинении Аделарда, датированном 1126 г., приводятся уже арабские взгляды о симметричном делении Земли и некоторые другие географические сведения. Герард Кремонский (1114—1187 гг.) после посещения мавританского Толедо также обогащается географическими познаниями арабов. Не удивительно, что в XIII в. Роджеру Бэкону уже знакомы многие из арабских географических концепций. Известно, что Колумб изучал книгу Пьера д'Айи, архиепископа Комбре (1330—1420 гг.), изданную в 1480-х годах и излагающую ряд арабских географических воззрений. Представления, почерпнутые из арабских географических источников, начинают уступать место новым взглядам только после так называемых великих европейских географических открытий, в особенности после кругосветных путешествий.

В период начала расцвета арабской географии ал-Мамуна создал карту мира, широко использовав данные Птолемея и Марина Тирского. Этой картой в X в. пользовался арабский историк и географ ал-Масуди (Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ибн Али-ал-Масуди, умер в 956 г.), который отмечал, что она лучше известных ему карт Птолемея и Марина Тирского. На карте были показаны весь мир со сферами и планетами, суша и моря, расселение разных народов на Земле. В отношении представлений об Африке труд ал-Мамуны не может, однако, считаться каким-либо шагом вперед. Несмотря на то что в XI в. арабы продвинулись далеко на юг в колонизации восточного берега Африки, в трудах арабов долго сохранялись явные противоречия между географическими фактами и теоретическими представлениями о обитаемости областей жарких климатов. Такие взгляды, развивавшиеся, например, известным арабским географом ал-Хоризми или Мухаммедом Хорезмским (Мухаммед ибн Муса ал-Хоризми, первая половина IX в.), также были своеобразной переработкой воззрений Птолемея. Ал-Хоризми был автором дошедшей до нас карты Нила. Ему же принадле-

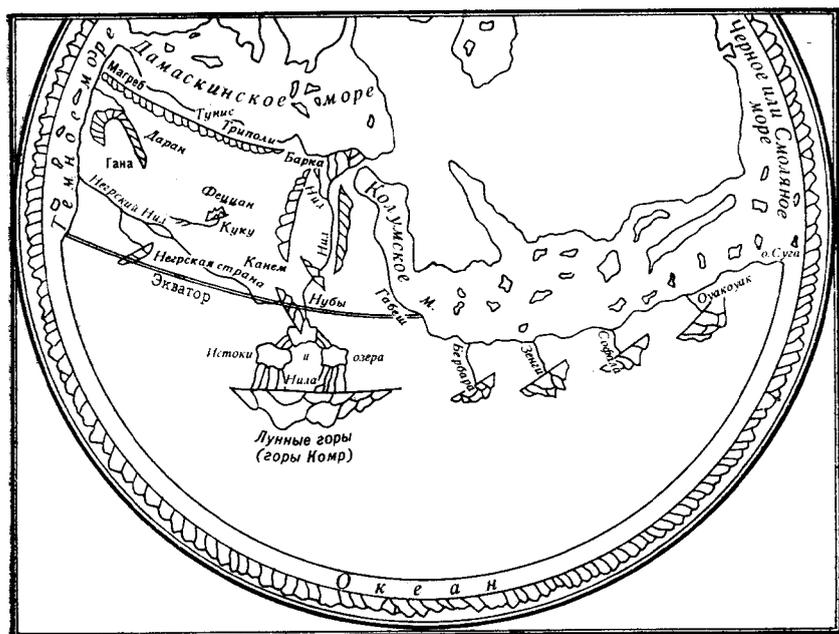
жит «Картина мира» — своеобразный комментарий к карте Птолема, не дошедший до нас, но хорошо известный средневековым ученым. Земля у ал-Хоризми делится на три части: Ауруфи (Европа), Лубийа (Ливия, т. е. Африка) и Ашийа (Азия). Африка у ал-Хоризми — полуостров, с севера омываемый морями Мисра (Египет) и ар-Рума (Рим), т. е. Средиземным морем, с востока и юга — морем ал-Хабаша (Эфиопия), с запада — Зеленым морем, т. е. Атлантическим океаном.

X—XI века — апогей географического изучения Африки арабами. К началу XI в. относится и расцвет творчества ал-Бируни, также уроженца Хорезма. Этот энциклопедически образованный ученый сделал много для преодоления косности в географических представлениях, идущих от Птолема. Он переработал и обобщил почти все, что было возможно в его время по описательной географии, в частности убедительно показал островной характер Африканского материка, и стремился доказать, что южная часть Африки значительно больше, чем это считалось. Взгляды ал-Бируни прочно закрепились в арабской литературе, но, к сожалению, труды ал-Бируни не попали в число тех арабских географических произведений, которые в XI—XIII вв. переводились на латинский язык. Многие сочинения ал-Бируни вовсе не дошли до нас в подлиннике. Но арабский энциклопедист, автор большого географического словаря — Якут (Йакут ибн Абдаллах ар-Руми ал-Хамави, ок. 1179—1229 гг.) включил в свои труды многое из сочинений ал-Бируни. Полностью раскрылось значение работ ал-Бируни только после исследований арабистов в XIX—XX вв.

Еще во времена ал-Бируни арабы достаточно хорошо представляли восточное побережье Африки примерно до 20° ю. ш. В XI в. уже существовали морские лоции по востоку Африки. Эти арабские знания частично связаны и с морскими путешествиями индийцев. В XI в. арабский лоцман Хавашир ибн Юсуф ал-Арики ходил на индийских судах вдоль восточного берега Африки далеко на юг. Сведения о его маршрутах были использованы авторами XII в. и сохранились до времени плаванья Васко да Гамы от Южной Африки в Индию в XV в.

К XI в. относятся и труды крупнейшего арабского географа из числа живших в Испании — ал-Бакри (Абу Убайд Абдаллах ал-Бакри). Подобно многим ученым древности, он был по существу компилятором и даже никуда не выезжал из Испании, хотя сумел дать очень четкое описание всего северного побережья Африки от Марокко до Египта.

Имя уже упомянутого выше ал-Идриси (Абу Абдаллах Мухаммед ибн Мухаммед ибн Абдаллах ибн Идрис ал-Идриси, 1100—1165 гг.) особенно хорошо известно в литературе об арабской средневековой цивилизации. Еще в 1796 г. в Гёттингене была опубликована работа Хартманна, посвященная специ-

Африка по Идриси

ально сведениям об Африке в сочинениях ал-Идриси. И. Ю. Крачковский опроверг широко распространенное мнение о том, что как географ ал-Идриси не продвинулся дальше Птолемея. С ал-Идриси связано появление в географической литературе первых сведений о гидрографии областей Западного (Негритянского) Нила, основанных уже бесспорно на достоверных путешествиях арабов. Именно эти сведения о западном течении Негритянского Нила и о его общих с «Египетским Нилом» истоках и предстояло опровергнуть в последующие века европейским путешественникам. Немало ценного было почерпнуто из сообщений ал-Идриси о древнем африканском государстве Гана и других областях Западной и Центральной Африки. И все же вслед за Птолемеем и даже в противоречии со своими же сообщениями ал-Идриси доказывал, что страны к югу от экватора не могут быть обитаемы и что южная оконечность Африки уходит далеко на восток. Сочинения ал-Идриси в Европе стали известными поздно, видимо, после XVII в., но косвенно они оказали влияние на арабскую и европейскую картографию до XIV в.

В XIV в., когда происходит укрепление мамлюкского Египта, в арабской географии господствуют географы — выходцы из

Северной Африки. Среди них выделяется Ибн-Баттута, занимающий выдающееся место среди путешественников далекого прошлого. Забытый в свое время даже самими арабами, он стал вновь известен только в XVII в., но по-настоящему открыт как географ и оценен европейскими путешественниками и учеными с начала XIX в. С тех пор имя Ибн-Баттуты становится все более и более популярным и ныне стоит в одном ряду с такими именами, как Афанасий Никитин и Марко Поло. Путешествия Ибн-Баттуты по сути дважды оказали влияние на мировую географию, в частности на развитие правильных представлений о многих областях Африки. Эти путешествия теперь подробно описаны на языках многих стран мира.

Ибн-Баттута (настоящее имя Абу Абдаллах Мухаммед ибн Абдаллах ал-Лавати ат-Танджи) родился в Танжере в 1304 г. Первое его путешествие на Восток продолжалось около четверти века. Сначала Ибн-Баттута познакомился со всем североафриканским побережьем — от Танжера до Александрии, затем проплыл по Нилу до Асуана и через пустыню прошел караванным путем до Красного моря, откуда со многими приключениями добрался до Индии. Второе длительное путешествие Ибн-Баттуты началось в 1352 г. и было целиком африканским. Описание именно этого путешествия оставалось вплоть до XIX в. важнейшим источником географических сведений о Западной и Центральной Африке. Пройдя на юг от Марокко через Сиджильмасу, Ибн-Баттута дошел до Томбукту и познакомился с обширным африканским государством Мали. Затем с караваном работяг он прошел на юг через Ахаггар и через Агадес вернулся на север в область Атласа. Таким образом, Ибн-Баттута дважды пересек Сахару по разным направлениям. Это было, очевидно, его последнее далекое путешествие, завершившееся в 1353 г. в городе Фес в Марокко. Ибн-Баттута умер в 1377 г. и был похоронен в Танжере. Его могила сохранилась до сих пор, и автору этих строк удалось посетить ее в 1969 г., отыскав в крутых переходах узких лестниц-улочек средневековой Танжерской Медины.

Описание путешествий Ибн-Баттуты («Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий»), по заключению И. Ю. Крачковского, не собственноручное сочинение путешественника, а литературная запись его рассказов Ибн-Джузайемом, старым другом Ибн-Баттуты. Запись была сделана в 1355 г., а окончательно обработана Ибн-Джузайемом в 1356 г., незадолго до его смерти.

Ибн-Баттута вел рассказ по памяти. Даже если у него и были записи, то в трагических обстоятельствах первого путешествия — кораблекрушения, ограбления и т. п. — они не могли сохраниться. В сочинении много сказочности, но это связано не только с тем, что виденное могло спутаться в памяти Ибн-

Баттуты. В традиции литературы того времени (и не только арабской) было разукрашивать «сухое» изложение событий литературными отступлениями, вставками из других авторов и т. д. Эти приемы широко использовал Ибн-Джузайем. Сам же Ибн-Баттута был к тому же весьма доверчив ко всяким фантастическим сведениям, рассказывал все слышанное и о мифических животных, и полулюдях, и даже джинах.

Ко времени Ибн-Баттуты пересечение Сахары арабскими караванами, торговля с народами, жившими в бассейне Нигера, и другие подобные дальние путешествия почти по всей территории Африки в северном полушарии были уже делом достаточно обычным. Но именно с именем Ибн-Баттуты связано описание этих областей, которое если и не изобиловало географическими подробностями, то во всяком случае характеризовало значительную часть Африки к югу от Сахары как земли, населенные деятельными и трудолюбивыми народами.

В конце XIV — начале XV в. в арабской географической литературе появляются обширные сводки энциклопедического характера об арабском мире. Таков, например, широко известный труд Ибн-Халдуна (Абу Зайд Абд-ар-Рахман ибн Мухаммед ибн Халдун, 1332—1406 гг.). Первая редакция этой средневековой арабской научной энциклопедии относится к 1378 г., но Ибн-Халдун дополнял свое сочинение до самой смерти. Он широко использовал данные из трудов ал-Масуди, ал-Бакри, ал-Идриси и других арабских ученых. Считается, что во многом он воспроизвел произведение, которое ал-Идриси составил якобы по просьбе нормандского короля Сицилии Рожера II (1130—1154 гг.). Труды Ибн-Халдуна сыграли немаловажную роль в уточнении представлений европейцев о Магрибе и особенно Марокко. В отношении других областей Африки работа Ибн-Халдуна дала мало нового по сравнению с трудами его предшественников.

С XV в. в арабской литературе прочно устанавливается каноническая традиция в изложении сведений об Африке, приходящая в полное противоречие с расширением географического кругозора благодаря путешествиям самих арабов и особенно европейцев. XV век — это начало португальских плаваний вдоль западных берегов Африки, а затем и вокруг ее южной оконечности, век проникновения европейцев в различные районы Африканского континента. С этого времени значение новых арабских источников для развития представлений об Африке в мировой науке почти утрачивает свое значение. С арабской географией и картографией связан также выдающийся труд Льва Африканского, о котором будет рассказано после характеристики европейских открытий и исследований Африки в XV в.

Средневековые европейские путешествия и картография

Сведения о проникновении европейцев в Африку в период средневековья очень скудны. Безусловно, и в это время совершались путешествия отдельных европейцев в Северную Африку и другие области континента. Свидетельством таких путешествий служит, например, факт заключения генуэзцами в 1290 г. торгового договора с султаном Египта с правом плавания по Нилу. Известны факты посещения опять же генуэзскими купцами в начале XIV в. района начала караванных путей на Нигер в Южном Марокко. Об этом говорит запись на карте мира, составленной в 1310-х годах Джованни ди Кариньяно. С этим путешествием связывают появление в Западной Европе некоторых сведений о Томбукту* (расцвет которого как важнейшего центра Западной Африки тоже относится к началу XIV в.), а также упоминание на карте Дульсера (1339 г.) названий Дара (уэд Дра в Марокко) и Мелли, т. е. по-видимому, Мали. Все же эти отдельные данные весьма немного способствовали изучению географии Африки и развитию представлений о ней в Западной Европе. Более ощутимыми оказались результаты проникновения европейцев в Северо-Восточную Африку, на чем мы остановимся подробнее.

Как уже отмечалось выше, с начала средневековья изучение Северо-Восточной Африки, точнее, ее внутренних районов, расположенных в основном в пределах современной Эфиопии и сопредельных с нею стран, пошло несколько иным путем по сравнению с исследованиями запада и юга Африки. Можно определить две главные причины этого. Во-первых, в указанные районы Северо-Восточной Африки существовали хорошо известные с древнейших времен пути вверх по Нилу и его притокам или со стороны Красного моря. Во-вторых, в отличие от все более исламизировавшихся Северной, Западной, а позже Центральной и Восточной Африки Эфиопия с IV в. стала тяготеть к христианству, ставшему вскоре официальной религией Аксумского царства. С богатым и сильным Аксумским царством стремился установить дружественные связи Магомет — родоначальник воинствующего исламизма. Еще большее стремление укрепить отношения с христианской Эфиопией проявляли христианские общины на севере Египта, в Сирии и Палестине, Византии, а затем и римские папы, несколько веков лелеявшие мечту ввести Эфиопию в лоно католической церкви.

Интерес к Эфиопии и особенности географического положения страны на изведенных и оживленных сухопутных и морских

* Тенбук на Каталонской карте мира 1375 г.

путях средневекового мира побудили многих европейцев совершить путешествие в Северо-Восточную Африку; таким путем были уточнены географические сведения об этой части Африки, почерпнутые из античной, а позже и арабской географии. Степень изученности европейцами этой весьма удаленной от Европы области и в ранние времена оказалась значительно более высокой, чем любых других внутренних районов Африканского континента. Нередко, однако, новые путешественники не были осведомлены о достижениях своих предшественников, и поэтому именно в эфиопской области Африки многие географические объекты не раз оказывались «открытыми» вновь, как это было, например, с озером Тана.

В христианских странах Европы повышенный интерес к Эфиопии первоначально возник в связи с поездкой первого эфиопского епископа Фремената (Фрументия) в Александрию и вниманием, проявленным к нему и к церковным делам в Аксуме со стороны восточноримского императора Констанция в 350-х годах. Географические сведения, связанные с именем Фремената, в основном совпадают с тем, что уже было известно об Эфиопии. Новые сведения о христианской Эфиопии обычно связывают с распространением в Европе в начале VI в. сочинения Козьмы, прозванного Индикопловом. Его «Христианская топография» — «сумбурная фантазмагория», как удачно выразился Р. Хенниг. Это типичный образец географической литературы раннего европейского средневековья, отражающий регресс географической и вообще научной мысли в то время по сравнению с интеллектуальным расцветом античного времени. Хотя сам Козьма совершил большое путешествие в Индию, давшее ему его прозвище, однако в его описании мира только с огромным трудом можно найти отдельные сведения, ценные для развития достоверных географических знаний в средние века. Козьма Индикоплов побывал в аксумском порту Адулис на побережье Красного моря и сообщил некоторые общие данные об Эфиопии. Они были тщательно изучены в Византии, которая в VI в. продолжала безуспешные попытки установить своего рода унию с этим христианским государством в Африке. Исторические события последующего времени отвлекли европейцев от этой идеи. Постепенно прекратились поездки византийских послов и других европейцев в далекую, но относительно легко доступную Эфиопию. Географические знания об этой части Африки не только не обогащались новыми данными, но до XIII в. Эфиопия почти совсем вышла из сферы географических интересов и христианского, и мусульманского мира.

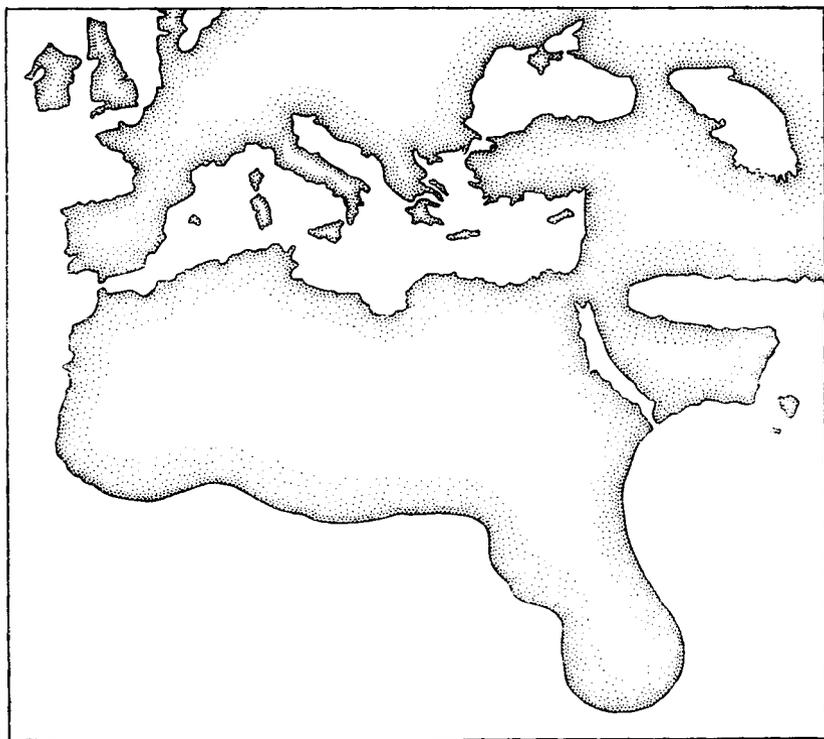
Дальнейшее поступление новых географических сведений о Северо-Восточной Африке особенно тесно связано с поисками на Востоке мифического христианского государства пресвитера (священника) Иоанна. Возникновение этой европейской леген-

ды относят к началу XII в. Вести о могущественном государстве христиан где-то на Востоке и надежда на его помощь в безуспешной борьбе с арабами за обладание Палестиной стали распространяться в Западной Европе после 1145 г. Сообщения о стране христианского царя-священника сопровождалась небывалыми мистификациями. В адрес папы и европейских королей поступали письма от этого царя, якобы полученные из Индии или более отдаленных мест Азии. Эта легенда вызывала множество честолюбивых надежд у средневековых фанатиков идеи распространения христианства по всей земле.

Таинственному государству пресвитера Иоанна и истории его поисков посвящена огромная литература*. Для нас интересно то, что поиски этой мифической страны в течение нескольких веков сыграли большую роль в расширении географических знаний европейцев не только об Азии, но и об Африке. В 1177 г. папа Александр III пишет царю-священнику Иоанну послание, но никто не знал, куда должны были его вести папские послы. Безуспешные поиски легендарного государства в Азии невольно привлекли внимание европейцев к почти забытым сведениям об Аксумском царстве. Если до XIII в. Эфиопия и ее христианская община вообще не упоминаются в средневековой Европе, то в 1492 г. на глобусе Бежайма Эфиопия без всяких сомнений обозначена как страна пресвитера Иоанна. Такая эволюция взглядов произошла постепенно.

В начале XIII в. в Иерусалиме стали все чаще появляться эфиопские христиане-священники, основавшие здесь даже свою часовню. Появление у «святых мест» в Палестине темнокожих христиан вызвало сначала любопытство к этим людям, а затем и к их стране. Уже в середине XIII в. монахи-доминиканцы дали описание пути в Эфиопию по Нилу и затем через горы до Асмары и далее в другие города страны вплоть до центральной провинции Эфиопии — Шоа. В этих первых известиях о средневековой Эфиопии содержатся многочисленные точные сведения о расстояниях между населенными пунктами и другими географическими объектами. Любопытно, что сама страна именуется африканской Индией, в чем слышится отголосок надежды, что государство царя-священника все-таки в Индии. В XIII в. не раз папские буллы адресовались правителям и народу Эфиопии, но ничего о судьбах возможных папских посланцев в эту страну неизвестно. Около 1315 г. доминиканский монах Гийом Адан во время своего путешествия в Восточную Африку из Адена побывал на территории Эфиопии. Само по

* В 1970 г. советский историко-географ Л. Н. Гумилев в книге «Поиски вымышленного царства» несколько по-новому рассмотрел версию о том, что таким государством могли считаться христианские общины в средневековой Монголии и Китае.

Африка на Лаврентийском портулане

себе это путешествие было весьма примечательным, так как Адан продвинулся на юг Африки дальше, чем кто-либо из его европейских предшественников — до Софалы в Мозамбике (20° ю. ш.). Но географические представления европейцев мало чем обогатились в результате поездки Адана. Его, как и других монахов в этот период, интересовали не географические сведения, а перспективы расширения границ христианского мира. Только в самом конце XIV—начале XV в. несколько облегчилась возможность проезда христиан в Эфиопию через Египет, учащаются поездки европейцев в эту страну и эфиопов в Европу и быстро растет правдоподобная географическая информация о Северо-Восточной Африке, рассмотренная ниже в III главе.

Еще задолго до того, как португальские плавания вдоль побережий Африки позволили наконец правильно представить очертания континента и его площадь, в западноевропейских странах было сделано несколько интересных попыток картографического изображения Африки. Исключительной загадкой в истории географического изучения Африки остается до наших

дней вопрос о происхождении так называемого Лаврентийского портулана — морской карты, принадлежавшей флорентийскому правителю и меценату Лоренцо Медичи (1449—1492 гг.). Эта карта входила в сборник карт в библиотеке Медичи и была датирована 1351 г. Удивительно то, что на «Лаврентийском портулане» впервые в истории форма Африканского материка, хотя и с сильными искажениями, приближается к истинной конфигурации Африки. Дата изготовления портулана не вызвала сомнений у тех, кто его исследовал. Историкам не удалось установить, что же послужило источниками информации для автора этой карты. На портулане есть, например, название Гануя, показанное там, где его закономерно отождествить с названием Гвинея. Между прочим, «Гануя» фигурирует также на карте Пицигано (1367 г.) и на упоминавшейся Каталонской карте мира, отнюдь не отличающихся правдоподобием в изображении материковых очертаний*.

Только предположение о том, что «Лаврентийский портулан» был подправлен столетие спустя после его изготовления, могло бы объяснить появление на нем почти правильных очертаний Африки, неизвестных в Европе в середине XIV в. Но подобная конфигурация Африканского материка известна и на европейской карте мира, составленной в 1415 г. Альбертином Вирга, т. е. тоже еще до начала португальских плаваний к берегам Юго-Западной Африки. Карта Вирги могла быть порождена «Лаврентийским портуланом», а это исключает мысль о том, что он был подправлен столетие спустя. Если же портулан все-таки был подправлен, то что тогда послужило источником Вирге? Допустить случайную удачу в догадке картографа, тем более дважды, если доверять дате «Лаврентийского портулана», представляется слишком смелым утверждением. Загадка остается. И все же очевидно, что по крайней мере к началу XV в. в Европе стали понимать, что и Южная Африка, которой фактически как бы не «существовало» до конца средневековья в представлении народов, постоянно общавшихся с европейцами, не менее обширна, чем северная часть Африки. Открытие береговой линии Африки европейскими мореплавателями в XV в. положило конец догадкам и умозрительным заключениям о форме и размерах Африканского континента.

* Не исключено, правда, что это название взято из испанской «Книги познания» (1345—1350 гг.) — географии мира, написанной почти как произведение художественное. В этой книге Гвинея фигурирует не как прибрежная африканская страна, а как область внутри Африки примерно на месте Западного Судана.

ГЛАВА 2

УСТАНОВЛЕНИЕ ОЧЕРТАНИЙ АФРИКАНСКОГО МАТЕРИКА В XV в.

Первые открытия португальских мореплавателей у берегов Африки

1415 г. принято считать исходной датой начала португальского движения на юг вдоль побережья Африки. 21 августа этого года португальцы высадили десант и захватили североафриканский порт Сеута. В рейде участвовал молодой принц Энрики (1394—1460 гг.). Удачный рейд имел многие далеко идущие последствия. Впервые со времени арабского завоевания стран Магриба европейцам удалось закрепиться на африканском побережье. У арабских халифатов не оказалось сильного регулярного флота, а пираты в те времена, да и позже не нападали на военные эскадры. Европейских купцов принимали в портах африканского побережья, но торговые пути в глубь континента были монополией арабских торговцев. Захват Сеуты дал португальцам военную и торговую базу и открыл доступ к ценной информации о внутренних районах Африки. Сведения о сказочных землях внутренней Африки (Мали и Гвинея), откуда шли караваны, груженные золотом, заразили принца Энрики жадной географических открытий.

Анализируя конкретные предпосылки португальских морских экспедиций к берегам Африки, можно выделить внешние и внутренние факторы, позволившие португальцам сыграть особую роль в эпохе Великих географических открытий европейцев. К внешним факторам относятся: 1) расцвет феодализма; 2) создание системы внутриевропейских торговых связей и рост торговли с Востоком; 3) постоянные войны и угроза турецкого нашествия; 4) научно-технические достижения эпохи Возрождения; 5) неподготовленность конкурирующих держав.

К XV в. феодализм в большинстве стран Западной Европы достиг полного расцвета: наряду с четко оформившимися ремесленными цехами начали появляться зачатки мануфактуры, углублялось разделение труда между промышленностью и сельским хозяйством, городом и деревней. Росли крупные по тому времени города — центры торгового обмена в масштабах многих стран, и складывалась сеть постоянных сухопутных, речных и морских торговых путей. Морские пути связывали порты Индонезии и Индостана с городами Ближнего Востока, откуда традиционные восточные товары — пряности и украшения, шелк и фарфор — доставлялись в европейские страны.

Рост торговых оборотов и операции банкиров, уже тогда охватившие многие страны Европы и некоторые арабские портовые города Средиземноморья, требовали все большего количества золота. Эту проблему обострял постоянный пассивный баланс в торговле с Востоком при скудости месторождений золота и серебра в Европе. Выделение правящей верхушки, как прямое следствие развития феодализма, рост расходов королевских дворов, частые войны требовали постоянного увеличения доходов. Налоги были доведены до предела, но они давали слишком мало золота, необходимого для покупки иноземных товаров. «Презренная жажда золота» была важнейшим побудительным мотивом для путешественников этой эпохи.

Важной чертой социально-экономического развития эпохи Возрождения был общий подъем науки и техники. Для моряков важнейшее значение имело применение компаса и компасных карт — портуланов. В эту эпоху арабами были усовершенствованы компас, угломерная линейка, астролябия, квадрант, которые через испанских и португальских купцов стали известны европейцам. Главной трудностью, особенно в южном полушарии, оставалось (вплоть до усовершенствования хронометра в XVIII в.) определение долготы. В конце XV в. португальцы стали использовать таблицы склонения полуденного солнца. Самые известные из них — «*Almanach Perpetuum*» («Постоянный Альманах») профессора астрономии Саламанкского университета Авраама Закуто (1473—1478 гг.). Эти достижения имели общеевропейское значение, однако первой ими воспользовалась Португалия.

Вероятные (и будущие!) конкуренты Португалии, активно соперничавшие с ней в конце XV—XVII вв., были в начале XV в. заняты внутренними смутами и внешними войнами. Испания еще не завершила реконкисты: на юге Пиренейского полуострова до 1492 г. существовал последний мавританский оплот — Гранадский эмират. Само Испанское государство еще не сложилось: династический брак кастильской королевы Изабеллы и арагонского короля Фердинанда состоялся лишь в 1479 г. И до конца века Испания большей частью только

нарушала «монопольные права» португальцев в работорговле на африканском побережье. Колумбу потребовалось немало лет и поддержка кадисских купцов и судовладельцев, чтобы убедить испанских монархов пойти по новому океанскому пути.

При благоприятных внешних условиях особое значение приобрели внутренние предпосылки: 1) выгодное географическое положение Португалии на юго-западной оконечности Европы; 2) сравнительно ранняя консолидация Португальского государства; 3) расовая и религиозная терпимость в XII—XV вв.

В 1249 г. с завоеванием южной области Алгарви Португалия закончила реконкисту почти на два с половиной века раньше, чем Испания. В Португалии была сравнительно слабо развита крепостная зависимость, в XIV в. были уничтожены наиболее тяжелые ее формы и повсеместно распространились денежные повинности. В борьбе с феодалами королевская власть опиралась на мелкопоместное служилое дворянство, купечество, ремесленников. Король Диниш I поощрял строительство кораблей и морскую торговлю. Не меньшее значение имела расовая и религиозная терпимость. Португальская нация сложилась в результате смешения многих народов, в том числе финикийцев и вестготов, арабов и берберов. До эры инквизиции оставался еще век.

Все эти предпосылки способствовали деятельности главного организатора португальских исследований — принца Энрики, известного под именем Генриха Мореплавателя. Мореплавателем его назвали 500 лет спустя, в XIX в., что совсем не отражает многогранности его замыслов и деятельности. К тому же он участвовал лишь в каботажных плаваниях во время военных рейдов в Марокко.

В Сеуте Энрики соприкоснулся с африканским миром, узнал о караванах, пересекающих Сахару и приходящих с золотом и слоновой костью; Томбукту и Гвинея до середины XV в. были легендарными названиями для европейцев, но реальностями для мавританских купцов. Вернувшись из похода, Энрики решил посвятить свою жизнь достижению недоступных ранее для европейцев африканских земель.

Можно много спорить о мотивах, которыми руководствовался принц Энрики и те капитаны, которых он посылал к берегам Африки. Несомненно, что стремление к открытию новых земель и распространению христианства среди «диких» народов переплеталось с жадной жаждой золота и обогащения любимыми средствами.

Португальский хронист Гомиш Эанниш Азурара, современник принца, писал о пяти мотивах, которыми руководствовался Энрики: 1) «Желание узнать страну, лежащую за Канарскими островами и мысом Бохадор»; 2) развить выгодную торговлю; 3) разведать, как далеко распространяется власть неверных; 4) разыскать христианского монарха Иоанна; 5) послать мис-

сионеров с тем, чтобы «подчинить себе те души, которые будут спасены»*.

Один из мотивов, которым принц Энрики руководствовался скорее всего во второй половине своей деятельности, — поиски легендарного царства христианского царя-священника Иоанна. Эти поиски велись европейцами и в Азии, и в Африке с эпохи раннего средневековья. К XV в. государство царя-священника чаще всего помещали в Восточной Африке, а нередко на всей ее южной оконечности. Дух крестовых походов и реконкисты был еще жив в Португалии, и соревнование за души и земли язычников, стремление установить прямые связи с единоверцами, зайти в тыл арабам и туркам-османам сыграли определенную роль и облегчили задачу принцу Энрики.

Для претворения в жизнь его планов требовались деньги, знания, корабли, люди. И здесь полностью проявился организаторский талант Энрики — всесторонняя и тщательная подготовка экспедиций, проведенная им, заложила фундамент для всех португальских открытий и дала пример другим государствам той эпохи.

Принц Энрики потратил на подготовку и проведение экспедиций и свое состояние, и крупные доходы ордена Христа, великим магистром которого он стал. Энрики тщательно собирал все сообщения купцов, отчеты моряков, карты, астрономические таблицы — все, что было необходимо для успеха экспедиций. Удалившись на мыс Сагриш**, принц Энрики основал там школу космографии, астрономическую обсерваторию и морской арсенал. Он приглашал на службу математиков, картографов и мастеров по навигационным приборам. Среди них наиболее известен Жафуду Крешкиш, отец которого был по-видимому составителем знаменитой Каталонской карты мира (1375 г.).

Уже в ходе плаваний португальцы наладили постройку специального типа парусного корабля — каравеллы (в отличие от гребной галеры, бывшей до XV в. основным кораблем Средиземноморья). Со второй половины XV в. каравелла — это трехмачтовое судно со сравнительно острыми обводами и косым парусным оснащением. Португальские каравеллы были легки (водоизмещением не более 200 т), быстры (до 12 узлов при попутном ветре), свободно маневрировали даже при неблагоприятном ветре, и поэтому были особенно удобны для плаваний вдоль неизвестных берегов, когда за любым изгибом неизвестного берега перед кораблем могли неожиданно возникнуть скалистые рифы или длинные отмели. Каравелла была основным кораблем при исследовании береговой линии Африки.

* Г. Харг. Морской путь в Индию. М., 1959, стр. 36.

** 37° с. ш., в нескольких километрах к юго-востоку от мыса Сан-Висенти, крайней юго-западной точки Европы. С 1438 г. и до смерти Энрики обсерватория была исходным пунктом португальских экспедиций.

Средства и каравеллы, карты и приборы — всем этим обеспечил принц Энрики своих моряков, но руководить экспедициями должны были живые люди — капитаны и кормчие, и тут, по общему мнению историков, принцу очень не везло. Многие плавания не приносили новых открытий. Их руководители гораздо больше думали о наживе или просто о сохранении своей жизни, чем об основных задачах плаваний. Приходилось прибегать к помощи наемников-иноземцев и рыцарей из собственного окружения, так как во времена Энрики профессиональные моряки-португальцы в большинстве не отличались особой отвагой, когда им поручались плавания в неизведанных водах. В итоге многочисленные дорогостоящие экспедиции к берегам Африканского материка за все 45 лет португальских плаваний, начиная с 1415 г., не намного расширили географические знания европейцев о западном побережье Африки по сравнению даже со сведениями, в основе которых лежали сообщения о плавании Ганнона в VI в. до н. э. Португальцы XV в. к моменту смерти принца Генриха проникли только до Сьерра-Леоне или, как гласит надпись на портале Сагриша, до «8 градуса северной широты».

Для объяснения таких темпов можно лишь сказать, что португальцы, как и большинство европейцев, привыкли к каботажному плаванию, когда в течение дня берег все время остается перед взором кормчего и, что еще важнее, когда весь путь был досконально известен.

Путь на юг был прыжком в неизвестность тройне: по левому борту — берег, негостеприимный, лишенный каких-либо опорных пунктов. По правому борту — морская бездна, случайно удалиться в нее — неминуемая гибель в открытом море от жажды, голода и других напастей. Впереди — неизвестность, полная призраков невежественного воображения.

Эти призраки, к сожалению, лежали и в основе представлений образованнейших людей древности: Аристотель в «Метеорологии» описывал тропическую зону в целом и земли Африки к югу от Марокко как необитаемые и непригодные для жизни из-за жары. Помпоний Мела также считал, что умеренные части южной части земли недоступны из-за жары в промежуточной зоне. Еще более весомый авторитет для правоверных католиков-португальцев — святой Августин учил, что жаркая зона населена неведомыми зверями и существами.

Моряков особенно пугали легенды о «свернувшихся морях», где застывшие воды останавливают и затягивают корабли, о магнитных горах, морских чудовищах и таинственных символах, обозначавших пределы досягаемого мира. Таким символом считали мыс Нон, или Нан ($28^{\circ}47'$ с. ш.), из-за его совпадения с португальским «нет», хотя скорее всего он был назван арабами благодаря его форме, напоминающей арабскую букву

«нун». Однако реальным препятствием стал мыс Бохадор (26° 7' с. ш.)*.

Неизвестно даже, когда и кто из португальцев обогнул мыс Нон (вероятно, это произошло не ранее 1416 г.), а мыс Бохадор надолго задержал движение мореплавателей. Бохадор — это песчаная банка, сравнительно далеко выдающаяся в море, с сильным прибоем и прибрежным течением, идущим на юг. Удобному каботажному плаванию наступал конец, надо было удаляться в открытое море и неизвестно еще, позволило бы течение вернуться на север.

В связи с этими реальными трудностями плаваний в незнакомых водах не следует чрезмерно переоценивать роль мифических опасностей в конкретных экспедициях XV в. Вполне возможно, что капитанов, кормчих, команду гораздо больше беспокоил недостаток свежей воды и пищи, слабая вероятность их пополнения на неизведанных и пустынных берегах, наконец, общая неопределенность поставленной перед ними задачи — открытие неведомых земель, когда многие их предшественники вернулись с пустыми руками, и все эти плавания считались в Португалии пустой тратой денег и вызывали лишь насмешки. Поэтому вряд ли стоит особенно осуждать этих моряков за их недостаточно быстрое продвижение на юг: пройдет всего один век, и португальские каравеллы достигнут в 1518 г. островов Японии, неизвестные мореплаватели оставят корабельные пушки на северном побережье Австралии, а португалец Магеллан начнет свое кругосветное путешествие.

Исследование неизвестной европейцам части береговой линии Африки заняло примерно 85 лет. Его начало можно датировать 1416 годом, когда к берегам Марокко была послана первая исследовательская экспедиция, а завершение — 10 июня 1499 г., когда в устье Тежу вернулись из Индии корабли Васко да Гамы. Годы активной деятельности прерывались по разным причинам еще более продолжительными периодами затишья. Всего, по нашему мнению, можно выделить семь периодов активного продвижения португальцев и шесть периодов затишья**. Для этих периодов были характерны различия в основных целях исследования, одни мореплаватели, сменяя других, выходили на авансцену истории, неодинаковые причины обуславливали время наступления и длительность перерывов. Для удобства читателя и последующего изложения приведем сводную хроно-

* В португальском языке до сих пор бытует пословица: «Quem passe a Cabo de Naõ, ou topeo, ou paõ» (Кто пройдет мыс Нет, тот вернется, либо нет).

** Дж. Бейкер в «Истории географических открытий» выделил (стр. 76) лишь пять этапов; однако в первых этапах он объединил и периоды активного продвижения вперед и затишья, а в заключительных выделил лишь активные периоды, что, по нашему мнению, несколько нарушает стройность и логичность изложения.

Хронологическая таблица португальских исследований берегов линии Африки

Периоды активной деятельности

Периоды затишья

№ п/п.	Годы и продолжительность	Основные достижения	Руководители основных плаваний	№ п/п.	Годы и продолжительность	Основные причины
I	1416—1419, 3 года	Учебные плавания. Вторичное открытие о. Мадейры.	Гонсалу Велью Кабрал, Жуан Зарку, Триштан Тейшейра.	I	1419—1431, 12 лет	Накопление средств и знаний. Освоение Мадейры
II	1431—1436, 5 лет	Обойден м. Бохадор Открыта бухта Рио-де-Оро.	Жил Эанниш, Афонсу Балдая.	II	1436—1441, 5 лет	Война в Марокко. Долги
III	1441—1448, 7 лет	Пройдено Сахарское побережье. Открыто устье р. Сенегал, м. Зеленый и м. Верга (10° с. ш.)	Нунью Триштан, Лансароти, Диниш Фернандиш.	III	1448—1455, 7 лет	Война с Кастилией. Долги
IV	1455—1462, 7 лет	Открытие о-вов Зеленого Мыса. Открытие побережья Сьерра-Леоне и Перцового Берега	Альвизе да Кадамосто, Педру ди Синтра.	IV	1462—1470, 8 лет	Смерть принца Энрики. Война в Марокко
V	1470—1474, 5 лет	Исследование Гвинейского залива. Открытие Берега Слоновой Кости, Золотого Берега и Невольничьего Берега. Достигнут м. Катарина.	Фернан Гомиш, Рун ди Сикейра.	V	1475—1482, 8 лет	Война с Кастилией
VI	1482—1488, 6 лет	Открыта береговая линия от устья Конго до устья Грейт-Фиш. Открыта южная оконечность Африки.	Диогу Кан, Бартоломеу Диаш.	VI	1489—1497, 9 лет	Война в Марокко. Смерть короля Жуана. Подготовка к экспедиции.
VII	1497—1499, 2 года	Открыта береговая линия от устья р. Грейт-Фиш до афроарабских городов Юго-Восточной Африки.	Васко да Гама.			

логическую таблицу. Из 85 лет примерно 35 лет приходится на периоды активной деятельности и 50 лет — на периоды затишья, вызванные чаще всего войнами с Кастилией, в Марокко, внутренними неурядицами и сменой основных целей исследования.

В течение первых четырех этапов исследования велись под руководством принца Энрики, однако сам он ни разу не возглавлял ни одно экспедиционное судно — и это одна из причин медленного движения на юг и одна из интересных психологических загадок, которыми богата история географических исследований*.

Сведения обо всех путешествиях очень скудны; до нас не дошли подлинники или копии отчетов руководителей португальских экспедиций. Возможно, они погибли во время знаменитого землетрясения, разрушившего Лиссабон в 1776 г. Поэтому все данные о путешествиях получены, как правило, из вторых рук. Это неизбежно привело к утрате множества важных сведений даже о таких крупнейших экспедициях, как плавание Диогу Кана и Бартоломеу Диаша, не говоря уж о многих других.

В сохранении некоторых фактов той эпохи основная заслуга принадлежит португальским хронистам, в особенности Гомишу Азураре и Жуану ди Баррушу. Азурара был современником принца Энрики и в его «Хронике открытия и завоевания Гвинеи» прослежены путешествия с 1416 по 1453 г. Жуан Барруш в своих «Декадах—Азия» подробно описал основные этапы достижения Индии.

Диогу Гомиш и Альвизе Кадамосто сами возглавляли экспедиции к африканским берегам. Гомиш продиктовал рассказ о своих открытиях Мартину Бехайму по-португальски, а до наших дней дошел лишь латинский перевод «Хроники Диогу Гомиша», где приведены его отчеты о «Новооткрытых островах в Западном Море-океане».

Больше всех «повезло» итальянцу Альвизе Кадамосто: сохранились изданные в Базеле на латыни и в Венеции по-итальянски его книги «Плавание к неведомым землям» и «Плавание капитана Пьедро да Синтра Португальского». В первой из них Кадамосто очень четко охарактеризовал берега, течения и на-

* Поскольку историки лишь с сожалением констатируют этот факт, мы можем только указать, что дело не в личной храбрости (Энрики неоднократно участвовал в войнах, в частности руководил португальскими войнами во время войны в Марокко в 1437—1441 гг.). Возможно, принц опасался, что случайная гибель может положить конец всем исследованиям и окончательно дискредитировать их в глазах португальцев (а реальность этого была очень велика: экспедиции считали пустой тратой средств и это вызывало всеобщее недоброжелательство вплоть до... первых успехов в работорговле!). Возможно также, что сан Великого магистра ордена Христа — полумонашеской, полувоенной организации, которую принц возглавлял с 1420 г., — был несовместим с участием в дальних плаваниях.

правления ветров у западноафриканского побережья и, возможно, впервые описал Южный Крест. Очень интересны и его этнографические характеристики африканцев. Вторая книга — единственный источник об открытиях ди Синтра.

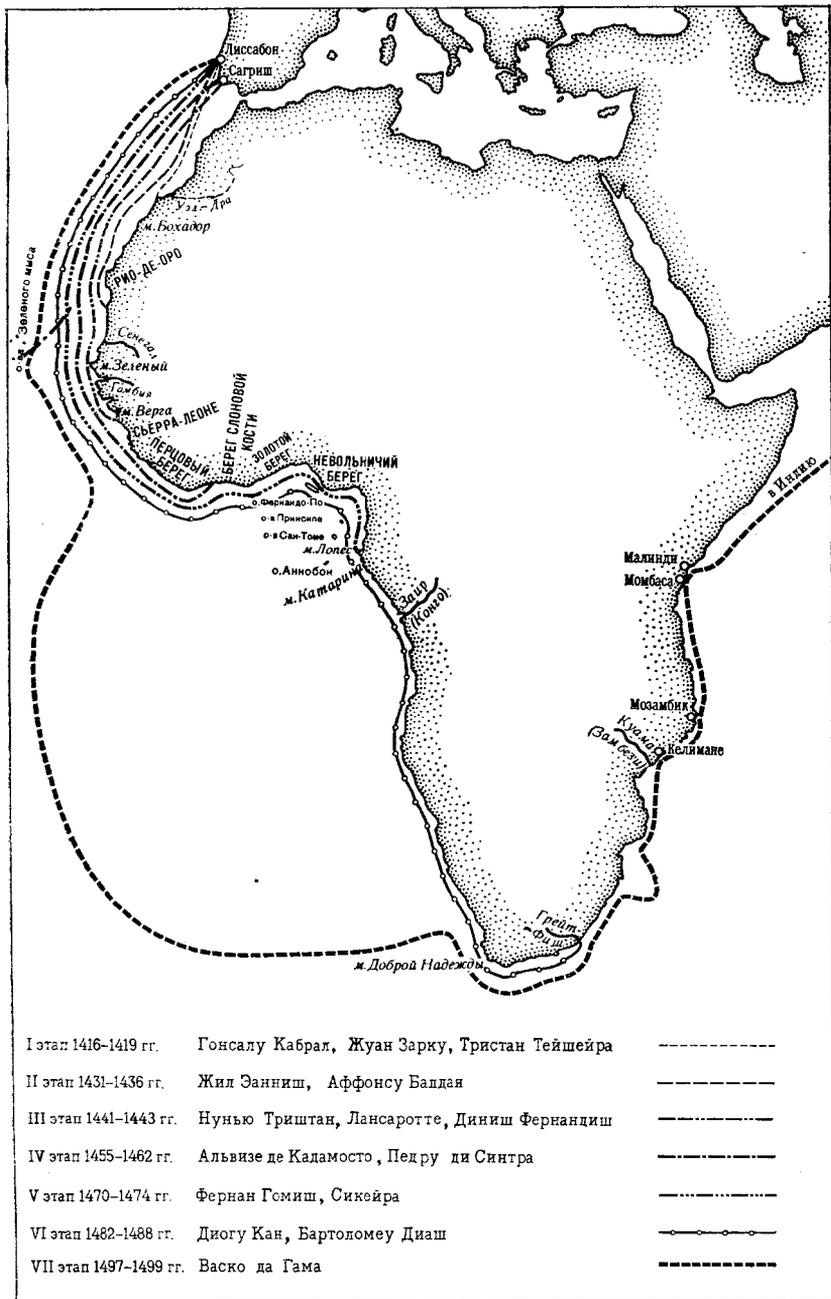
Первый период можно было бы назвать учебным. Португальцы только осваивали корабли, навигационную науку, искусство мореплавания. Когда моряков уносило бурей в открытое море, как это случилось с кораблями Жуана Гонсалвиша Зарку и Триштана Тейшейры (1418 г.), все на каравелле теряли голову от страха. Мыс Бохадор был главной преградой, преодоление которой знаменовало собой окончание пригготовительного класса в школе открытий. Он оставался непобежденным еще долгие годы.

Первую из известных экспедиций возглавлял Гонсалу Велью Кабрал в 1416 г. Пройдя небольшое расстояние вдоль неизвестного берега Марокко в поисках «золотой реки» и достигнув примерно устья Уэд-Дра, экспедиция вернулась обратно. Результаты были весьма скромны: выяснили причину и степень опасности сильного прилива на южном берегу и достигли тех местностей, куда ездили карфагенские купцы за золотом. Когда спустя два года, в 1418 г., корабли Зарку и Тейшейра впервые посетили Мадейру и Порту-Санту, это стало реальным успехом принца Энрики.

Разведывательные экспедиции прекращаются на целых 12 лет, корабли перевозят на осваиваемые острова людей, скот, припасы. Мореходы обретают опыт плавания в открытом океане, а сами острова уже 30 лет спустя становятся важной базой для дальнейших экспедиций: с 1450 г. корабли, идущие на юг, набирают здесь свежую воду и пополняют запасы продовольствия. Принц Энрики собирает средства, изучает рукописи и карты, в частности привезенные братом Педру, который за девять лет объездил почти все западноевропейские государства. Среди подарков, полученных Педру, была морская карта датчанина Клавдия Клавуса, составленная в Италии незадолго до 1427 г.

Изучение этой и других карт Атлантики, которые в ту эпоху были заполнены многими мифическими островами, и, вероятно, успехи в освоении Мадейры привели к тому, что II период исследований был начат не со «штурма» неприступного мыса, а с открытия Азорских островов.

«Поскольку принц Энрики, — говорится в хронике Диогу Гомиша, — хотел собрать сведения о более далеких частях Западного океана, чтобы выяснить, нет ли за пределами мира, описанного Птолемеем, какого-нибудь острова или материка, послал он однажды каравеллы искать землю. Они отплыли и нашли землю в 300 часах пути на запад от мыса Финистерре. Когда моряки узнали, что дело идет об островах, они высадились на них и нашли их необитаемыми. Они прошли его весь

Открытие береговой линии Африки в XV в.

и нашли там много ястребов (аçores) и других птиц. Потом они посетили второй остров, который называется теперь Сан-Мигел... С этого острова они увидели третий...» *.

Остальные острова были открыты Кабралом и другими мореплавателями в течение следующих 30 лет, когда шло активное заселение и освоение островов. Уже первые две каравеллы имели на борту домашний скот, птиц, семена пшеницы. А через несколько лет острова обеспечивали себя продовольствием и вывозили зерно и скот в метрополию.

Этот успех помог дальнейшим исследованиям в Африке, и наконец в 1434 г. приближенный принца Жил Эанниш обгибает мыс Бохадор. «Уже много раз посылал инфант корабли на разведку, — писал хронист Фариа-и-Соуза, — но ни разу они не заходили за мыс Бохадор...» Жил Эанниш следовал тем же путем, что и другие, и поддавался тем же страхам. Он дошел только до Канар, где захватил пленников, и вернулся в королевство. Это произошло в 1433 г. На следующий год принц снарядил такой же корабль и стал «серьезно увещевать Жила Эанниша к тому, чтобы обогнуть мыс... Он... обогнул мыс в этом плавании и нашел по другую его сторону земли, которые были совсем иными, чем предполагал он сам и все остальные. И хотя обогнуть мыс оказалось делом совсем не трудным, тогда это рассматривалось все же как величайший подвиг» **.

Эанниш переименовал мыс из *Bojudor* (выпуклый) в *Bóiadar* (буй, поплавок), привез принцу цветы, росшие на побережье за мысом, и был награжден. Одно из главных психологических препятствий было преодолено, плавание на Мадейру и Азоры приучали к навигации в открытом море, путь на юг был открыт.

На этом этапе было совершено лишь еще одно важное плавание. После того как в своем третьем плавании (1435 г.) Эанниш вновь обогнул мыс Бохадор и, пройдя несколько южнее, нашел следы лошадей и верблюдов, принц в 1436 г. послал Аффонсу Гонсалвиша Балдая для поисков людей и золота. Дойдя почти до Северного тропика, Балдая нашел обширную бухту, которую принял за устье легендарной «золотой реки» и назвал ее Риу-ди-Ору (Рио-де-Оро). Ни золота, ни других богатств в этой пустынной местности португальцы не нашли, однако разведка на побережье показала, что местность отнюдь не безлюдна и дальнейшие поиски оправданны. Но в том же году началась война в Марокко, и принц Энрики был послан туда командовать войсками. В этой войне удача не сопутствовала принцу Энрики. Его казна была истощена, и перерыв до 1441 г. оказался неизбежным.

* *J. Mees. Histoire de la découverte des îles Açores. Gent, 1901, p. 125—128.*

** *M. de Faria y Souza. Epitome de las historias portuguesas. Lisboa, 1628, cap. XV.*

Выход португальцев к побережью Гвинейского залива

На предыдущем этапе был преодолен трудный психологический рубеж (мыс Бохадор), но перед мореплавателями по-прежнему открывался пустынный берег, и многочисленные экспедиции приносили пока одни убытки. Казна принца была не столь обильна, и плавания к новым берегам могли прекратиться. А о величине затрат можно судить по тому факту, что лишь за 1441—1446 гг. была снаряжена 51 каравелла! Достижения экспедиций в течение III периода показали португальцам и прямую выгоду географических открытий.

Несомненно, главным действующим лицом при исследовании Африки в 1441—1448 гг. был Нунью Триштан. В своей первой экспедиции он вместе с Антаном Гонсалвишем обследовал побережье от Рио-де-Оро до мыса Кабо-Бланко (20° 45' с. ш.). Чем дальше на юг, тем безотрадней становилась пустыня. Решающее значение и для этого этапа открытий, и для дальнейшей истории Африки имела встреча севернее мыса Бланко, где португальцы захватили несколько чернокожих африканцев, которые и были привезены в Лиссабон. Ясное различие между маврами и неграми доказало европейцам, что существует негроидная раса. «Лиссабонцы, — писал Барруш, — с удивлением взирали на первых черных рабов с курчавыми волосами, которые резко отличались от мавров с их темно-коричневой кожей».

Португальские купцы быстро поняли потенциальные выгоды работорговли, и уже в 1443 г. принцу Энрики были предоставлены права на монопольное судоходство к югу от мыса Бохадор, а в 1444 г. образована «Компания для торговли с Западной Африкой». В 1443 г. Нунью Триштан в своем втором плавании прошел немного южнее мыса Бланко и открыл залив Арген. Острова в заливе были открыты Лансароти (Лансеротте) в 1444 г. и Гонсалу ди Синтра в 1445 г. Синтра был убит в стычке с маврами на острове Наар (ныне, видимо, Серени).

Это столкновение было не случайным. Остров и бухта Арген были известны арабам не менее чем за 200 лет до португальцев, так как они были важным торговым центром, снабжавшим солью бассейн Нигера. Купцы Северной и Западной Африки издавна наладили обменную торговлю, и караваны, нагруженные солью, шли в Томбукту. Торгово-стратегическое значение быстро оценили португальцы: в 1448 или 1449 г. «Компания для торговли с Западной Африкой» воздвигла на острове форт, остававшийся в руках португальцев до 1637 г., когда он был захвачен голландцами.

Но не соль, а живые люди — африканцы стали основным предметом торговли для португальцев. Триштан при открытии

острова Арген напал на рыбаков, доверчиво вышедших навстречу португальской каравелле на своих лодках из цельного дерева. Триштан захватил и продал в Лиссабон в рабство 29 пленников, чем и положил начало португальской работорговле. Поэтому, например, серьезным успехом экспедиции Лансароти в 1444 г. сочли живую добычу — 235 рабов.

Теперь перед капитанами каравелл была реальная цель — захват людей. Принц Энрики отнюдь не препятствовал охоте на рабов, что, конечно, кладет несмываемое пятно на его деятельность. Известно также, что он поощрял дрессировку собак для охоты за людьми и не наказывал капитанов, которые пытали негров, чтобы выведать тропы, ведущие к их селениям.

Итак, в погоне за рабами португальцы стремились дальше на юг. Сопоставив старинные карты, арабские рукописи и сообщения пленных африканцев, принц Энрики сообщил Лансароти для его кормчих как опознавательные знаки (предполагаемого западного рукава Нила, который предстояло открыть), так и название реки, которая у них именуется Санагой (Сенегал?).

Действительно, в 1445 г. Лансароти во главе целой эскадры достиг устья большой реки, названной Санага*. Название это было известно и арабам, и европейцам гораздо раньше: в «Атласе» Медичи (1351 г.) есть царство «Сенегани», а ал-Бакри (XI в.) упоминает о нем под названием «Санагхана», или «Сангхана». Первые успехи работорговли, открытие «Западного Нила» вызвали крутой поворот в общественном мнении Португалии по отношению к экспедициям принца. Одним из первых рискнул своими деньгами состоятельный лиссабонец Диниш Фернандиш. Получив у принца разрешение на открытия, он снарядил каравеллу за свой счет, и, «добываясь скорее славы, чем выгоды в своем плавании, он достиг реки Санага... и захватил несколько африканцев. Не удовлетворившись этим, Фернандиш повел судно далее и открыл под 14° с. ш. Кабу Верди (мыс Зеленый). Здесь воздвиг он на суше деревянный крест и, весьма удовлетворенный, пустился в обратное плавание**.

Открытие мыса Зеленого — крайней западной оконечности Африки само по себе было одним из важнейших достижений этого этапа. Но особое удивление в Европе вызвала сравнительно скудная для Тропической Африки растительность: несколько вечнозеленых пальм! Для португальцев это означало, что бесконечная пустыня, тянувшаяся на 16° по широте, была пройдена, и, более того, оказались неверными представления, которые приписывали Птоlemeю. И не случайно 11 лет спустя

* Возможно, устье Сенегала первым открыл капитан одной из каравелл эскадры — все тот же Триштан, но честь открытия обычно приписывают Лансароти.

** *Antonio Galvano. Tratado dos diversos e desvayrados caminhos („Publications of the Hakluyt Society“). L. 1862, v. 30, p. 71—72).*

Диогу Гомиш писал: «Он (Птолемей) делил известный ему мир на три части: на среднюю, обитаемую, на арктическую, необитаемую из-за холода, и на тропическую, тоже необитаемую из-за жары. Теперь, однако, установлено, что это не так. Бесчисленные живущие на экваторе черные народы, и до невероятной высоты поднимаются там деревья, так как именно на юге растительность достигает необычной мощи и изобилия, хотя ее формы и чужды нам»*.

Поскольку шторм и встречный ветер помешали Динишу Фернандишу обогнуть мыс, он вернулся в Лиссабон. В следующем 1447 г. Нунью Триштан в своем очередном плавании обогнул мыс Зеленый и достиг примерно мыса Верга (10° с. ш.)**. Для пополнения запасов воды Триштан высадился на берег в районе устья реки Когон и погиб в стычке с африканцами вместе с 18 своими спутниками. Так бесславно погиб один из наиболее настойчивых исследователей первых периодов португальских путешествий. За шесть лет он непосредственно участвовал почти во всех открытиях и прошел от 20° до 10° с. ш. — достижение, превзойденное лишь Диогу Каном 40 лет спустя! Оставшиеся на каравелле четверо матросов и нотариус Айриш Тиноку сумели пройти за два месяца 3,5 тыс. км в открытом море, не видя берега, и благополучно приплыть в Сантуш.

В следующем 1448 г. у мыса Зеленого пропал без вести датчанин Воллерт, первый из иностранцев, командовавший португальским кораблем. Оставшийся на борту рыцарь принца Фернанду д'Афонсу трусливо уплыл, когда единственный из бежавших матросов сообщил ему о победе африканцев над отрядом моряков.

Казалось, что преодоление мифических опасностей, открытие тропического пояса, крупных рек и густонаселенных земель лишь дадут новый толчок движению на юг. Но, как нередко бывало в истории открытий, отсутствие одной ясной цели движения вело к тому, что нередко ошибочные или второстепенные факторы выходили на первый план. Сенегал и Гамбия были отождествлены с «Западным Нилом». Сообщения арабов о богатых государствах Западной Африки и их столице Томбукту, стоящей на большой реке, были отождествлены с царством царя-священника Иоанна и вообще с государствами «Западного Нила». Желание установить политические и торговые связи с этими странами, открытие водных путей в глубь континента на определенный срок переориентировали направление исследований. Тем более что турецкая угроза стала глав-

* Цит. по Р. Хеннигу, т. IV, стр. 121.

** Возможно, что Триштан открыл и устье Гамбии, а также острова Бисагуш и Тристан. Однако, судя по записи Кадамосто, острова были открыты в 1461 г. в плавании Педру ди Синтра.

ной опасностью для продолжения европейской торговли с Востоком: в 1453 г. был взят Константинополь.

Первым из известных нам португальцев, попытавшихся проникнуть в глубь Западной Африки, был Жуан Фернандиш. Приняв участие в экспедиции 1446 г. А. Гонсалвиша, он добровольно высадился у Рио-де-Оро и провел семь месяцев с кочевыми племенами, надеясь подробно разузнать о добыче золота, но привез лишь сведения о жизни и обычаях скотоводов. В 1448 г. он вторично отправился в Африку, высадился на берег у мыса Нон, но больше португальские хроники ничего о его судьбе не сообщают. Жуан Фернандиш встретил лишь пустынную природу и бедные кочевые поселения. После того как он пропал без вести, португальцы больше не пытались углубиться на материк в этой части западного побережья Африки.

Значительно более успешным оказалось путешествие в Западную Сахару генуэзского купца Антонио Мальфанте. Вероятно, он был послан генуэзскими банкирами на поиски золотых районов Африки. Примкнув к арабскому торговому каравану в Хонейне на побережье Средиземного моря, А. Мальфанте в 1447 г. достиг Таментита, главного поселения оазиса Туат, расположенного почти на полдороге от алжирского побережья до Томбукту. Мальфанте в письме, посланном в Геную, сообщает, что южнее Томбукту «протекает очень большая река, которая в определенные времена года затопляет прилегающие местности. Эта река, текущая мимо ворот Томбукту, та же самая, что пересекает Египет и впадает в море у Каира». Кроме известий о Томбукту и среднем течении Нигера А. Мальфанте написал также об «индийских купцах» — христианах из Эфиопии. Установить районы добычи золота, которое привозили в Туат для обмена на соль (об этом писал еще аль-Масуди), Мальфанте не удалось. Вскоре власть в Туате захватила фанатичная мусульманская секта, и вторым европейцем, который смог дойти до Туата, был Г. Рольфс... спустя почти 500 лет.

После трагического эпизода с Воллертом в португальских исследованиях наступил длительный перерыв. Между Португалией и Кастилией начались споры о владении Канарскими островами и монопольным праве португальцев на торговлю с народами, живущими к югу от мыса Бохадор. Начавшаяся война продолжалась с 1451 по 1454 г. и не дала перевеса ни одной из сторон. Кастилия и Португалия обратились за посредничеством к папе Николаю V, который в своей булле от 8 января 1455 г. отдал Канарские острова испанцам, а все страны, уже открытые на Африканском континенте, и те, что еще предстояло открыть, — португальцам. Характерно, что в булле упоминаются пределы «судоходного моря» — «вплоть до индейцев, которые, как говорят, чтут имя Христа». Индейцев предлагалось привлечь на сторону европейцев и двинуть против сара-

цин и других врагов веры. Итак, папа Николай V передал все страны от мысов Нон и Бохадор через всю Гвинею до южного берега «португальской короне».

Получив столь авторитетное подтверждение своих «прав», Эрики попытался использовать открытие рек Сенегала и Гамбии для достижения «африканских индейцев», о которых и шла речь в папской булле. Начался IV период, последний при жизни принца и, пожалуй, один из самых неудачных, если учитывать предыдущие достижения и накопленный опыт. Эти неудачи во многом определялись неверно поставленной целью. Видимо, изверившись в способностях своих приближенных, особенно после гибели Триштана и недостойного поведения Фернанду д'Аффонсу, принц привлек к экспедиции итальянцев — Антоньотто Узодимаре и Альвизе Кадамосто. Им обоим было поручено, поднявшись вверх по реке Гамбии, достигнуть государства, предположительно Эфиопии или Мали, в глубине континента. Предпочтение было отдано Гамбии, так как Сенегал в своем нижнем течении протекал по сухой саванне, и вход в устье реки был перегорожен длинным баром, о который разбивался сильный прибой. Устье Гамбии было доступно для португальских каравелл, берег реки покрыт светлым тропическим лесом и густо заселен.

Сведения о плавании Узодимаре дошли до нас благодаря его письму генуэзским кредиторам, найденному в архивах Генуи датчанином Гробергом и опубликованному в 1802 г. Узодимаре, в частности, писал: «Отыскав устье очень большой реки — Гамбии, я вошел в нее, ибо знал, что в этой области находится золото и жемчуг. Но там меня преследовали рыбаки, посылая из своих луков отравленные стрелы. Они считали нас врагами и, очевидно, не хотели нас принять, так что я был вынужден повернуть назад...

Однако будьте уверены, что отсюда действительно менее 300 лиг* до царства священника Иоанна — если не до его резиденции, то хотя бы до границ его страны...

Можете поверить, что если бы я зашел дальше на расстояние еще одного дня плавания, то потерял бы из виду Полярную звезду...** Причина, помешавшая мне плыть дальше, заключалась в нехватке провианта, так как белые люди при всех обстоятельствах должны питаться своими продуктами, если не хотят заболеть и погибнуть».

* 1 лига примерно равна 6 км.

** Наблюдение вполне справедливое для 12° с. ш., оно показывает, что идея шарообразности Земли, которую в начале века разделяли лишь немногие ученые, находит реальное подтверждение, понятное и самому невежественному из матросов. Дальнейшее продвижение требовало совершенствования навигационных приборов, ибо и в начале второй половины XV в. берег, звезды северного полушария и компас оставались основными путеводными нитями моряков.

За время своего плавания Узодимаре встретил у мыса Зеленого своего соотечественника Кадамосто, открывшего перед этим остров Горé (близ Дакара), ставший впоследствии одним из важных центров работорговли. Кадамосто был более настойчив и в 1456 г. поднялся вверх по Гамбии на 100 км далее, чем Узодимаре, но тропическая лихорадка заставила его отступить. Каких-либо сведений у местных жителей также не удалось собрать, так как никто из португальцев не понимал их языка. Кадамосто также отмечал трудности навигации по Гамбии и, в частности, писал: «...за все время, что мы находились у устья реки [Гамбии], Полярную звезду нам довелось увидеть только один раз. Она опустилась так низко, что как бы касалась моря. Казалось, что от воды она удалена только на треть копья. Там видели мы еще 6 звезд, очень крупных и поразительно ярких... Мы пришли к убеждению, что эти звезды образуют колесницу Юга...» *

Свое главное открытие Кадамосто сделал в 1456 г., когда буря сбила с курса его корабли. «...После того как показался мыс Бланко, устремились мы в открытое море. На следующую ночь поднялся сильный южный ветер, который отнес бы нас назад, не отклонись мы несколько на запад. Две ночи и три дня мы вынуждены были бороться с сильным ветром, пока на третий день не увидели землю, которой никто не ожидал. Мы были крайне удивлены, обнаружив здесь землю...» **

Так были открыты острова Зеленого Мыса. Острова оказались безлюдными, они поросли лесом и изобиловали птицами, а прибрежные воды — рыбой. На одном из островов путешественники пополнили запасы воды и соли и отплыли. «Первому найденному нами острову мы дали имя Бонависта [Бонавишта] в знак того, что увидели его первым. Другой выделялся среди четырех остальных островов, мы назвали в честь Святого Иакова [Сантьягу] потому, что нашли его в день Святых Иакова и Филиппа...» Кадамосто уделил крайне мало внимания своему открытию. Поэтому многие историки приписывали открытие архипелага другим исследователям.

Действительно, открытие двух самых западных островов Зеленого Мыса (Флориша и Корву), находившихся в 200 км от основной части архипелага, вероятно, принадлежит Диогу Тейди и может быть датировано 1457—1458 гг.*** Более

* «Колесница Юга» (или Южная Большая Медведица) — легендарные созвездия Южного неба. Судя по всему, Кадамосто впервые описал Южный Крест и звезды Альфа и Бета Центавра.

** *Alvise Cadamosto. Navigatio ad terras incognitas.* Basel, 1537, p. 3.

*** К такому выводу пришел Р. Хенниг, поскольку Диогу Гомиш в хронике 1457 г. не упоминает о них, а в 1460 г. они уже названы в завещании принца Энрики.

подробное исследование архипелага — заслуга генуэзца Антонио Ноли (1458 г.), в дальнейшем ставшего наместником островов. История заселения и освоения островов была тесно связана с материком. В 1466 г. король дал колонистам право торговли с гвинейским побережьем, и властители островов стали важными поставщиками рабов в метрополию. В дальнейшем африканцы смешались с немногочисленными колонистами, и их потомки ныне составляют основное население архипелага.

Тем временем уже через год после возвращения Кадамосто, в 1457 г., плавание вверх по Гамбии совершил Диогу Гомиш, которому мы обязаны хроникой открытий с 1444 по 1475 г. Д. Гомиш возглавил флотилию из трех каравелл, капитанами двух других были Жуан Гонсалвиш Риберу и Мунью Фернандиш ди Байя. Пройдя мыс Зеленый, путешественники вошли в широкое устье Гамбии. «Мы стали подниматься вверх по реке, и я послал одного капитана с каравеллой в гавань по названию Улимаиш, другой остался в Анимаише. Я поднялся вверх по течению так далеко, как смог, и достиг Кантора, большого поселка на той реке»*. Поселок Кантор располагался близ стремнин Барракунда, преграждавших морским судам путь вверх по реке; этот район Гамбии и сейчас называют Кантор. Чтобы восполнить скромные успехи экспедиции, Д. Гомиш тщательно собирал сведения о внутренних районах Западной Африки. Ему мы обязаны первыми сведениями о массиве Фута-Джалон и горах Сьерра-Леоне.

После плаваний Узодимаре, Кадамосто и Гомиша планы проникновения в глубь Африки по Гамбии просуществовали еще до начала 1480-х годов. Сохранилось сообщение, что «на сто миль вверх по течению в середине реки возвышается большая скала, которую король Жуан хотел взорвать, чтобы суда могли доходить до городов Томбукту и Гана. Он послал туда Гонсалу Данташа и другого капитана, который там умер. Они обнаружили, что по одну сторону скалы мало воды. Скала та зовется Фелу»**. Безуспешность новых плаваний по Гамбии, возможно, понимал и сам принц Энрики. В последние годы своей жизни он возглавил португальскую эскадру в войне с Марокко. 13 ноября 1460 г. принц умер. Вероятно, путешествие Д. Гомиша по Гамбии было последним при жизни Энрики исследовательским плаванием к берегам Африки.

Однако год спустя, в 1461 г., состоялось очень важное плавание Педру ди Синтра. Мы бы ничего не знали об этом плавлении, если бы Кадамосто, остававшийся еще в Португалии, не

* *D. Gomes. De prima invetione Guineae.* Цит. по Р. Хеннигу, IV, стр. 178.

** *Valentin Ferdinand. Beschreibung der Westküste Afrikas bis zum Seegal, 1856. Bd. VIII, S. 792.*

записал рассказ участника экспедиции, писца Суэйру ди Кошта. Кадамосто пишет: «...по ту сторону мыса Зеленого они открыли мыс Леду, что означает «веселый», ибо вместе с окружающим живописным, покрытым зеленой растительностью побережьем он радуется взор [ныне это мыс Сьерра-Леоне]. За мысом поднимаются величавые горы, простирающиеся в глубину более чем на 10 миль и покрытые высокими могучими деревьями. Возле него обнаружено три острова, лежащие в 8 милях от берега, причем самый большой достигает в окружности 10—12 миль. Острова они назвали Сальвецце [Бисагуш], а горы — Сьерра-Леоне. Это название они дали из-за раздающегося там мощного рева: то гремит гром в облаках, всегда окутывающих вершины гор... В 30 милях за горами моряки открыли новую большую реку с устьем шириной примерно 3 мили. Реку они назвали Красной [Рокелле], так как ее вода из-за окраски грунта казалась красноватой. Дальше находился еще один мыс, покрытый красноватой почвой, который поэтому тоже был назван Красным. Ближе этого мыса, примерно в 8 милях от берега, лежит в море маленький пустынный островок, который также назван Красным [Шербро]...» Португальцы в этом плавании впервые встретились с массивами типичных тропических почв — латеритов, которым окислы железа придают характерный красный оттенок.

Плывя дальше на юго-восток, Синтра и его спутники обнаружили на побережье растение малагету, чьи стручки напоминали вкусом перец. Так открытый берег получил название Перцовый. Дойдя до мыса Месурадо (6°19'), Синтра повернул назад*. Уже в этом месте береговая линия заметно поворачивает на восток, и мореплаватели оказались у входа в Гвинейский залив.

Однако из сообщений об этих открытиях не были сделаны нужные выводы. Организатор всех экспедиций принц Энрики умер, а его племянник — король Афонсу V (1438—1481 гг.) предпочел добиваться военных лавров в затяжной войне с Марокко. Наступила очередная длительная пауза в исследовании африканского побережья.

Исследование берегов Гвинейского залива; карта Фра-Мауро

Исследование берегов Гвинейского залива заняло не более пяти лет, и эта заслуга принадлежит в основном богатому дворянину Фернану Гомишу, бравшему на откуп сбор налогов. В 1469 г. король Афонсу V, который позже «милостиво» по-

* Заканчивая описание открытий ди Синтра, Кадамосто писал: «Этот мыс был назван Кортесе, или Мезурадо... Далее этой страны до моего отъезда из Испании 1 февраля 1463 г. не ходил ни один корабль».

Африка по Фра-Мауро

велел именовать себя Африканским, отдал всю гвинейскую торговлю Ф. Гомишу в аренду на 5 лет за обязательство внести в казну ежегодно 500 дукатов и продвигаться вдоль побережья не менее чем на 100 лиг в год. И в дальнейшем король Афонсу V не был склонен тратить деньги на экспедиции; единственное, что можно поставить ему в заслугу, — это то, что он не «засекретил» открытия мореплавателей, а распорядился предоставить все материалы о португальских открытиях эпохи принца Энрики выдающемуся венецианскому картографу, монаху с острова Мурано, Фра-Мауро, который по его заказу

составил карту — один из важнейших результатов исследований Африки в середине XV в.

Карта Фра-Мауро вполне справедливо считается выдающимся памятником мировой картографии. Тем не менее конфигурация Африки у Фра-Мауро весьма далека от ее истинных очертаний и от очертаний на «Лаврентийском портулане». Общие очертания континента у Фра-Мауро наиболее близки к так называемой карте мира венецианца Санудо, составленной около 1320 г., и истинным автором которой некоторые историки считают генуэзца Педро Висконти. Выбор гипотетической формы Африки, напоминающей треугольник, Фра-Мауро пояснил ссылкой на античные источники, указав на рассказ Страбона о плаваниях вокруг Африки.

Наиболее важной чертой карты Фра-Мауро было новое в изображении очертаний Южной Африки. Венецианскому монаху были известны сведения о плавании вокруг мыса Доброй Надежды арабского судна, шедшего из Индийского океана. Об этом свидетельствует запись на карте, сделанная самим Фра-Мауро. Таким образом, эта карта зафиксировала важное географическое открытие, принадлежащее арабам и на десятилетия предвосхитившее результаты Бартоломеу Диаша.

На карте Фра-Мауро в южную часть Африки произвольно перенесены названия с сомалийского побережья (например, Магадис; по-видимому, Могадишо) и многие географические названия с территории Эфиопии. Не случайно поэтому, вся южная часть Африки на карте Фра-Мауро вплоть до Атлантического побережья названа Эфиопией — Западной и Южной*. На западе, южнее Мавритании, — глубоко вдающийся в материк Эфиопский залив. Более или менее верно очерченная южная оконечность Африки в то же самое время отделена от материка проливом и превращена в остров; не менее фантастично и восточное побережье Африки, обращенное к Индийскому океану. Трудно определить по карте Фра-Мауро, какие именно острова показаны у восточных берегов Африки, хотя он явно располагал сведениями о многих островах помимо давно известных Сокотры и Занзибара. Судя по санскритским названиям на карте, Фра-Мауро пользовался индийскими источниками. Сахара на карте пересечена горной цепью от Нила и почти до Атлантики.

На карте Западную Сахару пересекает в широтном направлении большая река, впадающая в океан несколькими рукавами. Один из этих рукавов назван Рио-де-Оро. Эта река не связана с Нилом. Южнее ее в таком же широтном направлении те-

* Об этом свидетельствует также подзаголовок записок Диогу Гомиша: «Как была открыта Южная Эфиопия, которую именуют так по сравнению с описанной Птолемеем Нижней Ливией, однако теперь она названа португальскими исследователями Гвинеей...»

чет к Атлантическому океану другая река, на северных берегах которой показаны и Мелли (Мали), и Томбукту.

Сведения о государстве Мали и городе Томбукту были достаточно хорошо известны из арабских источников, но к середине XV в. этого района, как мы знаем, по сахарским караванным путям достигли и первые европейцы. Первым на Нигере, видимо, побывал француз Ансельм д'Изальгие, проживший восемь лет в Гао, столице государства Сонгаи, и даже женившийся там на африканке. Изальгие вернулся в Тулузу в 1413 г. и написал книгу о своем путешествии, подтверждающую сведения о городах этой части Африки, известные из сочинений ал-Идриси и повести о странствиях Ибн-Баттуты. Подобно Изальгие, Бенедетто Деи попал в Томбукту в 1469 г. по караванному пути от средиземноморского побережья Магриба, однако записи Деи привлекли внимание только в XVIII в. Таким образом, с середины XV и до начала XVI в. европейцы не раз доходили до бассейна среднего Нигера, достигнув этого района по суше с севера раньше, чем португальское посольство вошло в Томбукту, направившись в начале 1480-х годов в глубь Африки от побережья Гвинейского залива.

Итак, на карте Фра-Мауро до оконечности материка и прямого морского пути в Индию оставалось сравнительно небольшое расстояние, и, по-видимому (после неудачных попыток найти царство священника Иоанна в Африке), в конце 1450-х годов идея плавания в Индию вокруг Африки уже широко обсуждалась в Португалии. Окончание очередной войны в Марокко и получение карты Фра-Мауро были важными событиями, предварившими новый период активного продвижения португальцев вдоль западного побережья Африки. К сожалению, достоверных сведений об исследовании берегов Гвинейского залива сохранилось меньше, чем о других португальских плаваниях. Лишь о некоторых из открытий упоминали Барруш и Галвану.

Известно, что с 1470 по 1473 г. Ф. Гомиш энергично выполнял условия аренды, ежегодно посылая экспедиции к африканским берегам. В 1470 г. капитан Суэйру да Кошта достиг Берега Слоновой Кости. В 1471 г. экспедиция под командой Жуана ди Сантарена и Педру ди Эшковара, которую вел лучший португальский кормчий той эпохи Алвару Эштевиш, совершил одно из важнейших с точки зрения метрополии открытий — была достигнута страна Ашанти, первый крупный поставщик золота на открытых землях.

Морское побережье Ашанти было названо Золотым Берегом. Важный складочный пункт Самма вскоре стал основным центром, где золото из глубинных районов обменивалось на португальские товары. Для охраны своей торговой монополии португальцы в 1482 г. построили город и форт Сан-Жоржи-да-Мина (Мина), сохранявший свое значение еще многие годы.

В 1471—1472 гг. было открыто также побережье современной Нигерии, впоследствии названное Невольничьим Берегом. Здесь, вблизи от побережья, находились самые густонаселенные районы Тропической Африки. Охоту на рабов затрудняли особенности побережья: цепь прибрежных песчаных баров и кос шириной до 2 км отшнуровывает от моря узкие лагуны, соединяющиеся узкими протоками. Вход в лагуны тоже скрыт и узок, затруднен сильным прибоем. Не случайно эти побережья Нигерии и Берега Слоновой Кости получили у моряков прозвище Проклятые лагуны.

В 1471—1473 гг. были открыты острова Гвинейского залива: Фернандо По*, Сан-Томе и Санту-Антан (Принсипе). Важнейшее из плаваний этого периода совершил Руй ди Сикейра в конце 1472 г. Он первым пересек экватор, открыл вулкан Камерун и залив Камерун с устьем реки Санага, эстуарий Габон и устье реки Огове, достиг мыса Санта-Катарина (1°51' ю. ш.). Сикейра установил положение залива Биафра, примерные границы африканского государства Бенин и, что оказалось более важным, то, что береговая линия поворачивает на юг.

Этот факт обескуражил сторонников продвижения вдоль африканского побережья. Надежда вскоре обогнуть южную оконечность материка, которая основывалась на измерениях по карте Фра-Мауро, исчезла. Срок аренды Ф. Гомиша кончился, король Афонсу в 1473 г. передал все права на новые открытия и земли своему сыну Жуану, и 10 лет мыс Санта-Катарина оставался крайним пунктом продвижения португальцев.

Португальцы у побережья Центральной и Южной Африки. Мартин Бехайм — создатель первого глобуса

Освоение богатств открытых берегов — Перцового, Слоновой Кости, Золотого, Невольничьего — требовало много времени и затрат. Тем временем очередная война — с Кастилией — за престолонаследство и тяжелое поражение португальцев в битве при Торо (1476 г.) привели к миру в Алкасоваше, по которому португальцы окончательно уступили права на Канарские острова в обмен на подтверждение своего монопольного права торговли со странами Гвинейского залива**.

В 1481 г. король Афонсу V умер, и на престол вступил Жуан II; поскольку доходы от африканской торговли шли в его

* Открытие этого острова и Барруш, и Галвану приписывают моряку Фернанду да По.

** В ходе войны испанцы неоднократно посылали корабли в Гвинейский залив, и в 1475 г. в Севилье была установлена должность сборщика пятинны с гвинейских плаваний.

личное распоряжение «как пожизненная пенсия», он был заинтересован в закреплении на уже открытых берегах и продолжении исследований. Достижения этого периода связаны с именами двух мореплавателей — Диогу Кана и Бартоломеу Диаша.

Диогу Кан был капитаном одной из каравелл эскадры, отправленной под общим руководством Диогу Азанбужи для основания колонии на Золотом Береге. Кан участвовал в основании Мины, где и остались почти все корабли эскадры: из команд организовали отряды для охоты на рабов, для постройки города и форта. После закладки Мины Диогу Кан отправился в свое первое разведывательное плавание. Главные сохранившиеся свидетели его плаваний, а также достижений Диаша — падраны — высокие каменные кресты с высеченными надписями по-португальски и на латыни и португальским гербом. Шесть падранов отмечают основные вехи продвижения вокруг Африки*.

Выйдя из Мины и обогнув мыс Санта-Катарина, Кан проплыл вдоль незнакомого побережья около 700 км, пока его каравелла не очутилась в заметно более пресных и светлых водах.

«Кан достиг огромной реки Санрис, которая ответвляется от истоков Нила и при все возрастающем объеме и напоре гонит пресную воду по океану сквозь его соленые воды... Кан поднимался по реке против течения и видел чернокожих язычников эфиопов... Кан... сумел узнать, что ими правит очень могущественный царь, столица которого расположена выше по реке, в глубине страны. Кан отправил к царю нескольких португальцев... и привез в Португалию четырех эфиопов, которых он задержал с их согласия, причем свято обещал им, что они возвратятся домой целыми и невредимыми»**.

Великую африканскую реку Кан назвал Риу-ди-Сан-Жоржи, но это название продержалось недолго, и уже португальцы вскоре именовали ее Риу-ди-Падран***, или Заири (искаженное местное Нзари, или Нзади). К концу XVI в. после установления постоянных связей с правителем обширного африканского государства Конго река получила свое современное название — Конго, но наряду с ним часто употребляют и название Заири (Заире, Заир). Уже в наши дни, в 1971 г., правительство Демократической Республики Конго (со столицей Киншаса) переименовало свое государство и реку в Заир, что не нашло всеобщего признания по отношению к реке.

После открытия Конго Диогу Кан прошел вдоль западного побережья до мыса Санта-Мария (13°30' ю. ш.; юго-западнее

* Ранее португальцы ставили деревянные кресты, которые быстро сгнивали во влажном климате.

** *Luca Wadding. Annales minorum Fratrum ordinis.* Цит. по Р. Хеннигу, IV, стр. 342.

*** Несколько южнее основного устья на мысе Терта-пойнт Кан воздвиг первый падран, остатки которого были найдены в 1859 г.

Бенгелы), исследовав тем самым северные берега Анголы. На мысу был поставлен второй падран (найден в 1886 г.), после чего каравелла вернулась в Португалию.

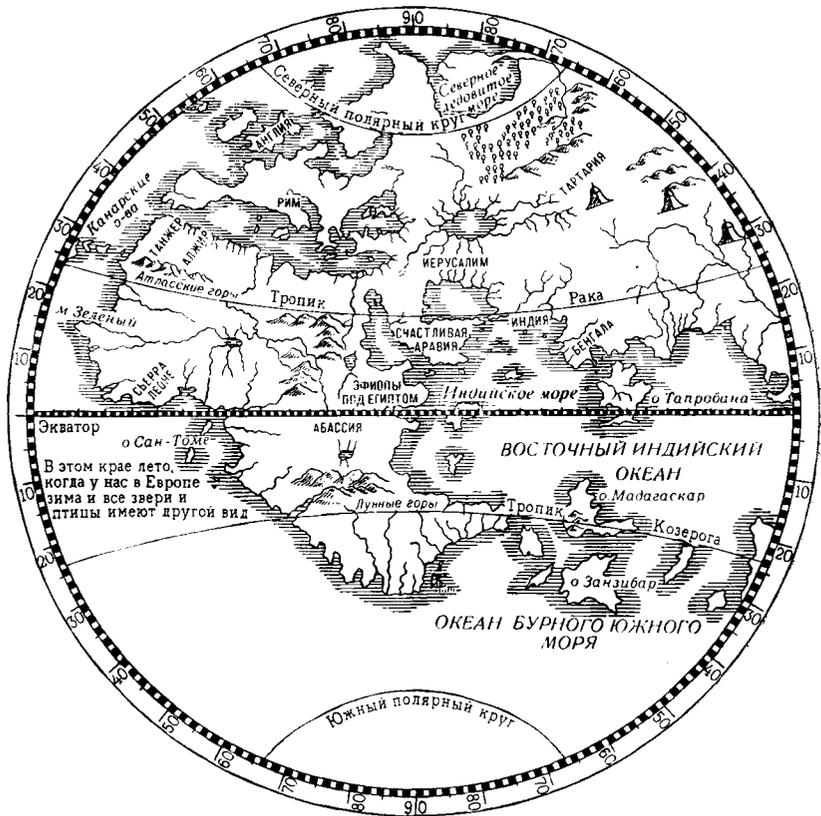
Сведения об открытиях и живые подданные «могущественного царя» побудили Жуана II сравнительно быстро снарядить следующую экспедицию, в которой принял участие Мартин Бехайм из Нюрнберга, прославившийся как составитель карты мира и старейшего из известных глобусов (1492 г.).

Бехайм считался учеником Региомонтана — первого европейца, изготовившего астролябию, и должен был помочь Кану в определении координат при плавании в южном полушарии. Определение координат у Бехайма, однако, содержало заметные ошибки, о чем свидетельствуют, в частности, неточности в несколько градусов в определении широт на его глобусе, тогда как на картах того времени они редко превышали 1°. Бехайм с морской экспедицией Кана дошел примерно до 20° ю. ш. и сам наблюдал в течение полутора лет все западное побережье Африки до берегов пустыни Намиб.

На глобусе Бехайма неправильно изображено лишь восточное побережье к югу от экватора, но западное побережье содержит уже большинство элементов будущей карты, хотя конфигурация Гвинейского залива еще только угадывается. Внутренние части материка у Бехайма практически не содержат географических данных, вносящих что-либо принципиально новое в прежние представления. Работа Бехайма вызвала в Нюрнберге интерес к созданию глобусов. В самом начале XVI в. (1515—1520 гг.) на глобусе Шёнера очертания Африки точнее, чем у Бехайма, но Африка все еще выглядит растянутой по широте и сильно укороченной в южном полушарии.

Второе плавание Кана состоялось в 1484—1486 гг. Посетив Мину, он затем высадил у устья Конго четырех африканцев и принял на борт посланных в столицу государства Конго португальцев. Затем экспедиция исследовала весь ангольский берег и достигла 22° ю. ш., где в 1486 г. на мысе Кросс был установлен падран. Еще один падран был воздвигнут у мыса Негро (в 1485 или 1486 г.). На обратном пути Кан снова поднялся вверх по Конго и в сопровождении пышной свиты посетил царя — маниконго, преподнеся ему дары от имени Жуана II.

Одна из целей португальцев в государстве Конго заключалась вновь в попытке установить связи с мифическим царством Иоанна. Еще до начала плавания Д. Кана португальцы вновь пробовали проникнуть в глубинные районы Африки и установить связи с правителями африканских империй. Так, воспользовавшись африканскими междоусобицами, из-за которых султан Мали — Мамаду в 1481 г. обратился за помощью к португальцам, Жуан II в 1483 г. после основания Мины отправил послов Педру ди Эвора и Гонсалу Эанниша в Томбукту.

Африка на глобусе Мартина Бехайма

Кроме того, вверх по Гамбии, к правителю государства Мали, были посланы Родригу Рабелу и Перу Рейнел. Из восьми членов посольств семеро умерло от болезней, и обратно вернулся только П. Рейнел, известный как составитель карты мира 1505 г.

Следовательно, к концу 1480-х годов португальцы достигли побережья Юго-Западной Африки, проникли по рекам в африканские государства Мали и Конго. В Португалии, возможно, считали, что достигнутый Диогу Каном в первом плавании мыс Санта-Мария и есть легендарный «Prasum promontanium», мыс Праз на карте Птолемея. В 1485 г. португальский посол в Риме Вашку Фердинандиш заявил, что португальцы подошли непосредственно к Эфиопии. Открытые Диогу Каном земли португальцы тогда отождествили с Южной Эфиопией (Ethiopia Australis) планисферы Фра-Мауро и других карт.

В ходе своего второго плавания Кан дошел лишь до мыса Кросс, т. е. прошел сравнительно небольшой участок не обследованного ранее побережья. Поскольку запасы продовольствия были рассчитаны на три года, причины, по которым Кан повернул обратно, не достигнув южной оконечности материка, остались неизвестны. Экспедиция должна была еще отвезти послов к маниконго, многие члены экипажа и капитан были больны. Поскольку о возвращении самого Диогу Кана ничего больше не сообщается, полагают, что он умер по дороге на родину.

Почти одновременно с возвращением каравелл Диогу Кана, осенью 1486 г. и весной 1487 г., были предприняты новые попытки достигнуть Индии. В октябре 1486 г. Бартоломеу Диаш (Диас) был назначен начальником новой морской экспедиции, а весной 1487 г. Педру ди Ковильян и Аффонсу ди Пайва были посланы в Эфиопию через Египет и Красное море.

Бартоломеу Диаш вышел в море в августе 1487 г. и, проведя в плавании 16,5 месяца, вернулся в Португалию в конце 1488 г. Экспедиция состояла из двух каравелл водоизмещением по 50 т и судна для перевозки провианта. Второй каравеллой командовал Жуан Инфанти, а судном — Пору Диаш, брат Бартоломеу. Главным кормчим экспедиции был Перу д'Аленкер.

По пути, близ устья Конго и побережья Анголы, были высажены на берег несколько африканцев и африканок, подданных маниконго, привезенных кораблями Диогу Кана. Пройдя падраны Кана, корабли вошли в неизвестные воды у пустынных берегов Юго-Западной Африки. Холодное Бенгельское течение, частые туманы и встречные ветры затрудняли движение на юг. Первый падран был установлен у бухты Ангра-Пекена. Ландшафт становился все мрачнее: началась одна из самых безводных пустынь мира — Намиб. Ветреная погода, безрадостный ландшафт, холодные воды изматывали экипаж. Суда по-прежнему шли вдоль берега, заходя в каждую бухту.

У 33° ю. ш. в районе бухты Св. Елены (32° 51') берег внезапно круто повернул на восток. Начался шторм, и 13 дней суда с зарифленными парусами боролись со штормом и противным ветром. Когда шторм улегся, корабли взяли курс на восток, но, не достигнув земли в течение многих дней, повернули на север.

Через два-три дня вдали показался гористый берег, и 3 февраля 1488 г. португальцы увидели южноафриканский берег, тянувшийся с запада на восток. Высадившись на высоком берегу, покрытом травой, путешественники встретили пастухов со стадом. Отогнав коров, пастухи что-то кричали морякам. Диаш вынул стрелу и убил одного из пастухов — так началось «знакомство» южноафриканских народов с европейцами, и погиб первый из коренных обитателей Южной Африки. Осмотрев убитого, португальцы с удивлением обнаружили, что он не

похож на темнокожих африканцев-банту. Так европейцы познакомились с неизвестной европейцам койсанской группой народов*.

Пополнив запасы воды в бухте, названной ими Ангра-душ-Вакейруш (Бухта коровьих пастухов), португальцы двинулись на восток и под $33^{\circ} 45'$ ю. ш. нашли вход в широкую бухту (Алгоа)** островка Санта-Круш. Наступил критический момент плавания: Диаш понял, что южная оконечность Африки пройдена и путь в Индию открыт, но... «Экипаж, очень утомленный и напуганный перенесенными штормами, начал настаивать на том, чтобы не плыть дальше, так как провианта оставалось в обрез и все они могли умереть, прежде чем удалось бы возобновить запасы. Бартоломеу Диаш с трудом уговорил людей идти вдоль берега еще дня два-три. Примерно в 26 милях за Санта-Круш они прибыли к реке, которую назвали Риу-ду-Инфанти [теперь Грейт-Фиш]. Здесь пришлось повернуть назад, так как нельзя было склонить экипаж к продолжению плавания»***.

Возвращаясь на запад, португальцы в мае 1488 г. увидели южную оконечность материка — мыс Игольный, названный ими Кабу-ду-Инфанти, а позже подошли к гористому мысу Доброй Надежды****. Обследовав бухты у мыса и поставив третий падран, Диаш вернулся в Португалию. Итак, экспедиция Бартоломеу Диаша прошла на 2300 км дальше, чем корабли Диогу Кана, и наконец, обогнула Африку. Путь в Индийский океан был открыт, но наступил новый период затишья в продвижении португальцев по этому пути.

Плавание Васко да Гамы и завершение открытия береговой линии Африки

Открытия Диаша были встречены в Португалии без энтузиазма. Путь оказался долгим, трудным и опасным, новые земли — бесплодными, вместо городов, пряностей и драгоценностей — пустынные степи и голые пастухи. Король Жуан II много сил и средств тратил на войну в Марокко и на борьбу с

* Представители этой народности были позже названы голландцами «готтентоты».

** Названия двух важных южноафриканских бухт Алгоа и Делагоа были даны португальцами уже в XVI в. после основания столицы Португальской Индии — Гоа и означали «в Гоа» (A la Goa) и «из Гоа» (De la Goa).

*** J. Barros, Da Asia, Dec. I., lib III, cap. 3. Цит. по Р. Хеннигу, IV, стр. 402.

**** По версии Барруша, первоначально Диаш назвал его мысом Бурь, а имя Доброй Надежды было дано королем. Широта мыса была определена в 45° ю. ш., что разнилось с действительной на 10° .

крупными феодалами. Успешное плавание Колумба, чей проект был забракован Жуаном, заставило португальцев задуматься о судьбе их открытий. Споры с Испанией о «правах» на вновь открытые земли завершились первым разделом мира по Тордесильяскому договору 1494 г., и король отдал приказ готовиться к новой экспедиции для достижения Индии.

Смерть Жуана II и воцарение Мануэла ненадолго задержали отправку экспедиции. Все планы были составлены еще Жуаном, и попытки советников нового короля отговорить его от достижения Индии ссылками на всевозможные осложнения отношений с Испанией, итальянскими городами и другими европейскими государствами успеха не имели.

Начальником экспедиции был назначен Васко да Гама. Это назначение определено было, пожалуй, не столько воинским и морским опытом молодого придворного, сколько правильной оценкой основной черты его характера — непреклонного руководителя, который сможет заставить экипаж идти в беспрецедентное по продолжительности и трудности плавание и преодолеть препятствия на пути к цели. Моряк, воин, дипломат — быстрый, гибкий, решительный — такие качества требовались от руководителя, и да Гама в значительной степени отвечал им.

В экспедицию вошло 4 корабля: два тяжелых водоизмещением 100—120 т* каждый — флагманский «Сан Габриэл» (капитан Гонсалу Алвариш) и «Сан-Рафаэл», капитаном которого был назначен старший брат Васко — Паулу да Гама; быстроходное судно «Берриу» (50 т, капитан Николау Куэлью) и транспортное судно с припасами (капитан Гонсалу Нуньш). Главным кормчим был Перу д'Аленкер. Экипаж экспедиции составил 140—170 человек.

Все эти суда были не каравеллами, а кораблями с квадратным парусным вооружением, предназначенными для долгого плавания в открытом море. Скорее всего по совету Диаша и д'Аленкера был намечен маршрут, резко сокращающий путь к южной оконечности Африки. Кроме того, заранее не исключалось, что и дальнейшее плавание не обязательно будет идти вдоль побережья Африки и Аравии.

8 июля 1497 г. флотилия вышла из Лиссабона и взяла курс на острова Зеленого Мыса. До побережья ее сопровождал Бартоломеу Диаш, назначенный комендантом форта Мина. Примерно от берега Сьерра-Леоне флотилия взяла курс прямо на юго-запад — впервые португальцы надолго ушли в открытое море. Надежды кормчих оправдались, были пойманы попутные ветры и найден короткий и наиболее быстрый путь для парусных ко-

* В те времена водоизмещение измерялось объемом бочек, которые могли вместить трюмы. Поэтому старая тонна вдвое превышала современную.

раблей, огибающих Африку. 1 ноября 1497 г. корабли вышли к бухте Св. Елены, где впервые встретили бушменов. Обогнув мыс Доброй Надежды и сделав краткую остановку в «Бухте коровьих пастухов», флотилия к концу декабря достигла неизвестного гористого берега, который Васко да Гама назвал по случаю рождения Натал *.

Корабли замедлили свой ход из-за встречного течения Агульаш, названного так по мысу Агульаш (Игольный) — крайней южной оконечности Африки. Однако течение ненадолго задержало движение флотилии, а его теплые воды, знаменуя близость теплых тропических земель, подняли настроение экипажей. Так как с 8 декабря корабли шли в открытом море, Васко да Гама приказал пристать к берегу для пополнения запасов пресной воды, и 11 января 1498 г. флотилия вошла в устье одной из рек. Здесь португальцы вновь встретили африканцев негроидной расы, которые в отличие от бушменов и готтентотов понимали язык банту, обитавших в бассейне Конго.

Местные жители гостеприимно приняли моряков, которые назвали этот участок побережья Терра-да-Боа-Женти (Страна доброго народа). Поля вокруг деревни были аккуратно возделаны, женщины носили медные украшения, медные наконечники были и у копий воинов — поэтому реку назвали Медной.

25 января корабли вошли в эстуарий, куда впадало несколько рек. Африканцы банту также тепло встретили португальцев; у местных жителей было немало товаров явно азиатского происхождения, и к тому же один из африканцев сообщил, что и раньше видел суда, похожие на португальские.

Это убедило Васко да Гаму, что он близок к Индии. Обширное устье было названо «Рекой добрых предзнаменований», и на его берегу поставлен падран, рядом с которым впоследствии был основан форт Келимане. На кораблях многие моряки болели и умирали от цинги, сами корабли нуждались в ремонте, и флотилия Васко да Гамы долго стояла в устье Келимане. Лишь 25 февраля экспедиция вышла из бухты (эстуария) и, осторожно двигаясь среди островов, через пять дней достигла города и порта, расположенного на острове Мозамбик. Софала — самый южный из портов в цепи афро-арабских торговых городов, где уже побывал Ковильян (подробнее см. стр. 73), португальские же моряки впервые посетили его лишь несколько лет спустя.

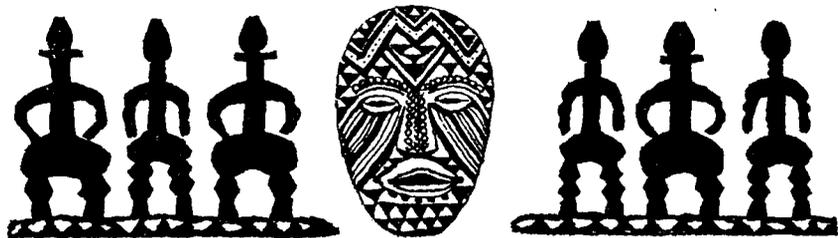
Население городов — африканцы-банту, арабы и суахили — исповедывало ислам и занималось в основном посреднической торговлей, продавая золото, слоновую кость и рабов в обмен на ткани, посуду, украшения, пряности и другие товары.

* Название сохранилось до сих пор за одной из провинций ЮАР. «Бухту коровьих пастухов» да Гама назвал Сан-Браш, и южный мыс бухты Моссел носит и поныне название Сент-Блейз — английское имя того же святого.

Между этими городами и портами Малабарского побережья Индостана существовали регулярные рейсы парусных судов, следовавших с сезонными муссонами. После нескольких неудач и столкновений с местными жителями Васко да Гама удалось заручиться поддержкой властителя Малинди, враждовавшего с правителем Момбасы из-за торговой конкуренции. Там он принял на борт арабского кормчего — Ахмеда ибн-Маджида, чьи карты, инструменты и навигационное искусство превосходили португальские. Ибн-Маджид и привел флотилию к берегам Индии. 20 мая 1498 г. португальские суда вошли в порт Каликута.

Обратный путь в Португалию был очень тяжел, Паулу да Гама скончался на Азорских островах. «Берриу» первым вошел в лиссабонский порт 10 июля 1499 г., а через несколько дней пришел «Сан Габриэл». Последним, похоронив брата, в Лиссабон вернулся Васко да Гама. Экспедиция потеряла два корабля из четырех и около половины экипажа.

В результате плавания Васко да Гамы в Индию европейцы впервые получили достоверные данные почти о всей береговой линии Африканского континента. Были устранены некоторые ошибки в определении широт и долгот, особенно в южном полушарии, и на обзорных картах Африка обрела наконец очертания близкие к современным.

ГЛАВА 3

РАЗВИТИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ОБ АФРИКЕ В XVI—XVIII вв.

Лев Африканский

Путешествия и открытия XV в. вызывали в Европе все больший интерес к далеким землям, волновали королевские дворы, папский престол, купцов и мореплавателей. Вместе с тем к началу XVI в. внимание к Африканскому континенту, как таковому, ослабло; гораздо больше разговоров было о разведанном португальцами морском пути в Индию и дальше на восток, а в особенности о новооткрытой Америке. Но именно в это время в распоряжение европейцев поступили не вполне обычные сведения об Африке, сыгравшие большую роль в дальнейшем развитии представлений о ее внутренних районах и вообще в новом пробуждении интереса к этому матерiku. Речь идет о фундаментальном «Описании Африки», принадлежащем перу Льва Африканского — последнего крупного представителя арабской географии на грани средневековья и нового времени.

Лев Африканский (настоящее имя его — ал-Хасан ибн Мухаммед ал-Ваззан ал-Заййати ал-Фаси) родился в Гранаде около 1492 г., ребенком эмигрировал вместе со своими родителями в Марокко и получил образование в Фесском университете — одном из крупнейших научных центров арабского Востока. В молодости он много путешествовал (преимущественно с купцами в качестве их нотариуса, а иногда выполняя дипломатические поручения марокканского султана): объездил весь Магриб, посетил многие другие страны Северной Африки и Передней Азии, дважды побывал в Томбукту, повидал озеро Чад. Около 1517 г. ал-Ваззан был захвачен в Средиземном море (у острова Джерба) в плен сицилийскими пиратами и затем вместе с редкостным животным — жирафой — подарен папе Льву X.

Папа, продолжая традиции своего отца Лоренцо Медичи Великолепного, покровительствовал наукам и искусству; он благожелательно отнесся к широко образованному пленному «мавру» и предоставил ему возможность преподавать в Италии арабский язык и одновременно писать воспоминания о своих путешествиях. Предварительно ал-Ваззану пришлось перейти в христианство; при крещении ему дали имя Джованни Леоне. В своих сочинениях он называл себя по-арабски Йуханна ал-Асад ал-Гарнати, а по-латыни — *Iohannes Leo Eliberitanus* или *Africanus*.

С детства зная испанский язык, ал-Ваззан быстро овладел латынью и итальянским. На итальянском языке им и был написан прославивший его имя труд, законченный в 1526 г. и изданный в Риме в 1550 г. К тому времени Льву Африканскому уже удалось вернуться в Магриб, где он снова принял прежнюю веру. Умер он в Тунисе около 1552 г.

«Описание Африки» состоит из 9 книг. В первой из них содержатся общие сведения об Африке и расселении ее народов. Вторая книга посвящена Марокко, третья, четвертая и пятая — отдельным городам Магриба, от Феса до Туниса, шестая — Триполитании, седьмая — государствам Судана, восьмая — Египту, девятая, и последняя, повествует об известных автору африканских реках, животных, растениях, минералах. Материал для своего труда Лев Африканский черпал не только из собственной памяти, но, по-видимому, и из имевшихся у него под рукой литературных источников (очевидно, на латинском языке); был он в курсе и новейших открытий португальских мореходов*. Отсюда наблюдающееся в его сочинении тесное переплетение данных арабской и европейской географии. Для европей-

* Вообще достойна удивления та быстрота, с какой при тогдашних столь несовершенных, на наш взгляд, средствах связи распространялись сведения о новых географических достижениях (если, конечно, они не засекречивались с самого начала). В кругу лиц, стремившихся к познанию Земли, шел оживленный обмен информацией. В Европе этому процессу, несомненно, способствовало то, что среди путешественников было немало монахов, преимущественно католических, орденов братства которых существовали в самых различных странах и были тесно связаны между собой. Однако обмен географической информацией выходил и далеко за пределы христианского мира. Продолжая находиться под влиянием арабских источников, европейская географическая наука с определенного момента начала в свою очередь воздействовать на развитие географической мысли на мусульманском Востоке. Так, выдающийся турецкий мореплаватель и картограф конца XV — начала XVI в. Мухиуддин ибн Мухаммед, более известный как Пири Рейс («реис» — адмирал, флотоводец) использовал при составлении своих карт не только труды античных и арабских авторов, но и свежие данные о морских путешествиях португальцев и испанцев. Одновременно в Европу поступают сведения, исходящие от географов не только Ближнего Востока, но и гораздо более отдаленных стран: в 1512 г. А. Албукерки отправил в Португалию морскую яванскую карту, на которой был показан юг Африки. Подобные источники были известны и тому же Пири Рейсу.

цев, разумеется, наибольшую ценность представили его личные наблюдения, во многом дополнившие и уточнившие ранее накопленные сведения о внутренних областях Северной и Западной Африки. «Описание Африки» было почти немедленно переведено на латынь и французский, затем на английский, немецкий и некоторые другие европейские языки. Вплоть до XIX в. оно оставалось самым авторитетным трудом по географии северной половины Африканского континента.

Расширение знакомства европейцев с Магрибом

Закрепившиеся в XV в. в ряде пунктов средиземноморского и атлантического побережий Магриба испанские и португальские захватчики в следующем столетии были изгнаны. В дальнейшем Алжир и Тунис подпали под власть турок и стали пашалыками (провинциями) Османской империи. Возникший в XVI в. самостоятельный марокканский султанат сумел отстоять независимость, но при этом оказался в условиях изоляции и морской блокады, организованной европейскими державами, и со своей стороны закрыл доступ европейцам на свою территорию. Не удивительно, что знания европейцев о Магрибе на протяжении XVI—XVII вв. пополнились очень мало. Несклько увеличился объем сведений о побережье благодаря морским сражениям в прибрежных водах и отдельным попыткам испанских, французских и других завоевателей овладеть портовыми городами; кроме того, распространению более или менее достоверных сведений о прибрежных и внутренних районах Магриба способствовали те европейцы, которым удавалось вернуться на родину из марокканского, алжирского или тунисского плена.

В XVIII в. проникновение европейцев в страны Магриба облегчается. Это относится прежде всего к Алжиру, ставшему к тому времени фактически независимым государством и установившему дипломатические отношения с рядом европейских стран. В Алжире учреждаются консульства и торговые представительства Франции, Великобритании, Испании, туда все чаще направляются европейские миссионеры, купцы, врачи. Начинаются путешествия европейцев и в Марокко (в частности, в форме посольств).

Наиболее заметный след в изучении Магриба в XVIII в. оставил английский священник Томас Шоу. В 20-х годах этого столетия он долго жил в Алжире, объездил все побережье страны, бывал в Тунисе и доставил ценный материал для картографов. Его книга «Путешествия или наблюдения относительно различных частей Берберии и Леванта», изданная в 1738 г. в Оксфорде, на протяжении целого столетия сохранила значение важнейшего источника сведений об Алжире. Большую

популярность получило описание Алжира, опубликованное в 1750 г. в Гааге французом Ле Руа. В том же году в Амстердаме появилась «Новая карта королевства Алжир», на которой наряду с другими данными уже присутствовали (в весьма схематичном виде) основные элементы орографии и гидрографии этой страны. Первой сводкой данных о природе Алжира была вышедшая в 1789 г. в Париже книга аббата Пуаре «Путешествие в Берберию, или Письма, написанные из древней Нумидии в 1785—1786 годах, с очерком естественной истории этой страны»; она явилась отправным документом для большинства исследователей природы Магриба в первой половине XIX в.

Несмотря на все эти труды, знания европейцев о странах Магриба в конце XVIII в. еще оставляли желать много лучшего. Внутренние районы большей частью оставались недоступными. Именно поэтому столь большое значение для географов продолжало сохранять в то время сочинение такого знатока Магриба, как Лев Африканский.

Португальцы в Эфиопии. Открытие истоков Голубого Нила

На протяжении XV в. связи между европейскими странами и Эфиопией продолжали развиваться, хотя все еще оставались скорее эпизодическими. Посольства эфиопских императоров, искавших союза с христианскими государствами и папским престолом, прибывают в этот период в Венецию и Рим, Валенсию и Лиссабон. В свою очередь в Эфиопии в 1482—1483 гг. побывали францисканские монахи — послы папы Сикста IV. Посещали эту страну и другие европейцы: участник папского посольства Баттиста Имола сообщает, что встретил при императорском дворе более десяти европейцев.

В то время в Эфиопии существовал своеобразный обычай: въезд в страну для чужеземцев был открыт, но попыткам их уехать обратно оказывалось противодействие (это было связано с тем, что эфиопские императоры стремились использовать знания и опыт иностранцев в своих интересах). Подобная практика, конечно, не могла способствовать проникновению новых сведений об Эфиопии в Европу, но все же кое-какая информация об этой стране время от времени поступала от послов и от частных лиц, которым каким-то образом удавалось вернуться на родину. Концентрировалась эта информация преимущественно в Италии и была, в частности, использована Фра-Мауро.

Новый этап расширения географических знаний европейцев об Эфиопии открывает проникновение в эту страну португальцев. После плаваний Диогу Кана, обнаружившего гораздо большую протяженность Африканского материка на юг, чем

предполагалось раньше, король Жуан II принял решение наряду со снаряжением новой морской экспедиции вдоль западного побережья Африки (Бартоломеу Диаша) послать доверенных лиц обычными торговыми путями на восток Африки и на юг Азии, чтобы разузнать там все, что касается связи между Атлантическим и Индийским океанами. Одновременно была поставлена задача установить контакт с легендарным «пресвитером Иоанном», в страну которого португальцы, обманутые древним мифом о Западном Ниле и искаженным представлением о размерах Африки южнее Сахары, тщетно пытались до того проникнуть с западного побережья материка. Эта двойная миссия была возложена на хорошо знавшего арабский язык Педру ди Ковильяна. Вместе с ним был послан другой португальский дворянин — Афонсу ди Пайва; он проделал с Ковильяном часть его путешествия, но в дальнейшем отделился от него и пропал без вести.

Ковильян покинул Лиссабон в 1487 г. и под видом мусульманского купца добрался через Египет и Красное море до Адена. Не зная, где, собственно, искать государство царя-священника, он направился вначале в Индию, оттуда после бесплодных поисков вернулся в Египет. На обратном пути он совершил плавание к восточным берегам Африки с заходом в различные гавани, из которых самой южной была Софала. После Гийома Адана Ковильян был, по-видимому, первым европейцем, которому удалось достичь столь удаленной к югу (20° ю. ш.) точки восточноафриканского побережья; и здесь, как и в Индии, он побывал раньше Васко да Гамы.

Всего через год после отъезда Ковильяна из Лиссабона в распоряжение португальцев поступили от прибывшего из Эфиопии монаха Луки Марко более точные сведения о местоположении восточного христианского государства. По возвращении в Египет Ковильян получил приказ Жуана II отправиться в Эфиопию, что он и сделал, предварительно отослав королю письменное донесение о результатах первого этапа своего путешествия. Текст этого донесения не сохранился, но известно, что в нем подтверждалась возможность морского плавания в Индию вокруг Африки и содержались собранные португальским путешественником сведения о торговле и мореходстве в восточноафриканских и индийских водах; к нему была даже приложена индийская карта с изображением южной оконечности Африки. Вся эта информация была добыта Ковильяном еще до открытий Диаша, но в Португалии она была получена уже после возвращения Диаша из его плавания, что, естественно, снизило ее значение в глазах современников; впрочем, она была в дальнейшем использована при подготовке первой экспедиции Васко да Гамы.

В Эфиопию Ковильян прибыл через Аден и сомалийскую

гавань Зейла в 1492 или 1493 г. Эта страна стала для него второй родиной: он пробыл здесь до конца своей жизни, по меньшей мере около 30 лет. Ковильян был приближен к императорскому двору, наделен земельными владениями, но в силу упоминавшегося выше эфиопского обычая так и не получил возможности вернуться в Португалию. Год его смерти точно неизвестен; во всяком случае он еще был жив в 1520 г., когда в страну прибыло первое официальное португальское посольство во главе с Родригу ди Лимой. За время своего пребывания в Эфиопии Ковильян, несомненно, приобрел о ней обширные знания, но достоянием его соотечественников и европейской науки в целом стала лишь небольшая их часть, а именно то, что он счел нужным сообщить Лиме и его спутникам.

Рассказ Ковильяна был записан капелланом посольства Франсишку Алваришем. Этот наблюдательный португальский священник, прибыв в Эфиопию через ее северные морские ворота — порт Массаву, провел в стране около шести лет (1520—1526 гг.) и объездил значительную часть ее территории; в южном направлении он доходил до Дебра-Либаноса в провинции Шоа (немного севернее современной Аддис-Абебы). Его «Правдивое сообщение о землях священника Иоанна Индийского», изданное в 1540 г., — первое подробное описание Эфиопии, составленное лично побывавшим в ней европейцем. В этом сочинении нашло место и сообщение Ковильяна. Сведения Алвариша, основанные на его собственных наблюдениях или записанные с чужих слов, заметно обогатили географическую номенклатуру для центральной части Эфиопии и некоторых других ее районов, а также соседних территорий Северо-Восточной Африки. Интересно его свидетельство о том, что тогдашний эфиопский император Лебна Денгель располагал картой мира и Алвариш внес в нее исправления, касающиеся Западной Европы.

Вскоре после посещения Эфиопии посольством Лимы начался один из самых тяжелых периодов в истории страны. На Эфиопию напали сомалийцы и галла, действовавшие в союзе с турками-османами, которые к тому времени установили контроль над берегами Красного моря. Мусульманские войска под предводительством эмира Харара Ахмеда ибн Ибрагима ал-Гази по прозвищу Левша вторглись в пределы эфиопского государства в 1527 г. Императорская армия была разгромлена, полчища мусульман наводнили всю страну, преследуя христиан, сея смерть и разрушение. Правители Эфиопии, укрывшиеся от врага в неприступных горах, обратились за помощью к португальцам. В 1541 г. в Массаву прибыла португальская флотилия, которой командовал вице-король Индии Иштеван да Гама, сын Васко да Гамы. На берег высадился вооруженный отряд из четырехсот человек под начальством другого сына знаменитого

мореплавателя — Криштована да Гамы. Объединенным силам эфиопов и португальцев удалось разбить неприятеля. Власть императора была восстановлена, часть галласких племен покорена, грозный Левша пал в бою. Погиб и Криштован да Гама. Описания этого похода оставили его спутники Жуан Бермудиш и Мигел Каштаньозу. В их отчетах, опубликованных в Лиссабоне в 1564—1565 гг., содержатся небезынтересные географические данные, хотя, как и в большинстве подобных сочинений той эпохи, правда в них перемешана с вымыслом.

Особого внимания заслуживает сообщение Каштаньозу «об озере, откуда течет Нил». Озеро это, по его словам, очень велико, объехать его можно только за десять дней, на нем много островов, по берегам монастыри. «Из упомянутого озера... берет начало Нил; покинув озеро, он пересекает всю страну пресвитера, пересекает Египет, минует город Каир и впадает в море левантийское в Александрии». Таким образом, в середине XVI в. португальцы были уже знакомы с озером Тана и не сомневались в том, что вытекающая из него река — Голубой Нил — та самая, что протекает через Египет. О существовании Белого Нила им ничего не было известно.

С середины XVI в. Эфиопия становится ареной энергичной деятельности португальских миссионеров-иезуитов. Ими было собрано много ценных географических сведений. Особенно выдающиеся с этой точки зрения достижения связаны с именем Педру Паиша (Педро Паэса), испанца по происхождению. Он был послан в Эфиопию в 1589 г., но по пути попал в руки пиратов, долгое время провел в рабстве в Йемене и добрался до места назначения только в 1603 г. Паиш прожил в Эфиопии почти 20 лет и много путешествовал по стране. В 1613 г. (по другим данным — в 1618 г.) он первым из европейцев посетил священный для эфиопов родник в горах Чоке (провинция Годжам), дающий начало реке Малый Аббай — крупнейшему притоку озера Тана; иными словами, Паишем был открыт исток Голубого Нила. Сам Паиш считал свое открытие еще более значительным, чем оно было в действительности: ничего не зная о Белом Ниле, он был убежден, что перед ним главный или, вернее, единственный исток «реки фараонов». «Мне удалось, — писал он, — увидеть то, что так сильно и так тщетно стремились познать Кир, Камбиз, Александр и Юлий Цезарь». Собственные наблюдения этого миссионера и наведенные им справки показали, что река, у истока которой он побывал, по выходе из озера Тана образует величественный водопад (Тис-Аббай, или Тис-Исат) и затем течет в глубоком и очень узком ущелье, описывая, прежде чем направиться в сторону Египта, большую дугу, обращенную выпуклостью к востоку и югу. Таким образом, Паиш составил себе вполне верное общее представление о конфигурации и морфологии долины Голубого Нила в пределах

Эфиопского нагорья. Заслужою его является и то, что он первый дал правильное объяснение знаменитых разливов Нила в Египте подъемами воды в Голубом Ниле во время летних муссонных дождей.

Два других португальских иезуита — Антониу Фернандиш, живший в Эфиопии с 1604 г., и Мануэл ди Алмейда, прибывший в эту страну в 1622 г., — ознакомились с некоторыми южными районами Эфиопского нагорья, населенными народами галла. Еще один миссионер-иезуит, Жироме Лобу, попытался в 1624 г. найти новый путь в Эфиопию — со стороны Малинди, португальской базы на восточноафриканском побережье; это было важно для португальцев потому, что красноморские порты продолжали находиться под властью турок. Предприятие Лобу окончилось неудачей, но зато имело немаловажный географический результат — исследование восточного побережья материка между островом Патта (близ 2° ю. ш.) и устьем большой реки Джубы. В дальнейшем Лобу прошел из Бейлуля на берегу Красного моря через пустыню Данакиль в провинцию Тигре и оставался в Эфиопии до 1633 г. Он побывал в большинстве тех же районов, что и Паиш, повидал исток Голубого Нила и дал почти фотографически точное описание водопада Тис-Аббай. Именно Лобу первый довел до сведения европейцев местное название реки — Аббай, т. е. «отец вод» (правда, в искаженном написании — Абави).

Труды португальских миссионеров-иезуитов об Эфиопии, как правило весьма добросовестные в отношении фактического материала, в большинстве своем увидели свет уже в XVI в., но не сразу привлекли к себе внимание географов. Так, собранная ими информация о Голубом Ниле не нашла никакого отражения на картах выдающегося голландского картографа XVII в. Олферта Даппера, автора фундаментального «Описания Африки», которое получило широкую известность и было переведено на многие европейские языки (первое голландское издание опубликовано в Амстердаме в 1668 г.). Из сочинений португальских авторов (скорее всего более ранних, XVI в.) Даппер заимствовал — в том, что касается Северо-Восточной Африки, — названия отдельных областей, народов и населенных пунктов, представления же его о гидрографической системе Нила восходят в основном к античным (Птолемей) и арабским источникам.

Попытки португальских иезуитов приобщить Эфиопию к католицизму натолкнулись на сопротивление эфиопской церкви и потерпели полный провал. В 1633 г. иезуиты изгоняются из страны, въезд в нее католикам воспрещается. Эфиопия вновь на длительный период оказывается изолированной от европейского мира, тогда как отношения ее с соседними мусульманскими странами улучшаются. Сведения о переносе эфиопской столицы в Гондар доходят до Европы через Ближний Восток.

Большую роль в распространении знаний об Эфиопии в Европе сыграл труд немецкого ориенталиста Иова Лудольфа «История Эфиопии», первоначально опубликованный на латинском языке (во Франкфурте-на-Майне в 1681 г.) и затем в многочисленных переводах. В основу его были положены сообщения эфиопского ученого-монаха Григория. Он покинул Эфиопию одновременно с изгнанием иезуитов, вместе с ними добрался до Рима и долго жил в Европе. Его рассказы об Эфиопии содержали преимущественно исторические и этнографические сведения, но определенная дань отдавалась и географии. По этим рассказам в изложении Лудольфа европейцы смогли составить представление о многих провинциях Эфиопии — Бегемдере, Годжаме и других — и населяющих их народах.

Европейские исследователи Северо-Восточной Африки конца XVII—XVIII вв.: Понсе и Брюс

После более чем полувекового перерыва в европейских исследованиях Эфиопии путешествие в эту страну совершил в 1698—1700 гг. французский врач Шарль Жак Понсе. Он занимался медицинской практикой в Каире и был приглашен к эфиопскому двору для лечения больного императора Иясу I. Понсе достиг Эфиопии иным путем, чем португальцы: не со стороны Красного моря, а вдоль Нила. Караванными дорогами пустыни он прошел от Манфалута (близ Асьюта) через оазис Харга до третьего нильского порога, добрался левобережьем Нила и затем через так называемую степь Байюда до Сеннара — независимого мусульманского султаната в Восточном Судане, оттуда двинулся вверх по течению Голубого Нила и его правого притока Рахада, углубился в пределы Эфиопского нагорья и в конце концов прибыл в новую эфиопскую столицу Гондар (к северу от озера Тана). Вылечив своего царственного пациента, Понсе вернулся в Египет обычным путем — через Массаву. Ему принадлежит первое европейское описание Гондара, основанного в 1636 г., т. е. уже после изгнания иезуитов. Любопытно, что современники Понсе отнеслись к этому описанию с недоверием: в начале XVIII в. европейцы не могли себе представить, что в глубине Африки существует город, красота и величие каменных дворцов которого может поразить даже француза. Следует заметить, что полученные французским путешественником сведения имели вначале лишь ограниченное распространение. Книга Понсе «Краткое сообщение о его путешествии в Эфиопию, сделанном в 1698, 1699 и 1700 годах» увидела свет только в 1786 г., почти через 90 лет после самого путешествия.

На рубеже XVII и XVIII вв. возобновились попытки распространить в Эфиопии католичество. Вместе с Понсе в стране

побывали иезуитские миссионеры, на этот раз французские. В 1700—1702 гг. Эфиопию посетил баварский монах Теодор Крумп, добравшийся до нее примерно тем же путем, что и Понсе; за ним в 1704 г. последовал французский иезуит Лемуар дю Руле, но уже в Сеннаре он был убит. Эти путешествия мало что добавили к общей сумме европейских географических знаний об Эфиопии, которая в начале XVIII в. была уже довольно значительной: европейцы знали тогда Эфиопию лучше большинства других стран Африки южнее Сахары.

Рассматриваемый период исследования Северо-Восточной Африки завершает получившее широкую известность путешествие шотландского врача Джеймса Брюса. Знакомство его с Африкой началось в 1762 г., когда он был назначен британским консулом в Алжир. В последующие годы он объездил все средиземноморское побережье Африки, осматривая руины римского периода, изучая восточные языки и восточную медицину. В 1768 г. Брюс отправился в гораздо более значительное по масштабам путешествие — в Эфиопию, замечательное уже одним тем, что это было первое большое путешествие европейца в глубь Африканского материка, преследовавшее чисто научные цели и притом направленное на решение совершенно конкретной географической задачи — выяснение вопроса об истоках Нила. Поднявшись по Нилу от Александрии до Кены, шотландский исследователь проехал оттуда в порт Кусейр на Красном море и после длительного морского плавания с заходами в аравийские порты прибыл в сентябре 1769 г. в Массаву. В феврале 1770 г. он добрался — через Адуа и Аксум — до Гондара; в то время там свирепствовала эпидемия оспы, и Брюс смог оказать большую пользу как врач, чем завоевал расположение императора. Получив разрешение побывать в интересующих его местах, путешественник направился к озеру Тана, обошел его с запада, посетил священный родник — исток Малого Аббая, перешел через Голубой Нил по мосту, построенному (уже после ухода португальцев из страны) близ водопада Тис-Аббай, и, обогнув озеро Тана с востока, вновь прибыл в Гондар. Чтобы вернуться в Египет, Брюс прошел тем же путем, что и Понсе, но в обратном направлении — от Гондара до низовьев Голубого Нила, затем проследовал вдоль Нила до Абу-Хамеда и далее через Нубийскую пустыню до Асуана. Закончил он свое путешествие в 1773 г. Пяти томный отчет об этой экспедиции под заглавием «Путешествие с целью открыть исток Нила в 1768—1773 годах» был опубликован в 1790 г. в Эдинбурге.

Брюс не сделал настоящих географических открытий, по крайней мере ни одного крупного. Те открытия, на которые он претендовал, фактически были сделаны за полтора века до него португальцами. При этом шотландский исследователь повторил

ошибку своих предшественников, утверждая, что главным истоком Нила является Голубой Нил. В отличие от португальцев Брюс уже знал о существовании у Нила второго, более западного истока, но в своем сочинении представил его как незначительную реку. Сам он, впрочем, этой реки не видел, хотя побывал (как и Понсе) недалеко от места слияния Голубого и Белого Нила. Брюса справедливо упрекают в том, что он стремился игнорировать географические достижения португальских миссионеров XVII в. и приписать роль первооткрывателя истоков Нила собственной персоне. Его притязания были бы в какой-то мере оправданны, если бы данные, полученные более ранними исследователями, к тому времени были забыты и исчезли с карт (случай в истории исследования Африки нередкий). Но дело обстояло как раз наоборот: именно в середине XVIII в. непосредственно перед путешествием Брюса географические данные Паиша и Лобу, долгие годы пролежавшие втуне, начали наконец находить отражение на картах. Так, на карте Африки, опубликованной в 1761 г. французским географом Жаном Батистом Бургиньоном д'Анвилем (к его работам мы еще вернемся), довольно верно показаны и озеро Тана, и все течение Голубого Нила. Вряд ли Брюс мог не располагать этими данными; конечно, отправляясь в свое путешествие, он имел право не доверять им, но в таком случае должен был бы потом признать, что его собственные исследования целиком их подтвердили.

Вместе с тем неправильно было бы и недооценивать значение путешествия Брюса. Его капитальный труд содержал намного более обильную географическую информацию о Северо-Восточной Африке, чем сообщения всех его предшественников. Большую ценность представили картографические результаты экспедиции: если Брюс и не открыл новых крупных географических объектов, то он, бесспорно, оказал огромную услугу картографам астрономическими определениями координат различных пунктов своего маршрута (этого не делал никто из более ранних путешественников). Но пожалуй, особенно важен не столько личный вклад Брюса в развитие географических представлений об Африке, сколько то, что его путешествие привлекло пристальное внимание европейских, в первую очередь английских, ученых к этому континенту и его географическим проблемам, в том числе к проблеме истоков Нила. Книга Брюса уже в конце XVIII в. вдохновила некоторых его соотечественников на новые исследования в Африке и продолжила стимулировать интерес к таким исследованиям в начале XIX в. Благодаря этим новым работам гипотеза Брюса о том, что главной составляющей Нила является Голубой Нил, просуществовала совсем недолго.

Англичане и французы в Западной Африке

В течение XVI—XVIII вв. на побережье Западной Африки, от устья Сенегала до берегов залива Биафра, выросло множество европейских фортов и факторий, ставших опорными пунктами для колонизации этой части континента. Только на Золотом и Невольничьем Берегах таких поселений к концу XVIII в. насчитывалось свыше тридцати. Однако темпы географического исследования Западной Африки на протяжении всего рассматриваемого периода оставались крайне медленными. Западноафриканское побережье посещали в это время тысячи европейцев (в первую очередь в связи с процветавшей здесь работорговлей), из них по меньшей мере десятки оставили описания своих путешествий, но реальному расширению географического кругозора способствовали лишь считанные единицы.

Достаточно взглянуть на карту Западной Африки, изданную французом Н. Сансоном в 1656 г., чтобы убедиться в отсутствии у европейцев в середине XVII в. сколько-нибудь достоверных сведений об орографии внутренних районов этой части материка. Вполне соответствуют действительности контуры береговой линии, зафиксированы устья многих рек, некоторые прибрежные горные массивы. Но Нигер, как и на средневековых картах, изображен текущим с востока на запад. Он берет начало в большом озере, соответствующем по своему положению Чаду, пересекает всю Западную Африку строго по широте и впадает в Атлантический океан четырьмя рукавами, носящими названия Сенегал, Гамбия, Сан-Домингу и Риу-Гранди (последние два названия относятся к рекам Кашеу и Корубал). В то же время настоящие дельтовые рукава Нигера, так называемые «Масляные реки», показаны как небольшие самостоятельные водотоки. К чисто фантастическим элементам карты относятся многочисленные реки в Сахаре. Характерны искаженные географические названия, перекочевавшие из старинных источников; много случайных названий мелких пунктов, почерпнутых из сообщений современников. Примерно такой же выглядит эта часть Африки и на карте голландца О. Даппера (1668 г.). Короче говоря, 300 лет назад на карте Западной Африки достоверно было только изображение береговой полосы.

Все же к моменту появления карты Сансона некоторый прогресс в изучении Западной Африки по сравнению с предыдущим, «португальским», периодом был уже достигнут. Это относится прежде всего к ее крайнему западу — территории, которая была в то время известна под названием Сенегамбии. В 1618—1619 гг. англичанин Джордж Томпсон поднялся вверх по Гамбии более чем на 600 км, т. е. прошел около половины всей протяженности ее течения. Почти одновременно с ним Гамбию посетил Ричард Джобсон, собиравший сведения о торговых свя-

Карта Западной Африки Н. Сансона

зях с Томбукту и обобщивший их в книге «Торговля золотом, или Открытие реки Гамбра» (Лондон, 1623). В самом Томбукту в те же годы побывал француз Поль Эмбер, попавший туда из Марокко в качестве пленника. В первой половине XVII в. начинается также постепенное продвижение французов в глубь материка вдоль Сенегала, в устье которого они к тому времени уже прочно обосновались; активизации исследований этого района способствовало создание в 1633 г. кардиналом Ришелье так называемой Сенегальской компании, преследовавшей торговые и колонизационные цели. Первая французская экспедиция вверх по долине Сенегала под начальством Клода Жаннекена состоялась в 1637 г. Центром французской колонии и исходным пунктом последующих экспедиций стал основанный в середине XVII в. город Сен-Луи.

В конце XVII и в XVIII в. попытки проникновения европейцев в глубь Западной Африки учащаются. Особенно значительные масштабы приобрела исследовательская и колонизационная деятельность французов в Сенегамбии. Она связана в первую очередь с именем Андре Брю, который был одним из директоров «Сенегальской компании» и длительное время (в 1697—1702 и 1714—1725 гг.) лично управлял французской колонией. Брю проследил Сенегал до устья его левого притока Фалеме и обследовал низовье этого притока, а один из его агентов, Компаньон, продвинулся в 1716 г. еще дальше и посетил золотоносную область Бамбук между Фалеме и верхним

течением Сенегала. Собранные Брю и его сотрудниками материалы были опубликованы в 1728 г. в Париже в обработке французского миссионера-доминиканца Жана Батиста Лаба под заглавием «Новое описание Западной Африки».

Из более поздних исследований того же района наибольшее научное значение имели работы молодого французского ботаника, впоследствии ученого с мировым именем — Мишеля Адансона в 1749—1753 гг.; плодом их явилась его «Естественная история Сенегала» (Париж, 1757). Упомянем также путешествие по Сенегамбии Д. Ламирала в 70—80-х годах XVIII в., описанные им в книге «Африка и африканский народ» (Париж, 1789). К этому времени французы были знакомы уже с большей частью бассейна Сенегала, но верховья реки все еще оставались неизвестными. Некоторые географы продолжали придерживаться старых представлений о связи Сенегала с Нигером. Приверженцем этой концепции был, между прочим, Джеймс Брюс, наводивший в Эфиопии и Восточном Судане кое-какие справки о расположенных дальше к западу районах. Он считал, что Нигер начинается в Кордофанае, т. е. в непосредственной близости к Белому Нилу, устьевые же рукава его он видел, как и географы XVII в., в Сенегале и Гамбии. Подобные взгляды, однако, уже начали утрачивать популярность, и, например, на упоминавшейся нами выше карте Анвила Сенегал и Гамбия отделены от Нигера четко выраженным водоразделом.

Вопрос о Гамбии, впрочем, к тому времени действительно мог считаться решенным. В 1723 г. англичанин Бартоломью Стиббс, поднявшись по этой реке до порогов Барракунда, пришел к правильному выводу, что истоки Гамбии находятся уже недалеко и что, следовательно, она никак не может быть нижним течением или рукавом Нигера. Вскоре после этого англичане, закрепившиеся в устье Гамбии, уже располагали надежными картами этой реки, основанными на съемках капитанов У. Смита (1726 г.) и Дж. Лича (1732 г.). Хорошее описание территории, прилегающей к реке, было опубликовано в 1738 г. Фрэнсисом Муром.

Ознакомлению европейской читающей публики с верхнегвинейским побережьем во второй половине XVII в. способствовало сочинение французского мореплавателя и купца Никола Вийо де Бельфона «Сообщение о берегах Африки, именуемых Гвинеей» (Париж, 1669), касающееся главным образом Золотого Берега. В конце XVII в. в Западной Африке, тоже преимущественно на Золотом Береге, много лет провел служащий голландской «Вест-Индской компании» Виллем Босман; его перу принадлежит «Обстоятельное описание гвинейских: Золотого Берега, Берега Зубов [т. е. Слоновой Кости] и Невольничьего» (Утрехт, 1704). Небезынтересное «Описание берегов Северной и Южной Гвиней» оставил французский купец-гугенот

Жан Барбо (оно было опубликовано в «Чёрчиллевском собрании морских и сухопутных путешествий» в 1746 г.). Отметим также изданное в Амстердаме в 1735 г. «Новое сообщение о некоторых местностях Гвинеи» англичанина Уильяма Снелгрейва, путешествия которого, начавшиеся в 1719 г., коснулись, в частности, Сьерра-Леоне и Дагомеи. В конце XVIII в. выходят в свет «Путешествие в страну Дагомею» англичанина Р. Норриса (Париж, 1790) и «Путешествия в Гвинею» датчанина П. Э. Изерга (Копенгаген, 1788).

В целом можно констатировать, что европейские, преимущественно французские и английские, путешествия по Западной Африке в рассматриваемый период еще не носили характера сколько-нибудь планомерного исследования. Проникновение в глубинные районы ограничивалось разрозненными маршрутами, приуроченными к долинам крупных рек; все, что находилось в стороне от этих маршрутов, оставалось *terra incognita*. Воссоздание реальной картины рельефа и гидрографии Западной Африки началось только на рубеже XVIII и XIX вв. с повышением интереса к проблеме Нигера.

Проникновение европейцев в Конго и Анголу

Активное проникновение португальцев в Конго началось сразу же после экспедиции Диогу Кана. Уже в 1491 г. сюда прибыло на трех судах второе португальское посольство, которое возглавлял Руй ди Соуза. В составе посольства находились миссионеры, были также присланы каменщики и плотники для строительства церквей. На тех же кораблях вернулись на родину уехавшие с Каном послы маниконго, обласканные при португальском дворе и принявшие там крещение. Вскоре по прибытии посольства в столицу государства состоялся торжественный обряд крещения короля Нзинга-а-Нкуву, получившего имя Жуана I. Поспешное обращение маниконго в христианство объяснялось его желанием угодить чужеземцам в расчете на их помощь против внешних и внутренних врагов. Как раз во время пребывания Соузы в Сан-Салвадоре (так стала называться столица Конго) пришли известия о восстании на северо-востоке страны, поднятом, по словам португальского хрониста Жуана ди Барруша, «народом мундеквете, который населяет некоторые острова в большом озере, откуда вытекает река Заири». Предпринятый королем Конго совместно с португальцами военный поход увенчался победой над восставшими, в чем немалую роль сыграло европейское огнестрельное оружие. С географической точки зрения представляет интерес упоминание о «большом озере», до которого дошли вместе с войском маниконго португальские участники похода; это мог быть только

Стэнли-Пул — озеровидное расширение реки Конго непосредственно выше порогов и водопадов ее нижнего течения.

Дипломатические отношения между Португалией и Конго с тех пор поддерживались регулярно. При преемнике Жуана I, Афонсу I, ревностном католике, начинается массовая христианизация населения. Открытое для бесчисленных «единоверных» авантюристов, Конго постепенно втягивается в работорговлю со всеми вытекающими отсюда губительными последствиями. Войны и междоусобицы, преследующие в первую очередь цель захвата пленных и продажи их в рабство, становятся, по справедливому замечанию А. С. Орловой, «постоянно действующим фактором в жизни государства»*.

Все более бесцеремонное поведение португальцев, начавших грубо вмешиваться во внутренние дела Конго, вызвало в 1561 г. мощное народное восстание. Все находившиеся в стране европейцы, за исключением духовенства, были перебиты. Тем не менее это отнюдь не положило конец португальской экспансии. Последующие попытки королей Конго ограничить проникновение португальцев затруднялись прогрессирующим ослаблением государства, которым спешили воспользоваться соседние народы, непрерывно тревожившие его границы. Особенно сильный удар королевству Конго нанесло опустошительное нашествие полчищ яга — кочевого народа неясного происхождения, пришедшего откуда-то с востока и вторгшегося в страну во второй половине XVI в. Чтобы избавиться от грозного врага, маниконго Алвару I вынужден был обратиться к Португалии за военной помощью и заплатил за нее тем, что официально признал себя вассалом португальской короны.

В это время Португалия, до того ограничивавшаяся мирным — дипломатическим, идеологическим и торговым — проникновением в Западную Экваториальную Африку, встает на путь прямых военных захватов. Главной причиной такого поворота в политике явились дошедшие до португальцев слухи (в большинстве своем ложные) о богатстве недр королевства Конго и сопредельных стран благородными металлами. Решено было начать с завоевания менее обширного и могущественного, чем Конго, государства Ангола (Гола-ан-Донго, Ндонго), расположенного к югу от него в бассейне реки Кванза. За состоявшейся в 1560 г. первой, разведывательного характера португальской экспедицией в эту страну, возглавленной Паулу Диашем ди Новайшем, последовала вторая, под его же начальством; в 1575 г. Диаш поднялся по Кванзе до района водопадов Камбамбе и объявил нижнюю часть долины этой реки владением Португалии. В бухте Луанда к северу от устья Кван-

* А. О. Орлова. История государства Конго (XVI—XVII вв.). М., 1968, стр. 78.

зы им был заложен форт Сан-Паулу-ди-Луанда, ставший опорным пунктом для последующих завоеваний и ядром современной столицы Анголы. Коренное население оказало захватчикам длительное и упорное вооруженное сопротивление, но все же в конечном итоге португальцам удалось утвердиться и в Анголе, и в соседней области Бенгеле (к югу от Кванзы), где главным центром колонизации явилось основанное в 1617 г. приморское поселение Сан-Филипи-ди-Бенгела.

Уже после первых территориальных захватов в Анголе португальцы начали предпринимать шаги к расширению новоприобретенных владений за счет земель королевства Конго, в дальнейшем же они не раз делали попытки овладеть этой страной целиком, для чего использовали все средства: дипломатические нажимы, дворцовые заговоры, разжигание междоусобиц и, наконец, завоевательные походы. Цели своей они, однако, не достигли и в конце XVII в. вынуждены были покинуть Конго. Отстояв свою независимость от Португалии, это государство вместе с тем не смогло сохранить целостность: обессиленное внутренними раздорами, войнами и работорговлей, оно распалось на враждующие уделы. Один из них продолжал называться королевством Конго до XIX в., но территория его была уже крайне невелика и политическое значение ничтожно.

К концу XVIII в. под контролем Португалии находилось почти все побережье современной Анголы и часть его неподсудного хинтерланда; дальше всего в глубь материка португальское влияние распространялось по долине Кванзы. В торговой колонизации (без территориальных захватов) района устья Конго и расположенного к северу от него участка побережья, так называемого берега Лоанго, наряду с португальцами участвовали голландцы, французы, англичане и др.

За три столетия, истекшие со времени открытий Диогу Кана, португальцы, несомненно, должны были хорошо познакомиться по крайней мере с приморской частью территории современной Анголы, но делиться своими знаниями с остальным миром они не торопились. Отчеты португальских послов, миссий, военных экспедиций и другие материалы в подавляющем большинстве остались погребенными в государственных архивах и увидели свет (да и то далеко не полностью) только в конце XIX—XX вв., когда публикация их представляла уже лишь чисто исторический интерес. По существу вся информация о Конго и Анголе, какую могли получить географы рассматриваемого периода после появления хроники Барруша (1551 г.), поступала к ним по неофициальным каналам, не имевшим прямого отношения к португальской колонизации.

Основным источником географических и иных сведений об этой части Африки долгое время служил труд видного итальянского гуманиста, путешественника, историка и политического

деятеля Филиппо Пигафетты «Сообщение о королевстве Конго и сопредельных странах», впервые опубликованный на итальянском языке в Риме в 1591 г. и позднее переведенный на многие другие европейские языки. В основу его положен рассказ португальского торговца Дуарти Лопиша, который появился в Конго в 1578 г., прожил в стране несколько лет и стал одним из приближенных короля Алвару I. Впоследствии он побывал в качестве посла маниконго в Риме, там встречался с Пигафеттой и поведал ему о своих путешествиях и наблюдениях. В «Сообщении» помимо обширных исторических экскурсов содержится подробное географическое описание государства Конго в целом и отдельных его провинций; приведены также сведения о территориях, лежащих к югу и востоку от Конго. Географические данные Лопиша, однако, достаточно точны лишь в той части, в какой они относятся к посещавшимся им лично районам — приморской провинции Сойо и центральной провинции; во всем остальном он полагался на весьма ненадежную информацию, которую получал в основном от африканцев — агентов португальских работорговцев, посылавшихся ими для охоты за рабами во внутренние области страны. Кроме того, кое-что в «Сообщении», вероятно, добавлено от себя Пигафеттой, находившимся под влиянием античных и арабских авторов.

Как пример сочетания реальности и фантазии можно привести следующее описание реки Заири (Конго). «Заири вытекает из трех различных озер; первый свой исток она берет в том же озере, что и Нил, второй — в том, откуда... вытекают Лелунда и Куанза, а третий — в том озере, которое образует Нил... Устье ее имеет 28 миль в ширину, и течение так сильно, что выносит в море пресную воду на 40—50 миль, а иногда и до 80 миль; моряки распознают эту воду по ее цвету и черпают ее как пресную для своих нужд. Она судоходна для больших кораблей на 25 миль; на этом расстоянии от берега она низвергается с громадных высоких скал... с неистовой силой и таким грохотом, что слышно его за 8 миль». Несмотря на отдельные ошибки, нижнее течение Конго описано здесь в общем верно, в сообщении же об истоках реки соединены, по всей вероятности, собранные Лопишем данные о том самом озере, о котором упоминал Барруш, т. е. о Стэнли-Пуле, и «книжные» сведения (исходящие, скорее всего, от Пигафетты) о нильских озерах.

В 1625 г. в Лондоне был опубликован любопытный документ — «Удивительные приключения Эндрью Бэттелла из Ли в Эссексе». Английский моряк Эндрью Бэттелл в 1589 г. был захвачен в плен португальцами в южноатлантических водах и вместе с тремя своими товарищами увезен в Анголу. В Африке — Анголе, Конго и Лоанго — он находился до 1607 г.; между

прочим, он был, насколько известно, первым европейцем, повидавшим (в бытность свою в Лоанго) крупнейшую человекообразную обезьяну — гориллу. Рассказ Бэттелла, записанный по его возвращении на родину викарием С. Пёрчесом, содержал «кое-какое описание виденных им мест, не имевшее, конечно, почти никакого научного значения»*. То же относится к изданной тогда же Пёрчесом истории приключений Энтони Найвета, товарища Бэттелла по португальскому плену.

Более существенное пополнение географических знаний о рассматриваемой части Африки было связано с голландско-португальским соперничеством на морских торговых путях. Первые попытки голландцев обосноваться на этом участке западного побережья материка восходят к началу XVII в. С 1607 по 1612 г. устье Конго и берег Лоанго трижды посещал голландский купец Питер ван ден Брукке; описание его путешествий было издано в Гарлеме в 1634 г. В конце первой половины XVII в. Нидерланды приступили к более решительным действиям: в 1641 г. голландские войска вторглись в Анголу, захватили Луанду и удерживали ее до 1648 г. За этот короткий период своего господства на побережье Анголы голландцы успели установить дипломатические связи с королевством Конго, а один из них, Ян ван Хердер, совершил в 1642 г. большое путешествие на северо-восток от Сан-Салвадора; он пересек долину Инкиси, левого притока Конго, и вышел к широкой и многоводной реке Кванго ниже порогов Кингуши. Отчет об этом путешествии Хердер передал в рукописном виде своему соотечественнику Олферту Дапперу, который и использовал его наряду с другими источниками при подготовке «Описания Африки». Имя Хердера вскоре было забыто (оно стало вновь известно только в 1912 г. благодаря изысканиям французского историка Р. Авело), но факт открытия Кванго оказался зафиксированным, и с тех пор эта река стала значиться на всех географических картах, причем обычно ее отождествляли с верхним течением Заира (Конго).

Особую и весьма важную группу источников разнообразной информации о Конго и Анголе составляли сочинения итальянских миссионеров, главным образом монахов-капуцинов, в большом числе подвизавшихся там в XVII в., особенно во второй его половине, в качестве представителей папского престола (в прямых контактах с Римом были заинтересованы сами короли Конго, рассчитывавшие на его помощь перед лицом португальской угрозы). Их реляции в большинстве случаев довольно быстро находили выход в печать, некоторые же из них неоднократно переиздавались, в том числе и в переводах.

* Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований. М., 1950, стр. 243.

Самым ранним документом такого рода является опубликованное в Риме в 1649 г. «Краткое сообщение об успехе миссии меньших братьев капуцинов... в королевстве Конго», принадлежавшее перу Джованни Франческо Романо и основанное на результатах его первого путешествия в эту страну в 1645—1647 гг. (впоследствии он еще раз побывал там в 1651—1655 гг.). Свыше 20 лет, с 1648 по 1668 г., прожил в Конго, преимущественно в его северо-восточной провинции Нсунди, Джироламо да Монтесарчио; оставленная им рукопись, правда, увидела свет в полном виде только в XX в., но она была знакома другому миссионеру-капуцину — его современнику Джованни (Джио) Антонио Каваччи да Монтекуоло, который привел обширные выдержки из нее в своем «Историческом описании трех королевств: Конго, Матамба и Ангола», изданном в 1687 г. в Болонье и долгое время пользовавшемся большой популярностью. Собственные наблюдения Каваччи относятся в основном к Анголе, где он жил в 1654—1668 гг. и затем с 1674 г. В 1671 г. в Реджио была опубликована книга «Путешествие в королевство Конго», авторами которой были Микель Анджеоло да Гаттина и Диониджи Карли да Пьяченца, побывавшие в этой стране в 1665—1668 гг. В 1683—1688 гг. в тех же краях, главным образом в провинции Сойо, занимался миссионерской деятельностью Джироламо Меролла; по материалам, собранным им и его коллегой Франческо Монтелеоне, он подготовил «Краткое и сжатое сообщение о путешествии в королевство Конго», изданное в 1692 г. в Неаполе, и в 1693 г. вновь отправился в Африку, где и умер. В 1696—1704 гг. в Сойо жил Антонио Дзучелли да Градиска; его «Сообщения о путешествии и миссии в Конго» изданы в Венеции в 1712 г.

Труды итальянских миссионеров, особенно Каваччи, вместе с некоторыми португальскими (видимо, неопубликованными) материалами легли в основу подготовленного Жаном Батистом Лаба и вышедшего в свет в Париже в 1732 г. «Исторического повествования о Западной Эфиопии», которое довольно полно отразило тогдашнее состояние изученности Конго и Анголы.

То немногое, чем обогатились знания европейцев о Западной Экваториальной Африке на протяжении XVIII в., связано в основном с несколькими французскими именами. В 1700—1701 гг. в устье Конго и на берегу Лоанго (на территории современной Кабинды) побывали французские купцы Жак Барбо и Жан Кассенёв; их воспоминания об этой поездке были включены в «Чёрчиллевское собрание морских и сухопутных путешествий» (Лондон, 1746). С 1766 по 1775 г. на берегу Лоанго действовали французские католические миссионеры — Бельград, Декувриер, Жоли и другие; собранные ими материалы были опубликованы в 1776 г. аббатом Пурайяром. К самому концу рассматриваемого периода относится пребывание в Конго

Африка по О. Данперу

и Анголе французского работорговца Л. Дегранпре, описанное им в книге «Путешествие на западный берег Африки, совершенное в 1786—1787 годах» (Париж, 1801).

Все побывавшие в Анголе и Конго в XVI—XVIII вв. европейские путешественники — миссионеры, купцы и прочие — описывали с большей или меньшей добросовестностью растительный и животный мир посещенных ими стран, обычаи и нравы населения, его духовную и материальную культуру, общественную организацию и т. п., подробно останавливались на политико-географических моментах, но уделяли сравнительно мало внимания общегеографическим вопросам и, как правило, не заботились о том, чтобы отделить в своих сочинениях установленные ими лично географические факты от слухов и домыслов.

Оценивая впоследствии научные результаты деятельности католических миссий, английский географ У. Д. Кули отмечал: «Во всех многочисленных пухлых работах миссионеров едва ли наберется 20 страниц по-настоящему надежных географических сведений, основанных на подлинных наблюдениях и свободных от преувеличений» *. Картографическую интерпретацию собранных ими данных путешественники целиком предоставляли «кабинетным» ученым, которые, располагая лишь скудной и зачастую противоречивой информацией, обычно не удерживались перед искушением дополнить ее собственной фантазией. Не удивительно, что их карты были очень далеки от точности даже в отношении сравнительно хорошо знакомых европейцам приморских районов, не говоря уже о более удаленных от побережья территориях, известных только понаслышке. Так, на картах XVIII в. можно найти по существу все сколько-нибудь значительные реки, впадающие в Атлантический океан в пределах современной Анголы, от Конго до Кунене, но конфигурация их течения в большинстве случаев сильно отличается от истинной. Характерна тенденция отодвигать на картах истоки береговых рек, равно как и границы прилегающих к побережью стран, возможно дальше в глубь материка, искусственно уменьшая тем самым размеры неисследованной внутренней области.

Некритическое отношение путешественников и обрабатывавших их материалы картографов к расспросным данным нередко приводило к существенным недоразумениям. Примером может служить история с так называемым озером Аквилонда (Аквилунда, Чиланде), якобы лежащим к востоку от королевства Конго, примерно под $7^{\circ}30'$ ю. ш. и дающим будто бы начало реке Барбола, или Барбела, впадающей затем в Кванго. Сведения об этом озере исходят от Кавацци, получившего их от местных торговцев. Оно фигурирует на всех картах XVIII в., затем исчезает, но в середине XIX в. появляется вновь. Можно думать, что данные Кавацци относились все к тому же Стэнли-Пулу; там, где он должен был бы находиться (значительно севернее), на картах рассматриваемого периода его нет. Выше уже говорилось, что это озеровидное расширение Конго португальцы посещали, по-видимому, еще в конце XV в., но точное местоположение его тогда не было зафиксировано.

Португальцы на восточном побережье Африки и в бассейне Замбези

Контурсы юго-восточного и восточного побережья Африки, установленные в основных чертах Васко да Гамой в 1498 — 1499 гг., были уточнены в первом десятилетии XVI в. новыми

* W. D. Cooley. Inner Africa laid open. London, 1852, p. 3.

португальскими морскими экспедициями в Индию — Педру Алвариша Кабрала (1500—1501 гг.), Жуана да Новы (1501—1502 гг.), самого Васко да Гамы (второе плавание, 1502—1503 гг.), Франсишку д'Алмейды (с 1505 г.), Триштана да Куньи (1506 г.) и Афонсу д'Албукерки (1507—1509 гг.).

Важным географическим достижением этих лет было открытие одной из крупнейших рек Африки — Замбези. Напомним, что Гама, побывав в 1498 г. в эстуарии Келимане, познакомился с устьем одного только северного, менее значительного рукава дельты Замбези. В начале же XVI в. португальцы открыли два гораздо более многоводных потока, впадающих в океан южнее Келимане, и установили, что оба они являются рукавами одной и той же могучей реки. Первоначально она обозначалась на картах под названием Куамы.

Португальские мореплаватели быстро изучили особенности береговой линии, расположение прибрежных островов и рифов, песчаных отмелей и баров, бухт и устьев рек. Немногим ранее 1514 г. кормчий Жуан да Лижбоа, участвовавший в одной из экспедиций Гамы, составил официальную лоцию для плаваний на восток, которая оставалась лучшим руководством для штурманов вплоть до XIX в.

В ходе своих плаваний в Индию португальцы познакомились с Мадагаскаром, Коморскими, Сейшельскими, Амирантскими, Маскаренскими островами*. Все эти острова уже фигурируют на карте Диогу Рибейры 1519 г.

В течение XVI в. на восточном побережье Африки возникла единая цепь португальских крепостей и факторий — от Лоренсу-Маркиша и Софалы на юге до Момбасы и Малинди на севере, — которые использовались как промежуточные станции на пути в Индию и одновременно стали опорными базами для проникновения в глубь материка.

Важный стимул для исследования внутренних районов португальцы получили уже в 1501 г., когда участники экспедиции Кабрала, побывав в Софале, узнали о том, что в этот порт из глубины континента доставляется золото. Лиссабон поспешил прежде всего установить контроль над торговлей желтым ме-

* Название Коморских островов унаследовано от арабской географической номенклатуры; оно происходит от слова «камр», или «гамар», — по-арабски «луна», а возможно, и от «комр» — арабского названия индонезийцев. Амирантские острова — по-португальски *Ilhas de Almirante*, т. е. «Острова адмирала», названы в честь Васко да Гамы. В названии Маскаренских островов запечатлено имя открывшего их в 1507 г. португалец Перу Машкареньяша. Сейшельские острова, открытые португальцем Фернанду Суаришем в 1506 г., получили свое современное название в XVIII в. в честь французского морского министра Сешеля. В южной части Атлантики Жуан да Нова открыл в 1502 г. острова Святой Елены и Вознесения, а Триштан да Кунья в 1506 г. — группу островов, названную его именем (на русских картах — Тристан-да-Кунья).

таллом, и в 1505 г. в Софалу был послан Педру д'Анаия, чтобы основать там военный форт. На следующий год из Индии в Португалию ушло донесение Диогу д'Алказовы, содержавшее весьма завышенные данные о торговле золотом через Софалу. Благодаря ему в Европе впервые стало известно о существовании золотоносной страны Макаланга (Макаранга), столица которой называется Зимбабве и находится примерно в 24 днях пути от Софалы, правитель же носит титул мономотапа (в дальнейшем это название было перенесено на всю страну). Сведения эти были получены из вторых рук, от торговцев Софалы, но уже в 1514 г. португальцу Антониу Фернандишу* (он служил у Албукерки и был оставлен им в Софале) удалось повидать «страну золота» своими глазами.

Фернандиш побывал в государстве Момотапа дважды. В первом своем путешествии он проследовал из Софалы вдоль реки Бузи к поднимающимся над приморской равниной горам Вумба и Чиманимани, обошел их с юга по долинам Сави (Сави) и ее левого притока Одзи и через перевал в районе Умтали прошел сначала к истокам Пунгве — реки, впадающей в Индийский океан севернее Бузи, а затем в бассейн правого притока Замбези — Мазоз. Здесь португальский путешественник вступил в пояс золотых рудников. Вскоре он прибыл в резиденцию мономотапы, которая находилась тогда на реке Умзенгези (Мусенгези) близ гор Мвурадона. Отсюда Фернандиш совершил два сравнительно небольших похода на юго-запад, к рекам Хуньяни и Умфули, где, судя по его описанию, встретил бушменов. Обратившись в Софалу он вернулся более коротким путем — по водоразделу Замбези — Сави, через перевал Умтали и далее вниз по долине Ревуз, левого притока Бузи.

Спустя несколько месяцев Фернандиш отправился во второе путешествие. Дойдя кратчайшей дорогой до ставки мономотапы и передав ему дары португальских властей в Софале, он двинулся дальше на юго-запад, проник в золотоносный район Гвело — Селукве, затем, повернув на юго-восток, пересек водораздел между бассейнами Замбези и Сави, вышел к верховьям правого притока Сави — Лунди, вдоль него — к Сави и через бассейн уже знакомой ему Бузи вновь добрался до Софалы. По возвращении Фернандиш подробно доложил губернатору Софалы Гашпару Велозу о результатах своей глубокой разведки и предложил основать во владениях мономотапы факторию (он даже наметил для нее место). Велозу включил сообщение Фернандиша в отчет, переданный капитану одного из португальских кораблей Жуану Алмаде, который отправил соответствующее донесение королю, указав, в частности, что Фернандиш проник в глубь Африки на 100 лиг от Софалы.

* Не путать с Антониу Фернандишем — португальским миссионером в Эфиопии XVII в.

Действительно, Фернандиш прошел по неизведанным землям свыше 500 км. Он доставил сравнительно точные известия о незнакомом до той поры европейцам большом африканском государстве и циклопических каменных постройках его столицы, раздал торговые пути внутренних районов и расположение золотых рудников. Португальский путешественник открыл множество рек; по существу он может считаться первооткрывателем большой реки Сави (Саби), до того известной европейцам лишь в устье (его посещал Васко да Гама во время второго своего плавания в Индию). Наконец, он первым из европейцев познакомился с горами Большого Уступа — приподнятого края внутреннего плоскогорья Южной Африки, и первым же проник на это плоскогорье, в водораздельную область между бассейнами Замбези, Сави и Лимпопо, ныне известную под названием плато Матабеле. Однако реальная географическая ценность путешествий Фернандиша, как и многих подобных ему малограмотных первопроходцев, была сведена к минимуму отсутствием картографической документации, и в XIX в. ту же территорию пришлось «открывать» заново Мауху, Эрскину и другим исследователям.

Следует заметить, что сообщение Фернандиша о многоводной реке, виденной им к западу от ставки мономотапы (имелась в виду, очевидно, река Хуньяни, правый приток Замбези), было неверно интерпретировано картографами, решившими, что речь идет о самой Замбези. Так родилось долго продержавшееся представление о том, что западнее 32° в. д. Замбези делает крутой изгиб и течет с юга.

Открытиями Фернандиша воспользовались поначалу лишь отдельные купцы и миссионеры. Колониальным же властям Португальской Индии, которым подчинялись и восточноафриканские поселения португальцев, мало было контроля над сложившейся веками системой торговых связей в Индийском океане и на востоке Африки: они стремились к полной монополии. Предпринимавшиеся в этом направлении действия в свою очередь вели к постепенному разорению торговцев, запустению портов и резкому сокращению притока товаров, в том числе и вожделенного золота. Тогда возник замысел установить над золотоносной Мономотапой прямой военный контроль.

Наступление на Мономотапу началось с создания цепи укрепленных постов вдоль нижнего течения Замбези. Уже в 1531 г. был основан форт Сена (выше устья Шире, левого притока Замбези), затем Тете (выше устья Мазоэ). В дальнейшем Тете стал главным центром торговли с Мономотапой. Обойдя пороги Кебрабаса, препятствовавшие дальнейшему плаванию вверх по Замбези, португальцы вышли к следующему судоходному участку и основали пост в Чикоа (Шикон), а позднее в Зумбо, у места впадения в Замбези ее левого притока Лвангвы.

Поскольку разливы в низовьях реки не совпадали по времени с дождливым сезоном, был сделан правильный вывод, что Замбези начинается далеко в глубине континента. Однако многие картографы предпочитали показывать ее исток на сравнительно небольшом расстоянии к юго-западу от Чикоа.

В конце XVI в. на завоевание Мономотапы отправился, опираясь на построенные вдоль Замбези крепости, большой вооруженный отряд под начальством Франсишку Баррету (поводом для похода послужила гибель в столице Мономотапы одного португальского миссионера-иезуита). Эта экспедиция окончилась полной неудачей. Трудности похода и болезни унесли много жизней, умер и сам предводитель, отойдя всего на 60 км от Замбези. Возглавивший отряд после его смерти Вашку Гомен, так и не достигнув Мономотапы, вернулся к океану, в крепость Мозамбик, которая стала с 1507 г. главным опорным пунктом португальцев на этом участке восточного побережья Африки (впоследствии название Мозамбик было распространено на всю португальскую колонию по обе стороны Замбези).

Португальские торговцы действовали более успешно и к концу XVI в. располагали на территории Мономотапы не менее чем тремя факториями. Однако важнейшее после Фернандиша географическое достижение в этой части Африки в рассматриваемый период принадлежит не торговцу, миссионеру или завоевателю, а человеку, который, к удивлению летописцев, странствовал «для собственного удовольствия и за свой счет».

Гашпар Букарру, сын состоятельных родителей, путешествовал по странам Средиземноморья, побывал на Ближнем и Среднем Востоке, в Хормузе и Момбасе. Посетил он и низовья Замбези. В марте 1616 г. этот любознательный португалец выступил из Тете не на юг, куда вели традиционные торговые пути, а на север, и спустя 54 дня прибыл в мусульманскую прибрежную деревушку напротив острова Килва. Маршрут его общей протяженностью около 1300 км прошел по совершенно неизвестной тогда европейцам территории в пределах современных африканских стран: Мозамбика, Малави и Танзании.

Главным результатом путешествия было открытие озера Ньяса (Малави) — самого южного из Великих озер Восточной Африки и первого, о котором европейцы узнали нечто более достоверное, чем старые легенды. Правда, Букарру повидал лишь южную его оконечность, и то, видимо, только издали, с обрывистых краевых уступов сбросовой впадины — южной ветви восточноафриканских разломов, дно которой занято озером Ньяса и долиной Шире (через этот левый приток Замбези путешественник переправился в его верхнем течении, близ небольшого озера Маломбе). До сих пор неясно, почему он не осмотрел как следует открытый им огромный водоем. Возможно, португалец просто послушно следовал за своими проводни-

ками-африканцами, а они не хотели отклоняться от привычного для них пути. Так или иначе Букарру удовлетворился тем, что рассказали ему об озере те же проводники или жители попутных деревень, и продолжал двигаться на северо-восток. На заключительном этапе своего путешествия он ознакомился с впадающей в Индийский океан многоводной рекой Рувумой (по его мнению, более удобной для судоходства, чем Замбези).

Характер принесенных Букарру известий об озере Ньяса можно косвенно установить из сообщения, посланного в Португальскую Индию вскоре после его путешествия миссионером из Тете Луишем Мариану. В нем говорится, что к северу от Тете находится город Марави, поблизости от которого начинается озеро, тянущееся в северо-северо-западном направлении. «Ширина его 4—5 лиг, а в некоторых местах и более, но длина во много раз превосходит ширину, ибо, как известно, оно достигает широты Момбасы, и есть основания предполагать, что оно тянется еще дальше... Негры или мавры на побережье в Малинди упоминали об огромном озере, положение которого, судя по их рассказам, очень близко соответствует положению, которое вышеупомянутое озеро занимает на картах; вероятно, речь идет об одном и том же озере. Известно также, что бродячие торговцы из Конго упоминают о большом озере, расположенном в 60 днях пути прямо на восток... Протяженность этого озера позволяет связаться с Эфиопией»*.

Для путешествия в Эфиопию Луиш Мариану и предлагал использовать водный путь по озеру. Но проект этот реализован не был, и, насколько известно, вплоть до конца XVIII в. никаких сколько-нибудь серьезных исследований на юго-востоке Африки португальцы не предпринимали. Отчасти это было связано с начавшимся в XVII в. общим упадком Португалии и ее колониальной империи, отчасти с сокращением и постепенным прекращением добычи и вывоза золота в результате охвативших Мономотапу войн и смут, которые разжигались теми же португальцами. Стимул для проникновения во внутренние районы был утерян. Работоторговля, ставшая основой экономики португальских колоний в Африке, не требовала от европейцев дальних путешествий в глубь материка: такие путешествия совершали их агенты-африканцы.

Сведения Букарру об озере Ньяса были либо забыты, либо перешли примерно в тот же разряд, что и сведения Птолемея о нильских озерах. На португальских картах XVII в., автором которых считается Жуан Тейшейра, довольно точно показано нижнее течение Замбези до Зумбо, дан рисунок гидрографической системы Мазоэ, нанесена часть течения Сави. Из левых

* См. *T. E. Bowdich. An account of the discoveries of the Portuguese...* London, 1824.

притоков Замбези показаны два, в том числе Шире. Но у истока Шире вообще нет никакого озера, истоки же Замбези помещены в восточной части государства Мономотапа, там, где был Фернандиш. Непортугальские картографы XVII в. были еще менее осведомлены, и, например, на карте Даппера даже нижнее течение Замбези изображено с грубыми ошибками.

В XVIII в. Анвиль, пользуясь, очевидно, португальскими источниками, восстанавливает правильную конфигурацию нижнего течения Замбези; показано на его карте и озеро, приблизительно соответствующее по положению и размерам Ньясе, но с Замбези оно не связано.

Голландцы в Южной Африке

Начавшаяся уже в XVI в. острая конкуренция европейских держав на морских путях на Восток особенно усилилась в начале следующего столетия, когда в Лондоне, Амстердаме и Париже одна за другой были созданы специальные компании для торговли с Индией. Новым «Ост-Индским компаниям» необходимы были заправочные станции на долгом пути вокруг Африки. Голландцы, а затем англичане использовали для этой цели остров Святой Елены, французы — юг Мадагаскара. В 1648 г. у мыса Доброй Надежды потерпел крушение голландский корабль «Гарлем»; его экипаж высадился на берег в Столовой бухте и потом, вернувшись на родину, доставил известия об удобстве этой гавани для ремонта судов, снабжения их водой и провиантом, о ее мягком, нежарком климате.

В составе экипажа «Гарлема» был судовой врач Ян ван Рибек. В 1652 г. он вернулся в Столовую бухту во главе флотилии из трех судов и основал форт и поселок Капстад (город Мыса). Рибек стал губернатором новой голландской колонии, получившей название Капской, и оставался на этом посту первые десять лет ее существования. Пресной воды и овощей в колонии было вдоволь, но вскоре возникли трудности с мясом: местные жители — готтентоты, поняв, что пришельцы в отличие от португальцев и других мореплавателей обосновались надолго, начали уходить со своими стадами подальше от Капстада. Голландские поселенцы, буры*, двинулись вслед за готтентотами в поисках лучших пахотных земель, пастбищ и скота. Так родилась традиция «трека»** и его главного средства передвижения — многоосной телеги или фургона, запряженного восьмеркой волов. Многие «открытия» треккеров остались безы-

* Бур (голл. boer) — крестьянин.

** Трек (голл. trek — путь) — в Южной Африке стало нарицательным названием массовых переселений буров. Треккер — пионер-переселенец.

мянными, но основные этапы продвижения европейцев в глубь Южной Африки выделяются достаточно отчетливо.

Первый этап отмечен детальным исследованием ближайших к мысу Доброй Надежды речных долин и несколькими дальними экспедициями, целью которых было достичь государства Мономотапа. Предполагалось, что эта страна и ее мифический пограничный город *Vigita Magna* сравнительно недалеко (картографы XVII в. приписывали Мономотапе площадь намного больше истинной, так что южные и западные рубежи «страны золота» оказывались где-то на территории современных Намибии и ЮАР). Первые такие экспедиции состоялись уже в 1655—1658 гг. В 1660 г. одна из экспедиций достигла реки, которую называли Олифантс (Слоновая); от реки получил название и хребет на ее левобережье — Олифантсрифир.

Уже на этом раннем этапе исследований были выявлены основные черты орогидрографии крайнего юга материка — области Капских гор, установлено широтное простиранье прибрежных горных цепей и главных речных долин; стала очевидной и ограниченность площади удобных земель. Движение буров шло преимущественно на восток, но в 80-х годах XVII в. снова состоялись походы на север, куда голландцев манил фантом *Vigita Magna*, а также полученные ими сообщения о протекающей там большой реке. Один такой поход, в 1685 г., лично возглавил новый губернатор Капской колонии Симон ван дер Стелл. Он перевалил через Капские горы и Большой Уступ, пересек пустынное плато Верхнее Карру и достиг столь же малоприспособленной для колонизации пустынной области Малая Намаква (Малый Намакваленд). Ни большой реки, ни города, ни золота голландцы не нашли и продвижение на север с тех пор надолго приостановилось.

В течение многих лет шло освоение уже изученных территорий, покорение готтентотов, и лишь изредка отдельные отряды буров отправлялись искать новые земли. В 1705 и 1720 гг. состоялись морские плавания голландцев вдоль берегов Южной Африки к Наталю и бухте Делагоа в поисках удобных для дальнейшей колонизации участков побережья, но они не принесли особых результатов. Некоторые экспедиции буров, двигавшиеся на восток сухим путем вдоль побережья, достигли районов, населенных «кафраами», т. е. африканцами-банту. Так, в 1736 г. партия Германа Хюбнера посетила племена ксоза и темба и в области их расселения встретила других колонистов — охотников на слонов; объединенный отряд дошел до района современного Ист-Лондона, но в дальнейшем Хюбнер и несколько других участников экспедиции были убиты в стычках с африканцами, а те, что вернулись в Капстад, принесли мало сколько-нибудь ценных географических сведений. Более результативной для географии была экспедиция А. Ф. Бейтле-

ра в 1752 г., которой удалось проникнуть на небольшое расстояние к востоку от реки Грейт-Кей.

Второй этап более интенсивных исследований начался в 1760 г. случайным открытием той большой реки, которую безуспешно искал в конце XVII в. ван дер Стелл. В том году голландский колонист Якоб Кутзе в поисках слонов пересек Малую Намакву и вышел к реке Оранжевой, которую назвал Леувен. В 1761 г. к этой реке направилась большая экспедиция во главе с правительственным комиссаром Хендриком Хопом; она форсировала Оранжевую в ее нижнем течении и посетила плато Большая Намаква (Большой Намакваленд) на территории современной Намибии. Главный отряд достиг северной оконечности гор Карасберг. Отсутствие воды и истощение тяглового скота заставили голландцев повернуть назад.

В 1777 г. голландский полковник Р. И. Гордон, двинувшись из Капстада на северо-восток, пересек плато Большое Карру, перевалил через обрамляющие его на севере горы Снеуберг (часть Большого Уступа) и вышел к Оранжевой в ее верхнем течении, у самой южной излучины реки; пройдя вниз по долине Оранжевой, он открыл устье Вааля — ее крупнейшего (правого) притока. В 1779 г. Гордон в сопровождении англичанина Уильяма Паттерсона посетил устье Оранжевой (еще раньше здесь побывал швед Викар) и затем, поднявшись вверх по долине реки, обследовал и зарисовал ее течение на протяжении 850 км. Именно Гордон и назвал реку Оранжевой или, правильнее, Оранской (в честь правящей в Нидерландах Оранской династии). Перед тем, в 1778 г., Паттерсон проник на восток за реку Грейт-Фиш (эта река в течение 40 лет, с 1770 по 1810 г., служила восточной границей Капской колонии) и собрал ценный географический и естественноисторический материал о стране африканцев банту. Для картографов работы Паттерсона были особенно полезны тем, что он определил астрономически координаты ряда пунктов. Свои впечатления и наблюдения он изложил в книге «Рассказ о четырех путешествиях в страну готтентотов и Кафрарию» (Лондон, 1789).

Еще до этих экспедиций, в 1772—1775 гг., по Капской колонии и сопредельным территориям путешествовали два шведских естествоиспытателя, ученики знаменитого Карла Линнея, — Карл Петер Тунберг и Андреас Спаррман. Они не открыли новых земель, но внесли существенный вклад в познание природы Южной Африки. Тунберг занимался преимущественно ботаническими исследованиями (впоследствии им был подготовлен фундаментальный труд «Капская флора»), Спаррман — зоологическими; Спаррману принадлежат также первые научные описания готтентотов и бушменов, до сих пор сохраняющие историко-этнографический интерес. Книги Тунберга и Спармана об их путешествиях (охвативших не только Южную Аф-

рику, но и многие другие районы земного шара) вскоре после их опубликования на шведском языке (в 80-х годах XVIII в.) стали известны широким читательским кругам Европы благодаря многочисленным переводам.

Исследователем такого же типа был и французский натуралист Франсуа Левайян, занимавшийся зоологическими (главным образом орнитологическими) наблюдениями и сборами в Капской колонии в 1780—1785 гг. и затем выпустивший ценный труд «Путешествие в глубь Африки через мыс Доброй Надежды» (Париж, 1790). Он является также автором шеститомной «Естественной истории птиц Африки».

Рассматриваемый этап исследований Южной Африки завершает голландская экспедиция 1791—1792 гг., которая, продолжая начатое за 30 лет до того изучение Большой Намаквы, пересекла это полупустынное плато и вышла к Атлантическому побережью у Китовой бухты (Уолфиш-Бей). Она принесла первые сведения о прибрежной пустыне Намиб и юго-западной окраине полупустынной области Калахари.

«Открытие» Мадагаскара

Историки до сих пор спорят, был ли Мадагаскар известен кому-либо из античных географов. Предполагают, что с ним можно отождествлять один из островов в «Перипле Эритрейского моря» (I в. н. э.). Есть упоминания об острове или островах у восточных берегов Африки и в других сочинениях античного периода. Все это трудно считать открытием Мадагаскара даже при самой вольной трактовке понятия «открытие».

Несомненно, «открыли» (и колонизовали) Мадагаскар в первые века нашей эры переселенцы из Индонезии; однако это было, по терминологии Н. Г. Фрадкина*, открытие локального уровня, в данной работе нас мало интересующего. Остается спорным вопрос об «открытии» Мадагаскара китайскими мореплавателями. Очевидно, что Мадагаскар был издавна известен арабам, которые уже в X—XI вв. располагали на нем торговыми поселениями, служившими крайним южным звеном в цепи мусульманских форпостов на восточном побережье Африки и соседних островах. В арабской географической литературе Мадагаскар, по-видимому, появляется с середины XII в.: принято считать, что именно его имел в виду ал-Идриси, говоря об острове Джезире комор (т. е. «остров индонезийцев»). Арабы же зафиксировали в XII—XIII вв. факт посещения этого острова в более ранние эпохи мореплавателями с Явы.

* Н. Г. Фрадкин. Географические открытия и научное познание Земли. М., 1972.

Арабские сведения о Мадагаскаре дошли до европейцев в XV в. На карте Фра-Мауро Мадагаскара еще нет, но Мартин Бехайм уже знал об острове с таким названием. На портуланах конца XV в. Мадагаскар имеет фантастические очертания и называется Лунный остров*.

Европейцы впервые увидели Мадагаскар в августе 1500 г., когда один из кораблей флотилии Кабрала, под командой Диогу Диаша (брата Бартоломеу Диаша), потеряв из виду остальные суда во время бури у мыса Доброй Надежды, в дальнейшем сильно уклонился на восток и случайно «наткнулся» на этот огромный остров. В 1506 г. на берег Мадагаскара высадился португальский отряд Фернанду Суариша. В 1517 г. португальцем Рейнелом была составлена карта острова в масштабе 1:13 000 000, дававшая довольно верное представление о конфигурации и размерах Мадагаскара. В дальнейшем остров стали посещать — и основали на его берегах свои базы — французские, английские и голландские флибустьеры и пираты, занявшиеся прежде всего захватом темнокожих рабов. Появление европейцев привело к разрушению сложившихся форм государственной организации, нарушило довольно высокопроизводительное для того времени хозяйство.

Португальцы еще не раз предпринимали грабительские экспедиции на Мадагаскар, но не проявили интереса к возможностям закрепления на его берегах. Более активными в этом отношении оказались французы, а именно созданная Ришелье в 1642 г. и получившая монопольное право торговли на Мадагаскаре «Ост-Индская компания». Уже через год после ее основания на юго-западном берегу острова была построена крепость Форт-Дофин, ставшая важной французской базой на морском пути в Индию. С именем представителя «Ост-Индской компании» на Мадагаскаре Этьена де Флакура связано появление первого ценного для науки географического описания острова (в книге «История великого острова Мадагаскар», изданной в Париже в 1658 г.).

Процветавшее в окружающих Мадагаскар водах пиратство препятствовало действиям французских, английских и голландских коммерсантов (по отношению к коренному населению они, впрочем, вели себя не лучше пиратов, о чем свидетельствует тот же Флакүр). В 1722 г. европейскими державами были приняты объединенные усилия к тому, чтобы покончить с пиратами, но все же морской разбой продолжался в этой части Индийского океана в течение почти всего XVIII в. Подобная обстановка тормозила и исследование Мадагаскара. Долгое время были

* По-видимому, неправильный перевод названия Джезире комор (о созвучии арабских слов, обозначающих «луну» и «индонезийцев», уже говорилось выше).

известны только очертания острова и отдельные участки береговой полосы вблизи европейских фортов и факторий. В 1776 г. французский мореплаватель д'Апрэ де Маневиллет уточнил координаты многих точек побережья Мадагаскара.

Первым европейцем, проникшим далеко в глубь Мадагаскара, был, насколько известно, француз Никола Мейёр, посетивший остров в 70—80-х годах XVIII в. Он сопровождал известного польско-венгерского авантюриста М. А. Бенёвского (Беньовского). Мейёр пересек северную часть Мадагаскара, побывал у северной его оконечности и совершил два путешествия в центральную часть острова (область Имерина). Собранными им сведениями о внутренних районах, в географическом отношении довольно скудными, европейцам пришлось довольствоваться вплоть до середины XIX в.

Первые наши соотечественники в Африке

Сведения об Африке, хотя бы смутные, большей частью связанные с библейской историей, проникли на Русь давно, особенно же много их стало поступать с середины XV в., когда начались паломничества русских в Иерусалим. Эти ранние сообщения касались главным образом Египта и Эфиопии. Видимо, не миновал Африки в своих «хожениях за три моря» Афанасий Никитин: можно полагать, что в 1472 г., на обратном пути из Индии, он побывал на сомалийском побережье. Первым же русским, несомненно совершившим путешествие в Африку и оставившим о том письменное свидетельство, считается Василий Позняков, посетивший в 1559 г. Египет.

Еще раньше русских свели личное знакомство с Африкой представители некоторых других народов нашей страны. Далеко в глубь средних веков уходят, например, армяно-эфиопские связи, основанные прежде всего на близости армянской и эфиопской церквей. В XV—XVI вв. армяне сыграли некоторую роль в распространении знаний о Северо-Восточной Африке не только у себя на родине, но и в Европе. В то время Эфиопию неоднократно посещали армянские миссионеры и купцы; известны также армяне, находившиеся на службе у эфиопских императоров. Так, в 1512—1520 гг. Лисабон и Рим посетил в качестве эфиопского посла армянин Матевос; полученные от него сведения об Эфиопии были опубликованы в Антверпене в 1514 г. В XVII—XVIII вв. путешествия армян в Эфиопию становятся особенно частыми.

В 1635—1637 гг. казанский купец-паломник Василий Гагара плывал вверх по Нилу до Нубии. После него посещения Египта паломниками из России учащаются. Особенно хорошо известно странствование «по святым местам Востока», в том числе и по

Египту, украинца Василия Григоровича-Барского в 1723—1747 гг. (оно описано в его книге, изданной в 1778 г.).

К концу XVIII в. относится первое зафиксированное в литературе личное знакомство русских с Магрибом: оно отражено в опубликованной в Санкт-Петербурге в 1787 г. книге флотского офицера Матвея Коковцева «Достоверные известия об Альжире» — сочинении, находившемся вполне «на уровне мировых стандартов» тогдашней географии. Эти путешествия не имели исследовательского значения, но способствовали распространению знаний об Африке в нашей стране и заслуживают того, чтобы быть отмеченными особо как первые контакты наших соотечественников с Африкой и ее народами.

Критический пересмотр карты Африки Авиалем

Подытоживая развитие географических представлений об Африке в XVI—XVIII вв., нельзя не признать этот итог весьма скромным. Если очертания береговой линии материка были установлены на протяжении одного только XV в., то внутренность его и по истечении еще трех столетий оставалась большей частью неисследованной. К концу XVIII в. реальные знания европейцев об Африке ограничивались узкой береговой полосой и несколькими сравнительно небольшими по площади участками ее непосредственного хинтерланда — в Магрибе, Сенегамбии, Конго и Анголе, в низовьях Замбези, на крайнем юге материка. Более заметные успехи были достигнуты только на северо-востоке Африки, где европейцы смогли познакомиться помимо прибрежных районов практически со всей долиной Нила ниже места соединения двух главных его ветвей, с истоками и низовьем Голубого Нила, со значительной частью Эфиопского нагорья. Так или иначе все это были лишь разрозненные пятна, ни в коей мере не создававшие целостной картины. Уместно напомнить, что за этот же период были установлены все основные черты орогидрографии Южной Америки — материка, лишь немногим уступающего Африке по размерам, сравнимого с ней по природным условиям и притом ставшего известным европейцам намного позже Африки.

Сами европейцы долго не вполне отдавали себе отчет в ничтожности своих географических знаний об Африке. «Белых пятен» в буквальном смысле слова на картах XVI, XVII и первой половины XVIII вв. не было. Характерная для всех сухопутных путешественников того времени переоценка пройденных ими расстояний приводила к тому, что на картах почти соприкасались своими границами такие посещавшиеся европейцами африканские страны, как Эфиопия, Конго и Мономотапа, в действительности удаленные друг от друга на тысячи километров.

Африка по Ж. Б. д'Анвилю

Если же между ними и оставались какие-то пространства, то они заполнялись географическими объектами, сведения о которых были почерпнуты либо из античных и арабских источников, либо принесены путешественниками более позднего времени, получившими их из вторых и третьих рук. Некоторые такие объекты были чисто фантастическими, другие соответствовали существующим в действительности, но обычно сильно отличались от них по конфигурации или местоположению. Эта традиция не оставаясь на картах пустых мест создавала ложное впечатление довольно высокой осведомленности о внутренних районах материка.

Фактическое положение вещей было осознано в середине XVIII в. В 1749 г. французский географ-картограф Жан Баптист Бургиньон д'Анвиль критически пересмотрел имевшиеся

в его распоряжении материалы и при подготовке новой карты Африки убрал с нее все, что представлялось ему недостоверным или сомнительным. Одновременно им была произведена и другая, не менее важная и, пожалуй, более сложная операция: он постарался повсюду внести поправку на переоценку расстояний, в результате чего различные географические объекты, ранее помещавшиеся в самой глубине континента, сильно приблизились к берегу. Надо отдать должное логике Анвиля и его интуиции (ибо без интуиции тут тоже нельзя было обойтись): операция эта была выполнена удивительно удачно, и если не все, то многое из того, что было показано на его карте, попало почти точно на свое «законное» место. Тогда-то на карте Африки и появились обширные «белые пятна».

Если бы Анвиль задался целью отразить состояние изученности Африки самими европейцами, «белые пятна» на его картах этого материка должны были бы занять еще большую территорию, точнее, слиться в одно огромное «белое пятно». Но такой задачи он перед собой не ставил. Как и составители более ранних карт, Анвиль использовал наряду с результатами личных исследований европейских путешественников и доставленные ими расспросные данные, и сведения Птолемея, и сообщения Льва Африканского, и другие источники, только подходил ко всем этим материалам с гораздо большей осторожностью, чем его предшественники. Все же оценка тех или иных данных с точки зрения их надежности не могла не быть субъективной, и Анвилю тоже не удалось избежать ошибок. У него не возникло, например, сомнений в существовании мифического озера Аквилунда к востоку от государства Конго; сохранились на его картах широко вытянутые «Лунные горы» и т. д.

Таким образом, и у Анвиля объем достоверных географических знаний европейцев об Африке оказался преувеличенным. Но, даже несмотря на это, полная неизученность большей части материка стала благодаря его работам вполне очевидной.

Внутренняя Африка ждала своих исследователей.

ГЛАВА 4

ИССЛЕДОВАНИЯ АФРИКИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Основные проблемы географии внутренней Африки и британская «Африканская ассоциация»

К концу XVIII в. Африканский континент оказался опоясанным с запада, юга и юго-востока цепью европейских факторий, фортов, колоний, ставших центрами работорговли и расхищения естественных богатств. На севере Африки хозяйничали турки, с востока шло проникновение арабских работорговцев. В охоту за рабами были втянуты племена и народности прибрежных районов, активно игравшие роль посредников в этом гнусном промысле. Начался общий упадок самобытной африканской культуры и государственности. Европейские авантюристы и первые колонизаторы принесли в Африку ранее неизвестные там заразные болезни, губительный эффект которых, может быть, почти не уступал результатам работорговли. Контакт цивилизаций во всех случаях оборачивался для африканцев самой мрачной стороной. Мало пользы от такого контакта получила и европейская наука: хотя влияние европейцев косвенным образом распространялось в глубь материка, ученым-географам внутренние области Африки, как уже говорилось, оставались в большинстве своем совершенно неизвестными.

В конце XVIII в. намечается переход к качественно новому этапу истории исследования Африканского континента. Принципиальным отличием от предыдущего периода является то, что в это время впервые начинают ставиться «во весь рост» и по мере возможности решаться конкретные проблемы географии внутренней Африки, с достаточной четкостью выявившиеся после работ Анвила. Новому, научному, подходу к вопросам географии Африки отвечает и новый тип путешественников-ис-

следователей, подчинявших свою деятельность, а иногда и посвящавших всю жизнь решению определенных географических задач. Этот тип появляется уже на предыдущем этапе (примером может служить Джеймс Брюс), но только на рубеже XVIII и XIX вв. он получает более широкое распространение. Правда, «чистых» исследователей в Африке и в XIX в. было не так уж много: чаще всего решение географических проблем теснейшим образом переплеталось с задачами политического, экономического и идеологического проникновения, а сами путешественники-исследователи нередко были офицерами колониальных войск, агентами торговых фирм или миссионерами. В любом случае, наконец, все географические открытия в Африке—в том числе и те, какие были сделаны путешественниками, действовавшими исключительно во имя науки,—рано или поздно ставились на службу интересам колониальных держав. Тем не менее общая исследовательская направленность путешествий по Африке становится в рассматриваемый период четко выраженной.

Очень многие географические открытия европейцев в Африке были обогреты кровью африканцев. Нередко гибли и сами европейские путешественники. В буржуазной литературе создан образ европейца — героя и мученика науки, принимающего смерть от рук кровожадных дикарей. В действительности большинство погибших в Африке путешественников унесли в могилу тропические болезни, некоторые (главным образом в мусульманских странах) стали жертвами религиозного фанатизма, остальные же, как правило, просто расплачивались за собственное недостойное поведение по отношению к африканцам или за грехи других европейцев, в первую очередь тех же работоторговцев. Не случайно в Тропической Африке «белый человек» почти повсеместно вызывал ужас, гнев, ненависть, с его именем связывались насилие, обман, рабство...

Исследования советских и прогрессивных зарубежных ученых, в том числе и африканцев, позволили по новому переписать историю европейского проникновения в Африку. Архивные документы, собранные по крохам свидетельства разоблачили преступления колонизаторов. Потускнели в нравственном плане имена некоторых европейских исследователей, с которыми связаны крупные открытия. Ярче заблестали имена тех, кто свои научные достижения и подвиги сочетал с гуманизмом и дружеским отношением к африканцам.

Возвращаясь к географическим проблемам, стоявшим перед интересовавшимися Африкой европейскими учеными конца XVIII—начала XIX в., необходимо выделить среди них четыре главнейших, связанных с четырьмя великими африканскими реками: Нилом, Нигером, Конго и Замбези. Особенно загадочным казался Нигер: тайной были окутаны и его истоки, и устье, и даже общее направление течения. Конго и Замбези

были известны только в самых низовьях. С Нилом и его гидрографической системой европейцы были знакомы лучше, и Брюс даже утверждал, что нашел место зарождения «реки фараонов», но скоро географам стало ясно, что открытием истоков Голубого Нила нильская проблема далеко не исчерпана. Не исключалась возможность прямой гидрографической связи между всеми или некоторыми из этих водных артерий — посредством речных бифуркаций или через большие озера, о которых сообщали античные и арабские авторы.

Эти проблемы гидрографии Африки находились в центре внимания географов и служили предметом оживленных научных дискуссий до тех пор, пока постепенно не были разрешены полевыми исследованиями. Вокруг них и связанных с ними более частных гидрографических проблем развернулось по существу все исследование внутренних областей Африки в XIX в. Вопросы орографии материка интересовали ученых скорее попутно, в связи с гидрографической сетью (положение водоразделов). Отчасти это объяснялось характерной для Африки в целом малой контрастностью и выразительностью рельефа по сравнению, например, с Азией, в исследовании которой на первый план выдвигались как раз орографические проблемы. Следует заметить вместе с тем, что о наиболее крупных чертах рельефа Африки создано довольно верное — в самом первом приближении — представление еще до того, как был уяснен рисунок ее гидрографической сети: уже в 1822 г. знаменитый немецкий географ Карл Риттер в посвященном Африке первом томе своего «Землеведения» наметил подразделение материка по преобладающим высотам (о них тогда, конечно, могли судить только по прибрежным районам) на две части — южную и северную, Высокую и Низкую Африку. Это подразделение, с некоторыми коррективами, сохранило свое значение до наших дней.

В историко-географической литературе практически общепринято считать началом нового периода исследования Африки 1788 г., когда в Лондоне была основана «Ассоциация для содействия открытию внутренних частей Африки», известная также под более коротким названием «Африканской ассоциации». Инициатором ее создания и первым председателем был видный английский натуралист Джозеф Банкс. В состав нового общества вошли крупные ученые, представители английской аристократии, члены парламента; средствами его снабжали торговые промышленные круги Великобритании. Конечной целью ассоциации было открыть глубинные районы Африки для британской торговли и установить там британское господство. Однако в отличие от ранее создававшихся в европейских странах торговых и колонизаторских компаний «Африканская ассоциация» провозгласила неотъемлемой частью своей деятельности организацию научных экспедиций и решение актуальных проблем

географии Африки. Действительно, именно с этой ассоциацией связана резкая активизация исследования Африканского континента в конце XVIII — начале XIX в.

В качестве первоочередной своей задачи «Африканская ассоциация» поставила исследование Нигера. Повышенный интерес к Западной Африке в значительной степени объяснялся тем, что в этой части материка — в устье Гамбии, на Золотом Береге, позднее в Сьерра-Леоне — возникли первые африканские колонии Великобритании. Доведя решение проблемы Нигера до конца, «Африканская ассоциация» прекратила свое существование, слившись в 1831 г. с основанным за год до того в Лондоне Королевским Географическим обществом.

Еще раньше были созданы два географических общества в континентальной Европе: Парижское Географическое общество (1821 г.) и Берлинское общество земледения (1828 г.). В 1845 г. возникло Русское Географическое общество, позднее, уже во второй половине XIX в., появились географические общества и в большинстве других европейских стран. Некоторые из этих обществ внесли крупный вклад в исследование Африканского континента и все без исключения способствовали своими периодическими изданиями гораздо более быстрому и широкому, чем раньше, распространению новой географической информации, в том числе и об Африке.

Проблема Нигера и первые попытки найти ее решение.

Открытие Парком верхнего течения Нигера

Как уже говорилось, основные усилия «Африканской ассоциации» были направлены на решение проблемы Нигера — загадочной реки, о которой тогда в сущности не было известно ничего, кроме самого факта ее существования. Правда, с устьем Нигера, точнее с устьями отдельных рукавов его огромной дельты, европейцы познакомились еще за 300 лет до основания ассоциации, в период первых португальских плаваний, однако в конце XVIII в. никому не приходило в голову, что эти «Масляные реки», медленно несущие свои илистые воды по заболоченным низинам среди мангровых зарослей, могут иметь что-то общее с мощным потоком, на берегах которого стоит хорошо известный европейцам Томбукту.

Мы говорим «хорошо известный Томбукту» потому, что к тому времени в Европе об этом городе накопилось много сведений, полученных от арабских авторов, в особенности от Льва Африканского. Но то, что в Томбукту уже несколько веков назад бывали европейские путешественники, было давно забыто. И когда в 1826 г. в Томбукту прибудет английский офицер

Лэнг, он будет искренне считать себя первым европейцем, достигшим этого города. Таково лишнее подтверждение условности понятий «открытие» и «первооткрыватель».

Забыто было европейцами и многое другое. Имеются данные о том, что португальцы поднимались вверх по Нигеру от устья еще в XVI в. Известна также английская карта второй половины XVI в., на которой показано впадение Нигера в Гвинейский залив. В XVII в. об этом факте вскользь упоминал французский мореплаватель Никола Вийо де Бельфон. Но все эти сведения с течением времени канули в Лету, и европейские географы обратили на них внимание лишь значительно позднее, когда проблема Нигера была уже разрешена.

Вопреки ранее общепринятому, восходящему к Идриси представлению о западном направлении течения Нигера во второй половине XVIII в. среди географов стало все больше распространяться убеждение в том, что эта река у Томбукту течет на восток. Относительно того, куда она впадает, мнения разделились: некоторые возвращались к старым предположениям о принадлежности Нигера к гидрографической системе Нила, другие считали, что Нигер заканчивается в бессточном озере или болоте (это мнение было основано на неоднократно доходивших до Европы сведениях об озере Чад). Последнего взгляда придерживался, например, Анвиль. Ту же точку зрения отразила опубликованная в первом томе трудов «Африканской ассоциации» (в 1790 г.) карта английского географа Джеймса Реннелла. На этой карте были показаны многие реально существующие области и населенные пункты Западного и Центрального Судана, но все они были сильно смещены на север и восток по сравнению с их истинным положением, что создавало иллюзию узости пустынного пояса Северной Африки и близости северных границ Судана к Средиземному морю. Основываясь на подобных представлениях, руководители «Африканской ассоциации» при разработке своих планов сочли наиболее легко осуществимым достижение Нигера и Томбукту с севера.

Планы эти сразу же потерпели крушение. Один представитель ассоциации, американец Джон Ледьярд, посланный в Африку в 1788 г. с заданием проникнуть к Нигеру из Египта, умер в Каире, не успев выступить в путь через пустыню. Другой, англичанин Саймон Люкас, попытался было в том же году двинуться в глубь материка из Триполи, но вынужден был вернуться, так как ведущий из этого города на юг караванный путь оказался отрезанным войной между кочевыми племенами.

«Африканская ассоциация» решила испробовать другой путь — с западного побережья. Третий ее посланец, отставной английский майор Хаутон, в 1790 г. поднялся вверх по долине Гамбии, пересек Сенегал и продвинулся довольно далеко на восток по направлению к Томбукту, но в районе Ниоро был

убит. Единственным результатом этого путешествия было полученное Хаутоном у африканцев и переданное им в Европу сообщение о том, что Нигер действительно течет на восток.

Еще одну попытку достичь Нигера с запада предприняли в 1794 г. англичане Уатт и Уинтерботтом. Они первыми из европейцев проникли в глубь плато Фута-Джалон, но до Нигера не добрались и оба, как тогда принято было говорить, «пали жертвами климата».

Первым серьезным успехом «Африканской ассоциации» явилась состоявшаяся в 1795—1797 гг. экспедиция шотландского врача Мунго Парка. Несмотря на молодость (когда он отправился в Африку, ему не исполнилось и 24 лет), Парк уже имел некоторый опыт путешествий в тропиках, совершив перед тем поездку на Суматру. Как и Хаутон, он двинулся в глубь Африки от устья Гамбии. Ровно год потребовался ему, чтобы достичь цели. 20 июля 1796 г. путешественник вышел к берегам Нигера у города Сегу. «К моей безграничной радости, — пишет он, — я увидел, наконец, главный объект своей миссии, долгожданный величественный Нигер, который, искрясь под утренним солнцем, широкий, как Темза у Вестминстера, медленно катил свои воды к востоку...»

Этот год дорого стоил Парку: он был изнурен лихорадкой, лишен всего самого необходимого, от одежды его остались одни лохмотья. Продолжать путешествие по Нигеру в таком состоянии и притом в обстановке наступившего к тому времени сезона дождей шотландский исследователь не рискнул. Он ограничился тем, что проследил реку — местные жители называли ее Джалибой — на небольшое расстояние вниз, а затем вверх по течению от Сегу, после чего двинулся обратно. Устья Гамбии он достиг более южным путем, чем тот, которым шел к Нигеру; этот переход позволил ему первым из европейцев познакомиться с бассейном Бафинга — главного истока Сенегала.

«Путешествия во внутренние области Африки» — так была озаглавлена книга Мунго Парка, вышедшая в свет в Лондоне в 1799 г., — доставили молодому врачу мировую известность. Однако с точки зрения решения проблемы Нигера результаты его экспедиции свелись только к окончательному установлению того, что Нигер течет в восточном направлении и что между ним и Сенегалом существует возвышенный водораздел. Куда именно несет свои воды Нигер, Парк разузнать не смог.

Сразу же после путешествия Парка «Африканская ассоциация» организовала новую экспедицию с целью достичь Нигера с севера. Эта задача была возложена на молодого немецкого ученого Фридриха Конрада Хорнеманна. В 1797 г. он прибыл в Каир и в следующем году, переодетый мусульманским купцом, прошел оттуда с торговым караваном через оазисы Сива и Ауджила в Мурзук — главный рыночный центр области Фец-

цан на юге современной Ливии. Хорнеманн первым из европейцев нового времени познакомился с песчаными морями Ливийской пустыни и столовыми плато Феццана. В дальнейшем он побывал в средиземноморском порту Триполи и, заручившись поддержкой местного пашы, в 1800 г. вновь отправился в Мурзук, а оттуда — дальше на юг. С этого момента следы его потерялись. Много позднее стало известно, что ему удалось достичь государства Нуле в нижнем течении Нигера (на территории современной Нигерии), где он и умер в феврале 1801 г. от дизентерии. На пути к Нигеру немецкий исследователь не мог, очевидно, миновать озера Чад, так как именно к его берегам выходила караванная дорога из Мурзука. Однако смерть помешала ему довести до сведения современников результаты этого замечательного путешествия — первого европейского пересечения Сахары в новое время. Сохранился только дневник поездки Хорнеманна из Каира в Мурзук, который был отослан им в Англию из Триполи и в 1802 г. опубликован одноязычно на немецком (в Веймаре) и английском (в Лондоне) языках.

Вклад Хорнеманна в решение проблемы Нигера оказался скорее негативным: наведенные им в Феццане справки свидетельствовали как будто бы о соединении Нигера с Нилом, что укрепило позиции приверженцев этой древнейшей, по существу еще геродотовской, концепции. Реннелл, один из авторитетнейших английских географов того времени, продолжал отстаивать мысль о том, что воды Нигера теряются в озерах в глубине Африки (на эту тему им было написано приложение к отчету Парка). Появилась и новая гипотеза, согласно которой нижним течением Нигера следовало считать Заир (Конго); ее выдвинул британский исследователь устья Конго, шотландец по происхождению, Джордж Максвелл (о нем мы еще скажем несколько слов в одном из следующих разделов). Наконец, в 1802 г. немецкий географ Карл Рейхард впервые высказал правильную идею о том, что Нигер впадает в Гвинейский залив и что его устьевыми рукавами являются «Масляные реки»; однако эта точка зрения поначалу нашла мало сторонников. Любопытно, что главным аргументом оппонентов Рейхарда, а также Максвелла было внедренное в литературу Реннеллом представление о существовании к югу от Нигера мощной горной цепи, протягивающейся параллельно верхнегвинейскому побережью и продолжаемой на востоке легендарными «Лунными горами», в которых якобы находятся истоки Нила.

Таково было положение с проблемой Нигера к началу 1805 г., когда Мунго Парк отправился в новое путешествие с твердой решимостью проследить великую реку до ее устья. Сам он разделял мнение Максвелла о связи Нигера с Конго, однако руководители «Африканской ассоциации» исходили скорее из гипотезы Реннелла: разработанные ими планы предусматри-

вали возможность возвращения Парка на побережье северным путем — через Сахару.

Вторая экспедиция Парка, как и большинство последующих экспедиций «Африканской ассоциации», финансировалась уже непосредственно правительством Великобритании, признавшим важность подобных исследований для экономических интересов страны: бурно развивающийся английский капитализм требовал новых источников сырья и рынков сбыта. Парка сопровождал взвод солдат. Правда, до Нигера, берегов которого экспедиция достигла у Бамако, дошла лишь ничтожная горсточка людей: свыше $\frac{5}{6}$ первоначального личного состава экспедиции погибли, не вынеся трудностей похода. В Сансандинге (немного ниже Сегу) англичане переоборудовали большую пирогу в парусное судно, которому было дано имя «Джолиба». Перед тем как пуститься в плавание вниз по Джолибе (Нигеру), Парк отослал с okazji в Гамбию дневник первого этапа своего путешествия (он был опубликован в 1815 г.). В числе прочих сведений он сообщил о наведенных им справках относительно дальнейшего течения реки; из них явствовало, что она поворачивает на юг, и путешественник склонен был усматривать в этом подтверждение предположения о соединении Нигера с Конго. Это сообщение Парка, датированное ноябрем 1805 г., было последним; с тех пор он, как и Хорнеманн, пропал без вести. Через несколько лет выяснилось, что он проплыл на своей «Джолибе» вниз по Нигеру больше 2 тыс. км (пройдя, между прочим, мимо Томбукту, но не побывав в нем) и достиг порогов у селения Буса, на западе современной Нигерии. Здесь все еще оставшиеся к тому времени в живых европейские участники экспедиции погибли в сражении с африканцами. Пытаясь спастись от осыпавших судно стрел, Парк бросился в воду и нашел свою смерть в волнах реки, исследованию которой отдал столько сил.

Колоритная фигура этого смелого первопроходца, его короткая, но яркая жизнь и трагическая гибель неоднократно привлекали популяризаторов истории географических исследований. О Парке написано больше, чем о многих других путешественниках по Африке, в том числе и тех, реальный вклад которых в изучение этого континента был более велик. Признавая заслуги Парка как первого европейского исследователя Нигера, нельзя вместе с тем умолчать и о том, что никак не может украсить его в наших глазах: о его презрении и жестокости к африканцам, которых он — вполне в духе своей эпохи — рассматривал не более как живой товар. Оба путешествия Парка были наполнены конфликтами с местным населением. Последний свой путь вниз по Нигеру он прокладывал силой огнестрельного оружия, и приречные жители надолго сохранили в памяти ужас перед «бешеным белым», как они его называли. Все это и предопределило гибель шотландского исследователя.

Конечно, было бы неверно обвинять в насилии и кровопролитии одного только Парка; то же относится и к очень многим другим европейцам. А некоторые неповинные ни в чем подобном исследователи Африки становились потом жертвами мести за непростительные поступки их предшественников.

Транссахарское путешествие Аудни, Денэма и Клаппертона: открытие озера Чад и реки Шари

Мунго Парк не разрешил проблемы Нигера, и «Африканская ассоциация» не прекращала попыток выйти к этой реке и проследить ее течение. Еще до гибели Парка на «Масляные реки» был послан с целью проверки гипотезы Рейхарда англичанин Николс, но он скончался, едва успев приступить к исследованиям. Умерли в самом начале намеченных маршрутов и два других агента ассоциации: немец Рёнтген и швейцарец Буркхардт, которые должны были проникнуть к Нигеру соответственно из Марокко и Египта. Новое наступление на Нигер, предпринятое в 1816 г. тремя английскими офицерами — майором Педди и капитаном Кемпбеллом со стороны верхнегвинейского побережья и капитаном Такки от устья Конго, — тоже окончилось смертью всех троих; из них значительные научные результаты, не имеющие, впрочем, отношения к Нигеру, дала только экспедиция Такки (о ней будет рассказано более подробно в другом месте). Состоявшаяся вскоре после этого попытка английского капитана У. Грея пройти к Нигеру со стороны Гамбии обошлась без трагического исхода, а спутнику Грея, военному врачу Дочарду, удалось даже достичь Нигера у Сегу, но особым успехом это нельзя было назвать: экспедиция только частично повторила маршрут Парка и мало что добавила к его данным. В 1818 г. двое англичан — Дж. Ритчи и Дж. Ф. Лайон — пытались «штурмовать» Нигер из Триполи, но первый из них умер в Феццане, второй же из-за недостатка средств вынужден был вернуться.

Первого крупного успеха в продвижении в глубь Африки через Сахару добились в 1822—1824 гг. доктор Уолтер Аудни, майор Диксон Денэм и капитан Хью Клаппертон. Выступив из Триполи, эти три новых посланца «Африканской ассоциации» пересекли древним караванным путем — через Мурзук и Бильму — Центральную Сахару и прибыли в феодальное государство Борну, прилегающее к озеру Чад с запада. Само озеро англичане впервые увидели в начале февраля 1823 г. Осмотрев его западные берега, они убедились, что даже самая значительная из впадающих в озеро с этой стороны рек — Комадугу-Йобе — слишком маловодна, чтобы быть нижним течением Ни-

тера. В дальнейшем экспедиция разделилась. Денэм продолжил исследование Чада, побывал на его южных берегах, в государстве Багирми, и открыл впадающую в озеро с юга большую реку Шари. Аудни и Клаппертон направились на запад, в область расселения народности хауса (на севере современной Нигерии). Аудни там и умер (в 1824 г.), Клаппертон же дошел в западном направлении до основанного незадолго перед тем народом фульбе государства Сокото. Затем Денэм и Клаппертон встретились и вдвоем прежним путем вернулись в Триполи. Дневники английских исследователей в обработке географа Джона Барроу были изданы в Лондоне в 1826 г. под заглавием «Рассказ о путешествиях и открытиях в Северной и Центральной Африке в 1822, 1823 и 1824 годах».

Аудни, Денэму и Клаппертону досталась слава первых европейцев нового времени, пересекших Сахару и своими глазами повидавших озеро Чад. Выше говорилось, что и то, и другое за двадцать с лишним лет до них сделал Хорнеманн, но для географов его путешествие осталось бесплодным, заслуги же английских исследователей перед наукой были неоспоримы. Аудни, Денэм и Клаппертон не только подтвердили факт существования большого озера к югу от великой пустыни, но, что особенно важно, надежно фиксировали его местоположение с помощью астрономических наблюдений. То же было сделано, впервые в этой части Африки, и по отношению к другим посещенным ими географическим объектам. Для картографии все это было достижением первостепенного значения. Особо следует выделить роль Денэма как первооткрывателя Шари (уже без всяких оговорок насчет приоритета). Наконец, английские путешественники впервые доставили в Европу точные сведения о мусульманских государствах Борну, Багирми, Сокото, населяющих их народах, оживленных торговых городах. Научные результаты экспедиции были, таким образом, весьма велики.

Проблему Нигера, однако, и этой экспедиции разрешить не удалось. Правда, Клаппертон обследовал водораздел между впадающей в озеро Чад рекой Комадугу-Йобе и притоком Нигера Сокото, но еще ничто не доказывало, что это водораздел между двумя гидрографическими бассейнами первого порядка, и возможность впадения Нигера в Чад пока что не могла быть исключена. Более того, на такую возможность прямо указывал Денэм, предположивший, что открытая им Шари и есть низовье Нигера. Клаппертон был иного мнения: основываясь на расспросных данных, собранных им в Кано — главном торговом центре страны хауса, он пришел к выводу о том, что Нигер должен впадать в Гвинейский залив — примерно там, где помещал его устье Рейхард. Вместе с тем из других источников Клаппертон получил сведения о связи Нигера с Нилом. Вопрос, таким образом, продолжал оставаться запутанным.

Путешествия Лэнга к истокам Нигера и в Томбукту

В то время, когда Аудни, Денэм и Клаппертон только начинали свой путь от берегов Средиземного моря в глубь Африки, была сделана новая попытка достичь Нигера с западного побережья. Ее предпринял по собственной инициативе 27-летний шотландец, лейтенант британских колониальных войск Александр Гордон Лэнг. Он служил во Фритауне и Сьерра-Леоне — незадолго до того возникшей колонии Великобритании на западе Африки. Разрешить проблему Нигера и побывать в таинственном Томбукту было мечтой всей его жизни. Представленный им командованию в 1821 г. проект исследовательской экспедиции в Томбукту (которую он намеревался организовать за собственный счет и просил только отпуска, а также содействия в приобретении необходимых ему инструментов) был отклонен, но уже на следующий год Лэнг добился разрешения на путешествие в глубь страны, взяв на себя дипломатическую миссию к правителю страны Сулима в хинтерланде Сьерра-Леоне.

Путешествие началось в апреле 1822 г. и продолжалось несколько месяцев. Лэнг направился вверх по долине реки Рокелле, впадающей в Атлантический океан у Фритауна, и прибыл в главный город Сулимы — Фалабу, откуда, как ему рассказали, было всего три дня пути до истока Джוליбы (Нигера). Однако повидать исток столь интересовавшей его реки молодому шотландцу не удалось из-за противодействия местного правителя. Лэнг смог побывать только у истока Рокелле и оттуда увидеть высящуюся на расстоянии около 40 км гору Лома — высочайшую вершину Леоно-Либерийского массива и всей Западной Африки к западу от Камеруна; на противоположной стороне этой горы, по полученным им сведениям, и брала начало Джוליба. Выполненные Лэнгом барометрические измерения высот привели его к важному теоретическому выводу. «Исток Рокелле по показаниям барометра лежит на высоте 1441 фута [около 440 м] над уровнем моря, и, судя по виду местности между двумя истоками, я не смог предположить, что исток Нигера расположен выше, чем на 100 футов. Разговоры о Нигере, соединяющемся с Нилом, должны быть поэтому навсегда оставлены — высота у его истока оказывается недостаточной для того, чтобы позволить ему пройти и половину расстояния...» В действительности исток Нигера находится немного восточнее, чем думал Лэнг, но его рассуждение все равно осталось бы в силе, так как порядок высот там тот же. Таким образом, Лэнг уже в 1822 г. доказал невозможность слияния Нигера с Нилом из-за недостаточного перепада высот и тем самым развеял географический миф, восходящий к античным временам.

Книга Лэнга «Путешествия в страны Тиманни, Куранко и Сулима в Западной Африке» вышла в свет в Лондоне в 1825 г. В том же году ее автор, уже в чине майора, возглавил британскую правительственную экспедицию, имевшую целью достичь Томбукту*. В промежутке между двумя своими исследовательскими путешествиями Лэнг побывал на Золотом Береге и принял по долгу службы участие в захватнической войне Великобритании против африканского государства Ашанти. Заметим попутно, что первое географическое описание Ашанти дал английский миссионер Томас Эдуард Баудич, посетивший эту страну в 1817 г. в составе британского посольства (во главе с Фредериком Джеймсом) и изложивший свои наблюдения в книге «Миссия из Кейп-Кост-Касла в Ашанти» (Лондон, 1819).

Лэнг предлагал попытаться проникнуть в Томбукту с Атлантического побережья, но вышестоящим начальством был выбран «средиземноморский» вариант маршрута. Пройдя от Триполи до северной окраины Феццана, экспедиция двинулась оттуда на запад новым для европейцев путем — через оазисы Гадамес и Айн-Салах. Ведя маршрутную съемку и научные наблюдения, Лэнг не переставал размышлять о проблеме Нигера. В Гадамесе им были написаны и отосланы в Триполи «Беглые заметки о течении и окончании великой реки Нигер», свидетельствующие об изменении его взглядов по этому вопросу: раньше он склонялся к гипотезе Рейхарда, теперь выдвинул предположение о том, что нижним течением Нигера может являться река Вольта, впадающая в Гвинейский залив на Золотом Береге.

За Айн-Салахом — одним из группы оазисов Тидикельт в Алжирской Сахаре — караван Лэнга подвергся нападению кочевников-туарегов, действовавших на торговых путях в Томбукту. Один из европейских участников экспедиции был убит, сам Лэнг тяжело ранен. Вскоре эпидемия дизентерии унесла в могилу всех остальных его спутников. Несмотря ни на что, Лэнгу удалось завершить этот труднейший и опаснейший переход через Сахару и вступить 13 августа 1826 г. в город своей мечты — Томбукту. Позднее путешественник смог повидать и Нигер, протекающий в нескольких километрах от города. В письме британскому консулу в Триполи, датированном 21 сентября 1826 г., Лэнг сообщил, что намеревается двинуться к Сегу в верхнем течении Нигера. Это было единственное пись-

* В 1971 г. в Африканском этнографическом сборнике (т. VIII) крупнейший советский африканист Д. А. Ольдерогге опубликовал статью «Астраханец в Томбукту в 1821 г.» о путешествии в Кано, Томбукту, Джене и Кейп-Кост уроженца г. Кизляра Варги (по-видимому, армянин Варген). Сообщения Варги о Нигере и Томбукту были опубликованы в английской и французской прессе в 1822—1823 гг. и были известны Лэнгу, который высоко оценил в своих письмах из Гадамеса точность наблюдений Варги в отношении Нигера.

мо, написанное им из Томбукту, и последнее, которое вообще было от него получено.

Еще раньше в своих письмах Лэнг с резким осуждением отзывался о кровавых «подвигах» своего предшественника — Мунго Парка. «Как неосторожно, как бездумно, могу даже сказать как эгоистично, было со стороны Парка пытаться совершать открытия в этой стране ценой крови ее обитателей, как неоправданно было такое поведение!.. Боюсь, что после выезда из Томбукту у меня будет много неприятностей...» Опасения Лэнга оправдались: через три дня после выхода из Томбукту он был убит. Весть об этом принес добравшийся до Триполи двумя годами позже слуга Лэнга — свидетель его гибели.

Все экспедиционные материалы пропали, и поэтому второе путешествие Лэнга, хотя и отличалось гораздо большим размахом, чем первое, имело меньшее научное значение. Все же благодаря его письмам с дороги оно тоже прошло не без пользы для географии. Но вообще оба путешествия Лэнга обратили на себя сравнительно мало внимания: результаты их были заслонены более эффектными достижениями Денэма и Клаппертона, братьев Лендер и Кайе. Только позднее историки географических открытий стали воздавать Лэнгу должное. А в 1930 г., через 100 с лишним лет после его смерти, в Томбукту, на стене дома, где он жил, была укреплена мемориальная доска с надписью: «Майору Александру Гордону Лэнгу, 2-го Вест-Индского полка, первому европейцу, достигшему Тимбукту...» * Формулировка не совсем справедливая по отношению к предшественникам Лэнга, начиная с Бенедетто Деи и до Варги; однако она была бы вполне правильной, если бы вместо слова «европеец» в ней стояло бы «европейский исследователь», ибо Лэнг, несомненно, был первым европейцем, посетившим Томбукту с научно-исследовательскими, а не коммерческими или иными целями.

Вторая экспедиция Клаппертона. Окончательное решение проблем Нигера братьями Лендер и открытие ими Бенуэ

В 1825 г. одновременно с Лэнгом в Африку вновь был послан Хью Клаппертон. Высадившись на Невольничьем Береге, он двинулся в глубь материка и первым из европейцев достиг Нигера с юга. Клаппертон вышел к реке в районе Бусы в тех местах, где погиб Парк, переправился через нее и дошел до Сокото, связав, таким образом, свой новый маршрут, начавшийся от берегов Гвинейского залива, с предыдущим, проло-

* Написание «Тимбукту» было общеупотребительным в XIX в. и до сих пор встречается в литературе.

женным со стороны Средиземного моря. Это важное достижение стоило ему жизни: в апреле 1827 г. он скончался в Сокото от лихорадки. Умерли и все остальные европейские участники экспедиции, за исключением молодого слуги Клаппертона — Ричарда Лендера. Он доставил в Англию путевые дневники Клаппертона, которые и были опубликованы Джоном Барроу в Лондоне в 1829 г. Ценным дополнением к ним явилась двухтомная работа самого Лендера «Материалы последней экспедиции Клаппертона в Африку» (Лондон, 1829—1830).

В 1830 г. «Африканская ассоциация» поручила Ричарду Лендеру возглавить новую экспедицию на Нигер. Вместе с ним в Африку отправился его младший брат Джон Лендер. Пройдя уже знакомым Ричарду Лендеру путем от Невольничьего Берега до Бусы, братья начали плавание на лодках вниз по Нигеру. По пути был открыт его крупнейший приток — Бенуэ, впадающий в великую реку слева и резко увеличивающий ее водоносность. Преодолев множество трудностей и испытав немало опасных приключений, братья Лендер достигли наконец места впадения реки в Гвинейский залив. Проблема Нигера была решена. Гипотеза Рейхарда полностью подтвердилась. «Реки Бенин, Формоза, Бонни, Калабар, Нун, — сообщил Ричард Лендер, — все называются Масляными и, сообщаясь между собой, образуют дельту Нигера». Это важное путешествие, заключающее собой большую главу истории исследования Западной Африки, было описано Ричардом Лендером в трехтомном труде «Дневник экспедиции для исследования течения и окончания Нигера», вышедшем в свет в Лондоне в 1832 г.

Открытиями братьев Лендер немедленно заинтересовались английские купцы. В Ливерпуле была основана «Компания по торговле с внутренними областями Африки», и в 1832—1834 гг. председатель ее совета директоров Макгрегор Лэрд лично возглавил экспедицию на Нижний Нигер с целью изучения экономических ресурсов и коммерческих возможностей этого района. В числе его спутников были врач Р. А. К. Олдфилд, флотский лейтенант У. Аллен и Ричард Лендер. Экспедиция вошла в устье Нигера на двух пароходах, поднялась вверх по реке (немного не дойдя до порогов у Бусы) и проследила нижний участок течения Бенуэ (на 150 км от устья). Многие члены экспедиции погибли (в том числе Ричард Лендер, умерший в 1834 г. от ран, полученных в одной из стычек с африканцами), но в целом компания осталась довольна ее результатами*.

Позднее по инициативе торговых кругов Великобритании в тот же район было направлено еще несколько экспедиций; осо-

* Эти результаты были изложены Лэрдом и Олдфилдом в книге «Рассказ об экспедиции во внутренность Африки по реке Нигер» (Лондон, 1837, в двух томах).

бо следует упомянуть исследовательскую деятельность капитана Джона Бикрофта, внесшего в начале 40-х годов немалый вклад в «расшифровку» сложной системы рукавов и протоков дельты Нигера, а также заснявшего нижнее судоходное течение реки Старый Калабар, или Кросс, впадающей в Гвинейский залив к востоку от этой дельты. В 1841 г. нижнее течение Нигера было с высокой точностью заснято британской правительственной экспедицией под начальством капитана Х. Д. Троттера, выяснявшей возможности основания здесь переселенческой колонии*. В последующие годы расширению географических знаний об области Нижнего Нигера способствовала деятельность английских миссионеров. Из других английских предприятий отметим исследование Дагомеи Джоном Дунканом, проникшим в 1845 г. в глубь этой страны примерно до 10° с. ш.

Большой интерес у географов того времени вызывала река Бенуэ. Одно из ее местных названий, Чада, наводило на мысль о том, что она как-то связана с озером Чад. Однако попытки исследования этой реки пока что оставались безуспешными.

Французские исследования Западной Африки. Путешествие Каиэ в Томбуку

Говоря о прогрессе в географическом изучении Западной Африки в первой половине XIX в., мы до сих пор упоминали только достижения англичан. Меньшую, но все же немалую исследовательскую активность в этой части континента проявили базировавшиеся в Сенегамбии французы. Так, в 1818 г. Гаспар Мольен обследовал по заданию французского правительства плато Фута-Джалон и открыл на нем истоки Сенегала (Бафинга), Гамбии и Риу-Гранди (Корубала)**. Однако наиболее выдающимся достижением в исследовании Западной Африки в рассматриваемый период Франция была обязана не деятельности правительственных агентов, а любознательности частного лица — Рене Огюста Каиэ.

Сын пекаря из захолустной французской деревушки, Каиэ, как и Лэнг, с ранней юности загорелся мечтой повидать «царицу пустыни» — Томбуку. Впервые попов в Африку в 1816 г., в семнадцатилетнем возрасте, он принял участие в английской экспедиции Грея, потом еще несколько лет жил в Сенегамбии, занимаясь изучением местных языков. В апреле

* Двухтомный отчет об этой экспедиции был написан спутниками Троттера — У. Алленом и Т. Р. Х. Томсоном и опубликован в Лондоне в 1848 г.

** Результаты своих исследований Мольен изложил в двухтомной книге «Путешествие во внутренность Африки к истокам Сенегала и Гамбии» (Париж, 1820—1822).

1827 г., на собственный страх и риск, Кайе отправился в путешествие, прославившее его имя. Выдавая себя за мусульманина-египтянина, бежавшего из французского плена, он прошел от гвинейского побережья через Фута-Джалон к Курусе в верховьях Нигера и далее на восток, коснувшись северной окраины современного Берега Слоновой Кости, затем повернул на север, дошел до торгового города Дженне на реке Бани, правом притоке Нигера, и оттуда спустился водой до Томбукту. По пути он первым из европейцев (не считая второй экспедиции Парка, материалы которой пропали) познакомился с внутренней дельтой Нигера — расширенным участком долины реки с множеством рукавов, протоков, озер и стариц. Глинобитные дома Томбукту, куда Кайе прибыл в апреле 1828 г., несколько разочаровали молодого путешественника ожидавшего от этого города большего величия. Вскоре ему представилась возможность примкнуть к купеческому каравану, направлявшемуся в Марокко. Впервые в истории европейских путешествий нового времени Кайе пересек Западную Сахару, повидал восточную окраину песчаной пустыни Эль-Джуф, плато Эль-Эглаб, Эрг-Игиди, оазисы Араван, Тауденни, Тафилалет. В дальнейшем он посетил Фес и осенью 1828 г. закончил свой путь в Танжере.

Путевые записки Кайе были опубликованы в трех томах в Париже в 1830 г. под заглавием «Дневник путешествия в Тимбукту и Дженне в Центральной Африке»; к печати их подготовил видный французский географ Франсуа Жомар. Полученное или, вернее, не полученное Кайе образование ограничивало его научные возможности и, конечно, отчасти снизило результативность его замечательного путешествия. Сам Кайе вполне отдавал себе в этом отчет и, предвидя нарекания со стороны ученых, писал: «Я выполнил задачу без научной подготовки, нищий, не получая никакой помощи. Но я рассказал Европе, что такое Тимбукту. Единственное достоинство моего сообщения — правдивость. Пусть у меня не отнимают того, что добыто столькими страданиями. Несовершенство стиля и мое невежество пусть критикуют те, кто не бывал в Тимбукту, а совершенствовался в науках и искусствах дома».

В любом случае путешествие Кайе, несомненно, явилось крупным успехом в деле географического познания северо-запада Африканского материка. Было оно и большой личной удачей французского исследователя. Пройти такой путь в окружении фанатически настроенных воинственных мусульман представляло собой в то время задачу не только трудную, но и чрезвычайно опасную. Тем не менее Кайе справился с ней блестяще.

Прочие французские исследования первой половины XIX в. в Западной Африке дали сравнительно мало нового. Среди них можно назвать экспедиции флотского офицера Анна Раф-

фенеля, дважды пытавшегося в 40-х годах проложить путь от Сенегала к Нигеру, но оба раза неудачно.

К середине XIX в. в Западной Африке осталось еще много совершенно неисследованных пространств, но все же основные черты ее орогидрографии были уже более или менее ясны. Завершено было исследование Сенегала и Гамбии, получено достаточно полное представление о водораздельном узле Фута-Джалона. Нижнее течение Нигера точно заснято, известно и почти все его верхнее течение до Томбукту; промежуточный участок, прослеженный только Парком в его втором путешествии, изображался на картах пока лишь схематично, но тоже в общем довольно правильно. Главными задачами на будущее были теперь исследование Бенуэ и заполнение обширного «белого пятна» между Нигером и побережьем Гвинейского залива, охватывавшего, в частности, практически весь бассейн Вольты.

Исследования Магриба. Французское завоевание Алжира и начало систематического изучения страны

Высадкой на побережье Алжира французского экспедиционного корпуса в июне 1830 г. и взятием столицы государства, города Алжира, в июле того же года началась французская оккупация этой страны, продолжавшаяся более 130 лет. Французы быстро овладели побережьем, завоевание же внутренних горных районов натолкнулось на упорное народное сопротивление, организованное и возглавленное национальным героем Алжира — эмиром Абд-эль-Кадиром, и затянулось на несколько десятилетий. Тем не менее к середине XIX в. под контролем Франции оказалась уже почти вся северная, средиземноморско-атласская, часть Алжира (хотя восстания против французских колонизаторов неоднократно вспыхивали здесь и позднее). На очередь стало завоевание Алжирской Сахары, потребовавшее, однако, гораздо более длительного времени: завершено оно было французами только в XX в.

Почти сразу же после вторжения в Алжир французских войск начинается массовая иммиграция европейских, главным образом французских, колонистов и одновременно невиданно быстрыми для Африки темпами продвигается вперед географическое изучение страны. Один за другим Алжир посещают десятки ученых и просто любознательных путешественников; некоторые из них непосредственно сопровождают армию в ее завоевательных походах. Первую скрипку, естественно, играют французы, исследования которых с самого начала подчиняются задачам колонизации и развиваются в двух основных направлениях: создание точных географических карт и изучение

природных ресурсов страны, прежде всего под углом зрения возможностей сельскохозяйственного освоения ее территории.

Подготовленная во Франции в 1830 г. для военных нужд специальная карта Северной Африки быстро устаревает. В 1838 г. военно-топографическое депо в Париже выпускает новую карту Алжира на трех листах, затем появляются отдельные топографические карты провинций Алжир, Оран и Константина масштаба 1:400 000, описание алжирского побережья, составленное французским военно-морским ведомством, и т. п.

В том же 1838 г. в Париже выходит в свет интересная сводка данных об Алжире двух офицеров — датчанина М. Фальбе и англичанина Г. Темпла, следовавших с французскими войсками по восточной части страны в походе, имевшем целью захват Константины. Большую известность приобретают результаты путешествий по Алжиру в 1836—1838 гг. немецкого врача и зоолога Морица Вагнера, опубликованные в трех томах, с атласом в 1841 г. в Лейпциге.

Систематическое научное исследование Алжира начинается в 1839 г., когда во Франции организуется для этой цели большая экспедиция из картографов, естествоиспытателей и этнографов. Полевые работы, проводившиеся на самом высоком научном уровне того времени, продолжались до 1842 г. Разбором отчетов и донесений экспедиции, поступавших в военное министерство, занималась специальная комиссия из членов Парижской Академии наук. Публикация трудов экспедиции была начата в 1844 г. и закончена лишь в начале нашего века. Это многотомное издание помимо многочисленных сведений по истории, этнографии и археологии включает и труды, посвященные вопросам географии, геологии, ботаники, зоологии. Оно было, однако, лишь сводкой новых фактических материалов об Алжире; научное обобщение этой богатейшей информации проводилось в основном значительно позже.

В 40-х годах XIX в. появляются достаточно точные картографические материалы по всей северной части Алжира, в том числе специальная карта Тель-Атласа в масштабе 1:200 000, составленная на основе проведенной французскими военными картографами триангуляции. В 1847 г. выходит Атлас Алжира Буфара из 11 карт с пояснительным текстом. Выходят в свет и первые сводные французские работы по Алжиру, например «Алжирия» Дюфура (Париж, 1846). Создается литература и по Алжирской Сахаре. Так, в 1845 г. выходит книга М. Ж. Э. Дома «Алжирская Сахара: географические, статистические и исторические очерки», сыгравшая важную роль в развитии правильных представлений обо всей северной части великой пустыни. В 1847 г. Ф. Жако публикует результаты своих географических наблюдений во время состоявшегося в том же году похода в Алжирскую Сахару генерала Кавеньяка.

Таким образом, с точки зрения географического изучения Алжир, по крайней мере северная его часть, оказался к середине XIX в. на совершенно особом положении по сравнению с большинством других африканских стран. Этап исследований отдельных путешественников-одиночек, продолжавшийся в большей части Африки весь XIX в., здесь быстро сменился качественно новым этапом точных топографических съемок и систематических исследовательских работ больших научных коллективов. Обратной стороной создавшихся в Алжире благоприятных условий для научных исследований были кровавые злодеяния колонизаторов. В то время, когда ученые мужи под охраной штыков собирали образцы горных пород Сахарского Атласа или уточняли местоположение истоков Шелифа, солдатам французской армии выдавалась премия за каждую пару ушей, отрезанных у убитых ими арабов и берберов.

По-иному шло в рассматриваемый период исследование западной и восточной окраин Магриба. Географическое изучение Марокко надолго застыло на уровне сведений Льва Африканского. В глубь этой страны отваживались проникать лишь немногие европейцы. Среди них заслуживает упоминания в первую очередь испанский путешественник-разведчик Доминго Бадья-и-Леблич, побывавший в Марокко в 1804—1805 гг. Он путешествовал под именем Али Бея эль-Абасси и выдавал себя не более и не менее как за родича Магомета. Втеревшись в доверие к марокканскому султану, он собирался организовать дворцовый переворот, но план заговора не был одобрен испанским правительством, и Бадья был отозван. Путешествия Бадьи по Марокко — из Танжера на юг через Эль-Ксар-эль-Кебир, Мекнес и Фес до Марракеша и на восток через Тазу и Уджду до Эль-Ариши в Алжире* — пролили свет на орографию страны; в частности, им было установлено, что приморский хребет Эр-Риф отделен от Атласских гор долиной реки Себу.

Некоторые сведения о западной части Марокканского Атласа доставил долгое время живший в начале XIX в. в Могadore (Эс-Сувейре) в качестве купца англичанин Грей Джексон; он же разузнавал по поручению «Африканской ассоциации» о торговых путях из Марокко в Томбукту. Расширению географических знаний о Марокко способствовали также посольства европейских держав к марокканскому султану; существенное обогащение карты страны связано, в частности, с британским посольством Уошингтона в 1829 г. Через Марокко, как уже говорилось, вернулся в 1828 г. из своего путешествия в Томбукту Рене Кайе. Восемью годами позже попытка проникнуть

* Свои путешествия, охватившие не только Марокко, но и все средиземноморское побережье Африки, а также некоторые азиатские страны, Бадья описал в книге «Путешествие Али Бея в Африку и Азию», впервые вышедшей в свет на французском языке в Париже в 1814 г.

на юг страны стоила жизни англичанину Дж. Дэвидсону. Малодоступными оставались и внутренние районы Туниса, хотя побережье этой страны европейцы посещали довольно часто. В целом прогресс в географическом изучении Марокко и Туниса в первой половине XIX в. был весьма скромным.

Исследования Египта и Восточного Судана:

Браун, Буркхардт, Кайо и др.
Египетские нильские экспедиции

Первым европейским путешественником, проникшим далеко в глубь Северо-Восточной Африки иным путем, чем по долине Нила или со стороны Красного моря, был англичанин Уильям Джордж Браун. В 1792 г. он совершил поездку из района мыса Эль-Канаис (на египетском побережье Средиземного моря к западу от дельты Нила) к еще ни разу не посещавшемуся европейцами в новое время оазису Сива в Ливийской пустыне и оттуда проследовал на северо-восток до Александрии. По-видимому, Браун был первым европейцем, повидавшим впадину Каттара; впрочем, самая замечательная ее особенность — то, что она лежит ниже уровня моря, — осталась ему неизвестной. В 1793 г., присоединившись к купеческому каравану, Браун прошел так называемым сорокадневным путем — через оазис Харга, колодцы Селима и Мальха — от Асьюта в Верхнем Египте до Эль-Фашера, столицы мусульманского султаната Дарфур на одноименном плато, образующем водораздел между бассейнами Нила и озера Чад. Задержанный дарфурским султаном, английский путешественник провел здесь около трех лет и только в 1796 г. получил возможность вернуться в Египет. Личное знакомство Брауна с Дарфуром ограничилось небольшой территорией вокруг Эль-Фашера, но им была собрана, кроме того, обширная устная информация как о самом Дарфуре, так и о землях, расположенных к западу (Вадаи, Багирми, Борну), к востоку (Кордофан) и к югу от него. С картографической точки зрения это путешествие дало не слишком много. В астрономических определениях координат Браун допустил грубые ошибки. Но так или иначе, его книга «Путешествия по Африке, Египту и Сирии», изданная в Лондоне в 1799 г., оставалась вплоть до 70-х годов XIX в. единственным источником сведений о Дарфуре, основанных на личных наблюдениях европейца. Дополнительную информацию об этой стране в первой половине XIX в. географы получили, с одной стороны, от тех европейских путешественников, которые хотя сами и не бывали в Дарфуре, но собирали о нем расспросные данные, с другой же — от двух образованных мусульман: шейха Мухаммеда ибн Омара эль-Тунси (описание путешествия в Дарфур

и Вадаи, совершенного им в 1803—1811 гг., было опубликовано в переводе с арабского в Париже в 1845 г.) и Теимы, управлявшего от имени дарфурского султана Кордофаном до завоевания этой области Египтом в 20-х годах (его карта Дарфура была помещена в книге Э. де Кадальвана и Ж. де Брёвери «Египет и Нубия», вышедшей в свет в Париже в 1841 г.).

В 1798 г. в Египет вторглась французская армия под предводительством Наполеона Бонапарта. Армию сопровождали ученые — географы, геодезисты, историки. Их работы заложили основы научных географических знаний о Египте, главным образом о нижней части долины Нила и его дельте. Французские ученые выполнили астрономические определения координат важнейших пунктов по Нилу вплоть до Асуана и провели триангуляцию всего этого участка долины. На базе собранных материалов во Франции было предпринято издание 25-томного «Описания Египта» и в качестве приложения к нему в 1807 г. в Париже опубликован Атлас Египта (50 карт), подготовленный под руководством видного географа Франсуа Жомара. После выхода его в свет задачи дальнейшего картографического изучения египетской части нильской долины сводились в основном уже лишь к уточнению отдельных деталей.

В начале XIX в. европейские путешествия в Египет учащаются. К числу наиболее ранних относятся работы немецкого исследователя Ближнего Востока Ульриха Яспера Зетцена, объездившего в 1807—1810 гг. Нижний Египет, Файюмский оазис и часть Ливийской пустыни (описание его путешествий, однако, увидело свет только в 1854—1859 гг.). В 1817—1820 гг. по Египту много путешествовал французский минералог Фредерик Кайо, обследовавший, в частности, оазисы Ливийской пустыни: Харга, Дахла, Фарафра, Бахария, Сива; большую часть своих маршрутов он проделал совместно с флотским офицером Леторзеком. Оазисы Ливийской пустыни изучали также итальянец Дж. Б. Бельцони (1816 г.), немец Г. фон Минутоли (1820 г.), англичане А. Эдмонстон (1819 г.) и Дж. А. Хоскинс (1832 г.), французы Дроветти (1818 и 1820 гг.) и Пашо (1826 г.). По Аравийской пустыне путешествовали англичанин Дж. Г. Уилкинсон (1823 г.), немец Р. Лепсиус (1845 г.) и другие исследователи. В большинстве своем эти экспедиции были связаны преимущественно с археологическими изысканиями, но дали немало и географических сведений.

Научному исследованию Нубии положил начало швейцарец Иоганн Людвиг Буркхардт, путешествовавший по заданию британской «Африканской ассоциации». В 1813—1814 гг. он в облиचे турецкого купца совершил две поездки на юг от Асуана, ознакомившись с долиной Нила и караванными дорогами через Нубийскую пустыню между Асуаном и Шенди (выше устья Атбары, правого притока Нила). Во втором из этих путешест-

вий он проехал от Шенди до Суакина на Красном море, обследовав по пути нижнее течение Атбары. Впоследствии он собирался отправиться в Томбукту, но в 1817 г. умер в Каире от дизентерии. Дневники его были изданы посмертно (в частности, «Путешествия по Нубии» — в 1819 г. в Лондоне).

В 1820 г. турецкий наместник в Египте Мухаммед Али послал в Восточный Судан армию под начальством своего сына Исмаила. Через несколько лет большая часть территории современной Республики Судан, за исключением Дарфура и южных, населенных нилотами областей, была завоевана и официально вошла в состав Османской империи, по существу же стала владением Египта (Мухаммед Али фактически добился независимости от Порты). Административным центром Египетского Судана был объявлен город Хартум, основанный в 1823 г. при слиянии Белого и Голубого Нила. Для метрополии Судан стал источником слоновой кости, гуммиарабика и других товаров, но в первую очередь темнокожих рабов (работаровля до 1850 г. составляла государственную монополию).

Завоевание Судана открыло доступ в эту страну европейцам, которые и хлынули сюда потоком. Теперь уже не было никакой необходимости в маскировке, вроде той, какой пользовался Буркхардт. Многие европейцы находились на египетской службе и, в частности, занимались по поручению Мухаммеда Али поисками полезных ископаемых, прежде всего золота. Уже с самого начала египетского вторжения армию Исмаила сопровождали двое французов — упоминавшиеся выше Кайо и Леторзек. Они были первыми европейцами нового времени, увидевшими (в 1821 г.) слияние Белого и Голубого Нила. В дальнейшем Кайо и Леторзек приняли участие в экспедиции Исмаила, отправившейся на поиски «нильского Эльдорадо», которое, как предполагалось, находится в области Фазоглу на Голубом Ниле (близ современной суданско-эфиопской границы). Экспедиция продвинулась вверх по Голубому Нилу и его левому притоку Тумату до отрогов Эфиопского нагорья, но пригодных для эксплуатации месторождений золота не обнаружила. Географические же результаты суданских путешествий Кайо и Леторзека оказались весьма внушительными. Главным из них было то, что французские исследователи впервые проследили и с достаточной точностью положили на карту все течение Нила в пределах Нубии и весь суданский участок течения Голубого Нила. Как мы знаем, конфигурация этих крупнейших водных артерий в основных своих чертах была известна европейцам и раньше, но только теперь она была зафиксирована непосредственными съемками и астрономическими наблюдениями. Четырехтомный труд Фредерика Кайо «Путешествие в Мероэ», изданный в Париже в 1823—1826 гг., явился ценным источником разнообразных сведений о Восточном Судане, по

существо впервые открыв многие его районы для европейской науки.

В 1821—1823 гг. Нубию посетили вместе с египетскими войсками два немецких ученых-натуралиста, до того принимавшие участие в археологической экспедиции Минутоли: Христиан Готфрид Эренберг (впоследствии прославленный зоолог, специалист по низшим животным) и В. Ф. Хемприх. Они дошли вверх по долине Нила примерно до 18° с. ш., после чего в 1824 г. обследовали побережье Красного моря до Массавы. Там Хемприх умер, Эренберг же благополучно вернулся на родину и в 1828 г. выпустил в Берлине обстоятельный труд «Естественно-исторические путешествия через Северную Африку и Западную Азию». С египетскими завоевательными походами были связаны и путешествия немецкого естествоиспытателя Эдуарда Рюппеля, который провел в Египте и Восточном Судане шесть лет, с 1822 по 1828 г. В 1824 г. он первым из европейцев побывал в Кордофане и составил карту этой области. Результаты своих исследований Рюппель обобщил в книге «Путешествие в Нубию, Кордофан и Каменистую Аравию», вышедшей в свет во Франкфурте в 1829 г.

Находившийся на египетской службе французский инженер Морис Адольф Линан де Бельфон поднялся (по поручению «Африканской ассоциации») в 1827 г. вверх по Белому Нилу—Бахр-эль-Абьяду — за 14° с. ш. и впервые выполнил съемку нижнего участка этой реки. Он пришел к правильному выводу о том, что главным истоком Нила следует считать вопреки представлениям Брюса именно Белый, а не Голубой Нил (еще раньше о том же сообщал У. Дж. Браун, но эта информация была основана не на личных наблюдениях, а получена из вторых рук). Собранные Линан де Бельфоном сведения говорили, что Белый Нил вытекает из озер, которые он помещал примерно под 7° с. ш. *

Из исследований Восточного Судана в 30-х годах XIX в. наиболее плодотворными были работы австрийского горного инженера Йозефа фон Русеггера. Занимаясь поисками золота, он объездил в 1837—1838 гг. Кордофан (обследовав, в частности, гористую местность Дар-Нуба на юге этой области) и территории, прилегающие к Голубому Нилу; его путевые съемки и астрономические определения (не свободные, впрочем, от ошибок) долгое время составляли главную основу карт этой части Судана. Сопровождавший Русеггера австрийский ботаник и геолог Теодор Кочи совершил в 1839 г. еще одно путешествие в Кордофан. Труды Русеггера («Путешествия по Европе, Азии

* «Дневник путешествия на Бахр-эль-Абьяд» Линан де Бельфона был опубликован в «Журнале Королевского Географического общества» в 1832 г.

и Африке». Штуттгарт, 1841—1848) и Кочи («О путешествиях и сборах естествоиспытателя в Азиатской Турции, Персии и Нильских странах». Вена, 1864) имели важное значение для познания природы Судана, особенно геологического строения и растительного мира.

Самым важным исследовательским предприятием в период правления Мухаммеда Али были правительственные нильские экспедиции. Лично посетив Судан в конце 30-х годов, престарелый властитель Египта заинтересовался проблемой истоков Белого Нила и решил отправить вверх по реке экспедицию для выяснения этого вопроса: главной причиной такого решения были, впрочем, не столько географические интересы, сколько опять-таки слухи о существовании в верховьях Нила богатых золотых россыпей. Экспедицию возглавил турецкий флотский офицер Селим-бимбаши. В числе ее участников был состоявший на египетской службе француз Ж. Тибо, дневник которого, опубликованный в Париже в 1856 г., и является основным источником сведений об этом путешествии.

В середине ноября 1839 г. большая флотилия парусных судов покинула Хартум. Миновав устье Собата, правого притока Белого Нила, экспедиция была задержана скоплениями плавучей растительности — «сэддами», преодолела это препятствие и достигла озера Но при слиянии Бахр-эль-Джебеля и Бахр-эль-Газая. После нескольких дней блуждания среди заросших папирусом болот судам удалось найти вход в Бахр-эль-Джебель. Плыть против течения на парусниках по реке, описывающей бесчисленные излучины и к тому же укрытой от ветра прибрежными зарослями, было трудно, нередко приходилось тянуть суда бечевой; кроме того, продвижение чем дальше, тем больше затруднялось мелями. 26 января 1840 г., дойдя примерно до $6^{\circ}30'$ с. ш., руководители экспедиции приняли решение повернуть назад, в Хартум.

Неудовлетворенный результатами экспедиции, Мухаммед Али снарядил новую, во главе которой снова стал Селим-бимбаши, из европейцев же кроме Тибо приняли участие французские инженеры Жозеф д'Арно и Сабатье и немецкий военный врач Фердинанд Верне. Этой экспедиции, продолжавшейся с ноября 1840 по апрель 1841 г., удалось продвинуться дальше, чем первой: она прошла болотный район и достигла того места, где долина Бахр-эль-Джебеля сужалась и река образовывала пороги. Широту крайнего южного пункта этого плавания Арно определил в $4^{\circ}42'$ к северу от экватора. До той же точки дошла и третья нильская экспедиция, состоявшаяся в конце 1841 — начале 1842 г. Золота ни одной из экспедиций найдено не было, и интерес Мухаммеда Али к Белому Нилу угас.

Важнейшим результатом египетских нильских экспедиций с картографической точки зрения следовало бы считать выпол-

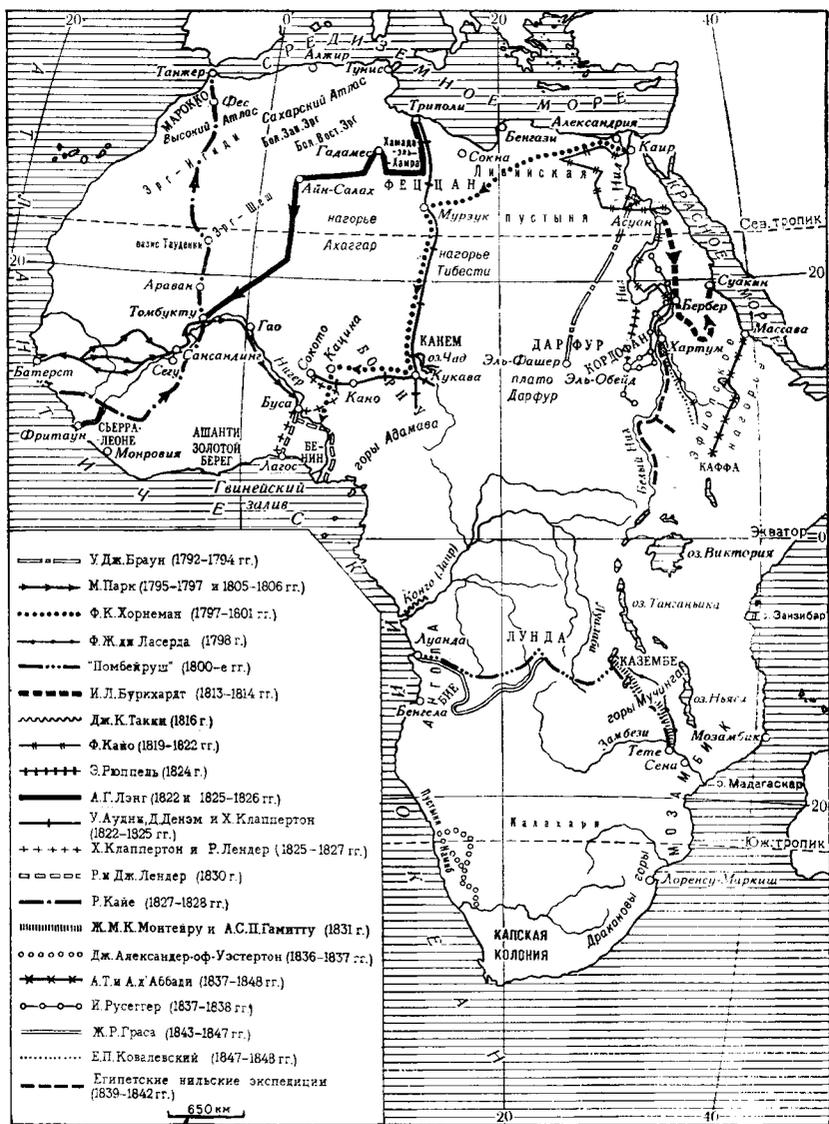
ненную Арно детальную съемку течения Белого Нила. По данным этой съемки была составлена карта масштаба 1:500 000 (рукописная копия ее демонстрировалась на одном из заседаний Парижского Географического общества в 1846 г.), но до печати она доведена не была. Сообщения Арно в «Бюллетене Парижского Географического общества» (в 1842—1843 гг.) содержали лишь данные определений координат нескольких пунктов и грубую схему течения реки, весьма разочаровавшую картографов. Более полезным оказался вахтенный журнал Ф. Верне, на основе которого была построена карта, приложенная к его отчету о второй нильской экспедиции («Экспедиция для открытия истоков Белого Нила». Берлин, 1848). В этой карте, однако, было допущено много неточностей. Более тщательное построение, по тем же данным Верне, было осуществлено А. Петерманном и Б. Хассенштейном в начале 60-х годов.

Независимо от точности съемок, принципиальное значение египетских нильских экспедиций в истории исследования Африки поистине трудно переоценить. За какие-нибудь два-три года течение Белого Нила было прослежено вверх более чем на тысячу километров; были открыты его крупные притоки — Собат (по нему поднималась на некоторое расстояние вторая нильская экспедиция) и Бахр-эль-Газаль (знакомство с ним пока что ограничилось устьем). Белый Нил оказался намного длиннее, чем предполагалось раньше, и сомнений в том, что это главная ветвь Нила, больше уже не возникало.

Местонахождение истоков великой реки, однако, оставалось неизвестным. Никаких сведений о нильских озерах египетские экспедиции не дали. Арно склонялся к мысли о том, что Белый Нил начинается в горах на юге Эфиопии и течет вначале на запад, а потом уже поворачивает на север. Сходные взгляды высказывал Руссеггер, а затем исследователи Эфиопии братья Аббади. Ближе к истине подошел другой путешественник по Эфиопии — Чарлз Тилстон Бик, помещавший истоки Белого Нила значительно южнее, под 2° ю. ш.; он, впрочем, тоже связывал их не с озерами, а с гипотетическими «Лунными горами», якобы продолжающимися на юго-запад Эфиопское нагорье.

Исследования Эфиопии: Солт, Бик, братья Аббади и др.

Первое посещение Эфиопии европейцами после Брюса относится к 1805 г., когда в эту страну была направлена дипломатическая миссия во главе с лордом Дж. Валентиа. Знакомство самого Валентиа с Эфиопией ограничилось бережьем Красного моря (отрывочные сведения о нем содержатся в его мемуарах, опубликованных в Лондоне в 1809 г.), в глубь же стра-

Маршруты важнейших путешествий по Африке конца XVIII — первой половины XIX в.

ны он послал своего секретаря Генри Солта. К тому времени феодальные междоусобицы разобщи́ли империю, и отдельные ее провинции стали по существу самостоятельными государствами. Власть императоров, продолжавших сидеть на троне в Гондаре, была чисто номинальной. Сократились внешние связи Эфиопии. Красноморское побережье контролировали турки, на востоке страны хозяйничали мусульманские князьки. Солт смог посетить только провинцию Тигре. В 1809—1810 гг. он возглавил новое британское посольство к правителю Тигре. Английского путешественника-дипломата интересовала в первую очередь политическая обстановка в стране, занимался он и историко-археологическими изысканиями (им было начато научное изучение руин Аксума и открыта знаменитая аксумская надпись), географическим же исследованиям уделял сравнительно мало внимания. Тем не менее из его книг о поездках в Эфиопию* современники смогли извлечь немало новых сведений о природе, населении и хозяйстве посещенных им районов, а карта, явившаяся плодом его второго путешествия, давала довольно верное представление о северной части Эфиопского нагорья; но все, что находится к югу и востоку от озера Тана, было изображено на ней лишь на основе скудных и противоречивых расспросных данных. В целом в начале XIX в. Эфиопия по-прежнему была известна европейцам лучше, чем большинство внутренних районов Африки, но эти знания все еще были крайне неполными и разрозненными.

Коренной перелом в изучении Эфиопии намечается в начале 30-х годов XIX в. В это время эфиопские императоры начинают развивать активную политическую и военную деятельность, стремясь объединить страну и упрочить свою власть. Завязываются и крепнут связи с Великобританией и Францией, проявляющими к Эфиопии все больший стратегический и экономический интерес. Поездки европейцев в эту африканскую страну следуют одна за другой. Некоторые из них носят чисто научный характер, другие подчинены задачам политического и торгового проникновения, но и в них, как правило, присутствует исследовательский аспект. Об Эфиопии создается обширная литература, накапливаются и новые географические сведения.

К самому началу этого периода общей активизации европейских исследований Эфиопии относятся работы Эдуарда Рюппеля, уже упоминавшегося нами в связи с его путешествиями по Египту и Восточному Судану. В 1831—1833 гг. он прошел из Массавы через Адиграт к верховьям реки Такказе, впадающей в Атбару — правый приток Нила, и, перевалив через го-

* «Отчет о поездке в Абиссинию» и «Поездка в Абиссинию и путешествия во внутреннюю часть этой страны в 1809 и 1810 годах». Обе книги изданы в Лондоне в 1814 г.

ры Семиен (Симен), прибыл в Гондар, оттуда совершил поездку к озеру Тана и Голубому Нилу и затем через Аксум и Адуву вернулся к побережью Красного моря. Экспедиция Рюппеля, описанная им в двухтомном труде «Путешествие в Абиссинию» (Франкфурт-на-Майне, 1838—1840 гг.), уточнила карту северной части Эфиопского нагорья, в особенности благодаря многочисленным астрономическим определениям координат, а также дала обширный естественнонаучный (в первую очередь зоологический) и историко-археологический материал.

В 1835—1837 гг. французы Э. Комб и М. Тамизье, также побывавшие до того в Восточном Судане, проследовали из Массавы в Гондар, оттуда проникли далеко на юго-восток и первыми из европейцев нового времени посетили провинцию (тогда фактически независимое государство) Шоа со столицей Анкобер. Картографические результаты этого путешествия были, однако, невелики, и к тому же отчеты Комба и Тамизье, опубликованные в четырех томах в Париже в 1835—1838 гг., оказались при позднейшей проверке не свободными от вымысла. Более надежные сведения о Шоа доставили два немецких миссионера, посланные в Эфиопию лондонским «Церковным миссионерским обществом», — Карл Вильгельм Изенберг и Иоганн Людвиг Крапф (последний стяжал себе позднее известность как первооткрыватель горного массива Кения в Восточной Африке). Они проложили в эту эфиопскую провинцию новый путь — с востока, со стороны залива Таджура, — и объездили значительную часть ее территории; путевые дневники их опубликованы в Лондоне в 1843 г.

В 1836 г. по северной части Эфиопского нагорья путешествовал немец А. фон Катте*. В следующем году в страну прибыл и поселился в ней его соотечественник — ботаник Вильгельм Шимпер. Он провел в Эфиопии свыше 30 лет (до 1868 г.) и, собрав богатейшие гербарии, заложил фундамент для последующего изучения флоры этой части Африки; много материала им было собрано и по фауне.

В 1839—1843 гг. в Эфиопии работала французская экспедиция Теофиля Лефевра; она прибыла в Шоа с берегов залива Таджура и пересекла Эфиопское нагорье с юга на север, от Анкобера до Массавы, собрав богатый научный материал. С географической точки зрения особенно существенную лепту эта экспедиция внесла в изучение восточной окраины Эфиопского нагорья. Результаты проведенной работы были обобщены Лефевром в шеститомном труде, вышедшем в свет в Париже в 1845—1848 гг. Одновременно с Лефевром северную часть Эфиопского нагорья — области Тигре, Симен и Амхара —

* Им написана книга «Путешествие в Абиссинию в 1836 году» (Штуттгарт — Тюбинген, 1838).

объездили французы П. Ферре и Ж. Галинье, путевые записки которых были изданы в трех томах в Париже в 1847—1848 гг. в обработке географа В. А. Мальт-Брёна.

Важный вклад в исследование Эфиопии внес английский географ Чарлз Тилстон Бик, путешествовавший по стране в 1840—1843 гг. по заданию Королевского Географического общества. Начав свой путь, как и Лефевр, от залива Таджура, он открыл недалеко от берега бессточное соленое озеро Ассаль, лежащее ниже уровня моря. Проследовав затем в Анкобер, Бик углубился внутрь Эфиопского нагорья, целый год провел в Годжаме, обошел эту провинцию в разных направлениях и впервые после Брюса побывал у истоков Голубого Нила, окончательно рассеяв те сомнения, какие еще оставались в отношении этих истоков у географов, встретивших сообщения Брюса с некоторым недоверием. После этого английский исследователь направился на север и вернулся на родину через Массаву. Маршруты Бика позволили ему приближенно фиксировать положение водораздела между бассейнами Нила и Аваша — реки, заканчивающейся в бессточных озерах Данакильской пустыни на востоке Эфиопии, составить схематическую карту плато Годжам и огибающего его дугообразного участка течения Голубого Нила, во многом уточнить географические представления об уже известной европейцам северной части Эфиопского нагорья. Особо следует отметить выполненные путешественником астрономические определения широты (более чем для 70 пунктов) и измерения высот с помощью гипсотермометра, заложившие основу гипсометрической карты Эфиопии. По материалам своих исследований Бик опубликовал около десятка статей и брошюр географического, этнографического и исторического содержания, полное же описание путешествия дал в книге с несколько необычным заглавием: «Изложение фактов, касающихся взаимоотношений между автором и последней британской политической миссией ко двору Шоа в Абиссинии» (Лондон, 1846). С именем Бика связано окончательное закрепление приоритета открытия истоков Голубого Нила за Паишем и Лобу, достижения которых старался замолчать Брюс. В дальнейшем Бик до самой смерти (он умер в 1874 г., немного не дожив до 74 лет) интересовался проблемой истоков Белого Нила и принимал активное участие в научной полемике по этому вопросу*.

Упомянув в заглавии своей книги британскую миссию, Бик имел в виду посольство Уильяма Корнуоллиса Харриса, посетившего Шоа в 1841 г. и заключившего с негусом Сахле Селассие договор «о дружбе». Аналогичный договор был заключен с правителем Шоа и французским представителем К. Роше

* Из публикаций Бика на эту тему заслуживает особого упоминания его фундаментальный труд «Истоки Нила» (Лондон, 1860).

д'Эрикуром, побывавшим в этой эфиопской провинции дважды — в 1839 и 1842—1844 гг. Чтобы достичь Анкобера, и Харрис, и Роше д'Эрикур пользовались уже проторенным к тому времени путем от залива Таджура. Оба они оставили объемистые описания своих путешествий, содержащие ценную географическую информацию*. Харрис, в частности, впервые установил астрономически долготу Анкобера, а сопровождавший его лейтенант Кристофер определил высоту впадины озера Ассаль, получив цифру 174 м ниже уровня моря (по современным данным — 155 м ниже уровня моря). Меньшее значение для географического познания Эфиопии имели работы М. Паркинса, Ч. Джонстона и некоторых других путешественников 40-х годов, следовавших большей частью уже известными путями.

Совершенно особое место в ряду европейских исследователей Эфиопии первой половины XIX в. занимают двое французов, родившихся в Ирландии — братья д'Аббади, Антуан Томсон и Арно Мишель. Путешествия их, продолжавшиеся с 1837 по 1848 г., охватили обширные территории на севере, в центре и на юге Эфиопского нагорья, как уже описанные в литературе, так и совсем еще неизученные. Братья Аббади первыми из европейцев проникли на юг от Годжама и побывали (в 1843 г.) на северной окраине независимого от эфиопских императоров древнего феодального государства Каффа. По дороге в Бонгу, главный город Каффы, французские путешественники открыли реку Гибье, которую приняли за исток Белого Нила. В действительности ими было открыто верховье Омо — крупнейшей реки юго-западной Эфиопии, впадающей в еще неизвестное тогда европейцам бессточное озеро Рудольф.

Главная научная ценность путешествий братьев Аббади заключалась, однако, не столько в открытии новых географических объектов, сколько в том, что по всем своим маршрутам, от Массавы на севере до Бонги на юге, они провели триангуляционные работы, определив координаты и высоту над уровнем моря около 900 пунктов. Геодезические измерения и съемки были выполнены ими с большой точностью (сказалась полученная обоими братьями хорошая физико-математическая подготовка, что для путешественников по Африке того времени было редкостью) и легли в основу всех последующих топографических работ в Эфиопии. Не ограничиваясь чисто картографическими аспектами, братья Аббади занимались изучением природы страны, населяющих ее народов и их языков, собирали разнообразные коллекции.

* Трехтомный труд Харриса «Высокогорья Эфиопии» был издан в Лондоне в 1844 г. Роше д'Эрикур написал две книги: «Путешествие на восточный берег Красного моря, в страну Адаля и королевство Шоа» (Париж, 1841) и «Второе путешествие на оба берега Красного моря...» (Париж, 1846).

Обработка полученных ими богатейших материалов заняла длительное время, в течение которого они не дали в печать ничего, кроме нескольких кратких журнальных сообщений. Эти первые их публикации были встречены географами довольно прохладно и даже с недоверием. Так, Ч. Т. Бик считал путешествие братьев Аббади в Каффу вымышленным. Полностью реабилитировал французских исследователей в глазах ученого мира капитальный труд Антуана д'Аббади «Геодезия Эфиопии или триангуляция части Высокой Эфиопии, выполненная с помощью новых методов», вышедший в свет в Париже в 1860—1863 гг. В 1868 г. появилась книга Арно д'Аббади «Двенадцать лет в Высокой Эфиопии (Абиссинии)». Под конец жизни Антуан д'Аббади * начал публикацию воспоминаний под заглавием «География Эфиопии: что я ожидал и что я увидел» (вышел только первый том — в 1890 г. в Париже).

После работ Аббади значительная часть Эфиопского нагорья не уступала по степени картографической изученности таким районам Африки, как север Алжира или египетская часть нильской долины, где съемками занимались целые партии геодезистов и топографов. Однако рядом с хорошо изученной территорией все еще простирались обширные «белые пятна», заполнить которые предстояло последующим путешественникам.

Ковалевский и Ценковский в Северо-Восточной Африке

С Северо-Восточной Африкой связан первый серьезный вклад русских ученых в исследование «Черного континента». В конце 40-х годов XIX в. русское правительство по просьбе Мухаммеда Али направило в Египет для помощи в поисках и эксплуатации месторождений золота экспедицию во главе с Егором Петровичем Ковалевским. Яркая личность Е. П. Ковалевского — горного инженера, путешественника, дипломата и талантливого писателя — хорошо освещена в отечественной литературе **. Во всей насыщенной событиями жизни этого незаурядного человека проявлялись главные черты его характера — четкость и организованность, направленные, помимо всего прочего, на обобщение и научное осмысление результатов его многочисленных путешествий по Европе и Азии.

Африканское путешествие Ковалевского продолжалось немногим больше полугода — с конца 1847 до середины 1848 г.

* Антуан д'Аббади умер в 1897 г., 87 лет от роду; Арно — в 1893 г., в возрасте 78 лет.

** Ковалевскому как географу посвящена, например, монография Б. А. Вальской «Путешествия Егора Петровича Ковалевского» (М., 1956).

Поднявшись по Нилу на пароходе до Асуана, он добрался оттуда — частично по реке на парусных барках, частично на верблюдах через пустыню — до Хартума, затем водным путем по Голубому Нилу до поселка Эр-Росейрес в области Фазоглу и, наконец, двинулся посуху вверх по долине левого притока Голубого Нила — Тумата, уже известного европейцам по описаниям Кайе. Ковалевский успешно выполнил возложенную на него задачу — в долине Тумата им были открыты россыпные месторождения золота и налажена их разработка. Пока строилась спроектированная им обогатительная фабрика, русский путешественник проделал небольшой маршрут в область истоков Тумата, где европейцы до него еще не бывали ни разу. Дальнейшая исследования помешала тропическая лихорадка, заставившая Ковалевского вернуться в Египет и оттуда в Россию.

Свою экспедицию Ковалевский описал в книге «Путешествие во Внутреннюю Африку», вышедшей в свет в Петербурге в начале 1849 г., всего через два месяца после его возвращения на родину. В рецензии на этот труд выдающийся русский естествоиспытатель и географ академик К. М. Бэр писал: «Путешествия господина Ковалевского в непосещенных местностях были, конечно, более ограниченными, чем путешествия Мунго Парка, Кайе, Лендера... но его путевой отчет содержит больше научного материала, поскольку он, без сомнения, гораздо более образован, чем они». Живо и доступно написанная, книга Ковалевского изобилует ценными географическими, этнографическими, историческими и естественнонаучными сведениями, содержит блестящие зарисовки природы посещенных им районов, жизни и быта их населения. От сочинений большинства западноевропейских путешественников по Африке ее отличает гуманистическая, антирасистская направленность, горячая симпатия автора к африканским народам. К книге приложена статья (одновременно она была опубликована в «Горном журнале») «Нильский бассейн в геологическом отношении и золотосодержащие россыпи Внутренней Африки» — первая в мировой литературе сводка данных о геологическом строении Северо-Восточной Африки. В приложения вынесены также таблицы метеорологических наблюдений.

Большую ценность представила помещенная в книге Ковалевского оригинальная «Карта Восточного Судана и Абиссинии», составленная им как по материалам личных исследований (включавших астрономические определения широт и барометрические измерения высот), так и на основе обобщения картографических данных других путешественников, а потому в определенной мере отразившая итог географического изучения этой части Африки к концу первой половины XIX в. Собственные маршруты русского исследователя и собранные им расспросные сведения позволили уточнить картографическое изображение

суданской части долины Голубого Нила и внести некоторую ясность в орографию западной окраины Эфиопского нагорья, границ которого Ковалевский коснулся в верховьях Тумата.

Занимаясь исследованиями в бассейне Нила, Ковалевский не мог, разумеется, обойти вниманием проблему истоков этой великой африканской реки. Он ясно отдавал себе отчет в том, что главной составляющей Нила является не Голубой, а Белый Нил — Бахр-эль-Абьяд, с которым ему довелось познакомиться в Хартуме. Ковалевскому было известно о претензиях братьев Аббади на открытие истока Белого Нила в юго-западной части Эфиопии. Из гипотезы Аббади явствовало, что в своем дальнейшем течении Белый Нил должен проходить приблизительно через тот самый район к югу от Голубого Нила, где побывал русский путешественник. «Следуя вверх по течению Тумата, — писал Ковалевский, — я, по соображениям моим, непременно должен был упереться в это место, или, по крайней мере, достигнуть до него так близко, что тамошние негры, которые не могли не знать о соседстве реки, боготворимой ими, легко бы указали ее». Однако, «не найдши Бахр-эль-Абиада, настоящего Нила, даже не слышав о нем ни от кого из туземцев... я имею повод более чем сомневаться в предполагаемом открытии». Помимо этого личного опыта в несостоятельности гипотезы Аббади Ковалевского убедили и теоретические соображения, основанные на том, что уже было к тому времени известно об орографии юго-западной части Эфиопского нагорья. Доказав ошибочность взглядов французских исследователей, он пришел к правильному выводу о том, что истоки Белого Нила следует искать гораздо дальше к югу и западу. Однако Ковалевский не исключал вместе с тем, что главным истоком Белого Нила может оказаться открытый египетскими нильскими экспедициями Бахр-эль-Газаль (это предположение не подтвердилось).

Важным дополнением к исследованиям Ковалевского явились работы молодого русского ботаника Льва Семеновича Ценковского, впоследствии выдвинувшегося в ряд крупнейших отечественных биологов. Он был прикомандирован к экспедиции Ковалевского Русским Географическим обществом и сопровождал ее до Эр-Росейреса, затем отделился и занялся самостоятельными исследованиями в бассейне Голубого Нила, Нубии и на юге Кордофана. Ценковский провел в Северо-Восточной Африке два года, сделав много ценных естественнонаучных не только ботанических, но и зоологических, геологических, климатологических и т. д., а также этнографических наблюдений. Краткие, но в высшей степени содержательные отчеты о результатах его путешествий были опубликованы в «Географических известиях Императорского Русского Географического общества» в 1850—1851 гг. «Ценковский был одним из первых путешест-

венников, который подошел к изучению Африки как академический ученый, в лучшем значении этого слова»*.

Такки в низовьях Конго. Сведения Баудича об Огове

Географические знания о реке Конго (Заир) в конце XVIII в. оставались почти на том же уровне, что и во времена Диогу Кана. Даже эстуарий Конго, на берегах которого давно уже существовали европейские фактории и который регулярно посещался торговыми (в первую очередь работарговыми) судами, изображался на картах крайне схематично. Только в 1793 г. британский моряк и купец Джордж Максвелл составил первую достаточно точную для того времени карту эстуария. Как уже говорилось, именно Максвелл высказал мысль о том, что Конго — это нижнее течение Нигера. Он же выдвинул проект исследования Конго на парусно-гребных судах, которые предлагал перетаскать посуху в обход водопадов и порогов, образующих непреодолимое препятствие для судоходства менее чем в полтора километра от устья реки. Этот проект в своем первоначальном виде остался неосуществленным, но он привлек внимание Британского адмиралтейства и, вероятно, повлиял на принятое им в 1815 г. решение направить на Конго большую исследовательскую экспедицию под начальством капитана Джеймса Кингстона Такки.

Предприятие это было тесно связано с еще неразрешенной тогда проблемой Нигера. В том случае, если бы предположение о связи Конго с Нигером подтвердилось, Такки должен был встретиться с экспедицией Педди, которой предстояло спуститься вниз по великой западноафриканской реке (о неудачном исходе этой экспедиции мы уже упоминали выше).

В начале июля 1816 г. два экспедиционных судна — «Конго» и «Доротея» — вошли в устье Заира. Поднявшись по реке до первых порогов (несколько выше современного Матади), Такки во главе небольшого отряда двинулся вверх по ее долине. Путь его проходил сначала правым, затем левым берегом реки; на отдельных спокойных плесах между водопадами и стремнинами для передвижения использовались пироги. Недалеко от Исангилы Такки получил кое-какую информацию о вышележащем участке течения Заира: ему сообщили, что в 10 дней пути отсюда пороги кончаются, и река разделяется на два рукава, огибая большой остров (вероятно, имелся в виду остров Баму в Стэн-

* Ю. Д. Дмитриевский. Русские исследователи природы Восточного Судана. — «Уч. зап. Вологодского педагогич. ин-та», т. 10. Вологда, 1952, стр. 51.

ли-Пуле), еще же выше, в 20 днях плавания от этого острова, она вытекает многочисленными потоками из «большого болота или озера грязи» (не исключено, что эти сведения относились к обширной заболоченной и периодически затопляемой области во впадине Конго, пересекаемой рекой в ее среднем течении).

Продвижению экспедиции в глубь материка вскоре положил конец отказ африканцев-носильщиков идти дальше. Впрочем, и без того, по-видимому, силы участников похода, оказавшегося непредвиденно трудным, были на исходе. Больные и измученные, Такки и его спутники вернулись на борт «Конго». 4 октября 1816 г. Такки скончался. Столь же трагично окончилась эта попытка исследования Конго и для многих других членов экспедиции: из 54 участвовавших в ней европейцев на родину не вернулось 22. Причиной смерти большинства из них была, по-видимому, желтая лихорадка.

Крайний восточный пункт, достигнутый Такки в долине Конго, находился примерно в 260 км от устья реки, считая по ее течению (сам Такки значительно переоценил пройденное расстояние, полагая, что удалился от побережья на 280 английских миль, т. е. 450 км). Таким образом, английскому путешественнику удалось проследить лишь небольшой участок нижнего течения Конго — результат довольно мизерный по сравнению с первоначальными исследовательскими планами. Тем не менее экспедиция Такки явилась важным шагом вперед в изучении Африки, так как доставила первые научные сведения о рельефе, гидрографии, геологическом строении и растительном мире области Нижнего Конго. Все собранные ею материалы были сведены воедино в объемистом томе, опубликованном в 1818 г. в Лондоне под заглавием «Рассказ об экспедиции для исследования реки Заир». Приложенная к этому труду карта нижнего течения Конго основана частично на карте Максвелла (участок реки между устьем и Бомой), частично же на съемках одного из офицеров экспедиции Такки, Льюиса Фицморриса (от Бомы до первых порогов), и самого Такки (вышележащий порожистый участок течения, характерная зигзагообразная конфигурация которого передана достаточно правильно, хотя и с отмеченными выше погрешностями в отношении расстояний).

Неблагоприятные обстоятельства, а затем преждевременная смерть помешали Такки выполнить в полном объеме поставленную перед ним задачу, но ему все же удалось внести вклад в теоретическое решение проблемы Конго. Наблюдения над урочным режимом этой реки с характерной для него относительно незначительной амплитудой колебаний привели английского исследователя к принципиально верному выводу о том, что бассейн Конго должен располагаться по обе стороны экватора. В одном из своих писем (включенном в труды экспедиции) Такки утверждал, что «Заир должен вытекать из озера или

цепочки озер значительно севернее экватора; если пока что низкий уровень реки в июле и августе свидетельствует против этой гипотезы, то же самое придаст ей дополнительный вес в случае подъема воды в начале сентября». В правильности своего прогноза относительно сентябрьского подъема уровня Такки смог вскоре убедиться. Вопрос этот занимал его до самой смерти, о чем говорит неоконченная запись, занесенная в дневник нетвердой рукой умирающего: «Гипотеза подтверждена. Вода...»

Почти одновременно с результатами работ экспедиции Такки на Конго в Европе были получены первые сведения о другой значительной реке Экваториальной Африки — Огове. Их доставил английский миссионер Томас Эдуард Баудич, побывавший в конце 1817 г. на берегах бухты (эстуария) Габон. Сам он Огове не видел, однако на основании собранной им у местных торговцев и невольников-африканцев информации смог составить о ней верное представление как о крупной географической артерии, что было полнейшей новостью для географов того времени*. На своей карте Баудич более или менее правильно показал место впадения Огове в Атлантику (близ мыса Лопес), но впал в ошибку, допустив существование у этой реки еще двух ветвей, из которых одна якобы впадает в бухту Габон, другая же вливается в Заир (Конго)**.

Португальские исследования в Южно-Центральной Африке: Пирейра, Ласерда и др.

Португальские колониальные власти в Анголе и Мозамбике долгое время не предпринимали никаких попыток научного исследования территорий, лежащих между этими прибрежными владениями. Сведения о них приносили только бродячие торговцы, так называемые «помбейруш» — африканцы или мулаты («чистокровные» португальцы проникать в глубь Африки отваживались редко). Древние золотые рудники Мономотапы были давно заброшены, и «помбейруш» промышляли главным образом работоторговлей. Кроме «черного дерева» они скупали некоторые местные товары — слоновую кость, шкуры, металлы. Уже в конце XVIII в. из глубинных районов привозили медные слитки, которые затем переплавлялись и шли на вывоз в Брази-

* В конце XV в. отдельные рукава дельты Огове (в их устьях) португальские мореплаватели приняли за самостоятельные реки; так они и значились на картах во времена Баудича.

** Данные Баудича об Огове вошли в его книгу о путешествии в страну Ашанти. Перу Баудича принадлежит также труд «Сообщения об открытиях португальцев во внутренности Анголы и Мозамбика» (Лондон, 1824).

лию. Страну, откуда доставлялась медь, «помбейруш» с ангольского побережья называли Муата-Ямво, а с мозамбикского — Казембе. Фактически речь шла об одном и том же государстве Лунда, созданном в XV—XVII вв. народом балунда в области водораздела Конго — Замбези и в прилегающих частях бассейнов обеих рек. Верховный правитель государства носил титул муата-ямво, а правители окраинных областей, населенных покоренными балунда народами, — казембе. Оба названия распространялись и на управляемые территории (так же, как это было, например, с титулом мономотапа). В XVIII в. междоусобицы ослабили власть муата-ямво, и некоторые периферические области Лунды практически утратили какую-либо зависимость от него кроме чисто номинальной. Одно из таких самостоятельных княжеств (самое восточное) было расположено в районе озера Мверу и за ним закрепилось название Казембе.

Наладить регулярные торговые связи с этими государствами и разведать прямой трансафриканский путь из Анголы в Мозамбик поставил своей задачей португальский исследователь и колониальный деятель Франсишку Жузе ди Ласерда-и-Алмейда.

Ласерда, бразилец родом, полковник инженерных войск и преподаватель математики в военном училище, начал свою исследовательскую деятельность в Африке с Анголы. Как известно из записок ангольского генерал-губернатора М. ди Соузы (1780 г.), португальцы в то время полагали, что впадающая в Атлантический океан река Кунене связана с большим озером, расположенным несколько западнее Куамы (Замбези). В 1787 г. Ласерда обследовал верхнее течение Кунене и открыл по соседству с ним верховье реки Кубанго, которую ошибочно отождествил с Замбези или ее притоком. Исходя из этого предположения, он пришел к мысли о возможности организации прямого сообщения между Анголой и Мозамбиком по воде.

Новый генерал-губернатор Анголы Антониу ди Салданья поддерживал исследовательскую инициативу Ласерды и со своей стороны направил два посольства к муата-ямво. Однако вскоре Салданья был отозван португальским правительством, Ласерда же переведен в Мозамбик на пост губернатора Сены. Там он решил продолжать свои исследования.

На выбор маршрута новой экспедиции Ласерды решающим образом повлияло путешествие, которое совершил незадолго до того Мануэл Гаэтану Пирейра, сын одного из старожиллов Тете, португальского купца Гонсалу Гаэтану Пирейры, получившего от африканцев прозвище «Ужас» (очевидно, за свои «подвиги» на попрнице работорговли). По поручению отца Мануэл Пирейра предпринял в 1796 г. торговую экспедицию в страну Казембе. В компании с африканскими торговцами и в сопровождении вооруженного эскорта из собственных рабов он покинул берега Замбези и, двинувшись на северо-запад, вскоре вышел к реке

Лвангва, впадающей — как совершенно правильно сообщили ему спутники — в Замбези у Зумбо. Перейдя Лвангву и перевалив затем через водораздельный горный кряж Мучинга, Пирейра встретил на своем пути другую большую реку, которую его спутники называли Замбези (правильнее — Чамбези, или Чамбеши); можно было бы подумать, что это верхнее течение той самой Замбези, с которой португальцы были знакомы уже без малого три столетия, но африканцы заверили Пирейру, что это «не та река, что у Тете». В дальнейшем путешественнику пришлось переправляться еще и через «большое озеро с глубиной воды по бедро»; по-видимому, речь шла о болотах, примыкающих с востока к озеру Бангвеулу. Африканские торговцы рассказывали, что озеро-болото связано протоками с одной стороны с «новой Замбези» (т. е. Чамбеши), с другой — с рекой Мурукуру (Луанулой), по которой Пирейра позднее добрался до столицы Казембе. Он был принят правителем страны и отпущен обратно с условием, что вслед за ним будет прислано официальное португальское посольство с дарами. Вместе с Пирейрой в Тете прибыл посол-африканец, который, между прочим, сразу опознал португальский флаг, ранее виденный им в Анголе, и сообщил, что из Анголы можно доплыть на лодках по рекам до главного города государства Муата-Ямво.

Таким образом, Пирейра первым из европейцев проник из бассейна Замбези в бассейн Конго и принес первые сведения о восточных истоках Конго, однако оценить по достоинству географическое значение этих сведений не смогли ни португальские колониальные власти, ни европейские ученые первой половины XIX в., узнавшие о путешествии Пирейры от Т. Э. Баудича в 1824 г.

По стопам Мануэла Пирейры двинулся и Ласерда. Цели экспедиции были многообразны: распространить португальское влияние на внутренние районы, установить прямой контакт с правителем Казембе, разведать сложившуюся систему торговых путей, узел которых лежал в государстве Лунда, и проверить давние предположения Ласерды о возможностях водного сообщения между португальскими владениями на восточном и западном побережьях материка.

В начале июля 1798 г. Ласерда во главе вооруженного отряда и в сопровождении Пирейры-старшего выступил из Тете. Трасса путешествия пролегла несколько южнее маршрута Мануэла Пирейры. После переправы через Лвангву много сил было потрачено на преодоление гор Мучинга. Только в октябре экспедиция достигла столицы Казембе. Здесь Ласерда слег и 18 октября 1798 г. умер. Уцелевшие участники экспедиции провели в Казембе 9 месяцев и лишь в ноябре 1799 г. под руководством священника Франсишку Жуана Пинту вернулись в Тете.

Результаты экспедиции можно оценить двояко. С одной стороны, Ласерда прошел около полутора тысяч километров по неисследованной территории и собрал довольно значительный географический материал (в частности, им впервые в этом районе Африки были выполнены астрономические определения координат); были подтверждены и уточнены имевшиеся сведения о торговых путях; выяснена общая политическая обстановка в государстве Лунда. С другой стороны, это путешествие не привело к сколько-нибудь существенным открытиям, не решило никаких географических проблем. Ласерда не повидал озер Ньяса, Бангвеулу и Мверу (хотя находился недалеко от них и, по всей вероятности, слышал об их существовании), в отношении же Чамбеши, которую он, как и Пирейра, пересек по пути в Казембе, впал в заблуждение, сочтя эту реку принадлежащей к системе Замбези (ему рассказывали, что Чамбеши или, точнее, продолжающая ее Луапула в дальнейшем поворачивает на север, но он не поверил этому). Следует добавить, что путевые дневники Ласерды были опубликованы лишь более чем через три десятилетия после его смерти, в 1830 г., в Лиссабоне на португальском языке.

С большим запозданием узнал ученый мир и о другом португальском путешествии конца XVIII в. — о том, которое совершил в 1795 г. Алешандре Тейшейра да Силва, проникший из Бенгелы через плато Бие в область водораздела между Касаи и Замбези (о нем сообщил в 1852 г. английский географ У. Д. Кули в своей книге «Внутренняя Африка открыта»).

Задолго до того, как собранная португальскими путешественниками конца XVIII в. информация о внутренних районах Африки поступила в распоряжение географов, ею воспользовались странствующие торговцы — «помбейруш». В 1802 г. двое таких торговцев — португальские мулаты Педру Жуан Баптиста и Амару (по другим данным — Анастасиу) Жузе — выступили из Касанже в Анголе в северо-восточном направлении, побывали в столице государства Муата-Ямво, затем в Казембе и в 1811 г. добрались до Тете, завершив, таким образом, первое исторически доказанное пересечение Центральной Африки от Анголы до Мозамбика. В 1814 г. они вернулись в Анголу, повторив тот же маршрут в обратном направлении. Записанные португальскими колониальными чиновниками рассказы неграмотных «помбейруш» содержали перечисление встречавшихся на их пути географических объектов — рек, гор, селений, однако положить эти данные на карту ввиду их запутанности и сбивчивости было крайне затруднительно, и предпринимавшие подобную операцию картографы были вынуждены во многом полагаться на собственную интуицию.

Впоследствии торговцы из Анголы стали посещать Лунду все чаще. Особого упоминания заслуживает португальский ку-

пец Жуакин Родригиш Граса, поселившийся в 1843 г. в области верховьев Кванзы, на плато Бие, и оттуда в 1846 г. совершивший путешествие в столицу Муата-Ямво. В отличие от своих предшественников «помбейруш» он был по крайней мере грамотным и вел путевой дневник. Правда, по замечанию У. Д. Кули, познакомившего в 1856 г. научную общественность с результатами этого путешествия, дневник Грасы «несет печать крайнего невежества»; все же из него можно было почерпнуть новые сведения о внутренних областях Анголы и о Лунде, и тот же Кули использовал его для картографических построений.

Более строго документированным было путешествие из Тете в Казембе, которое совершили в 1831—1832 гг. майор Ж. М. К. Монтейру и капитан А. С. П. Гамитту, однако эти португальские офицеры в сущности лишь повторили, с небольшими отклонениями, маршрут Ласерды и мало что добавили к его данным кроме астрономических определений местоположения еще нескольких пунктов. В отношении Чамбеши они придерживались того же взгляда, что и Ласерда. Гамитту, автор отчета об экспедиции, опубликованного в Лиссабоне в 1854 г., писал об этой реке: «Куда она впадает, я не знаю, но считаю вероятным, что она вливает свои воды в Замбези».

В целом португальские исследования конца XVIII—первой половины XIX в. дали для науки немного, хотя и привлекли интерес к рассматриваемому району. Одна из причин такой скудости была в том, что среди путешественников преобладали люди малообразованные. На другую причину проливает свет следующее высказывание Ласерды (который по своей научной подготовке и общему культурному уровню был как раз исключением из правила): «Если догадка эта [о связи по рекам] подтвердится и если правительство откроет такого рода торговый путь, то привозимые из Азии на судах товары смогут идти по нему до Бенгелы... Как только будет установлена такого рода сухопутная торговля между восточным и западным побережьями, сразу же появятся проводники-туземцы, и тогда исследование упомянутой реки не представит никакого затруднения». Последовательность намечена четко: сначала установление торговой связи, потом исследование. Португальцы и четыре века спустя после принца Энрики ставили во главу угла немедленную торговую выгоду, на исследования же «с дальним прицелом» — подобные тем, какие проводила лондонская «Африканская ассоциация», — шли крайне неохотно. Кроме того, они всегда использовали уже проторенные торговые пути, по которым их вели проводники-африканцы и которые отнюдь не были оптимальными для географических открытий.

Начало британской колониальной экспансии в Южной Африке и связанные с ней исследования. Съемки африканских берегов

В конце XVIII в. новым фактором в исследовании Южной Африки стала британская колониальная экспансия. К тому времени англичане хорошо оценили стратегическую важность географического положения Южной Африки на путях в Индийский океан. В 1785 г. в бухте Алгоа была создана первая английская опорная база — Порт-Элизабет, а десятью годами позже, воспользовавшись временной оккупацией Нидерландов Францией, англичане захватили Капскую колонию. По Амьенскому мирному договору (1802 г.) колонию вернули голландцам, но уже в 1806 г. она снова была аннексирована Великобританией, и эта аннексия была утверждена Венским конгрессом 1814—1815 гг. Центр колонии, Капстад, получил английское название Кейптаун.

В 1797 г. в Капскую колонию прибыл (в качестве личного секретаря ее губернатора лорда Маккартни), английский географ Джон Барроу. Он много ездил по стране (в частности, в составе посольств к вождям независимых африканских племен), собрал большой статистический материал по населению и торговле и в своем двухтомном труде «Путешествие во внутренность Южной Африки» (Лондон, 1801—1803) дал первое полное географическое описание Капской колонии, а также лучшую для того времени ее карту.

Дальнейшее проникновение европейцев в глубь Южной Африки поначалу носило тот же характер, что и в течение предыдущих полутора столетий. Большинство путешествий было связано с добычей слоновой кости, торговлей, поисками новых земель для сельскохозяйственного освоения, миссионерской пропагандой, реже — с научными, преимущественно естественно-историческими, исследованиями. В 1799 г. английский миссионер Уильям Эндерсон впервые пересек Оранжевую не в низовьях, а в среднем течении, в Литл-Бенде. В 1801 г. судья Питер Траттер и врач Уильям Соммервилл, посланные капскими властями для закупки скота, проникли к северу от Оранжевой и первыми из европейцев познакомились с областью расселения бечуанов (бечуана, тсвана) на восточных границах полупустыни Калахари. Там же и в некоторых других районах побывал в 1803—1806 гг. немецкий ученый Мартин Генрих Карл Лихтенштейн; его книга «Путешествия по Южной Африке» (Берлин, 1811—1812, в двух томах) явилась ценным источником естественнонаучных (особо следует выделить превосходные описания растительного мира южноафриканских пустынь) и этнолингвистических сведений. Расширению знакомства европейцев с южноафриканской природой спо-

собствовали также работы английского натуралиста Уильяма Джона Бёрчелла, который путешествовал по Южной Африке в 1811—1812 гг., занимаясь главным образом зоологическими и ботаническими сборами; он тоже посетил страну бечуанов и продвинулся на север дальше своих предшественников, к верховьям Молопо, правого притока Оранжевой (описание его путешествий было опубликовано в Лондоне в 1822—1824 гг.).

В 1812—1813 гг. Джон Кемпбелл, посланный «Лондонским миссионерским обществом» для ревизии его южноафриканских миссий, завершил в основных чертах рекогносцировку течения Оранжевой и обследовал некоторые другие реки ее системы, а в 1820 г., отправившись в страну бечуанов для организации там миссионерских станций, побывал в верховьях Лимпопо (хотя мнение, что именно он открыл истоки этой реки, недостаточно обоснованно). Другой эмиссар того же общества, Роберт Моффат, непосредственный предшественник и учитель Ливингстона, был направлен в Южную Африку в 1816 г. и четырьмя годами позже поселился в землях бечуанов, на основанной им станции Куруман; там он провел полвека (до 1870 г.), сделав немаловажный вклад в изучение южной и восточной окраин Калахари и соседних территорий.

В 1824 г. англичанин Фрэнсис Фаруэлл основал на восточном побережье Южной Африки торговое поселение Порт-Наталь (Дурбан) и вместе с Генри Финном впервые проник в глубь Натала, где в то время существовало сильное государство африканцев банту, созданное Чакой, вождем народа зулу (зулусов). В 1829 г. путешествие по Наталу совершили англичане А. Кауи и Б. Грин; они пересекли страну зулусов (Зулуленд) и долиной реки Мапуто вышли к бухте Делагоа.

Отмена рабства в Капской колонии в 1834 г. привела к так называемому «великому треку» голландских поселенцев, хозяйство которых было целиком основано на рабском труде. Буры стали массами уходить на север и восток, за пределы сферы английского влияния. Сломив в кровопролитной войне сопротивление зулусов, они основали в конце 30-х годов на захваченных зулусских землях республику Наталь; однако уже в 1843 г. эта территория тоже была аннексирована Великобританией. В дальнейшем большинство треккеров осело на высоких плоскогорьях — велдах — к западу от Драконовых гор, где ими было создано несколько новых республик, позднее (в 50-х годах) объединившихся в две: Трансвааль и Оранжевое Свободное государство. Колонизуя новые земли, буры, естественно, одновременно их и исследовали, однако приобретенные ими знания оставались в основном знаниями «для себя», не находившими отражения в литературе и картографической документации. Развитие географических представлений о внутренних районах Южной Африки в Европе в 30—40-х годах XIX в.

было связано главным образом не с бурской колонизацией, а с деятельностью миссионеров и отдельными английскими разведывательными экспедициями. В организации таких экспедиций важную роль сыграла основанная в 1834 г. «Ассоциация мыса Доброй Надежды для исследования Центральной Африки».

Первым исследовательским предприятием ассоциации была экспедиция Эндрю Смита 1834—1835 гг.; этот английский путешественник проник на север от Вааля, достиг Южного тропика и обследовал верхнее течение Лимпопо. Другой представитель ассоциации, Джеймс Эдуард Александер оф Уэстертон, в 1836—1837 гг. прошел от Кейптауна к низовьям Оранжевой и далее на север, пересек Большой Намакваленд, первым из европейцев посетил возвышенности Дамараленда — страны, населенной народом гереро, известным также под названием «дамара», — и закончил свой путь в районе Китовой бухты; описание этого важного путешествия, значительно расширившего знания о территории современной Намибии, было опубликовано в Лондоне в 1838 г. Одновременно с ним английский охотник-спортсмен Уильям Корнуоллис Харрис (впоследствии побывавший с дипломатической миссией в Эфиопии) совершил путешествие с целью достичь расположенного на севере Калахари озера Нгами, о котором много рассказывали африканцы; эта попытка не удалась, но зато Харрисом было собрано много новых сведений о территории между Оранжевой и Лимпопо и восточной окраине Калахари.

Параллельно шло проникновение исследователей в глубь Южной Африки с восточного побережья. В 1834 г. Аллен Гардинер, в прошлом военный моряк, посетил преемника Чаки — Дингаана и достиг Драконовых гор, а в следующем году нашел проход в северных отрогах хребта. В 40-х годах Драконовые горы и прилегающая к ним полоса велдов стали объектом исследований шведского натуралиста Юхана Августа Вальберга, охватившего своими маршрутами обширную территорию между побережьем Наталя и верховьями Лимпопо, и француза Делегорга, проникшего из Наталя на север до тропика. Исследованием вулканического плато Басуто (Лесото) занимались обосновавшиеся там в 1833 г. французские протестантские миссионеры Т. Арбусе и Ф. Дома. Этот перечень можно было бы дополнить еще десятками имен путешественников, индивидуальный вклад которых в изучение Южной Африки зачастую был очень мал, но общая сумма накопленных знаний год от года становилась все внушительнее.

В наиболее освоенных европейцами районах Южной Африки 40-е годы XIX в. были отмечены переходом от разрозненных маршрутных исследований к систематическим точным съемкам. Рубежом можно считать 1842 г., когда кейптаунским

астрономом Томасом Маклиром была начата триангуляция территории Капской колонии.

К середине XIX в. почти вся территория современной Южно-Африканской Республики, т. е. около миллиона квадратных километров, стала одной из наиболее изученных частей континента. Эти достижения подготовили почву для последующего решительного «штурма» внутренних районов Южной Африки, для крупных географических открытий в этой части материка, связанных в первую очередь с именем Давида Ливингстона.

* * *

Завершая обзор исследований Африки в конце XVIII—первой половине XIX в., уместно сказать несколько слов о проведенных в этот период гидрографических съемках африканских берегов и прибрежных вод.

Среди работ такого рода наибольшим размахом отличались съемки капитана британского военно-морского флота Уильяма Ф. У. Оуэна, развернувшиеся с начала 20-х и продолжавшиеся в 30-х годах XIX в. Ими были охвачены почти все восточные (к востоку от Баб-эль-Мандебского пролива и к югу от мыса Гвардафуй) и значительная часть западного побережья Африки, а также берега Мадагаскара и многочисленные мелкие острова в Индийском океане. Свои плаванья Оуэн описал в книге «Рассказ о путешествиях для исследования берегов Африки, Аравии и Мадагаскара», изданной в двух томах в Лондоне в 1833 г. Дополнением к ней явилась опубликованная в Лондоне двумя годами позже работа сподвижника Оуэна, капитана Т. Ботелера, тоже двухтомная и носящая сходное заглавие. Съемки Оуэна легли в основу многочисленных карт Британского адмиралтейства, выпускавшихся отдельными листами по мере обработки исходных данных. Эти съемки, впрочем, были не лишены существенных неточностей и пробелов и в дальнейшем многократно обновлялись и уточнялись (в частности, при подготовке фундаментального издания «Африканский лоцман», 1864 г.) другими офицерами британского флота.

Аналогичные работы проводили и французы. В 1846 г. в Париже было опубликовано «Навигационное описание берегов, заключенных между Сенегалом и экватором», составленное французским военным моряком Луи Эдуаром де Буэ-Вийомезом на основе съемок, выполненных им в конце 30-х—начале 40-х годов. К концу 40-х годов относятся съемки восточноафриканского побережья и берегов Мадагаскара, проведенные Ш. Гийеном. Перу этого французского моряка принадлежат три ценных литературных работы: «Путешествие на восточный берег Африки» (Париж, 1846), «Документы по истории, геог-

рафии и торговле западной части острова Мадагаскар» (Париж, 1845) и «Документы по истории, географии и торговле Восточной Африки» (Париж, 1856—1857).

Интерес к изучению Африки в России в первой половине XIX в.

Исследование внутренних областей Африки, развернувшееся с конца XVIII в. по инициативе лондонской «Африканской ассоциации», привлекло внимание и русской общественности. Повышению интереса к Африке способствовала также египетская экспедиция Наполеона, за деятельностью которого в России следили очень пристально. Вначале информация о западноевропейских путешествиях по Африке проникала в русскую печать от случая к случаю, систематический же характер она приобрела с 1845 г., когда было основано Русское Географическое общество и начали выходить его периодические издания.

В 1806—1808 гг. в русском переводе появилась книга Мунго Парка. Уже первый ее том вызвал столь большой интерес, что в 1807 г. была выпущена сводка об английских исследованиях в Западной и Северной Африке — «Собрание путешествий, предпринятых агентами Лондонского Общества африканских открытий во внутренность сей части света».

Позже, в связи с начавшейся в 30-х годах XIX в. французской экспансией в Северной Африке, большое внимание в России привлек Алжир. Многих русских ученых заинтересовали, в частности, условия сельскохозяйственного освоения этой страны сравнительно с сухими субтропиками Российской империи. В 40-х годах в России появляется серия статей и очерков о Северной Африке. «Отечественные записки» публикуют в 1841 г. статью «Алжир», в которой дан критический обзор сведений об этой стране и специально выделена характеристика природных условий в плане возможности сельскохозяйственной колонизации. Небезынтересно, что в статье решительно осуждаются методы французских колонизаторов. В 1848 г. в первой «Карманной книжке для любителей земледелия, издаваемой от Российского Географического общества», помещается статья «О степи Сагаре», т. е. Сахаре, основанная на французских источниках. Сводкой лучших иностранных сочинений того времени об Алжире явилась опубликованная в 1849 г. монография М. Н. Богдановича «Алжирия в новейшее время».

Расширяется в первой половине XIX в. и личное знакомство русских с Африкой. Мы уже рассказывали об исследованиях Е. П. Ковалевского и Л. С. Ценковского в Восточном Судане. Еще раньше в Северо-Восточной Африке побывал востоковед и писатель Авраам Сергеевич Норов, поднимавшийся

вверх по Нилу до вторых порогов; его труд «Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг.» был издан в Петербурге в 1840 г. В 1851 г. в «Вестнике Русского Географического общества» были напечатаны «Отрывки из путешествия в Алжир в 1847 году» действительного члена общества естествоиспытателя Эдуарда Ивановича Эйхвальда. Собранные им данные позволяют сейчас восстановить картину североафриканского растительного и животного мира до начала активной французской колонизации, ускорившей деградацию естественных ландшафтов и истребление дикой фауны. Эйхвальд выдвинул оригинальные для того времени взгляды на орографическое единство Атласской горной страны. В 1846—1848 гг. по Египту, Тунису и Алжиру путешествовал врач Артемий Алексеевич Рафалович; преждевременная смерть в 1851 г. прервала его работу по подготовке собранных материалов к печати, так что увидели свет только несколько журнальных сообщений и книга «Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты» (Петербург, 1850), описание же путешествий по странам Магриба опубликовано не было.

Одновременно продолжает развиваться знакомство с Африкой представителей других народов нашей страны. Так, в начале XIX в. по Сомали, Эфиопии, Восточному Судану, Египту и странам Магриба странствовал выдающийся азербайджанский путешественник Зейналабдин Ширвани (Гаджи Зейналабдин ахунд Искендер оглы Ширвани), оставивший географические описания посещенных им стран Африки в IV главе своего сочинения «Бустанус-сеяхе» («Цветник путешествия»).

Обзор главнейших путешествий и географических открытий в Африке за период с 1838 по 1848 г. был подготовлен К. Ф. Свенске для «Вестника Русского Географического общества» и помещен в нем в 1851 г.

ГЛАВА 5

ИССЛЕДОВАНИЯ АФРИКИ С КОНЦА 40-х ДО КОНЦА 70-х ГОДОВ XIX в. СЕВЕР И ЮГ АФРИКИ

Крупнейшим успехом в исследовании Африканского континента в первой половине XIX в. было решение проблемы Нигера. Географические проблемы, связанные с другими великими африканскими реками, были в то время только поставлены. Решение их явилось задачей следующего этапа истории исследования Африки, рассмотрению которого посвящены V и VI главы нашей книги.

Уже самое начало этого нового периода ознаменовалось выдающимся достижением в южной части материка, где усилиями одного человека, шотландского миссионера Давида Ливингстона, была внесена — даже несколько неожиданно для географов — полная ясность в вопрос о Замбези. Одновременно в крупных масштабах развернулись исследования Сахары и Судана. На рассматриваемом этапе была разгадана и старая загадка истоков Нила, вызывавшая наибольший интерес ученых и самые жаркие споры в географической печати. В ходе ее решения, потребовавшего не один десяток экспедиций, были открыты Великие озера Восточной Африки. В качестве особого предмета дискуссий выдвинулась ранее по существу не ставившаяся проблема Огове, решение которой относится к концу этого периода. Тогда же была разрешена и проблема Конго.

Рассматриваемый этап истории исследования Африки охватывает 2,5—3 десятилетия, непосредственно предшествующих началу активного колониального раздела «Черного континента». Эксплуатация природных и людских ресурсов Африки уже начинала постепенно ставиться на новую основу. Не случайно в это время в центре внимания мировой общественности оказа-

лись вопросы борьбы с рабством и работорговлей. Массовая утечка рабочей силы из Африки не отвечала новым задачам колонизации. Еще в 1807 г. работорговля была официально запрещена Великобританией, которая раньше была сама крупнейшим государством-работорговцем; вскоре этому примеру последовали США и большинство европейских государств. Работорговцев объявили уголовными преступниками, парламенты утверждали специальные ассигнования на патрулирование берегов Африки военными судами. Тем не менее контрабандный вывоз рабов продолжался в не меньших масштабах, чем «законная» работорговля в прошлом, и охота за людьми опустошала все новые и новые районы внутренней Африки.

«Поход против рабства проходил под флагом гуманизма, и многие активные борцы против рабства были на самом деле искренними гуманистами. Но для капиталистических дельцов гуманизм был лишь прикрытием эгоистических, корыстных интересов; для них поход против рабства являлся лишь формой перехода к более эффективным средствам эксплуатации отсталых народов Африки. Захватить африканские территории и поставить себе на службу африканские народы — такую ставили они перед собой новую задачу. Но для этого европейские державы должны были знать, где, что и как выгоднее всего предпринять. Надо было исследовать внутренние районы Африки»*. Именно поэтому середина XIX в. отмечена резкой активизацией географических исследований.

Все более полной и оперативной становится и информация об этих исследованиях, в первую очередь благодаря издательской деятельности географических обществ и других интересовавшихся географическими проблемами Африки организаций, число которых, как и число их периодических изданий, быстро увеличивается. Особо следует отметить научный журнал, основанный в 1855 г. выдающимся немецким географом и картографом Августом Петерманном как печатный орган картоиздательской фирмы Юстуса Пертеса в Готе и первоначально публиковавшийся под названием «Сообщения из географического заведения Юстуса Пертеса о важнейших новых исследованиях во всех областях географии»; впоследствии он получил название «Географические сообщения Петерманна», под которым издается и поныне в ГДР **. Отличаясь весьма широким научным профилем, этот журнал всегда уделял много внимания Африке и в течение второй половины XIX в. являлся важнейшим средото-

* И. И. Потехин. Стэнли, географические исследования и империалистический раздел тропической Африки. — В кн.: Г. Стэнли. В джунглях Африки. М., 1948, стр. 17.

** В дальнейшем для краткости мы называем этот журнал просто «Сообщения Петерманна».

нием географической и картографической документации, касающейся «Черного континента».

За начало рассматриваемого периода истории исследования Африки часто принимается 1849 г. — год открытия Ливингстоном озера Нгами и первый год большого сахарско-суданского путешествия Г. Барта. В некоторых районах материка рубеж намечается чуть раньше: например, в Восточной Африке — в 1848 г., когда Ребманном был открыт массив Килиманджаро. Таким образом, не связывая себя точной датой, можно считать, что интересующий нас этап начинается в конце 40-х годов XIX в. Завершается этот этап трансфриканским путешествием Стэнли 1874—1877 гг., окончательно выявившим (вместе с другими исследованиями тех лет) рисунок гидрографической системы Верхнего Нила и решившим проблему Конго.

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ, ЗАПАДНАЯ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АФРИКА

В первой половине XIX в. большая часть внутренних районов величайшей пустыни мира — Сахары — оставалась еще по существу «белым пятном» на карте Африки. Само понятие «Сахара» в течение веков претерпевало сложную эволюцию. Впервые оно возникло на арабских картах XI—XII вв., когда название «Сахари» не занимало еще строго определенного места и примерно соответствовало территории Внутренней Ливии на птолемеевских картах, т. е. всей части Африки между Берберией или Магрибом и «землями черных». На европейских картах XIV—XVII вв. «Асхара», «Сахра», «Сарра» означали лишь территории между королевством Томбукту на западе, Феццаном и страной гарамантов на востоке, королевствами Гао и Кано на юге и Нумидией и страной туарегов на севере.

В конце XVIII — начале XIX в. европейцы все глубже проникали в окраинные и некоторые глубинные районы сахарской пустыни: путешествия Вентюр де Парадиса в 1788 г., маршруты Ф. Хорнеманна в Феццане в 1797—1798 гг., Доминго Бадья-и-Леблича (он же Али Бей эль Абасси) в 1803 — 1807 гг., Дж. Лайона в 1818—1819 гг., упоминавшиеся путешествия Аудни, Лэнга, Кайе и многих других. Труднодоступная область мрачных пустынных гор и безбрежных песков как бы раздвигала свои границы после каждого нового путешествия, и к середине XIX в. Сахара опять, как во времена великих арабских географов, стала обозначать огромную территорию к югу от Атласских гор и средиземноморского побережья Северо-Востока Африки до бассейнов Сенегала, Нигера и озера Чад, а в широтном направлении от Атлантики до Нила в Египте и до Судана. Оставалось «наполнить» географическим содержанием

нием эту огромную область, на что потребовалось почти целое столетие — от 40-х годов XIX до 30-х годов нашего века.

Определенные успехи с конца XVIII и до середины XIX в. были достигнуты лишь в изучении окраинных районов Сахары. В этот период на северо-востоке Африки десятки путешественников и исследователей продвигались по караванным тропам из Триполи, Бенгази, Александрии или Каира к оазисам Ливийской пустыни, обследуя район депрессии Каттары или Феццан с его оживленным в те времена центром — Мурзук, либо другие районы этой части великой пустыни, достичь которых можно было без особых трудностей и безопасно. Но основные исследования, раскрывшие «тайны» Центральной и Западной Сахары и примыкавших к ним с юга областей Судана, приходятся на период подготовки и начала европейских колониальных захватов в этой части Африки.

Исследование европейцами так называемой Алжирской Сахары уже непосредственно связано с проникновением в нее французских войск, начавшимся через несколько лет после оккупации Францией Алжира в 1830 г. Это проникновение шло, однако, крайне медленно, встречая ожесточенное сопротивление коренного населения. Сводка итогов первых научных исследований Алжирии, опубликованная в 1840—1844 гг. Бори де Сен-Венсеном, почти не включает достоверных сведений о сахарских районах. В 1847—1849 гг. экспедиции генералов Кавеньяка и Пелисье еще не достигли настоящей пустыни в своих маршрутах к югу от алжирского побережья. В это время французу Шарлю Зилю удается из Бискры добраться до оазиса Туггурт в 1848 г. Путь в эту часть Северной Сахары был разведан для французских войск, которые в 1852 г. оккупируют Лагуат, а в 1854 г. — Туггурт. Затем их стремление продвигаться дальше на юг восточной части Алжирской Сахары застопоривается из-за восстаний, вспыхнувших в Кабилии и других районах Северной Алжирии. В западной части Алжирии в 1854—1855 гг. французские войска под началом генерала Коломба устанавливают контроль над всей территорией Высоких равнин вплоть до Сахарского Атласа и выходят в Сахару на линию оазисов Фиги, Кенадза и Колон-Бешар вблизи алжиро-марокканской границы. К югу от этой линии путешествовать европейцам было невозможно в течение нескольких десятилетий, не говоря, конечно, о поездках под видом мусульман, что часто практиковалось разведчиками империалистических держав. Поэтому почти все крупные географические исследования и открытия в этой части Сахары приходятся на более поздний период — на конец XIX и даже начало XX в.

Исследование других сахарских областей, Судана и внутренних районов Западной Африки в середине XIX в. проводилось преимущественно отдельными путешественниками, пред-

принимавшими смелые экспедиции в глубь неизведанных европейских территорий в этой части Африки. Среди этих путешественников выделяются имена Ричардсона, Офервега, Барта, Бейки, Нахтигала и многих их спутников и современников.

Экспедиция Ричардсона — Офервега — Барта и связанные с ней исследования

В конце 1840-х годов торговые круги в Англии проявили большой интерес к поискам удобного пути в Судан от североафриканских портов на Средиземном море. При поддержке английского правительства было решено направить в Судан через Сахару «смешанную научно-торговую экспедицию». Для участия в ней требовались смелые и хорошо подготовленные к трудному пути люди. Начальником экспедиции был назначен опытный английский путешественник Джеймс Ричардсон, уже знакомый с дорогой от Триполи до Мурзука. В 1848 г. в Лондоне вышла в свет его двухтомная монография — «Путешествия по великой пустыне Сахаре в 1845—1846 гг.». По рекомендации известного немецкого географа Карла Риттера в состав экспедиции вошел 25-летний преподаватель Берлинского университета Генрих Барт, незадолго до этого совершивший большое путешествие по средиземноморским странам, в том числе по Северной Африке от Туниса до Египта. Третьим участником экспедиции стал другой немец, находившийся на английской службе, — 27-летний доктор Адольф Офервег. В декабре 1849 г. немецкие участники экспедиции прибыли в Тунис и по побережью достигли Триполи, откуда совместно с Ричардсоном в марте 1850 г. направились в Мурзук. Несмотря на практические цели экспедиции, у ее участников преобладал интерес к научным исследованиям и географическим открытиям. Это предопределило большое значение результатов экспедиции, несмотря на преждевременную смерть большинства ее участников.

Уже на пути из Триполи в Мурзук путешественники решили двигаться не известным путем, а через почти безжизненную каменистую пустыню Хамада-эль-Хамра. После недолгой остановки в Мурзуке экспедиция опять отправилась не прямо на юг по старой караванной тропе, ведущей прямо в область Борну в Судане, а повернула на запад и достигла Гата вблизи восточной оконечности Ахаггара. Здесь Барт изучал на скалах Тассили-н'Аджера рисунки древних жителей Сахары, свидетельствующие о богатстве флоры и фауны в центре современной пустыни несколько тысячелетий назад. Эти находки Барта и его научные выводы об изменении климата Сахары и условий жизни ее населения в исторически обозримое время опередили на 100 лет тот бурный интерес к палеогеографии Сахары,

который вызвали в середине XX в. новые находки наскальной живописи в Ахаггаре А. Лотом и другими французскими учеными. Барт интересуется также языком и бытом туарегов, растительностью и животным миром пустыни, фиксирует высоты над уровнем моря, отмечает положение горных сооружений, встреченных на пути экспедиции в Центральной Сахаре, определяет координаты географических объектов. Он регулярно совершает в одиночку самостоятельные экскурсии в сторону от главного маршрута экспедиции, не раз оказываясь перед опасностью смерти от жажды.

Из Гага экспедиция поворачивает на юг и в октябре 1850 г. достигает Агадеса на юге плато Аир. Основная часть пути через Сахару с севера на юг остается позади. Из Агадеса все участники экспедиции сначала совместно направились дальше на юг к границам государства Борну. Здесь было решено идти к столице Борну Кукаве (Кука), находившейся вблизи озера Чад, разными путями. Ричардсон решил двинуться по кратчайшему маршруту, но скончался в пути в марте 1851 г. от тропической малярии. Офервег избрал маршрут от Зиндера на восток, а Барт спустился на юг до Кано, потом тоже повернул на восток и в мае 1851 г. встретился в Кукаве с Офервегом, к которому после смерти Ричардсона перешло руководство экспедицией.

Значительная часть задач, поставленных перед «научно-торговой экспедицией» была выполнена, но молодых путешественников охватила страсть к новым исследованиям, невзирая ни на какие трудности. Почти не отдохнув в столице Борну, Офервег и Барт направляются в самостоятельные маршруты. Барт, двинувшись в конце мая 1851 г. на юг, в область Адамава, вышел к берегам Бенуэ, посетил крупный торговый центр на этой реке — Йолу и затем вновь вернулся на север в Борну, где соединился с отрядом Офервега. Офервег тем временем занимался исследованиями берегов и островов озера Чад, очертания которого до этого были лишь очень схематически нанесены на карту Денэмом в 1823 г.

В сентябре — октябре 1851 г. Офервег и Барт совместно исследовали область Канем к северо-востоку от озера Чад, а в самом конце 1851 — начале 1852 г. приняли участие в военном походе правителя Борну в район низовьев Логоне, крупнейшего левого притока Шари. В марте — августе 1852 г. Барт посетил страну Багирми в нижнем течении Шари, а Офервег занялся изучением юго-западных районов Борну, после чего вернулся на берега Чада, этого огромного озера, меняющего свои очертания от сезона к сезону и из года в год. Там в сентябре 1852 г. тропическая малярия оборвала жизнь и этого участника экспедиции. Барт остался один.

К итогам сахарских исследований экспедиции прибавились

новые, исключительно важные для развития географических представлений о внутренних районах Африки открытия. Загадки Чада были в основном разрешены. Это озеро лишь принимало воды рек, впадавших в него на западе и юге. Ни одна река не вытекала из Чада. «Кочующие берега» (выражение Барта) объяснялись особенностью питания озера и режимом впадающих в него рек. Было открыто верхнее течение полноводной реки Бенуэ. Было собрано множество разнообразных материалов о природе и населении областей, расположенных к югу от Центральной Сахары в неизвестной еще европейцам части Африки. При этом Барт фиксировал не только виденное и исследованное им и его спутниками, но и стремился собирать представлявшиеся ему достоверными сведения о других областях Центральной Африки, куда не дошли маршруты экспедиции. Так от одного уроженца Дарфура — Фако Самби, образованного мусульманина, знавшего по арабским источникам даже труды Аристотеля и других античных ученых, Барт узнал об очень широкой реке, текущей с востока на запад далеко на юге от Судана. Самби побывал на берегах этой реки еще в 1824 г., участвуя в экспедиции дарфурских охотников за рабами. Река называлась Кубанда. Под этим названием европейцы впервые узнали благодаря путешествию Барта о крупнейшем правом притоке реки Конго — Убанги.

Обладавший недюжинным здоровьем и неиссякаемой энергией, Барт не собирался прекращать исследование Судана. В конце 1852 г. он решает пройти из Кукавы на запад до Томбукту и изучить бассейн среднего течения Нигера. Уже известным Барту путем Офервега он достиг Зиндера, где получил доставленные для экспедиции деньги. Благодаря долгожданной материальной поддержке Барт смог более уверенно осуществлять свои новые исследовательские замыслы. Из Зиндера он прошел через Кацину на Сокото и вышел летом 1853 г. на Нигер несколько южнее широты Ниамея. Переправившись через реку и продолжая двигаться в северо-западном направлении, Барт первым из европейцев пересек внутренность «Петли Нигера». В сентябре 1853 г. он становится третьим европейским исследователем после Лэнга и Кайе, осуществившим намерение достичь легендарного Томбукту.

Лишения многолетних странствий все же сказались и на здоровье Барта. В Томбукту он долго и тяжело болен лихорадкой и дизентерией. Жизнь его все время в опасности и из-за враждебности многих жителей Томбукту — фанатиков-мусульман. Однако Барт умел находить в Африке и друзей. Его непримиримое отношение к работорговле озлобляло одних, но не раз ослабляло недоверие к чужеземцу среди угнетенных опасностью рабства племен. Образованные мусульмане не могли не признать блестящего знания Корана Бартом, получившим среди

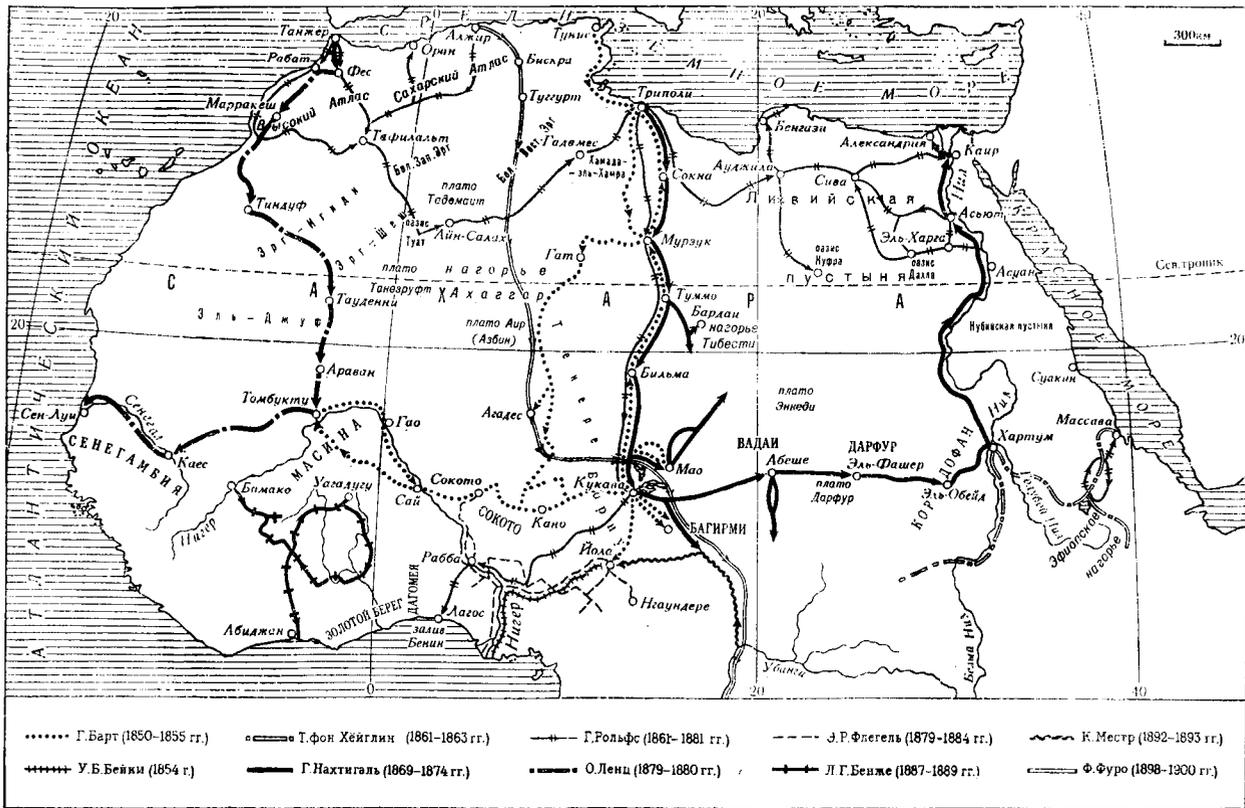
приверженцев ислама в посещенных им странах даже арабское имя Абд-эль-Керима. Многие местные властители стремились извлечь личную выгоду и завязать торговлю с европейскими купцами благодаря посредничеству смелого путешественника.

Большее полугодие провел Барт в Томбукту и в апреле 1854 г. отправился в обратный путь в Борну. На этот раз он пошел вдоль Нигера и смог заснять значительный участок среднего течения великой реки. Только к концу года он добрался до Кукавы и лишь в августе следующего года достиг Триполи, вновь пройдя через всю Центральную Сахару, но теперь уже с юга на север. В Европу Барт возвратился после шести лет, проведенных в почти непрерывных странствиях по Африке. Он незамедлительно занялся обработкой и систематизацией собранных материалов и в 1857—1858 гг. выпустил пять томов, озаглавленных «Путешествия и открытия в Северной и Центральной Африке в 1849—1855 гг.».

В своем труде Барт отметил, что он ознакомился с огромной территорией Сахары и Судана, протягивающейся на 24° с севера на юг и на 20° с востока на запад. Доклады, сообщения и публикации Барта подчеркивали реальные возможности для европейцев достигать глубинных районов Северо-Западной и Западной Африки, в частности плодородных земель бассейна Нигера. Это во многом способствовало росту интереса к исследованию внутренних областей в разных частях Африки.

Барт умер в 1865 г., но ему довелось еще при жизни прочитать свой некролог, опубликованный накануне его возвращения в Европу, где распространился слух о его гибели. С этим эпизодом связана еще одна страница в истории исследования Судана и некоторых областей Западной Африки. До конца 1852 г. участникам «научно-торговой экспедиции» удавалось время от времени через торговые караваны, шедшие на север, пересылать сообщения, достигавшие Англии и Германии. В Европе стало известно о смерти Ричардсона, а затем и Офервега и о том, что Барт решил направиться из Борну в Томбукту. Но после этого сообщения от Барта не поступали, и, естественно, возникла тревога за судьбу последнего оставшегося в живых участника экспедиции Ричардсона.

В Англии было решено направить помощь Барту. Новую экспедицию из Триполи в Судан поручили возглавить соотечественнику Барта Эдуарду Фогелю. К тому времени, когда Фогель смог подготовиться к выезду в Африку, дошел слух о гибели Барта. В связи с этим Фогелю было поручено выяснить судьбу Барта, продолжить дело его экспедиции, занявшись изучением путей между Западным и Восточным Суданом. В ноябре 1854 г. Фогель был уже недалеко от Кано, когда он неожиданно встретился с караваном, с которым Барт возвращался из Томбукту в Кукаву. Встреча путешественников была корот-

Маршруты важнейших путешествий по Северной и Западной Африке второй половины XIX в.

кой. Барт не хотел отставать от торопившегося каравана. Фогель после этой встречи решил сразу же приступить к выполнению поставленной перед ним исследовательской задачи. Он повернул на восток, достиг области Вадаи, но был там убит из-за подозрительности местного правителя. Об этом достоверно стало известно много позже, когда на розыски Фогеля было отправлено несколько экспедиций из Европы. Поиски Фогеля продолжались еще и в 1860-х годах. В 1862 г. Мориц фон Бойрманн сумел из Бенгази через Феццан и Борну дойти до Канема, но в 1863 г. на границе Канема и Вадаи его самого постигла та же участь, что и Фогеля.

Поиски Барта породили еще одну, но более удачную и результативную в научном отношении экспедицию, проникшую в глубь Западной Африки. В 1853 г. по указанию британского правительства из дельты Нигера вверх по реке на пароходе «Плеяда» была отправлена «научно-торговая экспедиция» под начальством капитана Уильяма Балфура Бейки. В нее входило много европейцев. В их числе Хатчинсон, Мей, Кроузер и другие англичане. Эта экспедиция должна была соединиться с Бартом, пройдя в глубь Африки от Атлантики до Судана водным путем по Нигеру и Бенуэ. Экспедиция добралась по этим рекам почти до Йолы, и таким образом была окончательно доказана возможность относительно простого продвижения от Атлантического побережья в те глубинные районы Западной Африки, куда с таким трудом дошел Барт, двигаясь через пустыню с севера.

Бейки продолжал исследовать Нигер и его притоки на разных судах и позже, в 1857—1861 гг. Речные маршруты он сочетал с сухопутными. В 1859 г. из Локоджи, расположенной на Нигере против устья Бенуэ, Бейки со своими спутниками сумел достичь даже Кано. Исследования Бейки существенно дополнили географические сведения о южных районах Центрального Судана, собранные Бартом. Были получены довольно точные данные о плато Джос на севере Нигерии, о линии водораздела между бассейном Нигера и реками, текущими на северо-восток в бессточный бассейн Чада и т. д. Отчеты и статьи Бейки и его спутников появлялись в «Журнале Королевского Географического общества» в 1860-х годах.

В эти годы предпринимались попытки пройти на верхний Нигер и достичь Томбукту с запада из так называемой Сенегамбии, где упрочивалось влияние Франции. Еще в 1850 г. такую попытку сделал Леопольд Пане (бывший спутник Раффенеля), отправившись из порта Сен-Луи. Обстоятельства заставили его изменить маршрут, и он повернул на север, прошел через плато Аддар и достиг атлантического побережья Марокко, где погиб. 10 лет спустя маршрут из Сен-Луи до оазисов Аддара повторил другой француз — А. Венсан. Оба эти путе-

шествия способствовали уточнению представлений об орографии и особенностях природы самой западной части Сахары и путей, связывающих ее с Северной и Центральной Сахарой и Суданом.

Значительный вклад в изучение Северной и Центральной Сахары в эти годы внес, французский географ Анри Дювейрье. В 1857 г. семнадцатилетним юношей он впервые попал в Алжир и решил изучить эту страну. Он сумел добраться до Лагуата, лишь за несколько лет до этого занятого французами. Здесь он познакомился с кочевниками, а по пути в Лагуат увидел настоящую пустыню. Идея заняться изучением пустыни и жизни туарегов оказалась у Дювейрье серьезным увлечением. Вернувшись во Францию, Дювейрье завязал переписку с Бартом, который одобрил замыслы юноши и дал молодому путешественнику много полезных советов. Переписку с Бартом Дювейрье продолжал вплоть до кончины немецкого ученого. Значительно позже в аналогичной ситуации переписку с Дювейрье завяжет Нахтигаль. В 1859 г. Дювейрье возвращается в Алжир, откуда через Бискру достигает Мзаба и становится первым европейским путешественником, проникшим в оазис Эль-Голеа. Через Уарглу и Туггурт с большими трудностями Дювейрье попадает в Южный Тунис и через Габес возвращается в Европу. В 1860 г. он получает субсидию от французского правительства для продолжения исследований в Сахаре. В том же году он через Гадамес проходит в Западный Феццан и из Гата совершает маршруты в Тассили-н'Аджер и доходит до северных окраин нагорья Ахаггар. Затем Дювейрье через Мурзук, Сокну и Триполи направляется в Европу. Дювейрье первым установил вулканическое происхождение массива Атакор в Ахаггаре. По данным своих наблюдений он составляет схематическую карту северной части Ахаггара, а в 1864 г. выходит его монография «Северные туареги». В дальнейшем Дювейрье продолжает заниматься проблемами географии Сахары, но его последующие путешествия не были столь удачными и ценными в научном отношении, как путешествие 1860—1861 гг.

В последующих исследованиях Сахары особое место занимает фигура известного путешественника Г. Рольфса.

Путешествия Рольфса

Герхард Рольфс более 15 лет провел почти в непрерывных путешествиях по разным районам Африки, во многих из которых он был первым европейцем, сумевшим достичь их и описать. Поэтому целесообразно рассмотреть его деятельность в Африке в одном месте этой книги, учитывая, что наибольший интерес представили результаты его поездок по Сахаре и Судану.

ну. Цели путешествий Рольфа были мало связаны с чисто научными интересами. Нередко в литературе Рольфа называют просто шпионом или авантюристом. Но среди тех, кто объективно оказался исследователем Африки, особенно в XIX в., такой тип путешественников-европейцев не был редкостью. Мало кто даже из крупнейших ученых-путешественников этого времени не был прямо или косвенно связан с устремлениями империалистических держав в Африке. Как бы там ни было, Рольф собрал много сведений о малоизвестных и совсем неизвестных европейцам районах Африки, стал автором нескольких книг, сыгравших немаловажную роль в расширении географических знаний о северной части Африканского континента.

Свое знакомство с Африкой Рольф начал в 1855 г. в Алжире, поступив на службу во французский иностранный легион, снискавший печальную славу беспримерной жестокостью в захватнических и карательных походах в Африке и Азии. В 1861 г. Рольф переходит на службу к марокканскому султану. Под видом мусульманина он много путешествует по стране, посещает Танжер, Фес, Марракеш и другие города, уточняет географическую схему горных хребтов Марокко. В 1862 г. он прошел по Атлантическому побережью с севера страны до устья Уэда-Сус и через Высокий Атлас достиг области оазисов Тафилалет, где до него из европейских путешественников был лишь Кайе. Рольф намеревался пройти на юг по тому пути, по которому Кайе пришел из Томбукту в Южное Марокко. Обстоятельства помешали этому намерению.

В 1864 г. Рольф снова попадает в Тафилалет и решает на этот раз двинуться не на юг, а на восток. Он благополучно достигает ряда неизвестных европейцам оазисов Алжирской Сахары, первым из европейцев (после путешествия Мальфанте в XV в.) знакомится с Туатом, затем через Гадамес добирается до Триполи. Таким образом Рольф наиболее далеко углубился в Алжирскую Сахару, все еще недостаточно известную, несмотря на французские военные экспедиции на севере Сахары и на маршруты Анри Дювейрье, изучившего в эти годы путь из Алжира до Гата. Рольф составил описание маршрутов, проделанных им по Северо-Западной Африке, и на их основе опубликовал две книги.

В 1865 г. Рольф вновь стремится осуществить свое намерение достичь Томбукту с севера через Сахару. Он хотел из Триполи достичь Ахаггара в Центральной Сахаре и затем двинуться прямо на юг. Война между туарегскими племенами вынудила его изменить намеченный маршрут путешествия. Из Триполи он проследовал по уже хорошо известному пути на юг через Мурзук. Рольф проходит до Борну примерно по маршруту Барта — Офервега, но на пути к Бенуэ он исследует плато Баучи, оказавшееся вне маршрутов Барта. По Бенуэ Рольф

спускается до Нигера и путешествует по этой реке: вверх — до Джеббы, вниз — до дельты Нигера. Затем сухопутным путем через западную часть Нигерии он добирается до Ибадана и заканчивает путешествие в Лагосе в 1867 г. Принципиально нового для географии Африки это большое путешествие Рольфа не дало, но за ним осталась слава человека, впервые в одном путешествии прошедшего весь путь от Средиземного моря до Гвинейского залива в Атлантическом океане.

После поездки в Эфиопию в 1867—1868 гг. Рольф снова возвращается к сахарским путешествиям. В 1869 г. он пересекает северную часть Ливийской пустыни от Триполи до Александрии. В начале своего маршрута он надолго задерживается вблизи побережья, изучая исключительные по своему археологическому значению руины античных городов Лебда, Птолемаис и Кирена. Углубившись затем в пустыню и двигаясь в направлении оазисов Сива, он открыл крупную депрессию Бир-Рессам в Ливийской пустыне, затем исследовал соленое озеро Натрон. В 1873 г. Рольф возглавляет большую научную экспедицию в так называемую Западную пустыню Египта. В ее состав входят немецкие ученые: геолог Карл Циттель, ботаник Пауль Ашерсон, геодезист Йордан и другие. В этой экспедиции принял участие и Георг Швейнфурт, ставший к этому времени одним из крупнейших исследователей Центральной Африки. В результате этой экспедиции была создана первая комплексная научная характеристика природы этой части Ливийской пустыни, в которую значительный вклад внес Рольф.

В 1878 г. Рольф совершает последнее заслуживающее внимания африканское путешествие. Он делает попытку проникнуть с севера в Восточный Судан и достичь Вадаи, где уже провел свои исследования Г. Нахтигаль. Рольфа не в первый раз постигает неудача. Он был ограблен вблизи оазисов Куфра и принужден возвратиться в Бенгази. Дальнейшая деятельность Рольфа в Африке не представляет особого научного интереса: в 1880 г. он вновь появляется в Эфиопии, а в 1884—1885 гг. становится германским комиссаром на Занзибаре.

Оценивая в целом деятельность Рольфа в изучении Африки, нельзя не отметить еще раз его литературную плодотворность. Хотя книги Рольфа содержат немало легковесного, но они так быстро появлялись в свет после его путешествий, что вся полезная информация, содержавшаяся в этих книгах, сразу же становилась достоянием ученых разных стран и других путешественников. Так «Путешествие через Марокко» появилось в 1868 г., «От Триполи до Александрии» — в 1871 г., «Поперек Африки» — в 1875 г. и в том же году «Экспедиция по исследованию Ливийской пустыни», «Куфра» — в 1881 г.

Две тщеславные мечты Рольфа остались неосуществленными. Ему не удалось пройти в Томбукту ни из Алжира, ни из

Марокко (это сделал Оскар Ленц лишь в 1880 г.). Он не сумел проникнуть и в Вадаи. Вообще восток Центрального Судана особенно долго оставался почти неизведанным для европейцев. Стремление проникнуть в него с севера или запада для большинства исследователей середины XIX в., в том числе для погибших на этом пути Фогеля, Бойрманна и других, во многом определялось тем, что этот маршрут открывал возможность впервые пройти к Нилу с запада. Важнейшее значение в изучении этой части Судана имели путешествия еще одного немецкого исследователя Африки — Г. Нахтигала.

Путешествия Нахтигала

Исходные причины выдающихся путешествий Густава Нахтигала по Сахаре и Судану непосредственно связаны с деятельностью Рольфа в Африке. Молодой немецкий военный врач Нахтигаль приехал в начале 1860-х годов из Германии в Северную Африку для лечения легочного заболевания, требовавшего перемены климата. Сначала он жил в Алжире, а затем переехал в Тунис, где стал придворным медиком тунисского бея. Здесь Нахтигаль встретился с Рольфом, предложившим ему выполнить поручение прусского короля, возложенное, правда, на Рольфа, — передать королевские подарки главе суданского государства Борну. В январе 1869 г. Нахтигаль из Триполи двинулся на юг, не подозревая, что впереди у него окажется почти шестилетнее странствие в глубине Африки.

В Мурзуке у Нахтигала возникла долгая вынужденная остановка. В ожидании попутного каравана на юг он решает заняться исследованием еще не изученных европейцами районов, прилегающих к Феццану. Так случилось, что все путешественники, двигавшиеся через Мурзук на юг к Чаду и Борну, включая пытливого Барта, ничего не узнали о большом вулканическом нагорье Тибести, отдельные вершины которого поднимаются выше 3000 м. Тибести не лежит к юго-востоку от Феццана, восточнее пути, который незадолго до Нахтигала проходили и Барт и Рольф. Нахтигаль удалось совершить поездку из Мурзука до Тибести, подняться до 3000-метровой высоты и составить первую, еще, конечно, очень приближенную, схему орографии нагорья. Он собрал детальные сведения о суточных температурных контрастах и вообще о суровой природе Тибести. Поездка продолжалась четыре месяца. Отряд Нахтигала подвергся ограблению, сам он заболел лихорадкой, но все же с самого начала путешествия Нахтигаль сумел внести крупный вклад в изучение Центральной Сахары. Данные об исследованиях Нахтигала в Тибести быстро попали в Европу, и уже в 1870 г. Дювейрьё публикует их в Париже.

Окрыленный первым успехом исследователя, Нахтигаль вскоре после возвращения из Тибести смог покинуть Мурзук и довольно быстро достиг Борну. Путь каравана шел восточнее маршрутов Барта и Рольфа и пересекал мощные грядовые пески большого эрга Бильма южнее одноименного оазиса в стране полукочевого племени тиббу. В Борну закончилась официальная миссия Нахтигала — вручение королевских подарков. Но Нахтигаль остается в Борну в течение почти трех лет, совершая длительные экскурсии из Кукавы. Нахтигаль старается собрать как можно больше сведений о Вадаи, попутно стремясь точно выяснить судьбу Фогеля и Бойрманна. В эти годы Нахтигаль неоднократно ездит к Чаду, продолжая наблюдения, начатые еще Офервегом и Бартом. В 1871 г. он посещает области Канем и Борку к северо-востоку от озера, а в 1872 г. совершает длительную поездку в страну Багирми в нижнем течении Шари. Нахтигаль проникает в районы, не захваченные исламизацией и изучает быт и традиции языческих племен.

В 1873 г. Нахтигаль узнает, что в Вадаи воцарился новый правитель, который якобы не настроен враждебно к чужеземцам. Нахтигаль решает осуществить свой давно созревший замысел — возвратиться назад через Восточный Судан. Терпеливая подготовка к этому путешествию в течение трех лет была вознаграждена. Нахтигаль окончательно покидает гостеприимно встретившую его Кукаву и направляется в столицу Вадаи, Абеше, почти по прямому пути от южной оконечности озера Чад. В начале этого почти 1000-километрового маршрута Нахтигаль двигался вдоль долины пересыхающей реки Бата, впадающей в обнаруженное путешественником временное озеро Фитри. Затем он вступил на плато Вадаи.

Почти год Нахтигаль проводит в стране Вадаи. Он выясняет трагическую судьбу Фогеля и Бойрманна. Но это уже только история. В долгом путешествии из Нахтигала сформировался настоящий исследователь (которому, к сожалению, часто не хватало научной подготовки), и он так же рьяно, как и в начале пути, стремится собрать максимум сведений о новых для европейской науки территориях. Из Вадаи немецкий путешественник проникает в Дарфур, а оттуда в Кордофан, т. е. уже в пределы Египетского Судана. В столицу Кордофана — Эль-Обейд он прибыл в августе 1874 г. Впервые Центральный и Восточный Судан были пересечены по широте. Из Эль-Обейда Нахтигаль без труда дошел до Нила, по которому и спустился к Средиземноморскому побережью. Так был осуществлен наконец маршрут от озера Чад на восток до Нила, позволивший стереть большое «белое пятно» на карте Африки.

В 1879—1889 гг. был опубликован трехтомный труд Нахтигала «Сахара и Судан. Результаты шестилетних путешествий в Африке». Подобно Рольфу, в конце своего жизненного пути

Нахтигаль стал представителем немецкого правительства в колонизуемых Германией африканских странах. Умер он в 1885 г. в должности имперского комиссара немецких протекторатов Того и Камерун.

Исследования Северо-Восточной Африки: Брем, Хейглин, Мунцингер и др.

В начале второй половины XIX в. египетские владения в Судане и северная часть Эфиопии продолжали оставаться одними из наиболее доступных и чаще всего посещаемых европейцами внутренних областей Тропической Африки. Основные черты орографии этих территорий были уже установлены на предыдущем этапе, и дальнейшее обогащение физической карты шло здесь преимущественно по линии ее уточнения и пополнения многочисленными деталями.

На рубеже 40-х и 50-х годов важный вклад в научное исследование Восточного Судана внес немецкий зоолог Альфред Эдмунд Брем, впоследствии прославившийся своим фундаментальным трудом «Жизнь животных». Он участвовал в двух экспедициях своего земляка барона Иоганна Вильгельма фон Мюллера — в 1847—1849 и 1849—1852 гг., в ходе которых смог познакомиться со всей долиной Нила от Александрии до Хартума, с нижним участком течения Белого Нила, Кордофаном и, наконец, с берегами Голубого Нила от Хартума до Эр-Росейреса. Впервые ступив на африканскую почву восемнадцатилетним юношей, еще до поступления в университет, А. Э. Брем уже имел тем не менее основательную естественнонаучную подготовку, которой был обязан своему отцу — Христиану Людвигу Брему, выдающемуся орнитологу, одному из основоположников этой науки в Германии. Для картографии путешествия Брема не дали почти ничего нового, но зато сыграли большую роль в формировании научных представлений о природе Восточного Судана. Его трехтомная книга «Путевые очерки из Северо-Восточной Африки» (Иена, 1855)*, отмеченная, как и более поздние его произведения, литературным талантом, содержащая яркие картины природных ландшафтов и характеристики отдельных видов животных, по праву вошла в золотой фонд географической литературы об Африке.

В 1862 г. Брем еще раз побывал в Северо-Восточной Африке, приняв участие в охотничьей экспедиции герцога Саксен-Кобург-Готского на север Эфиопского нагорья, недалеко от Мас-

* В русском переводе «Путешествие по Северо-Восточной Африке, или по странам, подвластным Египту: Судану, Нубии, Сеннару, Россеру и Кордофану» (СПб., 1869—1871; 2-е изд. М., 1958).

савы. Материалы, собранные в этой поездке, он обобщил в книге «Результаты путешествия в Хабеш»* (Гамбург, 1863)**.

Район, посещенный этой экспедицией, — западная часть современной эфиопской провинции Эритреи — еще раньше стал ареной деятельности других исследователей. Среди них хронологически первым был итальянский миссионер Джузеппе Сапето, путешествовавший здесь в 1851 г. и опубликовавший описание своей поездки в Риме в 1857 г. В 1854 г. сюда прибыл 22-летний швейцарский коммерсант Вернер Мунцингер; в следующем году он поселился в Керене (к северо-западу от современной Асмары) и прожил там несколько лет, сделав ценные географические и этнографические наблюдения. В 1857 г. тот же район пересек француз Курваль; он первым из европейцев проложил путь из Массавы в Судан — к Кассале, важному торговому центру близ суданско-эфиопской границы, и затем, выйдя к реке Атбаре, проследил ее до места впадения в Нил. В том же году из Массавы в Кассалу и оттуда через Гедареф к Голубому Нилу и Хартуму прошел австрийский охотник-спортсмен граф Людвиг фон Тюрхейм.

Некоторое пополнение знаний о восточной окраине Судана связано также с более ранними путешествиями французов Альфонса де Мальзака и Александра Вельера (1850 г.) и англичанина Дж. Хэмилтона в сопровождении французца Ш. Дидье (1854 г.), ознакомившихся с караванными дорогами между красноморским портом Суакин и Хартумом через Кассалу и Гедареф.

Вслед за Бремом существенную лепту в изучение природы Северо-Восточной Африки внес немецкий зоолог (с преимущественным уклоном в орнитологию) Теодор фон Хейглин. В 1850 г. он прибыл в Египет и провел там некоторое время, изучая арабский язык, затем занял должность секретаря незадолго до того учрежденного австрийского консульства в Хартуме. В 1852—1853 гг. Хейглин сопровождал консула К. Рейтца в его поездке в Эфиопию с дипломатической миссией к императору Федору (Теодросу) II, после чего побывал в Кордофанах. В 1856 г. он обследовал пустынную область Байюда в Нубии, а на следующий год предпринял с научными целями плавание вдоль африканских берегов Красного моря и Аденского залива. Эти ранние свои поездки Хейглин описал в книгах «Дневник путешествия из Хартума в Абиссинию» и «Путешествия по Северо-Восточной Африке», изданных в Готе в 1857 г., а также в журнальных статьях, главным образом в «Сообщениях Петерманна».

* Хабеш — арабское название Эфиопии.

** Той же экспедиции посвящена книга Эрнста Саксен-Кобург-Готского «Путешествие в Египет и страны Хабаб, Менза и Богос» (Лейпциг, 1864).

В 1861 г. Хейглину было поручено возглавить экспедицию, организованную на средства, собранные по подписке в Германии, для поисков пропавшего без вести в Центральном Судане Эдуарда Фогеля. Кроме Хейглина в состав экспедиции вошли его соотечественники Герман Штёйднер, Теодор Кинцельбах, Мартин Людвиг Ханзаль и Герман Шуберт, а также уже упоминавшийся нами швейцарец Вернер Мунцингер. Первоначально предполагалось пройти из Массавы напрямик до Хартума и затем попытаться через Кордофан достичь Дарфура и Вадаи. Хейглин, однако, вскоре изменил свои планы и вместе со Штёйднером и Шубертом направился в Эфиопию, намереваясь посетить Каффу и выйти к Белому Нилу вдоль Собата. Этот замысел не удался: немецкие путешественники смогли дойти (через Адуву, Гондар и Дебра-Табор) только до Шоа, после чего через Галлабат и Гедарэф добрались в 1862 г. до Хартума. Плодами этого путешествия помимо многочисленных корреспонденций Хейглина в «Сообщениях Петерманна» явились две новых его книги: «Немецкая экспедиция в Восточную Африку» (Гота, 1864) и «Путешествие в Абиссинию, земли галла, Восточный Судан и Хартум» (Иена, 1868), доставившие, в частности, много новых сведений о центральных районах Эфиопского нагорья. Последующее, еще более важное в географическом отношении путешествие Хейглина в бассейн Бахр-эль-Газала рассматривается нами в другом месте.

Второй отряд немецкой экспедиции, под руководством Мунцингера, проследовал в соответствии с первоначальным планом через Хартум в Эль-Обейд, главный город Кордофана. Здесь Мунцингер получил известие о гибели Фогеля и повернул обратно, тем более что дарфурский султан не дал путешественникам разрешения на въезд в его страну. Главным географическим результатом этого путешествия, описанного Мунцингером в книге «Восточноафриканские этюды» (Шаффгаузен, 1864), было расширение и углубление знаний о территориях, расположенных между побережьем Красного моря и низовьями Голубого Нила, по обе стороны современной суданско-эфиопской границы. В 1864 г. Мунцингер вернулся в Массаву и долгое время находился здесь на консульской службе — английской, французской и затем египетской. В 1871 г. он был назначен египетским правительством на пост губернатора Массавы и в этом новом качестве приступил к расширению египетских владений за счет эфиопских земель; свою колонизаторскую деятельность — так же, как перед тем выполнение консульских обязанностей, — он сочетал с исследовательской. Позднее Мунцингер в звании паши стал генерал-губернатором Египетского Судана и в 1875 г. возглавил египетский экспедиционный корпус, вторгшийся в Эфиопию со стороны залива Таджура; в ноябре того же года он был убит в одном из сражений.

Из других европейских путешествий рассматриваемого периода, сыгравших более или менее значительную роль в исследовании восточной части Египетского Судана и соседних районов Эфиопии — главным образом бассейнов Атбары и правых притоков Голубого Нила, — заслуживают упоминания охотничьи экспедиции англичанина Сэмюэла Уайта Бейкера в 1861—1862 гг., немцев Карла Морица фон Бойрманна в 1860—1861 гг. и графа Карла Крокова фон Веккероде в 1864—1865 гг.*. С точки зрения научного познания природы этих районов, в первую очередь их растительного мира, особенно важны были исследования, проведенные в середине 60-х годов немецким ботаником Георгом Августом Швейнфуртом, деятельность которого более подробно будет рассмотрена в следующей главе.

Заметным вкладом в географическую литературу о Восточном Судане явились публикации французского генерального консула в Египте графа д'Эскейрака де Лотюра и немецкого врача Р. Хартманна. Перу первого из них принадлежит книга «Пустыня и Судан» (Париж, 1853), второго — двухтомный «Естественноисторический и медицинский очерк Нильских стран» (Берлин, 1865—1866). Обе эти работы помимо личного опыта авторов (Лотюр посетил в 1849—1850 гг. Нубию и Кордофан, Хартманн в 1859—1860 гг. участвовал в охотничьей экспедиции прусского барона Адальберта фон Барнима на Голубой Нил) отразили обширный материал расспросных данных.

Многие путешественники 50—60-х годов, побывавшие в Сеннаре, Кордофани и других провинциях Египетского Судана, пытались проникнуть в независимый султанат Дарфур. Удалось это только одному из них, французскому врачу Ш. Кюни, который там и умер в 1858 г., не доставив географам практически никаких новых сведений. Первым европейцем, внесшим реальный вклад в изучение Дарфура после У. Дж. Брауна, был Густав Нахтигаль (см. выше), в широких же масштабах исследование этой страны развернулось после ее завоевания Египтом в 1874 г. Начиная с 1875 г. территория новой провинции Египетского Судана была охвачена точными съемками офицеров египетского генерального штаба, преимущественно американцев. Особенно важную роль сыграла экспедиция под начальством полковника Э. С. Пёрди, достигшая Дарфура в начале 1875 г. новым для европейцев путем от Старой Донголы на Ниле вдоль уэда Эль-Мелик. Отдельные партии этой экспедиции доходили на юг до области Дар-Фертит (Пёрди, в частности, первым из европейцев посетил в 1876 г. центр медных рудников Хофрат-

* Своим путешествиям по Египетскому Судану и Эфиопии Бейкер посвятил книгу «Притоки Нила в Абиссинии», изданную в Лондоне в 1867 г. В том же году в Берлине вышла книга Крокова «Путешествия и охота в Северо-Восточной Африке». Путевые очерки Бойрманна печатались в 1862 г. в «Сообщениях Петерманна».

эн-Нахас) и на запад до границ Вадаи. Одновременно другая экспедиция, во главе с полковником Р. Э. Колстоном, выполняла съемку северного и центрального Кордофана. Съемками Кордофана и Дарфура занимался также отряд майора Х. Дж. Праута. Отчеты и картографические материалы этих экспедиций были опубликованы в конце 70-х годов в Каире.

Пополнению географических знаний о внутренней части Эфиопского нагорья способствовали помимо упоминавшихся выше маршрутов Хейглина путешествия англичанина Генри Дафтона в 1862—1863 гг. и французского консула в Эфиопии Гийома Лежана в 1862—1864 гг., особенно же много новых материалов об этих районах было получено в связи с англо-эфиопской войной 1867—1868 гг. Правивший в то время Эфиопией император Федор II проводил независимую политику, направленную на объединение и централизацию государства, обманув тем самым надежды английского правительства, первоначально рассчитывавшего подчинить его действия интересам Великобритании. Поводом для интервенции послужил арест британского консула Ч. Д. Камерона и нескольких других находившихся в Эфиопии европейцев, занимавшихся интригами против императора. Английский экспедиционный корпус под командованием генерала Р. К. Нэпира высадился в Зуле (немного южнее Массавы), поднялся на Эфиопское нагорье и, продвигаясь с боями на юг вдоль его восточного края, через Адиграт и Антало, дошел до крепости Магдала, в которой укрылся эфиопский император. 13 апреля 1868 г. Магдала была взята. Федор II, не желая сдаваться в плен, покончил самоубийством.

По всему пути следования английских войск были выполнены триангуляционные работы и тщательная инструментальная съемка с астрономическими наблюдениями и барометрическими измерениями высот. Общая площадь закартированной полосы по обе стороны трассы похода составила около 14 тыс. кв. км, отдельные же рекогносцировочные маршруты выходили далеко за пределы этой территории. В одном из таких маршрутов подполковник Р. Фейр открыл лежащую ниже уровня моря впадину озера Ассале в северной части Данакильской пустыни. Пятилистная карта пройденной английской армией территории в масштабе около 1:250 000 и ряд крупномасштабных карт и планов были приложены к двухтомному официальному «Отчету об экспедиции в Абиссинию», составленному майором Т. Дж. Холлендом и капитаном Х. Хозвером и опубликованному в Лондоне в 1870 г. Из многочисленных других публикаций, связанных с этой военной экспедицией, особо выделяется работа участвовавшего в ней английского геолога У. Т. Бланфорда «Наблюдения по геологии и зоологии Абиссинии» (Лондон, 1870) — первый и долгое время по существу единственный источник сведений о геологическом строении Эфиопии.

Английскую армию сопровождал до Магалды и затем вернулся на Красноморское побережье несколько иным путем, через Лалибелу и Сакоту, Рольфс, описавший это путешествие в книге «По поручению его величества короля Пруссии с английским экспедиционным корпусом в Абиссинии» (Бремен, 1869). Другой сотрудничавший с английским командованием немец, Отто Рейль, пересек в начале 1868 г. незнакомый до того европейцам прибрежный район между Суакином и Масавой. Позднее, в 1875—1876 гг., ту же территорию обследовал Хейглин; вскоре по возвращении из этой экспедиции он умер (5 ноября 1876 г.), но все же успел подготовить к печати двухтомную книгу «Путешествие в Северо-Восточную Африку», изданную в том же году в Брауншвейге. В более южной части Красноморского побережья, в районе бухты Ассаб, а также на островах Дахлак и на севере Эфиопского нагорья значительная исследовательская работа была проведена в 1870—1871 гг. итальянской научной экспедицией в составе зоолога О. Антинори, ботаника О. Беккари и геолога А. Исселя; последний составил описание этого путешествия, опубликованное в Милане в 1872 г. В 1873—1874 гг. северную часть Эфиопского нагорья объездил с целью сбора зоологических коллекций француз Ашиль Раффре; после этого он побывал еще в районе Занзибара и Момбасы и изложил свои впечатления и наблюдения в книге «Восточная Африка» (Париж, 1876).

Хотя маршруты перечисленных экспедиций в Эфиопию коснулись некоторых не посещавшихся ранее европейцами районов, в целом они проходили по территориям, уже более или менее известным географам. Напротив, юг Эфиопского нагорья, населенный народами галла и сидамо, все еще был почти целиком *terra incognita*. «Рекорд» продвижения на юг, установленный братьями Аббади, оставался непревзойденным, и даже повторить его смог только один человек — итальянский миссионер-капуцин Гуильельмо Массая, проживший почти два года (в 1859—1861 гг.) в Бонге, главном городе Каффы. Массая впервые прибыл в Эфиопию в 1846 г. и пробыл в ней в общей сложности 35 лет, познакомившись со страной лучше, чем кто-либо еще из европейцев того периода; однако приобретенные им знания стали общим достоянием только в 1885—1895 гг., когда в Риме были опубликованы 12 томов его мемуаров.

Значительно раньше доставил некоторые новые сведения о землях галла другой католический миссионер — француз Леон Аваншер, долго занимавшийся религиозной пропагандой в Герере — маленьком независимом государстве к северу от Каффы; письма его, адресованные Антуану д'Аббади, печатались в «Бюллетене Парижского Географического общества» в 60-х годах. Главной проблемой географии южной части Эфиопии в то время был — и оставался почти до самого конца XIX в. —

вопрос о гидрографической принадлежности открытой братьями Аббади реки Гибье (Омо). То, что эта река не может быть истоком Белого Нила, было осознано довольно быстро, но возможность того, что она относится к нильскому бассейну, не исключалась; широко распространено было мнение, что это исток Собата. Аваншер, основываясь на полученных им расспросных данных, пришел к верному выводу о несостоятельности подобных взглядов. Он правильно оценил значение гор Геры как водораздельного узла между Баро — одним из истоков Собата, Дидессой — левым притоком Голубого Нила и Омо, однако в отношении последней реки сам впал в ошибку, предположив, что она является верховьем Джубы.

В рассматриваемый период было положено начало (но именно только начало) географическому изучению «Африканского Рога» — полуострова Сомали. Первым крупным исследовательским предприятием в этой части Африки была экспедиция офицера английского гарнизона в Адене капитана Ричарда Фрэнсиса Бёртона, которого сопровождал в качестве помощника его сослуживец Джон Хэннинг Спик. В 1854 г. Бёртон, переодетый арабским купцом, проник из Зейлы на берегу Аденского залива в Харар — еще ни разу не посещавшуюся европейцами, по крайней мере в новое время, столицу одноименного мусульманского эмирата на востоке современной территории Эфиопии; он пробыл в этом городе 10 дней и вернулся в Аден через Берберу. Спик тем временем обследовал часть северного побережья Сомали. В 1855 г. английские путешественники сделали попытку проникнуть в глубь страны из Берберы, но уже в самом начале маршрута подверглись нападению сомалийцев, оба были тяжело ранены и еле спаслись. Описанию этой экспедиции Бёртон посвятил книгу «Первые шаги в Восточной Африке, или исследование Харара» (Лондон, 1856).

В 1871 г. другой офицер аденского гарнизона, капитан С. Б. Майлс, обследовал район мыса Гвардафуй. В 1873 г. на сомалийском побережье занимался ботаническими сборами немецкий натуралист И. М. Хильдебрандт, перед тем посетивший прилегающие к Красному морю районы Эфиопии, в том числе северную часть Данакильской пустыни. На следующий год разведывательное путешествие в Сомали совершил по заданию египетского правительства Густав Адольф Хаггенмахер, соотечественник и сотрудник Мунцингера; ему удалось продвинуться из Берберы довольно далеко на юг, до северной окраины внутреннего плато Хауд. Путевые записки его, содержащие много ценных сведений о природе, населении, хозяйстве и истории Сомали, были опубликованы в приложениях к «Сообщениям Петерманна» за 1876 г. К тому времени самого Хаггенмахера уже не было в живых: в 1875 г. он погиб вместе с Мунцингером в египетском военном походе против Эфиопии.

Политическим итогом египетско-эфиопской войны 1875 г. было установление египетского контроля над значительной частью северного побережья Сомали и Хараром, который перестал с тех пор быть «запретным городом» для европейцев. Географические результаты были невелики: среди них заслуживает упоминания точное определение местоположения Харара египетским офицером Мухаммедом Мухтаром.

ЮЖНАЯ АФРИКА: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАМБЕЗИ И ДРУГИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «ЛИВИНГСТОНОВСКОГО» ПЕРИОДА

Начало исследовательской деятельности Ливингстона: открытие озера Нгами и верхнего течения Замбези

Давид Ливингстон родился в 1813 г. в бедной шотландской семье. С десяти лет ему пришлось работать на хлопчатобумажной фабрике. Неудержимая тяга к знанию заставляла его после утомительного рабочего дня ходить в вечернюю школу. В 23 года он поступил в колледж и в 27 лет получил диплом врача. Перед ним открывалась перспектива хороших заработков, спокойной, обеспеченной жизни. Но молодой шотландец решил посвятить себя миссионерской деятельности. В 1840 г. «Лондонское миссионерское общество» послало его в Южную Африку.

После нескольких путешествий по стране бечуанов Ливингстон поселился с семьей (в 1844 г. он женился на Мери Моффат, дочери известного миссионера Роберта Моффата) на землях бечуанского племени баквена. С 1847 г. главной его базой стала станция Колобенг на восточной окраине Калахари. Уже первые годы миссионерской работы показали Ливингстону, что африканцев мало интересуют религиозные проповеди. Зато местные жители сразу же оценили по достоинству медицинские познания молодого миссионера, охотно учились у него грамоте, старались перенять новые для них приемы ведения сельского хозяйства. Африканцам пришлись по душе доброта и открытый нрав Ливингстона, его искреннее желание принести им пользу. Не уверовав в христианского бога, бечуаны уверовали в Ливингстона, ставшего для них большим другом и непререкаемым авторитетом. В то же время изучение местных языков, близкое знакомство с образом жизни, обычаями и традициями африканцев, накопленный опыт естественнонаучных наблюдений — все это заложило прочный фундамент для будущей исследовательской деятельности Ливингстона, о которой он поначалу еще серьезно не задумывался.

Занимаясь врачебной практикой и просветительской работой, Ливингстон не слишком усердствовал в религиозной пропаган-

де, чем навлек на себя недовольство церковного начальства. Косо стала смотреть на него и администрация Капской колонии, обеспокоенная выдвинутым им проектом создания широкой сети школ для коренного населения. Открыто враждебно относились к Ливингстону буры. Ливингстон решил перебраться дальше на север, куда еще не успели проникнуть его белые недруги и где он надеялся найти новых темнокожих друзей. В поисках нового места для миссии он ближе познакомился с Калахари и впервые установил истинный характер ландшафта этой области, которую европейцы считали пустыней. «Калахари, — писал Ливингстон, — отнюдь не лишена растительности и населения, так как она покрыта травой и многочисленными ползучими растениями; кроме того, местами в ней встречаются кустарник и даже деревья. Поверхность ее замечательно ровная, хотя в разных местах ее прорезают русла древних рек».

Исследуя Калахари, Ливингстон совершил свое первое важное географическое открытие. Уже давно до европейцев доходили слухи о большом озере в самом сердце Южной Африки, и в 1849 г. Ливингстон предпринял попытку достичь его берегов. В сопровождении двух охотников-англичан — Уильяма Осуэлла и Мунго Мёррея — и нескольких проводников-африканцев он за два месяца пересек на фургонах северо-восточную часть Калахари и 1 августа 1849 г. вышел к озеру Нгами.

Ливингстон определил координаты озера, составил себе верное представление о его размерах (хотя все озеро осмотреть ему не удалось) и глубине. Он собрал сведения о впадающих в озеро водотоках и правильно оценил гидрографическое значение Нгами и расположенных к востоку от него солончаковых болот Макарикари как бассейна внутреннего стока — «южной и самой низменной части большой речной системы, большие русла которой ежегодно наполняются водой тропических дождей». Исследование Нгами в сочетании с более ранними наблюдениями привели Ливингстона к выводу о прогрессирующем усыхании внутренней части Южной Африки*.

Ливингстон намеревался посетить Себитуане, вождя макалоло — одного из бечуанских племен, переселившегося на север под натиском буров и враждебных бечуанам зулусов. Однако он не смог найти ни проводника, ни лодок для переправы через реку Зоугу (Ботлетле), текущую из Нгами к болотам Макарикари. Путешественники вернулись в Колобентг. На следующий год Ливингстон с Осуэллом сделали еще одну неудачную попытку достичь земель макалоло, затем третью, увенчавшуюся

* Эта тенденция в дальнейшем подтвердилась. К настоящему времени озеро Нгами, некогда единое, распалось на несколько мелких водоемов, большая же часть озерной котловины высохла и заросла травой и кустарниками.

успехом. Вместе с собой Ливингстон взял свою семью. Новый маршрут был проложен несколько восточнее — через невысокий кряж Бамангват и вдоль северного берега Зоуги. Передвижение затруднялось зараженностью этой местности мухой цеце, от укусов которой гибли лошади и быки. Все же путешественники достигли реки Чобе — нижнего течения Квандо, правого притока Замбези, — и на одном из ее островов Ливингстон встретился с давно ожидавшим его Себитуане. Отсюда Ливингстон и Осуэлл направились на северо-восток и в конце июня 1851 г. «были вознаграждены, открыв в центре материка реку Замбези. Это было делом огромной важности, потому что о существовании этой реки в Центральной Африке прежде совсем не знали. Все португальские карты представляют ее поднимающейся на восток далеко от того места, где мы теперь находились».

Посещением берегов Замбези — пока лишь в одной точке ее верхнего течения — завершается начальный период исследовательской деятельности Ливингстона, который в целом можно определить как первый «прорыв» европейского путешественника далеко в глубь Южной Африки. Впервые была приподнята завеса тайны, скрывавшая эту часть «Черного континента». Эти успехи имели для Ливингстона важное психологическое значение, вдохновив его на новые открытия. Ливингстон не оставляет своих миссионерских дел, но мысли его все больше начинают занимать географические проблемы. Миссионер становится профессиональным путешественником-исследователем.

Двойное пересечение Южной Африки Ливингстоном в 1852—1856 гг.: от Капской колонии до Анголы и от Анголы до устья Замбези

Чтобы избавить жену и детей от риска, сопряженного с пребыванием на берегах Чобе и Замбези, где свирепствовала лихорадка, Ливингстон решил отправить их на родину «и вернуться одному, с целью исследовать страну в поисках здоровой местности, которая могла бы стать центром цивилизации, и сделать внутренность страны доступной каким-нибудь путем или с восточного, или с западного берега». Посадив в Кейптауне семью на корабль, направлявшийся в Англию, он выступил в новое путешествие в страну макололо. Когда Ливингстон находился в Курумани, пришло известие о том, что в его отсутствие буры напали на Колобенг, разграбили его дом и сожгли весь поселок. Это происшествие утвердило Ливингстона в его решении перебазироваться на север. В конце мая 1853 г. он прибыл в Линьянти — столицу макололо, где его радушно принял новый вождь — Секелету, сын Себитуане, умершего от воспаления легких вскоре после своей встречи с Ливингстоном.

Месяцем позже Ливингстон в обществе Секелету предпринял рекогносцировочную поездку в страну народа бароце (лози), расположенную в долине Замбези выше области расселения макололо. Река — Лиамбье, как ее называли местные жители, — оказалась порожистой, но все же доступной для плавания на пирогах; самой серьезной преградой являлся водопад Гонье, который пришлось обходить посуху. Экспедиция поднялась вверх по Лиамбье (Замбези) до места слияния двух ее ветвей: Кабомпо, идущей с востока, и Либы, текущей с северо-северо-запада. Ливингстон счел главным истоком Замбези Кабомпо, которая в устье превосходила Либу по ширине. Ныне принята противоположная точка зрения: та река, которая была известна Ливингстону под названием Либы, значит на картах как Замбези, Кабомпо же считается ее притоком.

По возвращении в Линьянти Ливингстон разработал план новой экспедиции, решение об организации которой было принято на общем сборе макололо. Практической ее целью было установить прямое торговое сообщение между страной макололо и атлантическим побережьем, минуя посредников — странствующих торговцев из Анголы, скупавших слоновую кость за бесценок. Секелету выделил для сопровождения Ливингстона 27 человек, дал быков, продовольствие и груз слоновой кости для продажи в Анголе. Таким образом, эта экспедиция была по существу целиком снаряжена африканским вождем.

11 ноября 1853 г. Ливингстон покинул Линьянти и начал плавание на пирогах вниз по Чобе, а затем вверх по Замбези. В конце декабря он вновь достиг места слияния Либы с Кабомпо и продолжил путь вверх по Либе. Экспедиция вступила в область расселения народа балунда. Местные вожди подчинились верховному правителю — муата-ямво, о котором в Европе уже было кое-что известно из сообщений португальцев.

В дальнейшем Ливингстон и его спутники отклонились от Либы и двинулись на северо-запад через лесистую равнину, большей частью затопленную разлившимися (стоял сезон дождей) притоками Либы. В феврале 1854 г. путешественник открыл лежащее посреди этой равнины небольшое озеро Дилоло. Первоначально он рассчитывал выйти к океану вдоль Кванзы, истоки которой на имевшейся у него португальской карте были отодвинуты далеко в глубь материка, и «был сильно удивлен, что никто из туземцев, живущих в этой местности, не знает об этой реке». Истинная картина орографии оказалась очень мало соответствующей представлениям картографов. «Мы открыли, что та почти совершенно плоская равнина, которую мы проехали, образует водораздел между южными и северными реками, потому что мы вступили теперь в область, все реки которой текут в северном направлении, впадая в реку Касаи». Так Ливингстон познакомился с водоразделом Конго — Замбези.

Продолжая идти в общем направлении на запад-северо-запад, маленький отряд Ливингстона пересек слабо врезанные долины Касаи и других рек ее системы — Чиумбе, Лвашимо, Чикапы, Квилу. В начале апреля он переправился через Кванго — крупнейший левый приток Касаи, текущий в очень широкой и глубокой долине, и вскоре достиг Касанже, самого восточного поселения португальцев в Анголе. Перевалив через горы Тала-Мугонго, ограничивающие долину Кванго с запада, экспедиция вышла в бассейн Кванзы. Дальнейший путь к океану проходил уже по достаточно известным европейцам местам, однако и тут английский исследователь нашел возможность во многом исправить и уточнить существующие карты. В конце мая Ливингстон прибыл на атлантическое побережье — в Луанду, столицу Анголы, завершив, таким образом, свое первое пересечение Южной Африки, начатое с мыса Доброй Надежды.

Утомленному тяжелым переходом и измученному болезнями путешественнику предлагали уехать на отдых в Англию или на остров Святой Елены, куда его мог бы без промедления доставить один из английских крейсеров, находившихся в то время в порту Луанды. Однако Ливингстон отклонил это заманчивое предложение, чувствуя себя, во-первых, морально обязанным вернуть на родину своих верных спутников-макололо и, во-вторых, желая продолжить начатое им исследование Замбези. Уже в конце сентября 1854 г. экспедиция выступила в обратный путь. По дороге Ливингстон осмотрел среднее течение Кванзы, а затем, вновь пересекая территорию государства Лунда, собрал много новых сведений о нем и расположенных к северу от него областях. Путешественник смог составить себе более полное представление о гидрографической системе Касаи. «Все западные притоки Касаи, за исключением Кванго, идут сначала с запада к центру страны, а затем постепенно поворачивают вместе с самой Касаи на север, а после слияния Касаи с Кванго огромная масса воды, собравшаяся со всех этих разветвлений, находит себе путь через реку Конго, или Заир, на западный берег...» Ливингстон, таким образом, правильно определил принадлежность Касаи к бассейну Конго и наметил более или менее верную принципиальную схему речной системы Касаи, но ошибся, приписав этой системе роль истоков Конго.

Путешественник пришел к важным общим выводам о характере главных водоразделов Центральной Африки. Он понял ошибку многих своих предшественников, побывавших на приподнятых обрывистых краях внутренних плоскогорий Африки и полагавших, что в центре материка, у истоков Конго и Замбези, должны располагаться еще более высокие горные цепи. «Я находился на водоразделе, т. е. самом высоком месте между этими двумя великими системами [Конго и Замбези], но не выше 4000 футов [около 1200 м] над уровнем моря, на

1000 футов [около 300 м] ниже вершины западного поднятия, через которое мы уже прошли. Но все-таки вместо высоких гор со снежными вершинами, вид которых подтверждал бы умозрительные догадки, у нас перед глазами были обширные равнины, по которым можно идти целый месяц, не видя никаких высот, кроме вершин термитников или деревьев. Прежде не знали, что центр Африки представляет форму невысокого плато».

Несколько позднее, когда географический кругозор Ливингстона был расширен новыми маршрутами, у него создалось более четкое представление об основных чертах орографии южной половины Африканского материка, а именно о существовании центральной «борозды» (т. е. пояса внутриконтинентальных впадин Конго — Калахари) и обрамляющих ее двух приокеанических поднятий — западного и восточного — с пологими внутренними и крутыми внешними склонами.

В середине 1855 г. путешественники достигли поселений макололо, где на них смотрели с благоговейным ужасом как на людей, воскресших из мертвых: прорицатели объявили, что все они давно погибли. Ливингстона ждала пересланная ему Моффатом почта из Лондона, в том числе копия доклада, сделанного в 1852 г. на заседании Королевского Географического общества его президентом, видным английским геологом и географом Родериком Импи Мёрчисоном. Анализируя имевшиеся в его распоряжении материалы о геологическом строении и рельефе Африки, Мёрчисон пришел к тем же выводам, что и Ливингстон, о существовании «великой центральноафриканской депрессии», ограниченной краевыми поднятиями. С грустью Ливингстон писал: «Сидя в своем вольтеровском кресле, он опередил меня на три года, в то время как я, страдая от лихорадки, с трудом пробирался через лесные дебри и болота... Я лелеял тогда надежду, что буду первым, кто создаст представление о внутренней Африке как об орошаемом водою плато, поверхность которого несколько ниже окаймляющих его возвышенностей. Эта надежда оказалась теперь тщетной».

Разочарование путешественника было вряд ли оправданным: в ту эпоху результаты его полевых исследований были несравненно ценнее любых умозрительных заключений, сколь бы правильными те ни были. Время для «кабинетных» теоретических обобщений пришло гораздо позже, когда был накоплен более обширный эмпирический материал.

В начале ноября 1855 г. Ливингстон отправился в новое путешествие, чтобы проследить течение Замбези до Индийского океана. «Во второй уже раз макололо снарядили меня и отправили на восточный берег... Я испытываю к ним глубокую благодарность». Секлету послал сопровождать английского исследователя 114 человек с большой партией слоновой кости и лично проводил экспедицию до величественного 120-метрового водопа-

да на Замбези, который макололо называли Моси-оа-ту-нья (здесь пар издает шум). Об этом «чуде природы» Ливингстон слышал еще от Себитуане. Уже на расстоянии 9—10 км от водопада путешественник увидел поднимающиеся над рекой пять огромных столбов водяных брызг, действительно напоминающих пар или дым. На легком челноке он добрался до небольшого острова на краю уступа, с которого низвергается водопад. «Несмотря на то, что водопад был очень близко, мы не могли определить, куда идет эта огромная масса воды; казалось, что она уходит в землю... По крайней мере, я не мог понять этого до тех пор, пока не подполз со страхом к самому краю и не взглянул вниз в огромную расщелину... Весь водопад является просто щелью, образовавшейся от правого до левого берега Замбези в твердой базальтовой породе...» Ливингстон назвал водопад именем английской королевы Виктории.

Резко пересеченный характер местности вдоль ущелья, вырытого Замбези ниже водопада Виктория, заставил Ливингстона отклониться от реки и обойти этот труднодоступный участок ее долины по левобережному плато Батока. В декабре 1855 г. экспедиция переправилась на лодках через крупный левый приток Замбези — Кафуэ и вдоль него вновь вышла к Замбези. Дальнейший путь вниз по долине реки привел Ливингстона к устью другого ее левого притока — Лвангвы, за которым начались места, издавна известные португальцам.

До сих пор коренное население не чинило Ливингстону и его спутникам никаких препятствий; напротив, повсюду их ждал радушный прием. За Лвангвой отношение к путешественникам изменилось: местные жители, наученные горьким опытом общения с португальскими работорговцами и колониальными войсками, привыкли видеть в чужестранцах врагов. К возникшим в связи с этим затруднениям прибавилось еще и то, что, как выяснилось, португальский пост Тете расположен на правом берегу Замбези, а не на левом, как было показано на карте, которой пользовался Ливингстон (собственно говоря, именно эта картографическая ошибка и определила выбор пути по левому берегу). Английскому исследователю, однако, удалось избежать назревавшего вооруженного столкновения с обитателями берегов Замбези и даже получить у них лодки для переправы через реку. Высадившись на южный берег Замбези, экспедиция еще раз ненадолго отклонилась от реки и затем вновь вышла к ней у Тете. В этот пункт Ливингстон прибыл 3 марта 1856 г.

Разговоры с жителями Тете — португальцами и африканцами — убедили путешественника в полном незнакомстве их с верхним течением Замбези, но в то же время дали ему кое-какой материал о территориях, расположенных к северу от реки. Один африканец бывал в Казембе и видел там реку Луапулу, слышал он и о Лиамбе, но полагал, что она течет в Анголу. Луапула,

по его мнению, должна была соединяться с Лиамбье; этот взгляд принял и Ливингстон, обозначив на своей карте Луапулу как исток открытой им Кабомпо. Португалец по имени Кандиду рассказал об озере Ньянджа, из которого вытекает левый приток Замбези — Шире и которое Ливингстон отождествил с фигурировавшим на некоторых картах озером Марави*. Еще раньше, встретившись в верховьях Замбези с арабскими торговцами из Занзибара, путешественник узнал от них о существовании к северо-востоку от Казембе большого озера Танганьика и смог по их рассказам довольно верно отразить на своей карте его местоположение и общую конфигурацию.

20 мая 1856 г. Ливингстон закончил свое пересечение Африканского материка от Атлантического океана до Индийского, прибыв в приморский городок Келимане. В декабре того же года он впервые после шестнадцатилетнего пребывания в Африке увидел английские берега.

Научные результаты путешествий Ливингстона 1849—1856 гг. были поистине грандиозны, намного превзойдя все, что было достигнуто до того в деле познания внутренних областей Южной Африки. Карта этой части континента совершенно преобразилась. Ливингстон проследил течение Замбези почти на всем его протяжении, открыл на этой реке один из величайших в мире водопадов, нанес на карту низовья или по крайней мере места впадения всех крупнейших ее притоков, установил положение водораздела между Замбези и главным левым притоком Конго — Касаи, обследовал верховья рек системы Касаи, открыл бессточный бассейн озера Нгами. Любого из этих достижений хватило бы для увековечения имени путешественника.

Все открытые Ливингстоном географические объекты были положены им на карту с такой точностью, какой трудно было ожидать от человека, не имеющего специальной географической подготовки. Прочной базой для его маршрутных съемок послужили выполненные им с помощью секстанта, хронометра и астрономических таблиц 2812 определений широт и долгот. Прощупав, по меткому выражению И. И. Потехина, собственными ногами рельеф Африки от океана до океана и сделав тысячи измерений высоты над уровнем моря по температуре кипения воды, Ливингстон, как мы уже видели выше, смог выявить неизвестные до того крупнейшие черты устройства поверхности южной части континента. Внимательное изучение горных пород, их распространения и характера залегания позволило ему прийти к принципиально верным выводам об основных особенностях ее геологического строения. Развевая бытовавшие в литературе представления о том, что внутренность Южной Африки должна

* Впоследствии, побывав на озере Ньяса, Ливингстон пришел к выводу, что сведения португальцев о «Ньяндже» относились не к этому озеру, а к болотам в среднем течении Шире.

быть занята либо высокими горами, либо песчаными пустынями, Ливингстон нарисовал истинную картину ее природных ландшафтов, установил важные климато-гидрологические закономерности, собрал богатейший материал о растительном и животном мире. В высшей степени ценными были и его этнографические наблюдения. Про Ливингстона справедливо говорят, что он открыл Южную Африку для науки.

В отличие от многих других побывавших в Африке европейцев, посвятивших по два-три пухлых тома описанию бесчисленных перипетий своих путешествий, нередко весьма незначительных по масштабам и научной ценности, Ливингстон, человек скромный и немногословный, изложил результаты своей многолетней исследовательской деятельности в сравнительно небольшой по объему книге — «Миссионерские путешествия и исследования в Южной Африке», изданной в Лондоне в 1857 г. Лаконичность авторского стиля еще больше подчеркнула содержательность этой работы, явившейся своего рода энциклопедией научных знаний о Южной Африке*.

Замбезийская экспедиция Ливингстона 1858—1864 гг.: завершение исследования Замбези и открытие озера Ньяса

В результате путешествий Ливингстона в 1851—1856 гг. проблема Замбези была по существу решена, но некоторые географы этого не признавали, ставя тождественность Лиамбье и Замбези под сомнение. Действительно, Ливингстоном не был непосредственно прослежен участок течения реки от водопада Виктория до устья Кафуэ, а именно на этом участке Замбези на тогдашних картах делала крутой поворот и текла, по старым данным, восходящим к XVI—XVII вв., с юга, а по более новым, связанным с путешествиями Пирейры, Ласерды, Монтейру и Гамитту, — с севера. Установить, что Лиамбье и Замбези — одна и та же река, стало главной научной задачей следующего путешествия Ливингстона, в которое он отправился в 1858 г.

Решение этой географической проблемы было не единственной целью экспедиции. Познакомившись в Анголе и Мозамбике с португальской системой работорговли, Ливингстон твердо решил сделать все от него зависящее, чтобы покончить с этим злом. Главное средство для этого он видел в организации регулярного снабжения внутренних районов Африки английскими фабричными товарами в обмен на местное сырье, что, по его мысли, должно было подорвать экономическую основу работор-

* В русском переводе — «Путешествия и исследования в Южной Африке» (2-е изд. М., 1955).

говли. Одновременно Ливингстон выступал за внедрение европейской культуры в жизнь и быт африканских народов, отводя большое значение миссионерской пропаганде. Общую задачу своей экспедиции он сформулировал как «исследование Замбези, ее устья и притоков с точки зрения возможности их использования в качестве путей для проникновения торговли и христианского учения в обширные районы Центральной Африки».

Нетрудно понять, что планы Ливингстона в отношении развития торговли вполне отвечали интересам английского капитализма. Не случайно новая экспедиция финансировалась британским правительством, назначившим Ливингстона консулом Великобритании в Мозамбике. Организована экспедиция была на широкую ногу. Путешественник отправился в Африку уже не в одиночку, а в сопровождении целой группы сотрудников. Среди них были его брат Чарлз Ливингстон, выполнявший обязанности его помощника и секретаря, Джон Кёрк — ботаник и врач, Ричард Торнтон — геолог, Томас Бейнс — художник и еще несколько европейцев. В экспедиции участвовала и жена путешественника, в честь которой был назван экспедиционный пароход «Ма-Роберт» (т. е. «мать Роберта», старшего их сына, — так называли Мери Ливингстон африканцы).

Исследовательская работа началась со съемки дельты Замбези, лишняя раз обнаружившей крайнее несовершенство португальских карт. Затем экспедиция прибыла в Тете, избранный ее главной базой. Здесь Ливингстона радостно встретили маколло — его верные товарищи по предыдущему путешествию, терпеливо дожидавшиеся два года его приезда. Из Тете Ливингстон намеревался подняться вверх по Замбези до водопада Виктория, чтобы устранить сомнения в тождестве ее с Лиамбе, изучить возможности судоходства, определить пригодность берегов реки для поселения европейцев и, наконец, доставить маколло в их родные места. Замысел этот, однако, удался не сразу. На небольшом расстоянии выше Тете водный путь преградили ранее неизвестные путешественнику пороги Кебрабаса. Был период низкой воды, что позволило детально осмотреть пороги, но о преодолении их нечего было и думать. В высокую воду, как выяснил Ливингстон, провести пароход через пороги было бы можно, однако для этого требовалась более мощная машина, чем у «Ма-Роберт», который и так еле «вытягивал» против течения. Поэтому руководитель экспедиции направил правительству просьбу прислать пароход с большим резервом мощности.

«В ожидании же мы направили свое внимание на исследование реки Шире, северного притока Замбези, который впадает в последнюю примерно в 100 милях от моря. От португальцев мы не могли получить никаких удовлетворительных сведений об этом притоке: они утверждали, что никто по этой реке не поднимался; не могли они также сказать, где находятся ее истоки».

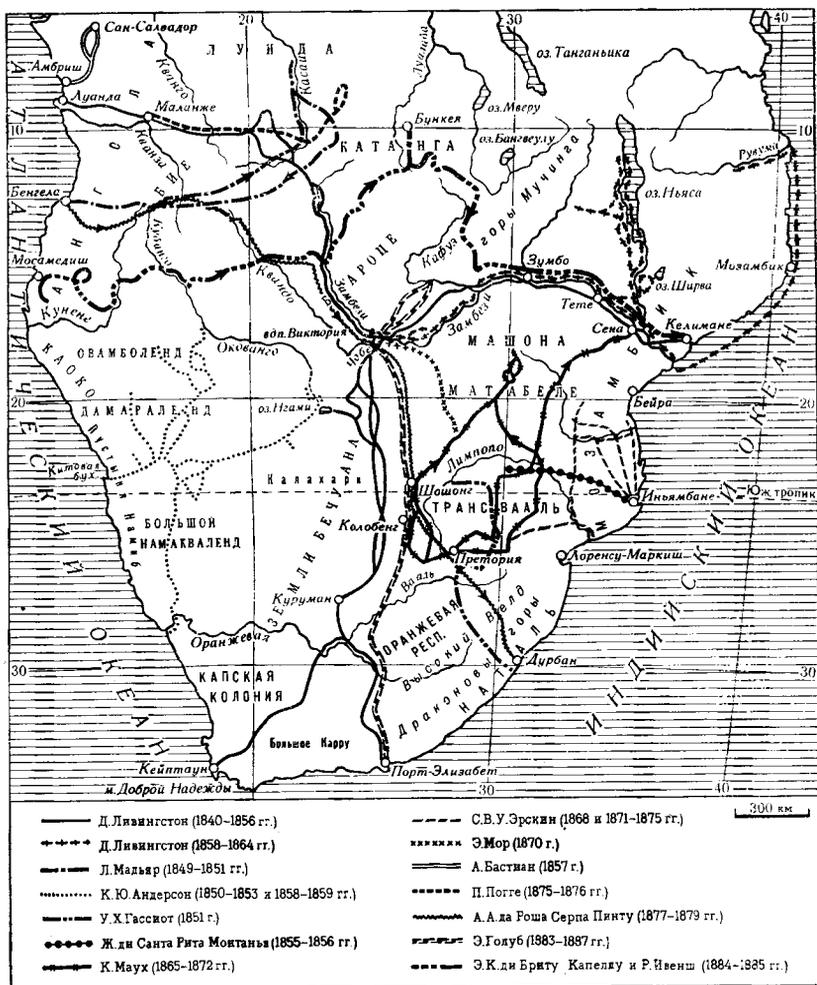
В январе 1859 г. Ливингстон поднялся на «Ма-Роберт» по Шире до порогов в ее среднем течении, которые он назвал именем Мёрчисона, а в марте — апреле, оставив пароход ниже порогов, совершил пешую рекогносцировочную экскурсию вверх по ее долине. Пройдя вдоль реки несколько десятков километров, он свернул на восток, пересек обрамляющее долину Шире с этой стороны одноименное нагорье и 18 апреля 1859 г. открыл не связанное с системой Замбези озеро Ширва с солоноватой водой. Путешественник побывал, правда, только на юго-западном его берегу и не смог составить правильного представления о размерах озера, значительно преувеличив их на своей карте. Результатом этой «вылазки» было также открытие двух горных массивов: Мландже к югу от Ширвы и Зомба — к западу.

Еще более крупным достижением увенчался второй маршрут вверх по долине Шире, проделанный Ливингстоном в августе — сентябре того же года. На этот раз путешественник проследил реку вплоть до ее истока и вышел к озеру Ньяса. «Мы открыли озеро Ньяса немного раньше полудня 16 сентября 1859 г. Его южная оконечность находится на $14^{\circ} 25'$ южной широты и $35^{\circ} 30'$ восточной долготы. В этом месте долина достигает около 12 миль ширины. По обе стороны озера есть горы...»

Открытие Ньясы было открытием вторичным: как мы знаем, за два с половиной столетия до Ливингстона это озеро видел Гашпар Букарру. Однако об этом первопроходце давно забыли. С того времени португальцы не только не пополнили, но и в значительной степени утратили имевшиеся ранее географические знания о территориях, непосредственно прилегающих к их владениям в Мозамбике. Свидетельства очевидца, каким был Букарру, смешались с «античными мифами» и «арабскими сказками», и уже никто не мог с уверенностью сказать, существует ли виденное им большое озеро или нет. Как некий призрак, оно то появлялось, то исчезало с географических карт, и только благодаря Ливингстону заняло наконец на них прочное положение.

В 1860 г. экспедиция прошла вдоль Замбези ее левым берегом от Тете до земель макололо. По дороге путешественник смог более детально осмотреть водопад Виктория. Обратный путь в Тете был проделан большей частью по воде, причем Ливингстону удалось пройти на пироге ущелье Карива (выше места впадения Кафуэ), а затем и пороги Кебрабаса, т. е. наиболее сложные для навигации участки среднего и нижнего течения Замбези; для этого, однако, понадобилось все искусство гребцов. Перспективы использования Замбези как пути для пароходов оказались явно неблагоприятными.

Из Англии прибыли наконец два новых речных парохода — «Пайонир» («Пионер») и «Леди Ньяса». На этих судах Ливингстон в марте 1861 г. и затем в сентябре 1862 г. исследовал впадающую в Индийский океан реку Рувума. Путешественнику

Маршруты важнейших путешествий по Южной Африке второй половины XIX в.

рассказывали, что она якобы вытекает из Ньясы, но эти сведения были ошибочными. Во втором плавании Ливингстон поднялся по Рувуме примерно на 250 км, пока путь пароходу не преградил скалистый порог.

Основным объектом исследований 1861—1863 гг. явилось озеро Ньяса. В августе 1861 г. Ливингстон и его спутники поднялись по Шире на парусной лодке до порогов Мёрчисон, перетаскивали лодку посуху на верхний бьеф реки и в начале сентября вошли в озеро. Путешественники выполнили первые промеры

глубины Ньясы. Максимальная глубина (по современным данным — 706 м) найдена не была, но тот факт, что озеро очень глубоко, выяснился вполне отчетливо: в одной из бухт западного побережья была промерена глубина 183 м, а в открытых водах близ этой бухты для того, чтобы достичь дна, не хватило шнура длиной более 200 м.

Экспедиция точно установила очертания южной части озера, определила его общее строго меридиональное простираение и примерную ширину в средней части, но из-за частых штормов и враждебности местного населения не смогла добраться до северной его оконечности. Дж. Кёрк и Ч. Ливингстон прошли на лодке вдоль западного берега Ньясы приблизительно до $11^{\circ} 20'$ ю. ш., сухопутный же отряд, во главе с самим Д. Ливингстоном, продвинулся на север по тому же берегу на несколько меньшее расстояние. На карте, явившейся результатом экспедиции, озеро заканчивается чуть севернее 11° ю. ш.; Ливингстон не исключал того, что оно простирается до 10° ю. ш., но и в этом случае длина Ньясы оставалась заниженной.

«Озеро казалось окруженным горами, но позднее были обнаружены, что эти красивые высоты, покрытые деревьями, были на западе лишь краями высоких плоскогорий... В том месте, где мы повернули... горы отвесно поднимаются прямо из озера...» Данное Ливингстоном описание впадины Ньясы — Шире и ее обрывистых краев было первой географической характеристикой южной ветви Восточноафриканской рифтовой системы.

Во второй половине 1863 г. Ливингстон еще раз побывал на Ньясе и совершил небольшой маршрут к западу от озера; он пересек плоскогорье, ограничивающее с этой стороны озерную впадину, и достиг водораздела между бассейнами Ньясы — Шире и другого левого притока Замбези — Лвангвы. Английский исследователь получил у местных жителей информацию о гидрографической системе расположенной дальше к северо-западу страны Казембе. Ему рассказали об «озере, называемом Бемба [Бангвеулу]... Из Бемба на запад течет довольно большая река Луапула, или Лоапула, которая затем расширяется в другое, гораздо большее озеро, называющееся Моеро, или Моело. Африканцы решительно опровергли ранее сложившееся у Ливингстона представление о том, что Луапула сливается с Замбези, но и они не могли правильно указать, куда течет эта река; по их мнению, она впадала в озеро Танганьика.

«Нам сказали, что мы находимся всего в десяти днях пути от озера Бемба... Одного месяца или 6 недель хватило бы нам для совершения географического подвига, — но время дождей приближалось. Разные люди предупреждали нас, что дожди на носу и что тогда мы будем окружены болотами и не сможем продолжать путь». Ливингстон решил повернуть назад. Это был последний исследовательский маршрут экспедиции. В феврале

1864 г. Ливингстон покинул устье Замбези и отплыл в Занзибар, оттуда в Бомбей и затем в Лондон.

Практические цели экспедиции достигнуты не были. Как сухоходные пути в глубь материка ни Замбези, ни Рувума надежд Ливингстона не оправдали. От тропических болезней погиб почти весь состав миссий, основанных при содействии Ливингстона на Шире и в Линьянги. Скончалась от лихорадки Мери Ливингстон. За английской экспедицией шли по пятам португальские работорговцы, опустошая новооткрытые районы.

Географические результаты, напротив, были весьма велики. Ливингстон заснял непрослеженные им ранее участки течения Замбези и окончательно доказал, что это та самая река, которая в верховьях известна под названием Лиамбье. На карту были с достаточной точностью положены озеро Ньяса и река Шире, озеро Ширва, нижнее течение Рувумы. Уточнены представления о строении поверхности и четко установлена зависимость распределения сухоходных и порожистых участков рек от особенностей макрорельефа. «Эта часть [Африки]... похожа на шляпу с широкими полями, с немного приплюснутой тульей. В некоторых местах высота края довольно значительна... Пока африканские реки остаются внутри того, что мы можем назвать краями, они не являются препятствием. Но как только они выходят из возвышенностей, их полезность снижается из-за водопадов». Как и в предыдущих путешествиях, был собран ценнейший естественно-исторический и этнографический материал.

О ходе путешествия и его научных итогах повествует «Рассказ об экспедиции на Замбези и ее притоки и об открытии озер Ширва и Ньяса» — книга, написанная Д. Ливингстоном совместно с братом и вышедшая в свет в Лондоне в 1865 г.* Как и все произведения Ливингстона, она проникнута духом гуманизма, теплыми чувствами к африканцам, твердым убеждением в равенстве всех людей независимо от цвета их кожи.

Здесь мы на время расстанемся с замечательным английским путешественником, чтобы рассказать о других исследованиях Южной Африки того же периода — периода, который по праву можно назвать «ливингстоновским». Вновь встретимся с ним мы в следующей главе, где будет рассказано о его последней экспедиции, имевшей результатом открытие верховьев Конго.

Мадьяр в Анголе

В 50-х годах большое внимание географической общественности привлекла деятельность венгерского путешественника Лас-

* В русском переводе — «Путешествие по Замбези». Это была первая книга Ливингстона, с которой познакомился русский читатель (в 1867 г.). Последнее советское издание опубликовано в Москве в 1956 г.

ло Мадьяра, охватившего своими маршрутами значительную часть современной территории Анголы, в том числе область водораздела Касаи — Замбези, пересеченную Ливингстоном в 1854—1855 гг. Мадьяр познакомился с этими районами раньше английского исследователя, но полученные им географические результаты стали известны с некоторым запозданием и рассматривались современниками уже на фоне сообщений Ливингстона, послужив ценным к ним дополнением.

Перед тем как начать составившие ему имя путешествия, Мадьяр окончил мореходное училище в Фиуме и несколько лет служил во флоте — сначала австрийском, затем аргентинском и бразильском. Морские плавания позволили ему посетить различные пункты западного побережья Африки. Во время одного из таких визитов, в 1848 г., он совершил поездку на наемной барке из Амбриша (на севере побережья Анголы) к устью Конго, поднялся вверх по реке до крайнего предела судоходства и отсюда пешком прошел к низвергающемуся с пятиметровой высоты водопаду Упа (очевидно, Йеллала).

Таинственный «Черный континент» настолько заинтересовал молодого венгра, что он решил отказаться от карьеры морского офицера ради поисков приключений и славы первооткрывателя в неизведанных глубинах Африки. В конце 1848 г. Мадьяр вновь прибыл в Анголу и провел в этой части материка все оставшиеся 16 лет своей жизни. В январе 1849 г. он отправился из Бенгелы в глубь страны, в Бие, где вскоре женился на дочери одного из местных вождей; в приданое за ней он получил большое число вооруженных рабов, искусных охотников, которые стали его постоянными спутниками в последующих путешествиях. Первое из них Мадьяр совершил в 1850—1851 гг. Выступив из Бие в восточном направлении, он переправился через Кванзу в ее верхнем течении, двинулся вдоль водораздела Касаи — Замбези, затем вышел к Касаи, следуя более или менее параллельно этой реке, через западные области государства Лунда, проник далеко на север*. На обратном пути он посетил более восточные районы Лунды, пересек область верховьев правого притока Касаи — Лулва, достиг, повернув на запад, озера Дилоло, переправился через правые притоки Замбези — Шефумаге, Лвена и Лунгвебунгу и, двигаясь несколько южнее этой последней реки, вышел к ее водоразделу с Кванзой, а от туда вернулся в Бие.

* Крайней северной точкой маршрута было селение на берегу Касаи, которое Мадьяр называет Йа-Килем. Указанные им координаты этого пункта (4°41' ю. ш., 23°43' в. д.) явно неправильны, и определить его точное местоположение не представляется возможным. На десятилистной карте внутренней Африки А. Петерманна и Б. Хассенштейна 1863 г. он отодвинут по сравнению с данными Мадьяра на 1°50' к югу и 2°20' к западу, что примерно соответствует району впадения в Касаи ее левых притоков Лвембе, Лвашимо и Чикапа.

В 1852 г. венгерский путешественник предпринял новую экспедицию, на этот раз на юг от Бие, в область среднего течения Кунене; переправившись затем через эту, по его словам, «еще столь малоизвестную величественную реку, которая, превосходя по ширине нашу Тису, спокойно катит свои светлые волны», он посетил безводные равнины на ее левобережье, т. е. коснулся северо-западной окраины Калахари. В 1853 г. Мадьяр по поручению португальских колониальных властей снова бывал на Кунене, проследив значительный отрезок ее течения.

Здоровье его к тому времени было уже сильно подорвано. В письме к отцу в Венгрию, датированном 25 декабря 1853 г., Мадьяр жалуется, что от болезней выглядит шестидесятилетним стариком (ему было тогда 36). Тем не менее он продолжал свои путешествия, хотя маршруты их большей частью остались неизвестными. Исключение составляет экспедиция 1855 г., в ходе которой он еще раз посетил бассейны рек Лунгвебунгу и Авены. В одном из его писем упоминается также, что он спустился по реке Кубанго до Индирико (Дирико — на наших картах).

Вспыхнувшие в Бие междоусобные распри заставили путешественника в 1857 г. переселиться вместе с семьей на побережье. Обосновавшись в качестве торговца в бухте Лусира, между Бенгелой и Мосамедишем, он не прекращал в то же время своей исследовательской деятельности и за несколько лет основательно познакомился с южными приморскими районами Анголы. В 1858 г. Мадьяр прислал в Венгерскую Академию наук рукопись первого тома своих трудов; это сочинение, под заглавием «Путешествия по Южной Африке с 1849 по 1857 год», было опубликовано в 1859 г. в Пеште и Лейпциге на венгерском и немецком языках. Второй том так и не был получен. Письменные сообщения от Мадьяра, и без того редкие, через несколько лет вообще перестали поступать. Значительно позже стало известно, что в ноябре 1864 г., в возрасте 47 лет, он умер в Домби-Гранди близ Бенгелы.

Книга Мадьяра и его письма, публиковавшиеся по мере их получения в «Сообщениях Петерманна», содержат помимо богатых этнографических и этногеографических материалов много сведений по физической географии, в особенности же гидрографии исследованных им территорий. Подводя в конце 1853 г. итоги первого (и основного) этапа своих путешествий, Мадьяр утверждал: «Я исследовал 26 могучих рек, определил, большей частью астрономически, и описал их истоки и течение». Следует, однако, заметить, что как раз «астрономические определения» являются самым слабым местом работ Мадьяра; скорее всего, у него вообще не было с собой инструментов для астрономических наблюдений, координаты же различных пунктов своих маршрутов он находил счислением, что при неизбежных

в условиях африканского бездорожья ошибках в оценке расстояний привело во многих случаях к совершенно неверным результатам. Именно это обстоятельство вызвало некоторое разочарование картографов, современников Мадьяра. Оно же, по-видимому, породило бытующее в литературе по истории исследования Африки несколько скептическое отношение к географическим заслугам венгерского путешественника. «Мадьяр,— пишет Дж. Бейкер,— познакомился с многими, до того никем из европейцев не виданными странами, но те географические сведения, что он собрал, никак не соответствовали размерам территорий, охваченных его путешествиями»*. Необходимо вместе с тем иметь в виду, что то же может быть сказано и о многих других пионерах — исследователях Африки, в ряду которых Мадьяр, несомненно, занимает достойное место.

При всех оговорках относительно недостаточной точности данных Мадьяра с чисто картографической точки зрения следует признать, что общая картина гидрографии внутренних районов современной Анголы была нарисована им принципиально верно. Наиболее полное представление его труды дают об области водораздела Кванзы — Касаи — Замбези, обследованной им практически на всем протяжении с запада на восток (тогда как Ливингстон пересекал водораздел Касаи — Замбези только в одном месте). Подчеркивая значение этой территории как важнейшего орогидрографического узла, Мадьяр образно называл ее «матерью южноафриканских вод». На его карте без сколько-нибудь существенных ошибок показана речная сеть правобережного бассейна верхней Замбези, в особенности системы рек Лвена и Лунгвевунгу, о которых раньше имелись лишь смутные и противоречивые сведения. Конфигурация верхнего течения Касаи, по Мадьяру, близка к той, какую дает Ливингстон, хотя и отличается от нее в деталях (причем в одних случаях ближе к истине был английский, в других — венгерский исследователь).

Вполне соответствуют действительности в основных своих чертах и его данные о гидрографии Южной Анголы. «Две прекрасные реки, Ку-нене и Ку-банго, берут начало на плоскогорье Галанге, между 13 и 14° ю. ш., недалеко одна от другой; первая на протяжении двух третей своего течения сохраняет южное направление, затем поворачивает на запад и впадает в Атлантический океан. Вторая мощная река принимает сразу же юго-восточное направление и до области Мукурсу (Либебе) известна под названием Кубанго, далее же именуется Тиудже и вливается в озеро Нгами». Правда, сообщение Мадьяра о тождественности Кубанго и Тиудже (Таохе — на

* Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований. М., 1950, стр. 393.

наших картах) не основано на его личных наблюдениях (в другом месте он говорит, что не мог узнать о нижнем течении Кубанго ничего определенного) и представляет собой просто правильный вывод, который он сделал, узнав об открытиях Ливингстона. Так или иначе уже одно только установление того факта, что Кубанго — большая гидрографическая артерия, не имеющая связи с Кунене, было важным географическим достижением: на картах того времени эта река либо отсутствовала вообще, либо значилась лишь как незначительный левый приток Кунене. Мадьяр упоминает также о крупном левом притоке Кубанго — Кунту (Квито) и о протекающей несколько восточнее еще одной большой реке — Куандо (Квандо), которую он справедливо отождествлял с открытым Ливингстоном притоком Замбези — Чобе.

Есть, однако, в информации Мадьяра и ошибки, касающиеся тех районов, в которых он сам не бывал и о которых мог судить только на основании далеко не всегда надежных распросных данных. Из них мы остановимся на одной, наиболее существенной — относительно течения Касаи за пределами обследованной им территории. Первоначально у венгерского путешественника сложилось впечатление, что эта река течет в Индийский океан; возможно, его информаторы смешивали ее с Замбези. В более поздних своих сообщениях Мадьяр проводит четкое различие между системами Касаи (в его написании — Касаби) и Замбези (Рьямбеджи), но при этом в отличие от Ливингстона не связывает Касаи с Конго. «Касаби, — утверждает он, — которая... пересекает страну Джоккоз* с запада на восток... затем плавно поворачивает на север, а еще ниже снова принимает восточное направление и, как я узнал от туземцев, в своем нижнем течении достигает ширины в несколько миль... Я имею основания полагать, что большую ширину она приобретает там, где соприкасается с обширным озером Моува, или Уанья». В другом месте Мадьяр называет озеро, в которое якобы впадает Касаи, «Ньянья»; в этом названии ясно слышится восточноафриканский гидроним «Ньянза»**. Те сведения, какие он смог собрать об этом озере — в частности то, что оно находится в стране Казембе и что в него впадает также река Луапула, — позволяют думать, что речь идет об озере Мверу; не исключено, впрочем, что в образе этой «Ньяни» фактически были слиты черты нескольких больших озер Восточной Африки. В любом случае, разумеется, сообщения Мадьяра о восточном направлении стока Ка-

* Имеется в виду область расселения народа чокве (вачокве).

** Сходное название — «Инья-нья» — упоминается Мадьяром также применительно к некоему болоту, расположенному будто бы под 5—6° ю. ш. и 25—26° в. д. и дающему начало Заиру (Конго).

саи были принципиально неверны. Между тем они оказали определенное влияние на эволюцию географических карт Африки* и в дальнейшем, как мы увидим, привлекались в качестве аргумента в несколько неожиданном контексте — в дискуссии по проблеме истоков Нила.

Прочие исследования Анголы в 50—60-х годах

Еще раньше Мадьяра на центральном плоскогорье Анголы, в Бие, обосновались португальцы и португальские мулаты с побережья, промышлявшие торговлей слоновой костью и особенно невольниками; в своих торговых путешествиях они нередко проникали далеко в глубь материка, вплоть до верхнего и даже среднего течения Замбези. Большинство таких «пионеров цивилизации», зачастую неграмотных или малограмотных, ничем не обогатило географическую науку; все же некоторые из них, вероятно, время от времени доставляли колониальным властям Анголы кое-какую информацию о глубинных районах, которая затем использовалась португальскими картографами. Среди этой малопочтенной публики наибольшую известность получил португальский купец и колониальный чиновник Антониу Франсишку Феррейра да Силва Порту, появившийся в Анголе еще в конце 30-х годов. Он один из первых проложил торговый путь от Бенгелы через Бие к верховьям Замбези и умер в Бие в преклонном возрасте в 1890 г. С его именем принято связывать второе (после «помбейруш») пересечение Африки от одного океана до другого. По сообщению английского географа Дж. Мак-Куина, впервые оповестившего ученый мир об этом путешествии**, Силва Порту проделал его в 1852—1854 гг. в обществе нескольких арабских купцов из Занзибара, которые возвращались на восточное побережье материка из большой торговой экспедиции, приведшей их в Анголу. Переправившись через Замбези ниже места впадения Кабомпо, путешественники двинулись на восток более или менее параллельно среднему течению Замбези (но значительно севернее этой реки), вышли к долине Шире, проследовали между озерами Ньяса и Ширва (не увидев ни того, ни другого) и в конце концов достигли мыса Делгаду близ устья Рувумы. Никаких съемок на этом пути не

* На карте Г. Киперта 1855 г. «Касаби», поворачивая на восток и далее на юго-восток, продолжается притоком Замбези — Кабомпо (который, как уже говорилось, считался Ливингстоном главной ветвью великой южноафриканской реки). На карте Дж. Мак-Куина 1857 г. «Касаби» протекает через озеро Танганьика (известное тогда лишь понаслышке) и, выходя из него, продолжается рекой «Луфия, или Луфиджи» (Руфиджи), впадающей в Индийский океан.

** В «Журнале Королевского Географического общества» в 1860 г.

велось, так что маршрут Силва Порту был положен Мак-Куином на карту лишь очень приблизительно. Подлинность самого этого трансафриканского путешествия никогда не вызывала сомнений, но существуют сомнения относительно лица, его совершившего: в литературе приводились свидетельства того, что Силва Порту дошел с арабами только до верховьев Замбези, дальнейший же путь проделал вместе с ними его доверенный слуга-африканец. Так или иначе это путешествие «осталось географически почти бесплодным»*; единственным заслуживающим упоминания результатом его явились некоторые сведения о бассейнах левых притоков Замбези — Лознге (Кафуэ) и Лвангвы и населяющих их народах.

В те же годы португальские колониальные власти проявили повышенный интерес к реке Кунене, рассматривая ее как возможный путь проникновения в глубь континента. К исследованию этой крупной водной артерии, как уже говорилось, был привлечен Мадьяр, который дал правильные сведения об общей конфигурации течения реки, но не побывал в ее низовьях и считал, что она впадает в Атлантический океан между 18 и 19° ю. ш., т. е. примерно на 1—2° южнее, чем в действительности. Эту ошибку окончательно устранил португальский офицер Фернанду да Кошта Лиал, побывавший в 1854 г. в устье Кунене и проследивший реку на тридцать с лишним километров вверх по течению. Устье ее оказалось перегороженным песчаным баром, а сама река — изобилующей порогами и потому совершенно непригодной для судоходства**.

Крупный вклад в изучение природы природы Анголы внес австрийский ботаник Фридрих Вельвич, работавший здесь по поручению португальского правительства в 1853—1860 гг. Его маршруты не выходили за пределы уже достаточно хорошо известных прибрежных районов и не привели к каким-либо географическим открытиям; зато он основательно познакомился с флорой посещенной им территории и, между прочим, наметил ее фитогеографическое районирование (один из первых опытов работ такого рода в Тропической Африке). Самым выдающимся научным достижением Вельвича было открытие им на юге побережья Анголы замечательного реликтового голосемянного растения, которое было названо в его честь вельвичией.

В 1857 г. немецкий этнограф Адольф Бастиан совершил путешествие из Амбриша в Сан-Салвадор — столицу некогда могущественного, но уже давно пришедшего в упадок государства Конго. Это сравнительно небольшое по масштабам исследовательское предприятие ознаменовалось тем не менее важны-

* Ф. Ган. Африка. СПб., 1903, стр. 34.

** Отчет Кошта Лиала был помещен в «Сообщениях Петерманна» в 1858 г.

ми научными результатами, причем не только этнографическими, но и географическими, позволив внести существенные коррективы и дополнения в карты этого района*.

Определенной сводкой географических знаний об Анголе к началу 60-х годов явилась большая карта этой страны, изданная в Лиссабоне в 1863 г. за двумя подписями: португальского государственного деятеля Бернарду да Са да Бандейра и уже упоминавшегося нами Фернанду да Кошта Лиала; при ее составлении авторы наряду с общедоступными источниками использовали, по-видимому, некоторые неопубликованные материалы Мадьяра, Силва Порту и других путешественников. Из других относящихся к тому же периоду источников сведений об Анголе заслуживает упоминания книга Франсишку Травассуша Валдиша «Шесть лет жизни путешественника в Западной Африке», опубликованная в Лондоне в 1861 г.

Более поздние (70-х годов) исследования территории Анголы тесно связаны с проникновением европейцев в бассейн Конго и рассматриваются нами в следующей главе.

Исследования западной половины Южной Африки (включая Калахари) в 50—70-х годах: Андерсон и др.

«Один сопровождавший нас торговец, — рассказывает Ливингстон о своем путешествии к озеру Нгами в 1849 г., — покупал тогда слоновую кость; он брал десять крупных клыков за мушкет, стоивший 30 шиллингов». Не удивительно, что, когда до Капской колонии дошли вести о богатых охотничьих угодьях вокруг озера Нгами и тем более о возможности столь выгодных торговых сделок с тамошним населением, на это озеро устремилось немало профессионалов-охотников и купцов. С другой стороны, открытия Ливингстона послужили толчком к организации новых экспедиций научно-исследовательского характера. Общим итогом всех этих предприятий явилось быстрое расширение географических знаний о внутренних областях Южной Африки.

Уже в 1850 г. в Африку, к озеру Нгами, отправились английский путешественник и писатель Фрэнсис Гэлтон и молодой шведский натуралист Карл Юхан Андерсон. Они решили попытаться проникнуть в глубь Южной Африки с западного побережья; при этом представлялась возможность опереться на основанные незадолго перед тем (в 1848 г.) станции немецких протестантских миссионеров («Рейнского миссионерского обще-

* Описание своего путешествия Бастиан дал в книге «Посещение Сан-Салвадора, столицы королевства Конго» (Бремен, 1859).

ства») в Дамараленде. Двинувшись в сентябре 1850 г. от Китовой бухты вверх по долине реки Свакоп, путешественники прибыли на миссионерскую станцию Очимбингве в среднем течении этой реки и совершили небольшую исследовательскую экскурсию в возвышающиеся к северо-западу отсюда горы Эрэнго. В дальнейшем они проникли на север Дамараленда и обследовали район горы Оматако. Продолжая двигаться на север, а затем на северо-запад, вдоль подножия безводного карстового плато Отави, Гэлтон и Андерсон открыли обширную бессточную солончаковую впадину Этоша, превращающуюся во время особенно обильных дождей в большой мелководный водоем, и первыми из европейцев посетили расположенную к северу от нее страну народа овамбо (Овамболенд). В крайнем северном пункте своего маршрута они находились, по собранным ими сведениям, лишь в четырех-пяти днях пути от реки Кунене. На обратном пути Гэлтон и Андерсон проследили на значительном протяжении «омурамбу» (сухое русло, заполняющееся водой во время дождей) Оматако.

После посещения Овамболенда путешественники попытались осуществить свой первоначальный замысел — проникнуть к озеру Нгами, но потерпели в этом неудачу из-за полной невозможности достать воды: лежавшие на их пути районы были поражены сильнейшей засухой, и все колодцы иссякли. Повернув назад от колодцев Тунобис (современный Ритфонтейн), они возвратились в начале декабря 1851 г. в Китовую бухту, откуда Гэлтон месяцем позже отплыл в Европу. В 1853 г. он опубликовал в Лондоне описание своего путешествия под заглавием «Рассказ исследователя Тропической Южной Африки». Результаты этой экспедиции были более скромными, чем те, каких к тому времени добился Ливингстон, но тоже значительными. Как говорилось о ней впоследствии в «Сообщениях Петерманна», «съёмка маршрутов, астрономические определения координат, измерения высот, обильные естественноисторические и этнографические наблюдения пролили яркий свет на обширную область, бывшую до того совершенно неизвестной».

Андерсон после отъезда Гэлтона начал готовиться к новой попытке достичь озера Нгами. Чтобы приобрести нужное для этого снаряжение, он вложил все свои средства в закупку скота, лично перегнал его из Дамараленда в Капскую колонию и там выгодно перепродал. Это торговое путешествие, совершенное им в 1852 г., значительно обогатило географические знания о Большом Намакваленде, который он пересек с севера на юг западнее Грейт-Фиш-Ривер (Большой рыбной реки). Вернувшись морем в январе следующего года в Китовую бухту со всем необходимым для экспедиции, Андерсон приступил к осуществлению своего плана, на этот раз увенчавшегося полным успехом: он не только посетил озеро Нгами, но проехал по нему на

пироге и составил первую карту всего озера (напомним, что Ливингстон видел только часть его), а также проследил нижнее течение впадающей в него реки Таохе. Им были собраны богатые зоологические коллекции. По возвращении в Европу в 1854 г. Андерсон подготовил и выпустил в свет двухтомный труд «Озеро Нгами» (Лондон, 1855), явившийся, с одной стороны, ценным дополнением к книге Гэлтона (поскольку в нем было описано и их совместное путешествие), с другой же — имевший большое самостоятельное значение; наряду с географическими описаниями и картами особый интерес для его современников представили содержащиеся в книге картины богатого животного мира Южной Африки.

Еще до Андерсона озеро Нгами и низовья Таохе начали посещать, как уже говорилось, охотники и торговцы слоновой костью из Капской колонии, использовавшие чаще всего проторенный Ливингстоном путь через северо-восточную окраину Калахари. Особого упоминания заслуживает английский торговец Дж. Мак-Кейб, первым из европейцев объехавший озеро Нгами кругом. Путешествие его (в 1852 г.) выделяется в ряду других своей необычной трассой: ему впервые удалось пересечь Калахари из конца в конец в центральной ее части, не встречая в течение более чем трех недель никаких источников воды. Прodelать это он смог благодаря выдавшемуся после обильных дождей богатому урожаю диких арбузов, соком которых и утоляли жажду люди и животные его каравана. В том же году далеко в глубь Калахари проникли с юга, от верховьев реки Молопо, англичане Шелли и Орпен. Однако оба этих «калахарских» маршрута почти ничем не обогатили географию.

В 1854 г. в Китовую бухту прибыл уже много путешествовавший по Южной Африке шведский ученый-натуралист Юхан Август Вальберг. На следующий год он предпринял вместе с английским охотником Фредериком Грином путешествие к озеру Нгами, воспользовавшись той же дорогой, что и Андерсон. Вальбергу и Грину удалось подняться по Таохе до селения Либебе (близ современной границы между Намибией и Анголой). Эта экспедиция окончилась для Вальберга трагически: в марте 1856 г. он погиб на охоте, растоптанный слоном.

В 1857 г. миссионеры «Рейнского общества» Гуго Ган и Рат в сопровождении того же Грина совершили поездку из Дамараленда в Овамболенд; они мало что добавили к картографическим данным Гэлтона и Андерсона, но все же проследили «омурамбу» Оматако несколько дальше на северо-восток, а также открыли и обследовали «омурамбу» Овамбо, заканчивающуюся в солончаках Этоша. Они имели намерение также проникнуть к Кунене, но это им не удалось*.

* Описание этого путешествия было помещено в «Сообщениях Петерманна» в 1859 г.

Дальнейшие исследования северной части современной Намибии тесно связаны с новыми попытками достичь Кунене с юга и юго-востока. Следующую такую попытку, тоже неудачную, предпринял в 1858 г. К. Ю. Андерсон: из района миссионерских станций в долине Свакопа он двинулся на северо-северо-запад через западную часть Дамараленда и еще совершенно неизвестное европейцам полупустынное плоскогорье Каоко, но, достигнув 19° ю. ш., вынужден был из-за отсутствия воды повернуть назад. В январе 1859 г. он отправился в новое путешествие, также имевшее целью достичь Кунене, но приведшее его (в марте того же года) к совсем другой большой реке — Окаванго (Окованго), текущей на юго-восток. На берегах Окаванго Андерсон и большинство его спутников-африканцев заболели лихорадкой и задержались там до наступления сухого сезона, оказавшись отрезанными от Дамараленда полным безводьем; к счастью, на выручку шведскому исследователю пришел узнавший о его бедственном положении Ф. Грин, вместе с которым Андерсон и вернулся в Дамараленд. Свои путешествия 1858—1859 гг. он описал в книге «Река Окаванго», вышедшей в свет в Лондоне в 1861 г. В дальнейшем Андерсон поселился в Дамараленде в качестве торговца слоновой костью, а потом перебрался в Кейптаун, где занялся обработкой материалов своих многолетних наблюдений над птицами Юго-Западной Африки.

Открытая Андерсоном (и впоследствии посещавшаяся Грином в его охотничьих экскурсиях) река Окаванго была сразу же справедливо отождествлена географами с Кубанго, исследованной в верхнем течении Мадьяром. Тогда же было высказано правильное предположение, что это та самая река, которая вливается под названием Таохе в озеро Нгами (таких взглядов, как мы уже видели, придерживался, в частности, Мадьяр). Однако уверенности в этом не было, и многие составители карт предпочитали «заворачивать» Кубанго (Окаванго) на запад, во впадину Этоша, считая ее верховьем «омурамбы» Овамбо.

Река Кунене, до которой тщетно пытался дойти Андерсон, была впервые достигнута с юга (через плоскогорье Каоко) в 1864 г. англичанином Сметсом. Два следующих успешных путешествия к Кунене совершили Ф. Грин в 1865 г. и Г. Ган в 1866 г.; обе экспедиции проникли к Кунене из Овамболенда, но вышли к реке в различных пунктах ее течения. Вслед за ними на Кунене вновь отправился Андерсон, вернувшийся в Дамараленд в 1866 г. Экспедиция эта оказалась для Андерсона последней: хотя ему и удалось посетить давно привлекавшую его внимание реку, но на обратном пути, 5 июля 1867 г., он умер от дизентерии.

Среди южноафриканских охотников и торговцев, современников Андерсона, выделяется наряду с Грином англичанин

Джеймс Чепмен, пользовавшийся одно время известностью «лучшего после Ливингстона знатока Южной Африки». Начав свою деятельность в 40-х годах в Натале, он впоследствии значительно расширил ее территориальный охват и в первой половине 50-х годов много путешествовал по северо-восточной окраине Калахари, причем впервые установил общую конфигурацию солончаков Макарикари. В 1855 г. Чепмен проследовал от озера Нгами к Китовой бухте, завершив, таким образом, пересечение Южной Африки от Индийского океана до Атлантического. Еще одно большое путешествие он совершил в 1860—1863 гг., пройдя из Китовой бухты к озеру Нгами и далее к водопаду Виктория на Замбези; его сопровождал другой английский путешественник, художник Томас Бейнс*, который описал эту экспедицию в книге «Исследования в Юго-Западной Африке», изданной в Лондоне в 1864 г. Четырьмя годами позже там же была опубликована двухтомная работа самого Чепмена — «Путешествия по внутренности Южной Африки», подводящая итоги его многолетних странствований и содержащая много ценных географических (в том числе данные измерений высот) и естественно-исторических сведений.

Очень важный с картографической точки зрения вклад в изучение периферических районов Калахари и соседних территорий, главным образом в пределах современной Ботсваны, внес английский инженер А. Эндерсон, занимавшийся здесь в 1864—1880 гг. систематической топографической съемкой; результаты его работ стали общедоступными только в 1884 г.**

На территории современной Намибии некоторую исследовательскую активность проявили в 70-х годах миссионеры «Рейнского общества»; наиболее ценных результатов добились двое из них — Й. Бём и Ф. Бернсмани, закартировавшие в 1877 г. значительную часть плоскогорья Каоко. Ряд новых сведений о Дамараленде и Большом Намакваленде доставил эмиссар британских властей в Капской колонии У. Котс Палгрэйв, объездивший эти территории в 1876 г.

Исследования Трансвааля и междуречья Замбези — Лимпопо в 50—70-х годах: Маух и др.

«В 1852 г. Англия пошла на признание независимости буров, ушедших за р. Вааль; это были территории, настолько далеко отстоящие от Капской колонии, что принудить ушедших

* До того он принимал участие в экспедиции Ливингстона на Замбези 1858 г. (на первом этапе ее деятельности).

** В этом году в «Трудах Королевского Географического общества» была опубликована составленная им обзорная карта Южной Африки масштаба 1:3 600 000.

туда переселенцев к повиновению все равно было практически невозможно»*. Несколько сложившихся в этом районе бурских республик вскоре объединились в одну Южно-Африканскую Республику, более известную под названием Трансвааль. В 1854 г. признания своей независимости добились от британских властей и буры, поселившиеся в междуречье Оранжевой и Вааля, и в том же году здесь была провозглашена республика Оранжевое Свободное государство. Обе республики просуществовали, как известно, до англо-бурской войны 1899—1902 гг.

В начале 50-х годов передовая линия поселений трансваальских буров находилась в районе гор Саутпансберг, непосредственно к югу от среднего течения Лимпопо. К этому времени бурские колонисты были, очевидно, уже достаточно хорошо знакомы со всей областью южноафриканских велдов от Оранжевой до Лимпопо, но знания их лишь в незначительной степени стали достоянием географической науки. Поэтому немаловажное значение имело путешествие англичанина У. Х. Гассиота, который, пытаясь в числе других достичь озера Нгами (что ему не удалось), прошел в 1851 г. от Дурбана (в Натале) через Драконовы горы к верховьям Вааля, оттуда к верховьям Слоновой реки (Олифантс) и, наконец, к верховьям Лимпопо; он, таким образом, пересек всю территорию Трансвааля, и сообщение о его экспедиции, помещенное в 1852 г. в «Журнале Королевского Географического общества», значительно пополнило сведения об этой малоизвестной области.

Дальнейшему продвижению буров на север препятствовал сложившийся в междуречье Замбези — Лимпопо военный союз матабеле. Эта часть зулусских племен во главе с Моселекатсе (Мсиликази) еще в 20-х годах XIX в. переселилась из Натала на территорию современного Трансвааля, позднее же, на рубеже 30—40-х годов, была после кровопролитной войны вытеснена отсюда бурами за Лимпопо, где прочно обосновалась, подчинив себе или обложив данью коренное население этих мест — машона. Первым европейцем, проникшим в область расселения матабеле, был, насколько известно, английский миссионер Роберт Моффат: в 1854 г. он выехал из Курумана в Шошонг в земле бамангватто, пересек, двигаясь в северо-восточном направлении, ряд левых притоков Лимпопо, перевалил водораздельную гряду гранитных холмов Матопо и посетил инкоси (верховного вождя) матабеле — Моселекатсе в его краале, расположенном в районе истоков реки Гвай — правого притока Замбези (недалеко от современного Булавайо). Моффат пытался также проникнуть отсюда к Замбези, но из-за отсутствия воды и зараженности местности мухой цеце вынужден был повернуть назад уже от верховьев реки Ната (тогда она была сочтена

* «История Африки в XIX — начале XX в.». М., 1967, стр. 181.

тоже одним из притоков Замбези, в действительности же заканчивается в бессточной впадине Макарикари)*. Переговоры Моффата с Моселекатсе привели к основанию первой в междуречье Замбези — Лимпопо миссионерской станции в Иньяти, к северо-западу от Маклокотлоло, резиденции инкосо. В дальнейшем право посещать страну матабеле получили некоторые европейские охотники и торговцы, сумевшие установить дружественные отношения с Моселекатсе; они, по всей вероятности, составили себе довольно хорошее представление о значительной части междуречья, но на географических картах эта обширная территория, за исключением узкой полосы вдоль маршрута Моффата, оставалась сплошным «белым пятном» вплоть до второй половины 60-х годов.

Пионером научного исследования междуречья Замбези — Лимпопо был немецкий географ, школьный учитель по профессии Карл Маух. Прибыв в 1865 г. из Наталя в трансваальский городок Почефстром (на одном из правых притоков Вааля), он начал свою исследовательскую деятельность с того, что исколесил менее чем за год почти всю территорию Трансвааля и уже к марту 1866 г. составил первую достаточно полную и детальную карту республики; она была затем обработана и дополнена двумя другими проживавшими в Трансваале немцами — миссионером А. Меренским и журналистом Ф. Йеппе — и впоследствии опубликована в Готе.

С мая 1866 по январь 1867 г. Маух, примкнув к экспедиции английского охотника Хартли в страну матабеле, совершил свое первое большое путешествие: следуя примерно тем же путем, что и Моффат, он достиг Маклокотлоло и Иньяти и отсюда проник дальше на северо-восток, в населенную машона область верховьев впадающей в Замбези реки Умниати и ее притока Умфули. Научными результатами этого путешествия явились не только весьма тщательные маршрутные съемки, но и первое компетентное геолого-географическое описание междуречья Замбези — Лимпопо; было установлено, в частности, что водораздел между этими реками образован не горами, а широким кряжем с выровненной вершинной поверхностью (плато Матабеле). Маух собрал богатые естественно исторические коллекции, продажа которых и давала ему средства к существованию (в дальнейшем, кроме того, некоторая денежная сумма была собрана в его пользу по подписке в Германии).

В марте — декабре 1867 г. Маух вместе с Хартли вновь посетил те же места, продвинувшись на этот раз немного дальше на север. Особое внимание он уделил геологическим исследованиям (на присланной им в Европу рукописной карте его

* Описание этого путешествия было опубликовано в «Журнале Королевского Географического общества» в 1856 г.

маршрут положен на геолого-литологический цветной фон). Ему удалось обнаружить древние золотые рудники в стране машона; другая группа месторождений золота была открыта им на реке Тати, впадающей в Шаши, левый приток Лимпопо.

В мае 1868 г. Маух, который до сих пор зависел в выборе своих маршрутов от Хартли, предпринял самостоятельное путешествие в область междуречья Замбези — Лимпопо: отправившись из Почефстрома в Преторию и далее на восток в Лейденбург, он пересек затем с юга на север восточную часть Трансвааля, переправился через Лимпопо и по долине ее левого притока Буби вышел к границам страны матабеле; здесь он сначала по недоразумению был взят в плен одним из их сторожевых отрядов, но вскоре отпущен и в октябре благополучно прибыл на миссионерскую станцию Иньяти. Неустойчивая обстановка в стране, вызванная смертью Моселекатсе, сорвала намеченный Маухом план путешествия на север, к Замбези; он ограничился тем, что в январе 1869 г. еще раз побывал в области истоков Умниати, после чего вернулся в Трансвааль.

Следующие два года Маух провел в сравнительно непродолжительных поездках по Трансваалю и соседним районам. В 1871—1872 гг. он совершил свое последнее большое путешествие, в ходе которого проник из горного района Саутпансберг за Лимпопо и первым из европейцев пересек все междуречье Замбези — Лимпопо в восточной его части, выйдя в конце концов к нижнему течению Замбези у Сены. Помимо богатых картографических, физико-географических и геологических материалов эта экспедиция доставила первые сведения о Большом Зимбабве — грандиозном археологическом комплексе на юго-востоке современной Южной Родезии, открытом охотником Адамом Рендерсом в 1868 г. и посещенном Маухом (который увидел в нем руины библейского Офира) в 1871 г.

Вернувшись наконец в Германию после семи с лишним лет безвыездного пребывания в Африке, Маух подготовил и опубликовал в 1874 г. обзор своих путешествий (в приложениях к «Сообщениям Петерманна»). В апреле 1875 г. этот выдающийся немецкий исследователь стал у себя на родине жертвой несчастного случая и умер, не дожив и до 38 лет.

Открытие Маухом золотоносных полей вызвало первую в истории Южной Африки вспышку «золотой лихорадки». Междуречье Замбези — Лимпопо привлекло в те годы внимание не только многочисленных авантюристов, но и некоторых путешественников-исследователей, внесших заметный вклад в географическое изучение современной Южной Родезии.

В 1869 г. из Наталя в Трансвааль и далее к только что возникшим золотым приискам Тати отправился бывалый немецкий путешественник Эдуард Мор в сопровождении своего соотечественника, горного инженера Адольфа Хюбнера. Основ-

ной задачей, поставленной перед собой Мором, было астрономическое определение координат возможно большего числа пунктов с целью обеспечить прочную основу для карт Трансваала и соседних территорий. Он намеревался также проникнуть из страны матабеле к Замбези. Первая попытка сделать это, следуя вдоль реки Гвай (в ноябре 1869 г.), закончилась неудачей ввиду наступления сезона дождей. В следующем году Мор достиг своей цели: двинувшись из района приисков вверх по долине Тати, он пересек далее бассейн реки Ната (причем выяснил, что она принадлежит к гидрографической системе Макарикари) и вышел к низовьям Гвай, а затем к Замбези; крайним пунктом маршрута был водопад Виктория. В конце 1870 г. путешественник вернулся в Наталь и оттуда отбыл в Европу. В 1875 г. в Лейпциге вышла в свет его книга «К водопадам Виктория на Замбези» (в двух томах). Еще раньше стали достоянием науки данные его многочисленных астрономических наблюдений и тщательных маршрутных съемок. Немалое научное значение имели геологические наблюдения и съемки Хюбнера.

Мор был не первым европейцем, достигшим среднего течения Замбези с юго-востока; это было сделано в 1867 г. (несколько более восточным путем, через область правых притоков Гвай — Бембеси и Шангани) английским миссионером Т. М. Томасом со станции Иньяти.

С 1869 г. и до своей кончины в мае 1875 г. в области междуречья Замбези — Лимпопо работал Томас Бейнс, занимавшийся в основном поисками месторождений золота; его весьма точные маршрутные съемки послужили ценным дополнением к картографическим данным Мауха и Мора*. Меньшее значение имела исследовательская деятельность молодого английского естествоиспытателя Фрэнка Отса, который совершил в 1873—1875 гг. путешествие из Наталья к золотым приискам Тати и в Иньяти, а затем подобно Морю достиг водопада Виктория, но умер на обратном пути**.

Мы не останавливаемся здесь на очень многочисленных путешествиях 50—70-х годов по Капской колонии, Наталю и соседним территориям, которые к тому времени либо были уже охвачены, либо начали охватываться систематическими детальными топографическими съемками и во всяком случае никак уже не могли считаться неисследованными. Отметим как особо важную в научном отношении (хотя большей частью далекую от географии) многолетнюю деятельность немецкого лингвиста Вильгельма Генриха Эммануэля Блека, в 1855—1856 гг. путе-

* Дневник его последнего путешествия опубликован посмертно под заглавием «Золотоносные районы Юго-Восточной Африки» (Лондон, 1877).

** Посмертно опубликована его книга «Страна Матабеле и водопады Виктория» (Лондон, 1881).

шествовавшего по Наталу, а затем поселившегося в Кейптауне, где он жил до самой смерти (в 1875 г.), занимаясь изучением южноафриканских языков. Специального упоминания заслуживает также совершенное в 1863—1866 гг. немецким зоологом и антропологом Густавом Теодором Фричем путешествие по южноафриканским владениям Великобритании, Оранжевому Свободному государству и стране бечуанов; основным научным результатом этой экспедиции явился фундаментальный труд Фрича о коренном населении Южной Африки*.

Проблема Лимпопо и ее решение Эрскином

Одной из важнейших проблем географии Южной Африки в середине XIX в. была проблема Лимпопо. С верховьями этой большой реки европейцы познакомились еще в начале столетия, устье же ее долго оставалось неизвестным. «Почти каждая из более значительных береговых рек между бухтой Делагоа и рекою Саби, одна за другой, ставились в связь с Лимпопо»**.

Первое приближение к решению этой проблемы дало путешествие, которое совершил в 1855—1856 гг. португальский священник Жуакин ди Санта Рита Монтанья, посланный губернатором Иньямбане, португальской колонии на юге Мозамбикского побережья, с дипломатической миссией к обосновавшимся в районе Саутпансберга бурским поселенцам. Отправившись из Иньямбане в сопровождении своего соотечественника Алфериша Тейшейры и нескольких арабских торговцев, Монтанья пересек южную часть Мозамбикской низменности, переправился через Лимпопо, достиг Саутпансберга и после длительного пребывания там вернулся тем же путем на побережье. Приблизительный маршрут Монтаньи был нанесен на карту Замбезии и Софалы, опубликованную в 1861 г. Са да Бандейрой; более широкую известность его путешествие получило в 1862 г., когда оно было прокомментировано в «Журнале Королевского Географического общества» Дж. Мак-Куином. Эта экспедиция позволила установить по крайней мере один важный для географии факт: из того, что Монтанья на своем пути в Саутпансберг переправлялся через Лимпопо только один раз, явствовало, что течение реки ниже места переправы должно проходить южнее его маршрута; тем самым полностью исключалась, например, связь Лимпопо с Сави (Саби). Анализируя данные Монтаньи, Мак-Куин пришел к правильному в принципе выводу о том, что

* «Этнографическое и анатомическое описание аборигенов Южной Африки» (Бреслау, 1872). Само путешествие описано Фричем в книге «Три года в Южной Африке» (Бреслау, 1868).

** Ф. Ган. Африка, стр. 36.

устье Лимпопо должно находиться между Иньямбане и бухтой Делагоа (хотя все же склонен был помещать его несколько севернее действительного положения).

Окончательно решил проблему Лимпопо в 1868 г. англичанин Сент-Винсент Уитшед Эрскин. Намереваясь первоначально принять участие в третьей экспедиции Мауха в страну матабеле, он встретился с немецким путешественником в Лейденбурге, но потом изменил свои планы и, вместо того чтобы отправиться с ним на север, двинулся на северо-восток, спустился с Драконовых гор в долину реки Олифантс, прошел вдоль нее до места ее впадения в Лимпопо и затем проследил Лимпопо до самого устья. Эрскин установил с помощью астрономических наблюдений, что Лимпопо впадает в Индийский океан под $25^{\circ}15'$ ю. ш. и $33^{\circ}42'$ в. д.; в этом месте на картах значилось устье Иньямпур, считавшейся небольшой береговой рекой. Доказательство тождества Лимпопо и Иньямпур было справедливо оценено географами — современниками Эрскина как одно из крупнейших достижений в деле исследования Африки за рассматриваемый период*.

Оставшийся еще неизвестным после путешествия Эрскина (или, вернее, известным лишь в немногих пунктах) участок среднего течения Лимпопо проследил в 1870 г. английский капитан Джеймс Фредерик Элтон: он прошел вдоль реки Шаши от золотых приисков Тати до места ее впадения в Лимпопо, спустился вниз по Лимпопо до устья Олифантса и оттуда вышел напрямик к Лоренсу-Маркиш в бухте Делагоа**.

С именем Эрскина связано исследование не только Лимпопо, но и так называемого Газаленда — обширного хинтерланда мозамбикского побережья к югу от бухты Софала. Эта территория вплоть до начала 70-х годов была известна европейцам почти исключительно понаслышке. В 1871—1875 гг. Эрскин частично с дипломатическими (по поручению британских властей в Натале), частично с коммерческими и охотничьими целями трижды побывал в этом районе, избороздив его густой сетью маршрутов, на всем протяжении которых вел глазомерную съемку. Из крупных географических объектов им было обследовано нижнее течение реки Сави (Саби), до того времени обозначавшееся на картах лишь весьма приближенно***.

* Отчет об экспедиции Эрскина был помещен в 1869 г. в изданиях Королевского Географического общества — его «Трудах» и «Журнале».

** Свое путешествие он описал в небольшой книге «Извлечения из дневника исследования реки Лимпопо», изданной в Дурбане в 1871 г., а также в «Журнале Королевского Географического общества» за 1872 г.

*** Отчеты об этих путешествиях Эрскина публиковались в «Трудах Королевского Географического общества» в 1875—1878 гг.

Мадагаскар

В конце XVIII—начале XIX в. Мадагаскар занимал видное место в экспансионистских планах Франции и Англии. Однако изучение острова очень мало продвигалось вперед. В 1824 г. английский гидрограф У. Оуэн во время своего многолетнего крейсирования у южных берегов Африки нанес на карту уточненную береговую линию Мадагаскара. Отдельные французские и английские путешественники доставляли в Европу разрозненные сведения о природе острова, о находках на нем золота или графита, о необычайных рыбах и птицах и т. п. Внутренние районы острова оставались почти целиком неизведанными.

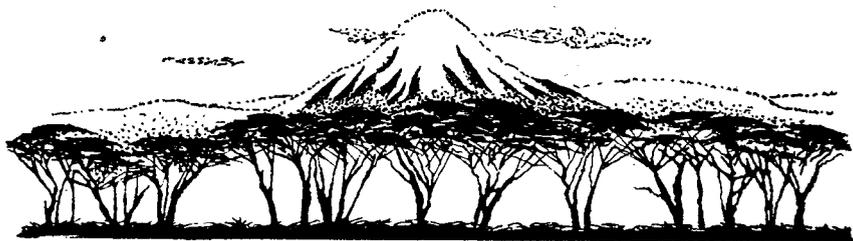
В 1834 г. научный мир Западной Европы был взбудоражен находкой на Мадагаскаре разбитого яйца какой-то гигантской птицы, получившей название «эпиорнис». Правда, о гигантской птице, жившей на Мадагаскаре, писал еще Флакур в 1658 г. Но теперь полулегенда получила материальное подтверждение. В 1851 г. яйца эпиорниса были доставлены в Парижскую Академию наук. Были сделаны попытки сразу же снарядить экспедицию на поиски гигантской птицы и вообще для изучения природы далекого острова. Однако потребовалось полтора десятилетия, чтобы такая экспедиция состоялась.

Исследования Мадагаскара, положившие начало систематическому, подлинно научному изучению острова, связаны главным образом с именем Альфреда Грандидье, приступившего к изучению внутренних областей Мадагаскара в 1865 г. Поиски эпиорниса были также одной из главных целей экспедиции А. Грандидье, по крайней мере в ее начале. Ему удалось найти полный скелет этой вымершей птицы и доказать, что эпиорнис был истреблен совсем недавно, став жертвой мальгашских охотников и, может быть, еще больше — крокодилов. Исследования А. Грандидье, связавшего с Мадагаскаром всю свою жизнь, вышли далеко за рамки проблемы эпиорниса. Этого исследователя заслуженно называют «отцом географии Мадагаскара».

Протяженность маршрутов А. Грандидье в 1865—1870 гг. составила более 5,5 тыс. км. Им было проведено 1500 теодолитных измерений, определена широта 1885 точек и вычислены координаты 28 крупных населенных пунктов. А. Грандидье определил основные особенности орографии и гидрографии Мадагаскара, характер распределения тропических лесов и других типов растительности на острове. Все это позволило ему уже в 1871 г. опубликовать обзорную карту Мадагаскара в масштабе 1:1 850 000. С начала 1870-х годов А. Грандидье с помощью миссионеров Робле, Колена и других проводит топографическую съемку в масштабе 1:200 000 на площади в 18 000 кв. км в провинции Имерина, показав на карте положение и высотные отметки нескольких тысяч деревень и пунктов наблюдений.

Успех экспедиции А. Грандидье привлек на Мадагаскар многих французских и английских путешественников и исследователей. В 1870-х и в начале 1880-х годов среди ученых, непосредственно продолживших работы А. Грандидье, особенно ценны результаты путешествий: Шоу, проникшего в 1874—1875 гг. на юго-восток острова; Сюэлла, прошедшего из Антананариву на западное побережье Мадагаскара в 1876 г.; Сибри, изучавшего в том же году еще совсем неизвестные европейцам некоторые внутренние районы острова, а также Мюлленса, уточнившего ряд орографических и других наблюдений А. Грандидье в центральной части Мадагаскара.

Научные итоги этого короткого, но весьма результативного периода активного географического изучения Мадагаскара подвела обширная монография А. Грандидье «Физическая, естественная и политическая история Мадагаскара», первое издание которой увидело свет в 1885 г. накануне военного вторжения Франции на этот остров, когда начался новый этап изучения Мадагаскара, во многом обусловленный именно этим вторжением.

ГЛАВА 6

ИССЛЕДОВАНИЯ АФРИКИ С КОНЦА 40-х ДО КОНЦА 70-х ГОДОВ XIX в. ЭКВАТОРИАЛЬНАЯ АФРИКА

ВОСТОЧНАЯ ЭКВАТОРИАЛЬНАЯ АФРИКА: ПОИСКИ ИСТОКОВ НИЛА, ОТКРЫТИЕ ВЕЛИКИХ ОЗЕР И ПРОНИКНОВЕНИЕ В БАСЕЙН КОНГО С ВОСТОКА И СЕВЕРО-ВОСТОКА

Хартумские купцы в Южном Судане. Первые исследования Бахр-эль-Газала

Нильские экспедиции Мухаммеда Али открыли дорогу в Южный Судан хартумским купцам. «Номинально они ездили за слоновой костью, камедью и другими продуктами, в действительности же ко всему этому прибавлялась торговля «черной слоновой костью» — рабами»*. Среди них, особенно на первых порах, было немало европейцев — тех самых, о которых А. Э. Брем писал, что «все европейское общество здесь [в Хартуме] состоит почти без исключения из негодяев, плутов, мошенников, убийц»**. Некоторые «просвещенные» работорговцы были не прочь завоевать себе репутацию открывателей неведомых земель и народов и время от времени посылали сообщения о результатах своих путешествий в европейские географические журналы (скромно умалчивая при этом о подробностях своей профессиональной деятельности). Следует, однако, заметить, что, внося определенный вклад в исследование Африки, как и многочисленные их собратья по ремеслу в других районах материка, нанесли этому делу в то же время и объективный

* Г. Херст. Нил. М., 1954, стр. 214.

** А. Э. Брем. Путешествие по Северо-Восточной Африке. М., 1958, стр. 203.

вред: творимые ими бесчинства и насилия восстановили коренное население против исседа чужестранцев, что сильно затруднило работу позднейших исследовательских экспедиций.

Первое торговое поселение на Белом Ниле выше озера Но — Бахр-эль-Джебеле — было основано в середине 40-х годов недалеко от современной Кенисы сардинским купцом, французом по происхождению, Антуаном Брэн-Ролле. В дальнейшем он неоднократно совершал плавания по этой реке (до 5° с. ш.). В корреспонденциях Брэн-Ролле и его книге «Белый Нил и Судан», изданной в Париже в 1855 г., верные этнографические зарисовки чередуются с наивными сообщениями о «собакоголовых людях» и тому подобных отдающих средневековым диковинам. Собственно географические результаты экспедиций Брэн-Ролле на Бахр-эль-Джебеле были невелики, так как от реки он не отдалялся, собранные же им сведения о более удаленных от нее или расположенных выше по течению районах отличались крайней неопределенностью. Деятельность других хартумских торговцев на берегах Бахр-эль-Джебеля также поначалу не принесла сколько-нибудь ценной географической информации, так что вплоть до конца 50-х годов об этой реке было известно по существу не больше, чем непосредственно после правительственных египетских экспедиций.

Более быстрыми темпами развивались в 50-х годах исследования бассейна Бахр-эль-Газала. Первые достоверные сведения об этом крупнейшем левом притоке Белого Нила, до того известном лишь в самом устье, доставил тот же Брэн-Ролле, пытавшийся в 1856 г. использовать его в качестве водного пути в Вадаи. Выполнить свой замысел полностью он не смог, но все же поднялся по Бахр-эль-Газалу, или Нам-Аиту, как его именовали местные жители, до озеровидного расширения, позднее получившего название озера Рек (по наименованию одного из нилотских племен); путешественник посетил также устье Джура — главной из рек, образующих Бахр-эль-Газаль. Брэн-Ролле собрал, кроме того, кое-какие данные о различных географических объектах, находящихся к югу и западу от посещенного им района. Основные результаты экспедиции Брэн-Ролле стали известны в Европе вскоре после ее завершения, более же полный отчет о ней был опубликован в приложениях к «Сообщениям Петерманна» за 1862/63 г. Общее описание заболоченного и периодически затопляемого района нижнего течения Бахр-эль-Газала дано путешественником в принципе верно, однако ошибочным было его утверждение о том, что Бахр-эль-Газаль многоводнее Бахр-эль-Джебеля и должен поэтому считаться «истинным Нилом», т. е. главным истоком великой реки.

Уже после смерти Брэн-Ролле (он умер в Хартуме в сентябре 1857 г.) выяснилось, что приоритет исследования Бахр-эль-Газала принадлежит все-таки не ему, а англичанину Джону

Питрику *. Горный инженер по образованию, Питрик поступил в 1845 г. на службу к Мухаммеду Али и по его заданию вел на территории Египта и Судана геологопоисковые работы; затем он поселился в Хартуме и занялся торговлей гуммиарабиком, для чего неоднократно посещал Кордофан, позднее же перенес свою коммерческую деятельность дальше на юг, специализируясь главным образом на слоновой кости (имелись сведения, что он был причастен и к торговле невольниками, хотя сам, разумеется, энергично это отрицал). В 1853 г. Питрик, с трудом разыскав среди густых тростниковых зарослей вход из Белого Нила в Бахр-эль-Газаль, поднялся по этой реке до того же озера Рек, что и Брён-Ролле тремя годами позже. В последующие годы он регулярно совершал такие плавания по Бахр-эль-Газалю, основал несколько факторий в землях шиллукского племени джур и, скупая слоновую кость, много путешествовал в области, расположенной между реками Джур и Тондж. Он первым из европейцев встретился с азанде, или ньям-ньям, как их называли соседи-нилоты.

Наиболее значительное по масштабам путешествие Питрик проделал в 1857—1858 гг. Отплыв из Хартума вверх по Белому Нилу, он поднялся сначала по его крупному правому притоку Собату более чем на 300 км, до разделения реки на три ветви (очевидно, Баро, Пибор и Гило), т. е. значительно дальше второй нильской экспедиции Мухаммеда Али **; вернувшись затем на Нил, он предпринял очередное плавание вверх по Бахр-эль-Газалю до озера Рек и, двинувшись отсюда пешком в южном направлении, достиг гористой местности Мундо, которая, как он утверждал, основываясь на оценке пройденного расстояния, должна была находиться под самым экватором.

Обо всех этих путешествиях Питрика стало впервые известно по возвращении его в Англию в 1859 г., подробнее же он о них рассказал в своей книге «Египет, Судан и Центральная Африка», вышедшей в свет в Лондоне в 1861 г. Книга эта, однако, сильно разочаровала географов: подавляющая часть ее была посвящена многолетней деятельности автора в достаточно знакомых европейцам районах, заключительному же, наиболее интересному, «бахр-эль-газальскому», этапу его путешествий в ней было уделено неоправданно мало места. Особенно плохо обстояло дело с картографическими результатами исследований

* Первым хартумским купцом, совершившим плавание по Бахр-эль-Газалю, был, собственно, даже не Питрик, а копт Хабеш; однако его путешествие (в 1851 или 1852 г.) осталось бесплодным для географии.

** Примерно до того же места, что и Питрик, по Собату поднимались в 1855 г. два других хартумских купца — мальтиец Андреа Дебони и итальянец Филипп Террануова д'Антонио; однако сообщение о их поездке, помещенное в 1859 г. во французском журнале «Новые анналы путешествий», лишь немногим пополнило знания об этой реке.

бассейна Бахр-эль-Газала. Ни Питрик, ни Брён-Ролле не вели путевых съемок, описания же их маршрутов были настолько путанны и сбивчивы, что положить их на карту хотя бы в первом приближении стоило немалых трудов; одно время было не ясно даже, поднимались ли эти путешественники по одной и той же реке или по двум различным ветвям Бахр-эль-Газала.

Больше всего хлопот доставила картографам экспедиция Питрика «к экватору». Пытаясь хоть как-то согласовать данные английского путешественника с более поздними сообщениями других исследователей, его маршрут направляли на картах то строго на юг, то на юго-восток, то на юго-запад; при этом с самого начала в произведенном Питриком расчете протяженности пути были обнаружены существенные неточности, по исправлению которых этот маршрут пришлось значительно укоротить (но все же его «дотягивали» почти до $3^{\circ}30'$ с. ш.). Только в начале 70-х годов Г. Швейнфуртом было доказано, что Мундо Питрика находится гораздо ближе к озеру Рек, а именно в южной части междуречья Джура и Тонджа, под 6° с. ш.

Вслед за Питриком и Брён-Ролле в богатый слоновой костью бассейн Бахр-эль-Газала устремились другие хартумские купцы, основавшие в этом районе многочисленные фактории — «зеробы». На озере Рек была устроена пристань Мешра-эр-Рек, ставшая отправным пунктом для большинства торговых экспедиций в глубь страны. Из этих последних получили отражение в литературе лишь немногие; так, в 1862 г. во французском журнале «Кругосветное путешествие» было опубликовано сообщение итальянца Анджело Кастель-Болоньези, торгового агента Питрика, о совершенном им на рубеже 1856 и 1857 гг. путешествии к юго-западу от озера Рек.

Некоторые купцы проникали в бассейн Бахр-эль-Газала не водным, а сухим путем — с востока, со стороны Бахр-эль-Джебеля (чаще всего от устроенной на этой реке пристани Габа-Шамбиль, ныне Шамбе). Одними из первых, если не первыми, эту дорогу проложили французы Альфонс де Мальзак и Александр Весьер, заметки которых не раз появлялись на страницах «Бюллетеня Парижского Географического общества» (редакторы этого журнала и не подозревали тогда, что их уважаемые корреспонденты — работоторговцы). Они доставили, в числе прочих, сведения о реке Нам-Роль. После смерти Мальзака (в 1860 г.) в его архиве были найдены и затем опубликованы (в «Бюллетене Парижского Географического общества» за 1862 г.) результаты проведенных им измерений ширины, глубины и скорости течения Белого Нила (Бахр-эль-Джебеля), Бахр-эль-Газала, Бахр-эз-Зерафа и Собата, не оставлявшие сомнений в том, что «истинным Нилом» в противоположность заявлению Брён-Ролле является не Бахр-эль-Газаль, а Бахр-эль-Джебель, заметно превосходящий его по водоносности. В бу-

магах Мальзака были обнаружены также сведения (впрочем, довольно скудные) о торговых экспедициях его века (торгового агента), сирийца Ибрагима Баса, к западу от Бахр-эль-Джебеля (вплоть до Тонджа или даже до Джура) и к востоку (от него (до Собата или одного из его притоков)).

Некоторые дополнительные данные о Нам-Роле принес трансильванский немец Франц Биндер, побывавший на этой реке в 1860—1861 гг.; описание его путешествия было опубликовано в 1862 г. в трансильванской печати, а затем, в сокращенном изложении, в «Сообщениях Петерманна» за 1864 г.

Наиболее ценная географическая информация об области Верхнего Нила в рассматриваемый период была получена от двух молодых французских охотников на слонов и торговцев слоновой костью — братьев Амбруаза и Жюля Понсе, много путешествовавших в тех краях, в частности в бассейне Бахр-эль-Газала (во второй половине 50-х годов); особый интерес представило проделанное Жюлем Понсе в 1859 г. (по другим данным — в 1857 г.) путешествие от озера Рек до Бахр-эль-Джебеля, пролившее некоторый свет на еще совершенно неизвестный до того озерно-болотный район в низовьях рек Тондж, Нам-Джау и Нам-Роль*. Главным научным результатом деятельности братьев Понсе, отразившим как их личный исследовательский опыт, так и всю совокупность накопленных ими распросных данных, явилась «Карта среднего течения двух Нилос и их притоков Дендер, Собат, Нам, Бахр-эз-Зераф, Бахр-Джур», опубликованная в «Бюллетене Парижского Географического общества» в 1860 г. и одно время игравшая роль основного источника географических знаний о Южном Судане.

К началу 60-х годов европейские купцы, находившиеся до того в авангарде торговой колонизации бассейна Верхнего Нила, постепенно уступают это место своим турецко-арабским конкурентам, путешествия которых с каждым годом приобретают все больший размах, но уже практически не служат источником географической информации.

Австрийские католические миссионеры в верховьях Белого Нила

Почти одновременно с торговцами в верховьях Белого Нила появились австрийские миссионеры-иезуиты, обосновавшиеся в Хартуме в 1846 г. В 1849 г. руководитель миссии Игнац Кноблахер основал станцию Гондокуро на правом берегу Бахр-эль-

* Описание его было помещено в «Новых анналах путешествий» в 1863—1864 гг. и затем вышло в свет отдельным изданием под заглавием «Белая Река» (Париж, 1864).

Джебеля, непосредственно ниже порогов, преградивших за восемь лет перед тем путь египетской экспедиции. Вторая миссионерская станция, Святого Креста, была построена в 1856 г. ниже по течению Бахр-эль-Джебеля, близ современной Кенисы. В начале 60-х годов обе эти станции были покинуты как из-за нездорового климата и высокой смертности среди миссионеров, так и ввиду полной безуспешности попыток обратить местных жителей в христианство.

Полученная в итоге более чем десятилетней деятельности католических миссионеров на Верхнем Ниле научная информация относилась преимущественно к области этнографии и лингвистики, а также метеорологии и отчасти гидрологии (наблюдения за уровнем режимом реки). Кноблехер определил с помощью астрономических наблюдений координаты Гондокоро, но при измерении долготы этого пункта допустил существенную ошибку, отнеся его почти на 3° западнее того положения, какое было ранее зафиксировано Арно для близлежащего участка течения Белого Нила. Картографы стали в тупик, не зная, кому верить. Позднее другой миссионер, Довьяк, заново определил положение Гондокоро, получив результат, близкий к данным Арно. Довьяк, кроме того, впервые измерил (барометрически) высоту Гондокоро над уровнем моря.

Знакомство миссионеров с верхненильской областью ограничивалось большей частью только водным путем по Белому Нилу и непосредственными окрестностями их станций. Никаких попыток разведать истоки Белого Нила ими не предпринималось. Сам Кноблехер заходил вверх по долине Бахр-эль-Джебеля (в 1854 г.) лишь чуть дальше первых порогов. Среди немногих членов миссии, отважившихся на более дальние маршруты (но не в сторону нильских истоков), можно назвать итальянца Анджело Винко. В 1851 г., выступив из Гондокоро в восточном направлении, он достиг реки, именовавшейся местными жителями Дшиол, или Джол; ее сочли тогда верховьем Собата, но в действительности это была, судя по всему, река Киньети, вытекающая из гор Лотуко и теряющаяся затем в болотах, не доходя ни до Собата, ни до Бахр-эль-Джебеля. В июле 1859 г. в районе, расположенном к востоку от Гондокоро, побывал тиролец Франц Морланг. В октябре — декабре того же года он совершил более значительное путешествие к западу от Гондокоро; наиболее важным его результатом было открытие текущей на север большой реки Еи (Ей), которую Морланг ошибочно отнес к системе Бахр-эль-Газала (по его мнению, она могла впадать в эту реку между Джуром и Родем) *.

Из других католических миссионеров, способствовавших расширению географических знаний о Южном Судане, заслужи-

* Описание обоих путешествий Морланга было опубликовано в приложениях к «Сообщениям Петерманна» за 1862/1863 г.

вает упоминания итальянец Джованни Бельтраме, путешествовавший вначале по Голубому Нилу и его притоку Тумату, в дальнейшем же принявший участие в работе миссии Кноблехера и в 1859 г. совершивший плавание далеко вверх по Собату*.

Основные научные итоги деятельности австрийской миссии на Белом Ниле были подведены одним из ее участников, А. Кауфманном, в книге «Область Белой Реки и ее обитатели» (Бриксен, 1861); наибольший интерес для современников представили содержащиеся в ней этногеографические сведения.

Арабо-суахильское проникновение в глубь Восточной Африки и слухи о «великом озере»

Еще до начала торговой колонизации Южного Судана аналогичный процесс развернулся в Восточной Африке, в стране Великих озер, с тем отличием, что в нем не принимали участия европейцы. Роль первопроходцев здесь играли издавна поселившиеся на восточном побережье материка маскатские арабы и исламизированное африканское население побережья — суахили. Проникновение арабо-суахильских торговцев в глубь Африки, главным образом с целью закупки и захвата рабов, активизировалось, по-видимому, в первой четверти XIX в. (оно стимулировалось, в числе прочих факторов, созданием на островах Pemba и Zanzibar плантаций гвоздичного дерева, требовавших большого числа рабочих рук), особенно же большой размах приобрело после 1840 г., когда султан Маската Сейид бен Саид перенес на Занзибар свою столицу.

Уже около 1830 г. арабо-суахильские купцы обосновались в Таборе — центре области Уньяньембе в стране Уньямвези, а около 1840 г. появились на озере Танганьика и основали на его восточном берегу, в местности Уджиджи, торговое поселение Кавеле (впоследствии оно тоже стало называться Уджиджи); еще десятилетие спустя они проникли в Уганду. Ими были установлены также торговые связи со страной Казембе. Некоторые из них предпринимали и более дальние путешествия: мы уже имели случай упомянуть об одной арабской торговой экспедиции, достигшей в 1852 г. португальских владений в Анголе.

Из приобретенных арабо-суахильцами знаний о внутренних районах материка до Европы к концу первой — началу второй половины XIX в. дошла лишь небольшая часть, причем

* Сообщения о его путешествиях были опубликованы в виде двух небольших книг: «Письма... из Центральной Африки» (Падуа, 1858) и «О путешествии на Белую Реку в Центральной Африке» (Верона, 1861). Значительно позднее им были подготовлены и изданы два более объемистых труда: «Сеннар и его шангалла» (Верона—Падуа, 1879) и «Белая Река и динка» (Верона, 1881).

полученные сведения были слишком отрывочными и туманными. Единственное, что можно было на основании этой информации считать более или менее твердо установленным, — это существование в глубине Африки какого-то большого скопления пресных вод, однако оставалось не ясным, идет ли речь об одном или нескольких крупных озерах. Географы того времени в отличие от более раннего периода склонялись, как правило, в пользу первого предположения. Таких взглядов придерживался, например, один из крупнейших тогдашних авторитетов в вопросах географии Африки — английский ученый Уильям Десборо Кули. В основу его многочисленных книг, статей и карт был положен скрупулезный анализ старых португальских и арабских источников, равно как и более свежих сообщений, в том числе о некоторых арабо-суахильских торговых путешествиях. Еще в 1835 г. он выступил в печати с доказательствами существования на востоке Африки «великого озера Ньясси», а в 1845 г. посвятил ему объемистое исследование в «Журнале Королевского Географического общества». Как единый водоем озеро Ньясси, или Ньяса (позднее им было принято последнее написание), фигурирует и в главном труде Кули, вышедшем в свет в Лондоне в 1852 г. под не совсем, пожалуй, уместным тогда заглавием «Внутренняя Африка открыта». Свое «великое озеро» он помещал на картах к северо-востоку от посещенной Ласердой страны Казембе, довольно близко к действительному положению южной части озера Танганьика, но протягивал его отсюда дальше на юго-восток, так что южный конец его оказывался примерно там, где находится северная оконечность настоящего озера Ньяса (Малави).

**Крапф, Ребманн и Эрхардт в Восточной Африке:
открытие снеговых гор Килиманджаро и Кении.
«Озеро Уньямвези» Ребманна и Эрхардта**

В начале 1844 г. на остров Занзибар прибыл эмиссар английского «Церковного миссионерского общества» вюртембержец Иоганн Людвиг Крапф, до этого долгое время подвизавшийся в Эфиопии. Вскоре он основал на материке, недалеко от Момбасы, миссионерскую станцию. Позднее к нему было прислано подкрепление в лице двух его земляков — Иоганна Ребманна (в 1846 г.) и Якоба Эрхардта (в 1849 г.). Эти немецкие протестантские миссионеры провели в Восточной Африке много лет (первым из них отсюда окончательно уехал Крапф в 1853 г., последним — Ребманн в 1875 г., за год до смерти), причем помимо религиозной пропаганды деятельно занимались изучением языков и этнических особенностей местного населения; немалый интерес они проявили и к географическим проблемам.

Хотя никто из них так и не стал профессиональным исследователем наподобие Ливингстона, все же полученные ими результаты оказались весьма ценными для географической науки.

Первую сравнительно дальнюю экскурсию в глубь страны — к горе Касигао — совершил Ребманн в 1847 г. В следующем году он отправился в расположенную далее к западу область расселения народа джагга (ваджагга); в этой местности, на которую также распространялось название Джагга, находилась, как ему рассказывали, какая-то огромная гора. Действительно, это путешествие ознаменовалось открытием высочайшего горного массива Африки — увенчанного вечными снегами потухшего вулкана Килиманджаро. Впервые Ребманн увидел его 11 мая 1848 г. «Этим утром, — пишет он, — мы разглядели горы Джагга более отчетливо, чем всегда, и около десяти часов мне показалось, что вершина одной из них покрыта ослепительно белым облаком. Мой проводник назвал то белое, что я увидел, просто «береди» — «холод»; мне, однако, было совершенно ясно, что это не может быть ничем иным, кроме снега».

Ребманн дошел до самого подножия открытой им горы, но рассмотреть ее получше в тот раз не смог, так как вершина была почти постоянно скрыта облаками. Во время своего второго путешествия в страну Джагга, в конце 1848 — начале 1849 г., он побывал на южных склонах Килиманджаро и, пользуясь ясной погодой сухого сезона, составил себе более полное представление об этом горном массиве. «Две главные вершины, — сообщает он, — расположены на основании длиной около десяти лиг и такой же ширины... Восточная вершина ниже и остроконечная, тогда как западная, более высокая, представляет великолепную корону, которая даже в жаркий сезон... остается покрытой массой снега... Суахили с побережья называют снеговую гору Килиманджаро — «гора величия»; это может также означать «гору караванов» («килима» — гора, «джаро» — караваны) — ориентир для караванов, видный издали отовсюду; обитатели же Джагги называют ее Кибо — «снег»».

Крапф, ограничивавшийся до приезда Ребманна небольшими экскурсиями в окрестностях Момбасы и морскими плаваниями вдоль побережья — в ходе которых он, между прочим, посетил устья рек Ози (Тана) и Сабаки (Галана)* — в дальнейшем расширил территориальную сферу своей деятельности и в 1848 г. совершил путешествие в еще совершенно неизвестную европейцам горную страну Усамбара к юго-западу от Момбасы. В конце 1849 г., выступив со своей станции близ Момба-

* Устье Сабаки было им по существу открыто заново. С этой рекой были знакомы и арабы, и португальцы, но при съемках восточноафриканского побережья Оуэном в 20-х годах XIX в. ее устье было «пропущено» и на более поздних картах не значилось.

сы в северо-западном направлении, он проник в область верховьев рек Цаво и Ати, образующих своим слиянием уже знакомую ему Сабаки; крайним северным пунктом, достигнутым им, было селение Китви в стране Укамбани, на водоразделе между Ати и Таной. По пути ему тоже удалось, правда только издали, повидать Килиманджаро; главным же географическим результатом этого маршрута Крапфа явилось открытие еще одной снеговой горы, второй по высоте в Африке — Кении, которую он в первый раз смог ясно разглядеть из Китви 3 декабря 1849 г., различив у нее «два больших рога или колонны... покрытых белым веществом».

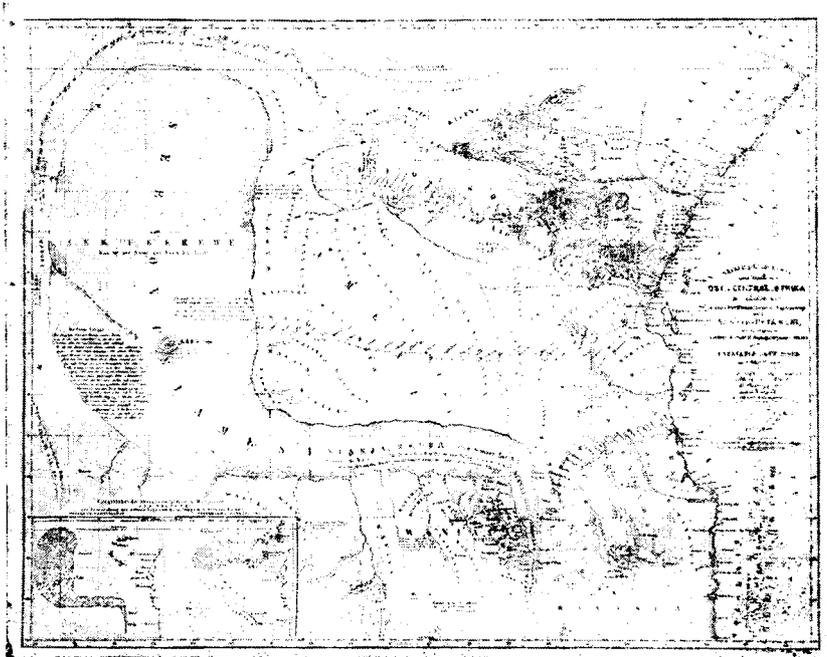
В 1851 г. Крапф снова посетил Укамбани, причем прошел дальше на север, до верховьев Таны; он находился совсем недалеко от подножия Кении, но на этот раз не увидел ее из-за густой облачности. Последним исследовательским маршрутом Крапфа в этой части Африки было его второе путешествие в Усамбару (в 1852 г.)*. Свою многолетнюю миссионерскую и исследовательскую деятельность он описал в двухтомной работе «Путешествия по Восточной Африке», изданной сначала на немецком (Корнталь — Штутгарт, 1858), а затем, в переработанном и дополненном виде, на английском языке (Лондон, 1860); в нее вошли и извлечения из дневников Ребманна. Впрочем, еще задолго до опубликования этой книги научная общественность узнала об открытиях Ребманна и Крапфа из их писем, которые по их получении находили отражение в периодике.

Надо сказать, что сообщениям о Килиманджаро и Кении поверили тогда далеко не все. «Еще в течение многих лет в Европе были люди, которые охотнее допускали, что миссионеры были обмануты блестящими кварцевыми массами, отложениями соли или плотным градом, окрашивавшими гору в белый цвет, чем соглашались предположить существование снеговых гор под экватором, в особенности в Африке»**. Самым рьяным критиком Ребманна и Крапфа был У. Д. Кули, не исключавший даже, что снеговые горы попросту ими выдуманы. Вопрос оставался открытым вплоть до начала 60-х годов, когда правоту Ребманна и Крапфа подтвердил Деккен.

Географические заслуги немецких миссионеров не исчерпались их личными исследовательскими путешествиями. Еще более интересной для современников оказалась информация о внутренних районах материка, полученная ими у арабо-суахильских торговцев. На основе этих расспросных данных (и, разумеется, с использованием материалов собственных наблюдений членов миссии) Ребманном и Эрхардтом была составлена

* Впоследствии, в 1854—1855 гг., он еще раз побывал в Эфиопии и вернулся оттуда в Европу через Судан и Египет.

** Ф. Ган. Африка. СПб., 1903, стр. 23.

Карта Восточной Африки И. Ребманна и Я. Эрхардта

карта Восточной Африки, опубликованная в 1856 г. в «Сообщениях Петерманна» в сопровождении пояснительного текста — так называемого мемуара Эрхардта.

Кратко остановившись в этой работе на основных чертах орогидрографии Восточной Африки, Эрхардт подчеркнул прежде всего преимущественно выровненный характер ее рельефа, нарушаемый только «горными группами и изолированными горами, которые все круто, большей частью очень круто поднимаются над плоской горизонтальной равниной, но, хотя и часто расположены близко друг к другу, не образуют непрерывных горных цепей». Равнина, сначала постепенно повышающаяся от побережья в глубь материка, на некотором расстоянии от берега начинает, по словам Эрхардта, понижаться на запад (и ограничена там большим озером, которое на южном его конце называют Ньянджа, на северном — Укереве, на побережье же [океана] — Ньяса и Бахари-я-Уньямези).

Характерный для Восточной Африки (как и для многих других частей материка) ландшафт цокольных равнин с островными горами обрисован Эрхардтом в принципе верно, правильно подмечен и тот факт, что континентальный водораздел здесь

сильно смещен в сторону восточного побережья. Из мемуара, однако, можно понять, хотя прямо об этом и не говорится, что внутренняя равнина расположена невысоко над уровнем моря*, тогда как в действительности речь идет о плоскогорье средней высотой более 1000 м.

Что же касается единого большого внутреннего озера, то тут немецкие миссионеры впали в ту же ошибку, что и Кули. Причина этого понятна. Вся полученная ими географическая информация о внутренней части Восточной Африки основывалась на рассказах торговцев о трех главных караванных путях, ведущих от побережья в глубь материка (описанию их и посвящена основная часть мемуара Эрхардта). Самый северный из них начинался в Танге или в близлежащем приморском селении Пангани и шел на северо-запад, мимо гор Усамбара и Килиманджаро, в область расселения народа масаи; в числе важнейших вех этого пути указывались расположенные к западу от Килиманджаро горы Меру и Доэнго-Энган (правильнее — Олдоньо-Ленган), причем последнюю описывали как еще более высокую, чем Килиманджаро, и тоже покрытую снегом (что не соответствует действительности). Средняя караванная дорога вела из Багамойо (напротив острова Занзибар) или Мбоамджи (недалеко от современного Дар-эс-Салама) на запад, в Уньямвези, и заканчивалась в Уджиджи; южная, самая короткая — из Килвы (в южной части побережья современной Танзании) на юго-запад. Каждый из этих путей упирался в обширное водное пространство, которое торговцы описывали во всех трех случаях более или менее одинаково (пресная вода, очень высокие волны, много рыбы и т. д.); различными были лишь оценки его ширины. Сейчас нам ясно, что эти сведения относились к трем различным озерам — Виктории, Танганьике и Ньясе, но в этом вряд ли отдавали себе отчет и сами информаторы Эрхардта; тем меньше оснований для подобного вывода было у немецких миссионеров, на географические представления которых к тому же, очевидно, оказала влияние концепция Кули.

Показанное на карте Ребманна и Эрхардта «озеро Уньямвези»** представляло собой водоем колоссальных размеров и причудливо изогнутой формы, протягивающийся от экватора до 12—13° ю. ш.; очень широкое на севере и в центральной части, озеро постепенно сужалось к югу, заканчиваясь остроко-

* Именно к такому выводу пришел, например, Петерманн в своих комментариях к мемуару Эрхардта.

** Ребманн и Эрхардт писали «Уньямези», но уже через несколько лет в литературе утвердилось правильное написание этого названия — «Уньямвези». Оно относится фактически не к озеру, а к стране (область расселения народности ваньямвези).

нечным клином. По меткому сравнению Спика, оно напоминало «гигантского слизня или, может быть, еще точнее — безобразную саламандру». Однако сколь бы фантастичными ни казались на первый взгляд очертания этой гипотетической акватории, нетрудно заметить, что карта Ребманна и Эрхардта довольно верно передавала общие особенности конфигурации всей группы Великих озер Восточной Африки от Виктории до Ньясы, только эти озера были слиты на ней воедино.

Никаких указаний на направление стока «озера Уньямвези» ни карта, ни мемуар Эрхардта не содержали; скорее всего, оно представлялось миссионерам бессточным. В частности, на севере оно было отделено составителями карты от предполагаемой области истоков Белого Нила высокими горами; в качестве одной из вершин этой цепи фигурировала Кения. В стране масаи к западу от Килиманджаро карта показывала несколько мелких бессточных озер, а к северо-востоку от Кении — более крупное «солёное озеро Баринго», о котором слышал Крапф в Укамбани (в действительности оно значительно меньше по размерам, пресное и расположено к северо-западу от горы Кения).

Карта Ребманна и Эрхардта вызвала много критических замечаний, касавшихся главным образом размеров «озера Уньямвези», которые были справедливо сочтены слишком уж большими. Тот же Кули указывал, что на этой карте оказалась «затопленной» озерными водами вся страна Казембе, местоположение которой было достоверно известно благодаря астрономическим наблюдениям Ласерды. Впрочем, миссионеры в любом случае не претендовали на большую точность своих данных, и возражение Кули легко могло быть снято после внесения в них соответствующих корректив, что и сделал с самого начала Петерманн: публикуя карту Ребманна и Эрхардта, он дал на врезке к ней собственную интерпретацию положения и очертаний «озера Уньямвези», несколько сместив его к востоку и значительно сузив, в результате чего страна Казембе благополучно избежала этого картографического «наводнения».

При всех своих легко объяснимых недостатках карта Ребманна и Эрхардта сыграла несравненно более важную роль, чем этого можно было бы ожидать от очередного картографического построения по расспросным данным. Немецким миссионерам удалось — может быть, именно благодаря невероятным размерам и необычной форме их «внутреннего моря» — пробудить угасший было интерес к старой проблеме нильских озер (хотя сами они, повторяем, не связывали «озеро Уньямвези» с Нилом). Деятельность их поэтому ознаменовала собой коренной перелом в истории исследования Восточной Африки, сравнимый с тем, каким явился для южной части материка «прорыв» Ливингстона к озеру Нгами. Недаром Спик, открывший несколькими годами позже крупнейшее из нильских озер — Вик-

торию, назвал немецких миссионеров из Момбасы «первыми и главными вдохновителями этого открытия».

Экспедиция Бёртона и Спика: открытие озер Танганьика и Виктория

В числе лиц, особенно заинтересовавшихся сообщениями Ребманна и Эрхардта, был капитан Ричард Фрэнсис Бёртон, тридцатипятилетний английский офицер, уже успевший завоевать себе широкую известность как блестящий ученый-ориенталист и неутомимый путешественник по странам Востока (о его путешествии в Сомали и Харар мы упоминали в другом месте). Он представил Королевскому Географическому обществу проект экспедиции в Африку, «во-первых, с целью установления границ «моря Уджиджи, или озера Уньямвези», и, во-вторых, чтобы выяснить пригодную для экспорта продукцию внутренней области и этнографию ее племен». С помощью президента общества Р. И. Мёрчисона Бёртону удалось добиться от правительства необходимых ассигнований, и в декабре 1856 г. он уже был в Занзибаре. Как и в сомалийской экспедиции, его сопровождал капитан Джон Хэннинг Спик.

Инструкции Королевского Географического общества гласили: «Главная цель экспедиции — проникнуть в глубь страны из Килвы или какого-либо другого места на восточном побережье Африки и по возможности пройти к получившему известность озеру Ньяса; определить положение и границы этого озера; установить глубину и характер его вод и притоков; исследовать окружающую местность и т. д. Получив всю нужную вам информацию в этой области, вы должны направиться на север, к горной цепи, где, как обозначено на наших картах, находятся предполагаемые истоки Бахр-эль-Абьяда, открытие которых явится вашей следующей главнейшей целью».

Первоначально Бёртон намеревался «атаковать громадное слизнеподобное озеро миссионеров с хвоста», т. е. двинуться к его суженному южному концу из Килвы; однако эта дорога слыла небезопасной, и он предпочел избрать более длинный, но и более спокойный караванный путь из Багамойо в Уджиджи. Бёртон и Спик решили переждать на побережье неблагоприятный для путешествий дождливый сезон, оставшееся же до его начала время использовали для небольших экскурсий тренировочного характера. В январе — марте 1857 г. они посетили остров Пемба, Момбасу, Тангу, Пангани и поднялись вверх по долине одноименной реки до гор Усамбара (что позволило уточнить картографические данные Крапфа).

В глубь материка экспедиция выступила 26 июня 1857 г. Двигаясь вдоль впадающей в Индийский океан близ Багамойо

реки Кингани (Руву), путешественники пересекли низменную прибрежную область Узарамо и достигли подножия гор Усагара — приподнятого края внутреннего плоскогорья. Уже в Узарамо оба англичанина заболели малярией, приступы которой у Спика повторялись потом с различными промежутками. Бёртона же болезнь не отпускала на протяжении почти всего их дальнейшего пути, значительную часть которого ему пришлось проделать на носилках. Углубившись в горы по долине реки Мкондоа, которую сочли притоком Кингани (в действительности это верхнее течение другой впадающей в Индийский океан реки — Вами, в то время вообще не значившейся на картах), Бёртон и Спик перевалили через хребет Рубехо и очутились на обширном плоскогорье, усеянном куполовидными гранитными останцами и покрытом скудной травянистой и кустарниковой растительностью. Это была страна Угого. За ней лежала более увлажненная, холмистая и лесистая Уньямвези — «сад Центральной Африки», по выражению Бёртона. 7 ноября экспедиция прибыла в главный торговый центр Уньямвези — Табору.

Здесь путешественники больше месяца отдыхали и набирались сил, пользуясь гостеприимством арабских купцов (в оказанном англичанам радушном приеме немалую роль сыграло захваченное ими с собой рекомендательное письмо занзибарского султана). О географии внутренних районов Восточной Африки таборские арабы имели более ясное и полное представление, чем те, с кем беседовал в свое время Эрхарлт. Особенно ценную информацию дал Бёртону и Спику много путешествовавший на своем веку купец Снай бин Амир. «Когда я развернул карту господ Ребманна и Эрхардта, — вспоминает Спик, — и спросил его, где находится Ньяса, он сказал, что это иное озеро, чем Уджиджи, и лежит на юге. Это открыло нам глаза на интереснейший факт, обнаруживаемый впервые. Тогда я спросил, что означает слово «Укереве», и получил таким же манером ответ, что это озеро на севере, много больше по размерам, чем Уджиджи. Это раскрыло тайну. Миссионеры слили три озера в одно. В великом ликовании от этого я спросил Сная через посредство капитана Бёртона, вытекает ли нет из того озера река, на что он ответил, что, как он думает, озеро служит истоком реки Джуб» (т. е. Джубы, впадающей в Индийский океан на юге Сомали). Спик, однако, сразу же высказал предположение, что вытекающая из северного озера река — не что иное, как Нил, и пытался убедить Бёртона направиться на север, но тот все-таки принял решение продолжать путь на запад, к «озеру Уджиджи», т. е. Танганьике.

Покинув Табору в середине декабря, экспедиция вышла к текущей на запад, в Танганьику, реке Малагараси и далее следовала вдоль нее с незначительными отклонениями вплоть до самого озера. Английские исследователи добрались до него бук-

важно еле живыми. Кроме малярии оба они страдали какой-то местной болезнью глаз, особенно Спик; на некоторое время он почти ослеп и даже не смог разделить того восхищения, которое испытал Бёртон 13 февраля 1858 г., впервые бросив взгляд на «обширное пространство светлейшей и нежнейшей голубизны», лежащее «в лоне гор» — в глубокой тектонической трещине с высокими обрывистыми краями. На севере и на юге водная гладь уходила за горизонт, ширина же озера оказалась гораздо меньше той, какую приписывали ему миссионеры: с того места, где находился Бёртон, была отчетливо видна горная стена на противоположной, западной его стороне.

Путешественники остановились в Кавеле (Уджиджи) и после кратковременного отдыха приступили, не без труда достав лодки, к исследованию Танганьики. В первое плавание по озеру пустился один Спик, к тому времени уже немного окрепший, тогда как Бёртон был еще слишком слаб для такой поездки. Обследовав небольшой участок восточного берега Танганьики к югу от Кавеле, Спик пересек озеро и побывал на расположенном у его западного берега острове Касенге.

Здесь ему рассказали, что у южной оконечности озера в него впадает большая река Марунгу*, на севере же из Танганьики вытекает другая «очень большая река» — Рузизи. Сведения о наличии стока у Танганьики в северном направлении Спик воспринял скептически, так как они противоречили уже сложившемуся у него на основании других рассказов представлению, что в той стороне озеро ограничено высокими горами. Последние он нанес на карту в виде подковообразного хребта, замыкающего озерную котловину с севера, причем полагал, что это и есть «Лунные горы» древних; основание для такого вывода Спик видел в том, что они находятся недалеко от «Лунной страны» (один из возможных переводов названия Уньямвези). Марунгу же, по его мнению, должна была скорее не впадать, а вытекать из Танганьики, соединяя ее с лежащим южнее озером Ньяса.

Географические результаты личных исследований Спика во время его поездки по озеру, занявшей почти весь март 1858 г., были в общем довольно незначительными. Впрочем, состояние здоровья Спика, вероятно, и не позволяло требовать от него большего. Бёртона сильно заинтересовало сообщение о реке Рузизи, якобы вытекающей из озера на севере: у него зародилась мысль, что это и есть Нил (в существование гипотетических «Лунных гор» Спика он не верил). Для проверки полученных сведений англичане отправились в новое плавание, теперь уже вдвоем. Миновав далеко выступающий в озеро полу-

* Реки с таким названием в действительности не существует, но есть нагорье Марунгу, обрамляющее впадину Танганьики с юго-запада.

остров Убвари (принятый ими за остров), они прибыли в конце апреля в деревню Увира близ северной оконечности Танганьики. Тут все надежды Бёртона найти исток Нила рухнули. «Мне нанесли визит, — рассказывает он, — три рослых сына султана [т. е. местного вождя]... Сразу же был затронут вопрос о таинственной реке, вытекающей из озера. Все они заявили, что бывали на ней, предлагали проводить и меня, но единодушно утверждали — и вся толпа присутствующих подтвердила их слова, — что «Рузизи» впадает в Танганьику, а не вытекает из нее. На сердце у меня стало тоскливо».

Никаких оснований сомневаться в словах африканцев, которые, действительно, полностью соответствовали истине, у Бёртона не было, и Рузизи сразу утратила для него всякий интерес. Так и не побывав на этой реке, путешественники вернулись в середине мая в Кавеле и в конце того же месяца двинулись обратно в Занзibar.

Английские исследователи повидали только северную, меньшую часть Танганьики, общее же представление о размерах и конфигурации озера составили главным образом по рассказам арабских купцов. Основываясь на этих данных, Бёртон оценивал длину озера менее чем в 460 км (в действительности около 650 км). Полученная Спиком цифра высоты озера над уровнем моря — немногим более 560 м — была значительно меньше истинной (средняя отметка уровня Танганьики в настоящее время — 774 м, в конце же 50-х годов прошлого века уровень озера располагался выше, на отметке порядка 780 м); эта ошибка объяснялась, по-видимому, неисправностью экспедиционного гипсотермометра. Глубину озера путешественники не измеряли из-за отсутствия у них лотлиния, но, учитывая общие особенности морфологии озерной котловины, а также некоторые технические детали местного рыболовного промысла, пришли к правильному выводу о том, что она должна быть очень большой (хотя, конечно, не подозревали, что это озеро — второе по глубине на земном шаре после Байкала).

Открытие Танганьики явилось в то же время первым знакомством европейцев с Западным рифтом, или Центральноафриканским грабеном — западной ветвью Восточноафриканской рифтовой системы. Любопытно, что Бёртон, вообще-то довольно далекий от геологии, высказал правильное предположение относительно происхождения озера. «Его общее простираие, — писал он, — параллельно внутриафриканской линии вулканической деятельности, протягивающейся от Гондара на юг через районы вокруг Килима-нгао [Килиманджаро]... Общее строение, как и в случае Мертвого моря, наводит на мысль о вулканической депрессии...» Напомним, что тогда под вулканизмом понимались все проявления деятельности внутренних сил Земли, проведенная же Бёртоном аналогия с уже хорошо знакомым в

то время ученым Мертвым морем ясно показывает, что он имел в виду сбросовый генезис озерной котловины.

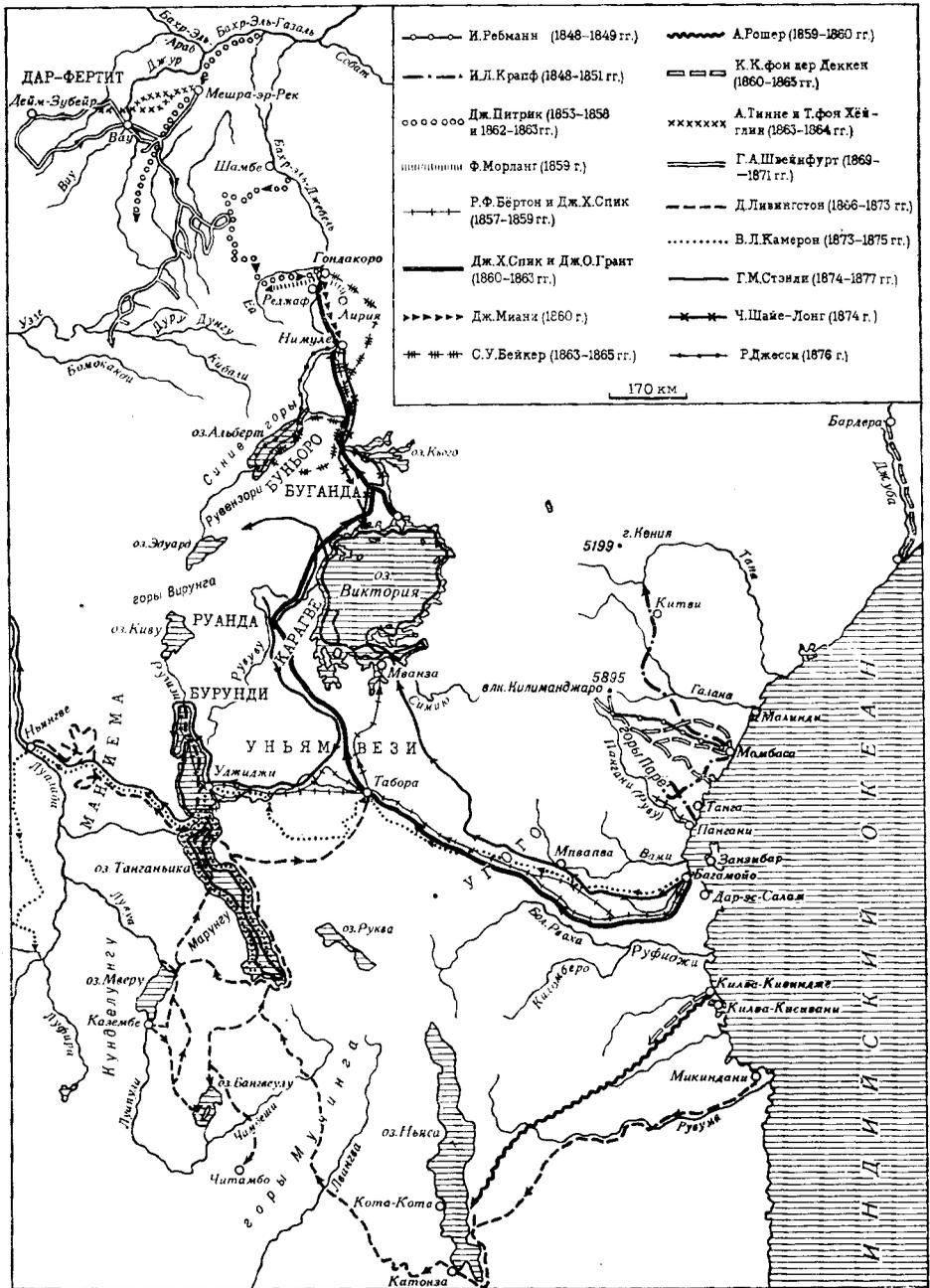
Вопрос о стоке Танганьики остался неразрешенным; Бёртон не исключал возможности, что это озеро бессточное. Путешественники слышали также о расположенном к юго-востоку от Танганьики, между ней и Ньясой, еще одном озере — Руква; некоторые рассказы позволяли думать, что оно, по крайней мере в дождливое время года, сообщается с Танганьикой (в действительности никакой связи между этими озерами нет).

На обратном пути экспедиция должна была надолго задержаться в Таборе из-за того, что здоровье Бёртона сильно ухудшилось, а также ввиду трудностей с набором носильщиков для заключительного этапа путешествия — перехода к побережью. Воспользовавшись этой вынужденной остановкой, Спик убедил своего начальника разрешить ему самостоятельный маршрут к северному озеру, которое арабы именовали Укереве, а местные жители, ваньямвези, — Ньянзой.

В начале июля 1858 г. Спик во главе маленького отряда выступил из Таборы и 30 июля достиг длинного и узкого лимана — одного из заливов Ньянзы. 3 августа взору английского путешественника открылось и само озеро, поразившее его своими громадными размерами. «Я не испытывал более никакого сомнения в том, что озеро у моих ног дает начало той интересной реке, истоки которой были предметом столько размышлений и целью столько исследователей. Рассказы арабов подтвердились до последнего слова. Это гораздо более обширное озеро, чем Танганьика».

О том, чтобы установить очертания этого огромного водоема, объехав его на лодках или обойдя сухим путем, не могло быть и речи: у Спика не было ни времени, ни средств, необходимых для проведения исследований такого масштаба. Он ограничился тем, что нанес на карту ту часть озера, какую мог охватить взглядом. Однако того, что он видел, было ему достаточно, чтобы составить правильное понятие о новооткрытом озере как о «громадном разливе, расстилающемся по широкой плоской поверхности» (в отличие от Танганьики, лежащей в глубокой, обрамленной горами впадине). Местное название озера — Ньянза, т. е. «большая вода», — было в сущности именем нарицательным, обозначающим всякий крупный водоем. Спик добавил к нему имя английской королевы. Так на карте появилось название Виктория-Ньянза (ныне просто Виктория).

Ожидавший Спика в Таборе Бёртон встретил его восторженный рассказ о новом открытии весьма прохладно. Гипотезу о связи Виктории-Ньянзы с Нилом он сразу же отверг и, как иронизировал потом Спик, «позаботился, разумеется, о том, чтобы отделить [на карте] мое озеро от Нила своими Лунными горами». Горная цепь, отгораживающая бассейн Нила от озер-

Маршруты важнейших путешествий по Восточной Африке с конца 40-х по 70-е годы XX в.

ной области, значилась, как мы помним, и на карте Ребманна — Эрхардта, и на многих более ранних картах; однако, когда шла речь о том, что Нил может начинаться в озере Танганьика, Бёртон, видимо, готов был отказаться от представлений о существовании такого широтно ориентированного водораздела, теперь же почему-то вновь возымел к ним полное доверие. Он явно не хотел, чтобы найденная не им, а Спиком Виктория-Ньянза оказалась местом зарождения Нила, прекрасно понимая, что его более удачливый спутник вовсе не собирается делить с ним славу этого открытия.

Отношения между Бёртоном и Спиком к тому времени вообще испортились. Этому способствовали, очевидно, их усталость и болезни, делавшие обоих англичан мнительными и раздражительными. Не удивительно, что и их географические разногласия были легко перенесены на личную почву.

На берег Индийского океана путешественники вернулись — большей частью прежней дорогой — 3 февраля 1859 г. Спик прибыл в Англию раньше Бёртона и вскоре уже делал в Королевском Географическом обществе доклад, основное место в котором уделил, конечно, открытию Виктории-Ньянзы. Доклад вызвал шумную сенсацию, Спик стал героем дня, фигура же Бёртона как-то отошла на задний план, по крайней мере в глазах широкой публики. Ко всем ранее накопившимся у Бёртона претензиям к Спику, в большинстве своем, пожалуй, не слишком обоснованным, прибавилась теперь довольно-таки справедливая обида на то, что его помощник умышленно «обошел» своего начальника: ведь мог же Спик подождать его, Бёртона, возвращения, так, чтобы они выступили с совместным сообщением о результатах экспедиции! Спик, впрочем, оправдывался тем, что не смел ослушаться Мёрчисона, настаивавшего на немедленной постановке его доклада (поскольку экспедиция была организована Королевским Географическим обществом, Мёрчисон выступал в данном случае как его прямое начальство).

Вне зависимости от того, какая доля славы досталась Спику и какая — Бёртону, научные результаты их экспедиции были очень велики. Карта Восточной Африки, строившаяся до сих пор на основании лишь расспросных данных и домыслов, была заполнена теперь множеством новых географических объектов, местоположение которых было достаточно точно установлено астрономическими наблюдениями. Особенно важно, разумеется, то, что место единого «озера Ньяса» Кули и «озера Уньямвези» немецких миссионеров заняли три самостоятельных больших озера. На двух из них английские исследователи побывали лично (на Танганьике — вдвоем, на Виктории-Ньянзе — один Спик), и только третье, Ньяса, оставалось известным лишь понаслышке, но недолго: как мы уже знаем, в сентябре 1859 г. его посетил Ливингстон. Правда, сомнения в целостности «ве-

ликого озера» на востоке Африки были посеяны немного раньше: еще в 1857 г. Ливингстон сообщил о существовании в этой области нескольких озер, но он тоже основывался только на расспросных данных, честь же непосредственного установления этого факта целиком принадлежит Бёртону и Спику.

Составленный Бёртоном фундаментальный научный отчет экспедиции, занявший весь объем «Журнала Королевского Географического общества» за 1859 г., и его двухтомная книга «Озерные области Центральной Африки», вышедшая в свет в Лондоне в следующем году, явились ценнейшим вкладом в географическую литературу, открыв перед читателем широкую картину природы и населения огромной территории, о которой до того по существу не было известно ничего достоверного. Позднее Спик дополнил эти работы Бёртона своей книгой «Что привело к открытию истока Нила» (Эдинбург — Лондон, 1864), включившей описание и их предыдущего совместного путешествия в Сомали. По материалам начального, «берегового» этапа работ восточноафриканской экспедиции 1856—1859 гг. Бёртон подготовил еще один двухтомный труд — «Занзибар: город, остров и побережье» (Лондон, 1872).

Однако проблемы истоков Нила экспедиции Бёртона и Спика разрешить не удалось. Мнение Спика о том, что Нил вытекает из Виктории-Ньянзы, покоилось пока что на весьма шатком основании. Для серьезных ученых одной его уверенности в своей правоте было недостаточно.

«Штурм» истоков Нила с севера: Миани, Пеней и др.

В 1857 г., еще до открытий Бёртона и Спика, в Париже была опубликована «Новая карта бассейна Нила, показывающая общее происхождение этой реки с реками Зангвевара». Автором ее был венецианец Джованни Миани, участник восстания 1848 г. против австрийского владычества, вынужденный покинуть родину после его поражения; впоследствии он посетил Египет и Египетский Судан, а в конце 1856 г. совершил плавание вверх по Белому Нилу до Гондокоро. Кое-какие (видимо, очень смутные) сведения о нильских истоках, собранные во время этого путешествия и дополненные его собственной богатой фантазией, легли в основу составленной им карты. Как чисто гипотетическая, она была встречена географической общественностью с законным скептицизмом, но все же обратила внимание на Миани и в какой-то мере облегчила подготовку задуманной им экспедиции для поисков истоков Нила.

Организовать ее Миани удалось в 1859 г. на средства французского и египетского правительств. Правда, вскоре по прибы-

тии в Хартум экспедиция распалась: ее участники-французы не поладили со своим начальником-итальянцем и отказались сопровождать его далее. Миани решил продолжать путешествие на собственный страх и риск. В это время из Хартума в очередной рейс отплывал вверх по Белому Нилу мальтийский работорговец Андреа Дебона, вместе с ним Миани и прибыл в январе 1860 г. в Гондокоро. Отсюда он попытался сначала проикнуть к истокам Нила водным путем, но скоро убедился в невозможности преодолеть пороги Бахр-эль-Джебеля. Вернувшись в Гондокоро, Миани нанял носильщиков и вооруженный конвой для сухопутного похода и вместе с ними примкнул к отправлявшемуся на юг торговому каравану во главе с Мухаммедом Ват-эль-Меком, векилем (торговым агентом) Дебона. Путь экспедиции проходил восточнее Бахр-эль-Джебеля, более или менее параллельно реке, но на некотором от нее расстоянии. После трудного перехода караван снова вышел к Бахр-эль-Джебелю немного ниже места впадения его правого притока Асва. Миани установил, что в этом районе Белый Нил, огибая поднимающийся на его левобережье горный массив Ньери, описывает крутую, обращенную вершиной на восток излучину и образует пороги. Крайней южной точкой маршрута итальянского исследователя явилась одна из приречных деревень, расположенная у самой вершины излучины — примерно там, где сейчас находится Нимуле. Таким образом, он первым из европейцев миновал порожистый участок Белого Нила и достиг выше лежащего участка со спокойным течением, образующего удобный судоходный путь в область нильских озер.

Если бы Миани знал, как близок он к своей цели, то, вероятно, постарался бы любой ценой продвинуться дальше на юг. Но полученные им сведения о верхнем течении реки были слишком неопределенными; между тем плохое состояние здоровья, недостаток средств и наступление дождливого времени года побуждали его к возвращению. Вдобавок спутники Миани не пожелали идти дальше под тем предлогом, что местные жители якобы готовят на них нападение. 28 марта 1860 года, перед тем как выступить в обратный путь, итальянский исследователь вырезал на память свое имя на коре большого тамаринда, который с тех пор стали наносить на карты под названием «дерево Миани». Надо сказать, что широту этого пункта Миани определил неправильно, он поместил его под $2^{\circ}12'$ с. ш., в действительности же, как потом установил Спик, «дерево Миани» находилось под $3^{\circ}34'$ с. ш. *

В конце 1860 г. из Хартума в Гондокоро с той же целью, что и Миани, отправился командированный французским пра-

* Отчет о своем путешествии Миани опубликовал в 1860 г. в Каире (на итальянском языке) под заглавием «Экспедиция к истокам Нила».

вительством географ Гийом Лежан. Его вызвался сопровождать другой француз, Альфред Пеней — один из хартумских старожилов, занимавший пост начальника медицинской службы Египетского Судана. Их совместная экспедиция, однако, расстроилась из-за болезни Лежана, вынудившей его отбыть обратно на север. Что касается Пеней, то он не отказался от намерения проникнуть к истокам Нила, причем рассчитывал воспользоваться для этого водным путем (хотя неудачный опыт его предшественников был ему, несомненно, достаточно известен). В ожидании подъема воды в Бахр-эль-Джебеле он, присоединившись к каравану братьев Понсе, совершил в самом начале 1861 г. поход на запад от Гондокоро, к реке Еи, которую склонен был считать верховьем Джура; этот маршрут проходил близко к пути Морланга, но Пеней продвинулся несколько дальше к западу, за Еи, и посетил неизвестную до того европейцам область расселения макарака — одного из племен азанде. В феврале того же года он отправился на лодке на рекогносцировку порогов Бахр-эль-Джебеля, но смог преодолеть лишь две нижние группы стремнин. Продолжая двигаться вверх по долине реки ее левым берегом, он побывал в подступающих к ней с запада горах Рего и выяснил, что они продолжают в юго-восточном направлении массивом Ньери, виденном Миани. По возвращении в Гондокоро Пеней проделал небольшое путешествие к востоку от Бахр-эль-Джебеля, после чего собирался приступить к решительному «штурму» истоков Нила, но 28 июля 1861 г. умер в Гондокоро от болотной лихорадки.

Пенею, таким образом, не удалось подняться вверх по Белому Нилу дальше своих предшественников; тем не менее его письма и дневники (извлечения из них были опубликованы французским географом В. А. Мальт-Брёном в «Бюллетене Парижского Географического общества» в 1863 г.) содержали много полезного географического материала. Особенно высоко были оценены современниками его тщательные маршрутные съемки, явившиеся по существу первыми работами такого рода в области верховьев Бахр-эль-Джебеля.

Почти одновременно с Пенеем и столь же безуспешно пытался преодолеть пороги Бахр-эль-Джебеля молодой немецкий охотник-натуралист Вильгельм фон Гарнье, совершивший перед тем в 1859 г. путешествие на Голубой Нил. Перебравшись в дальнейшем из Гондокоро на станцию Святого Креста, он стал здесь жертвой своей страсти к охоте, погибнув в ноябре 1861 г. под копытами дикого буйвола*.

Установленный Миани «рекорд» продвижения вверх по долине Белого Нила на протяжении трех лет оставался по суще-

* Дневники Гарнье были посмертно опубликованы в виде книги «Путешествие на Верхний Нил» (Дармштадт — Лейпциг, 1866).

ству непревзойденным. Дальше итальянского путешественника проникал на юг только агент Дебоно Мухаммед Ват-эль-Мек и, возможно, сам Дебоно, но для науки эти торговые экспедиции ничего не дали.

Антинори и Лежан на Бахр-эль-Газале

В начале 60-х годов объектом экспедиций научно-исследовательского характера, не связанных с коммерческими предприятиями, становится и бассейн Бахр-эль-Газалея. Первой из них была экспедиция итальянского зоолога маркиза Орацио Антинори. В 1859—1860 гг. он путешествовал по Египетскому Судану, посетив ряд территорий в бассейне Голубого Нила и Кордофан, а в конце 1860—первой половине 1861 г. поднялся по Бахр-эль-Газалею до озера Рек и прошел отсюда сотню с лишним километров на юго-запад. Маршрут Антинори пролегал по междуречью Джура и Тонджа, частично коснувшись последней реки, а также менее значительного притока Бахр-эль-Газалея — хора (временного водотока) Молмул. Это путешествие, краткий отчет о котором был напечатан в приложениях к «Сообщениям Петерманна» за 1862/63 г., дало богатые орнитологические сборы (что и было главной целью экспедиции), в географическом же отношении оказалось сравнительно мало результативным. Все же оно доставило довольно полезный картографический материал, так как Орацио Антинори вел компасную съемку своего пешеходного маршрута, чего не делал почти никто из предыдущих путешественников по этой области. Итальянскому исследователю удалось также собрать некоторые более или менее достоверные сведения о ньям-ньям (азанде), которые были тогда предметом самых фантастических измышлений (им приписывался облик каких-то полузверей, «хвостатых людей»).

Значительно больший интерес для географов представила деятельность французского исследователя Гийома Лежана, который в 1860 г. путешествовал вместе с Антинори по Кордофану и затем, как уже упоминалось выше, собирался направиться на поиски истоков Нила, но вынужден был отказаться от этого плана по состоянию здоровья. Перед тем как вернуться на родину, он, несмотря на болезнь, совершил в феврале — апреле 1861 г. плавание по Бахр-эль-Газалею от устья до озера Рек. Хотя эта водная артерия уже была хорошо знакома европейцам, поездка Лежана ознаменовалась важным научным результатом: им была выполнена первая (и весьма точная для тех условий, в которых она проводилась) съемка Бахр-эль-Газалея, во многом изменившая уже сложившиеся представления о конфигурации его течения

Лежан решительно опроверг мнение Брэн-Ролле о том, что Нам-Аит (Бахр-эль-Газаль) является главным истоком Нила. «Выше нуэрских деревень [на Бахр-эль-Газале], — писал он, — лот дал глубину 1,55 метра, тогда как в Белой Реке, в половине дня пути вверх от озера Но, мною была промерена глубина 4,22 метра. Абьяд [т. е. Бахр-эль-Джебель] вдвое шире Нам-Аита, что же касается скоростей их течения, то, мне кажется, они относятся между собой как 5 : 2... Главное в гидрографии Нам-Аита — то, что он образует лишь канал стока расположенных под 9-й параллелью болот». В эти болота, подчеркивал Лежан, и вливают свои воды притоки Бахр-эль-Газалья, в большинстве случаев не доходя непосредственно до главной реки. В справедливости этого утверждения сейчас нам легко убедиться, взглянув на любую достаточно подробную карту.

Немаловажной заслугой Лежана наряду с собственными исследованиями было то, что он довел до всеобщего сведения географические результаты целого ряда более ранних экспедиций в область Верхнего Нила; в частности, именно он прислал во Францию для опубликования карту братьев Понсе.

Составленная Лежаном карта Бахр-эль-Газалья вместе с текстовым сообщением о его плавании по этой реке была помещена в «Новых анналах путешествий» в 1862 г. В том же году он снова отправился в Африку, на этот раз в Эфиопию, куда был назначен французским консулом; эта новая поездка продолжалась до 1864 г. Помимо журнальных публикаций исследовательская деятельность Лежана получила отражение в его книге «Путешествия на два Нила», изданной в Париже в 1865 г.

Экспедиция Спика и Гранта: принципиальное решение проблемы истоков Нила

Когда Спик в мае 1859 г. вернулся в Англию из своего совместного с Бёртоном путешествия и показал Мёрчисону составленную им карту, тот, согласившись с ним, что Виктория-Ньянза может быть истоком Нила, сказал: «Спик, мы должны послать вас туда снова». Вскоре Королевское Географическое общество приступило к организации новой восточноафриканской экспедиции, которая должна была достичь нильских истоков со стороны Занзибара и спуститься вниз по великой реке, непосредственно связав тем самым маршрут Бёртона и Спика с маршрутами исследователей, продвигавшихся по долине Нила с севера. Начальником экспедиции был назначен Спик, его помощником — капитан Джеймс Огастес Грант, шотландец по происхождению, давнишний приятель Спика. Одновременно Королевское Географическое общество поручило известному путешественнику по нильским странам Джону Питрику, назначенному британским консулом в Хартуме, организовать встречную

экспедицию из Судана, чтобы оказать Спику и Гранту помощь по их прибытии на Бахр-эль-Джебель; согласно достигнутой договоренности, Питрик должен был ожидать их в Гондокоро с припасами и судами.

В августе 1860 г. Спик и Грант прибыли в Занзибар, и уже 2 октября снаряженный ими караван выступил из окрестностей Багамоио к Великим озерам. Добравшись в январе 1861 г. до Таборы уже знакомым Спику путем, англичане двинулись отсюда на северо-северо-запад караванной тропой, которая вела в расположенное к западу от Виктории-Ньянзы государство Карагве и далее на север — в государство Уганда (Буганда)*. Экспедиция продвигалась вперед очень медленно из-за бесконечных переговоров с вождями местных племен, требовавшими уплаты дани за право прохода через их земли. Только в ноябре 1861 г. путешественники прибыли в Карагве. Правитель этой страны, Руманика, произвел на них самое хорошее впечатление своим радушием, умом и любознательностью. Из деревни Руманики Спик и Грант увидели высящиеся далеко на западе, на территории соседней страны — Руанды, вулканические горы Мфумбиру (Муфумбиру, Вирунга). «Конусы Мфумбиру в Руанде, — сообщает Спик, — которые, как я полагаю, достигают 10 000 футов**, являются, говорят, высочайшими из «Лунных гор». У их подножия имеются соляные и медные копи, а также горячие источники». Путешественники слышали также о лежащем за этими горами «озере Рузизи», которое дает начало одноименной реке, впадающей в Танганьику; это были первые дошедшие до европейцев сведения об озере Киву.

Важным географическим объектом, с которым английские исследователи смогли познакомиться во время пребывания у Руманики, была река Кагера, или Китангуле, — крупнейший приток Виктории-Ньянзы. Впервые Спик повидал ее 3 декабря 1861 г. Таким образом, ему принадлежит честь открытия не только главного резервуара Нила — озера Виктория, но и впадающей в него большой реки, которую в настоящее время принято считать главным истоком Нила.

В начале января 1862 г. в Карагве прибыло посольство из Буганды, король которой Мтеса услышал о прибытии неви-

* Спик и многие позднейшие исследователи писали «Уганда», что не было ошибкой. Слово «Уганда» означает страну, территорию, «Буганда» — сложившееся на этой территории государственное образование, королевство; чисто географическое содержание этих понятий было, таким образом, идентичным. Однако впоследствии название Уганда было распространено на более обширную территорию, лишь небольшой частью которой являлось старое государство Буганда. Поэтому, говоря об этом феодальном королевстве, мы во избежание путаницы будем употреблять название Буганда.

** Т. е. около 3000 м. В действительности эти горы еще выше: самый высокий вулкан, Карисимби, достигает 4507 м.

данных белых людей и теперь приглашал их погостить у него. Распрощавшись с Руманикой, Спик в сопровождении посланцев Мтесы отправился в Буганду; Грант, у которого сильно разболелась нога, вынужден был задержаться в Карагве.

За Кагерой, в пределах Буганды, путь экспедиции приближился к берегам Виктории-Ньянзы (до того он проходил на значительном расстоянии к западу от нее), и Спик мог снова полюбоваться «своим озером», на этот раз с северной его стороны. 19 февраля 1862 г. караван прибыл в резиденцию Мтесы, расположенную недалеко от современной Кампалы. При дворе Мтесы Спик провел почти полгода. В конце мая к нему присоединился Грант. Мтеса долго не хотел отпускать своих гостей, но в конце концов они добились у него разрешения продолжать путешествие, а также посетить вытекающую из озера реку, которую местные жители называли Кивирой и которая, по твердому убеждению Спика, не могла быть ничем иным, как Нилом.

7 июля 1862 г. английские исследователи выступили из резиденции Мтесы. Вскоре они ненадолго расстались: Грант с основной частью каравана двинулся на северо-запад, в соседнюю страну Уньоро (Буньоро), а Спик повернул на восток и 21 июля вышел к Кивире у селения Урондогани. «Наконец-то я стоял на берегу Нила», — с глубоким удовлетворением записал он в свой дневник. Неделей позже, 28 июля 1862 г., пройдя левым берегом реки вверх по ее течению, путешественник увидел и место ее зарождения: узкую горловину, через которую из озера вырывался мощный поток и тут же низвергался со скалистого уступа небольшим, но живописным водопадом.

«Итак, экспедиция выполнила свою задачу. Я видел, что старый отец-Нил, вне всякого сомнения, начинается в Виктории-Ньянзе, и это озеро, как я и предсказывал, является великим истоком священной реки...

Самые отдаленные воды, то есть головной исток Нила, — это южная оконечность озера, расположенная близко к третьему градусу южной широты, из чего следует, что Нил имеет поразительную длину, протекая по прямой линии на протяжении более тридцати четырех градусов широты, или свыше 2300 миль...».

Подытоживая всю имевшуюся в его распоряжении информацию о Виктории-Ньянзе, Спик подчеркивал, что с западной стороны, как он лично убедился, это озеро принимает лишь один крупный приток — Китангуле (Кагеру), с востока же, по рассказам арабских торговцев, в него не впадает ни одной сколько-нибудь значительной реки, и вообще тот край орошен гораздо более скудно. До Спика дошли также слухи о существовании к востоку от Виктории-Ньянзы какого-то «соленого озера», якобы связанного с ней протокой; он склонен был

отождествлять его с тем «соленым озером Баринго», о котором слышал Крапф, но, исходя из наличия у него сообщения с Ньянзой, сомневался в том, что оно действительно соленое.

Попытка Спика спуститься на лодках по Сомерсету (это название, в честь своего родного графства Сомерсетшир, он дал Кивире) * вниз от Урондогани не удалась, так как предоставленный Мтесой конвой отказался его сопровождать. Догнав Гранта на пути в Буньоро, Спик вместе с ним снова вышел к той же реке значительно ниже по ее течению. 9 сентября 1862 г. путешественники достигли резиденции Камраси, правителя Буньоро, находившейся при впадении в Сомерсет-Нил его левого притока Кафу. Отсюда Спик и Грант проследили Сомерсет-Нил вниз по течению до того места, где эта река поворачивает на запад, образуя пороги Карума. Им рассказывали, что далее к западу она протекает еще через одно большое озеро — Лута-Нзиге — и выходит из него в северном направлении. От посещения его, однако, пришлось отказаться: жители той местности находились в состоянии войны с Камраси и не пропустили бы чужестранцев через свои земли.

Покинув берега Сомерсет-Нила у порогов Карума, Спик и Грант двинулись напрямик на север и 3 декабря прибыли в Фалоро, факторию Дебоно, отмечающую собой южную границу проникновения хартумских купцов в верхненильскую область. Мухаммед, векиль Дебоно, оказал англичанам, материальные средства которых были совершенно истощены, посильную помощь и сам вызвался проводить их в Гондокоро. 13 января 1863 г. их взору представился Белый Нил, а еще через два дня они смогли увидеть «дерево Миани». Таким образом, впервые после выхода из Таборы экспедиция вновь вступила в пределы уже известной европейцам территории.

В Гондокоро, куда путешественники прибыли 15 февраля, их ждал приятный сюрприз. «Спускаясь вниз по берегу реки... — вспоминает Спик, — мы увидели спешащую к нам фигуру англичанина, и в следующую минуту меня уже обнимал мой старый друг Бейкер, прославленный своими охотничьими подвигами на Цейлоне». Британского же консула Питрика в Гондокоро не оказалось, хотя, по всем расчетам, он должен был там быть уже давно; впрочем, через несколько дней появился и он во главе большого каравана с грузом слоновой кости. Так или иначе, помощь Питрика была уже не слишком нужна: Бейкер снабдил Спика и Гранта всем необходимым и предоставил в распоряжение путешественников зафрахтованные им суда. В июне 1863 г. Спик и Грант уже были в Англии. Но еще рань-

* Наряду с названием Сомерсет или Сомерсет-Нил к тому же участку течения Нила (между озерами Виктория и Альберт) уже в 60-х годах стало прилагаться другое название — Виктория-Нил, ставшее потом более употребительным и фигурирующее сейчас на наших картах.

ше в Лондон пришла отправленная Спиком из Александрии телеграмма: «The Nile is settled» — «С Нилом все в порядке».

Доложив об основных результатах экспедиции на заседании Королевского Географического общества, Спик затем подготовил и опубликовал описание своего путешествия — «Дневник открытия истока Нила» (Эдинбург — Лондон, 1863). Вскоре вышла в свет и вторая его книга (о предыдущих экспедициях). Ценным дополнением к «Дневнику» Спика явилась книга Гранта «Пешком через Африку» (Эдинбург — Лондон, 1864).

Научные итоги экспедиции Спика и Гранта выразились прежде всего в достаточно точной съемке их маршрута, сопровождавшейся астрономическим определением координат всех основных его точек (104 определения широты и 20 — долготы); при этом большое значение для последующих картографических построений имело установление точного местоположения не только тех пунктов, в которых Спик и Грант побывали первыми из европейцев, но и тех, которые посещались многими путешественниками ранее (так, в ходе своего плавания по Нилу от Гондокоро до Хартума Спик выяснил, что устье Собата расположено на целый градус восточнее и почти на полградуса севернее, чем оно изображалось на картах). Немалый интерес представили доставленные экспедицией этнографические материалы, обширный гербарий, данные метеорологических наблюдений. Но особенно важен был, конечно, ее вклад в решение многовековой «нильской загадки». На карте Спика хотя и схематично, но в сущности вполне правильно были показаны основные звенья гидрографической системы Верхнего Нила: река Китангуле (Кагера), озеро Виктория, Сомерсет-Нил (Виктория-Нил), озеро Лута-Нзиге (т. е. озеро Альберт, известное ему, правда, только понаслышке) и, наконец, выходящий из него Белый Нил. Экспедиция Спика и Гранта доказала несостоятельность концепции широтно вытянутых «Лунных гор», отделяющих бассейн Нила от озерной области (то, что называл «Лунными горами» сам Спик, было орографическим объектом более скромного масштаба, соответствующим реально существующим горам Вирунга). В общем по сравнению с более ранними представлениями о географии этой части Африки шаг вперед был огромный. Исходя из современного уровня знаний можно констатировать, что в результате путешествия Спика и Гранта проблема истоков Нила была принципиально разрешена.

Однако географам того времени многое в этой проблеме оставалось неясным, и, по их мнению, заявление Спика о том, что «с Нилом все в порядке» было слишком категоричным. Английскому исследователю не удалось проследить течение Нила в озерной области «шаг за шагом», и на отдельных участках, довольно значительных по протяженности, он положил его на карту, руководствуясь лишь расспросными данными и соб-

ственным географическим «чутьем» (которое, надо признать, редко его обманывало). Поэтому хотя некоторые ученые и присоединились к его взглядам на истоки Нила, но только как к гипотезе, пусть даже и весьма правдоподобной. Нашлись у Спика и прямые противники. В их числе был, например, Миани, который, во-первых, энергично протестовал против проделанного Спиком «укорочения» его маршрута на карте примерно на полтораста километров (о том, что Миани ошибся при определении широты крайнего южного пункта своей экспедиции, мы уже упоминали); во-вторых, он считал, что настоящий Белый Нил — тот, который протекает у Гондокоро, — начинается к востоку от Виктории-Ньянзы, в горах Кения и Килиманджаро, вытекающая же из этого озера река — верховье Еи, которая продолжается в свою очередь Джуром и Бахр-эль-Газалем. Эту гипотезу, правда, было легко опровергнуть: если бы Миани был прав, то Спик и Грант, переправившись с левого на правый берег Сомерсет-Нила у порогов Карума, должны были бы перед тем, как достичь Гондокоро, переправиться еще и через «истинный» Белый Нил, чего в действительности не было.

Труднее было возражать тем оппонентам, которые, допуская непосредственное сообщение Сомерсет-Нила Спика с «гондокорским» Белым Нилом, не признавали за ним вместе с тем значения главного его истока. Так, Г. Барт предполагал, что наиболее удаленным от устья, а следовательно, и главным истоком Нила является лежащее к востоку от Виктории проблематичное «озеро Баринго» Крапфа, которое питают ручьи, стекающие со снеговой горы Кения. Мысль о «восточном» происхождении Белого Нила высказывал и Бёртон; по его мнению, подлинным нильским истоком могла быть открытая Миани река Асва*. Основным же объектом своей критики, резко недоброжелательной по отношению к Спику, бывший его начальник избрал Викторию-Ньянзу. Бёртон решительно отказывался верить в целостность этого огромного водоема и доказывал, что он состоит из двух обособленных озер — южного, которое Спик видел в 1858 г., и северного, на берегах которого он же побывал в 1862 г. Хотя сам Спик считал единство открытого им озера несомненным фактом (и был в том совершенно

* Основание для подобного предположения дал в сущности сам Спик: на его карте Асва обозначена как вытекающая из озера Баринго, имеющего одновременно связь и с Викторией-Ньянзой. В намеченной им схеме гидрографии верхненильской области есть и другая ошибка: на той же карте из Виктории-Ньянзы наряду с собственно Нилом (Сомерсет-Нилом, Викторией-Нилом) выходят еще два небольших водотока, впоследствии сливающихся с главной рекой. Ошибка эта вызвана тем, что некоторые левые притоки Викторией-Нила подходят своими верховьями очень близко к северному берегу Виктории; не проследив эти реки до самого истока, их легко можно было счесть вытекающими из озера, что и сделал Спик.

прав), в пользу своей точки зрения он мог привести только собранную им устную информацию, которую, разумеется, нельзя было рассматривать как бесспорное доказательство: к тому же измеренные им в разное время высотные отметки уровня южной и северной частей озера заметно различались между собой, что и было использовано Бёртоном в числе прочих аргументов.

Английский географ Ч. Т. Бик выдвинул гипотезу о том, что главным истоком Нила является не Виктория-Ньянза, а Танганьика. Действительно, Бёртон и Спик в свое время не проверили лично, впадает Рузизи в Танганьику или вытекает из нее, так что этот вопрос по существу оставался открытым. Сообщение Танганьики с Нилом (через Лута-Нзиге) позднее стал допускать и сам Бёртон — с тем большей, очевидно, охотой, что подобная гипотеза давала право назваться открывателем истоков Нила именно ему как первому европейцу, увидевшему Танганьику. В этой связи приобрела большое значение проблема подковообразных «Лунных гор», которыми Спик отделил Танганьику от бассейна Нила и которые Бёртон с самого начала объявил несуществующими. Против существования стока Танганьики в бассейн Нила говорил, правда, тот веский довод, что, по имевшимся тогда данным, это озеро расположено на более низком гипсометрическом уровне, чем Белый Нил у Гондокоро; однако, как уже говорилось, высота Танганьики над уровнем моря была определена Спиком в 1858 г. неверно, и впоследствии Ливингстон нашел ее более значительной, так что этот аргумент утратил свою силу*.

Справедливость всех основных географических выводов Спика** была подтверждена лишь много позднее, в 70-х годах. Сам он не дожид до торжества своих идей. В самый разгар развернувшейся вокруг его экспедиции научной полемики, 15 сентября 1864 г., исследователь истоков Нила нелепо погиб у себя на родине в результате несчастного случая на охоте.

«Встречная» экспедиция Питрика

В 1864 г. в «Трудах Королевского Географического общества» был помещен краткий отчет Джона Питрика о его экспеди-

* Не мешает заметить, что высота Бахр-эль-Джебеля в районе Гондокоро (по современным данным — 455 м) тогда в свою очередь определялась завышенно: по измерениям Довьяка — 489 м, Пеней — 628 м.

** За исключением, конечно, его ошибочных взглядов на существование стока Танганьики в бассейн Замбези. Наряду с вопросами о целостности озера Виктория и о существовании «Лунных гор» к северу от Танганьики это было еще одной мишенью критики Бёртона — и по существу единственным пунктом, в котором он оказался прав.

ции, организованной (по крайней мере по первоначальному замыслу) для оказания помощи Спиду и Гранту. Сильно задержавшись в Хартуме, он отплыл вверх по Белому Нилу только во второй половине марта 1862 г. Лучший сезон для плавания вверх по реке — с устойчивыми северными ветрами — был упущен, и парусники экспедиции продвигались вперед чрезвычайно медленно. Питрик решил, что не слишком проигрывает во времени, если отправится в Гондокоро сухим путем к западу от Бахр-эль-Джебеля — более трудным, но привлекавшим его возможностью закупок слоновой кости.

Высадившись на пристани Абу-Кука, недалеко от миссии Святого Креста, он оставил суда на попечение одного из своих векилей, отдав ему распоряжение следовать далее в Гондокоро и позаботиться о Спике и Гранте в случае их появления, сам же двинулся из Абу-Куки на запад. По пути ему пришлось форсировать помимо более мелких водных преград большое пойменное озеро-болото («лагуну», как писал Питрик) Фараган, или Хауган. Добравшись до Нам-Роля, Питрик прошел правым берегом этой реки вверх по ее течению, затем пересек междуречье Нам-Роля и Еи и дошел вверх по долине Еи до места впадения небольшого правого притока Бибе. В эти края уже несколько лет как была проторена караванная дорога из Гондокоро, куда экспедиция и прибыла 20 февраля 1863 г.

Ликвидировав вскоре после этого свои дела в Судане и окончательно переселившись в Англию, Джон Питрик подготовил вместе с женой Кэтрин, сопровождавшей его в последней экспедиции, двухтомную книгу «Путешествия по Центральной Африке и исследования западных притоков Нила» (Лондон, 1869).

С картографической точки зрения экспедиция Питрика 1862—1863 гг. оказалась более результативной, чем предыдущие путешествия, так как на этот раз он взял с собой инструменты для астрономических наблюдений и смог определить координаты узловых пунктов своего маршрута. Ему удалось пролить некоторый свет на запутанную гидрографию областей, расположенных непосредственно к западу от Бахр-эль-Джебеля. Питрик установил, что река Нам-Роль, истоки которой раньше помещались на картах недалеко от 6° с. ш., в действительности начинается (под названием Яло, или Ире) много южнее и течет более или менее параллельно реке Еи, западнее ее. Отсюда следовало, что Еи вопреки преобладавшему тогда мнению никак не может быть верховьем Джура, бассейн которого расположен еще западнее водосбора Нам-Роля. Питрик пришел к правильному выводу о том, что Еи должна изливать свои воды в болото Фараган, имеющее, по собранным им сведениям, сток непосредственно в Бахр-эль-Джебель в районе Габа-Шамбиля (фактически несколько севернее этого пункта).

Открытие Бейкером озера Альберт

Исследования Спика и Гранта были существенным образом дополнены другой «встречной» экспедицией, организованной на собственные средства состоятельным англичанином Сэмюэлом Уайтом Бейкером, инженером-строителем по профессии, путешественником и охотником-спортсменом по склонностям. Верной спутницей Бейкера в этом путешествии была его жена Флоренс, по национальности венгерка. На поиски истоков Нила Бейкер отправился, не ставя никого в известность о своих планах. «У меня не хватало смелости, — признавался он потом, — заявить гласно о моем намерении, но я твердо решил или разрешить эту трудную задачу, или умереть над нею».

В апреле 1861 г. чета Бейкеров отплыла из Каира вверх по Нилу. Первый год своего пребывания в Африке Бейкеры посвятили путешествию по восточной части Египетского Судана и соседним районам Эфиопии. По долине Атбары и затем вдоль ее правого притока Сетита (Таказзе) они проникли в глубь Эфиопского нагорья, оттуда прошли на юго-запад через область верховьев Атбары к Рахаду и Диндери — правым притокам Голубого Нила и спустились по Голубому Нилу до Хартума. В декабре 1862 г. они отправились из Хартума в Гондокоро и прибыли туда за две недели до Спика и Гранта. С восторгом встретив своих соотечественников и искренне поздравив их с успешным выполнением поставленной перед ними задачи, Бейкер вместе с тем слегка упал духом при мысли о том, что проблема истоков Нила разрешена без его участия. «Неужели на мою долю не осталось ни одного листочка от ваших лавров?» — полушутя-полусерьезно спросил он Спика. Тот заверил его, что поле для исследовательской деятельности еще очень велико, и обратил его внимание в особенности на озеро Лута-Нзиге, которое им с Грантом не удалось посетить. Исследованию этого озера Спик придавал большое значение и рекомендовал Бейкеру им заняться. Спик и Грант снабдили Бейкера полезными советами и копией составленной ими карты области истоков Нила. «Они возвращались уже с победою, — вспоминает Бейкер, — а я еще только шел на битву». 26 марта 1863 г. экспедиция Бейкера выступила из Гондокоро, следуя за купеческим караваном, который направлялся в расположенную к востоку от Бахр-эль-Джебеля страну Лотуко. В горах Лотуко — северных отрогах Восточно-Африканского плоскогорья — пришлось надолго задержаться, переживая сезон дождей. Только в начале января 1864 г. Бейкер и его спутники двинулись на юг в Бунборо. По пути они перешли вброд Асву, которая в это время года представляла собой лишь узкий ручеек; так была опровергнута версия о том, что эта река может являться главным истоком Нила. 22 января караван вышел к Виктория-

Нилу недалеко от порогов Карума. Бейкеру удалось убедить прибывших вскоре к порогам послов Камраси в том, что он пришел в их страну с мирными целями; при этом он назвался братом Спика, оставившего о себе в Буньоро самые хорошие воспоминания. Английский исследователь был допущен в Мрули, столицу Буньоро. Долгие переговоры закончились тем, что Бейкер получил разрешение отправиться к интересовавшему его озеру, которое, как выяснилось, называлось не Лута-Нзиге, а Мвутан-Нзиге.

Из Мрули экспедиция двинулась на запад заболоченной долиной Кафу. На этом переходе заболела и едва не умерла жена Бейкера. Наконец 14 марта 1864 г. пришла долгожданная награда за все лишения и испытания: путешественники увидели Мвутан-Нзиге. «Подобное морю ртути, — рассказывает Бейкер, — далеко внизу лежало огромное водное пространство — безграничная гладь, уходящая на юг и юго-запад, сверкая на полуденном солнце; на западе же, на расстоянии пятидесяти или шестидесяти миль, синие горы вздымались из глубин озера на высоту около 7000 футов над его уровнем».

Новооткрытое озеро Бейкер назвал Альберт-Ньянзой (озером Альберт), в честь незадолго перед тем скончавшегося мужа королевы Виктории. Горному хребту (фактически приподнятому краю плоскогорья), обрамляющему озерную котловину с запада, он дал название Синие горы, которое тоже утвердилось с тех пор в географической номенклатуре.

Бейкер вышел к озеру Альберт сравнительно недалеко от его южной оконечности, но этот факт остался ему неизвестным; напротив, со слов местных жителей, которые то ли сами были недостаточно осведомлены, то ли намеренно ввели его в заблуждение, у него создалось впечатление, что озеро протягивается на юг еще на несколько сотен километров. В любом случае исследовать это озеро целиком он не собирался, считая более важным проверить собранные Спиком и им самим сведения о том, что через него протекает Нил. Раздобыв лодки, Бейкер вместе со всеми своими людьми пустился в плавание вдоль восточного берега озера к его северной оконечности. Из-за частых штормов, которые приходилось пережидать на берегу, экспедиция прибыла к месту впадения Виктория-Нила только на тринадцатый день плавания. Устье реки оказалось замаскированным зарослями тростника и массой плавучих тростниковых островков, отрывающихся в бурю от берега и разносимых ветром по всему озеру. Бейкер смог увидеть вдалеке и выход Нила из северного конца озера, клинообразно сужающегося и незаметно переходящего в речную долину.

Поначалу исследователя несколько смутило то обстоятельство, что вода в устье Виктория-Нила почти стоячая; с трудом верилось, что это та самая река, которую он видел выше по

течению быстро катящей свои воды по каменистому ложу*. Вскоре он, однако, рассеял все сомнения на этот счет, проследив нижний участок Виктория-Нила почти на всем его протяжении от устья до порогов Карума. В трех десятках километров от места впадения реки в озеро Альберт Бейкер открыл на ней низвергающийся с 40-метровой высоты водопад, самый крупный на Ниле, который назвал именем Мёрчисона.

В ноябре 1864 г. экспедиция выступила в обратный путь и в феврале следующего года вышла к Бахр-эль-Джебелю немного ниже по его течению, чем Спик и Грант. Приближаясь к Гондокоро, путешественники «чувствовали себя почти уже дома». В мае 1865 г. Бейкер и его жена прибыли в Хартум и еще через несколько месяцев вернулись в Англию.

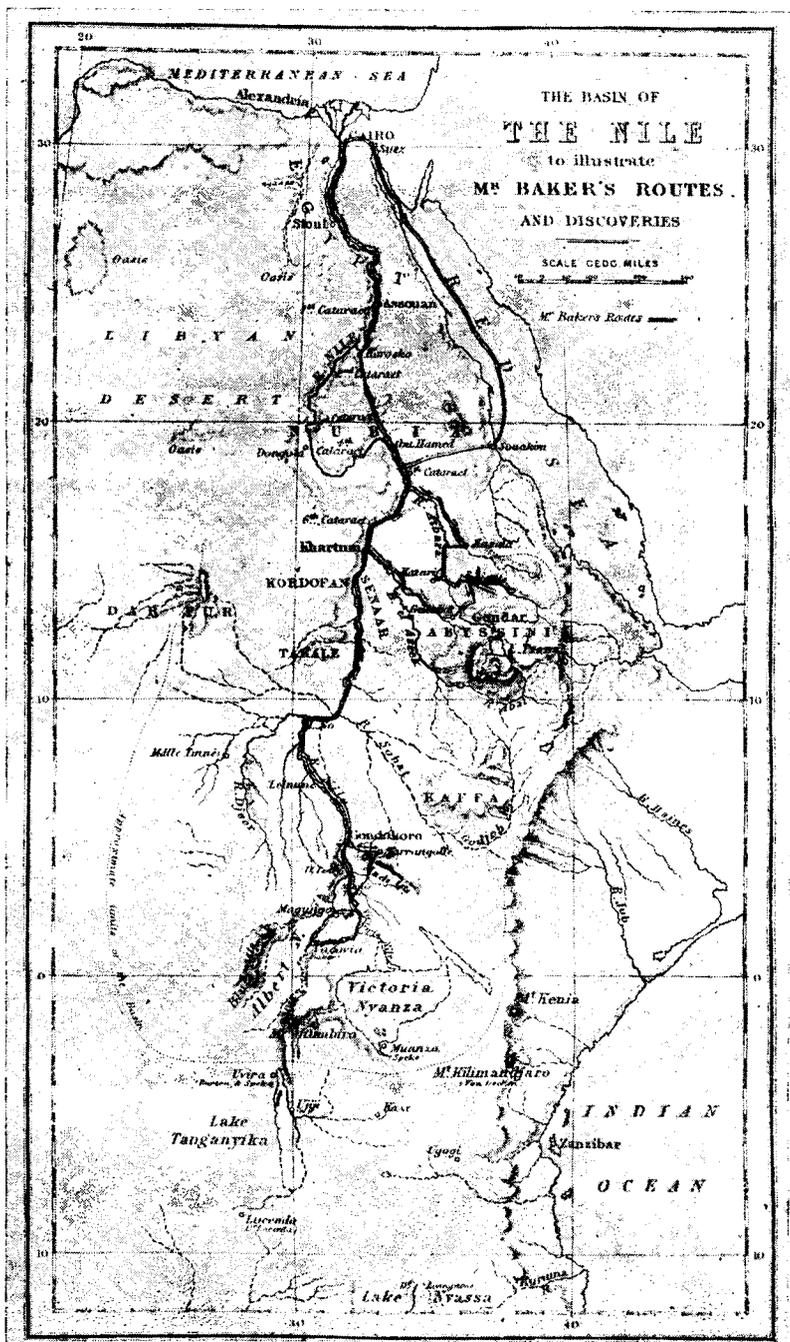
Книга Бейкера о его путешествии—«Альберт-Ньянза, великий водоем Нила, и исследования истоков Нила», вышедшая в свет в Лондоне в 1866 г. (в двух томах)**, не отличалась сама по себе особенно высоким научным уровнем; однако проведенная им исследовательская работа имела большое принципиальное значение и была по достоинству оценена современниками. Главным результатом было, разумеется, открытие озера Альберт. Бейкер не только посетил это озеро первым из европейцев, но и совершенно правильно определил его ключевое положение в гидрографической системе Верхнего Нила, его роль «единого огромного резервуара, куда должно стекаться всё». Целиком разделяя взгляды Спика на гидрографию верхненильской области и всемерно подчеркивая его географические заслуги, Бейкер указывал: «Виктория — самый верхний и первый по времени открытия исток [Нила]; Альберт — второй исток, но вместе с тем целостный резервуар нильских вод».

Едиственная существенная ошибка Бейкера (выявленная значительно позже) касалась размеров озера Альберт, о которых, как мы уже говорили, у него сложилось сильно преувеличенное представление. Длину его он определял приблизительно в 480 км (в действительности лишь 145 км), ширину переоценил примерно вдвое; по площади это озеро получилось у него почти равным Виктории и явно больше Танганьики. Характерно, что для «озера Рузизи», т. е. Киву, на карте Бейкера места уже не осталось.

Исследования Бейкера явились первым непосредственным подтверждением географических воззрений Спика. Однако целостность озерно-речной системы Верхнего Нила по-прежнему

* Характерная для многих африканских рек особенность — чередование участков с крутым падением и выровненных бьефов со спокойным течением — тогда была еще недостаточно осознана.

** В русском переводе — «Путешествие к верховьям Нила и исследование его источников» (СПб., 1868).

Карта бассейна Нила С. У. Бейкера

еще не была полностью доказана, и вопрос о местонахождении «настоящего» истока Нила продолжал оставаться на повестке дня.

Тинне и Хейглин в бассейне Бахр-эль-Газалья. Прюйсенер

Отплывая из Хартума в Гондокоро в декабре 1862 г., Бейкер салютовал ружейным залпом другой исследовательской экспедиции, за месяц до того вернувшейся с Бахр-эль-Джебеля и собиравшейся теперь направиться на Бахр-эль-Газаль. Ее организовала и возглавила молодая голландка Александрина (Алексина) Петронелла Франсина Тинне, унаследовавшая от своего отца, крупного коммерсанта, огромное состояние, которое и намерена была употребить на раскрытие тайн «Черного континента». Знакомство ее с Африкой началось с Египта, где она побывала в 1856 и 1858 гг. со своей матерью Генриеттой Марией Луизой Тинне и теткой Адрианой ван Капеллен. В их же сопровождении она вновь отправилась в 1861 г. в Египет, а оттуда в начале следующего года — в Восточный Судан, чтобы внести и свою лепту в исследование области Верхнего Нила. Зафрахтовав единственный имевшийся тогда в Хартуме пароход, голландские путешественницы в мае 1862 г. пустились в плавание вверх по Белому Нилу, поднялись по Собату до границы судоходства, а затем, вернувшись на главную реку, проследовали в Гондокоро с расчетом двинуться оттуда дальше на юг, навстречу Спику и Гранту; однако, заболев лихорадкой, они вынуждены были в ноябре вернуться в Хартум.

В то время здесь находились два немецких ученых-путешественника — зоолог Теодор фон Хейглин и ботаник Герман Штёйднер, отделившиеся от экспедиции, посланной на поиски Фогеля. Стесненные в средствах, они охотно воспользовались возможностью примкнуть к организованной на широкую ногу «дамской экспедиции», которая, таким образом, получила ценное научное подкрепление.

В качестве объекта дальнейших исследований была избрана юго-западная окраина нильского бассейна. Хейглина особенно интересовала страна ньям-ньям, которую только что начали регулярно посещать хартумские купцы. Туда и двинулась богато оснащенная экспедиция Тинне. Составившие ее авангард Хейглин и Штёйднер отплыли из Хартума на паруснике 25 января 1863 г.; 2 февраля за ними последовала на пароходе и четырех парусных судах основная часть экспедиции, общее число участников которой, включая слуг и вооруженную охрану, доходило до двухсот человек. В марте весь состав экспедиции собрался в Мешра-эр-Рек. Была организована сухопутная транс-

портировка снаряжения и припасов в область, расположенную к западу от Джура, на границах Дар-Фертита; там предполагалось устроить базу для дальнейшего продвижения на юг.

Исследовательским планам Тинне и Хейглина, однако, не суждено было сбыться. Одно за другим на экспедицию начали обрушиваться несчастья. 10 апреля 1863 г. умер от болевой лихорадки Штейднер. Его участь разделила в дальнейшем мать Тинне. Страдала лихорадкой и сама Александрина. На грани жизни и смерти долго находился Хейглин. Продолжать путешествие в таком состоянии было физически невозможно. В январе 1864 г. оставшиеся в живых члены экспедиции выступили в обратный путь и в конце марта прибыли в Хартум*.

Экспедиция Тинне смогла продвинуться в глубь неисследованной области лишь на сравнительно небольшое расстояние. Наиболее удаленный от Мешра-эр-Рек пункт ее маршрута находился на правобережье реки Понго, принадлежащей к системе Бахр-эль-Араба, крупнейшего левого притока Бахр-эль-Газалья.

Вне зависимости от размеров того участка центральноафриканского «белого пятна», который был стерт с карты экспедицией Тинне, научный уровень проведенной ею исследовательской работы был намного выше, чем у всех предыдущих экспедиций в бассейн Бахр-эль-Газалья; это было обеспечено участием в ней такого квалифицированного специалиста, как Хейглин. Особенно обильны были собранные экспедицией естественноисторические, в первую очередь зоологические, материалы. Ценные результаты имело это путешествие и для картографии. На всем протяжении своего маршрута Хейглин вел детальную съемку, контролируя ее астрономическими наблюдениями; это дало возможность кое в чем исправить картографическое изображение Бахр-эль-Газалья по Лезжану и впервые более или менее точно фиксировать положение главной из питающих его рек — Джура (раньше эту реку относили слишком далеко к западу), не говоря уже о нанесении на карту ряда новых, хотя и не перестепенной важности, географических объектов, в том числе Понго. Хейглином была, кроме того, собрана (у коренного населения и хартумских торговцев), тщательно проанализирована и положена на карту обширная информация о соседних районах, им самим не посещавшихся; она позволила во многом пополнить

* После этого путешествия Тинне побывала в Алжире и попыталась проникнуть в глубь Сахары, но потерпела в этом неудачу. В 1869 г. она организовала новую экспедицию во внутреннюю Африку, намереваясь пройти из Триполи к озеру Чад и оттуда к верховьям Нила. Это предприятие закончилось трагической гибелью молодой путешественницы (ей не исполнилось и 30 лет): 1 августа 1869 г. по дороге из Мурзук в Гат она была убита туарегами. «Так судьба, всегда столь немилостивая к Тинне, оказалась безжалостной к ней до самого конца» (С. Кулжес. Голландка в Африке.— Геогр. календарь «Земля и люди. 1969». М., 1968).

знания о гидрографической системе Бахр-эль-Газала и о расселении различных народов в его бассейне. Правда, некоторые из полученных таким путем сведений оказались в дальнейшем недостоверными, в частности те, на основании которых немецкий исследователь, как и большинство его предшественников—Миани, Пеней, Кауфманн и другие, — идентифицировал верховье Джура с Еи (что уже к моменту его возвращения в Хартум было опровергнуто Питриком).

Среди собранных Хейглином расспросных данных были и такие, которые говорили о существовании к югу от исследованной им части нильского бассейна нескольких рек, текущих на запад, в том числе одной очень большой («шире Бахр-эль-Абьяда»); Хейглин обозначил ее на своей карте под условным названием «река Сены» (Сена — имя одного местного вождя, резиденция которого, по слухам, находилась на этой реке). Немецкому путешественнику рассказывали также о лежащем еще южнее «громадном озере с плоскими берегами». «Река Сены», очевидно, была не чем иным, как Уэле, сведения же об озере, если они вообще имели под собой реальные основания, в действительности относились, возможно, к реке Конго, которая в своем среднем течении образует обширные озеровидные расширения. В то время, однако, никаких предположений о принадлежности этих гидрографических объектов к системе Конго не возникло; более или менее ясно было только то, что они вряд ли имеют отношение к Нилу.

Текущую информацию о ходе экспедиции Тинне в Европе получали из писем Хейглина, регулярно печатавшихся в «Сообщениях Петерманна»; в приложениях к тому же журналу за 1862/63 г. была помещена специальная подборка его писем, а в следующем томе приложений за 1863/64 г. — обширные извлечения из его дневника, освещающие заключительный этап путешествия. Основные географические итоги экспедиции были подведены Джоном А. Тинне, проживавшим в Англии родственником Александрины, в «Трудах Исторического общества Ланкашира и Чешира» за 1864 г. Позднее Хейглином была написана книга «Путешествие в область Белого Нила и его западных притоков», опубликованная в Лейпциге в 1869 г. По материалам той же и предыдущих своих экспедиций он подготовил, кроме того, фундаментальные исследования «К зоологии Центральной Африки» (Иена, 1865) и «Орнитология Северо-Восточной Африки» (Кассель, 1869), а также интересную карту зоогеографического районирования бассейна Нила и прибрежных областей Красного моря и Аденского залива (помещена в «Сообщениях Петерманна» за 1869 г.).

Из корреспонденций Хейглина географическая общественность впервые узнала о работах еще одного безвременно погибшего исследователя верхненильской области—Прюйсенера (сам

он при жизни не опубликовал ничего, кроме одной небольшой заметки). Эжен Эдуар Жак Мари де Прюйсенер де Ла Востин, состоятельный бельгиец, путешествовавший на собственные средства, прибыл в Хартум из Египта в конце 1858 г. и в 1859—1860 гг. совершил продолжительную поездку по Белому Нилу, в ходе которой проник, между прочим, к западу от миссионерской станции Святого Креста на Бахр-эль-Джебеле до одного из правых притоков Еи. В 1861—1862 гг. он предпринял еще два плавания по Белому Нилу, поднимался по Собату (в июне 1862 г., почти одновременно с Тинне) и по возвращении в Хартум встретился с Хейглином, которого и информировал о некоторых результатах своих исследований. В дальнейшем Прюйсенер перенес свою деятельность на берега Голубого Нила; там, недалеко от Каркоджа, он скончался от лихорадки 15 декабря 1864 г. в возрасте 38 лет. Все оставшиеся после него бумаги попали сначала в австро-венгерское генеральное консульство в Александрии, а затем были пересланы его родственникам в Бельгию, у которых долго пролежали втуне. Только через 13 лет после смерти путешественника дневники его увидели наконец свет (в приложениях к «Сообщениям Петерманна» за 1876/77 г.).

Прюйсенер не сделал сколько-нибудь значительных географических открытий, однако данные его маршрутных съемок и особенно астрономических определений координат, несмотря на большую задержку с их публикацией, оказались весьма полезными для картографических построений. Научное наследие бельгийского путешественника включает также ценные материалы метеорологических, гидрологических (измерения расходов воды в реках), ботанических, зоологических и этнографических наблюдений, отличающихся достаточно высокой компетентностью (он имел неплохую естественнонаучную подготовку).

Пьяджа в стране азанде. «Река Бабура»

То, что не смогли сделать Тинне и Хейглин — проникнуть в страну загадочных ньям-ньям, — удалось в те же годы итальянскому путешественнику Карло Пьядже.

Колоритная фигура Пьяджи — охотника, коллекционера, «мастера на все руки» и вечного искателя приключений — появляется на Верхнем Ниле во второй половине 50-х годов. В 1856 г. он совершил плавание по Белому Нилу до Хартума до Гондокоро, а на следующий год нанялся на службу к французскому купцу Мальзаку и по его поручению возглавил отряд охотников на слонов, базировавшийся на Бахр-эль-Джебеле у Габа-Шамбия; однако, придя в ужас от зверского обращения людей Мальзака с местным населением, Пьяджа поспешил поки-

нуть этот «почетный» пост. Вернувшись после этого на родину, он принес в дар Естественноисторическому музею во Флоренции собранные им этнографические коллекции. Вскоре Пьяджа снова отправился в Африку и принял участие в экспедиции Антинори в бассейн Бахр-эль-Газала; там он много наслышался о «хвостатых людях» и загорелся желанием их повидать.

Возможность осуществить это намерение представилась ему в 1863 г. Пьяджа договорился с богатым коптским купцом из Хартума по имени Гаттас о том, что примкнет к одному из караванов, которые тот регулярно посылал в страну ньям-ньяма для закупки слоновой кости. После долгого пребывания на главной фактории Гаттаса в междуречье Джура и Тонджа Пьяджа в начале ноября 1863 г. выступил отсюда с купеческим караваном в южном направлении и меньше чем за две недели дошел до ближайшей деревни азанде — ньям-ньяма; здесь он нашел самый радушный прием у местного вождя и сделал его селение своей главной базой.

Со своими спутниками Пьяджа расстался и в дальнейшем путешествовал в одиночку, поочередно пользуясь гостеприимством то одного, то другого вождя. Маршруты его были в основном ограничены областью, расположенной по обе стороны верхнего течения Джура (Суэ) и между ним и верхним течением Тонджа, однако в одной из экскурсий он продвинулся дальше на юг и побывал в верховьях небольшой реки, текущей на запад (по-видимому, Бвере). Пьяджа правильно предположил, что она должна быть притоком другой, текущей в том же направлении, но гораздо более крупной реки, о которой ему рассказывали местные жители, называвшие ее Бури или Бери. Речь, несомненно, шла об Уэле; информаторы Пьяджи, однако, допустили ошибку, утверждая, что «Бури» вытекает из обширного озера. Попытка итальянского путешественника посетить эту большую реку не удалась из-за вспыхнувшей в то время в стране азанде междоусобной войны. Так или иначе Пьяджа был первым европейцем, проникшим из области Верхнего Нила в бассейн Уэле, т. е., иными словами, в бассейн Конго.

Пробыв у азанде год с лишним, Пьяджа дождался прибытия очередного каравана Гаттаса и в начале марта 1865 г. двинулся вместе с ним в обратный путь. По возвращении в Италию он передал все свои материалы Антинори, который и познакомил впоследствии, в 1868 г., географическую общественность с результатами его путешествия, опубликовав большую статью о нем в только что основанном «Бюллетене Итальянского Географического общества»*.

* Позднее Пьяджа описал это и последующее (в Эфиопию в 1871—1875 гг.) свое путешествие в книге «О посещении ньям-ньяма и пребывания на озере Цана» (Лукка, 1877).

Человек малообразованный, Пьяджа не мог, конечно, дать компетентного научного описания посещенной им территории, до того совершенно неизвестной европейцам, но тем не менее доставил немало ценных сведений о ее природе и населении*. Наибольший интерес для современников представили его сообщения о ньям-ньям (азанде), с которыми он первым из европейцев смог близко познакомиться. Пьяджа опроверг и старые сказки о «хвостатых людях», и сильно преувеличенные представления об антропофагии у азанде.

Признавая заслугу итальянского путешественника в том, что «он был первый, кто дал нам более точные сведения о народах азанде», В. В. Юнкер отмечал вместе с тем, что «его картографические данные никуда не годны». Действительно, Пьяджа не вел путевой съемки и не заботился о сколько-нибудь точной регистрации направления и протяженности своих маршрутов. В результате этого на карте, которую построил по его данным Антинори, истоки Джура и Тонджа оказались отодвинутыми слишком далеко на юго-запад. Однако и в географическом отношении путешествие Пьяджи нельзя назвать бесплодным. Он не только подтвердил собранную Хейглином информацию о существовании к югу от бассейна Бахр-эль-Газала какой-то иной гидрографической системы, ориентированной на запад, но и увидел своими глазами одну из рек этой системы, хотя и не главную; это дало возможность по крайней мере приблизительно наметить юго-западную границу нильского бассейна.

О большой реке, протекающей в западном направлении южнее бассейна Бахр-эль-Газала, к тому времени накопилось уже довольно много сведений. Кроме Хейглина и Пьяджи о ней кое-что слышал Питрик. Та же гидрографическая артерия явилась главным предметом нового сообщения братьев Понсе, опубликованного в «Бюллетене Парижского Географического общества» в 1868 г. В основу этого сообщения были положены рассказы их торговых агентов, которые за два года до того (т. е., очевидно, вскоре после путешествия Пьяджи) побывали на той самой проблематичной реке и основали на ее берегах факторию. Реку эту агенты Понсе называли Бахр-Монбутту — по наименованию живущего на ней народа, отличного от ньям-ньям, местное же ее название, по их словам, было Бабура. На своей карте братья Понсе поместили ее между 4 и 5° с. ш., т. е. довольно близко к ее действительному положению (Уэле протекает немного южнее четвертой параллели), но все остальные данные об этой реке, которые они получили от своих инфор-

* Между прочим, именно Пьядже, принадлежит образное сравнение характерных для субэкваториальных районов Африки лесных полос вдоль рек с галереями; впоследствии оно было подхвачено Г. Швейнфуртом, внедрившим в научную литературу термин «галерейные леса».

маторов и дополнили собственными домыслами, были очень далеки от истины. Братья Понсе ошибочно полагали, что «Бабура» вытекает из открытого Бейкером озера Альберт и что в том же озере берет начало Джур и Еи; в дальнейшем течении «Бабуры» они намечали две крупных бифуркации, причем видели один из главных ее рукавов во впадающей в озеро Чад реке Шари, а другой — в Бенуэ, притоке Нигера.

Увлечение братьев Понсе гипотетическими речными бифуркациями не встретило сочувствия в географических кругах, и, в частности, их предположение о связи Нила с Нигером через «Бабуру», воскрешавшее представления средневековых арабских ученых, было справедливо расценено как шаг назад. Рациональным зерном в их сообщении оставалось то, что оно подтверждало существование «большой реки, текущей на запад». Представлялось очень вероятным, что это та самая река (Кубанда), о которой слышал Барт. Однако для сколько-нибудь обоснованных гипотез о местонахождении ее истоков и дальнейшем ее течении было все еще слишком мало материала.

Швейнфурт: открытие реки Уэле

В 1863—1866 гг. на египетском и суданском побережье Красного моря, в Нубии и пограничных с Эфиопией районах Восточного Судана работал молодой немецкий ботаник, уроженец Риги, Георг Август Швейнфурт, проявивший себя талантливым исследователем с широким научным кругозором и богатой эрудицией. Одним из важнейших результатов раннего периода его исследовательской деятельности была опубликованная в 1868 г. в «Сообщениях Петерманна», в сопровождении обширного пояснительного текста, карта фитогеографического районирования нильского бассейна и прибрежных областей Красного моря, в основу которой были положены наряду с его собственными наблюдениями анализ и обобщение всех имевшихся к тому времени литературных данных о флоре и растительности этой части Африканского континента. Вместе с появившейся годом позже хейглиновской картой зоогеографического районирования той же территории она явилась ценным вкладом в изучение природы Северо-Восточной Африки.

В 1868 г. Швейнфурт был направлен Берлинской Академией наук в новую экспедицию, главной целью которой должно было стать ботаническое исследование бассейна Бахр-эль-Газала. В географическом отношении задача экспедиции заключалась в том, чтобы «определить значение западных притоков Нила, соединяющихся в реку Газелей» (по мнению Швейнфурта, Спик и Бейкер недооценивали роли этих рек в нильской системе). Немецкого исследователя очень интересовала также та

текущая на запад большая река, о которой сообщали братья Понсе и другие источники.

Приехав в ноябре 1868 г. в Хартум, Швейнфурт заключил контракт с купцом Гаттасом, согласно которому тот обязывался снабдить его всем необходимым для путешествия и дать возможность принять участие во всех экспедициях, какие будут предприниматься его торговыми агентами. 5 января 1869 г. немецкий путешественник отплыл из Хартума в Мешра-эр-Рек, прибыл туда 22 февраля и в конце марта перебрался оттуда в главную зерibu Гаттаса, ставшую его штаб-квартирой. После нескольких сравнительно непродолжительных экскурсий в этом районе, в ходе которых он побывал на реках Тондж и Джур и открыл левый приток Джура — Вау, Швейнфурт перебазировался в расположенную южнее, за Тонджем, зерibu Сабби, принадлежавшую другому купцу, Мухаммеду Абд-эс-Самату, и вместе с ним проделал в декабре 1869 — январе 1870 г. большой круговой маршрут по еще совершенно неизвестной европейцам территории между реками Тондж и Роль (Нам, Нам-Роль, Яло), занятой большей частью водосбором реки Роа (в нижнем течении — Джау, или Нам-Джау).

В конце января 1870 г. Швейнфурт в обществе Абд-эс-Самата и агентов Гаттаса, объединивших свои караваны, отправился из Сабби на юг, в земли азанде и монбутту (правильнее — мангбету). Миновав область верховьев Тонджа и Суэ (так называют азанде верхнее течение Джура), экспедиция пересекла в начале марта холмистый водораздел Нил — Конго и вышла к небольшой, текущей на запад реке Мбруоле (Бвере, Бверере). Отсюда было уже недалеко и до интересовавшей немецкого путешественника главной реки той же системы, которая, как выяснилось, называется Уэле.

19 марта 1870 г. эта цель была достигнута. «Мы очутились, — рассказывает Швейнфурт, — на берегу большой реки, величественно катившей свои мутные, с буроватым отливом воды между высокими береговыми откосами на запад... Зрелище это было для меня незабываемым; ощущение сродни тому, какое испытал Мунго Парк, когда впервые ступил 20 июля 1796 г. на берег Нигера, до того полумифического, и смог одним взглядом разрешить великий спор тогдашних географов — течет ли эта река на запад или на восток.

Тут тоже была загадочная река, предмет многих обсуждений... Если бы она текла на восток, это решило бы загадку необъяснимой многоводности Мвутана [т. е. озера Альберт]. Если же ее течение направлялось на запад, что было более вероятным, то она не могла принадлежать к нильской системе. Она текла на запад, эта большая река, и не имела отношения к Нилу...»

Переправившись через Уэле немного ниже места впадения

ее левого притока — реки Гада, экспедиция прибыла на следующий день в резиденцию Мунзы, короля мангбету. Проведя там три недели, Швейнфурт составил себе некоторое представление о государстве мангбету, в котором он побывал первым из европейцев и которое именно в тот период, при правлении Мунзы, достигло своего расцвета, вскоре сменившегося упадком. При дворе Мунзы немецкий путешественник встретился также с находившимися здесь на положении рабов представителями пигмеев акка и, таким образом, смог удостовериться в справедливости восходящих к античным временам сведений о существовании в глубине Африки особой низкорослой расы.

Выступив в апреле 1870 г. в обратный путь, Швейнфурт и его спутники переправились через Гаду, а затем снова через главную реку, которая выше слияния с Гадой называлась уже не Уэле, а Кибали. В дальнейшем торговцы еще несколько раз отклонялись от прежнего пути, что дало немецкому исследователю возможность пополнить свои знания об окружающей местности. Так, в конце мая он совершил большую экскурсию к горе Багинзе (на наших картах — Бангензе), одной из высших точек водораздела Нил — Конго; важным результатом этого маршрута было открытие истоков Суэ (Джура), относительно местонахождения которых в то время, как мы помним, существовали самые различные предположения. 13 июля 1870 г. Швейнфурт вернулся на свою главную базу — в зерибу Гат-таса между Джуром и Тонджем.

Последним крупным исследовательским предприятием Швейнфурта было совершенное им в январе — феврале 1871 г. путешествие в область Дар-Фертит, где уже давно обосновались нубийско-арабские торговцы, но еще ни разу не бывали европейцы (экспедиция Тинне — Хейглина подошла только к ее границам). К западу от Понго он открыл еще одну значительную реку, принадлежащую к системе Бахр-эль-Араба, — Куру с левым притоком Бири. Собранные Швейнфуртом сведения о самом Бахр-эль-Арабе позволили ему прийти к верному в принципе выводу, что эта река играет большую роль в системе Бахр-эль-Газаля, чем предполагалось до сих пор; однако он впал в другую крайность и несколько переоценил размеры ее водосбора. Побывав в области истоков Понго, Куру и Бири, немецкий исследователь ошибочно заключил, что реки, берущие начало на противоположной, юго-западной стороне ограничивающего их водораздела, принадлежат тоже к системе Бахр-эль-Араба (в них он и видел истоки этого последнего). В действительности речь шла о реках системы Мбому — тогда еще неизвестного европейцам крупнейшего правого притока Уэле — Убанги; иными словами, в этом районе Швейнфурт снова коснулся водораздела Нил — Конго.

В конце июня 1871 г. Швейнфурт отбыл из Мешра-эр-Рек

в обратный путь; 21 июля он был уже в Хартуме, а в начале октября — в Александрии.

Фундаментальный труд Швейнфурта «В сердце Африки», изданный в двух томах в Лейпциге в 1874 г.^{*}, явился настоящей энциклопедией научных знаний об исследованной им обширной области по обе стороны водораздела Нил — Конго и сразу же прочно вошел в золотой фонд географической литературы об Африке. Это и понятно: как ученый Швейнфурт был на голову выше всех своих предшественников в Южном Судане — за исключением разве что Хейглина, территориальный размах исследований которого был, однако, гораздо меньше. К числу главнейших достоинств книги Швейнфурта относятся блестящие описания растительности, животного мира и природных ландшафтов в целом: большую ценность представляет и содержащийся в ней этнографический материал.

Видное место среди научных результатов экспедиции Швейнфурта занимают его маршрутные съемки. Он не имел возможности контролировать их астрономическими наблюдениями, так как у него не было необходимых для этого инструментов; тем не менее качество съемок было настолько высоко, что положение нанесенных на его карту географических объектов лишь незначительно отличается от истинного.

После работ Швейнфурта открытие бассейна Бахр-эль-Газаля в основе своей могло считаться завершенным: хотя в этом районе оставались еще отдельные не пройденные европейцами пространства, непрослеженные участки рек и т. д., общие черты его орогидрографии были выяснены и скольконибудь существенных географических проблем здесь более уже не возникало (исключение составляла только северо-западная его окраина — бассейн Бахр-эль-Араба, в отношении которого немецкий исследователь, как уже отмечалось, допустил некоторые ошибки). Но самым выдающимся достижением Швейнфурта с географической точки зрения было, несомненно, открытие Уэле. Хотя эта река была обследована им лишь на небольшом отрезке, все же она по крайней мере заняла с тех пор прочное положение на карте. Швейнфурт высказал правильное предположение о том, что Уэле начинается в Синих горах к западу от озера Альберт; доставленные Пьяджей и Понсе сведения

* Основные результаты исследований Швейнфурта стали известны научной общественности значительно раньше, еще до его возвращения из Африки: как и Хейглин, он пользовался любой возможностью для того, чтобы переслать в Европу свои сообщения и карты. Карта его путешествий на восток — к Ролю и на юг — к Уэле была опубликована в «Сообщениях Петерманна» в 1871 г., карта путешествия в Дар-Фертит — там же в 1872 г. Таким же образом Швейнфурт отправил на родину часть собранных им богатых естественноисторических и этнографических коллекций, но, к сожалению, не все: основная масса их погибла при пожаре, случившемся в зерне Гаттаса 2 декабря 1870 г.

о том, что она якобы вытекает из озера, равно как и о ее бифуркациях, собранной им информацией не подтвердились. Относительно дальнейшего течения Уэле Швейнфурт, однако, сильно заблуждался: он склонен был видеть в этой реке верховье Шари, не исключал также, что она может оказаться верховьем Бенуэ, но не связывал ее с системой Конго.

Швейнфурт сделал определенный шаг вперед в познании наиболее общих закономерностей строения поверхности Африканского материка. Развивая и уточняя представления Риттера о Высокой и Низкой Африке, он видел в краевых уступах Эфиопского нагорья, открытых Бейкером Синих горах и горах Мфумбиру, о которых сообщал Спик, отдельные участки одной и той же ступени рельефа, «которая, в противоположность господствующему взгляду, разделяет Африку не на южную и северную, а на восточную и западную половину, возвышенную и низменную... Дуга большого круга между Массавой и Мосамедишем почти точно совпадает с этой линией, которая одновременно образует водораздел для всей речной сети Африки». Как известно, граница между Высокой и Низкой Африкой сейчас проводится именно там, где ее наметил Швейнфурт; но он не знал тогда, что материковый водораздел совпадает с ней далеко не на всем ее протяжении.

Впоследствии Швейнфурт много раз бывал в Египте, путешествовал по Ливийской пустыне, посещал Эритрею и остров Сокотра, но не предпринимал больших экспедиций в глубь материка. До самой смерти своей (в 1925 г.) он оставался крупнейшим авторитетом в вопросах ботанической географии Северо-Восточной Африки. Научное наследие его насчитывает несколько сот публикаций — книг, карт, статей и заметок, содержание которых обнаруживает исключительную широту и разносторонность его знаний и интересов (география, ботаника, зоология, геология, археология, этнография и т. д.).

Не лишне заметить, что Швейнфурт был инициатором создания (в 1875 г.) Египетского Географического общества* — первой научной организации такого рода в африканской стране.

Последнее путешествие Миани

Вслед за Швейнфуртом в страну монбутту (мангбету) отправился на седьмом десятке лет своей жизни ветеран исследований верхненильской области Джованни Миани. Получив субсидию от египетского правительства, итальянский путешественник покинул Хартум в марте 1871 г. В Габа-Шамбиле он

* Первоначально оно носило название Хедивского Географического общества Каира.

примкнул к купеческому каравану (все того же торгового дома Гаттаса), вместе с ним дошел до Роля, пересек междуречье Роля и Мариди (Роа, Джау), затем Мариди и Тонджа и через область истоков этой последней реки вышел на противоположную сторону водораздела Нил—Конго. В начале февраля 1872 г. Миани и его спутники переправились через Кибали (Уэле) между устьями ее правых притоков Дунгу и Дуру и еще через три месяца прибыли в резиденцию Мунзы. Отсюда они двинулись на юго-запад, за реку Бомоканди. Миани в это время был уже тяжело болен и притом находился в полной зависимости от сопровождавших его торговцев, которые определяли продолжительность переходов и стоянок, руководствуясь своими коммерческими интересами и нисколько не считаясь с состоянием здоровья престарелого путешественника. На обратной дороге почти все спутники Миани вообще бросили его на произвол судьбы. Изнуренный мучительными недугами и лишенный всяких средств, несчастный итальянец еле добрался снова до деревни Мунзы, где и умер в ноябре 1872 г.

Маршрут Миани почти на всем своем протяжении проходил по совершенно неизвестной европейцам территории, лишь в некоторых местах пересекаясь с маршрутами его предшественников — Питрика (1862—1863 гг.) и Швейнфурта; в частности, Миани значительно дальше Швейнфурта проник в глубь бассейна Уэле. Однако его путешествие обогатило географию гораздо меньше, чем этого можно было бы ожидать. Даже главный результат экспедиции Миани — открытие Бомоканди, крупнейшего левого притока Уэле — не стал своевременно достоянием науки. В его путевых заметках (они были обработаны и изданы в 1875 г. Итальянским Географическим обществом под заглавием «Путешествие Джованни Миани в Монбутту») о Бомоканди говорится как о «большой реке» без уточнения ее названия; при составлении карты путешествия Миани эту реку спутали с Уэле, в связи с чем весь его маршрут был ошибочно смещен к северу. Только значительно позднее истинное положение вещей установил В. В. Юнкер. Следует добавить, что до Европы дошла лишь часть дневников и прочих материалов Миани, многое же было безвозвратно утеряно.

Рошер, Деккен, Бреннер и другие исследователи Восточной Африки

В 1858 г., еще до возвращения Бёртона и Спика из их путешествия к Великим озерам, в Занзибар прибыл молодой немецкий географ Альбрехт Рошер. В феврале — марте 1859 г. он обследовал восточноафриканское побережье от района Багамои на севере до Килвы на юге (побывав, в частности, в дель-

те Руфиджи), а в августе того же года отправился под видом арабского купца из Килвы к озеру Ньяса, воспользовавшись самой южной из трех караванных дорог, описанных Эрхардтом. К берегам Ньясы он вышел 19 ноября 1859 г., т. е. через два месяца после того, как Ливингстон достиг этого озера с юга. В дальнейшем Рошер надеялся приступить к исследованиям более крупного масштаба, но осуществить свои замыслы не смог: 19 марта 1860 г. немецкий путешественник был убит недалеко от Ньясы. Дневник путешествия Рошера к Ньясе не сохранился, и об этом его маршруте известно лишь то, что сообщалось в немногих письмах, отосланных им в Занзибар с попутными караванами. Немногим больше дали оставленные немецким исследователем полустершиеся карандашные заметки о его экскурсиях в береговой области; все же самую важную их часть — астрономические определения координат — удалось разобрать и использовать при составлении карт.

В сентябре 1860 г. в Занзибар прибыл другой немецкий путешественник — барон Карл Клаус фон дер Деккен, первоначально намеревавшийся присоединиться к Рошеру. Узнав о его гибели, он снарядил собственный караван и в ноябре выступил из Килвы к озеру Ньяса той же дорогой, что и его предшественник, но из-за бегства проводника и носильщиков вынужден был вернуться с полпути. Эта неудачная попытка достичь Ньясы оказалась тем не менее полезнее для науки, чем путешествие Рошера: по крайней мере часть караванной дороги к озеру была положена на карту.

Следующим объектом своих исследований Деккен избрал Килиманджаро. В конце июня 1861 г. Деккен и изъявивший желание участвовать в его экспедиции английский геолог Ричард Торнтон двинулись из Момбасы к Килиманджаро несколько более южным путем, чем Ребманн, проследовали вдоль восточного подножия гор Паре и открыли расположенное близ их северной оконечности озеро Джипе. Прибыв к подножию Килиманджаро, они приступили к восхождению на гору, но поднялись лишь до высоты около 2300 м над уровнем моря; дальнейшему продвижению помешали ливневые дожди и бегство носильщиков. Обследовав примыкающую к Килиманджаро с юга страну Джагга, путешественники в начале сентября повернули назад и, отклонившись к югу от своего прежнего пути, вышли долиной реки Умба к океану.

В октябре — декабре 1862 г. Деккен совершил еще одно путешествие из Момбасы к Килиманджаро, на этот раз в обществе своего соотечественника Отто Керстена. Они поднялись на гору до высоты более 4200 м — носильщики, непривычные к разреженному горному воздуху, отказались идти дальше. Деккен пытался также продвинуться на запад от Килиманджаро, но живущие там масаи отказались пустить европейцев в свою

страну, так как, по их поверьям, это должно было привести к падежу скота, составляющего главное их богатство.

Экспедиции Деккена на Килиманджаро окончательно рассеяли все сомнения относительно того, что вершина этой горы покрыта вечными снегами. Деккен не добрался до снеговой границы, но побывал так близко от нее, что ошибиться было невозможно; впрочем, то, что Килиманджаро — снеговая гора, было ясно и при взгляде на нее с равнины. Геологические исследования Торнтона показали, что этот горный массив имеет вулканическое происхождение. Были сделаны интересные наблюдения над вертикальной поясностью растительности, собраны естественноисторические коллекции. Картографические результаты обеих экспедиций заключались в тщательной теодолитной съемке маршрута, сопровождавшейся астрономическими наблюдениями и измерениями высот и давшей достаточно надежную основу для карты всего района между Килиманджаро и побережьем; при этом выяснилось, в частности, что Килиманджаро находится фактически на целый градус долготы восточнее, чем на карте Ребманна и Эрхардта. Высоту главной вершины Килиманджаро Деккен определил округленно в 5700 м (в действительности — 5895 м).

Потерпев неудачу в своей попытке проникнуть в неисследованную область по ту сторону Килиманджаро сухим путем, Деккен решил попробовать использовать для той же цели водный путь по какой-либо из рек, впадающих в Индийский океан, — Тане или Джубе; от их верховьев он рассчитывал пройти к горе Кения и затем, если удастся, достичь бассейна Нила. Новая экспедиция Деккена была организована с большим расходом (располагая крупным состоянием, он не скупился на расходы): в ней участвовало кроме него самого еще свыше десяти европейцев — немцев и австрийцев, для нее были построены в Гамбурге по специальному заказу два речных парохода — «Вельф» и «Паспарту». В конце 1864 г. весь состав экспедиции собрался в Занзибаре. Предпринятая Деккеном в феврале 1865 г. рекогносцировка Таны обнаружила, что эта река судоходна лишь на коротком приустьевом участке. В июле того же года Деккен и его спутники отправились на Джубу. В ее устье, перегороженном песчаным баром, «Паспарту» затонул, «Вельф» же удалось провести через бар; он тоже получил повреждения, но после произведенного тут же на месте ремонта был снова готов к плаванью вверх по реке, которое и было начато 15 августа. 19 сентября экспедиция прибыла в сомалийский город Бардери. Неделей позже при попытке преодолеть быстрины, расположенные непосредственно выше этого города, «Вельф» сел на подводные камни. Крушение обошлось без жертв, но 1 октября разбитый на берегу Джубы лагерь экспедиции подвергся нападению сомалийцев; многие участники экспедиции

пали в битве и лишь некоторым, в том числе четырьмя европейцам, удалось спастись бегством и спуститься по реке на лодке до океана. Сам Деккен в этом сражении не участвовал, так как незадолго до него отправился за продовольствием в Бардеру; там он и был убит 2 или 3 октября 1865 г., в возрасте 32 лет. Дневники и другие материалы Деккена, к счастью, сохранились и были привезены оставшимися в живых его спутниками в Европу. Наиболее важным результатом этой экспедиции была съемка нижнего течения Джубы, ранее известной европейцам лишь в самом устье.

При жизни Деккена о его экспедициях поступали в печать лишь краткие текущие сообщения, иногда в сопровождении карт. После смерти путешественника все его материалы были обработаны бывшим его спутником О. Керстеном (с привлечением ряда специалистов в области естественных наук) и изданы в Лейпциге в 1869—1879 гг. в виде большого труда «Путешествия Карла Клауса фон дер Деккена в Восточной Африке в 1859—1865 гг.» (в четырех томах, из которых два посвящены описанию самих путешествий и два — их научным результатам: зоологическим, ботаническим, геологическим и т. д.)*.

Уцелевшие от разгрома под Бардерой члены экспедиции Деккена не видели своего начальника мертвым, поэтому некоторое время еще оставалась слабая надежда на то, что он жив и находится в плену. Чтобы выяснить участь путешественника, по поручению его семьи в 1866 г. в Восточную Африку отправился Рихард Бреннер — бывший егерь и личный секретарь Деккена, один из немногих спасшихся его спутников. Проведя несколько месяцев в конце 1866 — начале 1867 г. в приморском городе Брава и других рыночных центрах сомалийского побережья, поддерживавших торговые связи с Бардерой, он точно установил факт смерти Деккена и отыскал очевидцев его гибели. Отослав в Германию соответствующий отчет, Бреннер решил продолжить исследования Деккена. В апреле 1867 г. он прибыл из Занзибара в залив Формоза и посетил незадолго до того возникший в низовьях Таны независимый султанат Виту; при этом им был открыт западный устьевой рукав Таны (Деккен, как и посещавшие эту реку арабские купцы, поднимался по ее восточному рукаву). Обследовав часть нижнего течения Таны и район, заключенный между ним и побережьем, Бреннер прошел от низовьев этой реки на юг к низовьям Сабакки (Галаны). В ноябре — декабре 1867 г. он совершил путешествие из Виту на Джубу, вышел к ее берегам ниже Бардеры и затем вернулся на побережье океана южнее устья этой реки, в районе современной кенийско-сомалийской границы.

Бреннер был первым европейцем, исследовавшим широкую

* Первый том имеется в русском переводе (М., 1870).

полосу приморской изменности между Таной и Джубой. В его письмах из Африки, опубликованных в «Сообщениях Петермана» в 1867—1868 гг., содержится довольно обстоятельное и верное описание природных ландшафтов этой территории и населяющих ее племен галла, приведены сведения о сохранившихся на побережье исторических памятниках — развалинах персидских, арабских и других поселений. Картографические данные Бреннера, однако, оказались не слишком точными; в частности, им был не вполне понят рисунок гидрографической сети. Пересекая в ходе своих маршрутов между Таной и Джубой ряд временных водотоков, направляющихся более или менее параллельно друг другу в Индийский океан, Бреннер шёл из почемуте-то отдельными участками течения одной и той же реки, рассматривавшейся им как правый рукав Джубы; за нижнее ее течение он принял ту реку, которая сейчас значится на картах под названием Лак-Колбио.

Более или менее одновременно с Бреннером некоторый вклад в изучение Восточной Африки внесли английские миссионеры Томас Уэйкфилд и Чарлз Нью, обосновавшиеся в районе Момбасы. В 60-х годах они несколько раз посещали район низовьев Таны и Сабаки, а в 1871 г. Нью побывал в стране Джагга и предпринял восхождение на Килиманджаро; ему удалось подняться выше Деккена, до самой снеговой границы, и своими руками прикоснуться к фирну. В 1874 г. Нью совершил путешествие от реки Пангани в горы Усамбара и оттуда в Момбасу, затем снова посетил район Килиманджаро и на обратном пути 14 февраля 1875 г. умер от дизентерии*.

Географов того времени больше всего интересовали не столько собственные исследования английских миссионеров, сколько собранные ими распросные данные о внутренних областях Восточной Африки. Особенно ценная географическая информация была получена Уэйкфилдом от много путешествовавшего суахилийца Сади бин Ахеди и опубликована в «Журнале Королевского Географического общества» в 1870 г. В рассказах Сади территория, расположенная к западу от Килиманджаро, рисовалась как обширное плоскогорье с поднимающимися над ним высокими вулканами, бедное реками, но богатое озерами; среди них назывались Найваша — к юго-западу от Кении, Баринго — на северо-западе, Самбуру (имелось в виду озеро Рудольф) — на севере и огромное озеро «Ньянджа», или «Бахари-я-Укара» — далеко на западе. О первых трех озерах кое-что слышал еще Крапф, но теперь они заняли на карте более

* Основные путешествия Нью описаны в его книге «Жизнь, странствования и труды в Восточной Африке» (Лондон, 1874). Еще раньше была издана книга Уэйкфилда «Следы в Восточной Африке, или заметки о посещении южных галла» (Лондон, 1866).

близкое к действительности положение, хотя сведения об их размерах и очертаниях оставались весьма неопределенными; по-прежнему сильно преувеличивались, например, размеры озера Баринго (которого Сади, кстати сказать, сам не видел). Что касается «Ньянджи», то в ней легко угадывалась Виктория-Ньянза Слика; Сади упоминал, между прочим, о такой детали, как залив этого озера в области «Каверонд» (Кавирондо). В целом, несмотря на отдельные ошибки, доставленные Сади сведения довольно верно отражали основные черты орографии внутренней части современной Кении. Принципиально важное значение имело сообщение о том, что реки, зарождающиеся в вечных снегах Кении и Килиманджаро, находят сток либо в Индийский океан — через Тану, Сабаки и Пангани, либо заканчиваются в бессточных озерах и болотах и, следовательно, вопреки широко распространенному тогда мнению не могут принимать участия в питании Нила. Сведения, которые Уэйкфилд получил от Сади, в дальнейшем были кое в чем дополнены расспросными данными, собранными Нью; последний разузнал, в частности, о реке Эвуасо-Нгиро, берущей начало у северного подножия Кении, отклоняющейся на восток и питающей болота Лориан.

В исследовании прибрежных областей Восточной Африки на рубеже 60-х и 70-х годов принимал участие также миссионер-эльзасец А. Хорнер, руководитель французской католической миссии, обосновавшейся в 60-х годах в Занзибаре и затем в Багамоё. Помимо экскурсий в северной части береговой полосы современной Танзании он предпринял в 1870 г. более значительное путешествие из Багамоё в глубь страны и первым из европейцев посетил область междуречья Кингани — Вами; позднее он проник дальше в бассейн Вами, до гор Нгуру. Из других исследовательских работ того же периода отметим съемку дельты Руфиджи, выполненную британским консулом в Занзибаре Джоном Кёрком, и съемку нижнего течения Вами — английским капитаном Малколмом; оба этих предприятия относятся к 1873 г.

Ливингстон и проблема Луалабы

Во второй половине 60-х годов в поиски истоков Нила включается знаменитый английский исследователь Южной Африки Давид Ливингстон.

Новая — и последняя — экспедиция Ливингстона была организована Королевским Географическим обществом по инициативе его президента Р. И. Мёрчисона. Финансировалась она правительством Великобритании, которое стремилось использовать Ливингстона для распространения английского влияния на «Черном континенте» и с этой целью предложило ему занять

пост британского консула в Центральной Африке. Хотя условия, на которых Ливингстону предоставлялась эта должность — без жалованья и без права на пенсию — граничили скорее с оскорблением, все же он принял правительственное предложение, полагая, что в роли консула сможет более действенно бороться с работорговлей.

Ливингстон принадлежал к числу тех, кто считал, что главный, наиболее удаленный от устья, исток Нила следует искать гораздо южнее, чем полагал Спик. Это мнение отчасти основывалось на данных Птолемея, который помещал истоки Нила далеко к югу от экватора. Крайнюю позицию в этом вопросе занимал английский географ А. Дж. Финдлей. Он считал, что в озере Альберт впадает с юга вытекающая из Танганьики река Рузизи, Танганьика же в свою очередь принимает с юга реку Марунгу, о которой слышал Спик и которую Финдлей отождествлял с Луапурой, известной из португальских источников и по более поздним расспросным данным. Исток Марунгу-Луапур, помещавшийся Финдлеем в горах Мучинга к западу от Ньясы, и должен был, по его мнению, считаться главным истоком Нила. Единственное, в чем Финдлей оказался прав, был его вывод о том, что Танганьика должна находиться выше над уровнем моря, чем показывали измерения Спика. Свою гипотезу Финдлей изложил в «Трудах» и «Журнале Королевского Географического общества» в 1867 г., уже после того, как Ливингстон снова отправился в Африку; однако есть основания полагать, что путешественник познакомился с его взглядами еще раньше и находился под их влиянием.

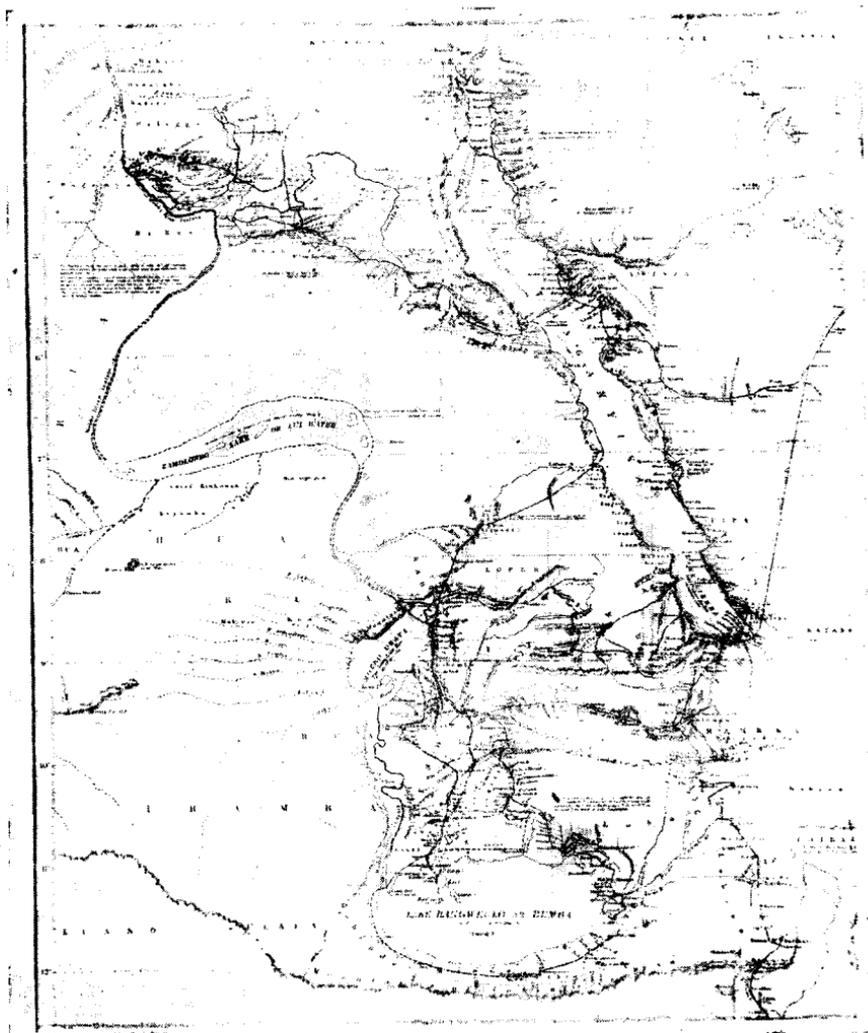
Исходя из подобных представлений о местоположении нильских истоков, английский исследователь намеревался проникнуть к ним не с востока, как Спик, и не с севера, как Бейкер, а с юга, со стороны уже знакомого ему озера Ньяса, непосредственно продолжив тем самым маршруты своих предыдущих экспедиций. Новый африканский поход Ливингстона начался в бухте Микиндани к северу от устья Рувумы. Отсюда путешественник двинулся 4 апреля 1866 г. вверх по долине этой реки, ранее обследованной им лишь в низовьях, проследил ее почти на всем протяжении, вышел к озеру Ньяса, обошел его с юга и затем, взяв направление на северо-запад, последовательно переправился через две крупных реки, текущих на юго-запад: Лвангу и Чамбеши, разделенные горным кряжем Мучинга. Ливингстон знал, что первая из этих рек впадает в Замбези у Зумбо, вторую же поначалу тоже считал притоком Замбези, но местные жители сообщили ему, что она вливается в «очень большое озеро». Оставив решение вопроса о Чамбеши на будущее, английский исследователь продолжал путь на северо-запад и север и в начале апреля 1867 г. достиг берегов озера, местное название которого было Льемба; сначала Ливингстон думал,

что открыл какой-то новый водоем *, но впоследствии выяснил, что это южная оконечность Танганьики.

Весь переход от побережья до Танганьики был полон трудностей и неудач. Приданные экспедиции английским правительством в качестве вооруженной охраны индийские солдаты-сипаи вскоре отказались идти в неизведанные глубины Африки — как им представлялось, на верную смерть — во имя каких-то совершенно чуждых и непонятных им целей; в конце концов Ливингстону пришлось отослать их обратно. В дальнейшем путь экспедиции проходил через малонаселенные районы, где трудно было достать продовольствие. Люди изголодались. Часть носильщиков сбежала, захватив с собой различное экспедиционное имущество, в том числе ящик с медикаментами, что было для путешественника настоящей катастрофой. «У меня было ощущение, что я теперь получил смертный приговор», — записал он по этому поводу в своем дневнике. По иронии судьбы Ливингстон, страстный борец с работорговлей, вынужден был прибегнуть к услугам оперировавших в тех краях арабо-суахильских торговцев невольниками и слоновой костью и с тех пор путешествовал преимущественно в их обществе, сообразуясь в выборе маршрутов с их планами и намерениями.

На географические результаты экспедиции, впрочем, жаловаться не приходилось. Важные открытия следовали одно за другим. Направившись от южного конца Танганьики на запад, Ливингстон достиг 8 ноября 1867 г. озера Мверу. «Озеро Мверу, — сообщал он, — по-видимому, порядочных размеров. С запада и востока его окаймляют горные хребты... Северный берег озера расстилается красивой дугой, напоминающей несогнутый лук; вдоль западного берега течет поток воды, образующий затем реку Луалаба; до впадения в Мверу эта река называется Луапула, а Луапула в свою очередь (если верны наиболее толковые сообщения) до своего впадения в озеро Бемба, или Бангвеоло, именуется Чамбези». Собранные путешественником сведения, таким образом, говорили, что Мверу «представляет собой одно из звеньев в цепи озер, связанных между собой рекой длиной около 500 миль». Направление стока этой гидрографи-

* Главным основанием для такого взгляда, в течение нескольких лет находившего отражение на географических картах, была слишком большая разница высотных отметок уровня Льембы по измерениям Ливингстона (около 800 м) и Танганьики по измерениям Слика (около 560 м). Как мы уже знаем, полученная Сликком цифра была неверной. Произведенные позднее Ливингстоном измерения высоты водного зеркала Танганьики дали цифру около 790 м, довольно близкую к истине (ближе, в частности, чем результаты последующих измерений Камерона и Стэнли). Добавим, что Ливингстон доставил первые определенные сведения о глубине Танганьики. В июле 1869 г. на траверсе мыса Кабого (на восточном берегу) им была промерена внушительная, хотя и отнюдь не максимальная для этого озера, глубина 596 м.

Карта последнего путешествия Д. Ливингстона

ческой системы оставалось неясным; некоторые сообщения позволяли думать, что «река впадает не то в озеро Танганьика, не то в другое озеро, за ним».

Двинувшись на юг вдоль восточного побережья Мверу, Ливингстон прибыл в расположенную на берегу маленького озера Мофве столицу Казембе — восточного княжества балунда, которое к тому времени уже почти утратило связь с ядром государства Лунда (Муата-Ямво). «Местность здесь совершенно

ровная, — писал он, — но в пятнадцати или двадцати милях от Мофве, в Руа, виден длинный горный хребет. Между этим хребтом и Мофве протекает к озеру Мверу река Луапула». Виденные Ливингстоном горы были восточным краем плато Кунделунгу. Позднее он ближе ознакомился с озером Мверу и в марте 1868 г. побывал на вытекающей из него реке, которую арабы называли Луалабой; местное ее название — Лувуа, или Ловуа, — осталось путешественнику неизвестным.

Следующим достижением Ливингстона было открытие им 18 июля 1868 г. озера Бангвеулу (Бангвеоло) — еще одного из звеньев той же озерно-речной системы, конфигурация которой вырисовывалась все более определенно. Он посетил северо-западные берега Бангвеулу и совершил небольшую поездку по нему на пироге, но осмотреть все озеро и составить правильное представление о его величине и очертаниях не смог: на его карте Бангвеулу имеет значительно большие размеры, чем в действительности, и при этом чрезмерно вытянуто в широтном направлении (по-видимому, полученная им информация о том, что оно простирается далеко на восток, относилась не к самому озеру, а к окаймляющим его с восточной стороны обширным болотам, затопляемым в сезон дождей). Ливингстон ошибся также, полагая, что Луапула вытекает из северо-западной оконечности озера: место выхода ее находится на юге.

От озер Бангвеулу и Мверу путешественник направился в конце 1868 г. на северо-восток, к озеру Танганьика, и в феврале следующего года снова вышел к нему, на этот раз ближе к его середине. Ровно месяц заняло плавание на лодках сперва вдоль западного берега Танганьики, а потом напрямик через озеро в Уджиджи. Там Ливингстона ждали письма и различные припасы, присланные ему с попутными караванами из Занзибара. Правда, большая часть адресованных ему грузов застряла по дороге или была разворована; особенно печально было то, что путешественник, постоянно страдавший малярией и другими болезнями, не получил самого нужного — лекарств. Все же и то, что дошло до Уджиджи, явилось существенным подспорьем: Ливингстон опять обрел на некоторое время материальную независимость. Немного отдохнув и поправив здоровье в Уджиджи, он был готов к новым исследовательским походам.

К тому времени у Ливингстона родилось и окрепло убеждение в том, что открытая им озерно-речная цепочка Чамбеши — Бангвеулу — Луапула — Мверу — Луалаба (Лувуа) и есть главный исток Нила; прийти к такому выводу было для него тем легче, что он вполне отвечал представлениям о местонахождении нильских истоков, сложившимся у английского путешественника еще до начала его последней экспедиции. Наряду с этой центральной линией стока Ливингстон допускал существование еще двух — восточной и западной, тоже ориентированных на

север, в сторону Нила. Восточную он видел в озере Танганьика, которое, по некоторым из собранных им данных, могло сбрасывать воды либо в озеро Альберт, либо даже в Викторию — через Китангуле (Кагеру). Главным элементом западной линии стока, известной ему только понаслышке, Ливингстон сначала считал реку Луфира в Катанге, позднее же получил сведения еще и о «Западной Луалабе», сливающейся затем с «Центральной Луалабой», а также о принадлежащих к той же системе озерах или озеровидных расширениях рек.

Первоочередным объектом своих исследований Ливингстон избрал «Центральную Луалабу», текущую на север на сравнительно небольшом расстоянии к западу от Танганьики, в землях народа маниема, куда только что успели проникнуть арабо-суахильские работоторговцы. В июле 1869 г. он покинул Уджиджи, вновь пересек Танганьику и двинулся к интересовавшей его реке. Из-за частых болезней путешественника, враждебности коренного населения, ожесточенного набегами охотников за рабами, и по ряду других причин этот поход умеренно затянулся: только в конце марта 1871 г. Ливингстон вышел наконец к Луалабе у торгового селения Ньянгве. «Это могучая река, — записал он в свой дневник, — шириной не меньше трех тысяч ярдов и всюду глубокая. Нигде и ни в какое время года нельзя перейти ее вброд... Река течет здесь на север со скоростью около двух миль в час». По пути к Луалабе Ливингстон ознакомился с ее правым притоком Лвама; он узнал также о существовании ее левых притоков — Ломами и Лвеки, но сведения о них были слишком неопределенными, и впоследствии путешественник был склонен отождествлять эти две реки друг с другом и с «Западной Луалабой».

Многоводность Луалабы неоспоримо доказывала, что Ливингстоном открыта одна из крупнейших гидрографических артерий Центральной Африки; однако уверенность его в том, что это верховье Нила, начала слабеть. Сомнение в этом вызывало слишком низкое гипсометрическое положение Луалабы, определенное Ливингстоном приблизительно в 600 м над уровнем моря; эта цифра была примерно равна или даже немного меньше той, какая принималась в то время в качестве высотной отметки Бахр-эль-Джебеля у Гондокоро. Пытаясь тем не менее как-то связать Луалабу с системой Нила, Ливингстон не исключал возможности того, что она является верховьем если не Бахр-эль-Джебеля, то Бахр-эль-Газала; об открытой Швейнфуртом Уэле, «вклинивающейся» своим бассейном между Бахр-эль-Газалем и Луалабой, он тогда ничего не знал. Вместе с тем ему все чаще приходило на ум иное решение проблемы Луалабы. «Я должен повременить со своими выводами, — писал он, — и быть готовым к тому, что в конце концов эта река окажется Конго». Именно так и обстояло дело в действительности.

Первоначальный замысел Ливингстона — спуститься вниз по Луалабе, выяснить, куда она течет, а потом подняться по «Западной Луалабе» до ее истоков в Катанге — столкнулся с противодействием, с одной стороны, всемогущих в тех краях работорговцев, с другой же — участников его собственной экспедиции, точнее ее нового пополнения, незадолго до того присланного из Занзибара и вместо помощи доставившего путешественнику одни неприятности. Это были невольники занзибарских купцов, «уступленные» их хозяевами британскому консулу Кёрку. Заинтересованные в скорейшем возвращении на побережье, они сперва пытались склонить к этому Ливингстона, когда же убедились в бесполезности уговоров, стали всячески восстанавливать против него местных жителей. В результате этого он не смог достать ни одной лодки для плавания вниз по реке; правда, такое плавание, как вскоре выяснилось, все равно было бы сильно затруднено порогами, которые образует Луалаба ниже Ньянгле. Путешествовать же посуху можно было, только примкнув к одной из опустошавших страну шаек охотников за рабами, общество которых Ливингстон совершенно не мог выносить с тех пор, как стал свидетелем учиненного ими массового расстрела мирных жителей, пришедших на рынок в Ньянгле, — жуткой бойни, имевшей целью запугать население и «создать в стране впечатление, что новые пришельцы — это великий и сильный народ».

Удрученный крушением своих планов, больной и разбитый, Ливингстон вернулся в октябре 1871 г. в Уджиджи. «Все торговцы возвращаются с успехом, — с горечью пишет он, — только я потерпел неудачу и пережил беспокойство, помехи, поражение, находясь почти у цели, к которой стремился».

Проблема Луалабы осталась неразрешенной.

Поисковая экспедиция Стэнли и последние маршруты Ливингстона. Состояние проблемы Луалабы в начале 70-х годов

Находясь в глубине Африки, Ливингстон редко получал возможность посылать о себе вести на родину, и у мировой общественности, живо интересовавшейся его путешествием, не раз возникало опасение, что он погиб. Впервые слухи о смерти знаменитого исследователя, случившейся якобы еще на берегах Ньясы, распространились в конце 1866 г. (их принесли вернувшиеся на побережье беглецы из его экспедиции), но уже в следующем году они были опровергнуты посланным на его поиски британским лейтенантом Э. Д. Янгом, одним из участников предыдущей экспедиции Ливингстона. Он поднялся по

Шире до южной оконечности озера Ньяса и выяснил, что Ливингстон благополучно обогнул это озеро*. Позднее от Ливингстона было получено несколько писем, отправленных им в Занзибар с берегов Мверу, Бангвеулу и Танганьики, но затем вновь наступило долгое молчание, совпадавшее с более чем двухлетним пребыванием путешественника в стране маниема, и беспокоество за его судьбу достигло апогея.

Спекулируя на всеобщем интересе к участи Ливингстона, владелец американской газеты «Нью-Йорк геральд» Джеймс Гордон Беннет отправил на его поиски одного из своих репортеров, англичанина по национальности, Генри Мортон Стэнли**, имя которого еще много раз встретится на страницах этой книги. На расходы по экспедиции американский издатель не скупился. Разумеется, Беннета меньше всего заботило оказание помощи Ливингстону: все предприятие было рассчитано в первую очередь на то, чтобы создать рекламу газете и повысить ее тираж (и этот расчет полностью оправдался).

В этом, как и в последующих африканских путешествиях Стэнли, в полной мере проявились и положительные, и отрицательные стороны его сложного и противоречивого характера. Кипучая энергия, предприимчивость, решительность, отчаянная смелость, непреклонная воля, великолепные организаторские способности сочетались у него с резкостью, грубостью и даже жестокостью в обращении со спутниками и особенно с «туземцами», к которым он относился презрительно или в лучшем случае высокомерно-снисходительно. В отличие не только от Ливингстона, искреннего друга и последовательного защитника африканцев, но и от таких пионеров — исследователей Африки, как Спик, Грант и многих других, старавшихся ладить с коренным населением, Стэнли не считал за грех прокладывать себе дорогу в джунглях Африки силой оружия.

Выступив 21 марта 1871 г. из Багамой во главе большой, прекрасно оснащенной экспедиции, Стэнли двинулся на запад к горам Усагара; по пути он обследовал долину Мкондоа и установил, что эта река — не приток Кингани, как полагали Бёртон и Спик, а верховье Вами. Путь Стэнли через Усагару и Угого к Табору проходил близко к маршруту Бёртона и Спика, но за Табором прямая дорога на Танганьiku оказалась отрезанной восстанием ваньямвези против арабских работорговцев, ввиду чего экспедиции пришлось сделать большой крюк к югу; это имело следствием ознакомление с южной частью

* Это путешествие было описано Янгом в небольшой книге «Поиски Ливингстона», опубликованной в Лондоне в 1868 г.

** Настоящее имя его было Джон Роулэндс. Родившись в Уэльсе в 1841 г., он в ранней юности эмигрировал в США; там его усыновил коммерсант Генри Мортон Стэнли, давший ему свое имя и фамилию.

бассейна Малагараси и, в частности, открытие ее главного левого притока — Угалла. 10 ноября 1871 г. караван Стэнли вступил в Уджиджи, куда незадолго до того прибыл с берегов Луалабы Ливингстон. Там и состоялась встреча двух путешественников по Африке — убеленного сединами ветерана и смотревшего на него с восхищением новичка, который тогда и не подозревал, что ему самому предстоит вписать в историю исследования Африканского материка немало ярких страниц.

Стэнли снабдил Ливингстона различными предметами первой необходимости, в том числе медикаментами, в которых тот особенно нуждался, и старый путешественник вновь воспрянул духом. В ноябре — декабре 1871 г. они вместе объехали на лодке северную часть Танганьики и побывали в устье Рузизи, окончательно установив, что эта река впадает в озеро, а не вытекает из него. Один из местных вождей сообщил им, что Рузизи берет начало в озере Киво (т. е. Киву), значительно меньших размеров, чем Танганьика; об огромном же водоеме, который помещал на своей карте непосредственно к северу от Танганьики Бейкер, он ничего не слышал, из чего Стэнли сделал правильное заключение, что «сэру Сэмюэлу Бейкеру придется уменьшить Альберт-Ньянзу на один, если не на два градуса широты». Куда же все-таки направлен сток озера Танганьика — осталось неясным. Ливингстон под конец стал склоняться к принципиально верной мысли о том, что оно питает своими водами Луалабу, но при этом ошибочно предполагал, что каналом стока является открытая им река Лвама.

В самом конце декабря 1871 г. оба путешественника покинули Уджиджи и в феврале 1872 г. прибыли в Табору, где Ливингстон наконец смог получить имущество, давно уже присланное в его адрес из Занзибара. В середине марта Стэнли, оставив Ливингстону дополнительно еще и часть собственных запасов снаряжения, провианта и товаров для меновой торговли и захватив с собой его дневник и письма, отправился в обратный путь к побережью, куда и прибыл в начале мая*. Он уговаривал присоединиться к нему и Ливингстона, но упрямый старый шотландец решительно отказался возвращаться на родину, пока не разрешит проблему Луалабы.

Дальнейшие планы Ливингстона предусматривали прежде всего исследование водораздела между гидрографическими системами Луалабы и Замбези. «Почти наверное можно утверждать, — писал он, — что четыре больших, изливающих обильные воды источника берут начало на водоразделе в восьми днях пути к югу от Катанги. Каждый из них на небольшом

* Свое путешествие Стэнли описал в книге «Как я отыскал Ливингстона», изданной в Лондоне в 1872 г. Имеется русский перевод (СПб., 1874).

расстоянии оттуда становится большой рекой. Две возникшие таким образом реки текут на север, в Египет, другие две — на юг...» Первыми двумя реками были Луалаба («Западная Луалаба», или, как хотел ее назвать Ливингстон, «Луалаба Янга») и Луфира, последними двумя — притоки Замбези Кабомпо и Кафуэ. Истоки этих четырех рек, действительно, подходят близко друг к другу, так что полученная путешественником информация была довольно точной. Значительно более путанными и противоречивыми оказались сведения о дальнейшем течении Луалабы и Луфиры. Сопоставляя данные, полученные из различных источников, Ливингстон пришел к выводу, что Луфира впадает в большое озеро Камолондо, через которое проходит и главная линия стока — «Центральная Луалаба», или «Луалаба Уэбба»* (та, которая вытекает из озера Мверу), тогда как «Луалаба Янга» протекает через некое озеро Чибунго и вливается в «Луалабу Уэбба» ниже Ньянгве.

Путешественник намеревался обойти с востока и юга озера Танганьика и Бангвеулу и затем направиться на запад, в Катангу, к истокам Луфиры и Луалабы («Луалабы Янга»). «Такой маршрут позволит удостовериться, что не может быть других источников Нила, текущих с юга, которых бы я не увидел. Никто не сможет опередить меня, когда это исследование будет завершено». Эта дневниковая запись от 18 февраля 1872 г. как будто бы полна прежней уверенности в том, что Луалаба — верховье Нила. Но уже запись от 31 мая звучит совсем по-иному: «Все время нахожусь в сомнении и беспокойстве по поводу источников Нила. У меня слишком много оснований испытывать неуверенность. Великая Луалаба... может оказаться рекой Конго, а Нил в конце концов более короткой рекой. Источники текут на север и на юг, и это как будто говорит в пользу того, что Луалаба — Нил, но сильное отклонение к западу говорит в пользу того, что это Конго».

Ответа на мучившие его вопросы Ливингстон так и не получил. Давно уже подорванное здоровье шестидесятилетнего путешественника позволило ему проделать лишь часть намеченного маршрута. Тяжело заболев во время очередного перехода, он скончался в ночь на 1 мая 1873 г. в селении Читамбо, затерянном среди болот, окружающих озеро Бангвеулу.

Темнокожие спутники Ливингстона единодушно решили, что тело его должно вернуться на родину, и не пожалели сил для того, чтобы выполнить этот последний свой долг перед ушедшим. Руководителями экспедиции были избраны Суси, уроженец Шупанги на Замбези, и Чума с берегов Шире, пользовав-

* Названия «Луалаба Уэбба» и «Луалаба Янга» Ливингстон хотел дать этим рекам в честь двух своих английских друзей; однако ни то, ни другое название не прижилось.

шиеся особым доверием покойного путешественника. Письменный отчет об обстоятельствах смерти Ливингстона составил единственный грамотный член экспедиции — Джекоб Уэйнрайт, воспитанник устроенного миссионерами близ Бомбея в Индии приюта для освобожденных из рабства мальчиков-африканцев; он же вел дневник на протяжении всего последующего девяти-месячного пути каравана с останками Ливингстона к побережью, завершившегося в Багамоё в феврале 1874 г.

Особо следует отметить, что это путешествие, в котором не участвовало ни одного европейца, кроме покойного «белого доктора», тоже оказалось не бесплодным для географии. Так, обойдя с запада озеро Бангвеулу, спутники Ливингстона убедились, что место выхода Луапуды находится не на северо-западной, а на южной его стороне. Словам африканцев поверили тогда не все; тем не менее английский картограф Э. Г. Равенштейн счел возможным отразить это сообщение на составленной им карте Восточной Африки. Позднее оно было целиком подтверждено французом Жиро.

Из Багамоё тело Ливингстона было доставлено в Занзибар и затем перевезено в Англию. Здесь этот замечательный исследователь Африки удостоился высшей почести, какую могло оказать своему национальному герою Соединенное Королевство: 18 апреля 1874 г. прах его был торжественно похоронен в Вестминстерском аббатстве, рядом с гробницами королей и самых знаменитых людей Англии. В том же году в Лондоне вышли в свет «Последние дневники Давида Ливингстона» — интереснейший человеческий документ, содержащий бесхитростный, неприкрашенный рассказ о его семилетних странствиях, наблюдениях, открытиях, неудачах и постоянных раздумьях над волновавшими его географическими проблемами*.

Завершая обзор открытий и исследований Ливингстона в восточной части бассейна Конго, не мешая кратко остановиться на том резонансе, какой они получили в географических кругах. Интерес представляют в данном случае взгляды тех ученых, которые не просто принимали данные Ливингстона «в чистом виде», но давали им свою интерпретацию.

В 1870 г., после того как в Европу поступили сообщения Ливингстона о результатах его исследовательских работ 1866—1868 гг., английский картограф Кит Джонстон опубликовал оригинальную «Карту озерной области Восточной Африки, показывающую истоки Нила, недавно открытые д-ром Ливингстоном». Эти истоки Джонстон видел в южных притоках озера Льемба, идентичность которого с Танганьикой тогда еще не была доказана и которое считалось самостоятельным водоемом, имеющим сток в Танганьiku; разумеется, при этом он — как

* Русский перевод этой книги опубликован в 1968 г.

и Ливингстон в тот период — исходил из того допущения, что Танганьика в свою очередь имеет сток на север. Напротив, озерно-речную систему Луалабы Джонстон не связывал с Нилом и один из первых высказал мнение о принадлежности ее к бассейну Конго. В качестве главной артерии этой системы он рассматривал, однако, не Луалабу, а Луфиру (о «Западной Луалабе» тогда еще ничего не было известно), которая, по его представлениям, продолжала собой исследованную в верхнем течении Мадьяром и Ливингстоном Касаи и, поворачивая в дальнейшем на запад, образовывала Конго.

В том же году с новым «теоретическим открытием» выступил уже не раз упоминавшийся нами Ч. Т. Бик. Соглашаясь с Ливингстоном в том, что Луалаба относится к нильскому бассейну, он пошел дальше и «присоединил» к этому последнему также и Касаи, причем утверждал, что именно ее и следует считать главным истоком Нила. Основание для такого вывода английский географ нашел у Мадьяра, сообщавшего в свое время, что «Касаби» течет в восточном направлении и впадает в озеро «Моува», или «Ньянья»; это озеро, по мнению Бика, было не чем иным, как Альберт-Ньянзой Бейкера.

При всем различии взглядов Джонстона и Бика на гидрографию Центральной Африки в них не трудно заметить и нечто общее, а именно мысль о том, что Касаи отклоняется на восток и непосредственно соединяется с Луалабой. Это ошибочное представление, несмотря на возражения со стороны отдельных ученых (например, У. Д. Кули), приобрело некоторую популярность и отражено на многих картах того времени.

В конце 1872 г., сразу же по возвращении из Африки Стэнли, сделавшего всеобщим достоянием результаты дальнейших исследований Ливингстона, в «Сообщениях Петерманна» выступил с обстоятельным и глубоким анализом проблемы Луалабы немецкий географ Эрнст Бем. Опираясь на полученную от Ливингстона информацию о Луалабе — о гипсометрическом положении реки у Ньянгве, сезонных колебаниях ее уровня и среднем расходе воды (Бем приблизительно подсчитал его по данным Ливингстона о ширине, глубине и скорости течения реки) — и сопоставляя ее с соответствующими данными о тех крупных африканских реках, которые при тогдешнем состоянии знаний могли считаться продолжением Луалабы, он пришел к заключению о «высочайшей вероятности того, что Луалаба является главным истоком Конго, и несомненности того, что она не связана ни с Нилом, ни с какой-либо другой рекой северного полушария». Такой взгляд был уже не нов, но Бем впервые подвел под него подлинно научную базу.

Проблема Луалабы, таким образом, была принципиально решена уже на основе сообщений самого Ливингстона. Тем не менее приведенные Бемом доказательства идентичности Луала-

бы и Конго, при всей их убедительности, далеко не положили конец дискуссии по этому вопросу. Так, французский географ Руссен высказал в 1874 г. предположение о связи Луалабы с Огове. Тот же Руссен — и не он один — продолжал придерживаться мнения о принадлежности Танганьики к бассейну Нила, несмотря на то, что вопрос о Рузизи был уже решен Ливингстоном и Стэнли, и более здравомыслящие географы увидели в результатах их совместного обследования северного конца Танганьики в 1871 г. несомненное доказательство отсутствия у этого озера сообщения с нильской системой.

Итак, гипотеза о тождественности Луалабы с Конго, хотя и получила благодаря Бему солидный фундамент и постепенно завоевывала все более широкое признание, оставалась все же не более чем гипотезой, нуждавшейся в проверке. На необходимость подтверждения ее непосредственными наблюдениями указывал и сам Бем, подчеркивая, что «Конго остается достойнейшей и благодарнейшей целью африканских исследовательских путешествий».

ЗАПАДНАЯ ЭКВАТОРИАЛЬНАЯ АФРИКА: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОГОВЕ И ПРОНИКНОВЕНИЕ В БАССЕЙН КОНГО С ЗАПАДА

«Река Габун»

В 1839 г. Луи Эдуар де Буэ-Вийомез, командир французской эскадры, патрулировавшей западное побережье Африки в порядке борьбы с работорговлей, заключил договор с одним из африканских вождей об «уступке» в пользу Франции небольшой полосы земли вдоль южного берега бухты (эстуария) Габон. Через несколько лет таким же путем французами был приобретен участок северного побережья эстуария. Целью этих приобретений было создание в Габоне базы для французских военных судов. В 1849 г. на северном берегу эстуария было основано поселение Либревиль — «Свободный город» (ныне столица Габонской Республики).

К этому раннему периоду французской колонизации Габона относятся первые гидрографические съемки эстуария, имевшие целью обеспечение безопасности навигации. Уже в 1845 г. лейтенант А. Флерю де Лангль составил детальную карту эстуария, а в 1849 г. она была исправлена и дополнена съемками лейтенанта Флуа. Этим французские моряки на первых порах и ограничились, долгое время не делая никаких попыток проникнуть сколько-нибудь далеко в глубь страны. Обосновавшиеся в Габоне протестантские и католические миссионеры тоже не проявляли особого интереса к географическим исследо-

ваниям, хотя и занимались некоторыми этнографическими и естественнонаучными наблюдениями.

В географической литературе 50-х годов XIX в. бытовало представление о том, что эстуарий Габон является устьем большой реки, текущей из неизвестных глубин Африки. Так, в 1858 г. немецкий географ Л. Хеймбюргер отнес Габун (Габон) к числу пяти крупнейших рек Африки наряду с Нигером, Нилом, Заиром (Конго) и Замбези. Он склонен был отождествлять «реку Габун» с той большой рекой, которая, как слышал Барт, течет с востока на запад к югу от Центрального Судана, причем не исключал возможности того, что она берет начало в «озере Уньямвези» Ребманна и Эрхардта.

Наряду с «рекой Габун» в этой части Африки значился на тогдашних картах еще один мифический объект — большое «озеро Либа», помещавшееся в глубине континента к востоку от побережья Камеруна. Сведения о нем принес побывавший на камерунском берегу немецкий миссионер (и видный исследователь африканских языков) Сигизмунд Вильгельм Кёлле.

Значение Огове в то время скорее недооценивалось. Сведения, собранные о ней Баудичем, были в значительной степени забыты, и на многих картах она фигурировала лишь как короткая береговая река или не значилась вообще.

Дю Шайю — первоисследователь Габона

Подлинным пионером исследования Западной Экваториальной Африки явился Поль Беллони Дю Шайю, сын одного из старожилков французской колонии в Габоне, занимавшегося коммерческой деятельностью. Здесь Поль провел свои юные годы, привыкнув к знойному африканскому климату и приобретя неплохое знание местных языков и обычаев, что очень пригодилось ему в последующих путешествиях. Он рано проявил склонность к естественным наукам и много времени уделял охоте и сбору орнитологических коллекций. В 1852 г., семнадцати лет от роду, Дю Шайю отправился в Соединенные Штаты и впоследствии принял американское гражданство. В Америке он опубликовал ряд статей о Габоне, успешно выступил в Академии естественных наук в Филадельфии с докладом о результатах зоологических сборов и наблюдений и добился того, что эта организация снабдила его средствами для большого путешествия в Африку, главной целью которого должен был быть сбор новых естественноисторических коллекций.

В конце 1855 г. Дю Шайю вновь прибыл в Габон и в апреле — июне следующего года совершил первый значительный исследовательский маршрут, посетив прибрежные районы между эстуарием Габон и мысом Лопес, в том числе устье Наза-

рета (Назаре) — одного из рукавов дельты Огове. С июля по октябрь 1856 г. он занимался исследованием территорий, расположенных к северу от эстуария Габон: добравшись морем из Либревилля до бухты Кориско, вошел в эстуарий Рио-Муни, поднялся по наиболее крупной из вливающих в него рек — Тембони и, углубившись в Хрустальные горы, посетил селения фанг — еще мало известного в то время европейцам народа, лишь незадолго перед тем переселившегося из глубинных районов материка. На обратном пути Дю Шайю пересек бассейн Ндуа — другой реки, впадающей в эстуарий Рио-Муни, — побывал в бухте Монда и через низменный полуостров, отделяющий ее от эстуария Габон, вернулся в Либревиль.

В феврале 1857 г. Дю Шайю перебазировался на берега «реки» (фактически — лагуны) Фернан-Вас к югу от Огове и долго жил здесь, непрерывно пополняя свои зоологические коллекции. В ходе одной из охотничьих экскурсий он обследовал впадающий в Фернан-Вас устьевой рукав Огове — Нпулу-не и открыл сообщаемое с ним протокой озеро Аненге. В первой половине 1858 г. путешественник поднялся по другому притоку Фернан-Васа — Рембо-Овенга, или Рембо-Нкоми, и провел несколько месяцев в области истоков этой реки, а в конце того же года, перевалив через водораздельную гряду, замыкающую бассейн Рембо-Нкоми, достиг крупнейшего левого притока Огове — Нгуние (у Дю Шайю — Нгуйе, или Рембо-Нгуйе). По открытой им реке Дю Шайю проплыл на лодке, проследив значительный участок ее среднего течения, а также посетил гористую местность на ее правобережье. Зоологические коллекции его к этому времени достигли грандиозных размеров, и он мог считать основную задачу экспедиции выполненной. Вернувшись на побережье, он дождался попутного парусника и 1 июня 1859 г. покинул Африку.

Три с половиной года своей исследовательской деятельности в Габоне Дю Шайю описал в книге «Путешествия и приключения в Экваториальной Африке», опубликованной вначале на английском (Лондон, 1861), затем, в переработанном и дополненном виде, на французском языке (Париж, 1863), впоследствии же переведенной и на ряд других языков, в том числе на русский (1871). Слово «приключения» вынесено в заголовок не случайно: большую часть книги, действительно, занимает рассказ о дорожных и особенно охотничьих приключениях автора. Что касается ее научного содержания, то его составляют главным образом многочисленные, хотя и разрозненные, естественноисторические и этнографические сведения; наиболее видное место уделено описаниям животных, причем особенно подробно рассказывается о гориллах.

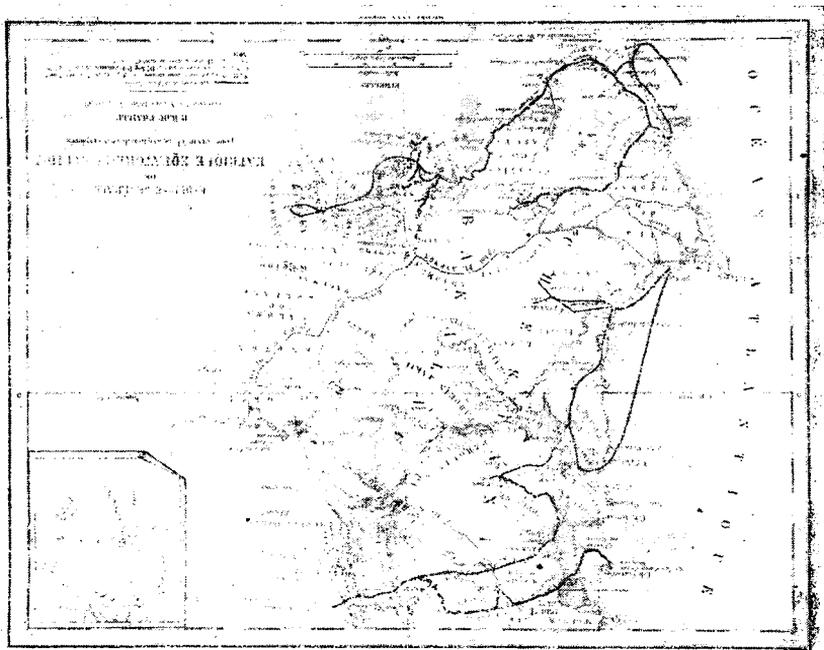
Собственно географического материала в книге не так уж много, но все же достаточно для того, чтобы говорить о весь-

ма существенном вкладе Дю Шайю в географическое познание Западной Экваториальной Африки. Главная заслуга его в том, что он пролил совершенно новый свет на гидрографию этой области. Основываясь частично на собственном опыте, частично на расспросных данных, путешественник установил, что широкие воронкообразные бухты-эстуарии Габон, Монда и Рио-Муни не являются, как принято было считать раньше, устьями крупных рек: в них заканчиваются лишь сравнительно небольшие водотоки, берущие начало в протягивающихся параллельно берегу Хрустальных горах. Этим коротким береговым рекам Дю Шайю справедливо противопоставил Огове как единственную крупную речную артерию рассматриваемого района, причем смог более или менее правильно наметить принципиальную схему ее гидрографической сети.

Как подчеркивал сам Дю Шайю, он не производил «никаких научных географических наблюдений» (т. е. астрономических определений координат), так как не располагал необходимыми для этого инструментами — у него были с собой только компас и буссоль. Искусством глазомерной съемки путешественник тоже владел довольно слабо, и поэтому приложенная к первому изданию «Путешествий и приключений» карта передает конфигурацию его маршрутов, а соответственно и местоположение исследованных им географических объектов весьма грубо и зачастую искаженно. Дю Шайю вполне отдавал себе отчет в ее несовершенстве и во втором издании своей книги заменил ее новой картой, при составлении которой были учтены коррективы, предложенные А. Петерманном в соответствии с данными новых исследований французских военных моряков (см. ниже).

Неожиданно для Дю Шайю его книга сразу же по выходе в свет стала объектом жестокой критики. Многие ученые не приняли молодого путешественника всерьез, сочтя его чем-то вроде новоявленного барона Мюнхгаузена. Особенно неправдоподобным представлялось современникам его описание гориллы; высказывалось мнение, что это чистый вымысел, что Дю Шайю не только «не застрелил ни одной гориллы», но и вообще никогда не видел этих обезьян живыми. Сейчас мы знаем, что оппоненты Дю Шайю ошибались: хотя его сообщения о гориллах кое в чем и приукрашены (сильно преувеличена, в частности, их свирепость), в целом они соответствуют действительности. Об этом свидетельствует крупнейший современный знаток горилл, американский зоолог Джордж Б. Шаллер, отзывающийся о Дю Шайю как о «знающем и добросовестном наблюдателе» и констатирующий, что, «несмотря на несколько преувеличенные описания, рассказ Дю Шайю о гориллах оставался самым достоверным в течение целых ста лет»*.

* Д. Б. Шаллер. Год под знаком гориллы. М., 1968, стр. 10.

Карта Габона П. Б. Дю Шайю

Скептическое отношение к результатам зоологических наблюдений Дю Шайю распространилось и на его географические данные; с крайним недоверием было встречено, например, его сообщение о том, что большой «реки Габун» не существует. Более того, под сомнение была поставлена подлинность проделанных им маршрутов. Так, Г. Барт, основываясь на отдельных неувязках в датах и фактах, содержащихся в первом издании книги Дю Шайю, пришел к совершенно ошибочному выводу о том, что «по крайней мере большая часть его путешествий им фальсифицирована». Правда, раздавались голоса и в защиту Дю Шайю, в том числе принадлежащие таким авторитетам, как президент Королевского Географического общества Родерик Мёрчисон и выдающийся английский зоолог Ричард Оуэн, но они не могли полностью снять предъявленные молодому путешественнику обвинения в научной недобросовестности.

Время, впрочем, работало на Дю Шайю: очень скоро по крайней мере часть его географических сообщений была подтверждена другими исследователями, и уже в 1862 г. А. Петерманн, подытоживая развернувшуюся вокруг книги Дю Шайю дискуссию, счел возможным весьма высоко оценить его

роль в исследовании Габона, сравнив ее с той, какую сыграли Крапф и Ребманн в Восточной Африке. «Его труд, — писал Петерманн, — знаменует собой большую эпоху в изучении экваториальных стран Африки». Тем не менее и тогда некоторые маршруты Дю Шайю продолжали считаться сомнительными (в том числе и тем же Петерманном).

Глубоко уязвленный резкой и большей частью несправедливой критикой, Дю Шайю поставил своей задачей реабилитироваться в глазах научной общественности, совершив новое путешествие в Экваториальную Африку, на этот раз с инструментами для астрономических наблюдений, которые позволили бы достаточно точно фиксировать его маршрут. Средства для этой экспедиции ему предоставило Королевское Географическое общество. В октябре 1863 г. он высадился на уже знакомый ему африканский берег у входа в лагуну Фернан-Вас. Путешествие началось на редкость неудачно: при переправе через полосу прибоя затонула лодка с багажом экспедиции, и среди прочих вещей безвозвратно погибли те самые инструменты, которым Дю Шайю придавал такое большое значение. Это задержало его выступление в глубь материка на целый год, в течение которого он ожидал прибытия из Англии нового набора инструментов. Получив наконец долгожданную посылку, Дю Шайю отправился в октябре 1864 г. прежним путем к Нгуние и в декабре спустился вниз по ее долине до того места, где эта река образует водопады Нагосси (Нагоши) и Фугаму; он слышал и о третьем водопаде — Самба, расположенном ниже по течению, но посетить его не удалось.

В середине 1865 г. Дю Шайю, переправившись через Нгуние, проник далеко в глубь расположенного к востоку от нее горного массива. По пути он смог познакомиться помимо прочих местных племен с низкорослыми обонго, не знающими земледелия и живущими охотой и собирательством. Это была первая в новое время встреча европейца с пигмеями — представителями древнейшего населения Центральной Африки.

Оставив справа от себя горную вершину Биругу, одну из наиболее высоких в этом районе, Дю Шайю заметил, что местность, до того постепенно повышавшаяся к востоку, начинает теперь столь же постепенно понижаться. От аборигенов он узнал, что небольшие водотоки, текущие в восточном направлении, впадают в большую реку, которая, по его мнению, могла быть Конго или одним из ее притоков. В действительности эта река, до которой Дю Шайю так и не добрался, была не чем иным, как верхним течением Огове.

Крайним восточным пунктом путешествия явилась деревня народа ашанго Муау-Комбо, расположенная под $12^{\circ}35'$ в. д. Здесь один из спутников Дю Шайю застрелил (нечаянно, по словам путешественника) местного жителя, что, естественно,

привело к взрыву негодования его соплеменников. Этот при-
сorbный инцидент положил конец экспедиции: Дю Шайю и
его спутникам пришлось спешно ретироваться. В сентябре
1865 г. путешественник вернулся на свою базу у Фернан-Васа
и вскоре отплыл в Англию, на этот раз уже навсегда расстав-
шись с «Черным континентом».

Описание экспедиции 1863—1865 гг. Дю Шайю опубликовал
в 1867 г. в Лондоне на английском языке под названием
«Путешествие в страну ашанго и дальнейшее проникновение в
Экваториальную Африку». Во французском издании, вышед-
шем в свет в следующем году в Париже, эта книга называется
«Дикая Африка» (под тем же заглавием опубликован в 1872 г.
ее русский перевод).

Как и рассчитывал Дю Шайю, его вторая книга и сопровож-
дающая ее карта, гораздо более надежная, чем старая, во мно-
гом способствовали восстановлению его научной репутации, но
еще бóльшую роль в этом, очевидно, сыграли продолжавшие
поступать от других путешественников свидетельства правди-
вости более ранних его сообщений. Все же и новая работа Дю
Шайю не обошлась без нападков некоторых скептиков, не пове-
ривших, в частности, в существование описанных им пигмеев
(впрочем, и тут Дю Шайю был вскоре «реабилитирован» сооб-
щениями Швейнфурта).

Подводя итог исследовательской деятельности Дю Шайю,
нелишне заметить, что его сочинения по существу впервые
познакомили ученых и всю читающую публику с богатой и кра-
сочной природой экваториальной лесной зоны Африки, о кото-
рой тогда имелись лишь смутные представления, так как боль-
шинство научных экспедиций работало до того времени в более
засушливых областях материка.

Имя Дю Шайю сейчас носит открытый и частично обследо-
ванный им горный массив, образующий водораздел между Ого-
ве (в ее верхнем течении) и Нгуние.

Исследования гидрографической системы эстуария Габон и нижнего течения Огове французскими морскими офицерами (конец 50-х и 60-е годы)

Конец 50-х годов ознаменовался заметной активизацией ис-
следовательской деятельности офицеров базировавшейся в Га-
боне французской эскадры. В 1858—1859 гг. лейтенант
Ж. Э. Брауэзек и мичман Дюмениль выполнили съемку наи-
более значительной из впадающих в эстуарий Габон рек —
Комо и ее притока Бокве. Их исследования были дополнены
флотским врачом Ф. Тушаром, поднявшимся в 1860 г. вверх

по долине Комо. В 1861 г. лейтенант П. Серваль заснял реку Рембве с ее притоками, а также ряд менее значительных водотоков, принадлежащих к гидрографической системе эстуария Габон; он же обследовал некоторые береговые реки к северу от этого эстуария. В результате этих работ были подтверждены взгляды Дю Шайю на гидрографию прибрежных областей Габона и окончательно развеян миф о большой «реке Габун».

Некоторые дополнительные сведения о тех же районах доставили посетившие их в начале 60-х годов американский миссионер Берт, английский журналист и писатель У. Уинвуд Рид и его соотечественник Р. Ф. Бёртон, о деятельности которого на западе Экваториальной Африки несколько подробнее говорится в следующем разделе.

В 60-х годах внимание французов (очевидно, под влиянием сообщений Дю Шайю) решительно переключается на Огове. В 1862 г. были предприняты первые шаги к территориальному расширению французской колонии: заключены новые договоры, поставившие под «покровительство» Франции все побережье от эстуария Габон до мыса Лопес. Закрепив за собой устье Огове, французы приступили к исследованию реки.

Первая рекогносцировка этого многообещающего водного пути в глубь материка была поручена лейтенанту П. Сервалю, командиру небольшого парового судна «Пионер»; его сопровождал офицер медицинской службы М. Т. Гриффон дю Белле, который и составил отчет об этой экспедиции. «18 июля [1862 г.], — рассказывает он, — мы вошли в реку Назаре, один из устьевых рукавов Огове... Уже вечером первого дня мы миновали область мангров и на следующее утро достигли прекрасного, широкого водного пространства — настоящей Огове, по отношению к которой Назаре, очевидно, является лишь ветвью и даже не главнейшей». Однако время для плавания по Огове было выбрано не совсем удачно: уровень воды в реке был слишком низок, и навигация затруднялась многочисленными песчаными мелями. Вскоре путешественникам пришлось оставить пароход и продолжить плавание на лодке. Они поднялись по реке до входа в протоку, которая соединяет Огове с крупнейшим из озер, усеивающих ее пойменно-дельтовую равнину, — Онанге; отсюда они вынуждены были повернуть назад из-за угрозы столкновения с приречным населением. Все же им удалось посетить озеро Онанге, равно как и другое, расположенное несколько западнее, — Аненге, за пять лет до того открытое Дю Шайю. В результате этого плавания было впервые положено на карту нижнее течение Огове с его рукавами, островами и пойменными озерами.

В декабре того же года Серваль и Гриффон дю Белле предприняли попытку достичь Огове со стороны эстуария Габон. Оставив «Пионер» в устье Рембве, они поднялись на лодках

вверх по реке, насколько это было возможно, после чего двинулись пешком на юго-восток через густой тропический лес. На этом переходе Гриффон дю Белле заболел лихорадкой и вынужден был остаться в одной из попутных деревень, Серваль же продолжал путь и 17 декабря вышел к Огове. Не задерживаясь на ее берегах, он уже через два дня выступил в обратный путь и 24 декабря вместе с Гриффоном дю Белле вернулся на борт «Пионера». В результате этого путешествия была не только найдена кратчайшая сухопутная дорога от эстуария Габон к Огове, но и установлено отсутствие гидрографической связи между ними (до того еще оставались подозрения, что Рембве может быть одним из дельтовых рукавов Огове).

Съемки Серваля и собранные им вместе с Гриффоном дю Белле опросные сведения целиком подтвердили данные Дю Шайю об Огове. Серваль полагал, что вышел в декабре 1862 г. к Огове ниже слияния с Нгуние, фактически же он побывал выше этого места. Относительно истоков Огове французы ничего достоверного узнать не смогли; Гриффон дю Белле считал, что они могут лежать очень далеко на северо-востоке, в Вадаи или Дар-Фертите*.

В 1864 г. на Огове была послана новая французская экспедиция на двух паровых судах — «Пионере» и «Левиафане» — под начальством лейтенанта Альбиго**; в ней принял участие также Тушар, известный своими исследованиями бассейна Комо. Альбиго и Тушар, как и Серваль двумя годами раньше, отправились в плавание в июле, в самую низкую воду, и поэтому смогли подняться по реке лишь немногим дальше своих предшественников; все же им удалось побывать в районе слияния Огове с Нгуние, что было немалым достижением. На обратном пути они спустились по южному рукаву дельты Огове — Нпулуне до лагуны Фернан-Вас, где встретились с Дю Шайю (находившимся тогда в ожидании выписанных из Лондона инструментов) и вместе с ним совершили поездку по Рембо-Нкоми. В том же году лейтенант Жануайе прошел сухим путем от Бокве, притока Комо, до Огове, достигнув этой реки несколько выше по ее течению, чем Серваль; обратный путь его к эстуарию Габон примерно совпадал с маршрутом Серваля. Об этих путешествиях, однако, были опубликованы лишь самые общие сведения. То же относится к маршруту лейтенанта Гуэна, обследовавшего в 1865 г. небольшой район к югу от эстуария Габон.

Более значительных географических результатов добился в

* Отчеты об обеих экспедициях Серваля и Гриффона дю Белле были опубликованы в 1863 г. во французском журнале «Морское и колониальное обозрение».

** В различных источниках фамилия этого офицера пишется по-разному: Альбиго, Лабиго, Лабенго.

1866 г. английский коммерсант Р. Б. Н. Уокер, много лет проживший в Габоне. Путем, близким к маршруту Серваля, он прошел от Рембве к Огове, спустился по ней до места слияния с Нгуние (обнаружив при этом, что и Серваль, и Жануайе выходили к Огове выше слияния) и проследил Нгуние от устья до водопадов Самба и Фугаму; вернувшись на Огове, он поднялся по ней до первых порогов (район современного Нджоле). Таким образом Уокер, с одной стороны, по существу завершил рекогносцировку судоходного нижнего течения Огове, с другой же, поднявшись по Нгуние, непосредственно связал между собой маршруты французских военных моряков и Дю Шайю. В отчете об этой экспедиции, помещенном в 1870 г. во французском журнале «Новые анналы путешествий», нет описания обратного пути к эстуарию Габон, но, по-видимому, этот путь проходил несколько западнее, коснувшись наиболее значительного из правобережных пойменных озер Огове — Азинго (об открытии им этого озера в 1866 г. Уокер упоминал позднее в одном из своих писем).

В апреле — мае 1867 г. новое плавание по Огове — все на том же «Пионере» — совершил лейтенант А. Эме. Более высокий уровень воды в это время года позволил «Пионеру» подняться по Огове до места впадения Нгуние. На правом берегу Огове, напротив устья Нгуние, он водрузил трехцветный флаг в знак принятия этой территории во владение Франции, что и было главной целью экспедиции. Географические результаты ее выразились в новой съемке нижнего течения Огове, более точной, чем съемка Серваля*.

В 1867—1868 гг. лейтенанты Жане, Эме и Эдд засняли лабиринт рукавов и проток дельты Огове. Была выполнена также съемка лагуны Фернан-Вас. Выяснилось, что она имеет значительно большие размеры, чем предполагал Дю Шайю, видевший только часть ее акватории.

К концу 60-х годов нижнее течение Огове полностью попало под французский контроль. Верхнее же ее течение продолжало оставаться неизвестным.

Восхождение Бёртона и Манна на вулкан Камерун и другие исследования прибрежных районов Камеруна в 60—70-х годах

В 1861 г. знаменитый исследователь Восточной Африки Р. Ф. Бёртон был назначен британским консулом на Фернандо-

* Краткий отчет об экспедиции Эме был помещен в «Бюллетене Парижского Географического общества» в 1869 г., более подробный — в «Морском и колониальном обозрении» в 1870 г.

По. Почти все время его пребывания на этом посту (по 1864 г.) было заполнено ближними и дальними поездками, в ходе которых он посетил город-государство йоруба Абеокуту (к северу от Лагоса, только что ставшего тогда английской колонией), береговые области Камеруна, эстуарий Габон, низовья Конго, Дагомею и некоторые другие страны и районы западного побережья Африки. Свои западноафриканские впечатления Бёртон описал в четырех объемистых (каждая состоит из двух томов) книгах: «Странствования в Западной Африке» (1863), «Абеокута и горы Камеруна» (1863), «Миссия к Джелеле, королю Дагомеи» (1864) и «Две поездки в страну горилл и к водопадам Конго» (1875). Деятельность Бёртона на западном побережье Африки не ознаменовалась какими-либо крупными географическими открытиями, но публикации его во многом способствовали общему расширению и углублению знаний о природе и населении этой части континента.

Наиболее значительным исследовательским предприятием Бёртона за рассматриваемый период было восхождение на высочайший горный массив западного побережья Африки — вулкан Камерун, совершенное им вместе с молодым немецким ботаником Густавом Манном. Последний был командирован Ботаническим садом в Кью (Лондон) для участия в экспедиции Бейки на Нигер и Бенуэ, но, по стечению обстоятельств, отстал от экспедиции и в 1860—1863 гг. самостоятельно занимался изучением западноафриканской горной флоры; он поднимался помимо Камеруна на вершины вулканических островов Фернандо-По, Сан-Томе и Принсипи, а также побывал в Хрустальных горах в хинтерланде Рио-Муни.

Исходным пунктом экспедиции Бёртона — Манна явилась Виктория — расположенная у подножия Камеруна, в бухте Амбас, станция английских баптистских миссионеров, обосновавшихся на камерунском побережье с 1845 г.* Отсюда Манн в январе — феврале 1861 г. предпринял рекогносцировку нижних склонов вулкана, а в декабре двинулся на штурм главного конуса — Фако, или Монго-ма-Лоба (гора богов). Бёртон присоединился к нему немного позднее. Высшей точки массива (4070 м над уровнем моря)** первым достиг Манн 3 января 1862 г.; в конце января он повторил это восхождение совместно с Бёртоном. В ноябре — декабре 1862 г. Манн продолжил свои исследования Камеруна, причем кроме главного конуса под-

* Один из них, Меррик, совершил в 1847 г. первую попытку восхождения на массив Камерун; он поднялся выше верхней границы леса, но не смог достичь ни одной из вершин.

** Экспедицией Бёртона — Манна высота этой точки была определена заниженно: около 4000 м. На английских морских картах того времени она, наоборот, завышалась — 4194 м.

нимался на расположенный к югу от него более низкий, сильно разрушенный эрозией вулкан Этинде.

Богатые ботанические сборы Манна явились существенным вкладом в изучение африканской флоры. Они выявили, в частности, значительную близость высокогорной флоры Камеруна и вулканических островов Гвинейского залива к уже известной европейской науке флоре Эфиопского нагорья.

В 1872 г. в Камерун прибыла немецкая экспедиция в составе трех ученых-натуралистов: Рейнгольда Бухгольца, Вильгельма Людера и Антона Рейхенова. Людер в марте 1873 г. скончался от лихорадки, Рейхенов тоже тяжело заболел и должен был возвратиться в Европу, Бухголец же оставался в Экваториальной Африке до 1875 г., занимаясь главным образом зоологическими исследованиями; географические результаты экспедиции оказались довольно скудными. Более успешной с этой точки зрения была исследовательская деятельность английских миссионеров в 1877—1878 гг.: Т. Дж. Комбер обследовал территории, прилегающие к массиву Камерун с запада, севера и востока, Александр Росс обошел этот массив кругом, а Джордж Гренфелл поднялся на лодке, насколько смог, по наиболее значительным из рек, впадающих в залив (эстуарий) Камерун (в том числе по большой реке Санага до водопада Эдея), и выполнил их съемку. Отчеты об этих экспедициях и явившиеся их результатом карты публиковались в конце 70-х — начале 80-х годов в «Трудах Королевского Географического общества» и миссионерских журналах.

Исследования низовьев Конго до конца 70-х годов. Немецкая экспедиция в Лоанго

Любопытно, что среди основных проблем гидрографии Африки, занимавших умы географов в начале второй половины XIX в., по существу отсутствовала проблема Конго. Казалось, что исследование этой реки (сопряженное притом с трудностями и опасностями, о чем свидетельствовала печальная участь Такки) не сулит ничего принципиально нового: практически никто не сомневался, что она образуется слиянием Кванго и Касаи, как об этом писал Ливингстон. По сравнению с его данными карты были дополнены лишь изображением «озера Аквилонда» и вытекающей из него «реки Барбела», якобы сливающейся затем с Кванго (старые сведения о них были извлечены из забвения немецким картографом Б. Хассенштейном в 1862 г.). Предположение Такки о том, что течение Заира (Конго) идет из северного полушария, было оставлено без внимания.

Особенно удивительно, пожалуй, что географы как будто сговорились игнорировать хорошо известную ранее колоссаль-

ную водоносность Конго, предполагавшую наличие у нее огромного водосборного бассейна. Напомнить об этом «кабинетным ученым» мог хотя бы Бёртон, побывавший в 1863 г. в устье Конго и поднявшийся по ней до водопада Йеллала. Однако в то время английский путешественник, видимо, не слишком заинтересовался этим вопросом; когда же с большим запозданием он опубликовал наконец книгу об этой своей поездке (в 1875 г.), проблема Конго и без того уже была поставлена на повестку дня в связи с открытием Луалабы.

В 1873 г. снаряженная для оказания помощи Ливингстону экспедиция лейтенанта британского флота У. Дж. Гранди проследовала из Амбриша (на побережье Анголы) через Бембе в Сан-Салвадор и проникла отсюда на северо-восток, в область верховьев небольшого левого притока Конго — Квилу, где ее дальнейшее продвижение было остановлено запретом местного вождя. Выйдя затем к Конго у Ноки ниже порогов, Гранди намеревался в апреле 1874 г. попытаться подняться вверх по реке, но тут получил известие о смерти Ливингстона и решил вернуться. Часть маршрута вместе с Гранди проделал натурализовавшийся в Англии португалец Джон Монтейру, много лет действовавший в Анголе как горный инженер, а затем торговец; в 1875 г. он выпустил в свет книгу «Ангола и река Конго», явившуюся для его современников полезным источником фактических данных о португальских владениях на западе Центральной Африки.

Весьма обширные планы проникновения в бассейн Конго со стороны западного побережья вынашивались в начале 70-х годов немцами. Когда Стэнли в 1872 г. привез в Европу известия о последних открытиях Ливингстона и в географических кругах стало утверждаться убеждение в связи Луалабы с Конго, видный немецкий этнограф и путешественник Адольф Бастиан выдвинул перед своими соотечественниками идею добиться того, чтобы «честь исследования Конго, ее притоков и береговых стран» досталась Германии. По инициативе Бастиана в апреле 1873 г. было создано (на базе географических обществ различных городов Германии) «Немецкое общество для исследования Экваториальной Африки», позднее получившее более краткое название «Африканское общество в Германии». Новооснованное общество, председателем которого стал Бастиан, немедленно приступило к организации большой экспедиции. Руководство ею было возложено на опытного путешественника и альпиниста, приват-доцента математики в Бонне Паула Гюсфельдта.

Отправным пунктом экспедиции был избран берег Лоанго — полоса побережья к северу от устья Конго. Хотя здесь и существовали европейские фактории, географические знания об этом районе были крайне ограниченными. Для предварительной рекогносцировки сюда прибыл в июне 1873 г. сам Бастиан;

вскоре к нему присоединился Гюсфельдт. В августе близ Ланданы была заложена станция Чинчошо, ставшая основной базой экспедиции. Через некоторое время сюда стали съезжаться прочие ее участники: доктор медицины И. Фалькенштейн, ботаник Герман Сойо, натуралист Эдуард Пехуэль-Лёше. Бастиан, принимавший деятельное участие в основании станции, совершил также несколько маршрутов в прибрежных районах от эстуария Конго на юге до устья Квилу на севере и поднимался по Конго до Бомы; он подтвердил сообщение Дю Шайю о пигмеях обонго. В октябре 1873 г. он отбыл на родину и в 1874—1875 гг. опубликовал двухтомную работу «Немецкая экспедиция на берег Лоанго», основное научное содержание которой составляют результаты его этнографических и лингвистических исследований.

Гюсфельдт после основания станции Чинчошо занялся подготовкой экспедиции в глубь материка. Однако планы его сразу были поставлены под угрозу срыва полной невозможностью доставить носильщиков: жители побережья наотрез отказывались сопровождать его во внутренние районы, не без оснований опасаясь тамошнего населения, издавна привыкшего видеть в прибрежных племенах активных пособников работорговцев. Поэтому Гюсфельдт вынужден был ограничиться сравнительно небольшими по протяженности маршрутами в береговой области. В октябре — декабре 1873 г. он обследовал нижнее течение реки Квилу, проникнув по ней в глубь гористого, покрытого густыми лесами района Майомбе, в марте 1874 г. — низовья реки Шилоанго, с августа по октябрь того же года — нижнее течение реки Ньянга. В этих путешествиях его сопровождал Пехуэль-Лёше, в то время как остальные члены экспедиции занимались большей частью стационарными научными наблюдениями в Чинчошо.

В конце концов Гюсфельдту удалось завербовать сотню носильщиков в Анголе, куда он специально съездил с этой целью. В мае 1875 г., по окончании сезона дождей, он рассчитывал отправиться с ними в глубь страны, но и тут его постигла неудача: еще до намеченного срока выступления многие носильщики заболели, некоторые из них умерли, остальные дезертировали. Совершенно обескураженный, Гюсфельдт вернулся в Германию, чтобы лично доложить правлению «Африканского общества» о крушении своих планов. Прочие участники экспедиции еще некоторое время оставались в Чинчошо, но в 1876 г. ее работы были окончательно свернуты.

По сравнению с грандиозными замыслами организаторов экспедиции, ставивших перед ней задачу исследования чуть ли не всего бассейна Конго, географические, и в первую очередь картографические, ее результаты оказались довольно-таки незначительными. Тем не менее она стала важной вехой в исто-

рии исследования Африки благодаря участию в ней небольшого, но высококвалифицированного коллектива специалистов, который, «охватив сравнительно небольшую территорию, подверг ее систематическому научному изучению и собрал ценные материалы, в особенности по метеорологии, антропологии и естественной истории»*. Труды экспедиции, подготовленные к печати Гюсфельдом, Фалькенштейном и Пехуэль-Лёше и изданные в трех томах в 1878—1882 гг. в Лейпциге, по своему научному уровню намного превосходят большинство других описаний путешествий по Африке того времени.

Для полноты картины исследований района низовьев Конго в 70-х годах следует упомянуть о выполненной в августе 1875 г. офицерами британского флота М. Б. Медликоттом и Фладом на военном судне «Спайтфул» весьма точной и детальной съемке эстуария великой реки вместе с примыкающей к нему разветвленной системой боковых рукавов и протоков (так называемых криков), большинство которых до того было совершенно неизвестно европейцам.

Путешествие Погге в Лунду. Барт-Харматинг в Северной Анголе

В 1874 г. «Африканское общество в Германии» организовало еще две экспедиции, которые должны были играть роль «флангов» в задуманном им наступлении на «белое пятно» Центральной Африки: одну на Огове (на ней мы остановимся в следующем разделе), другую же в Анголу с целью разведать большой торговый путь в столицу государства Лунда (Муата-Ямво). Начальником этой «правофланговой» экспедиции был назначен немецкий майор Александр фон Хомайер, совмещавший военную службу с занятиями орнитологией и получивший известность своими исследованиями птиц Средиземноморья; сопровождать его было поручено ботанику Г. Сою из экспедиции Гюсфельда и лейтенанту австрийской армии А. Э. Люксу. К ним присоединился состоятельный мекленбуржец Пауль Погге, путешествовавший из любви к охоте и приключениям.

Обстоятельства сложились так, что из всего состава экспедиции, отправившейся в глубь материка из Лунды в феврале 1875 г., выполнить поставленную перед ней задачу удалось одному только Погге, тогда как остальные ее участники по состоянию здоровья вынуждены были вернуться с полдороги. В Мусумбу — резиденцию муата-ямво, правителя Лунды, на левобережье реки Бушимае Погге прибыл в декабре 1875 г.

* Дж. Бейкер. История географических открытий и исследований. М., 1950, стр. 402.

Африканский властитель не возражал против пребывания чужестранца в его столице, но категорически запретил ему продолжать путешествие на восток; Погге смог совершить лишь небольшой маршрут к юго-востоку от Мусумбы. В середине апреля 1876 г. он пустился в обратный путь и благополучно вернулся на побережье. Его книга «В царстве Муата-Ямво», изданная в Берлине в 1880 г., и сейчас представляет большой историко-этнографический интерес, являясь ценным источником сведений об общественном устройстве (с сильными пережитками матриархата), культуре и образе жизни населения этого государства, доживавшего в то время последние десятилетия своего существования.

Картографические данные Погге оказались не слишком точными (он не имел достаточной подготовки для ведения правильной маршрутной съемки), но все же сопоставление их с уже имевшимися данными Ливингстона и Мадьяра позволило составить более полное представление о географии, и в первую очередь гидрографии, Лунды, устранив, в частности, некоторые неясности в вопросе об относительном положении отдельных рек, текущих на север между Кванго и Касаи и непосредственно к востоку от этой последней реки.

Еще до возвращения Погге из Лунды «Африканское общество в Германии» направило вслед за ним известного путешественника по Южной Африке Эдуарда Мора, но он, даже не успев по-настоящему приступить к исследованиям, умер 26 ноября 1876 г. от лихорадки в Маланже. Его участь вскоре разделил другой немецкий путешественник — Г. фон Барт-Харматинг, приглашенный в Анголу португальским правительством для геологических изысканий и после полугодичного пребывания в этой стране скончавшийся в Луанде 7 декабря 1876 г. Все же его экспедиция дала некоторые результаты: он обследовал долину реки Лукала, крупнейшего правого притока Кванзы, и область истоков береговых рек Данде и Бенго. Небезынтересной оказалась и собранная им у местного населения информация о более восточных районах, поставившая под сомнение существование легендарного «озера Аквилонда».

Новые исследования Огове: экспедиции Компьеня — Марша и Ленца

После поражения Франции в войне 1870 г. бюджет французской колонии в Габоне был сильно урезан и постоянная военно-морская база ликвидирована, что привело соответственно к прекращению исследовательской деятельности французских морских офицеров. Правда, через несколько лет исследования этого района возобновились с новым размахом, но основную роль в них теперь играли частные лица.

В начале 1873 г. уже упоминавшийся нами англичанин Уокер побил собственный «рекорд» 1866 г., поднявшись по Огове выше ее первых порогов. Он внес существенную поправку в географические карты: порожистое среднее течение Огове, которое до того изображалось на них идущим с северо-востока, в действительности оказалось направленным строго с востока на запад, проходя чуть южнее линии экватора.

Следующий шаг в исследовании Огове сделали два молодых французских натуралиста — маркиз Луи Эжен Анри Дюпон де Компьень и Альфред Марш. Прибыв в Габон в начале 1873 г., они провели около года в низовьях Огове, занимаясь зоологическими исследованиями, и во многом исправили карты этого района, составленные их предшественниками. В январе 1874 г. снаряженная ими небольшая экспедиция на четырех пирогах начала плавание вверх по Огове. С большим трудом преодолев пороги в среднем течении реки, протягивающиеся почти непрерывным рядом более чем на 240 км, Компьень и Марш достигли в марте устья большого правого притока Огове — Ливиндо, или Ивиндо. Здесь экспедиция подверглась нападению воинственных осеба (одно из племен фанг). Французским исследователям удалось после этого продвинуться вверх по Огове еще на несколько километров, но повторное нападение вынудило их повернуть назад. Больные и измученные, Компьень и Марш вернулись в Либревиль, где им пришлось несколько недель отлеживаться в госпитале.

Географические результаты экспедиции были довольно значительными: Компьень и Марш проследили Огове на сто с лишним километров выше крайнего пункта, достигнутого перед тем Уокером, открыли два крупных ее притока: Фове — слева и Ливиндо — справа, а также установили, что выше места впадения Ливиндо Огове изменяет свое широтное направление и течет с юга. Сколько-нибудь достоверных сведений о ее истоках путешественники раздобыть не смогли.

Описанию этого путешествия посвящена вышедшая в свет в 1875 г. в Париже двухтомная книга Компьеня «Экваториальная Африка»*, в которой основное внимание уделено этнографическим и зоологическим данным.

«Эстафету» исследований Огове принял у Компьеня и Марша молодой геолог Оскар Генрих Ленц, «левофланговый» «Африканского общества в Германии». Свою деятельность в Экваториальной Африке он начал в июне 1874 г. с обследования бассейна Рио-Муни: поднялся по реке Тембони до области ее истоков в Хрустальных горах, существенным образом исправив и дополнив весьма несовершенную карту этого района, составленную Дю Шайю. Перебравшись в Либревиль, а затем на

* Первый том переведен на русский язык (СПб., 1879).

Огове, Ленц предпринял несколько небольших экскурсий в озерно-болотном районе ее нижнего течения, в декабре же 1874 г. отправился вверх по реке. Его попытки подняться по Огове выше устья ее левого притока Фове долго оставались безуспешными, но в конце концов путешественнику повезло: в мае 1876 г. ему удалось вступить в переговоры с теми самыми грозными осьеба, которые вынудили к отступлению его французских предшественников, и завязать с ними дружественные отношения. В сопровождении воинов этого племени Ленц совершил тринадцатидневный пеший переход через густой заболоченный лес, следуя более или менее параллельно Огове на некотором от нее расстоянии; по пути он открыл еще один крупный левый приток — Лоло. Снова выйдя к Огове значительно выше крайнего пункта экспедиции Компьеня и Марша, он поднялся по реке еще дальше вверх по течению, до устья ее правого притока Себе. Материальные средства экспедиции к этому времени были уже истощены, здоровье Ленца расстроено. В начале июля 1876 г. он выступил в обратный путь и, вернувшись в ноябре в Либревиль, вскоре отбыл в Луанду, а оттуда в Европу. Описание своего путешествия, в результате которого течение Огове на картах приняло привычную для нас дугообразную форму, Ленц опубликовал в 1878 г. в «Сообщениях Императорско-королевского Географического общества Вены». По сравнению с публикациями его предшественников работа Ленца представляет особый интерес тем, что в ней наряду с географическими и этнографическими материалами содержится первая компетентная (хотя, разумеется, весьма схематичная) геологическая характеристика Габона и Экваториальной Гвинеи.

Бразза: решение проблемы Огове и выход к бассейну Конго

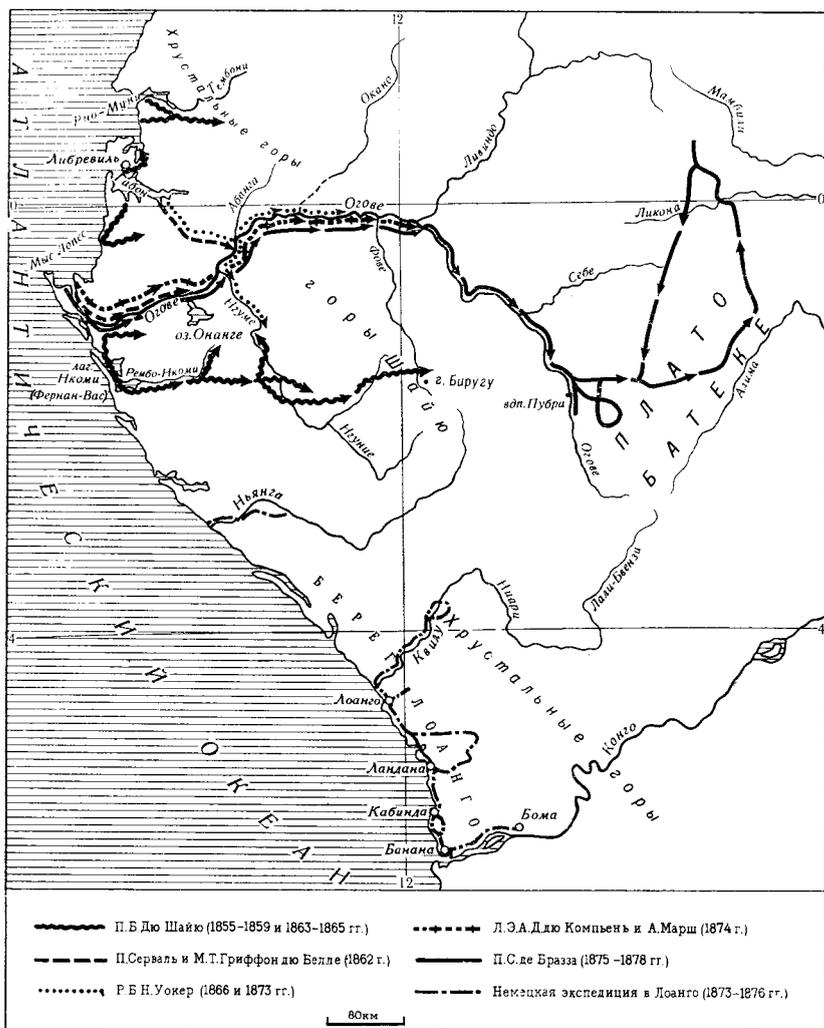
Окончательное решение проблемы Огове связано с именем выдающегося французского путешественника, а впоследствии — крупного колониального деятеля Пьера Поля Франсуа Камилла Саворньяна де Бразза (Саворньяни ди Брацца).

Итальянец по происхождению, в ранней юности эмигрировавший во Францию и позднее принявший французское гражданство, Бразза окончил в 1870 г., в восемнадцатилетнем возрасте, мореходное училище в Бресте и поступил на службу во французский военно-морской флот. Побывав со своим судном в Габоне, он заинтересовался проблемой Огове и подал морскому министру рапорт, в котором излагался проект исследования этой реки как возможного пути проникновения французского влияния в глубь Экваториальной Африки. Проект был одобрен министром, но финансировать это предприятие прави-

тельство не сочло возможным, и при организации экспедиции Бразза пришлось обходиться в основном собственными скромными средствами, дополненными небольшой суммой, выделенной Парижским Географическим обществом. Правительственная помощь выразилась только в том, что Бразза было выплачено его жалованье за год вперед и в его распоряжение были откомандированы молодой офицер медицинской службы Ноэль Эжен Балле и десяток с небольшим сенегальских стрелков; кроме того, он получил кое-какое казенное снаряжение и припасы.

В октябре 1875 г. экспедиция Бразза, к которой примкнул уже знакомый с Огове Альфред Марш, высадилась на африканский берег в Либревиле. Прибыв в феврале следующего года в район среднего течения Огове, Бразза быстро разобрался в местной обстановке и, отказавшись от каких-либо попыток «прорваться» к истокам реки единым «марш-броском», избрал для достижения своей цели более медлительную, но и более надежную тактику. Целых два года он шаг за шагом продвигался вверх по Огове, подолгу задерживаясь в приречных селениях, терпеливо убеждая местных жителей в миролюбивости своих намерений и всячески стараясь завоевать их расположение. Наконец, в марте 1878 г. весь личный состав экспедиции — за исключением Марша, который в 1877 г. из-за болезни вынужден был вернуться во Францию, — собрался в верховьях Огове, близ водопада Пубра. Исследование Огове на этом по существу могло считаться законченным. Хотя экспедиция и не достигла ее истоков, было ясно, что они совсем недалеко: об этом свидетельствовала уже весьма незначительная водоносность реки в том месте, где находились путешественники. Огове оказалась более короткой рекой, чем считалось до сих пор, и не открывала пути сколько-нибудь далеко в глубь материка.

Сильно разочарованный, Бразза все же не пал духом и задался новой целью: проникнуть к востоку от верховьев Огове, в страну народа батеке, о которой он слышал от приречных жителей, описывавших ее в самых мрачных красках. Уже первые рекогносцировочные маршруты показали, что это по крайней мере частично справедливо: после пышных тропических лесов бассейна Огове голые песчаные плато страны батеке производили впечатление настоящей пустыни. Скучные ресурсы снаряжения и средств для меновой торговли, которыми располагала экспедиция, к этому времени уже подходили к концу; французские путешественники не имели даже возможности сменить вконец износившуюся обувь и вынуждены были ходить босиком. Однако мысли о предстоящих трудностях и лишениях не остановили Бразза. Выступив в восточном направлении, он пересек водораздельное плато и вышел к большой реке Алима, текущей на восток и впадающей, как ему рассказывали, в еще более мощную реку. Бразза не подозревал тогда, что речь идет

Маршруты важнейших путешествий по Западной Экваториальной Африке 50—70 годов XIX в.

о Конго; он склонен был думать, что Алима принадлежит к бассейну какого-то большого внутреннего озера.

Спуститься вниз по Алиме и проверить свои предположения французский исследователь не смог из-за сопротивления живущих по берегам этой реки апфуру (бафуру). Решив обойти область их расселения стороной, он двинулся на север. С ба-теке, через страну которых проходил путь экспедиции, каких-

либо конфликтов не возникало, но в этом бедном и редконаселенном крае трудно было доставать продовольствие. Бразза отослал большую часть своих людей во главе с Балле обратно на Огове, сам же в сопровождении маленького отряда продолжал путь на север; из всех попыток его свернуть на восток ничего не получилось, так как местные жители не соглашались служить ему проводниками, опасаясь живущих в той стороне враждебных им племен. Почти под самым экватором он открыл еще одну текущую на восток крупную реку — Ликону, но возможности спуститься по ней ему тоже не представилось.

Приближение сезона дождей заставило французского путешественника подумать о возвращении. Крайним северным пунктом его маршрута явилось правобережье небольшой реки Лебаи-Окуа (приток реки Мамбили, впадающей в Ликвалу) под $0^{\circ}30'$ с. ш. Отсюда Бразза в августе 1878 г. двинулся обратно несколько более западным путем и проследил на значительном протяжении водораздел между бассейнами открытых им восточных рек, с одной стороны, и Огове — с другой. На берегах Огове он соединился с основной частью экспедиции и в ноябре 1878 г. вместе со своими спутниками после трехлетнего отсутствия вернулся в Либревиль. Узнав о новых крупных открытиях, совершенных за это время в Центральной Африке (о них рассказывается ниже), Бразза понял, что в своем путешествии коснулся западной окраины бассейна Конго.

**РЕШЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ ГЕОГРАФИИ
ЭКВАТОРИАЛЬНОЙ АФРИКИ
В 70-х ГОДАХ XIX в.: УСТАНОВЛЕНИЕ
ЦЕЛОСТНОСТИ ГИДРОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
ВЕРХНЕГО НИЛА, ОЧЕРТАНИЙ ВЕЛИКИХ ОЗЕР
И ИДЕНТИЧНОСТИ ЛУАЛАБЫ С КОНГО**

**Присоединение области Верхнего Нила
к египетским владениям
и его первые географические результаты.
Открытие озера Кьоба Шайе-Лонгом**

В 1869 г. египетский хедив Исмаил направил в верховья Белого Нила большую военную экспедицию, главной целью которой было подчинение южных, сопредельных с Египетским Суданом стран. Инициатива этого предприятия исходила от Великобритании, укрепившей в то время свои позиции в Египте и проявлявшей повышенный интерес к Судану. Начальником экспедиции был назначен поступивший на египетскую службу С. У. Бейкер, которому было присвоено звание паши.

Основную свою задачу экспедиция выполнила: к египетским владениям в Судане была присоединена новая обширная провинция, простиравшаяся на юг до озера Альберт и получившая название Экваториальной (Экватории). Научные же результаты деятельности Бейкера на Верхнем Ниле, продолжавшейся до 1873 г., намного уступали политическим. Единственным существенным с географической точки зрения достижением было совершенное им в 1870—1871 гг. плавание по Бахр-эз-Зерафу — «Реке жирафов», правому рукаву Белого Нила, отходящему от главной реки немного южнее 8° с. ш. и вновь соединяющемуся с ней между устьями Бахр-эль-Газала и Собата. Устье Бахр-эз-Зерафа было известно европейцам еще со времен нильских экспедиций Мухаммеда Али, место же bifurкации оставалось неустановленным и вообще было не ясно, является ли Бахр-эз-Зераф боковой ветвью Белого Нила или его притоком. На «Реку жирафов» Бейкер попал только потому, что в тот период Белый Нил ниже озера Но был перегорожен растительными барьерами — сэддами, и, чтобы достичь Гондокоро, экспедиционной флотилии, состоявшей из двух пароходов и трех десятков парусников, пришлось искать новый водный путь. Бахр-эз-Зераф оказался крайне неудобным, а на самом верхнем участке — практически недоступным для навигации; лишь ценой невероятных усилий экспедиции удалось расчистить проход для судов посреди болота и выйти в Бахр-эль-Джебель. В течение последующих двух лет своего пребывания в новооснованной Экваториальной провинции Бейкер не имел возможности — все из-за тех же сэддов — посылать сообщения в Египет и Европу. Поэтому первая точная информация о Бахр-эз-Зерафе была получена не от него, а от австрийского натуралиста Эрнста Марно, который в 1872 г. повторил плавание Бейкера по этому рукаву Белого Нила и заснял его на всем протяжении*.

Маршруты Бейкера к югу от Гондокоро не принесли ничего принципиально нового, так как большей частью совпадали или лишь незначительно отклонялись от его прежних маршрутов. Определенную ценность для картографии представили данные астрономических определений координат и барометрических измерений высот, выполненных одним из участников экспедиции — племянником ее руководителя, флотским лейтенантом Джулианом Алланом Бейкером. Эти данные, равно как и таблицы метеонаблюдений, которые вела Флоренс Бейкер (она и на этот

* Составленная Марно карта Бахр-эз-Зерафа была опубликована в «Сообщениях Петерманна» в 1873 г. До своего плавания по этой реке он совершил поездку по Голубому Нилу и Тумату, а затем обследовал южную часть междуречья Белого и Голубого Нила. Полное описание всех этих маршрутов и их научных результатов содержится в его книге «Путешествия в области Белого и Голубого Нила, в Египетском Судане и сопредельных негритянских странах в 1869—1873 годах» (Вена, 1874).

раз сопровождала мужа), были включены в качестве приложений в двухтомную книгу С. У. Бейкера «Исмаилия», опубликованную в Лондоне в 1874 г. (имеется русский перевод 1876 г.).

В приложения к той же книге вынесены и некоторые географические соображения автора. Энергично опровергая мнение Ливингстона о возможной принадлежности Луалабы к системе Нила, Бейкер в то же время склонялся к ошибочному предположению о существовании связи между озерами Танганьика и Альберт. Он полагал, что Ливингстон и Стэнли, обследовавшие северную оконечность Танганьики в 1871 г., могли и не заметить выхода стока озера.

В 1874 г. пост губернатора Экваториальной провинции занял английский инженер-полковник Чарлз Джордж Гордон, известный своей деятельностью в Китае, где он, находясь на службе императорского правительства, руководил подавлением народного тайпинского восстания. Гордон совершенно не интересовался географическими проблемами, но для управления провинцией, тем более только что присоединенной и почти не освоенной, необходимо было прежде всего знать ее территорию, территорию соседних стран, коммуникации и т. д. Все это Гордон, конечно, отлично понимал, и, несмотря на его равнодушие к географии, для изучения области Верхнего Нила при нем было сделано много.

Одной из первых акций нового губернатора и паши (поступив на египетскую службу, Гордон тоже был возведен в этот сан) было установление дипломатических контактов с королем Буганды Мтесой. Сразу же по приезде в Гондокоро он послал к Мтесе офицера своего штаба, полковника Чарлза (Шарля) Шайе-Лонга, американца французского происхождения. Выступив из Гондокоро во главе небольшого отряда 24 апреля 1874 г., Шайе-Лонг после двухмесячного путешествия прибыл в Буганду. С возложенным на него дипломатическим поручением он справился тем более успешно, что Мтеса тогда сам был заинтересован в союзе с египетскими властями, рассчитывая воспользоваться их помощью в борьбе с правителем Буньоро Каба-Регой, преемником Камраси. Во время пребывания у Мтесы Шайе-Лонг совершил небольшое плавание по озеру Виктория и осмотрел часть его северного берега к востоку и западу от залива Мёрчисона. Он получил также разрешение короля Буганды на то, чтобы вернуться в египетские владения не обычной сухопутной дорогой, а водным путем по Сомерсет-Нилу (Виктория-Нилу) и проследить таким образом участки его течения, оставшийся в стороне от маршрутов Слика и Бейкера. 11 августа 1874 г., через два дня после отплытия из Урондогани, лодки экспедиции вошли в большое озеро, ширину которого Шайе-Лонг определил по меньшей мере в 20—25 английских миль

(32—40 км). Застигнутый на озере бурей, он не имел возможности его обследовать и лишь с трудом нашел место выхода Сомерсет-Нила на противоположном его конце. Вскоре после этого у Мрули экспедиции пришлось выдержать бой с воинами Каба-Реги. Шайе-Лонг был ранен в лицо и еле добрался до ближайшего египетского военного поста (у порогов Карума). В октябре 1874 г. он вернулся в Гондокоро.

Основным географическим результатом экспедиции Шайе-Лонга явилось окончательное установление тождественности реки, вытекающей из озера Виктория, с той, которая впадает в озеро Альберт; при этом выяснилось, что она протекает еще через одно значительное по размерам озеро, названное именем Ибрагима-паши, отца хедива Исмаила (много позднее стало известно его местное название — Кьога, под которым оно и значится на современных картах).

Подтвердив воззрения Спика в отношении единства открытого им Сомерсет-Нила, Шайе-Лонг вместе с тем нанес ощутимый удар его концепции другим своим сообщением. Он утверждал, что во время плавания по озеру Виктория видел противоположный, т. е. южный, его берег, казавшийся «глазам неморяка» удаленным на 12—15 английских миль; принимая во внимание обычный в таких случаях обман зрения, Шайе-Лонг все же полагал, что указанную им цифру можно увеличить не более чем вдвое. Таким образом, истинное расстояние до видимого им берега должно было, на его взгляд, составлять самое большее 40—50 км. Бёртон, естественно, усмотрел в этом дополнительное свидетельство того, что огромное озеро Виктория Спика — географическая фикция и что на его месте фактически находится несколько сравнительно небольших по размерам водоемов. Правда, приверженцы идей Спика тут же нашли сообщению Шайе-Лонга разумное объяснение: по их мнению, он видел не южный берег Ньянзы, а расположенные в северной части озера острова. Так и было в действительности.

В начале 1875 г. Шайе-Лонг совершил путешествие со станции Ладо, построенной Гордоном на левом берегу Бахр-эль-Джебеля ниже Гондокоро и ставшей административным центром Экваториальной провинции, в область расселения восточных азанде — макарака. Его сопровождал уже упоминавшийся нами исследователь Бахр-эз-Зерафа Марно, прикомандированный к штабу Гордона Географическим обществом Вены. Маршрут Шайе-Лонга и Марно проходил большей частью южнее маршрутов их предшественников — Морланга, Пеней, Питрика — и, не приведя к сколько-нибудь важным открытиям, все же способствовал углублению знаний о территориях, расположенных к западу от Бахр-эль-Джебеля. Вместе с тем Марно сделал в какой-то мере шаг назад, придя к ошибочному выводу о том, что река Еи является верховьем Роля; тем самым

была снова поставлена на обсуждение «проблема Еи», по существу уже решенная Питриком*.

Одновременно с Шайе-Лонгом определенных успехов в исследовании верхненильской области добились некоторые другие европейцы, состоявшие на египетской службе. В сентябре — октябре 1874 г. английский инженер Дж. Кемп впервые выполнил точную съемку всего порожистого участка Бахр-эль-Джебеля, который до того времени был намечен на картах лишь схематично, так как маршруты большинства путешественников проходили на некотором расстоянии от реки. В октябре — ноябре того же года два других англичанина, саперные лейтенанты Уотсон и Чиппенделл, во время пароходного плавания от Хартума до Реджафа (новой египетской станции на Бахр-эль-Джебеле, непосредственно ниже порогов) засняли все течение Белого Нила между этими двумя пунктами, что дало возможность существенно исправить прежние карты этой реки, базировавшиеся главным образом на старых данных Верне**.

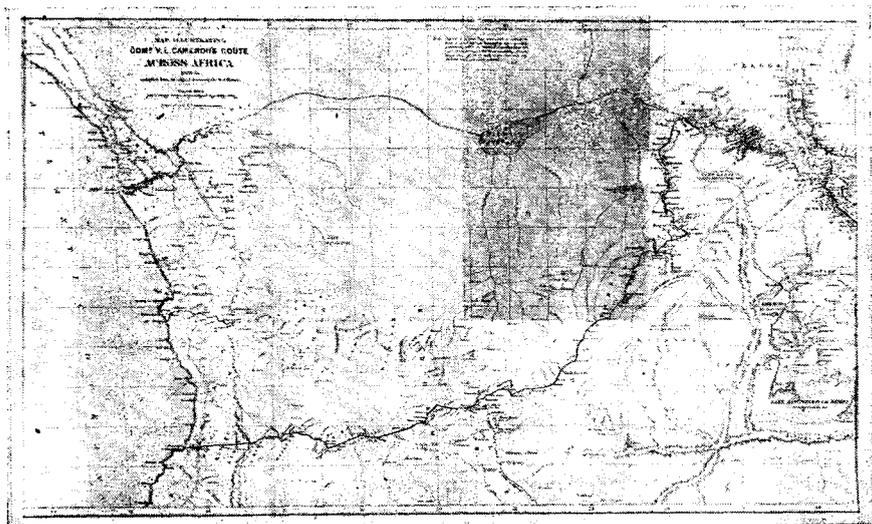
Трансафриканское путешествие Камерона

Еще более важные шаги в географическом изучении Центральной Африки были предприняты в 70-х годах со стороны восточного побережья материка.

В октябре 1873 г. направлявшийся в Занзибар караван с телом Ливингстона встретился в Таборе с посланной на помощь Ливингстону английской экспедицией под командованием 29-летнего шотландца, флотского лейтенанта Верни Ловетта Камерона. Убедившись в том, что помощь его опоздала, Камерон отправил двух своих спутников-англичан сопроводить останки путешественника к побережью, сам же двинулся дальше на запад, чтобы продолжить его исследования. В феврале 1874 г. он прибыл в Уджиджи и в марте — мае совершил плавание по Танганьике, выполнив при этом очень детальную, прокорректированную астрономическими наблюдениями съемку южной, большей, части озера, очертания которой на карте Ливингстона были намечены лишь в первом приближении. Эта поездка увенчалась важным открытием: 3 мая 1874 г. Камерон

* Описание путешествий Шайе-Лонга содержится в его книге «Центральная Африка: голые истины о голых людях» (Лондон, 1876). Марно, который после путешествия к макарака долгое время находился в Кордофане, опубликовал позже книгу «Путешествие в египетскую Экваториальную провинцию и в Кордофан в 1874—1876 годах» (Вена, 1878).

** Сообщения о результатах исследовательских работ этих и других офицеров египетской службы публиковались в «Бюллетене Хедивского Географического общества Каира», «Трудах Королевского Географического общества» и других географических журналах.

Карта Экваториальной Африки В. Л. Камерона

рон обнаружил вытекающую из озера, на западной его стороне, реку Лукуга. Место выхода стока Танганьики — предмета стольких предположений и догадок — оказалось совсем близко к острову Касенге, на котором еще в 1858 г. побывал Спик и который впоследствии неоднократно посещал при переездах через озеро Ливингстон. Камерон проследил Лукугу на несколько километров вниз по течению, пока его лодки не были остановлены перегораживавшими русло реки тростниковыми зарослями. Сознывая значение сделанного им открытия, он прервал исследование берегов Танганьики (хотя сначала намеревался объехать все озеро кругом) и поспешил вернуться в Уджиджи, чтобы немедленно отправить в Европу сообщение о результатах своего плаванья.

От первоначально возникшего у него замысла спуститься по Лукуге на лодках и проследить ее на всем протяжении Камерон вскоре отказался как от предприятия слишком трудного и дорогостоящего (в частности, потому, что оно было сопряжено с необходимостью расчищать путь среди густой водной растительности). Впрочем, особых сомнений в том, куда течет эта река, у него не было: и рассказы местных жителей, и вообще все то, что уже известно о гидрографии области, расположенной к западу от Танганьики, показывало, что она может впадать только в Луалабу. Камерон принял решение идти к Луалабе обычным путем работоторговцев через страну маниема. В августе 1874 г. он уже был в Ньянгве, но расчеты его на то,

чтобы предпринять отсюда плавание вниз по Луалабе, не оправдались: как и Ливингстону, ему не удалось достать лодок. Зато собранная им информация о дальнейшем течении Луалабы была более определенной, чем та, какой располагал Ливингстон: за последние два-три года географический кругозор арабо-суахилийских купцов заметно расширился. Еще в Уджиджи Камерон встретил араба, который рассказал ему, что спускался по Луалабе вниз от Ньянгве в течение 55 дней и добрался до моря; в тех местах, по его словам, эта река называется Конго. Никаких оснований сомневаться в этом сообщении у Камерона не было, и во всяком случае по прибытии на Луалабу он лично убедился в том, что она не может иметь никакого отношения к Нилу, так как протекает на слишком низком уровне.

В Ньянгве Камерон получил также сведения (на этот раз ошибочные), что Луалаба в своем среднем течении протекает через озеро Санкорра, которое особенно его заинтересовало. Не видя возможности достичь этого озера водным путем, он решил попытаться дойти до него пешком. С этой целью путешественник присоединился к направлявшемуся на юго-запад, за Луалабу, каравану богатого и влиятельного торговца слоновой костью и невольниками Хамеда бен Мухаммеда, более известного под прозвищем Типпо-Тип (с ним в свое время встречался и Ливингстон). Вместе с Типпо-Типом Камерон дошел до большой реки Ломами, посетив ее первым из европейцев.

Путь дальше на запад оказался закрыт: местный вождь, достаточно наслышанный о «подвигах» работоторговцев, наотрез отказался пустить чужеземцев на левобережье реки. Тогда Камерон, получив у Типпо-Типа проводников, направился на юг, в феодальное государство народности балуба — Уруа, или Касонго (Косонго); по пути туда он обследовал небольшой отрезок течения открытой им Ломами и часть водораздела между Ломами и Луалабой. Из Килембы, столицы Уруа, куда он прибыл в октябре 1874 г., путешественник совершил экскурсию на юго-восток, к верхней Луалабе; с высокого левого коренного берега этой реки — той самой, о которой Ливингстон слышал как о «Западной Луалабе», — он смог бросить взгляд на ее широкую долину и расположенное в ней озеро Кисале (у Камерона — Кассали), а также фиксировать место впадения в Луалабу ее левого притока Ловой. В дальнейшем он надеялся повторить попытку проникнуть к «озеру Санкорра», но не получил на то разрешения правителя Уруа. Камерон был поставлен перед выбором: либо возвратиться в Ньянгве и оттуда в Занзибар, либо идти в Анголу, куда изъявил готовность проводить его за приличное вознаграждение находившийся в то время в Килембе работоторговец Жузе Антониу Алиш (несмотря на свое звучное португальское имя, он был африканцем из Бие). Английский исследователь остановился на втором варианте.

В конце февраля 1875 г. Камерон с Алвишем выступили из Килембы к западному побережью. Путь экспедиции проходил по возвышенным столовым плато, образующим водораздел в начале между Луалабой и Ломами, затем между Луалабой и Касаи и, наконец, между Касаи и Замбези. Следуя близко к водораздельной линии, Камерон смог нанести на карту истоки целого ряда рек, в том числе Ломами, Лвембе, Лубилаша и Лулвы. В районе истоков этой последней реки он вступил в пределы территории, уже известной географам благодаря исследованиям Ливингстона и Мадьяра. В октябре Камерон прибыл в Бие и после особенно тяжелого (из-за свирепствовавшего в стране голода) перехода к побережью завершил 7 ноября 1875 г. свое пересечение Африки в Катумбеле к северу от Бенгелы.

На всем протяжении этого трансконтинентального рейда, описанного им в двухтомной книге «Через Африку» (Лондон, 1877), Камерон вел тщательную маршрутную съемку, произвел несколько сотен астрономических определений долгот и широт и измерил высоту над уровнем моря более чем 3700 пунктов (тем самым впервые была обеспечена достаточно широкая база для создания гипсометрической карты Центральной Африки). Из принципиально важных географических результатов экспедиции Камерона помимо обследования южной части Танганьики и открытия Лукуги следует отметить в первую очередь существенное уточнение представлений о гидрографической сети Луалабы. Камерон выяснил прежде всего, что две реки, слиянием которых образуется Луалаба, соединяются не ниже Ньянгве, как полагал Ливингстон, а много выше этого пункта. Оказалось, что восточная из этих рек, вытекающая из озера Мверу, носит название Лувуа, западная же именуется, как и объединенная река ниже слияния, Луалабой, а также Камолондо. Дошедшие до Ливингстона слухи об «озере Камолондо» относились, по-видимому, к расположенной в долине этой реки цепочке не слишком крупных озер, из которых Камерон лично повидал Кисале. На составленной Камероном карте фигурируют почти все сколько-нибудь значительные притоки верхней Луалабы; правильно показано, в частности, место впадения в нее Луфиры, которую Ливингстон ошибочно считал притоком «Луалабы Уэбба», т. е. Лувуа. Вообще конфигурация течения верхней Луалабы передана на карте Камерона поразительно верно, хотя сам он видел эту реку только в одном месте, да и то издали; это свидетельствует о высокой точности устной информации, полученной им от арабо-суахильских торговцев, в особенности от Джумы ибн Салима, с которым он встречался в Уруа.

Ломами, которую Ливингстон отождествлял с «Западной Луалабой», «Луалабой Янга», оказалась самостоятельной рекой, текущей в северном направлении параллельно Луалабе и впа-

дающей в нее где-то ниже Ньянгве; при этом Камерон, как уже говорилось, имел возможность лично проследить часть ее течения и установить местоположение ее истоков. Немаловажно и то, что, пройдя вдоль водораздела, ограничивающего на западе бассейн верхней Луалабы, он убедился в невозможности прямой гидрографической связи между ней и Касаи. Менее точной была собранная им информация о течении Луалабы между местом ее слияния с Лувуа и Ньянгве: на его карте ниже этого слияния показано несуществующее озеро Ланджи.

Получив правильные сведения о том, что Луалаба является верховьем Конго, Камерон, однако, остался в неведении относительно большой дуги, которую эта река описывает в своем среднем течении, и «повернул» ее на своей карте на запад непосредственно от Ньянгве, приблизительно вдоль 4° ю. ш. Любопытно, что в этой интерпретации течение Луалабы — Конго почти точно совпадало с реально существующей широтной гидрографической осью Санкуру — Касаи. По-видимому, информаторы Камерона спутали между собой эти две крупные водные артерии; об этом говорит и название озера, через которое якобы протекает Луалаба, — «Санкорра» (явно искаженное «Санкуру»), и сведения о том, что в это озеро впадают с юга реки Бусимани и Луилу (Бушиме и Авилу, притоки Лубилаша — Санкуру).

Помимо собственных полевых исследований Камерона и собранной им географической информации необходимо упомянуть еще и о его немаловажном теоретическом вкладе в решение основных проблем географии Центральной Африки. Мы имеем в виду сформулированную и убедительно аргументированную им гипотезу о том, что водосборный бассейн Конго должен располагаться по обе стороны экватора (ту же мысль, как мы знаем, высказывал еще Такки, но с тех пор она практически всеми игнорировалась).

«Эта великая река, — писал о Луалабе Камерон, — должна быть одним из истоков Конго, ибо откуда же еще этот гигант среди рек, уступающей по объему [стока] только Амазонке, мог бы получить те два миллиона кубических футов воды, которые он непрерывно вливает каждую секунду в Атлантику? Крупные притоки с севера объяснили бы относительно слабый подъем [уровня] Конго у побережья; ибо, поскольку ее огромный бассейн простирается по обе стороны от экватора, какая-то часть его всегда находится в зоне дождей, и поэтому питание главной реки все время примерно одинаково».

Исходя из этого глубоко верного взгляда, Камерон первым высказал предположение о том, что открытая Швейнфуртом Уэле может быть притоком Конго. Идея эта была тогда встречена географами без особого сочувствия: по-прежнему представлялась более вероятной связь Уэле с Шари или Бенуэ.

**Первые этапы трансафриканского путешествия
Стэнли 1874—1877 гг.:
установление целостности озера Виктория,
открытие Рувензори и «Мута-Нзиге»,
исследование Кагеры**

В сентябре 1874 г. в Занзибар прибыл Генри Мортон Стэнли, завоевавший себе широкую известность успешными поисками пропавшего без вести Ливингстона.

На этот раз Стэнли поставил своей задачей «довершить открытия Спика, Бёртона и Ливингстона»: устранить оставшиеся неясности в вопросе об истоках Нила (в особенности в отношении целостности озера Виктория) и окончательно решить проблему Луалабы.

Исследовательское предприятие Стэнли финансировали две крупных газеты: английская «Дейли телеграф» и американская «Нью-Йорк геральд». Как и в предыдущем своем восточноафриканском путешествии, он не был стеснен в средствах и смог организовать большую, великолепно снаряженную экспедицию. Его караван, выступивший в путь из Багамои 17 ноября 1874 г., состоял из 356 человек, в том числе 270 носильщиков, которые несли помимо прочего экспедиционного имущества большую разборную парусную лодку «Леди Элис». Из европейцев, кроме самого Стэнли, в экспедиции приняли участие трое молодых англичан: Фредерик Баркер и братья Покок — Фрэнсис-Джон и Эдуард.

До Угого Стэнли шел уже знакомой ему дорогой, но затем отклонился от нее на север и северо-запад, чтобы, не заходя в Табору, выйти напрямик к озеру Виктория. Путь этот, проходивший через еще совершенно неизвестные европейцам области, оказался чрезвычайно тяжелым. До озера дошло меньше половины личного состава экспедиции; остальные умерли от голода и болезней, погибли в стычках или просто убежали. Одной из первых жертв был Эдуард Покок, скончавшийся от лихорадки 17 января 1875 г.

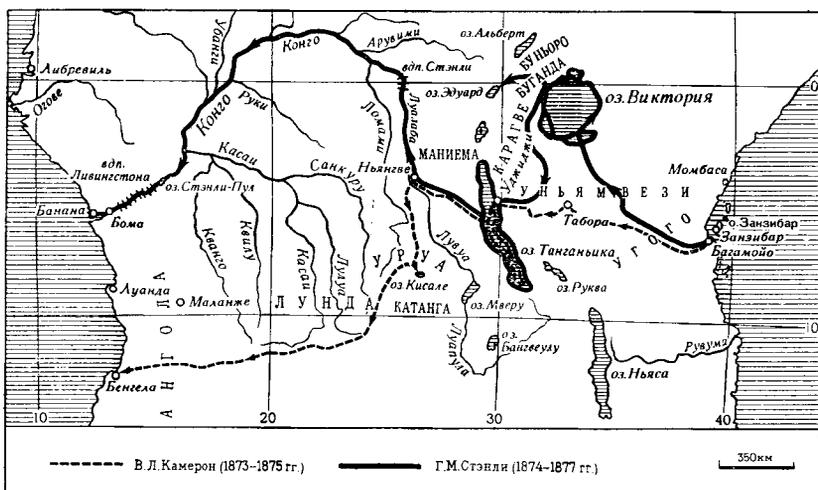
Основным географическим результатом первого этапа путешествия Стэнли, закончившегося 27 февраля 1875 г. прибытием в селение Кагейи на южном берегу Виктории (немного восточнее Мванзы — того места, где побывал в 1858 г. Спик), явилось открытие ориентированной в общем с юга на север гидрографической системы, включающей реки Маньонга и Вембере; Стэнли счел эту систему верховьями обнаруженной им несколько позднее реки Симию, впадающей в озеро Виктория восточнее Кагейи. Таким образом, по мнению путешественника, речь шла о самом южном притоке Виктории-Ньянзы. Десятилетием позже было выяснено, что Стэнли ошибся: в действительности им была открыта самостоятельная, не связанная ни

с Симию, ни с бассейном Нила вообще система Вембере — Сибити, заканчивающаяся в бессточном озере Эяси.

8 марта 1875 г. Стэнли, оставив основную часть экспедиции в Кагейи, пустился в плавание по озеру на собранной и спущенной на воду «Леди Элис». Первые же дни плавания увенчались открытием большого юго-восточного залива озера, который Стэнли назвал именем Спика. Обогнув с запада крупный остров Укереве и оставив по левому борту соседний остров Укара, путешественник двинулся на север вдоль восточного берега Виктории, старательно отмечая на карте все извивы береговой линии; при этом он смог удостовериться в том, что среди притоков, которые озеро принимает с восточной стороны, нет ни одного сколько-нибудь значительного (о чем говорили и сведения, собранные Спиком). По прибытии к северному берегу, в Буганду, Стэнли нанес визит Мтесе и заручился его поддержкой, после чего продолжил свое плавание — теперь уже в сопровождении целой флотилии пирог баганда. Следуя вдоль северного, а затем западного берега озера, он посетил устья Катонги и Кагеры; особенно заинтересовала его Кагера, по которой он поднялся на несколько километров, но не смог продвинуться дальше из-за слишком сильного течения. Стэнли убедился, что эта река — опять-таки в полном соответствии с данными Спика — превосходит по водоносности все прочие притоки Виктории и, следовательно, может претендовать на роль главного истока Нила. 5 мая он завершил объезд озера, снова прибыв в Кагейи, где узнал о смерти Баркера, последовавшей от лихорадки 27 апреля.

В результате кругового плавания Стэнли по озеру Виктория была прослежена и положена на карту, хотя и не слишком точно, почти вся его береговая линия. Неисследованным остался лишь юго-западный угол озера, «срезанный» Стэнли наискосок на обратном пути в Кагейи; кроме того, от внимания путешественника ускользнул большой северо-восточный залив Кавирондо (узкий вход в него Стэнли принял за вершину сравнительно не глубоко вдающейся в сушу бухты, которая и значится в этом месте на его карте). Эти пробелы, разумеется, ничуть не умаляют значения плавания Стэнли, явившегося фундаментальным вкладом в решение «нильской проблемы».

«Я не вышел за рамки поставленной мне задачи, — писал Стэнли, — а именно исследования южных истоков Нила и разрешения проблемы, оставшейся нерешенной Спиком и Грантом: является ли Виктория-Ньянза одним озером или состоит из пяти озер, как сообщали Ливингстон, Бёртон и др. Эта проблема теперь удовлетворительным образом решена, и Спику принадлежит вся честь открытия крупнейшего внутреннего моря на Африканском континенте, а также его главного притока, равно как и его стока. Я должен также сказать в похвалу ему,

Маршруты трансфриканских путешествий
 В. Л. Камерона (1873—1875 гг.)
 и Г. М. Стэнли (1874—1877 гг.)

что он понял географию посещенных им стран лучше любого из тех, кто так настойчиво критиковал его гипотезу, и выражаю здесь мое восхищение этим гениальным географом, который на основании одних лишь сообщений туземцев впервые так мастерски наметил очертания Виктории-Ньянзы».

Переправившись вместе со всеми своими людьми через озеро в Буганду, Стэнли провел там несколько месяцев, знакомясь со страной и готовясь к новому исследовательскому предприятию — сухопутному путешествию на запад от Буганды, где, по рассказам местных жителей, находилось большое озеро Мута-Нзиге. Под сходными названиями (Лута-Нзиге, Мвутан-Нзиге) было известно открытое Бейкером озеро Альберт, и Стэнли не сомневался, что именно о нем и идет речь. Для охраны экспедиции Мтеса выделил вооруженный отряд, насчитывавший более двух тысяч человек. Поход начался в ноябре 1875 г. Поднявшись вверх по заболоченной долине Катонги и перейдя слабо выраженный в рельефе водораздел между нею и текущей на запад рекой Русанго, Стэнли увидел в начале января 1876 г. далеко на северо-западе горный массив Рувензори — «огромную синюю массу, которая, как нам сказали, была великой горой в стране Гамбарагара». Путешественник дал этой горе имя Гордона Беннета, издателя «Нью-Йорк геральд»; исконное африканское название ее, под которым она значится на современных картах, было ему тогда неизвестно. Высоту горы Стэнли определил примерно в 4300—4600 м над уровнем

моря, т. е. несколько заниженно (высшая точка Рувензори—5109 м). Он слышал о том, что на ее вершине часто виден снег, но не узнал о существовании у нее постоянной снеговой шапки. Тот факт, что им был открыт третий по высоте горный массив Африки, обнаружился лишь значительно позднее.

11 января 1876 г. экспедиция стала лагерем в полутора километрах от края плоскогорья, у подножия которого лежало Мута-Нзиге. Фактически это были два сообщающиеся между собой протокой озера, носящие на наших картах названия Эдуард и Джордж. Стэнли смог отчетливо разглядеть восточное, меньшее из них — Джордж; он принял его за залив расположенного дальше к западу более обширного озера, по его представлениям, — южного продолжения Альберт-Ньянзы Бейкера. Познакомиться с этими водами поближе путешественнику не удалось: вожди местных племен, встревоженные приближением войска баганда, наотрез отказались пустить непрошенных гостей в свои владения и были готовы в случае необходимости дать им вооруженный отпор. Стэнли вернулся в Буганду и оттуда в феврале 1876 г. направился на юг, в Карагве, все еще надеясь достичь интересовавшего его озера другой, более южной дорогой. Однако и этот план не увенчался успехом: доступ в лежащие к западу от Карагве страны — Мпороро и Руанду— был чужестранцам категорически воспрещен.

Правитель Карагве Руманика, напротив, отнесся к Стэнли с тем же доброжелательством, с каким в свое время встретил Спика и Гранта, и путешественник воспользовался этой благоприятной обстановкой для исследования Кагеры. Он проследил меридионально ориентированный средний участок долины этой реки, заболоченный и усеянный многочисленными мелкими озерами, примерно до места слияния двух главных ее истоков— Ньяварунгу и Рувуву. Собранные им сведения о том, что Кагера принимает с запада воды озера Аканьяру, были не вполне точны: Аканьяру не озеро, а река, главный правый приток Ньяварунгу (но в бассейнах Ньяварунгу и Аканьяру, действительно, имеются небольшие озера). Стэнли слышал также о существовании дальше к западу еще одного большого озера (имелось в виду Киву), но не смог выяснить, имеет ли оно связь с Кагерой и не является ли частью Мута-Нзиге. Из долины Кагеры Стэнли, как и Спик, видел на горизонте горы Мфумбиру (Вирунга).

В конце марта 1876 г. Стэнли покинул Карагве и месяцем позже вышел через северные и западные области Уньямвези к Уджиджи на озере Танганьика. Здесь началась новая фаза его исследовательской работы, связанная с бассейном Конго и рассматриваемая нами в последнем разделе этой главы.

Янг и Элтон на озере Ньяса

С плаванием Стэнли по озеру Виктория хронологически почти совпадает другое важное исследовательское предприятие — первое круговое плавание по озеру Ньяса.

В 1875 г. на Ньясу прибыли представители так называемой «Объединенной шотландской миссии». Они основали на южном берегу озера станцию Ливингстония, а вслед за ней — еще одну, на нагорье Шире, получившую название Блантайр (в честь родного города Ливингстона) и ставшую в дальнейшем главным центром миссионерской деятельности в этом районе. Позднее к ним прибавились и другие станции. Шотландские миссионеры привезли с собой в Африку разборный речной пароход «Илала». Доставка его с низовьев Замбези на Ньясу была поручена хорошо знакомому со здешними местами лейтенанту Э. Д. Янгу, бывшему спутнику Ливингстона. Умело используя то благоговение, какое испытывали африканцы к памяти Ливингстона, Янг как друг и сподвижник «белого доктора» сумел обеспечить себе всемерное содействие местных жителей, без которого возложенное на него задание было бы невыполнимым. Пароход в разобранном виде был переправлен посуху, в обход порогов Мёрчисон, на верхний бьеф Шире. В октябре 1875 г. Янг с группой миссионеров отправился на «Илале» в плавание по Ньясе в поисках мест для новых поселений. Он обошел все озеро кругом и установил, что северный его конец находится примерно на полтораста километров севернее, чем было показано на карте Ливингстона. С борта парохода Янг осмотрел обрамляющий озеро на северо-востоке мощный горный кряж, названный им горами Ливингстона. Неблагоприятные погодные условия помешали ему детально обследовать северную оконечность Ньясы и проверить дошедший до него слух о том, что из озера наряду с Шире вытекает еще одна река — в северном направлении. Опубликованная Янгом в 1876 г. в «Трудах Королевского Географического общества» схематическая карта Ньясы впервые правильно отразила протяженность озера, но контур его в северной части получился искаженным (северная оконечность оказалась сдвинутой слишком далеко на восток). Другая ошибка Янга заключалась в том, что озерная впадина на его карте была открыта на север и продолжена в этом направлении широкой долиной*.

Второе плавание к северному концу Ньясы — на той же «Илале» — совершил через два года после Янга британский консул в Мозамбике Джеймс Фредерик Элтон, упоминавшийся нами в предыдущей главе как исследователь Лимпопо. Выса-

* Книга Янга о его плавании под заглавием «Ньяса» вышла в свет в Лондоне в 1877 г.

дившись в октябре 1877 г. на северном берегу озера вместе с английским коммерсантом Х. Б. Коттериллом и еще несколькими своими соотечественниками, он двинулся на север в расчете на то, чтобы найти удобный путь к побережью Индийского океана по указанной на карте Янга долине. Выяснилось, однако, что никакого стока в северном направлении у Ньясы нет и что озерная впадина ограничена с этой стороны высокими горами, служащими орографическим продолжением гор Ливингстона. Перевалив через горы, путешественники вышли к истокам Большой Рвахи — крупнейшего левого притока Руфиджи и, следуя вдоль водораздела, ограничивающего ее бассейн с запада, достигли Угого. Там Элтон в декабре 1877 г. скончался от лихорадки, спутники же его в феврале следующего года благополучно прибыли в Занзибар. Отчет об этой экспедиции, завершившей общую рекогносцировку южной ветви Восточноафриканской рифтовой системы и впервые пролившей свет на орографию области к северу от Ньясы, был опубликован Коттериллом в «Трудах Королевского Географического общества» в 1878 г.; им же были подготовлены к печати и изданы в Лондоне в 1879 г. путевые дневники Элтона.

Исследование озера Альберт Джесси и Мейсоном

После того как Шайе-Лонг проследил последний неизвестный до него европейцам отрезок Сомерсета (Виктория-Нила), а Стэнли в своем круговом плавании по озеру Виктория установил целостность этого огромного водного резервуара, для полного подтверждения взглядов Спика оставалось только доказать, что Белый Нил действительно вытекает из озера Альберт. Бейкер в 1864 г. видел место выхода реки из озера, но только издали, а следовательно, мог и ошибиться; к тому же вывод его о том, что эта река и есть Нил,—пусть даже он напрашивался сам собой и подтверждался рассказами местных жителей — пока еще не мог считаться бесспорной истиной. Сомнение вызывала, в частности, большая — по крайней мере местами — ширина Сомерсета по сравнению с Бахр-эль-Джебелем на порожистом участке его течения выше Гондокоро. «Представляется вероятным, — заявлял в 1875 г. Швейнфурт, — что озеро Альберт принадлежит к системе Нила, но уверенности в этом мы не имеем». Хотя концепция Спика к тому времени разделялась уже подавляющим большинством ученых, научная объективность не позволяла им исключать возможности стока вод озера Альберт — а с ним и всей открытой Спиком озерно-речной системы — в каком-либо ином направлении, например в бассейн Луалабы.

Исследование Белого Нила на участке между его излучиной

у современного Нимуле и озером Альберт приобретало, таким образом, принципиальную важность. Решение этой географической проблемы представляло одновременно и большой практический интерес, так как от него зависела возможность переправить на Альберт-Ньянзу пароход, доставленный в Гондокоро еще в 1871 г. Бейкером.

Первую рекогносцировку неисследованного участка Белого Нила произвел по поручению Гордона лейтенант Чиппенделл, прошедший в конце февраля — начале марта 1875 г. правобережьем реки больше половины расстояния, отделявшего египетский пост Дуфиле (непосредственно выше порогов Бахр-эль-Джебеля) от Альберт-Ньянзы; достичь самого озера ему помешала свирепствовавшая в тех краях эпидемия оспы.

Более удачливым оказался другой офицер Гордона — итальянец Ромоло Джесси. В марте 1876 г. он поднялся из Дуфиле вверх по реке на двух стальных лодках и прибыл к месту ее выхода из озера Альберт, окончательно устранив тем самым все сомнения в правильности взглядов Слика. Белый Нил между Дуфиле и озером оказался широкой и глубокой судходной рекой с быстрым течением. В апреле того же года Джесси первым из европейцев совершил круговое плавание по озеру Альберт и, к своему удивлению, обнаружил, что оно гораздо меньше, чем считал Бейкер. Правда, Джесси не удалось добраться непосредственно до южной оконечности озера: путь его лодкам преградило мелководье с густыми зарослями водных растений. Тем не менее ему было ясно, что южный берег совсем близок: с вершины мачты он смог различить позади зарослей твердую землю — широкую зеленеющую равнину, уходящую далеко на юг между двумя параллельными горными хребтами (краевыми уступами Западного рифта).

Исправив ошибку Бейкера касательно размеров Альберт-Ньянзы, Джесси установил также отсутствие у этого озера какого-либо иного стока, кроме Белого Нила. Вместе с тем итальянский исследователь привел в волнение географов другим известием: по его словам, во время плавания по Белому Нилу он заметил в двух третях пути от Дуфиле к озеру Альберт отделяющийся от реки и уходящий в северо-северо-западном направлении рукав с очень сильным течением. Сообщая об итогах экспедиции Джесси, Гордон, при всей его антипатии к географическим проблемам, не удержался от соблазна высказать предположение о том, что это ответвление — не что иное, как река Еи, которая, таким образом, является не притоком, а рукавом Нила. Некоторые географы сочли возможным сообщение этого рукава с Уэле, другие пошли еще дальше и усмотрели в нем не более и не менее, как исток Огове (исследование которой тогда еще не было завершено). Все эти домыслы вскоре были опровергнуты В. В. Юнкером. То, что Джесси считал за

бифуркацию, было в действительности просто разделением реки на рукава, огибающие крупный остров в ее русле*.

Произведенное Джесси «укорочение» озера Альберт было принято картографами не сразу: некоторое время считалось возможным, что озеро разделено надвое отмелью с густой водной растительностью, но по противоположную ее сторону простирается еще далеко на юг (основанием для такого взгляда было, в частности, сообщение Стэнли о Мута-Нзиге). Однако уже через год данные Джесси целиком подтвердил состоявший на египетской службе американский полковник А. М. Мейсон. На пароходе «Ньянза», доставленном наконец на верхний судоходный бьеф Белого Нила, он обошел в июне 1877 г. все озеро Альберт и выполнил весьма точную съемку его берегов. Широту южной оконечности озера Мейсон определил астрономически в $1^{\circ}11'03''$ к северу от экватора, окончательно установив тем самым, что виденное Стэнли Мута-Нзиге должно быть самостоятельным водоемом. Южный берег Альберт-Ньянзы, как явствовало и из сообщений Джесси, оказался плоским, окаймленным обширным болотом, с высокими горами на заднем плане; эти горы были не чем иным, как массивом Рувензори, но его снеговые вершины были в то время, по-видимому, скрыты облаками, иначе американский исследователь, конечно, обратил бы на них внимание. Мейсон открыл впадающую в озеро с юга широкую, но очень мелкую и потому недоступную для его парохода реку Семлики**.

В экспедиции Джесси на озеро Альберт принимал участие на начальном ее этапе уже знакомый нам Карло Пьяджа, также привлеченный Гордоном на египетскую службу; в дальнейшем он отделился от Джесси и в конце мая 1876 г. предпринял шестидневное плавание по открытому Шайе-Лонгом озеру Кьога. Результатом этого плавания явилась первая карта озера, которая, впрочем, была еще очень далека от совершенства.

Заключительные этапы трансафриканского путешествия Стэнли 1874—1877 гг.: исследование Танганьики и Луалабы-Конго

Вернемся к Стэнли, оставленному нами в Уджиджи, куда он прибыл из Карагве в конце апреля 1876 г.

В июне—июле того же года он совершил круговое плавание по озеру Танганьика на «Леди Элис» и заснял всю его бере-

* Плаванию Джесси и его географическим результатам посвящено несколько его статей, помещенных в «Бюллетене Парижского Географического общества» (в 1876 г.), «Трудах Королевского Географического общества» (в 1877 г.) и других периодических изданиях.

** Отчет Мейсона о его исследованиях был опубликован в «Бюллетене Хедивского Географического общества Каира» в 1878 г.

говую линию, частично продублировав при этом работу Камерона. Заслугой Стэнли явилось окончательное установление общей конфигурации озера. Им был открыт залив на северо-западе озера, отделенный от основной его части длинным и узким полуостровом Убвари, который Бёртон и Спик в 1858 г. и затем Ливингстон и Стэнли в 1871 г. приняли за остров; этот залив Стэнли назвал именем Бёртона.

Неожиданные результаты принесло исследование Лукуги. Стэнли проследил эту реку дальше, чем Камерон, и пришел к выводу, что тот ошибся, считая, что она дает сток водам озера: русло Лукуги оказалось целиком закупорено наносами и занято папирусовым болотом с отдельными «окнами» стоячей воды. Это сообщение Стэнли вновь вызвало к жизни проблему стока Танганьики. Только позднее выяснилось, что и Камерон, и Стэнли были по-своему правы: первый — в том, что Лукуга образует естественный выход стока Танганьики, второй — в том, что в рассматриваемый период этот сток временно прекратился. Причиной последнего явления было образование в долине Лукуги — в результате землетрясения, оползня или обвала — естественной плотины, которую и видел Стэнли. Уровень Танганьики, превратившейся в бессточное озеро, в течение нескольких десятилетий (начиная по крайней мере с 1846 г.) постепенно повышался. Еще Ливингстон обратил внимание на то, что «озеро Танганьика в районе Уджиджи наступает на берег и уже захватило больше чем милю: береговая полоса, которая на памяти живущих ныне людей была возделанной землей, покрыта сейчас водой футов на двенадцать». В 1878 г., через два года после посещения Танганьики Стэнли, озерные воды прорвали запруды и вновь стали стекать в Лукугу, что привело к быстрому понижению уровня озера.

Промеряя глубину озера, Стэнли обнаружил, что оно состоит из двух глубоководных бассейнов, северного и южного, разделенных подводным порогом, и — основываясь частично на преданиях коренного населения — сформулировал гипотезу об относительно недавнем образовании Танганьики за счет слияния двух ранее обособленных озер (что в целом соответствует современным научным взглядам).

В конце октября 1876 г. Стэнли прибыл в Ньянве, чтобы приступить к выполнению своей последней и самой важной задачи — исследованию Луалабы. Не испытывая в отличие от Ливингстона и Камерона недостатка в деньгах, он сравнительно легко поладил с арабо-суахильскими работниками и обеспечил себе их помощь: Типпо-Тип за крупное вознаграждение согласился не только предоставить экспедиции лодки, но и лично сопровождать ее со своими людьми в качестве вооруженной охраны (правда, вскоре этот эскорт отстал, убоявшись трудностей похода).

Обойдя стороной пороги, образуемые Луалабой непосредственно ниже Ньянгве, Стэнли начал в ноябре 1876 г. плавание вниз по реке. Под самым экватором он открыл на ней семь следующих один за другим водопадов, которым дал свое собственное имя. Каждый из них пришлось обходить посуху, таща лодки волоком, зато дальше вниз по течению водный путь оказался свободным от препятствий более чем на полторы тысячи километров. Ниже водопадов река, придерживавшаяся до того в общем северного направления, начала отклоняться к северо-западу, затем к западу и юго-западу, описывая громадную дугу. Недалеко от крайней северной точки этой дуги Стэнли выяснил, что местные жители называют реку уже не Луалабой, а «Икуту-я-Конго». Все сомнения в том, что Луалаба и Конго — одна и та же река, были окончательно рассеяны.

Продвижение экспедиции Стэнли вниз по Луалабе (Конго) было далеко не мирным. Воинственные приречные племена, видевшие в пришельцах своих врагов, не раз пытались заставить их повернуть назад, но во всех столкновениях огнестрельное оружие брало верх над копьями и стрелами.

На начальном этапе своего плавания по Луалабе (Конго), вплоть до водопадов, Стэнли имел возможность осмотреть и нанести на карту устья практически всех рек, впадающих в нее на этом участке, в том числе ее значительных правых притоков Элилы, Улинди и Ловы, о которых кое-что слышали уже Ливингстон и Камерон. В дальнейшем та же задача оказалась неизменно осложненной огромной шириной Конго в ее среднем течении (до 15 км в отдельных озеровидных расширениях) и обилием на ней лесистых островов, затруднявших обзор местности; не удивительно поэтому, что некоторые притоки великой реки остались незамеченными.

Непосредственно ниже водопадов, названных его именем, Стэнли обнаружил устье впадающей в Конго справа реки Линди (на его карте — Мбура). Далее им был открыт значительно более мощный правый приток — многоводная Арувими, достигающая в устье более полутора километров в ширину; эту реку Стэнли ошибочно отождествил с Уэле Швейнфурта. Следующие два правых притока Конго, фигурирующие на карте Стэнли под названием Укере и Бангала, должны были бы в принципе соответствовать Итимбири и Монгале, однако зафиксированное путешественником положение их устьев заметно отличается от истинного; это может быть отнесено за счет несовершенства съемок Стэнли, но не исключено и то, что в обоих случаях — как и в некоторых других, здесь нами не рассматриваемых, — он попросту ошибся, приняв боковые рукава главной реки за ее притоки. Устья крупнейшего правого притока Конго — Убанги Стэнли не видел, но получил кое-какие сведения

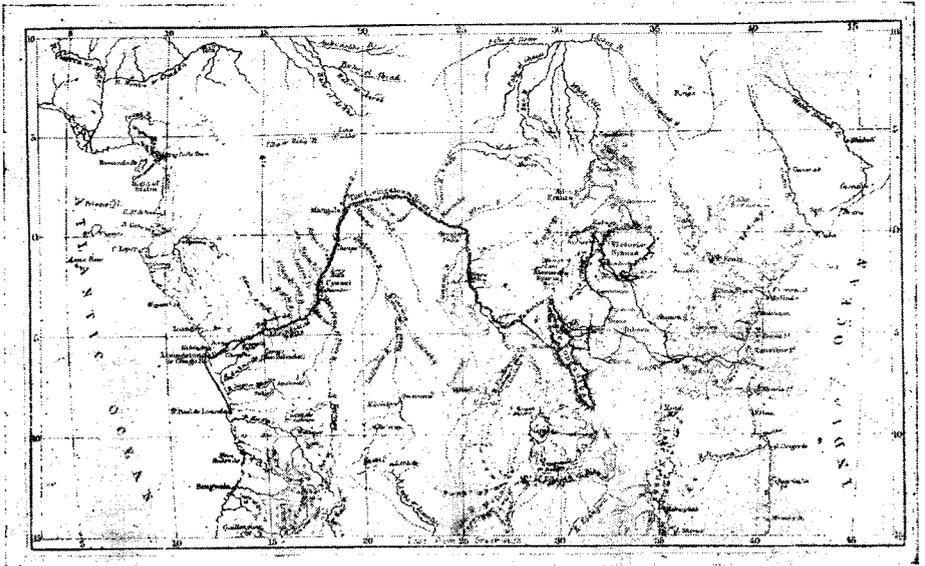
о существовании этой реки и обозначил место ее впадения довольно правильно.

Из крупных левых притоков Конго в ее среднем течении Стэнли смог с уверенностью показать на своей карте только два — Руки и Ква (Касаи). В отношении обеих этих рек он пришел к неверным выводам: Руки, поразившую его своей многоводностью, он счел идентичной Касаи, исследованной в верховьях Ливингстоном и Мадьяром (причем поместил в среднем ее течении большое гипотетическое озеро), настоящую же Касаи принял за продолжение Кванго.

В марте 1877 г. экспедиция Стэнли достигла большого озеровидного расширения, которым заканчивался средний судоходный бьеф Конго и за которым начиналась новая серия водопадов, порогов и стремнин, отмечающих собой прорыв могучей реки через приатлантический горный вал. Не удержавшись от соблазна еще раз увековечить свое имя на карте, путешественник назвал это расширение Стэнли-Пулум, т. е. «прудом Стэнли», водопадам же нижнего течения Конго, уже отчасти известным к тому времени европейцам, но не имевшим общего названия, дал имя Ливингстона.

Последний этап путешествия — вдоль порожистого нижнего течения Конго — оказался самым трудным. Использовать водный путь здесь можно было только на отдельных относительно спокойных плесах между порогами и водопадами, большей же частью экспедиция двигалась правобережьем реки по резко пересеченной местности, в условиях полного бездорожья. Под конец Стэнли и его спутники попали в особенно тяжелое положение: у них иссякли запасы продовольствия, пополнить же их в этой бедной и редконаселенной местности было практически невозможно. Изможденные голодом и болезнями, люди были не в силах идти дальше. В это время экспедиция находилась уже всего в нескольких днях пути от Бомы — европейского торгового селения в эстуарии Конго. Стэнли отправил вперед гонцов с письмом, адресованным «кому-нибудь в Боме, кто знает по-английски» и содержавшим отчаянную мольбу о помощи. Помощь была оказана незамедлительно, угроза голодной смерти миновала, и Стэнли со своими людьми смог продолжать путь. 9 августа 1877 г. экспедиция прибыла в Бому, а еще через три дня — в Банану на берегу Атлантического океана.

Так закончился этот грандиозный трансконтинентальный рейд, продолжавшийся без малого три года. Общая протяженность пройденного Стэнли пути составила, по его подсчетам, 11,5 тыс. км. Обошлись эти километры дорогой ценой: на западное побережье пришло менее трети первоначального личного состава экспедиции. Из участвовавших в ней европейцев остался в живых один Стэнли (последний из трех его спутников-англичан, Фрэнсис Покок, утонул в Конго 3 июня 1877 г.).

Карта Экваториальной Африки Г. М. Стэнли

Трансафриканское путешествие Стэнли сразу же выдвинуло его в ряд виднейших исследователей «Черного континента». Оценивая в 1877 г. в своих «Сообщениях» итоги этой экспедиции, А. Петерманн подчеркивал в качестве главной заслуги Стэнли то, что он связал воедино разрозненные звенья исследования Африки — маршруты своих предшественников, штурмовавших большое «белое пятно» в экваториальной части материка с севера, юга, востока и запада.

В высшей степени впечатляющими были уже результаты исследований Стэнли в области Великих озер; еще более крупным достижением явилось окончательное решение проблемы Луалабы. На карте впервые появилось столь привычное для нас сейчас, но совершенно новое для географов того времени дугообразное среднее течение Конго. Впервые было получено общее представление об основных чертах орогидрографии Центральной Африки — огромной плоской впадине Конго, обрамленной краевыми поднятиями, и ее конвергентной речной сети, воды которой находят выход в Атлантику по единому каналу стока — нижнему течению Конго.

Следует отметить в то же время, что научный уровень исследований Стэнли далеко не соответствовал их поразительному размаху. Смелый первопроходец и опытный журналист, Стэнли не обладал вместе с тем достаточной подготовкой для

того, чтобы дать углубленную географическую характеристику посещенных им территорий. Основную научную ценность его книги «Через таинственный континент», изданной в Лондоне в 1878 г., составляют приложенные к ней карты, текст же ее наполнен яркими и красочными описаниями дорожных приключений, опасностей, невзгод и лишений, но беден собственно научным материалом.

Став одной из самых эффектных газетных сенсаций того времени, путешествие Стэнли имело и немаловажный политический резонанс. В большей степени, чем какая-либо другая экспедиция, оно обратило внимание империалистических держав на нетронутые природные богатства «Черного континента», и в первую очередь бассейна Конго. «После этого путешествия и начался собственно раздел тропической Африки»*.

* И. И. Потехин. Стэнли, географические исследования и империалистический раздел тропической Африки.— В кн.: Г. Стэнли. В джунглях Африки. М., 1948, стр. 33.

ГЛАВА 7

ИССЛЕДОВАНИЯ АФРИКИ В ЭПОХУ ЕЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗДЕЛА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)

Начало колониального раздела бассейна Конго. Исследования западной части бассейна Конго и сопредельных территорий в первой половине 80-х годов

Одной из первых страниц истории империалистического раздела Африки явился колониальный захват бассейна Конго. Виднейшую роль в нем сыграл бельгийский король Леопольд II — «деяга, финансист, аферист», по выразительной характеристике В. И. Ленина*. В поход за колониями Леопольд II выступил под флагом так называемой «Международной ассоциации для исследования и цивилизации Центральной Африки». Эта ассоциация была основана на созданной по инициативе бельгийского короля в сентябре 1876 г. в Брюсселе Международной географической конференции по проблемам изучения Африканского континента и им же возглавлена.

В конце 1878 г. в качестве бельгийского отделения «Международной ассоциации для исследования и цивилизации Центральной Африки» был создан «Комитет по изучению Верхнего Конго», впоследствии (в 1882 г.) переименованный в «Международную ассоциацию Конго». От его имени Стэнли, поступивший на службу к Леопольду II, во главе большой экспедиции прибыл в августе 1879 г. к устью Конго. На берегах этой реки он развернул бурную колониационную деятельность, немедленно приступив к созданию сети станций и заключению договоров с вождями местных племен, согласно которым они передавали свои земли под суверенитет «Международной ассоциации». В 1881 г. экспедиция достигла Стэнли-Пула. Здесь Стэнли, к

* В. И. Ленин. Тетради по империализму. Поли. собр. соч., т. 28, стр. 502.

своему изумлению, увидел, что его опередили: на правом берегу реки развевался французский флаг. Пришлось ограничиться оккупацией левого берега. 1 декабря 1881 г. Стэнли заложил непосредственно выше первых порогов станцию Леопольдвиль (ныне город Киншаса, столица Республики Заир). Через два дня был спущен на воду переправленный на Стэнли-Пул в разобранном виде паровой баркас «Ан-Аван» («Вперед»); позднее сюда было доставлено еще несколько пароходов. В 1882—1884 гг. Стэнли объездил весь судоходный средний бьеф Конго и поставил его под контроль леопольдовской ассоциации. На географических результатах этих плаваний Стэнли мы остановимся в следующем разделе.

То, что к моменту прибытия Стэнли на Стэнли-Пул его правый берег оказался уже занятым Францией, было делом рук Пьера Саворняна де Бразза. Действуя от имени французского комитета той же «Международной ассоциации», он вновь поднялся в 1880 г. вверх по Огове, основал в ее верховьях станцию Франсвиль и, двинувшись отсюда на юго-восток, вышел к Конго долиной ее небольшого правого притока Лефини. Французский путешественник заключил с верховным вождем батеке договор такого же типа, какие заключал Стэнли, и 3 октября 1880 г. заложил на правом берегу Стэнли-Пула станцию, которой вскоре было дано в его честь название Браззавиль (ныне столица Народной Республики Конго). Вернувшись на побережье долиной Конго, Бразза после непродолжительного пребывания в Либревиле снова отправился во Франсвиль и в течение почти всего 1881 г. занимался колонизационной деятельностью в области между Огове и Алимой. С географической точки зрения большее значение имел обратный путь его к Атлантическому океану в декабре 1881 — апреле 1882 г. Бразза прошел из Франсвиля в район истоков Огове, оттуда к Ниари — верховью впадающей в Атлантику реки Квилу, проследил эту реку на значительное расстояние вниз по течению, затем отклонился от нее на юго-запад, пересек прибрежные горы Майомбе по долине реки Шилоанго и вышел к побережью у Ланданы. Это было первое знакомство европейцев с хинтерландом берега Лоанго, куда в свое время безуспешно пытался проникнуть Гюсфельдт.

В 1883 г. Бразза вернулся в Африку во главе большой военной экспедиции для окончательного установления французского владычества в области между Габоном и Конго. Одним из первых географических результатов этой экспедиции явилась детальная съемка Огове, выполненная в мае — июле 1883 г. Жюлем Дютрей де Реном. Значительно уточнена была карта водораздела между Огове и Конго. Ноэль Балле проехал на пароходе, доставленном с низовьев Огове, по Алиме и заснял всю судоходную часть течения этой реки. Лейтенант Луи

Александр Антуан Мизон совершил в августе — октябре 1883 г. переход из Франсвиля к берегу Лоанго более прямым путем, чем Бразза, позволившим ему ознакомиться с областью водораздела между Огове и Квилу-Ниари и между Квилу-Ниари и Ньянгой; путешествие Мизона было особенно полезным для познания рельефа этой части Африки благодаря многочисленным барометрическим измерениям высот.

В том же 1883 г. общую рекогносцировку бассейна Квилу-Ниари по существу завершили агенты «Международной ассоциации Конго» — англичанин Дж. Грант Эллиот и бельгийцы Льевен Вандевельде и Эдмон Уинни Виктор Хансенс. К обработке доставленных ими съемочных материалов был привлечен австрийский географ, бельгиец по происхождению, Йозеф (Жозеф) Шаванн, автор нескольких монографий по различным вопросам физической географии Африки. В 1884—1885 гг. он сам посетил Конго, выполнил точную (с помощью триангуляции) съемку эстуария реки и прилегающего к нему на севере участка побережья (до Ланданы), а также совершил экскурсию в Сан-Салвадор и далее на юг, к верховьям реки Мбридже. Результаты этой экспедиции, включавшие обширный материал научных наблюдений — геологогеоморфологических, гидрологических, ботанико-географических, этнографических и т. д., — были изложены Шаванном в книге «Путешествия и исследования в древнем и новом государствах Конго» (Иена, 1887).

Ценный вклад в изучение природы Экваториальной Африки внес бывший спутник Гюсфельда Эдуард Пехуэль-Лёше, побывавший в низовьях Конго в 1882 г. в составе экспедиции Стэнли. Его обстоятельный труд «Страна Конго» (Иена, 1887), основанный как на личных полевых исследованиях автора, так и на критическом анализе литературных источников, явился одним из первых опытов монографической географической характеристики бассейна великой африканской реки. Особенно интересны выводы Пехуэль-Лёше о геологической структуре области нижнего течения Конго и о распределении растительности в зависимости от почвенно-геологических условий.

Колониальные захваты в бассейне Конго были «узаконены» Берлинской конференцией европейских держав 1884—1885 гг., на которой Леопольд II, умело используя противоречия между ведущими империалистическими державами, добился признания ими «Международной ассоциации Конго» в качестве государственной организации, имеющей право управлять захваченной ею территорией. В феврале 1885 г. были достигнуты соглашения о территориальном разграничении с Францией и Португалией. В июле 1885 г. было провозглашено образование «Независимого государства Конго» во главе с Леопольдом II. Захваченная Стэнли и его агентами территория стала по существу личной колонией бельгийского короля.

**Плавание Стэнли по Конго и ее притокам
и открытие им озер Леопольда II и Тумба.
Открытие Убанги Хансеном**

К началу 80-х годов центральная часть бассейна Конго все еще оставалась на картах сплошным «белым пятном», которое было пересечено лишь тонкой нитью прослеженного Стэнли в 1876—1877 гг. дугообразного среднего течения главной реки. Первые шаги в дальнейшем исследовании этой области сделал тот же Стэнли. Закрепившись на левобережье Стэнли-Пула, он предпринял в мае 1882 г. поездку на пароходе «Ан-Аван» вверх по Конго до устья ее крупного левого притока, носящего название Ква. О том, что это нижнее течение Касаи, Стэнли тогда не догадывался; как уже говорилось, он склонен был отождествлять эту реку с Кванго. Войдя в устье Ква-Касаи, путешественник дошел до места впадения ее правого притока Фими и, поднявшись по нему, достиг 23 мая большого озера; он обошел его кругом и составил первую, весьма грубую, его карту. Озеро получило имя Леопольда II.

Годом позже, в мае — июне 1883 г., Стэнли совершил новое пароходное плавание вверх по Конго, дойдя на этот раз до экватора. Немного ниже места впадения Руки, левого притока Конго, открытого им в 1877 г., он обнаружил вход в протоку Иребу и дошел по ней до озера Тумба.

В августе 1883 г. Стэнли во главе большой экспедиции вновь отправился вверх по реке и поднялся до крайнего предела судоходства у водопадов его имени. Это плавание, длившееся почти пять месяцев, ознаменовалось несколькими значительными географическими достижениями. В октябре 1883 г. Стэнли открыл Лулонгу, крупный левый приток Конго, в ноябре — Итимбири, правый приток великой реки, и в том же месяце обследовал нижнее течение уже ранее известной ему Арувими. Последним важным географическим объектом, открытым Стэнли во время этого плавания, была впадающая в Конго слева ниже водопадов Стэнли река Ломами (идентичность ее с Ломами, обследованной в верхнем течении Камероном, тогда еще не была установлена).

После отбытия Стэнли в Европу в начале 1884 г. его колонизационную деятельность в среднем течении Конго продолжил капитан Э. У. В. Хансенс. Находясь на станции Экватор (ныне город Мбандака), построенной Стэнли в месте слияния Конго и Руки, он узнал, что несколько ниже этой станции в Конго впадает большой правый приток, и решил произвести его рекогносцировку. 21 апреля 1884 г. Хансенс и другой бельгиец, лейтенант Альфонс Ван Жель (Ван Геле), после долгого блуждания среди лабиринта островов вошли на борту «Ан-Аван» в устье интересовавшей их реки. Так был открыт крупнейший

приток Конго — Убанги. Позднее Хансенс разведал низовья Монгалы и Итимбири.

Поступавшие в мировую географическую печать сведения о результатах исследований Стэнли и его сотрудников первое время были весьма скудными и иногда исходили из вторых рук: так, точные данные о местонахождении озера Леопольда II были впервые получены не от самого Стэнли, а от общавшегося с ним при посещении низовьев Конго в 1882—1883 гг. английского путешественника Гарри Хэмилтона Джонстона*. По возвращении в Европу Стэнли подвел итоги исследовательских работ своей экспедиции в двухтомной книге «Конго и основание его Свободного государства» (Лондон, 1885). В дальнейшем систематическую информацию обо всех новых бельгийских открытиях и исследованиях в бассейне Конго стал давать журнал «Географическое движение», издававшийся в Брюсселе под редакцией А. Ж. Вотерса.

Шютт и Бухнер в Лунде

Южная часть бассейна Конго в конце 70-х — начале 80-х годов продолжала оставаться предметом пристального внимания «Африканского общества в Германии». После смерти Э. Мора туда был послан инженер Отто Шютт, прибывший в Луанду в декабре 1877 г. Первым этапом его исследовательских работ явилась съемка Кванзы от устья до района Маланже, позволившая уточнить более ранние карты этой реки. Дальнейшие планы Шютта предусматривали исследование реки Касаи. С этой целью немецкий путешественник выступил в июле 1878 г. из Маланже к Кванго несколько более северным путем, чем тот, каким пользовались ходившие в Лунду ангольские торговцы. Он заснял еще неизвестный европейцам небольшой участок верхнего течения Кванго, но из-за сопротивления местных жителей — бангала — не смог переправиться через реку. Вернувшись на обычную караванную дорогу, Шютт дошел по ней до Кимбунду — важного рыночного центра близ западной границы Лунды, и оттуда двинулся на север, следуя большей частью правобережьем Чикапы, левого притока Касаи. До Касаи он, однако, не дошел. Балунда, игравшие роль посредников в торговле между Анголой и областями, лежащими к северу от Лунды, зорко следили за тем, чтобы ангольские торговцы и вообще чужестранцы не установили прямых контактов с северными народами — балуба, бакуба и другими. Шют-

* Перу его принадлежит работа «Река Конго от ее устья до Болобо, с общим описанием естественной истории и антропологии ее западного бассейна» (Лондон, 1884).

та заставили повернуть назад. Обратнo в Анголу он двинулся не прежним, а более северным путем, последовательно пересекая реки Чикапа, Ловуа, Лушико, Лванге, Квилу и Квенге. В апреле 1879 г. он вышел к Кванго и месяцем позже вернулся в Маланже.

Путешествие Шютта* впервые пролило свет на обширную область междуречья Кванго — Касаи, лежащую к северу от главного торгового пути в Лунду. Маршрутные съемки Шютта отличались большей точностью, чем, например, съемки Погге; однако им были допущены большие ошибки в определении долгот, что привело в смущение картографов, безуспешно пытавшихся согласовать его данные с более правильными данными Ливингстона.

В декабре 1878 г. в Луанду и ровно через год — в Мусумбу, столицу Лунды, прибыл новый эмиссар «Африканского общества» — Макс Бухнер. Муата-ямво принял присланные из Германии дары, но разрешения продолжать путешествие на восток или север так и не дал. В середине 1880 г. Бухнер пустился из Мусумбы в обратный путь. Переправившись через Лулу (Лулуа), он свернул на северо-запад, рассчитывая выйти вдоль Касаи за пределы государства Лунда и проникнуть в более северные области. Однако все попытки такого рода завершились неудачей, и в феврале 1881 г. Бухнер тем же путем, что и Шютт, вернулся в Маланже. Ему не удалось, таким образом, продвинуться на восток дальше Погге и на север дальше Шютта. Тем не менее его путешествие имело ценные научные результаты, особенно в области этнографии и этногеографии. Бухнер вел тщательную маршрутную съемку и оказал большую услугу картографам точными определениями координат посещенных им пунктов.

Неоднократно пересекая в различных пунктах многочисленные текущие на север реки системы Касаи, немецкие исследователи дали возможность картографам хотя бы схематично наметить общую конфигурацию течения этих рек. Изображение гидрографической сети южной части бассейна Касаи на картах начала 80-х годов было уже очень близко к истине и во всяком случае никаких существенных географических проблем в этой связи более не возникало.

Нижние течения рек Лунды, напротив, продолжали оставаться совершенно неизвестными, и наведенные путешественниками справки не слишком проясняли обстановку. Шютт получил, между прочим, сведения о существовании к северу от государства Муата-Ямво большого озера Мукамба; географы поспешили отождествить его с «озером Чибунго», о котором слы-

* Описание его вышло в свет в Берлине в 1881 г. под заглавием «Путешествие по юго-западному бассейну Конго».

шал Ливингстон, и с «Санкоррой» Камерона. Бухнер ничего не слышал о большом озере, но, основываясь на полученной им информации, считал возможным существование к востоку от нижнего течения Луввы нескольких мелких озер (что впоследствии подтвердилось).

Трансафриканское путешествие Серпа Пинту. Исследование Кванго экспедициями Капеллу — Ивенша и Мехова

Конец 70-х годов ознаменовался активизацией исследовательской деятельности португальцев, обеспокоенных проникновением агентов «Африканского общества в Германии» в Лунду, которая, будучи расположена в хинтерланде Анголы, рассматривалась Португалией как потенциальная сфера влияния. В ноябре 1877 г. из Бенгелы в глубь материка выступила португальская правительственная экспедиция под начальством майора Алешандри Алберту да Роша Серпа Пинту, главной целью которой была разведка путей между Анголой и Мозамбиком. Поднявшись на плоскогорье Бие, Серпа Пинту обследовал район истоков Кунене и Кубанго, переправился через Кванзу в ее верхнем течении и вышел к водораздельному узлу между Кванзой, Квито — левым притоком Кубанго и Лунгвебунгу — правым притоком Замбези. Нанеся на карту истоки Квито и Лунгвебунгу, а затем Квандо, другого правого притока Замбези, португальский путешественник пересек область верховьев Квандо и в августе 1878 г. достиг Замбези у Леалви, главного города страны бароце. Попытки проникнуть отсюда на восток, в бассейн Кафуэ, не увенчались успехом. Серпа Пинту спустился вниз по Замбези до устья Квандо, или Чобе (название, под которым эта река в свое время стала известной Ливингстону), но проложить путь в Мозамбик так и не смог. В конце концов он направился на юг, обошел с востока солончаки Макарикари, пересек земли бечуанов и в феврале 1879 г. прибыл в Преторию, столицу Трансвааля, а вскоре после этого — на юго-восточное побережье Африки, завершив таким образом пересечение материка от Атлантического до Индийского океана.

Основным научным результатом трансконтинентального путешествия Серпа Пинту, описанного им в книге «Поперек Африки» (1881), была тщательная маршрутная съемка, сопровождавшаяся астрономическими определениями координат и барометрическими измерениями высот. Наибольшую ценность для географии представил маршрут от Бие до Замбези, позволивший впервые точно положить на карту область водораздела между бассейнами Кванзы, Замбези и Кубанго, фиксировать положение истоков и верхних отрезков течения многих рек, принадлежащих к этим гидрографическим системам.

В экспедиции Серпа Пинту на начальном ее этапе принимали участие флотские офицеры Эрменегилду Карлуш ди Бриту Капеллу и Руберту Ивенш. В Бие они расстались с Серпа Пинту и двинулись на северо-восток с целью исследования Кванго. Португальские путешественники обследовали район истоков этой реки, но все их попытки продвинуться по ее долине дальше на север натолкнулись на упорное сопротивление бангала. Решив обойти область их расселения с запада, Капеллу и Ивенш направились в Маланже, а затем на станцию Дуки-ди-Браганса в долине Лукалы; выступив отсюда в северо-восточном направлении, они спустились с горного уступа Тала-Мугонго в широкую долину Кванго, вышли к берегам этой реки близ места впадения в нее левого притока Куго и проследили ее вниз по течению на сотню с лишним километров. Продвинуться дальше на север не удалось из-за того, что у путешественников иссякли запасы продовольствия, пополнить же их на безлюдном левобережье Кванго было нельзя; не представилось и возможности переправиться на противоположный берег, населенный народом якка (баяка). Повернув обратно, Капеллу и Ивенш несколько более западным путем достигли Дуки-ди-Браганса и в октябре 1879 г. прибыли в Луанду. Свое путешествие, продолжавшееся почти два года, они описали в двухтомной книге «От Бенгелы до земель якка», опубликованной в Лиссабоне в 1881 г. Главным достижением экспедиции явилась точная съемка двух довольно значительных по протяженности участков долины Кванго (в верховьях и в среднем течении), а также водораздельных районов между Кванго и Кванзой. При этом был окончательно развеян миф об «озере Аквилонда», значившемся на картах как раз в той области, через которую прошли маршруты Капеллу и Ивенша.

Исследование Кванго вскоре было продолжено прусским майором Александром фон Меховом, экспедиция которого субсидировалась правительством Германии. Мехов прибыл в Луанду в ноябре 1878 г., однако болезни и трудности с набором носильщиков надолго задержали реализацию его планов. Только в июне 1880 г. он выступил из Маланже и, следуя долиной Камбо, левого притока Кванго, вышел к берегам интересовавшей его реки на участке, оставшемся в стороне от маршрута Капеллу и Ивенша. На Кванго Мехов открыл три больших водопада, которые назвал именами германского императора Вильгельма, австрийского императора Франца Иосифа и португальского короля Луиша. 25 августа 1880 г. немецкая экспедиция начала плавание вниз по Кванго и через несколько дней достигла области расселения баяка. Нанеся визит их вождю, Мехов добился у него разрешения продолжить путь по реке. Все же спуститься по ней до устья путешественнику не удалось. Под $5^{\circ}05'$ ю. ш. он был остановлен порогами Кингуши; пере-

таскивать лодку посуху в обход порогов его люди отказались, опасаясь нападения местных жителей. Пришлось повернуть назад. В феврале 1881 г. Мехов вернулся в Маланже, а оттуда в Луанду. Отчет Мехова был опубликован в «Трудах Берлинского общества земледения» в 1882 г.; немного позднее увидела свет составленная им карта Кванго необычно крупного для Центральной Африки масштаба — 1 : 81 200.

Экспедиция Погге и Виссмана в южную часть бассейна Конго

В 1880 г. «Африканское общество в Германии» отправило в Луанду новую экспедицию с заданием основать там постоянную станцию, которая могла бы послужить опорной базой для последующего проникновения на север и восток. Руководство экспедицией было возложено на уже побывавшего в государстве Муата-Ямво Пауля Погге. Спутником его был 27-летний лейтенант Герман Вильгельм фон Виссманн, который до случайного ресторанного знакомства с Погге даже не думал об Африке и уж, конечно, не подозревал тогда, что станет одним из виднейших исследователей бассейна Конго.

Погге и Виссманн прибыли в Луанду в январе 1881 г. Вскоре они были в Маланже и в июне выступили оттуда в Кимбунду. Путь из Кимбунду в Мусумбу, однако, оказался отрезанным из-за охватившей государство Лунда межплеменной войны. Ввиду этого путешественники изменили свой первоначальный план и направились из Кимбунду на северо-восток и север. Следуя большей частью левобережьем Чикапы, они проследили эту реку до места ее впадения в Касаи. По ту сторону Касаи открывался путь в еще совершенно неизвестную европейцам область. Форсировав реку, Погге и Виссманн двинулись на восток через водораздел между Касаи и ее правым притоком Лулва (Лулуа). Спустившись в долину Лулвы, путешественники прибыли в область расселения народа башиланге (бена-лулуа), принадлежащего к этнической группе балуба. Могущественный вождь башиланге Каламба Мукенге не только оказал им самый радушный прием, но и вызвался сам сопровождать их со своими воинами в дальнейшем путешествии.

В декабре 1881 г. Погге и Виссманн с большим отрядом башиланге выступили из резиденции Мукенге на восток и вскоре достигли того самого озера Мукамба (Мункамба), о котором слышал Шютт. К их разочарованию, оно оказалось всего-навсего небольшим карстовым озерком: Виссманн обошел его кругом за пять часов. Так была рассеяна еще одна легенда.

Продолжая путь в восточном направлении, экспедиция вышла к реке Луби, а затем к более крупной реке Лубилаш. С ра-

достным изумлением немецкие исследователи узнали, что у этой реки есть и другое название — Санкуру, в котором ясно угадывалась «Санкорра» Камерона — «предмет стольких сказок, гипотез и предположений». Собранные ими сведения говорили о том, что Лубилаш образуется слиянием рек Лубиранзи и Лвембе, истоки которых в свое время видел Камерон.

Дальнейшее продвижение на восток привело путешественников в долину Ломами. В апреле 1882 г. экспедиция вышла к Луалабе и, переправившись через реку, прибыла в Ньянгве. Отсюда Погге вернулся вместе с Мукенге и его людьми в страну башиланге и затем отправился обратно в Анголу, куда добрался тяжелобольным. Он умер 17 марта 1884 г. в Луанде. Виссманн же из Ньянгве двинулся обычной дорогой невольничьих караванов к Танганьике, а оттуда на восточное побережье, куда прибыл в ноябре 1882 г. В апреле следующего года он уже делал доклад о результатах экспедиции на заседании «Африканского общества в Германии». Подробное описание своего трансафриканского путешествия Виссманн дал в книге «Под немецким флагом через Африку с запада на восток», изданной в Берлине в 1889 г.

Экспедиция Погге — Виссманна во многом пополнила географические знания о южной части бассейна Конго; она впервые открыла для науки обширную территорию между Касаи и Ломами. Следует заметить, что Погге и Виссманн были не первыми европейцами, «прорвавшимися» из Лунды на север: незадолго до них, в 1880 г., в тех же краях побывал престарелый португальский торговец Силва Порту. Однако сведения о его путешествии дошли до Европы с запозданием, да и доставленные им данные не могли идти ни в какое сравнение с обильными географическими и этнографическими материалами экспедиции Погге и Виссманна.

Исследование Касаи Виссманном и Санкуру — Вольфом

Вскоре по возвращении из своего трансафриканского путешествия Виссманн стал планировать новую экспедицию, целью которой должно было явиться исследование Касаи. Фонды «Африканского общества в Германии» были к тому времени сильно истощены, и оно не смогло оказать путешественнику материальную поддержку. Виссманн обратился со своим проектом к бельгийскому королю. Леопольд II, разумеется, прекрасно осознавал значение разведки прямого водного пути из южной части бассейна Конго к уже находившемуся под контролем «Международной ассоциации» среднему течению великой реки. Он охотно зачислил Виссманна на службу ассоциации

и предоставил в его распоряжение значительные средства. Помимо самого Виссмана в новой экспедиции приняли участие еще четыре немецких офицера: лейтенант Курт фон Франсуа — в качестве топографа и метеоролога, военный врач Людвиг Генрих Вольф — в качестве антрополога, лейтенант Франц Мюллер, которому были поручены ботанические и геологические наблюдения, и его брат, лейтенант Ганс Мюллер, а также несколько человек вспомогательного персонала.

В январе 1884 г. немецкие путешественники высадились в Луанде (где Виссманн в последний раз встретился с Погге, вскоре после того умершим) и месяцем позже прибыли в Маланже. Отсюда экспедиция выступила в июле того же года, пересекла долину Кванго и двинулась на северо-восток. Маршрут ее вначале большей частью совпадал с тем путем, каким возвращались из Лунды Шютт и Бухнер, затем на Чикапе Виссманн вышел на свою старую дорогу в страну башиланге. Переправившись через Касаи примерно в том же месте, что и в 1881 г., он совершил небольшую экскурсию вверх по долине реки и открыл находящийся на ней выше устья Чикапы восьмиметровый водопад, названный им именем Погге.

В ноябре 1884 г. экспедиция достигла резиденции вождя Каламба Мукенге в долине Лулвы. Неподалеку от деревни Мукенге была построена станция Лулуабург (Лулвабур). Спутники Виссмана предприняли отсюда несколько радиальных маршрутов: Франсуа проник на юго-восток, в междуречье Лулвы и Луби, притока Санкуру, а Вольф — на север, в междуречье Лулвы и Санкуру. Путешествие Вольфа (в декабре 1884—марте 1885 г.) имело особенно важные результаты: немецкий исследователь впервые доставил сведения о бакуба — народе с древней и самобытной культурой, одному из вождей которого он нанес визит. Бакуба сообщили Вольфу «удивительную новость»: по их словам, река Санкуру, которую географы того времени были склонны считать прямым притоком Конго, в действительности впадала в Касаи.

В конце мая 1885 г. Виссманн, Франсуа, Вольф и Ганс Мюллер (Франц Мюллер незадолго до того скончался) в сопровождении любознательного Мукенге и его воинов отплыли вниз по Лулве и вскоре достигли места слияния Лулвы с Касаи. Касаи оказалась свободной от порогов, но плавание по ней затрудняли многочисленные мели. В некоторых местах, где ширина реки достигала четырех километров, приходилось долго искать сухоходный фарватер между низкими аллювиальными островами. Виссманн старался по возможности держаться правого берега, чтобы не пропустить места впадения Санкуру. Устье этого крупнейшего правого притока Касаи было открыто в середине июня. Продолжая спускаться по Касаи, путешественники обнаружили, к своему удивлению, что река, вместо

того чтобы сохранять северо-западное направление (так, очевидно, должно было бы быть, если бы Касаи являлась, как предполагал Стэнли, верховьем Руки), все больше отклоняется на запад. В первых числах июля флотилия Виссмана прошла устье Кванго, затем Фими и, наконец, прибыла к месту впадения Касаи в Конго. В середине того же месяца немецкие путешественники были уже в Леопольдвиле.

Экспедиция Виссмана имела чрезвычайно важные географические результаты. Представление о тождестве Касаи и Руки настолько укоренилось, что для встречи Виссмана к устью Руки был специально выслан пароход с продовольствием и другими припасами. Теперь же выяснилось, что Касаи впадает в Конго под названием Ква, что Санкуру, Кванго и Фими — ее притоки и, следовательно, Касаи собирает воды всей юго-западной части бассейна Конго.

Виссманн и его спутники не только установили принципиальную схему гидрографической системы Касаи (по существу открыв эту систему как географическое целое), но и довольно точно засняли весь пройденный путь, в том числе среднее и нижнее течение Касаи от места впадения Лулвы до устья, а также нижнее течение Лулвы. Было картографически фиксировано положение устьев других крупных притоков Касаи: Санкуру, Лванге, Кванго, Фими. Франсуа выполнил первые измерения расходов воды в Касаи. Весьма богаты были собранные экспедицией этнографические и естественноисторические материалы. Описание этого путешествия и его научных результатов составило содержание объемистого совместного труда Виссмана, Вольфа, Франсуа и Г. Мюллера «Во внутренней Африке», опубликованного в Лейпциге в 1888 г.

Исследования экспедиции Виссмана были существенно дополнены Людвигом Вольфом, который вскоре по прибытии в Леопольдвиль был назначен начальником новой экспедиции, имевшей целью закрепление позиций «Независимого государства Конго» в бассейне Касаи. В конце 1885 г. эта экспедиция на пароходах «Стэнли» и «Ан-Аван» поднялась по Касаи и Лулве до устья Лвебо и оттуда сухим путем достигла Лулабурга*. В январе — марте 1886 г. Вольф на борту «Ан-Аван» поднялся по Санкуру до крайнего предела судоходства — водопада, названного позднее его именем. Немецкий путешественник побывал также в низовьях левого притока Санкуру — Луби, а на обратном пути открыл и частично обследовал правый приток — Лубефу; эта река имела и второе название — Ломами, ввиду чего Вольф принял ее за Ломами Камерона.

* Это путешествие описано одним из спутников Вольфа, англичанином Ч. С. Л. Бейтменом, в книге «Первое плавание вверх по Касаи» (Лондон, 1889).

Вернувшись на Касаи, Вольф встретился в апреле 1886 г. с вновь прибывшим в Центральную Африку Виссманном. Они совершили совместное плавание по Касаи выше устья Лулвы и установили, что судоходный бьеф протягивается еще на сотню с лишним километров и заканчивается семиметровым водопадом, которому было присвоено имя Виссманна. После этого Вольф вернулся в Европу, а затем принял участие в немецкой экспедиции в Того, где и умер в 1889 г. Отчет Вольфа об исследовании Санкуру и карта этой реки были опубликованы в «Сообщениях Петерманна» в 1888 г.

Виссманн некоторое время занимался колонизационной деятельностью на берегах Лулвы, совершил неудачную попытку разведать верховья Лубилаша (Санкуру), в дальнейшем же прошел путем, близким к маршруту своего первого путешествия, к Ньянгве, затем к Танганьике и, повернув на юг к Ньясе, вышел в конце концов к побережью Индийского океана у Келимане. Это путешествие Виссманна, описанное им в небольшой книге «Мое второе пересечение Экваториальной Африки от Конго до Замбези» (Франкфурт-на-Одере, 1891), не привело в отличие от предыдущих к значительным открытиям, но тоже способствовало углублению знаний о южной части бассейна Конго, ее природе и населении.

Исследование судоходных рек центральной части бассейна Конго Гренфеллом

В историю исследования бассейна Конго 1884—1885 гг. вошли как особенно «урожайные». Помимо исследования Касаи Виссманном они ознаменовались исследованием и большинства других судоходных притоков, принимаемых Конго в ее среднем течении. Эти географические достижения связаны в первую очередь с именем английского миссионера Джорджа Гренфелла.

Миссионеры-баптисты Т. Дж. Комбер и Дж. Гренфелл, ранее действовавшие в Камеруне, появились в нижнем течении Конго в 1878 г. и тремя годами позже обосновались на берегах Стэнли-Пула рядом с Леопольдвилем. В 1882 г. Комбер выполнил съемку Стэнли-Пула. Более широкий размах исследовательская деятельность миссионеров приобрела с тех пор, как на Стэнли-Пул был переправлен принадлежавший миссии пароход «Пис» («Мир»).

В начале июля 1884 г. Гренфелл и Комбер отправились на «Писе» в первое исследовательское плавание вверх по Конго. Дойдя до устья Ква-Касаи, они вошли в эту реку и проследили ее до места впадения Кванго. Это было первое исследование европейцами участка Касаи между устьями Фими (где

уже успел побывать Стэнли) и Кванго, непосредственно предшествовавшее исследованию всего нижнего течения Касаи Виссманном.

Вернувшись на Конго, миссионеры совершили поездку вверх по реке и по пути посетили устье Убанги. Эта река привлекла серьезное внимание Гренфелла. Он подметил, что ее воды имеют более светлый цвет, чем воды самого Конго, и долго не смешиваются с ними; было ясно, что речь идет о каком-то большом притоке, а не просто рукаве главной реки.

В октябре 1884—марте 1885 г. Гренфелл совершил второе плавание на «Писе». Поднимаясь вверх по Конго, он попутно обследовал нижние течения ее небольших правых притоков Лефини и Нкени, после чего попробовал подняться по Убанги, но был остановлен сильным течением. Выйдя снова в Конго, Гренфелл поднялся по ней до устья Руки и затем по Руки до места слияния Бусиры-Чвапы и Момбойо. Далее была обследована Икелемба, затем Монгала (только на приустьевом участке) и Итимбири (до крайнего предела судоходства — водопада Луби в районе современного Акети). Дойдя по Конго до водопадов Стэнли, Гренфелл повернул назад и на обратном пути поднялся почти на 250 км (до 1°33' ю. ш.) по крупному левому притоку великой реки, который местные жители называли Болоко, или Лубилаш, а арабские торговцы — Ломами. Перед возвращением на Стэнли-Пул Гренфелл предпринял новую попытку исследовать Убанги; теперь ему удалось подняться по ней значительно дальше — до порогов Зонго на 4°28' с. ш., т. е., иными словами, проследить все судоходное нижнее течение этого крупнейшего притока Конго.

В третьем исследовательском плавании, в августе—октябре 1885 г., Гренфелла сопровождал К. Франсуа — член экспедиции Виссманна, прибывший в Леопольдвиль с Касаи. На этот раз объектом изучения явились крупные левые притоки Конго — Лулонга и Руки. По первой из этих рек Гренфелл и Франсуа поднялись до слияния ее истоков — Лопори и Маринги, а затем по Маринге — до крайнего предела судоходства, в общей сложности на 600 км. Примерно на такое же расстояние (650 км) была прослежена Руки-Бусира-Чвапа и на 240 км — ее левый приток Момбойо.

Плавания Гренфелла 1884—1885 гг. совершенно преобразили карту центральной части бассейна Конго, выдвинув путешественника-миссионера в ряд крупнейших исследователей Центральной Африки. Особо следует отметить высокую точность его съемок. Отчеты Гренфелла о его исследованиях печатались в «Трудах Королевского Географического общества» и некоторых других английских периодических изданиях; третье плавание было, кроме того, описано Франсуа в книге «Исследование Чуапы и Лулонго» (Лейпциг, 1888).

Открытие Санги. Проблема Ликоны и связанные с ней исследования

В сентябре 1884 г. французский лейтенант Альбер Долизи отплыл из Браззавиля на пароходе «Балле», чтобы занять правый берег Конго выше места впадения Алимвы. Миновав устье этой реки, он заблудился в лабиринте островов и протоков и незаметно для себя вошел в оставшийся до того неизвестным крупный правый приток Конго — реку Санга (по Долизи — Майя-Массангха). В то время, однако, географическое значение открытия Долизи осталось неосознанным.

Вскоре после этого большую политическую важность приобрел вопрос о положении устья Ликоны — реки, верхнее течение которой открыл в 1878 г. Бразза. Еще не прослеженная водораздельная линия, ограничивающая бассейн этой реки с востока, была условно принята в качестве границы между французскими владениями и «Независимым государством Конго». И французская, и бельгийская стороны предполагали при этом тождество Ликоны с Убанги. Французы поспешили закрепить на Убанги: в мае 1885 г. Долизи вошел в эту реку и основал военный пост на левом ее берегу.

Одновременно с этой акцией Бразза разработал проект экспедиции, которая должна была от верховьев Огове проникнуть на север вдоль водораздела между Конго и реками, впадающими в Гвинейский залив, и достичь Бенуэ и Шари. Руководство экспедицией он поручил своему младшему брату Жаку Саворньяну де Бразза (Джакомо Саворньяни ди Брацца). В июле 1885 г. Ж. С. Бразза и другой итальянец, Аттилио Печиле, во главе отряда сенегальских стрелков выступили с берегов Огове в северо-восточном направлении, пересекли водораздел между Огове и Конго и достигли под 1°30' с. ш. текущей на восток реки Секоли (на наших картах — Мамбили, один из истоков Ликвалы), а отсюда проникли в область верховьев реки Джуах, впадающей в Ливиндо, правый приток Огове. Продвигаться дальше на север помешало сопротивление местного населения. Вернувшись к Секоли, путешественники спустились по этой реке на лодках до места разделения ее на устьевые рукава и по одному из них достигли низовьев Санги, а затем Конго*.

Еще до того как Ж. С. Бразза и А. Печиле отправились в свое путешествие, для демаркации границы была создана специальная комиссия, в которой «Независимое государство Конго» представлял итальянец Альфонсо Мария Массари. В октябре 1885 г. он отплыл на пароходе «Генри Рид» из Лео-

* Результаты своего путешествия Ж. С. Бразза опубликовал в «Бюлетене Итальянского Географического общества» в 1887 г.

польдвля и по пути к устью Убанги поднялся по правому притоку Конго, впадающему в полтора километрах ниже устья Санги. Коренные жители называли эту реку Ликвалой. После трехдневного плавания по ней Массари достиг экватора. Он пришел к правильному выводу о том, что Ликвала и есть нижнее течение Ликоны*.

Сейчас нам ясно, что Массари поднимался, а Ж. С. Бразза и Печиле спускались по одной и той же реке; в то время, однако, уверенности в этом не было. На некоторых картах Секоли Ж. С. Бразза отождествлялась не с Ликвалой Массари, а с той рекой, которая была известна Долизи как Майя-Массангха, а другим исследователям (например, Гренфеллу и Франсуа, побывавшим в ее устье в 1885 г.)—как Бунга, или Пунга, т. е. с Сангой. Путаницу вносило то, что устья Ликвалы и Санги расположены очень близко друг к другу и к тому же соединены протоками; по существу эти две реки образуют при впадении в Конго общую дельту (потому-то Ж. С. Бразза и Печиле, спускаясь вниз по Ликвале, вышли в конце концов в Конго через Сангу). В любом случае выходило, что Ликона не может иметь связи с Убанги, впадающей в Конго значительно выше по течению. В этом окончательно убедились члены комиссии, побывав в январе 1886 г. на Убанги и поднявшись по ней на 225 км от устья. В дальнейшем под дипломатическим нажимом Франции соглашение о территориальном разграничении было пересмотрено, упоминание о Ликоне исключено, и граница установлена по нижнему течению Убанги.

Важным результатом работ демаркационной комиссии явились съемки ее французского участника капитана Ш. Рувье. Этот флотский офицер в 1885—1886 гг. прошел от берега Лоанго до Браззавиля (частично долиной Квилу-Ниари) и после плаваний по Конго и Убанги вернулся на побережье более северным путем, проследив по дороге практически все течение Алимь. По материалам его съемок была составлена многолистная карта масштаба 1:300 000, опубликованная в Париже в 1887 г. Особую ценность представила большая серия выполненных Рувье астрономических определений координат, широко использовавшаяся с тех пор при построении карт.

Последняя экспедиция «Африканского общества в Германии» в бассейн Касаи и завершение исследования Кванго Гренфеллом

Первым европейским исследователем нижнего течения Кванго, крупнейшего левого притока Касаи, был А. М. Мас-

* Отчет Массари о его плавании по Ликвале был помещен в бельгийском журнале «Географическое движение» в 1886 г.

сари, поднявшийся по этой реке в конце 1884 г. приблизительно до 4° ю. ш. Поскольку Мехов в 1881 г. спустился по Кванго до 5° ю. ш., между конечными пунктами обоих путешествий оставался лишь сравнительно небольшой разрыв. Однако материалы съемок Массари не были своевременно опубликованы, и точная конфигурация нижнего течения Кванго все еще была неизвестна картографам.

В 1884 г. «Африканское общество в Германии» отправило в южную часть бассейна Конго свою последнюю экспедицию, основной задачей которой было завершить исследование Кванго. Начало экспедиции было неудачным: ее руководитель, лейтенант Э. Шульце, вскоре по прибытии в Африку умер в Сан-Салвадоре. Тем не менее другие ее участники продолжали работу. В 1885 г. В. Вольф и вслед за ним Р. Бюттнер совершили переход из Сан-Салвадора к Кванго и посетили верховного вождя (киамфу) народа баяка, уже известного по рассказам Мехова. Бюттнер прошел левым берегом Кванго приблизительно до 4°30' ю. ш., после чего вынужден был отклониться от этой реки на северо-запад и вышел к Конго немного выше Стэнли-Пула. Ему, таким образом, удалось проследить Кванго дальше вниз по течению, чем Мехову, но все же не до устья. Съемки обоих путешественников оказались весьма несовершенными. С научной точки зрения наибольшую ценность представили зоологические и ботанические сборы Бюттнера*.

Более результативным было путешествие двух остальных участников немецкой экспедиции — лейтенантов Рихарда Кунда и Ганса Таппенбека. В августе 1885 г. они выступили из Леопольдвилья в юго-восточном направлении, прошли долину Нзеле, небольшого левого притока Конго, поднялись на господствующий над ней крутой уступ песчаного плато и в начале сентября достигли Кванго немного выше порогов Кингуши. После переправы через эту реку путешественники двинулись на восток, пересекая по пути большие, текущие с юга на север реки системы Кванго — Вамба, Инзиа, Квилу. В октябре они вышли к Касаи. С большим трудом преодолев эту водную преграду, Кунд и Таппенбек продолжали путь на северо-восток через густые леса. В ноябре они достигли большой реки Лукение, текущей с востока на запад, и проследили ее на некоторое расстояние вверх по течению. Весь этот рейд протекал в обстановке почти непрерывных вооруженных столкновений с африканцами. Серьезное ранение Кунда в одной из стычек заставило путешественников повернуть назад. Спустившись по Лукение на лодках, они прибыли в январе 1886 г. к

* В. Вольф описал свое путешествие в книге «Из Бананы к киаффу» (Ольденбург — Лейпциг, 1889). Р. Бюттнер — в книге «Путешествия в страну Конго» (Лейпциг, 1890).

месту ее впадения в Касан, откуда вернулись в Леопольдвиль. В результате этого плавания было установлено, что открытая ими Лукение — не что иное, как верхнее течение Фими, показанной на карте Стэнли как сток озера Леопольда II; однако, спускаясь по Лукение-Фими, Кунд и Таппенбек не нашли на своем пути никакого озера. Сейчас нам ясно, что противоречие между данными Стэнли и немецких исследователей было только кажущимся: озеро Леопольда II связано с Лукение-Фими протокой, которую Кунд и Таппенбек легко могли не заметить. В то время, однако, сообщения Кунда и Таппенбека * привели географов и картографов в немалое замешательство. По поводу этого казуса Стэнли впоследствии писал: «Озеро Леопольда II чуть-чуть вовсе не стерли с карт по той причине, что двое немцев, Кунд и Таппенбек, сбились с дороги и никак не могли его найти; по счастью, в ту пору на нем побывал один английский миссионер, и озеро оставили в покое».

Этим миссионером был не кто иной, как Джордж Гренфелл, который после разрешения основных проблем гидрографии центральной части бассейна Конго переключил свое внимание на бассейн Касан. В марте 1886 г. он отправился на своем пароходе «Пис» в длительное плавание по этой реке, поднявшись по ней и Лулве до устья Лвебо, а также посетив по пути нижнее течение Санкуру. В октябре того же года Гренфелл вместе с Комбером поднялся на «Писе» по Фими и впервые после Стэнли объехал озеро Леопольда II кругом, уточнив его карту.

Гренфеллу принадлежит также заслуга завершения исследования нижнего течения Кванго. В конце 1886 г. он проследил эту реку от места ее впадения в Касан до порогов Кингуши и тем самым окончательно устранил все сомнения, какие еще могли существовать относительно конфигурации ее течения. Им была открыта также впадающая в Кванго большая река Джума, впоследствии оказавшаяся нижним течением реки Квилу, верховье которой было известно еще со времени Ливингстона.

Проблема Уэле. Потagos: открытие Мбому

Одной из наиболее острых проблем географии Экваториальной Африки, занимавших умы ученых в 70—80-х годах, была проблема Уэле. Как уже говорилось, открывший эту реку Швейнфурт принял ее за верхнее течение Шари. «Если Уэле не Шари, где же тогда берет начало Шари?» — спрашивал он в 1874 г. в своей книге «В сердце Африки». Ответ на этот

* Они были опубликованы в 1886 г. в «Трудах Берлинского общества землеведения» и «Трудах Королевского Географического общества».

вопрос по существу дал уже Нахтигаль, составивший на основе полученной им устной информации довольно верное предположение о широком «веере» рек, образующих своим сливанием Шари. Нахтигаль, как и Барт в свое время, слышал о том, что южнее Центрального Судана течет с востока на запад большая река, и не сомневался в ее идентичности с Уэле, но не склонен был связывать ее с системой Шари; по его мнению, она скорее могла быть верховьем Бенуэ. В дальнейшем после трансафриканского путешествия Стэнли 1874—1877 гг. получило распространение правильное предположение о том, что Уэле принадлежит к системе Конго; однако пока Гренфелл не разведал нижнее течение Убанги, географы сильно заблуждались относительно места впадения Уэле в Конго, считая, вслед за Стэнли, продолжением Уэле открытую им Арувими.

В 1880 г. в «Бюллетене Парижского Географического общества» было опубликовано сообщение греческого врача Панагиотеса Потагоса о путешествии в Центральную Африку, совершенном им в 1876—1877 гг. и явившемся заключительным этапом его десятилетних странствий по странам Востока*. Проследовав из Египта в Дарфур, Потагос направился оттуда на юг, в Дар-Фертит, пересек водораздел, ограничивающий с юго-запада бассейн Бахр-эль-Араба, и открыл текущую на запад большую реку Мбому (ее название было известно еще Швейнфурту, но он ошибочно полагал, что эта река течет на восток и принадлежит к системе Бахр-эль-Газалья). Переправившись через Мбому, греческий путешественник дошел до протекающего параллельно ей левого ее притока — Били и проследил его на некоторое расстояние в западном направлении. На обратном пути в Дар-Фертит он вновь пересек Мбому — ниже по течению, чем в первый раз, — и открыл ее крупнейший правый приток — Шинко. К этим достижениям Потагоса как пионера-открывателя следует добавить еще и то, что он ближе, чем кто-либо до него, ознакомился с верховьями Бахр-эль-Араба, а в одном из своих маршрутов, перевалив через водораздел между бассейнами Нила и озера Чад, первым из европейцев проник к верховьям реки Аук, главного правого притока Шари.

Научная результативность этого интересного путешествия, проходившего большей частью по совершенно неизвестной европейцам территории, была, к сожалению, сильно снижена крайне слабым знакомством Потагоса с техникой географических исследований. Побывавший впоследствии в бассейне Мбому Юнкер, анализируя данные своего предшественника, вынужден был отметить «недостаточные или ошибочные указа-

* Полное их описание Потагос дал в книге «Десять лет путешествий по Центральной Азии и Экваториальной Африке» (Париж, 1885).

ния д-ра Потагоса, неточности в определении стран света в его пути, неправильное понимание гидрографической системы и, наконец, неправильные названия». Неправильное понимание гидрографии, о котором упоминает Юнкер, выразилось у Потагоса в том, что за главную артерию открытой им речной системы он принял Били (у Потагоса — Бере, или Бири), Мбому же (у Потагоса — Бомо) счел ее притоком. Некоторые географы поспешили отождествить «Бере» Потагоса с Уэле Швейнфурта. Сам Потагос, впрочем, отдавал себе отчет в том, что речь идет о двух разных реках; при этом вначале он предполагал, что «Бере» — верховье Огове, позднее же, познакомившись с результатами исследований Браза, склонился к мнению о принадлежности ее к системе Конго.

При всей ненадежности картографических данных Потагоса его путешествие явилось немаловажной вехой в истории исследования бассейна Уэле — Убанги. Оно поколебало ошибочное представление о тождестве Уэле с Арувими. Крайний западный пункт, достигнутый Потагосом в бассейне Мбому, находился недалеко от 25° в. д., из наведенных же им справок явствовало, что общее западное направление стока этой области сохраняется и дальше, по меньшей мере до 23° в. д. Версия о связи с Арувими, впадающей в Конго приблизительно под $23^{\circ}30'$ в. д., могла, таким образом, оказаться состоятельной лишь при условии резкого изменения направления стока — с западного на юго-восточное, что представлялось если и не невозможным, то во всяком случае маловероятным.

Первое центральноафриканское путешествие Юнкера: исследование области водораздела Нил — Конго и открытие истоков Уэле

Крупнейшей фигурой в истории исследования области Верхнего Нила и северо-восточной части бассейна Конго в конце 70-х — начале 80-х годов является русский путешественник Василий Васильевич (Вильгельм) Юнкер.

Сын обрусевшего немца, главы банкирской фирмы в Петербурге и Москве, В. В. Юнкер не пошел по стопам отца: карьера финансиста его не прельщала. Он получил медицинское образование, но не стал заниматься и врачебной деятельностью, решив посвятить себя географическим исследованиям. В 1873—1874 гг. Юнкер участвовал в археологической экспедиции в Тунис, где изучил на практике арабский язык. Готовясь к задуманному им большому путешествию в глубь Африки, он в совершенстве освоил технику топографической съемки. Участие в работе Международного географического конгресса в Париже в августе 1875 г. дало Юнкеру возможность лично

познакомиться с такими выдающимися исследователями Африки, как Нахтигаль, Рольфс и Швейнфурт (последний на всю жизнь остался его близким другом). «Обмен мыслями с заслуженными исследователями,—вспоминал впоследствии Юнкер,—направил мое внимание на страну Дарфур в Восточном Судане, которая тогда стояла в центре географических интересов».

В октябре 1875 г. Юнкер высадился в Александрии и после небольшой, тренировочного характера, экскурсии в Ливийскую пустыню отправился в Судан. Уже первый этап его путешествия — от красноморского порта Суакин до Хартума через Кассалу и Гедарэф — прошел не без пользы для географии: им было впервые точно положено на карту нижнее течение большого хора (пересыхающей реки) Барака. Вскоре Юнкер внес новую существенную лепту в географическое изучение Судана. В ожидании разрешения египетских властей на путешествие в Дарфур он воспользовался представившейся ему возможностью совершить поездку на пароходе из Хартума вверх по Белому Нилу и его притоку Собату: в ходе этого плаванья, состоявшегося в августе — сентябре 1876 г., русский путешественник впервые выполнил точную съемку нижнего течения Собата.

Задержка с разрешением на въезд в Дарфур, а также полученные Юнкером сведения о том, что эта область уже достаточно обследована офицерами египетского генерального штаба, привели к пересмотру первоначальных планов. Юнкер решил заняться исследованием южных районов Судана. В ноябре 1876 г. он прибыл из Хартума в Ладо, центр Экваториальной провинции, и в январе следующего года двинулся на запад, в область Макарака, известную европейцам только в восточной своей части. С природой и населением этой области Юнкер основательно познакомился в трех круговых маршрутах, проделанных им с марта по июнь 1877 г.

Значение его исследовательской работы в Макарака усугублялось тем, что этот район занимает водораздельное положение между бассейнами нильских притоков Еи и Роля, с одной стороны, и Кибали-Уэле — с другой; определение положения этого участка нильского водораздела, до того отодвигавшегося на картах гораздо дальше к югу, явилось новой важной заслугой русского путешественника. Его знакомство с бассейном Уэле ограничилось на данном этапе посещением истоков небольших рек Ака и Гарамба, впадающих в правый приток Уэле — Дунгу. На нильской стороне водораздела Юнкер открыл истоки рек Аире и Яло, образующих своим слиянием Роль, а также уточнил положение реки Еи; при этом он убедился в несостоятельности предположения Марно о том, что Еи — верховье Роля, и констатировал, что «она составляет самостоятельную реку, текущую к северу».

В июле — августе 1877 г., приняв участие в походе египетских войск из области Макарака в провинцию Бахр-эль-Газаль, Юнкер проследил Ролю от его истоков далеко вниз по течению, а затем познакомился с текущими параллельно Ролю на север более западными реками системы Бахр-эль-Газала — Роа (Нам-Джау), Тонджем, Молмулом и Джуром, через которые ему пришлось последовательно переправляться, двигаясь в западном направлении. На обратном пути, в сентябре того же года, он более детально обследовал бассейн Роа. Неоднократно пересекая маршруты своего предшественника Швейнфурта, русский исследователь смог связать в единую сеть его и свои собственные съемки, привязанные к различным исходным пунктам: у Швейнфурта — к Мешра-эр-Рек, у Юнкера — к Ладо; тем самым был обеспечен их взаимный контроль и соответственно значительно повышена надежность карт юго-восточной части бассейна Бахр-эль-Газала.

По возвращении в Макарака, в октябре 1877 г., Юнкер проследил водораздел между притоками Нила и Уэле немного дальше к западу от уже разведанного им участка. Он побывал в районе истоков Роа (известной здесь под названием Мариди) и Тонджа и с расстояния в несколько десятков километров повидал высящуюся у истоков Суэ (Джура) гору Бангензе, легко узнав ее по описанию Швейнфурта.

Последний важный этап путешествия Юнкера был связан с его участием еще в одной египетской военной экспедиции — на этот раз к югу от Макарака, в область Калика. В этом походе, в ноябре 1877—январе 1878 г., он поднялся вверх по долине Еи почти до самых ее истоков, пересек водораздел и углубился в район истоков Кибали-Уэле. «Я находился у Кибби, истока реки Уэле и, таким образом, достиг долгожданной цели. Мне суждено было войти в области, в которых еще не ступала нога белого человека, и обогатить наши сведения об Африке... В самых южных пунктах, достигнутых нашей экспедицией... я видел далеко на юге, на расстоянии 30—40 км, горные цепи, у которых, вероятно, находятся истоки Кибби-Кибали-Уэле».

Тем самым было подтверждено предположение Швейнфурта о том, что Уэле берет начало в горах к западу от озера Альберт, и одновременно опровергнуты взгляды тех ученых, которые, основываясь на сообщении Джесси об уходящем якобы на запад рукаве Бахр-эль-Джебеля, видели продолжение этого рукава либо в Уэле, либо в Еи. «Уже топография местности, — указывал Юнкер, — делает почти немислимым сток вод Бахр-эль-Гжебеля [Бахр-эль-Джебеля] к западу или северо-западу, в чем я и убедился, когда ближе познакомился с гидрографией этой гористой страны».

В сентябре 1878 г. Юнкер вернулся в Петербург. Основ-

ные результаты трехлетнего путешествия в Африку были доложены им в начале 1879 г. на заседании Русского Географического общества и в том же году опубликованы в его «Известиях». Статьи и картографические материалы Юнкера печатались также в немецких географических журналах, главным образом в «Сообщениях Петерманна».

Вывезенная Юнкером из Африки богатая этнографическая коллекция была принесена им в дар Российской Академии наук и ныне находится в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

Второе центральноафриканское путешествие Юнкера: исследование бассейна Уэле

В октябре 1879 г. Юнкер вновь ступил на африканскую почву в Александрии, чтобы отправиться во второе путешествие в Центральную Африку. «Моя цель,— пишет он,— состояла в исследовании стран, орошаемых рекой Уэле, и в определении течения этой реки возможно далее на запад». Юнкера сопровождал в качестве помощника уже бывавший в тех краях немец Фридрих Бондорф*.

Добравшись по Нилу и Бахр-эль-Газалю до Мешра-эр-Рек, Юнкер выступил отсюда в марте 1880 г. в направлении на Дем-Солиман (Дейм-Зубейр)— главную египетскую станцию в западной части бассейна Бахр-эль-Газала, а из Дем-Солимана двинулся на юг, в область расселения азанде. Вождь азанде Ндорума, никогда не видевший европейцев, лично вышел ему навстречу с приглашением побывать у него в гостях.

Вскоре Юнкер оставил позади территорию, известную по описаниям Швейнфурта, и вступил в неисследованную область. Путь его проходил вдоль водораздела Нил—Конго, сначала по нильской, затем по конголезской его стороне. «Эта гидрографическая граница,— пишет Юнкер,— была для меня исключительно достопримечательна. Во время моего путешествия по Макарака я впервые в области негров мунду, а позже и в Калика, переходил через принадлежащие бассейну Конго притоки. Конечно, я и теперь еще не подозревал, что Уэле-Макуа в конце концов повернет к Конго. Теперь я мог здесь на западе приближенно установить линию раздела обеих наибольших систем рек». В непосредственной близости к водоразделу находилась и резиденция Ндорумы, расположенная в истоках

* В 1876—1878 гг. Бондорф примерно той же дорогой, что и По-тагос, через Дарфур и Дар-Фертит, проник в бассейн Мбому. На обратном пути в Хартум он был ограблен и лишился всех своих записей, что свело научное значение его путешествия к минимуму.

реки Уэре (Верре), правого притока Уэле. Здесь Юнкер основал постоянную базу для будущих путешествий.

С августа по декабрь 1880 г. русский исследователь совершил свой первый большой маршрут в бассейне Уэле. Из района верховьев Уэре он направился на юг, пересек бассейн другого правого притока Уэле, Гурбы, и вышел к Уэле близ устья открытой Швейнфуртом Мбруоле (Бверре). Переправившись на южный берег Уэле, Юнкер проследил эту реку на значительное расстояние вверх по течению и дошел до египетской станции Тангази в землях мангбету; в дальнейшем, вновь переправившись через Уэле, он вернулся на свою базу у Ндорумы по большой, выпуклой к востоку дуге, через бассейны правых притоков Уэле — Дуру, Капили, Бверре и Гурбы. В январе 1881 г. Юнкер вновь отправился к Уэле и обследовал район большой излучины, которую описывает эта река ниже впадения Гурбы; здесь ему пришлось надолго задержаться из-за ухода носильщиков, и продолжить путешествие он смог лишь в ноябре, примкнув к прибывшим сюда египетским войскам. Конец 1881 и первую половину 1882 г. русский путешественник провел в маршрутах к югу от Уэле, главным образом в бассейне ее крупнейшего левого притока Бомоканди; неоднократно переправляясь через эту реку, он заснял несколько участков ее течения, равно как и ряд ее притоков. В своем последнем большом исследовательском маршруте к югу от Уэле Юнкер прошел далеко на юг от Бомоканди и 6 мая 1882 г. открыл текущую на запад реку Непоко. «Наконец, — вспоминает он, — я был у реки, название которой в течение всего моего путешествия я слышал многократно, причем меня заверяли, что Непоко — не приток Уэле-Макуа, так что я должен был сопоставлять его с впадающей в Конго рекой Арувими». Он был недалек от истины: хотя Непоко и не тождественна с Арувими, но является ее главным правым притоком.

Трудности похода к Непоко — через густые тропические леса и болота — сильно ухудшили состояние здоровья путешественника, истощились и его припасы. «Вчера я с тяжелым сердцем понял, — записал он в дневнике, — что Непоко — конец моего дальнейшего продвижения... Больной организм потерял способность сопротивляться болезни, и уже это одно требовало возвращения домой».

Пока Юнкер странствовал к югу от Уэле, Бондорф по его поручению основал новую базу в верховьях Мбому, во владениях вождя азанде Земио, с которым русский исследователь уже встречался и который давно приглашал его к себе; туда было доставлено все экспедиционное имущество, находившееся ранее у Ндорумы. Туда же в конце сентября 1882 г. прибыл с берегов Уэле и сам Юнкер. К тому времени он оправился от недугов и, воспрянув духом, решил, перед тем как отправиться

обратно в Хартум, предпринять еще один большой исследовательский маршрут. «Я чувствовал себя снова сравнительно хорошо, а на юге и западе было еще так много интересного для изучения». В декабре 1882 г. Юнкер выступил со своей новой станции в южном направлении, пересек междуречье Мбому и Уэле (посетив по пути истоки Били, левого притока Мбому) и в январе следующего года вновь побывал на берегах Уэле у селения Багбинне — на том участке, где в нее впадают правый приток Уэре (Вере) и левый — Мбима (Бима). Вернувшись к Били, он двинулся параллельно ее долине на запад, затем отклонился к юго-западу и в конце февраля 1883 г. еще раз вышел к Уэле у зеробы Абдалла, на траверсе острова Мутему; это селение, расположенное приблизительно под 23° в. д., явилось крайним западным пунктом его путешествия. «Достигнутая мной... точка реки, по-видимому, опровергала выдвинутое Г. М. Стэнли утверждение, что Уэле — верхнее течение Арувими, но надо было доказать, что Уэле не есть верхнее течение Шари... В это время мне было досадно, что я не могу дать новых сведений по этому вопросу...» Не найдя возможности продолжить путь вниз по долине Уэле, Юнкер повернул назад и в начале мая 1883 г. возвратился к Земию; на последнем участке своего кругового маршрута он смог ближе познакомиться с гидрографической системой Мбому, в частности с ее правыми притоками Шинко и Варра.

Бондорф, которому Юнкер поручил транспортировку собранных коллекций в Европу, к тому времени находился уже на пути в Египет. Этот путь, однако, оказался крайне затруднен вспыхнувшим в провинции Бахр-эль-Газаль восстанием племен динка против египетского владычества. В конце концов Бондорфу удалось, преодолев массу препятствий, добраться до Египта, но все экспедиционные коллекции пропали. Доставленные Бондорфом в Европу картографические материалы Юнкера, относящиеся к первым этапам его путешествия, были опубликованы в «Сообщениях Петерманна» за 1884 г.; в том же журнале увидели свет (в 1885 г.) отчет самого Бондорфа и карта, составленная по данным его собственных съемок.

Юнкер, намеревавшийся уехать вслед за Бондорфом, свыше полугода ждал, когда освободится дорога через Бахр-эль-Газаль. Это ожидание было напрасным: восстание динка было по существу лишь одним из эпизодов гораздо более широкого и мощного народного движения против египетского господства, вскоре охватившего весь Восточный Судан и вошедшего в историю под названием махдистского восстания.

В ноябре 1883 г. Юнкер направился на восток, в Ладю, куда и прибыл в начале следующего года; на этом переходе он познакомился с районом истоков Мбому, а затем, перейдя водораздел Нил — Конго во владениях Ндорумы, пересек

район истоков Суэ и вышел на свою старую дорогу через область Макарака. Путь на север по-прежнему был отрезан восстанием, и в ожидании развития событий путешественник пролежал на берегах Бахр-эль-Джебеля целых два года. В январе 1886 г. он двинулся отсюда на юг, решив попытаться вернуться в Европу через Занзибар. Этот путь — через Буноро и Буганду — был тоже чреват в то время многими трудностями и опасностями, но в конце концов они остались позади, и в декабре 1886 г. Юнкер благополучно прибыл на восточное побережье материка. В апреле 1887 г. он выступил с докладом о своем семилетнем путешествии на торжественном собрании Русского Географического общества, специально посвященном его возвращению на родину.

Одним из крупнейших достижений Юнкера как пионера-исследователя было то, что он фиксировал положение водораздела Нил — Конго почти на всем его протяжении между 2 и 8° с. ш. (около 1200 км). Если учесть, что эта важная гидрографическая граница была до того достаточно точно нанесена на карту лишь на одном небольшом участке — там, где ее пересекал Швейнфурт в 1870 г., — можно целиком согласиться с советским географом Ю. Д. Дмитриевским, подчеркивающим, что «по существу, водораздел Нил — Конго, как географическое целое, был открыт Юнкером»*.

Другим принципиально важным обогащением карты Африки, связанным с именем Юнкера, явилось установление рисунка гидрографической системы Уэле — Мбому, ранее известной европейцам только в нескольких точках. Русский путешественник не только правильно определил соотношения всех крупных и большинства малых рек этой системы, но и непосредственно проследил многие из них. Окончательно выяснить, куда течет Уэле, ему не удалось, однако данные его исследований в сочетании с результатами плавания Гренфелла по Убанги максимально приблизили эту проблему к разрешению.

Основные научные результаты путешествий Юнкера были опубликованы в приложениях к «Сообщениям Петерманна» за 1889 г. Главным из них явилась составленная по материалам съемок русского путешественника немецким картографом Бруно Хассенштейном четырехлистая карта масштаба 1:750 000, охватывающая территорию между 1°45'—8°15' с. ш. и 22—32° в. д. Чрезвычайно высокая точность съемок Юнкера — тем более поразительная, что у него не было с собой приборов для астрономических наблюдений, — была впоследствии подтверждена другими исследователями. Текстовая часть работы, к которой приложена эта карта, включает развернутую характерис-

* Ю. Д. Дмитриевский. Русские исследователи природы Восточного Судана. — Уч. зап. Вологодского пед. ин-та», т. 10, 1952, стр. 58.

тику гидрографии, орографии и этногеографии исследованной Юнкером области; приведены также данные метеонаблюдений, барометрических измерений высот и другие материалы.

Ценнейший вклад в мировую научную литературу об Африке представил опубликованный на немецком языке в Вене в 1889—1891 гг. капитальный трехтомный труд Юнкера «Путешествия по Африке» — полное описание всей его многолетней исследовательской деятельности. Нарисованные в этой книге картины природы области Верхнего Нила и северо-восточной части бассейна Конго не уступают по точности и детальности картографическим работам автора. Большое внимание уделено характеристике коренного населения, его жизни, быта, материальной и духовной культуры. Правдиво показаны те бедствия, какие принесла африканским народам колонизация.

Собственные успехи на исследовательском поприще Юнкер неразрывно связывал со своим доброжелательным отношением к африканцам. «Именно то, что я так последовательно придерживался моего отношения к туземцам, — писал он, — способствовало моему проникновению в неприступные до того страны, которые открылись мне, исследователю-одиночке, путешествовавшему в сопровождении лишь нескольких слуг-подростков; однако население этих стран, несомненно, оказало бы сопротивление всем попыткам вторжения путем насилия».

В 1891 г. Юнкер приступил к подготовке русского издания «Путешествий по Африке». Осуществить этот замысел ему было не суждено: 1(13) февраля 1892 г. он скончался, немного не дожив до 52 лет. На русском языке его труд появился (в сокращенном виде) только в 1949 г.

Прочие исследования области Верхнего Нила и северо-восточной окраины бассейна Конго в 70—80-х годах

По сравнению с фундаментальными научными результатами путешествий Юнкера вклад его современников в исследование верхненильской области выглядит гораздо более скромным, сводясь с точки зрения создания общегеографической карты в основном лишь к частным дополнениям и уточнениям.

Некоторому обогащению знаний об этой части Африки способствовала деятельность английских миссионеров в Буганде, где в 1877 г. была основана станция «Церковного миссионерского общества». В конце 1879 г. два представителя этого общества, Ч. Т. Уилсон и Р. У. Фелкин, сопровождая посольство Мтесы в Великобританию, по пути из Буганды в Египет пересекли всю область левых притоков Белого Нила с юго-востока на северо-запад, от Ладо до Дарфура; выбор такой

круглой дороги объяснялся тем, что более короткий и удобный водный путь по Белому Нилу снова — как и десятилетием раньше, при Бейкере, — оказался перегороженным сздами. Отчет Фелкина об этом путешествии был помещен в «Трудах Королевского Географического общества» в 1880 г.; двумя годами позже в Лондоне вышла в свет подготовленная им совместно с Уилсоном книга «Уганда и Египетский Судан», занявшая видное место в географической и этнографической литературе об Африке. Выполненная Фелкином маршрутная съемка (с многочисленными анероидными измерениями высот) представила особую ценность для картографов как соединительное звено между съемками Швейнфурта и Юнкера в бассейне Бахр-эль-Газала, с одной стороны, и офицеров египетского генерального штаба в Дарфуре — с другой.

В 1878—1880 гг. в южных провинциях Египетского Судана — Экваториальной и Бахр-эль-Газаль, а также в странах Межозерья — Буганде и Буньоро побывал немецкий художник и фотограф Рихард Бухта; помимо краткого описания своего путешествия (в «Сообщениях Петерманна» за 1881 г.) он опубликовал альбом фотографий «Страны Верхнего Нила: расы, типы растительности и ландшафты» (Берлин, 1881).

С начатыми в 1879 г. и затянувшимися до 1881 г. работами по расчистке водных путей Южного Судана от плавучих скоплений растительности были связаны новые детальные съемки Бахр-эль-Абьяда (на участке между устьями Бахр-эль-Газала и Бахр-эз-Зерафа), Бахр-эль-Джебеля (непосредственно выше места слияния с Бахр-эль-Газалем), Бахр-эз-Зерафа и Бахр-эль-Газала (от устья до места впадения Бахр-эль-Араба), выполненные руководителем упомянутых работ австрийцем Эрнстом Марно, проводившим последние годы своей жизни (он умер в 1883 г.) на египетской службе. В отчетах Марно, опубликованных вместе с его картографическими материалами в «Сообщениях Петерманна» в 1881—1882 гг., содержится много интересных сведений о морфогидрографии «области сздов».

Картографические работы Марно на Бахр-эль-Газале были продолжены другим египетским чиновником, губернатором провинции Бахр-эль-Газаль, англичанином Фрэнком Лептоном, занявшим в 1881 г. вышележащий участок течения этой реки — от устья Бахр-эль-Араба до Мешра-эр-Рек (соответствующая карта была помещена в «Сообщениях Петерманна» в 1883 г.). В конце 1882 — начале 1883 г. Лептон во главе египетской военной экспедиции углубился в пределы «белого пятна» к западу от бассейна Бахр-эль-Газала, пересек верховья открытой Потагосом реки Шинко и в свою очередь открыл протекающую западнее ее с севера на юг реку Котто (по Лептону — Бахр-Форо), вопрос о гидрографической принадлежности которой в то время остался нерешенным; позднее выяснилось, что речь

идет о крупном правом притоке Убанги. В числе географических результатов этого похода Лептона следует отметить также окончательное установление ошибочности представлений Швейфурта о конфигурации бассейна Бахр-эль-Араба: как уже говорилось, немецкий исследователь приписывал ему слишком большую протяженность в юго-западном направлении.

Продолжить начатые исследования Лептону помешало охватившее Судан народное восстание. К тому времени, как его отчет о путешествии к западу от Бахр-эль-Газала появился в печати (в «Трудах Королевского Географического общества» за 1884 г.), сам он уже находился в плену у повстанцев и впоследствии умер в столице махдистов — Омдурмане.

Особое место среди египетских должностных лиц, в той или иной мере способствовавших исследованию Южного Судана и сопредельных областей, занимает Эдуард Шнитцер, более известный как Мехмед Эмин-паша. Немецкий еврей, медик по образованию, долгое время живший в Турции и принявший там мусульманство, он поступил в 1876 г. под именем Эмина-эфенди на египетскую службу и в 1877 г. был назначен главным врачом Экваториальной провинции, а в следующем году — ее губернатором. На этом посту, сначала в звании бея, а под конец — паши, он оставался больше десяти лет, покинув вверенную ему провинцию только тогда, когда египетское правительство окончательно потеряло надежду удержать за собой эту отдаленную область, отрезанную от Египта махдистским восстанием, и приняло решение об эвакуации находившихся там войск и административного персонала (об организованной в связи с этим «спасательной» экспедиции Стэнли рассказывает в одном из следующих разделов). Эмин много путешествовал: еще в первые годы своего пребывания на Верхнем Ниле он дважды посетил с дипломатическими целями Буганду, позднее же, уже в должности губернатора, объездил практически всю Экваториальную провинцию. В 1881 г. он вместе с Лептоном, который, перед тем как занять пост губернатора Бахр-эль-Газала, был помощником Эмина, проделал большую исследовательскую работу в горах Лотуко и соседних районах к востоку от Бахр-эль-Джебеля («то, что мы знаем о горной стране к юго-востоку от Ладо, — писал в 1888 г. А. Зупан, оценивая результаты этих исследований Эмина и Лептона, — основано почти исключительно на их заметках»); в 1880—1882 гг. охватил своими маршрутами обширную территорию к западу от этой реки, дополнив рядом деталей съемки Юнкера в бассейнах Би, Роля и Роа; в 1883 г. предпринял путешествие в незадолго до того присоединенную к египетским владениям страну мангбету, в ходе которого ознакомился с небольшим участком водораздела Нил — Конго, оставшимся в стороне от маршрутов Юнкера, и с гидрографической системой Дунгу —

правого притока Кибали-Уэле. Заслуживают упоминания также многократные поездки Эмина на пароходе по озеру Альберт, одним из результатов которых явилось исследование приустьевое участка впадающей в это озеро реки Семлики.

Несмотря на все эти достижения, Эмин не может быть назван подлинным первопроходцем новых земель: районы его исследований, за немногими исключениями, уже посещались до него другими путешественниками. Как справедливо отмечает Ф. Ган, «Эмин-паша... не открыл ничего нового, но он был неутомимым исследователем своей области, обогатив в особенности зоологию, этнографию и метеорологию своими тонкими наблюдениями и обширными коллекциями»*. Именно с этой точки зрения роль Эмина в научном изучении рассматриваемой части Африки представляется настолько значительной, что его имя может быть поставлено сразу же после имен таких корифеев, как Швейнфурт и Юнкер. Однако в отличие от этих последних Эмин не удосужился свести собранный им богатый научный материал воедино, ограничившись лишь серией интересных, но разрозненных журнальных публикаций (главным образом в «Сообщениях Петерманна»). Не вполне адекватной заменой авторского обобщения результатов его многосторонней исследовательской деятельности явилась изданная в 1888 г. в Лейпциге книга «Эмин-паша», представляющая собой собрание его статей и писем, составленное Г. Швейнфуртом и Ф. Ратцелем.

Назовем еще итальянца Гаэтано Казати, прибывшего в Экваториальную провинцию в 1879 г. и покинувшего ее вместе с Эмином десятью годами позже. Наиболее важные его исследования и наблюдения, послужившие предметом ряда корреспонденций в «Бюллетене Общества коммерческого исследования Африки» (Милан), касались преимущественно земель азанде и мангбету в восточной части бассейна Уэле, где он побывал одновременно с Юнкером; впрочем, к географическим данным русского путешественника он смог добавить мало нового. Научная ценность выпущенных им по возвращении в Европу мемуаров «Десять лет в Экватории и возвращение с Эмином-пашой» (Милан, 1891) снижена недостатком документальной точности, объясняющимся тем, что, потеряв все дневники своего путешествия, Казати описывал его по памяти.

Картографические материалы всех перечисленных в этом разделе исследователей, равно как и их предшественников, были в той или иной степени использованы Б. Хассенштейном при составлении упомянутой выше карты путешествий Юнкера, которая, таким образом, отражает общее состояние изученности изображенной на ней территории на конец 80-х годов.

* Ф. Ган. Африка. СПб., 1903, стр. 44.

**Исследования Восточной Африки
в конце 70-х — начале 80-х годов.
Путешествие Томсона к Великим озерам
и открытие им озера Руква**

В конце 70-х — начале 80-х годов в область Великих озер Восточной Африки был направлен целый ряд экспедиций, главной целью которых в большинстве случаев было создание опорных баз для распространения влияния европейских колониальных держав. В авангарде этого движения находились религиозные миссии, за короткий срок успевшие основать сеть станций на берегах озер и на ведущих к ним путях. Уже в начале 1877 г. на озеро Виктория прибыли из Занзибара и в том же году обосновались в Буганде английские протестантские миссионеры — эмиссары «Церковного миссионерского общества». В 1878 г. их коллеги из «Лондонского миссионерского общества» основали первую станцию на Танганьике. За англичанами последовали французские католические миссионеры из Алжира, поселившиеся в Буганде и на Танганьике в 1879 г.

Эти экспедиции двигались большей частью уже проторенными путями, но все же и они не прошли без пользы для географии. Заслуживают упоминания в первую очередь работы английского миссионера (в прошлом флотского офицера) Э. К. Хора, прибывшего на Танганьiku в составе первой экспедиции «Лондонского миссионерского общества» и вскоре приступившего к систематическому исследованию озера. С его именем связано окончательное решение проблемы стока Танганьики. Посетив Лукугу в апреле 1879 г., он убедился, что эта река действительно вытекает из озера; виденная Стэнли в 1876 г. естественная плотина оказалась размытой. В 1882 г. Хор опубликовал в «Трудах Королевского Географического общества» значительно более точную, чем все предыдущие, карту Танганьики. Полное описание своей миссионерской и исследовательской деятельности, продолжавшейся до 1888 г., он дал в книге «Танганьика: одиннадцать лет в Центральной Африке», вышедшей в свет в Лондоне в 1892 г.

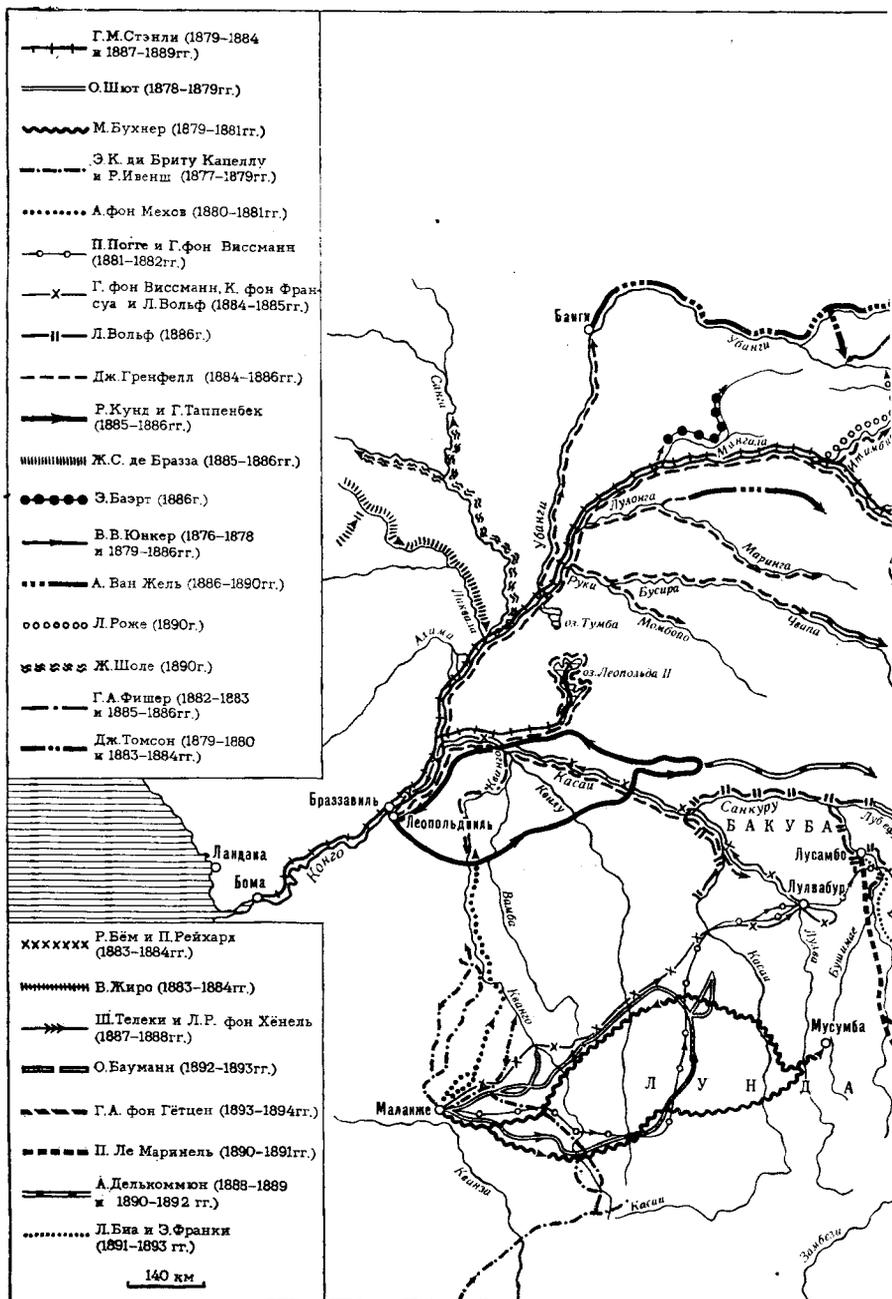
Менее значительная по научным результатам деятельность бельгийских офицеров — агентов «Международной ассоциации для исследования и цивилизации Центральной Африки», обосновавшихся на берегах Танганьики в 1879 г., освещена в книге Жерома Беккера «Жизнь в Африке» (Брюссель, 1887).

Члены английской миссии на озере Виктория — Ч. Т. Уилсон, Дж. Ш. Смит, Т. О'Нил и А. М. Маккей — уточнили очертания южных и западных берегов этого озера. Новые сведения о горном массиве Усамбара доставил в 1879 г. английский миссионер Дж. П. Фарлер. Исследованием горной области Усагара и соседних территорий занимались в начале 80-х годов

английские миссионеры Дж. Т. Ласт, Дж. Прайс и Бакстер. Еще больший вклад в изучение Усагары сделал А. Блауэй, представитель французского комитета «Международной ассоциации», покрывший эту область в 1880—1885 гг. густой сетью маршрутных съемок высокой точности. Географическому познанию территорий, расположенных между горами Усагара и побережьем, способствовали французские миссионеры Э. Бор, А. Ле Руа, Машон и Пикарда. Существенным обогащением карты Восточной Африки явилась съемка реки Руфиджи от вершины ее дельты до места слияния главных истоков — Лувегу и Киломберо, выполненная в 1880—1881 гг. англичанином У. Бёрделлом по поручению занзибарского султана. Крупнейший левый приток Руфиджи — Большую Рваху — обследовал в 1881 г. французский миссионер Гюйо.

Наиболее значительным по масштабам и научным результатам исследовательским предприятием в Восточной Африке на рубеже 70-х и 80-х годов была английская экспедиция к Великим озерам, организованная Королевским Географическим обществом. Начало работ экспедиции было омрачено преждевременной смертью ее руководителя, талантливого географа-картографа Кита Джонстона (его имя уже упоминалось нами в связи с дискуссией по проблеме Луалабы): он умер от дизентерии в Бехобехо, в междуречье Кингани и Руфиджи, 28 июня 1879 г., вскоре после того, как экспедиция покинула побережье.

Руководство экспедицией перешло к шотландскому геологу Джозефу Томсону, который, несмотря на крайнюю молодость (21 год), успешно справился с выпавшей на его долю задачей. Он пересек еще ни разу не посещавшееся европейцами плоскогорье Ухехе, образующее водораздел между Киломберо и Большой Рвахой, перевалил через горы Кипенгере и вышел к северной оконечности озера Ньяса, а оттуда прошел напрямик — опять-таки через совершенно неизвестную европейцам область — к южному концу Танганьики. Проследовав вдоль западного берега этого озера до места выхода из него Лукуги, он нашел ее «быстрой и непреодолимой рекой», полностью подтвердив сообщение Хора. В дальнейшем Томсон проследил Лукугу на расстоянии шести дней пути вниз по течению и установил ее непригодность для судоходства ввиду порожистости. Дальнейшему продвижению экспедиции вдоль Лукуги к месту ее слияния с Луалабой воспротивились местные жители; по той же причине завершилась неудачей попытка Томсона достичь Луалабы более южным путем. Зато обратный путь Томсона к побережью ознаменовался выдающимся успехом: проделанный им маршрут от южной оконечности Танганьики до Таборы (где он вышел на большую караванную дорогу) дал ему возможность первым из европейцев увидеть соленое озеро Руква, известное до того времени лишь

Маршруты важнейших путешествий по Экваториальной

по слухам. Английский исследователь убедился, что Руква не сообщается с Танганьикой, и пришел к правильному выводу о том, что открытое им озеро вообще не имеет стока. Свое путешествие, закончившееся благополучным прибытием в Занзибар в июле 1880 г., Томсон описал в книге «К центральноафриканским озерам и обратно» (Лондон, 1881).

Начатая Ливингстоном и продолженная Янгом и Элтоном рекогносцировка озера Ньяса была в основном завершена шотландским инженером Джеймсом Стюартом, состоявшим на службе так называемой «Компании африканских озер», которая была основана в 1878 г. капиталистами Глазго совместно с ранее обосновавшимися на берегах Ньясы шотландскими миссионерами и явилась первой европейской компанией по эксплуатации природных ресурсов озерной области. Выполненные Стюартом съемки береговой линии озера и астрономические определения координат позволили существенно уточнить конфигурацию Ньясы на географических картах. Стюарт много сделал и для исследования района, расположенного между северной оконечностью Ньясы и южной оконечностью Танганьики: впервые он пересек его в 1879 г. одновременно с Томсоном (несколько более западным путем), впоследствии же познакомился с ним еще ближе, занимаясь прокладкой грунтовой дороги между двумя озерами. В 1883 г. он умер от лихорадки на берегах Шире. Отчеты и картографические материалы Стюарта публиковались в «Трудах Королевского Географического общества» в 1879—1883 гг.

Бём и Рейхард в Катанге. Жиро на озере Бангвеулу

Решив обзавестись по примеру бельгийского комитета «Международной ассоциации» собственной базой в области Великих озер, «Африканское общество в Германии» направило в 1880 г. в Восточную Африку экспедицию в составе полковника в отставке фон Шёлера, астронома и географа Эмиля Кайзера, зоолога Рихарда Бёма и техника Пауля Рейхарда. Место для станции было выбрано к юго-западу от Таборы. Поселившиеся здесь Бём, Кайзер и Рейхард (Шёлер вскоре вернулся в Германию) приступили к систематическому изучению окружающей территории: они обследовали принадлежащую к системе Малагараси реку Угалла и ее приток Вала, побывали на Танганьике, а Кайзер, кроме того, совершил маршрут к озеру Руква, где и умер в ноябре 1882 г.

После смерти Кайзера Бём и Рейхард перебазировались на озеро Танганьика, а затем предприняли большое путешествие в Катангу — область в междуречье Луапуды и Луалабы, нахо-

дившуюся в то время под властью завоевателей байеке (выходцев из Уньямвези) во главе с верховным вождем Мсири. Покинув в сентябре 1883 г. берега Танганьики, немецкие путешественники переправились через Ловуа немного ниже места ее выхода из озера Мверу, обогнули с севера плато Кунделунгу и в ноябре вышли к Луфире — реке, о которой уже немало слышали, но еще ни разу не видели до того европейцы, — в том месте, где она образует водопад Киубо. Двумя месяцами позже они прибыли в Бункею — резиденцию Мсири на одном из левых притоков Луфиры. Установив контакт с Мсири, Бём и Рейхард вскоре смогли принять участие в его военном походе на север в Уруа; вместе с войсками байеке они перешли высокое плато Биано (Маника) и спустились в долину верхней Луалабы, где ими было открыто озеро Упемба. Недалеко от этого озера Бём 27 марта 1884 г. умер от лихорадки.

Рейхард, единственный оставшийся в живых участник немецкой экспедиции, по возвращении в Бункею совершил небольшой маршрут на юг Катанги, в район верховьев Луфиры. Ему не удалось, как он намеревался, достичь истоков Луфиры и Луалабы; зато он был первым европейцем, побывавшим в меденосной зоне Катанги и увидевшим своими глазами ее прославленные на всю Центральную Африку медные рудники. В дальнейшем отношения Рейхарда с Мсири испортились, и обратный путь к Танганьике экспедиции пришлось прокладывать оружием. Стремясь оторваться от преследовавших его войск байеке, Рейхард поднялся на плато Кунделунгу, пересек его с юга на север и, выйдя затем на уже знакомую ему дорогу, достиг в ноябре 1884 г. Танганьики, а оттуда вернулся в Занзибар. Его отчет о путешествии в Катангу был опубликован в «Сообщениях Африканского общества» в 1885 г.

Этот первый «прорыв» европейцев в Катангу имел результатом общее ознакомление с основными чертами орографической междуречья Луапуды и Луалабы.

Одновременно с путешествием Бёма и Рейхарда в Катангу в соседнем районе (бассейне Луапуды) побывал французский гардемарин Виктор Жиро, командированный в Африку Парижским Географическим обществом. Выступив из Дар-эс-Салама в декабре 1882 г. и следуя путем, довольно близким к маршруту Томсона 1879 г., он вышел к северной оконечности Ньясы, откуда направился на запад и в июле 1883 г. достиг северных берегов озера Бангвеулу, не посещавшегося европейцами со времен Ливингстона. Жиро совершил плавание по озеру на привезенной им с собой лодке и убедился, что оно вытянуто не с запада на восток, как полагал Ливингстон, а с севера на юг, причем южная часть его представляет собой скорее огромное болото. Он исправил также ошибку Ливингстона относительно места выхода Луапуды из озера и установил,

что эта река течет сначала в южном направлении и только потом круто поворачивает на север, к озеру Мверу.

Жиро спустился вниз по Луапуре до водопадов Мамбири-ма, преградивших путь его лодке; он собирался двинуться на север вдоль реки по ее правобережью, но попал в плен к одному из местных племен и был уведен в сторону от Луапулы. Отпущенный в конце концов на волю, французский путешественник вновь вышел к Луапуре значительно ниже по ее течению и, уже не отклоняясь от нее, добрался до области Казембе и озера Мверу, по которому тоже совершил поездку на лодке. Проследовав затем к Танганьике, он намеревался направиться на запад, к Конго, но был вынужден откаться от этого плана из-за бегства носильщиков и в сентябре 1884 г. вернулся на восточное побережье к устью Замбези. Основные научные результаты экспедиции Жиро были опубликованы в «Докладах Парижского Географического общества» в 1885 г., полное же описание своего путешествия он дал в книге «Озера Экваториальной Африки», изданной в Париже в 1889 г.

Фишер и Томсон — пионеры исследования Восточного рифта

Вплоть до первой половины 80-х годов все экспедиции в область нильских озер достигали ее либо с севера, по долине Белого Нила, либо с юго-востока и юга, со стороны Занзибара и Таборы, восточные же подступы к этому району были блокированы масаями, долгое время наотрез отказывавшимися пропускать европейцев через свои земли. Обширная территория между озером Виктория и районом Килиманджаро оставалась на картах «белым пятном», не пересеченным ни одним исследовательским маршрутом. Между тем в обстановке начинавшегося колониального раздела Африки разведка пролегавших через эту область кратчайших путей от восточно-африканского побережья к богатой Буганде и другим государствам Межозерья приобретала для империалистических держав все большую актуальность.

В пределах «белого пятна», простиравшегося к западу и северу от Килиманджаро, находилась и вторая по высоте гора Африки — Кения, которую Крапф в свое время видел только издали. В 1877 г. к этому горному массиву пытался пройти из Момбасы немецкий натуралист И. М. Хильдебрандт, однако ему не удалось продвинуться дальше Крапфа. Обширный план исследования той же территории (включавший как одну из основных задач оценку ее экономического потенциала и перспектив европейской колонизации) был разработан его соотечественниками, братьями Клеменсом и Густавом Денхардтами, дей-

ствовавшими при поддержке Гамбургского Географического общества и нескольких немецких торговых фирм; в качестве пути проникновения к Кении была избрана река Тана. Этот план, однако, тоже остался в основной своей части не реализованным, и единственным существенным научным результатом экспедиции Денхардтов явилась выполненная ими в 1878 г. детальная съемка нижнего течения Таны.

Первым европейцем, которому удалось «прорваться» в страну масаи к западу от Килиманджаро, был немецкий военный врач Густав Адольф Фишер, принимавший до того участие в экспедиции Денхардтов на Тану. Путешествие в страну масаи было предпринято им по поручению и на средства того же Гамбургского Географического общества. Выступив в декабре 1882 г. из приморского городка Пангани, Фишер проследил долину одноименной реки вплоть до района ее истоков и, пройдя между вулканическими массивами Килиманджаро и Меру, вскоре очутился на обширной равнине, образующей дно грандиозной тектонической впадины, ныне известной под названием Восточно-Африканского грабена, или Восточного рифта. У подножия ограничивающего впадину с запада сбросового уступа им было открыто бессточное соленое озеро Натрон, а к северу от него — пресное озеро Найваша. Продвинувшись к северу от Найваши, в сторону озера Баринго, о котором до европейцев давно уже доходили смутные слухи, Фишер не смог. Повернув назад, он обошел озеро Натрон с запада, открыл возвышающийся у его южной оконечности действующий вулкан Олдоньо-Ленгаи и, обогнув Меру с юга, вышел на свою прежнюю дорогу; в августе 1883 г. он вернулся в Пангани. Свое путешествие Фишер описал в книге «Страна масаи» (Гамбург, 1885).

Еще до возвращения Фишера на побережье, в марте 1883 г., в тот же район отправился из Момбасы по заданию Королевского Географического общества молодой, но уже отлично зарекомендовавший себя путешественник к озерам Ньяса, Танганьика и Руква геолог Джозеф Томсон. Потерпев неудачу в попытке проникнуть непосредственно к западу от Килиманджаро, он обошел этот горный массив с востока и севера, пересек лавовое плато Капити и, следуя вдоль восточного края грабена, вышел к озеру Найваша. К северу от него он открыл два небольших соленых озера — Накуру и Элментеита. Обойдя с севера мощный вулканический хребет на восточной стороне грабена, названный им хребтом Абердэр в честь тогдашнего президента Королевского Географического общества, Томсон спустился в долину реки Эвуасо-Нгиро, огибающую с запада и севера гору Кения; он первым из европейцев побывал в непосредственной близости к этому величественному потухшему вулкану, уточнил его местоположение и подтвердил, что вершина его покрыта снегом. Двинувшись затем на северо-запад через лавовое плато

Лайкипия, английский исследователь достиг озера Баринго, размеры которого против ожидания оказались весьма скромными. Продолжая путь в западном направлении, он перевалил через горы Камасия на западной стороне грабена и вышел к северо-восточным берегам озера Виктория. Здесь Томсон смог пополнить список открытых им крупных географических объектов еще одним — господствующим над приозерной равниной на севере огромным потухшим вулканом Элгон (в дальнейшем он совершил на него восхождение, хотя и не до самой вершины). Болезнь помешала ему дойти, как он намеревался первоначально, до истока Виктория-Нила, однако и без того основная цель экспедиции была достигнута: прямая дорога из Момбасы к нильским озерам развездана.

Обратный путь Томсона к побережью Индийского океана едва не оказался для него роковым: путешественник был тяжело ранен на охоте буйволом и выжил только благодаря заботливому уходу спутников-африканцев, благополучно доставивших его в Момбасу в мае 1884 г. В конце того же года в «Трудах Королевского Географического общества» был помещен научный отчет Томсона о проведенных исследованиях, а в 1885 г. в Лондоне была издана его книга «Через страну масаи».

Фундаментальным научным результатом экспедиций Фишера и Томсона явилось открытие (в полной мере осознанное, правда, лишь позднее) одной из крупнейших черт рельефа Восточной Африки — меридионально вытянутого Восточного рифта с обрамлением из высоких вулканических гор и плато и лежащей на дне его цепочкой бессточных озер. При этом было окончательно установлено, что бассейны береговых рек — Таны, Галаны, Пангани — не имеют общего водораздела с бассейном Нила, они отделены от него бессточной областью рифта. Выяснилось также, что, хотя к западу от Килиманджаро и Кении имеется много высоких вершин, ни одна из них не поднимается выше снеговой границы; это еще более подчеркнуло уникальность горных исполинов, открытых Ребманном и Крапфом.

В 1885 г. Фишер вновь вернулся в Восточную Африку, на этот раз для того, чтобы разыскать и оказать помощь пропавшему без вести В. В. Юнкеру (экспедиция была организована на средства брата русского путешественника). Свое новое путешествие, как и предыдущее, Фишер начал от устья Пангани. Покинув побережье в августе 1885 г., он пересек южную часть области расселения масаи — так называемую «Степь Масаи», проник в бассейн реки Вембере и, следуя путем, близким к маршруту Стэнли 1875 г., вышел к юго-восточным берегам Виктории. Немецкий исследователь опроверг ошибочный вывод Стэнли о том, что Вембере является притоком озера Виктория; наведенные Фишером справки показали, что эта река закаң-

чивается в бессточном озере (повидать которое ему не удалось).

Прямой путь в Экваториальную провинцию Судана, где должен был находиться Юнкер, лежал через озеро Виктория и далее через Буганду. Однако если еще недавно Буганда была открыта для доступа чужестранцев, то теперь ситуация изменилась: новый король Мванга (сын Мтесы), отличавшийся, при деспотическом характере, несомненной политической дальновидностью, занял резко враждебную позицию по отношению к европейцам, усматривая в распространении их влияния угрозу для независимости страны. Он категорически отказался впустить в Буганду экспедицию английского епископа Ханнингтона, прибывшего в 1885 г. к восточным границам страны из Момбасы (путем, разведанным Томсоном); когда же Ханнингтон нарушил этот запрет, Мванга приказал его расстрелять*.

Не получив разрешения на то, чтобы провести свой отряд через Буганду, и Фишер; Мванга не возражал, правда, против того, чтобы он явился в Буганду один, без вооруженного эскорта, но на это немецкий путешественник не решился. Пытаясь достичь Экваториальной провинции в обход Буганды, он двинулся на север вдоль восточных берегов Виктории, однако не смог продвинуться дальше северо-восточной оконечности озера. Потерпев фиаско в своих попытках выполнить возложенную на него задачу, Фишер направился на восток, к озерам Баринго и Найваша, и в июле 1886 г. добрался до побережья Индийского океана. Здоровье его было вконец подорвано, и вскоре по возвращении на родину, 11 ноября 1886 г. он умер, успев подготовить к печати лишь предварительный отчет о своем путешествии, который и был опубликован в декабрьском номере «Сообщений Петерманна» за 1886 г. Публикация картографических материалов Фишера, не считая грубой маршрутной схемы, сильно задержалась: только в 1895 г. его съемки получили отражение на помещенной в том же журнале карте Б. Хассенштейна.

Экспедиция Телеки: открытие озера Рудольф

Одним из наиболее плодотворных исследовательских предприятий конца 80-х годов в Восточной Африке явилась экспедиция венгерского графа Шамуэля Телеки, организованная им на собственные средства. Спутником Телеки был австрийский флотский лейтенант Людвиг фон Хёнель, на которого были возложены, в частности, съемочные работы.

* Из научных результатов этой экспедиции заслуживает упоминания открытие небольшого озера к югу от Баринго, получившего имя Ханнингтона.

Выступив в январе 1887 г. из Пангани, Телеки и Хёнель проследовали долиной одноименной реки к Килиманджаро, поднялись на его главный конус — Кибо (не достигнув, однако, высшей точки), побывали у южного подножия Меру и затем, обойдя Килиманджаро с востока и севера, двинулись к Кении. В октябре 1887 г. Телеки совершил первое в истории европейских исследований Африки восхождение на Кению, поднявшись до границы вечных снегов, после чего направился к озеру Баринго, Хёнель же тем временем занялся исследованием реки Эвуасо-Нгиро и проследил ее значительно дальше вниз по течению, чем Томсон. Встретившись на берегах Баринго, путешественники направились дальше на север вдоль западного края плато Лайкипия, миновали вулканический массив Ньиру и 6 марта 1888 г. вышли к лежащему на дне грабена большому, вытянутому в меридиональном направлении озеру с солоноватой водой. Местные жители называли его Бассо-Нарок (темная вода), Телеки же назвал именем австрийского наследного принца, эрцгерцога Рудольфа. Действующий вулкан у южной оконечности озера получил имя самого Телеки.

Двинувшись на север вдоль восточного берега озера, Телеки и Хёнель достигли через месяц его северной оконечности, установив, что оно протягивается в длину почти на 300 км при ширине от 24 до 50 км. Они открыли впадающую в озеро с севера большую реку Няням, правильно отождествив ее с уже известной европейцам в верхнем течении рекой Омо. Живущие у северного конца озера галла отказались пропустить путешественников через свои земли, не дав им осуществить замысел обойти озеро кругом. Перед тем как повернуть назад, Телеки и Хёнель проделали небольшой маршрут к востоку от северной оконечности озера Рудольф и открыли еще одно, меньшее по размерам, бессточное соленое озеро; они дали ему имя эрцгерцогини Стефани, жены Рудольфа. Вернувшись прежним путем к южному концу озера Рудольф, Телеки и Хёнель направились на запад, открыли два южных притока озера — периодически пересыхающие реки Керо и Теркуэлл — и проследили вторую из них почти до истоков; отсюда они вышли к озеру Баринго и в октябре 1888 г. достигли побережья Индийского океана у Момбасы.

Помимо журнальных публикаций научные результаты экспедиции явились предметом содержательной монографии Хёнеля «Восточная Экваториальная Африка между Пангани и вновь открытым озером Рудольф», увидевшей свет в 1890 г. (в приложениях к «Сообщениям Петерманна»). В 1892 г. в Вене было опубликовано описание путешествия под заглавием «К озерам Рудольф и Стефани», также принадлежащее перу Хёнеля.

Телеки и Хёнель проследили Восточный рифт значительно дальше на север, чем Фишер и Томсон, по существу завершив его общую рекогносцировку; с другой стороны, проведенная ими

работа намного улучшила знание ранее известного сектора рифта вместе с его горным обрамлением (съёмки Хёнеля были гораздо точнее, чем у его предшественников). Но главным и наиболее впечатляющим результатом экспедиции было, разумеется, открытие озера Рудольф — четвертого по величине (после Виктории, Танганьики и Ньясы) из Великих озер Восточной Африки, о котором до того имелись лишь смутные слухи («озеро Самбуру»). Это открытие в свою очередь поставило «на повестку дня» проблему стока новооткрытого озера. Телеки и Хёнель такого стока не обнаружили, да и солоноватость озерных вод свидетельствовала о том, что его вообще не существует; тем не менее некоторые ученые не исключали возможности того, что подобный водослив имеется на западной, не осмотренной путешественниками стороне озера и что он направлен в бассейн Нила — в озеро Кьога или Собат. Мнения о том, что Телеки и Хёнелем открыт «новый резервуар Нила», придерживался, в частности, бельгийский географ А. Ж. Востерс.

Особо следует подчеркнуть то значение, какое имела экспедиция Телеки для познания геологической структуры Африканского материка. Собранный ею материал послужил последним и решающим звеном в уже подобравшейся к тому времени цепи фактов, позволившей выдающемуся австрийскому геологу Эдуарду Зюссу в 1891 г. впервые наметить основные черты тектоники Восточной Африки, сформулировав концепцию «Великого африканского грабена»*.

Трансафриканское путешествие Стэнли 1887—1889 гг.

Во второй половине 80-х годов пристальное внимание мировой прессы привлекла судьба Эмина, губернатора Экваториальной провинции Судана, который вместе с большим контингентом египетских военнослужащих и чиновников оказался отрезанным от Египта махдистским восстанием. Для оказания помощи Эмину и другим европейцам, очутившимся в том же положении, было организовано несколько экспедиций; из них мы уже имели случай упомянуть неудачную экспедицию Фишера, посланную на поиски Юнкера.

Не достигла своей цели и экспедиция, предпринятая в

* Написанный Зюссом очерк сбросовой тектоники Восточной Африки вошел в качестве одного из разделов в коллективный труд «К геологическому познанию Восточной Африки», опубликованный в «Записках Академии наук Вены» в 1891 г. Раздел того же труда, посвященный орографии, был подготовлен Хёнелем.

1885 г. на средства Географического общества Вены Оскаром Ленцем в сопровождении австрийского топографа Оскара Бауманна и бывшего спутника Юнкера Фридриха Бондорфа. Поднявшись вверх по Конго до водопадов Стэнли, Ленц намеревался пройти отсюда на северо-восток, к Уэле и далее к верховьям Нила, но выяснил, что такое предприятие под силу только большому, хорошо вооруженному отряду, т. е. выше его возможностей. Тяжело заболевший Бауманн вынужден был вернуться к устью Конго, Ленц же с Бондорфом проследовали долиной Луалабы в Ньянгве и затем к Танганьике, чтобы попытаться проникнуть к нильским озерам через Руанду; однако и этот путь оказался сопряженным с большим риском, пойти на который Ленц не решился. Отказавшись от своих замыслов, он взял направление на Ньясу и в конце 1886 г. достиг устья Замбези. Это новое пересечение Африки было проделано уже известными путями и не привело к каким-либо открытиям, но все же способствовало углублению географических знаний о пройденных территориях; особо следует отметить весьма точную съемку нижнего и среднего течения Конго, выполненную Бауманном, и съемку Луалабы от водопадов Стэнли до Ньянгве — самим Ленцем. Немалую ценность для науки представили геологические наблюдения Ленца — первого геолога-профессионала, проникшего в глубь бассейна Конго*.

Вызволить Эмина в конце концов удалось Г. М. Стэнли, возглавившему большую экспедицию, организованную специально для этого созданным в Лондоне «комитетом спасения». В марте 1887 г. Стэнли прибыл к устью Конго и тремя месяцами позже — на станцию Ямбуя в нижнем течении Арувими. Отсюда был начат неимоверно тяжелый поход вверх по долине Арувими, через густой тропический лес, где почти невозможно было достать продовольствия. В начале декабря экспедиция покинула наконец лесную область и, перевалив через высокое травянистое плоскогорье, образующее водораздел между бассейнами Конго и Нила, вышла к озеру Альберт. Отсутствие средств переправы не позволило Стэнли форсировать эту водную преграду, и встретиться с Эмином он смог только в апреле 1888 г., когда тот, заслышав о приближении экспедиции, прибыл на западный берег озера на пароходе. Стэнли передал Эмину фирман хедива, извещавший его об отказе Египта от Экваториальной провинции, и поставил перед ним на выбор три предложения: либо идти вместе с ним на Занзибар, либо перейти на службу к бельгийскому королю и обеспечить присоединение Экваториальной провинции к «Независимому государству Конго»,

* Отчеты и картографические материалы Ленца и Бауманна опубликовались в «Сообщениях» Географического общества Вены.

либо, наконец, направиться к северо-восточным берегам озера Виктория и обосноваться там от имени незадолго до того созданной «Британской Восточноафриканской компании». Эмин в конце концов остановился на первом варианте, однако выступление в путь к восточному побережью задержалось на целый год. В апреле 1889 г. объединенный отряд Стэнли и Эмина покинул берега озера Альберт, двинулся вверх по долине Семлики и в июне прибыл к открытому Стэнли за 13 лет до этого озеру Мута-Нзиге, которое он теперь назвал именем английского наследного принца Альберта-Эдуарда (впоследствии, когда тот вступил на престол под именем Эдуарда VII, этот водоем стал значиться на картах как озеро Эдуард). Отсюда экспедиция направилась к Кагере, затем к озеру Виктория и далее к восточному побережью, которого и достигла в Багамоё в декабре 1889 г.

Это второе и последнее трансафриканское путешествие Стэнли, как и предыдущие его экспедиции, оказалось весьма плодотворным для географии. Основным научным результатом первого его этапа, связанного с бассейном Конго, явилось исследование реки Арувими (в верхнем течении носящей название Итури) от устья почти до самых ее истоков; при этом было фиксировано место впадения ее правого притока Непоко, посещенного в верховьях Юнкером, а также открыты и частично обследованы некоторые другие притоки (Эпулу, Ленда). Поход Стэнли вдоль Арувими представил немалый интерес еще и как первое в истории европейских исследований Африки пешеходное пересечение «великого леса Конго», до того затрагивавшегося маршрутами путешественников лишь по окраинам или пересекавшегося ими по рекам.

Еще большими достижениями ознаменовалась исследовательская деятельность Стэнли на втором этапе путешествия, в области нильских озер. Прежде всего следует назвать завершение открытия третьего по высоте горного массива Африки — Рувензори, виденного Стэнли в 1876 г. лишь издали. В непосредственной близости к Рувензори в разное время побывали Бейкер, Джесси, Мейсон и Эмин, но ни один из них не видел эту огромную снеговую гору, почти постоянно скрытую густой облачностью. Долго не удавалось увидеть снежную корону Рувензори и самому Стэнли при его посещениях озера Альберт в 1887—1888 гг. Открытие пришло лишь в конце мая 1888 г. «Тогда,— пишет Стэнли,— я в первый раз заметил на горизонте нечто вроде великолепного облака совершенно серебряного цвета, очертаниями и размерами похожего на громадную гору, покрытую снегом... Мне пришло в голову, что это вовсе не подобие горы, а настоящая огромная гора, вершина которой увенчана снегами... Тут только я догадался, что это должна быть Рувензори, та гора, о которой... рассказывали,

будто она покрыта каким-то белым металлом или веществом, твердым как камень».

Впоследствии Стэнли еще не раз довелось любоваться величественным зрелищем снежных вершин Рувензори, обойдя же этот горный массив с запада и юга на пути от озера Альберт к восточноафриканскому побережью, он смог составить достаточно полное представление об основных чертах его орографии. Путешественник не сомневался, что открыл те самые «Лунные горы», о которых когда-то сообщал Птолемей. Один из участников экспедиции Стэнли, английский лейтенант У. Дж. Стейрс, совершил в июне 1889 г. первое восхождение на Рувензори, поднявшись, по его вычислениям, до высоты 3245 м над уровнем моря и определив высоту ближайшего снегового пика (не самого высокого) в 4445 м. И Стэнли, и Стейрс ошиблись, приняв Рувензори за потухший вулкан (в действительности это кристаллический горст).

Важным географическим результатом экспедиции Стэнли явилось решение весьма занимавшей ученых проблемы Мута-Нзиге. После того как Джесси и Мейсон установили, что это озеро не может быть частью Альберт-Ньянзы, встал вопрос о том, к какому гидрографическому бассейну оно относится. Многие авторы допускали принадлежность его к системе Конго. Английский картограф Э. Г. Равенстейн на своей карте Восточной Африки дал ему сток на юг, в Танганьiku. Австрийский географ Й. Шаванн предполагал прямую связь Мута-Нзиге с Конго через Арувими или Лову; к последнему варианту первоначально склонялся и бельгийский географ А. Ж. Воктерс, в дальнейшем же, когда в Европу поступили сообщения о результатах исследований Стэнли на пути от Конго к озеру Альберт, он увидел сток Мута-Нзиге в реке Ленда, левом притоке Арувими. На фоне этих ошибочных предположений выделяется правильное теоретическое решение проблемы Мута-Нзиге, предложенное еще в 1886 г. немецким географом А. Кирхгоффом: он напомнил об открытой Мейсоном в 1877 г. реке, впадающей в озеро Альберт с юга, и высказал мысль о том, что именно она и является стоком Мута-Нзиге, которое, таким образом, должно представлять собой еще один резервуар Нила. Стэнли полностью подтвердил гипотезу Кирхгоффа, установив связь озера Эдуард с озером Альберт через Семлики. Исследовать само озеро сколько-нибудь детально ему, впрочем, не удалось и на этот раз: он видел только северный его берег, причем в крайне неблагоприятных для съемки условиях (постоянные туманы). Если на карте, явившейся результатом его трансафриканской экспедиции 1874—1877 гг., размеры этого водоема были значительно преувеличены, то теперь он, наоборот, несколько их преуменьшил; при этом он по-прежнему остался в неведении относительно само-

стоятельного существования озера Джордж и показал его на своей карте, как и раньше, в качестве залива озера Эдуард.

Дальнейший путь Стэнли к побережью Индийского океана ознаменовался еще двумя важными географическими результатами: была существенным образом уточнена конфигурация среднего течения Кагеры (обнаружена описываемая рекой крутая излучина) и открыт неизвестный до того юго-западный залив озера Виктория, получивший имя Эмина.

Книга Стэнли «В самой таинственной Африке», изданная в Лондоне в 1890 г. (в русском переводе — «В дебрях Африки»), отличается с научной точки зрения теми же недостатками, что и другие его сочинения; тем не менее в ней, по крайней мере местами, автор сумел подняться над обычным для него уровнем сенсационного репортажа и прийти к ряду интересных научных выводов и обобщений. Во многом справедливы, в частности, суждения Стэнли относительно геологической истории Западного рифта и лежащих на его дне озер; правильно дано объяснение «тепличного» характера долины Семлики (в связи с ролью Рувензори как экрана для влажных воздушных масс) и т. д. Многие страницы книги Стэнли — в особенности яркие описания тропического леса и снежных вершин Рувензори — стали впоследствии хрестоматийными.

**Колониальная экспансия Германии и Великобритании
в Восточной Африке и связанные с ней исследования.
Экспедиции Мейера, Эмина — Штульманна и Бауманна.
Открытие озера Киву Гётценом**

В конце 1884 г. Карл Петерс, Иоахим фон Пфайль и Карл Людвиг Юльке, представители только что основанного «Общества германской колонизации» (впоследствии переименованного в «Германское Восточноафриканское общество»), высадились на побережье Восточной Африки и за короткий срок заключили свыше десятка договоров о протекторате с вождями племен Усагары и соседних районов. Так было положено начало созданию крупнейшей африканской колонии Германии — Германской Восточной Африки. Одновременно к территориальным захватам в Восточной Африке приступили англичане: «Британская Восточноафриканская компания» установила контроль над участком побережья Индийского океана в районе Момбасы. Позднее, в 1890 г., был объявлен британский протекторат над Занзибаром. Граница между германской и британской сферами влияния была определена англо-германскими договорами 1886 и 1890 гг.; эта граница, в дальнейшем уточненная, отделяет ныне Танзанию от Кении и Уганды.

Из географических достижений первых лет германской ко-

лонизации Восточной Африки заслуживает упоминания исследование бассейна Руфиджи графом Иоахимом фон Пфайлем в 1885—1886 гг.; им была, в частности, впервые положена на карту большая часть течения реки Киломберо, западного истока Руфиджи. Он же в 1887 г. обследовал прибрежный район между Пангани на севере и Кингани (Руву) на юге. Отчеты и картографические материалы Пфайля были опубликованы в 1886—1888 гг. в «Сообщениях Петерманна».

Согласно упомянутым договорам, в пределах сферы германского влияния оказался горный массив Килиманджаро. Перед тем в этом районе пытались закрепиться англичане, для чего туда была направлена в 1884 г. экспедиция Гарри Хэмилтона Джонстона. Научным результатом ее было основательное изучение Килиманджаро — высотной поясности его ландшафтов, флоры и фауны, населения, хозяйственных возможностей; весь этот богатый материал вошел в книгу Джонстона «Экспедиция на Килиманджаро», изданную в Лондоне в 1886 г. Достичь высшей точки Килиманджаро ни Джонстону, ни Телеки и Хё-нелю тремя годами позже не удалось.

Право называться покорителем высочайшей горной вершины Африки завоевал немецкий путешественник Ганс Мейер. Далось ему это не сразу. Первая попытка восхождения на Килиманджаро, сделанная Мейером в июле 1887 г., привела его почти к самому краю кратера Кибо, но из-за отсутствия альпинистского снаряжения он не смог одолеть преградившую ему путь 40-метровую ледяную стену. Во втором восточноафриканском путешествии, которое Мейер предпринял в 1888 г. совместно с австрийским топографом Оскаром Бауманном (бывшим спутником О. Ленца), ему вообще не удалось добраться до Килиманджаро: охватившее край арабо-суахилийское восстание против германского владычества заставило путешественников вернуться с полдороги на побережье. Эта экспедиция, описанная Бауманном в книге «В Германской Восточной Африке во время восстания» (Вена, 1890), не прошла тем не менее без пользы для географии: важным результатом ее явилась точная съемка гор Усамбара.

На следующий год Мейер в сопровождении австрийского альпиниста Людвиг Пуртцеллера снова отправился на штурм заоблачных высот Килиманджаро и на этот раз добился полного успеха. 6 октября 1889 г. Мейер и Пуртцеллер достигли высшей точки массива на южном краю кратера Кибо; абсолютная высота ее была определена в 6010 м (эта цифра фигурировала во всех энциклопедиях и справочниках более полувека, позднее же более точные измерения «понизили» вершину Килиманджаро до 5895 м). «Я могу, наконец, по знаменитому примеру сообщить вам: «С Килиманджаро все в порядке», — писал Мейер после этого восхождения немецкому геог-

рафу Ф. Ратцелю. Он поднялся и на восточную, менее высокую вершину Килиманджаро — Мавензи. Эти спортивные достижения сопровождалась тщательной съемкой, научными наблюдениями — геологическими, геоморфологическими, гляциологическими, ботаническими, зоологическими и т. д.

В 1898 г. Мейер вновь побывал на Килиманджаро и обошел весь этот горный массив, в том числе практически неизвестные тогда северные и западные его склоны. Особое внимание он уделил вулканологическим и гляциологическим исследованиям. Мейер впервые пролил свет на динамику современного оледенения Килиманджаро, установив общую тенденцию к отступанию ледников. Написанные на высоком научном уровне книги Мейера — «К снежному куполу Килиманджаро» (Берлин, 1888), «Восточноафриканские ледниковые экспедиции» (Лейпциг, 1890), «Килиманджаро» (Берлин, 1900) — явились ценным обогащением мировой литературы об Африке, и выдержки из них до сих пор охотно используются составителями географических хрестоматий.

После подавления арабо-суахильского восстания 1888—1889 гг. (этим занимался Герман фон Виссманн, назначенный имперским комиссаром в Германскую Восточную Африку) немцы приступили к оккупации вошедших в их сферу влияния внутренних областей. Первым шагом в этом направлении была организованная в 1890 г. военная экспедиция во главе с Эмином-пашой, который вскоре по прибытии с верховьев Нила на восточное побережье поступил на немецкую службу. Дойдя с боями до Таборы и овладев этим ключевым центром, Эмин направился на север и занялся колонизационной деятельностью в районе озера Виктория. По всему пути следования экспедиции велась тщательная маршрутная съемка, позволившая, в частности, уточнить конфигурацию южных и западных берегов Виктории. Некоторый вклад в исследование того же района был одновременно внесен немецким миссионером Шинзе, обошедшим в начале 1891 г. посуху юго-западную оконечность озера и довольно точно заснявшим береговую линию (карта Шинзе была опубликована в том же году в «Сообщениях Петерманна»).

В феврале 1891 г. Эмин в сопровождении немецкого зоолога и этнографа Франца Людвиг Штульманна выступил из Букобы на озере Виктория в западном направлении, намереваясь проникнуть в бывшую Экваториальную провинцию Судана и завладеть ею для Германии, а затем попытаться разведать путь оттуда в Камерун. Немецкие путешественники вышли к озеру Эдуард и установили, что оно простирается дальше к югу, чем предполагал Стэнли; ими были открыты питающие озеро реки Ручуру и Рвинди. По пути Штульманн имел возможность запеленговать высшие на юге вулканические конусы Мфум-

би́ро (Вирунга), причем обнаружилось, что эти горы, ранее значившиеся на картах как компактный массив, в действительности образуют широтно ориентированную цепь.

Обойдя озеро Эдуард с юга и запада, Эмин и Штульманн подтвердили факт выхода из него реки Семлики и, переправившись через нее, достигли подножия Рувензори. В июне 1891 г. Штульманн поднялся на этот горный массив до высоты более 4000 м, немного не дойдя до границы вечных снегов; восхождение это принесло ценные сведения о высотной поясности растительности и о геологическом строении Рувензори (обнаружив несостоятельность предположения Стэнли о его вулканической природе).

Продолжая путь на север, Эмин и Штульманн поднялись из долины Семлики на западный борт рифта, проникли в область верховьев Итури и существенно дополнили данные Стэнли об этом районе. Попытка Эмина продвинуться дальше на север, в направлении истоков Уэле, успехом не увенчалась. В дальнейшем экспедиция разделилась: Штульманн двинулся обратно на юг и восток и в феврале 1892 г. вернулся в Букобу, а оттуда в Багамойо, Эмин же направился на запад, к Конго, и в октябре 1892 г. был убит.

Экспедиция Эмина — Штульманна доставила чрезвычайно обширный материал точных путевых съемок, а также богатые этнографические, зоологические и ботанические коллекции. Книга Штульманна «С Эмином-пашой в сердце Африки» (Берлин, 1894) заняла видное место в научной литературе об Африке; как источник этнографических сведений она представляет интерес и поныне.

Крупный вклад в исследование Восточной Африки внес в начале 90-х годов Оскар Бауманн. В 1890 г., действуя по заданию «Германского Восточноафриканского общества», он завершил начатую им совместно с Мейером съемку гор Усамбара и Паре и в следующем году опубликовал обстоятельную монографическую характеристику этого района. В январе 1892 г. Бауманн выступил из Танги в новое путешествие, имевшее основной целью разведку кратчайшего пути от этого порта к озеру Виктория. Достигнув района Килиманджаро — Меру, он направился отсюда на запад через северную часть «Степи Масаи» и в начале марта вышел к известному европейцам лишь по расспросным данным соленому озеру Маньяра — самому южному звену озерной цепочки Восточного рифта. К северо-западу от Маньяры им была открыта огромная кальдера Нгоронгоро, а еще западнее — крупное боковое ответвление грабена с лежащим на дне его большим соленым озером Эяси, о котором до того вообще ничего не было известно. Через водораздельное плато Серенгети Бауманн дошел до озера Виктория, заснял его юго-восточное побережье, а затем,

совершив круговой маршрут в южном направлении, снова побывал у озера Эяси и установил, что именно в этом бессточном водоеме заканчивается открытая Стэнли и частично обследованная Фишером река Вембере-Сибити.

Новый этап исследовательской работы Бауманна начался в августе 1892 г., когда он двинулся от южной оконечности Виктории на запад, в направлении Бурунди и Руанды. Австрийский путешественник открыл две из трех рек, образующих Кагеру,—Рууву и Аканьяру, а также, основываясь на расспросных данных, схематично нанес на карту третью из них—Ньяварунгу. Он обследовал участок водораздела Нил—Конго, отделяющий бассейн Кагеры от бассейна Танганьики, и посетил исток Рууву, который, по его мнению, и должен был считаться истинным истоком Нила. Тут не обошлось без апелляции к Птолею: один из аргументов Бауманна заключался в том, что гористая местность у истока Рууву носит название Мисози-а-Мвези, т. е. «Лунные горы».

От истока Рууву Бауманн направился на юг, побывал у северной оконечности Танганьики, затем, повернув на юго-восток, прошел недалеко от истока Рувиронзы, правого притока Рууву, и через область верховьев Малагараси достиг Таборы. В дальнейшем он вновь побывал на озере Маньяра, после чего пересек «Степь Масаи» более южным путем, чем в первый раз, и закончил свое путешествие в феврале 1893 г. в Пангани на берегу Индийского океана. По материалам его съемок Б. Хассенштейн составил четырехлистную карту масштаба 1:600 000, помещенную в приложениях к «Сообщениям Петерманна» за 1894 г. В том же году в Берлине вышла в свет книга Бауманна «Через страну масаи к истоку Нила». В последние годы своей жизни (он умер в 1899 г. в возрасте 35 лет) Бауманн, занимая пост австро-венгерского консула в Занзибаре, много сделал для изучения островов Занзибар, Пемба и Мафия.

Картографические данные Штульманна и Бауманна о районах, прилегающих к озеру Виктория с юго-востока, юга и юго-запада, были дополнены в 90-х годах немецкими офицерами Шпрингом, Швейницем, Вертером и другими. Особо отметим исследование немецкого зоолога О. Нейманна, охватившего в 1893—1895 гг. своими маршрутами северо-восток современной Танзании, запад Кении и часть Уганды.

Крупными географическими достижениями ознаменовалось трансафриканское путешествие графа Густава Адольфа фон Гётцена. Этот немецкий офицер, выступив в декабре 1893 г. из Пангани, дошел в мае следующего года до Кагеры, пересек ее бассейн более северным путем, чем Бауманн, открыл западный исток Кагеры—Ньяварунгу и, перевалив через гористый водораздел Нил—Конго, вышел на обширную лавовую

равнину, полого понижающуюся от подножия вулканов Вирунга к большому озеру Киву. Так было открыто последнее из Великих озер Восточной Африки, все еще оставшееся к тому времени неизвестным европейцам (или, точнее, известным лишь понаслышке). Одновременно Гётцен стал первоисследователем вулканов Вирунга, которые все его предшественники наблюдали только издали. Из восьми больших вулканов он видел пять: три самых восточных конуса остались в стороне от его маршрута, но они уже значились на карте Штульмана. Гётцен совершил восхождение на действующий вулкан Ньирагонго и осмотрел его кратер, после чего обошел на пираге северную часть озера Киву. Перевалив через высокий западный борт грабена, немецкий путешественник спустился в долину Ловы и, следуя большей частью вдоль этой реки, достиг Луалабы. В конце 1894 г. он прибыл к устью Конго. Свое путешествие Гётцен описал в книге «Через Африку с востока на запад» (Берлин, 1899).

Пополнению географических знаний о территории, непосредственно прилегающей к северной оконечности озера Ньяса, способствовала развернувшаяся здесь с 1891 г. деятельность немецких миссионеров, а затем — колонизационная деятельность Г. фон Виссмана, посетившего этот район в начале 1893 г. Богатый съемочный материал доставила военная экспедиция 1893—1894 гг. под начальством генерал-губернатора Германской Восточной Африки барона Фридриха фон Шеле, достигшая Ньясы по долине Киломберо и далее через горы Ливингстона; обратный путь ее прошел напрямик на восток от северного конца озера на Килву. Участвовавший в этой экспедиции геолог Г. Лидер вернулся на побережье более южной дорогой, параллельно течению Рувумы. Площадь «белых пятен» на юге современной Танзании с тех пор значительно сократилась. В дальнейшем, во второй половине 90-х годов, их ликвидацией занимались немецкие офицеры Принс, фон Приттвиц, Энгельхардт, Глаунинг и другие, а также геолог В. Борнхардт (в числе его публикаций отметим обобщающую работу «О строении поверхности и геологии Германской Восточной Африки», изданную в Берлине в 1900 г.).

На озере Руква впервые после Дж. Томсона и Э. Кайзера побывали в 1889 г. англичане Г. Х. Джонстон и Д. Керр Кросс, достигшие его со стороны Ньясы и установившие, что оно простирается на юг значительно дальше, чем принято было считать. С середины 90-х годов район Руквы, неоднократно посещал английский охотник-спортсмен Л. Уоллес; он первым обошел это озеро кругом и определил его размеры. Побывавший у северной оконечности Руквы в 1897 г. немецкий капитан Лангхельд обнаружил на месте озера травянистую равнину; так было выяснено, что в маловодные годы Руква может

почти полностью пересыхать. В 1898 г. территория между Ньясой и Танганьикой стала ареной геодезических работ англо-германской демаркационной комиссии, в которой английская сторона была представлена капитанами Ч. Ф. Клозом и Ф. Ф. Р. Буало, а немецкая — капитаном Германном.

Исследование западной части современной Танзании, а также Бурунди и Руанды во второй половине 90-х годов было связано в первую очередь с колонизационной деятельностью капитана Г. Рамзая (перед тем участвовавшего в экспедиции Шеле на Ньясу) и других немецких офицеров. Рамзаем была заснята, в частности, соединяющая озеро Киву с Танганьикой река Рузизи. В те же годы научным исследованием озер Западного рифта, от Танганьики на юге до Альберта на севере, занималась английская экспедиция Дж. Э. С. Мура, уделявшая наибольшее внимание изучению водной фауны; М. Фергюссон, топограф этой экспедиции, уточнил положение Танганьики по долготе. Дополнительные данные о зоне Западного рифта принесла английская экспедиция Э. С. Грогана и А. Шарпа, пересекая в 1898—1900 гг. Африку с юга на север, от Кейптауна до Каира. Немец Р. Кандт подготовил к началу 1900-х годов детальную карту озера Киву. Большое картографическое значение имели также проведенные в 1900-х годах работы по демаркации границы между «Независимым государством Конго» и восточноафриканскими владениями Германии и Великобритании. Научному исследованию вулканов Вирунга положил начало в 1911 г. покоритель Килиманджаро Г. Мейер, а бельгиец Л. Стаппер составил в 1912—1913 гг. первую батиметрическую карту Танганьики, причем обнаружил, что максимальная глубина озера достигает 1435 м (в настоящее время промерена несколько бо́льшая глубина—1470 м).

Первым значительным исследовательским предприятием на территории современной Кении после путешествия Телеки и Хёнеля была экспедиция агента «Британской Восточноафриканской компании» Дж. Р. У. Пиготта: в 1889 г. он поднялся вверх по реке Тана, обследовал неизвестное до того европейцам среднее течение и прошел оттуда на юго-запад, к верховьям Галаны. Верхнее течение Таны было частично разведано Карлом Петерсом в его путешествии 1889—1890 гг., официальной целью которого было оказание помощи Эмину-паше, фактической же — установление германского протектората над Бугандой (в чем Петерс, однако, не преуспел). В 1891 г. рекогносцировку Таны завершил представитель «Британской Восточноафриканской компании» капитан Ф. Дж. Дандас, поднявшийся по этой реке на пароходе до крайнего предела судоходства и затем прошедший ее берегом почти до истоков.

Два других агента той же компании — Ф. Дж. Джексон и Э. Гедж — совершили в 1889—1890 гг. путешествие в Буганду.

Они разведали новый для европейцев прямой путь от озера Найваша к северо-восточной оконечности озера Виктория, затем обошли с востока и севера массив Элгон и первыми поднялись на его вершину; ими была открыта группа небольших озер, расположенных к северо-западу от Элгона. Вслед за ними в конце 1890 г. в Буганду прибыл и заключил с ее королем договор о протекторате видный английский колониальный деятель Фредерик Лугард. Последующие поездки его по территории Уганды (с целью заключения новых договоров, организации опорных баз и т. п.) сопровождались съемочными работами, связавшими воедино маршрутные съемки Спика, Стэнли, Юнкера, Эмина и других его предшественников. Лугард первым обошел Рувензори с восточной стороны и установил отсутствие сколько-нибудь значительных горных вершин к востоку от этого массива; именно тогда обнаружилось, что открытая Стэнли в 1876 г. вершина Гордон-Беннет и Рувензори — одна и та же гора (до того предполагалось, что Гордон-Беннет лишь один из «передовых бастионов» Рувензори). Съемки Лугарда позволили уточнить очертания озера Джордж, которое он, впрочем, продолжал считать заливом озера Эдуард. Факт самостоятельного существования озера Джордж был впервые установлен французами Версепюи и де Романом, пересекшими Африку от Занзибара до устья Конго в 1895—1896 гг.

В 1892 г. под руководством Ч. Смита были проведены триангуляционные работы вдоль границы между британскими и германскими владениями в Восточной Африке на участке от устья реки Умба до района Килиманджаро; демаркация остальной части границы была закончена в 1900-х годах. Обширные съемочные работы на территории современной Кении были выполнены в 1892 г. экспедицией «Британской Восточноафриканской компании» под начальством Дж. Р. Л. Макдоналда и Дж. У. Прингла. Позднее, в 1897—1898 гг., Макдоналд возглавил британскую военную экспедицию в Уганду, научным результатом которой явилась густая сеть съемок, покрывшая территорию от озера Эдуард на юго-западе до гор Лотуко на севере и озера Рудольф на востоке. К числу принципиально важных с географической точки зрения достижений этой экспедиции относится установление очертаний озера Кьога, до того значившихся на картах крайне схематично. Более или менее значительный вклад в исследование Уганды сделали в 90-х годах Дж. Г. Портал, С. Ванделер и другие английские офицеры и колониальные деятели, а также некоторые миссионеры (отметим, в частности, съемку островов Сесе на озере Виктория, выполненную французским миссионером Браром).

Район к северу от среднего течения Таны обследовала в 1892—1893 гг. охотничья экспедиция состоятельного американца Астора Чэнлера, в которой участвовал известный австрий-

ский путешественник Л. фон Хёнель; важнейшим результатом была съемка реки Эвуасо-Нгиро до места впадения ее в болото Лориан. Фундаментальный вклад в изучение природы, и в первую очередь геологической структуры, Восточного рифта на территории Кении внес в 1892—1893 гг. английский геолог Джон Уолтер Грегори, научный сотрудник Британского музея, описавший свое путешествие в книге «Великая рифтовая долина» (Лондон, 1896). Более южный участок рифта исследовал в 1896 г. немецкий геолог А. Кайзер.

В числе изученных Грегори географических объектов была и гора Кения, однако достичь высшей ее точки он не смог. Не удалось это и немецкому путешественнику Георгу Кольбу, штурмовавшему Кению вслед за Грегори. Только в сентябре 1899 г. вершина Кении была наконец покорена Х. Дж. Маккиндером, профессором географии Оксфордского университета (сообщение об этом восхождении было опубликовано в «Географическом журнале» в 1900 г.). Высоту Кении Маккиндер определил в 5240 м (по современным данным — 5199 м).

Основы научных знаний о природе третьего по высоте горного массива Африки — Рувензори — заложила состоявшаяся в 1894 г. экспедиция Королевского Географического общества под руководством Дж. Ф. Скотт-Эллиота, высшей же точки этого массива — пика Маргариты (5109 м) — впервые достигла в 1906 г. итальянская альпинистская экспедиция Луиджи Савойского, герцога Абрुццского.

На рубеже XIX и XX вв. уже был накоплен достаточный материал для создания весьма детальных карт большинства территорий Восточной Африки. Так, в 1901 г. в Лондоне была опубликована карта Уганды масштаба 1:633 600, а немецким картографом Р. Кипертом еще в 1890-х годах было начато издание отдельных листов карты Германской Восточной Африки масштаба 1:300 000.

Заканчивая обзор истории исследования Восточной Африки, уместно сказать несколько слов о вновь возникшей в рассматриваемый период проблеме истоков Нила. Если Бауманн, как уже говорилось, считал главным истоком Кагеры, а следовательно, и Нила реку Руву, то Рамзай склонен был отводить эту роль Аканьяру, а другой немецкий исследователь бассейна Кагеры, фон Трота — Ньяварунгу. Р. Кандт, наиболее основательно изучивший этот вопрос, также высказался в пользу Ньяварунгу, причем уточнил, что главным истоком этой реки следует в свою очередь считать реку Рукарара.

В настоящее время установлено, что исток Рукарары действительно является наиболее удаленной от устья Нила — считая по течению реки — точкой его гидрографической системы. Именно от истока Рукарары дается отсчет длины Нила, приводимой в энциклопедиях и других справочных изданиях

(6671 км). Существует вместе с тем мнение, согласно которому главным следует считать самый южный, т. е. наиболее удаленный от устья по меридиану, исток Нила. Это ручей Касумо, принадлежащий к системе Рувиронзы, правого притока Рувуу. Исток Касумо был открыт в 1938 г. немцем Б. Вальдеккером.

Исследования Северо-Восточной Африки в последней четверти XIX — начале XX в.

«70—90-е годы знаменуют собой новый этап в отношениях европейских держав с Эфиопией. В 1869 г. был открыт Суэцкий канал, и все территории, прилегающие к этой важнейшей морской коммуникации, приобрели большую стратегическую значимость. В эти годы в Эфиопии, как и в других странах Африки, европейские колонизаторы резко активизировали свои действия»*. Наибольший интерес к Эфиопии проявляли Италия и Франция, уже успевшие закрепиться на морских подступах к этой стране: французы еще в 1862 г. завладели портом Обок в заливе Таджура, а итальянцы в 1869 г. — красноморским портом Ассаб.

Активному проникновению итальянцев в Эфиопию положила начало экспедиция Итальянского Географического общества во главе с известным ученым-орнитологом Орацио Антинори, прибывшая из Зейлы в Анкобер, столицу Шоа, в 1876 г. С разрешения шоанского негуса Менелика (будущего императора Эфиопии Менелика II) близ Анкобера была основана станция Лет-Марефья, ставшая главной базой этой и последующих итальянских экспедиций в Эфиопию. Антинори оставался здесь до самой смерти (он умер в августе 1882 г., на 71-м году жизни), сочетая дипломатическую деятельность с научной. Преклонный возраст и полученное им тяжкое увечье (в результате несчастного случая он потерял руку) ограничили территориальный размах его исследований; тем не менее его поездки по Шоа и соответствующие публикации в «Бюллетене Итальянского Географического общества»** принесли немало новых сведений об этой части Эфиопии, в особенности о ее фауне.

Двое участников той же экспедиции — флотский офицер Антонио Чекки и инженер Джузеппе Кьярини, — начав со сравнительно небольших по протяженности маршрутов по территории Шоа, предприняли в 1878 г. путешествие в Каффу, где до того побывали из европейцев только братья Аббади и миссионер Массая. Пройдя из области верховьев Аваша в бассейн Омо, итальянские исследователи вышли к северным рубе-

* «История Африки в XIX — начале XX в.». М., 1967, стр. 256—257.

** В том же журнале публиковались сообщения большинства других итальянских путешественников, упоминаемых в этом разделе.

жам Каффы в районе истоков Годжеба, правого притока Омо, и достигли водораздела между этой рекой и притоками Собата. В области Гера к северу от Каффы, в свое время явившейся ареной миссионерской деятельности Аваншера, они были задержаны как вражеские лазутчики. Къярины там и умер (в октябре 1879 г.), Чекки же, пробыв в плену больше года, был в конце концов освобожден благодаря вмешательству правителя Годжама Тэкле Хайманота и вернулся в Анкобер кружным путем через Дебра-Маркос, столицу Годжама, и Дебра-Табор, резиденцию императора Иоанна IV.

Это путешествие, закончившееся в 1881 г. и описанное Чекки в трехтомном труде «От Зейлы до границы Каффы» (Рим, 1886—1887), дало богатый съемочный материал, существенным образом пополнило знания о природе и населении южной части Эфиопского нагорья, но не разрешило каких-либо серьезных географических проблем, в том числе ключевой для данного района — проблемы Омо. Наметив принципиальную схему гидрографической системы Омо, Чекки подтвердил данные Аваншера о том, что эта река не имеет отношения к Нилу, но по существу и не прибавил к ним ничего нового: как и Аваншер, он ошибочно полагал, что Омо является верховьем впадающей в Индийский океан Джубы.

Предпринятая в 1877 г. итальянцами Ромоло Джесси (исследователем озера Альберт) и Пеллегрини Маттеуччи попытка проникнуть в Каффу со стороны Египетского Судана вдоль Голубого Нила и Тумата закончилась неудачей. Большого успеха добился на том же направлении голландский путешественник Хуан Мария Скувер (Шувер) в 1881 г. Он тоже не добрался до Каффы, но все же продвинулся на юг значительно дальше своих предшественников и заснял область истоков Тумата и Дабуса, левых притоков Голубого Нила, и Ябуса, сообщающегося через болото Мачар с Белым Нилом и Собатом; с водораздельных высот между бассейнами Голубого Нила и Собата, несколько западнее вершины Тулу-Валлель, он смог первым из европейцев бросить взгляд на долину Баро — самой многоводной из рек, образующих Собат. В дальнейшем Скувер занялся исследованием правобережья Голубого Нила к востоку от Фамаки, после чего через Хартум направился на Бахр-эль-Газаль, где и погиб в 1883 г. Путевые заметки и картографические материалы этого способного исследователя публиковались в «Сообщениях Петерманна» и в приложениях к этому журналу в 1882—1884 гг.

Маттеуччи, врач по образованию, в 1879 г. вновь побывал в Эфиопии, на этот раз в качестве представителя основанного в Милане «Общества коммерческого исследования Африки». В этом путешествии, начавшемся в порту Массава, он посетил северные и центральные районы Эфиопского нагорья, уделив

наибольшее внимание изучению провинции Годжам (главным образом под углом зрения выявления ее экономических возможностей); полученные результаты были обобщены им в книге «В Абиссинии» (Милан, 1880). После того как Маттеуччи отбыл обратно в Италию*, его спутник Дж. Бьянки еще некоторое время путешествовал по Годжаму, Шоа и сопредельным областям; именно его дипломатическим маневрам был в конечном счете обязан своим освобождением из плена Чекки. Бьянки довелось повидать мало известные европейцам районы, однако научный уровень его записок об этом путешествии, изданных в Милане в 1883 г. под заглавием «В земле галла», был признан критикой весьма невысоким.

К экспедиции Антинори в 1879 г. примкнул П. Антонелли, вскоре ставший одним из наиболее энергичных проводников итальянской политики в Эфиопии. «Итальянская дипломатия в лице графа Антонелли, — писал впоследствии русский путешественник А. К. Булатович, — деятельно работала в это время, чтобы посеять раздор и междоусобия в стране». В историю исследования Эфиопии Антонелли вписал свое имя тем, что в 1883 г. первым из европейцев пересек Данакильскую пустыню с целью разведки прямого пути из Ассаба в Анкобер и обследовал район низовьев Аваша. До него ту же задачу пытался выполнить в 1881 г. Дж. М. Джульетти, которому это предприятие стоило жизни: отойдя лишь на небольшое расстояние от побережья, он был убит. Позднее, в 1884 г., его участь разделил Бьянки, который, вновь прибыв в Эфиопию, попытался пересечь Данакильскую пустыню с запад на восток более северным путем, чем Антонелли.

В 1880—1881 гг. в Эфиопии во второй раз побывал Герхард Рольфс, посланный германским кайзером Вильгельмом I с дипломатическим поручением к императору Иоанну IV; географические результаты этого последнего его большого африканского путешествия, описанного им в книге «Моя миссия в Абиссинии» (Лейпциг, 1883), были довольно скромными, так как он двигался уже известными европейцам путями. Большее значение имела исследовательская деятельность его спутника — чеха Антонина Штеккера, оставшегося в Эфиопии после отъезда Рольфса на родину и в 1881 г. выполнившего тщательную съемку озера Тана, контуры которого до того значились на картах с большими искажениями. В следующем году Штеккер

* В 1880—1881 гг. Маттеуччи вместе с другим итальянцем, Альфонсо Массари (впоследствии занимавшимся исследованиями в бассейне Конго), совершил путешествие через всю Африку от Суакина на Красном море до устья Нигера, через Дарфур, Вадан и Борну, и вскоре по возвращении из него умер. Существенного научного значения этот трансафриканский маршрут не имел, так как проходил уже известными европейцам путями.

направился из Годжама на юг, переправился через Голубой Нил и проник в область междуречья его левых притоков Гудера и Финджара. Здесь он очутился посреди театра военных действий между шоанским негусом Менеликом и годжамским — Тэкле Хайманотом. Заподозренный Менеликом в шпионаже в пользу его врага, Штеккер был арестован и препровожден в Шоа, где, впрочем, его вскоре освободили; этот переход дал ему возможность познакомиться с еще очень малоизвестной в то время областью водораздела между Гудером, Омо и Авашем. В последующих маршрутах Штеккер проник к югу от Шоа, первым из европейцев посетил озеро Звай (перед тем его видел Чекки, но только издали) и обнаружил, что к югу от него на дне сбросовой впадины находится по крайней мере еще одно озеро (фактически — целая группа озер). В середине 1883 г. Штеккер вернулся в Массаву, побывав на обратном пути в некоторых еще не посещавшихся европейцами районах на восточной окраине Эфиопского нагорья. Краткие отчеты Штеккера о проделанных исследованиях и часть его картографических материалов (в том числе карта озера Тана) были опубликованы в «Сообщениях Африканского общества в Германии» и других периодических изданиях, подготовить же обстоятельный труд об этом путешествии ему помешала преждевременная смерть (в 1887 г., в возрасте 33 лет). Отдельные извлечения из его путевых дневников увидели свет в «Сообщениях Петерманна» в 1891 г.

Некоторый вклад в изучение восточной части Эфиопского нагорья внес в 1881 г. француз А. Раффре. На следующий год из Обока в Анкобер прибыл его соотечественник Поль Солейе, совершивший до того несколько путешествий в Сахару, теперь же выступавший как представитель «Общества французских факторий Персидского залива и Восточной Африки» и занимавшийся в основном установлением торговых контактов. В конце 1882 — начале 1883 г. он совершил поездку в Каффу, позволившую ему составить довольно хорошее представление об этом все еще очень мало известном европейцам древнем феодальном государстве, конец самостоятельного существования которого был уже не за горами. Описание своего путешествия Солейе опубликовал в «Бюллетене Нормандского географического общества», позднее же выпустил отдельной книгой под заглавием «Обок, Шоа, Каффа» (Париж, 1886). Его наблюдения представляют наибольший интерес с историко-этнографической точки зрения, для географии же им было сделано немного.

Из других французских исследователей Эфиопии первой половины 80-х годов заслуживает упоминания горный инженер А. Обри, который, находясь на службе того же «Общества французских факторий», охватил в 1883—1885 гг. своими маршрутами обширную территорию от берегов залива Таджура на

востоке до Каффы на западе; им были засняты, в частности, притоки Голубого Нила — Мугер и Джамма. Особенно полезными для науки были его геологические наблюдения, явившиеся ценным дополнением к более ранним наблюдениям Бланфорда на севере Эфиопии. Комментируя результаты исследований Обри, опубликованные в «Бюллетене Геологического общества Франции» за 1885/86 г., редактор «Сообщений Петерманна» А. Зупан отметил: «Теперь мы можем сказать, что геологическое строение Абиссинии в основных его чертах нам известно».

В результате завоевательных походов шоанского негуса Менелика в течение 80-х годов к его владениям было присоединено большинство ранее самостоятельных мелких феодальных государств южной части Эфиопского нагорья. Это «собирание» эфиопских земель под своим скипетром Менелик с удвоенной энергией продолжил, став в 1889 г. после смерти Иоанна IV императором Эфиопии. Благодаря дальновидной и решительной внутренней и внешней политике Менелика, включавшей умелое использование противоречий между империалистическими державами, Эфиопия смогла в эпоху колониального раздела Африки не только отстоять независимость, но и значительно раздвинуть свои государственные границы. Для нас важно подчеркнуть, что распространение власти Менелика на все большую и большую территорию объективно способствовало географическим исследованиям страны: европейским путешественникам — во всяком случае тем из них, кто вел себя достаточно лояльно, — открывался более или менее свободный доступ в те районы, куда раньше можно было проникнуть лишь с большими трудностями и зачастую с риском для жизни.

В состоявшейся в конце 1886 — начале 1887 г. военной экспедиции шоанского негуса в Харар, завершившейся покорением этого некогда могущественного мусульманского эмирата, принял участие итальянец В. Рагацци, ставший руководителем станции Лет-Марефья после смерти Антинори; в этом походе он первым из европейцев познакомился с юго-восточными краевыми поднятиями Эфиопского грабена (горы Гугу, Амар и др.), образующими водораздел между Авашем и Веби-Шебели. Вторым европейцем, проникшим примерно тем же путем из Шоа в Харар, был французский коммерсант (и выдающийся поэт, к тому времени, однако, полностью отошедший от литературы) Артюр Рембо.

Довольно много новых сведений о землях галла к югу и юго-западу от Шоа было получено от итальянского военного врача Л. Траверси, также участвовавшего в походах Менелика, а наряду с ними предпринимавшего и самостоятельные маршруты. В 1886—1887 гг. Траверси посетил район истоков Аваши, озеро Звай и горное обрамление Эфиопского грабена по

обе стороны от него; он составил себе более полное, чем Штеккер, представление о группе озер, занимающих дно грабена на этом участке, и убедился в том, что они образуют единую гидрографическую систему, головным резервуаром которой является Эвай, но при этом впал в ошибку, предположив, что перед ним находятся истоки Веби-Шебели (в действительности эта озерная группа стока в океан не имеет). В конце 1887 г. Траверси побывал в области Джимма и с вершины горы Майгудо смог окинуть взглядом часть среднего течения Омо. Из рассказов местных жителей у него сложилось впечатление, что эта река в дальнейшем отклоняется на восток; в отличие от Аваншера и Чекки, он не склонен был связывать ее с системой Джубы, но допускал, что она может впадать в озеро Аббала (так называлось на картах того времени крупнейшее из озер Эфиопского грабена — Абая, известное европейцам понаслышке).

Более достоверные сведения об Омо принес французский путешественник Жюль Борелли, опубликовавший краткий отчет о своих исследованиях в «Докладах Парижского Географического общества» в 1889 г. и давший затем подробное их описание в книге «Южная Эфиопия» (Париж, 1890). Прибыв в Шоа в середине 1886 г., Борелли после длительного пребывания в Энтото (куда к тому времени была перенесена резиденция Менелика) и посещения только что завоеванного Харара совершил в конце 1887 — начале 1888 г. путешествие в Джимму. Он достиг места слияния Омо с Годжебом и проследил Омо еще на некоторое расстояние вниз по течению, приблизительно до $6^{\circ}30'$ с. ш., т. е. дальше, чем кто-либо из его предшественников; при этом оказалось, что река, придерживавшаяся вначале южного направления, далее действительно делает поворот, но не на восток, а на запад. Борелли был также первым европейцем, увидевшим (правда, только издали) озеро Абая. Предположение Траверси о том, что Омо впадает в это озеро, не подтвердилось: отклоняясь на запад, река могла только удалиться от него. Французскому путешественнику рассказывали, что Омо на самом деле заканчивается в озере, но не в этом, а в другом, лежащем гораздо дальше к югу и западу.

Сопоставляя информацию Борелли с собственными данными о впадающей в озеро Рудольф с севера реке Няням, Хенель в своей статье «О гидрографической принадлежности озера Рудольф», помещенной в «Сообщениях Петерманна» в 1889 г., пришел к выводу о том, что «в связи Омо с Нянямом невозможно сомневаться». На приложенной к этой статье карте характерная коленчатая конфигурация течения Омо передана удивительно верно. Таким образом, проблема Омо нашла правильное теоретическое решение еще в конце 80-х годов; однако для того, чтобы окончательно доказать справедливость этого решения, потребовалось еще почти десятилетие.

На севере Эфиопии и в прилегающих районах Судана особенно широкого поля деятельности для пионеров-исследователей в последней четверти XIX в. уже не оставалось, и проведенная здесь в рассматриваемый период работа свелась главным образом к выявлению отдельных деталей. Выше мы уже упоминали о съемке хора Барака В. В. Юнкером в 1876 г. Истоки этой пересыхающей реки были обследованы в 1882 г. английскими охотниками-спортсменами Гаскуаном и Мелладью. Некоторому обогащению карты пограничных областей Судана и Эфиопии способствовали многочисленные охотничьи экскурсии немецкого натуралиста Йозефа Менгеса (1876—1881 гг.) и путешествия агента миланского «Общества коммерческого исследования Африки» графа Луиджи Пеннацци (1880 и 1883 гг.). Нельзя, наконец, обойти вниманием детальные топографические съемки, которыми сопровождался захват Италией территории Эритреи (это название итальянская колония на побережье Красного моря получила в 1890 г.) *.

Исследование полуострова Сомали долгое время продвигалось вперед весьма медленными темпами. К началу рассматриваемого периода относятся съемки района мыса Гвардафуй, выполненные в 1878 г. по заданию египетского генерального штаба англичанином Грейвсом, и путешествия француза Жоржа Ревуаля, который посетил в 1877—1878 гг. — главным образом с целью изучения естественных ресурсов и возможностей развития торговли — ряд пунктов сомалийского побережья и более детально ознакомился с небольшой территорией к западу от мыса Гвардафуй. В 1880 г. Ревуаль возглавил научную экспедицию в Сомали, организованную французским министерством просвещения; выступив из Лас-Хоре на берегу Аденского залива, он перевалил через окаймляющие побережье горы Уарсанжели-Миджуртина, спустился в долину впадающей в Индийский океан пересыхающей реки Даррор (Джахель) и достиг подножия гор Каркар, после чего, вернувшись на побережье, еще раз побывал в районе мыса Гвардафуй. Им были определены координаты ряда точек и собрана обширная устная информация о соседних районах. Свои экспедиции Ревуаль описал в книгах «Путешествие на мыс Благоуханий» (Париж, 1880) и «Долина Даррор» (Париж, 1882). В 1883 г. он предпринял попытку достичь верховьев Джубы из Могадишо, но был остановлен сопротивлением коренного населения.

Целый ряд путешественников в 80-х годах пытался проникнуть в глубь Сомалийского полуострова с севера, из портовых городов Зейла и Бербера, которые с середины 70-х годов находились под контролем Египта, а в 1884 г. были оккупиро-

* Ныне Эритрея воссоединена с Эфиопией и является одной из ее провинций.

ваны англичанами, став главными центрами британского протектората Сомали. Особенно часто использовалось направление из Зейлы на Харар, но лишь немногим европейцам удалось продвинуться дальше этого последнего города. Среди них можно назвать итальянского купца Пьетро Саккони, связанного с «Обществом коммерческого исследования Африки»; в 1883 г. он проник из Харара далеко на юго-восток, в населенную сомалийцами область Огаден в бассейне Веби-Шебели, и там погиб. Упомянем еще совершившего успешную торговую поездку в Огаден в том же году грека Константина Сотироса. Для географии оба этих путешествия дали очень мало. Намного большее значение имела состоявшаяся в 1885 г. экспедиция австрийского охотника-спортсмена Доминика фон Хардеггера, в которой принял участие известный венский географ-африканист, чех по происхождению, Филипп Пауличке. Хотя эта экспедиция смогла продвинуться лишь на небольшое расстояние к югу от Харара (до селения Био-Вораба в верховьях Эррера, левого притока Веби-Шебели), научные итоги ее были весьма внушительными: была выполнена точная маршрутная съемка с астрономическими определениями координат и барометрическими измерениями высот, сделаны ценные физико-географические, геологические, метеорологические, этнографические наблюдения, собраны естественноисторические коллекции. Краткий отчет Пауличке о проведенных исследованиях был помещен сразу же после его возвращения из Африки в «Сообщениях Петерманна», позднее же он дал обстоятельное описание своего путешествия в книге «Харар» (Лейпциг, 1888). По материалам той же экспедиции Пауличке подготовил монографию «К этнографии и антропологии сомали, галла и харари» (Лейпциг, 1886); он опубликовал также (в «Сообщениях Императорско-королевского Географического общества Вены») геологическую карту исследованной территории и составленную на основе полученной им и его предшественниками устной информации карту верхней части бассейна Веби-Шебели*.

Восточную часть приморской области Губан между Берберой и Бульхаром исследовал в 1884 г. Йозеф Менгес, в своих охотничьих поездках доходивший на юг до краевых уступов гор Уарсанжели-Миджуртина; в 1892 г. он еще раз посетил тот же район, кое в чем дополнив свои более ранние наблюдения. Съемку западной части Губана — района Зейлы — выполнил в 1886 г. английский капитан Дж. Стюарт Кинг. Другой англичанин, майор Хит, прошел в 1885 г. из Харара в Бер-

* Кроме названных работ перу Пауличке принадлежит еще целый ряд публикаций по географии и этнографии Африки. Особо отметим его историко-географические труды: «Географическое исследование африканского континента с древнейших времен до наших дней» (Вена, 1880); «Литература об Африке за время с 1500 по 1750 г.» (Вена, 1882).

беру новым для европейцев путем — через Харгейсу и тоже тщательно его заснял. Картографические материалы этих исследователей нашли отражение в «Сообщениях Петерманна».

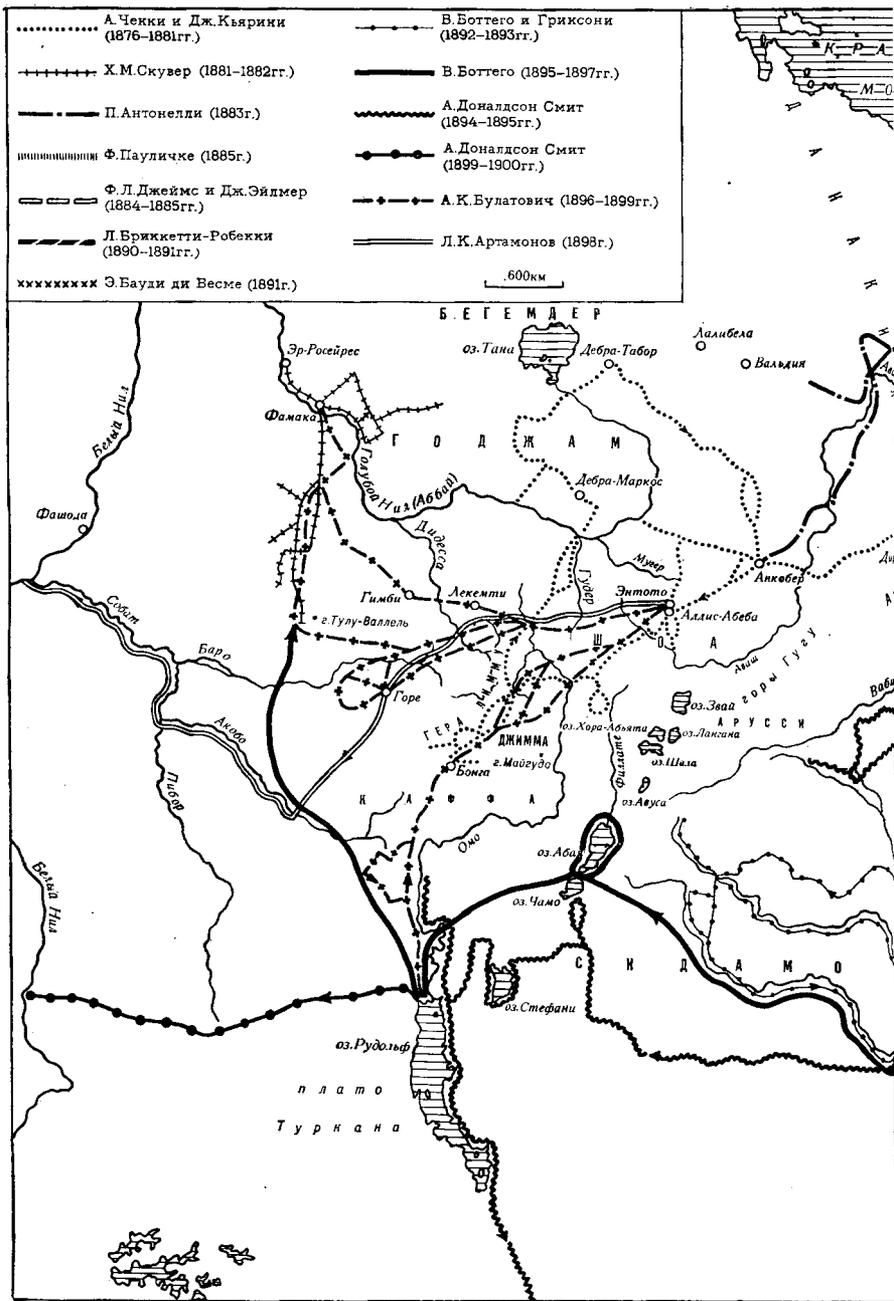
Гораздо дальше, чем всем их предшественникам, удалось проникнуть в глубь Сомалийского полуострова из Берберы английским охотникам-спортсменам братьям Ф. Л. и У. Д. Джеймс и Дж. П. В. Эйлмеру в конце 1884—начале 1885 г. Через горы Уарсанжели-Миджуртина они прошли к верховьям пересыхающей реки Туг-Дер, проследили ее до города Бурао, оттуда двинулись на юг через безводное плато Хауд и, оставив его позади, вышли к нижнему течению левого притока Веби-Шебели — Фафана, а затем и к самой Веби-Шебели в ее среднем течении, у города Барри (до них европейцы посещали эту реку лишь в самых низовьях, хотя общая ее конфигурация была уже достаточно хорошо известна по расспросным данным). Идти дальше на юг сопровождавшие англичан погонщики верблюдов отказались, и путешественникам пришлось вернуться в Берберу. Научные результаты этого первого успешного «прорыва» европейцев в самое сердце Огадена, включавшие тщательную, основанную на астрономических наблюдениях, маршрутную съемку и ценные естественноисторические материалы, были обобщены Ф. Л. Джеймсом в высоко оцененной географами книге «Неизвестный Рог Африки» (Лондон, 1888).

С наступлением 90-х годов исследования «Африканского Рога» резко активизировались, что было связано в первую очередь с колониальной экспансией Италии, которая путем заключения обычных в таких случаях договоров с сомалийскими вождями и султанами сумела еще в конце 80-х годов поставить под свой контроль значительную часть индоокеанского побережья Сомали и с тех пор не переставала заботиться о дальнейшем расширении новоприобретенных владений. Итальянские экспедиции в Сомали следовали одна за другой. В 1890 г. капитан Э. Бауди ди Весме проник из Берберы в долину Туг-Дера и дошел до расположенных к югу от нее гор Бур-Даб; в следующем году он же вместе с Дж. Кандео совершил большое путешествие из Берберы через Харгейсу в Огаден — к верховьям Фафана и оттуда к Веби-Шебели, берегов которой он достиг у Ими, выше по течению, чем братья Джеймс и Эйлмер. Значение этой экспедиции для европейской географической науки было снижено тем, что на обратном пути в Хараре все собранные ею материалы, в том числе съемочные, были конфискованы эфиопскими властями*. Более результативными были приходящиеся на те же годы путешествия Л. Брикетти-Ро-

* Эта акция была связана с наметившимся к тому времени обострением отношений Менелика II с Италией. Кульминацией этого конфликта была итало-эфиопская война 1895—1896 гг., закончившаяся, как известно, разгромом итальянской армии у Адувы (Адуа).

беки. Занимаясь разведкой торговых путей, он обошел в 1890 г. побережье Сомали от Оббии до Алулы (к западу от мыса Гвардафуй), обследовав в числе других объектов нижнюю часть долины Ногаль, а в 1891 г., пройдя вдоль берега из Могадишо в Оббию, направился оттуда в глубь страны, через область Мудуг вышел к Веби-Шебели, проследил ее вверх по течению до Барри — крайнего южного пункта маршрута Джеймсов и Эйлмера, затем двинулся на север вдоль Фафана и из района верховьев этой реки добрался до Берберы. Описанию этого первого в истории европейского исследования Африки пересечения полуострова Сомали — от Индийского океана до Аденского залива — Брикетти-Робекки посвятил книгу «Сомалия и Бенадир» (Милан, 1899).

В качестве перспективного пути проникновения в глубь «Африканского Рога» рассматривалась река Джуба, исследование которой, практически не продвинувшееся вперед со времен Деккена, приобрело, таким образом, особую актуальность. В Бардере, месте гибели Деккена, первым из европейцев после него побывал в 1892 г. агент миланского «Общества коммерческого исследования Африки» У. Ферранди, добравшийся сюда сухим путем из Бравы; вслед за ним в том же году Бардере посетил, поднявшись по Джубе на пароходе «Кения», представитель «Британской Восточноафриканской компании» Ф. Дж. Дандас. Ни тому, ни другому из них не удалось продвинуться вверх по реке дальше крайнего пункта плаванья Деккена. Однако решение проблемы Джубы не заставило себя ждать: оно явилось результатом экспедиции капитана итальянской армии Витторио Боттего, состоявшейся в 1892—1893 гг. и ознаменовавшейся, помимо всего прочего, вторым после путешествия Брикетти-Робекки пересечением Сомалийского полуострова. Выступив из Берберы во главе большого вооруженного отряда, Боттего уже известными европейцам путями достиг Веби-Шебели у Ими и, переправившись через нее, углубился в неисследованную область. За гористым водоразделом между бассейнами Веби-Шебели и Джубы им была открыта текущая на юго-восток река Веб (Веби-Джестро) — самая северная из трех водных артерий, образующих Джубу, а затем средняя, наиболее мощная из них — Ганале-Дория. Эту последнюю реку итальянский путешественник проследил на значительное расстояние вверх по течению, хотя и не смог из-за ожесточенного отпора, оказанного экспедиции местными племенами галла, дойти до ее истоков. Впрочем, и так по всему было видно, что они уже недалеко и что линия водораздела, ограничивающего бассейн Джубы с северо-запада, должна совпадать с возвышенным юго-восточным бортом Эфиопского грабена; тем самым полностью исключалась связь Джубы с Омо. После небольшого кругового маршрута к верховьям реки Дава-Парма — третьего, южного

Маршруты важнейших путешествий по Северо-

истока Джубы — Боттего спустился вниз по долине Ганале-Дория до места слияния всех трех рек; продолжив путь вдоль объединенной реки — собственно Джубы, — он посетил Луг, важный рыночный центр Южного Сомали, затем Бардеру и наконец вышел к Индийскому океану у Бравы. Еще раньше туда же прибыл его спутник капитан Гриксопи, отделившийся от основной части экспедиции в верховьях Ганале-Дория и по пути на Луг и Бардеру обследовавший значительную часть течения Дава-Пармы. Таким образом, всего за один год на карту была положена — в основном на базе непосредственных полевых съемок и частично по расспросным данным — по существу вся неизвестная до того европейцам гидрографическая система Джубы выше Бардеры; правда, этот успех, сразу выдвинувший Боттего в ряд виднейших исследователей «Африканского Рога», стоил жизни почти двум третям личного состава экспедиции, павшим в многочисленных сражениях, утонувшим при переправах через реки или погибшим от голода. Так или иначе книгу об этом своем путешествии, изданную в Риме в 1895 г., Боттего с полным правом озаглавил «Исследованная Джуба».

Дополнительные данные о бассейне Джубы и сопредельных территориях принесли охотничьи экспедиции итальянского князя Э. Русполи, отправным пунктом которых тоже была Бербере. В первой из них в 1891 г. он посетил (еще до Боттего) междуречье Веби-Шебели и Джубы, во второй же в 1892—1893 гг. дошел до Джубы, обследовав попутно нижнее течение Веби-Джестро, побывал в Луге и Бардере, затем направился вверх по течению Дава-Пармы, пересек водораздел между ней и бессточной областью грабенов и вышел к реке Саган, питающей озеро Стефани. В нескольких днях пути от этого озера Русполи в декабре 1893 г. погиб на охоте. Смерть его, однако, не лишила ученых-географов возможности воспользоваться результатами его исследований: все экспедиционные материалы были доставлены спутниками Русполи в Европу.

Важной вехой в истории исследования Северо-Восточной Африки явилась экспедиция американского врача Артура Доналдсона Смита в 1894—1895 гг. Основным результатом первого этапа его путешествия, начавшегося в Бербере, было исследование известной до того европейцам лишь по рассказам местных жителей области верхнего течения Веби-Шебели, или Ваби, как называется здесь эта река; маршруты Смита коснулись также северной окраины бассейна Джубы, а именно района истоков Веба (Веби-Джестро). Там американский путешественник встретил эфиопские войска, только что занявшие этот край. Не получив разрешения Менелика II продолжать путь на запад, Смит проследовал на восток — сначала правобережьем, затем левобережьем Веби-Шебели — до Барри и оттуда вышел к Джубе у места слияния трех ее истоков. Двинувшись

вверх по долине Дава-Пармы и далее вдоль водораздела, ограничивающего ее бассейны с юга и запада, он достиг Эфиопского грабена и открыл лежащее в нем пресноводное озеро Чамо. Следующий участок пути Смита, приведший его к озерам Стр-фани и Рудольф, которые после Телеки и Хёнеля еще ни разу не посещались европейцами, явился первым связующим звеном между маршрутами исследователей внутренних областей Сомалийского полуострова, с одной стороны, и Восточно-Африканского грабена (Восточного рифта) — с другой. От северной оконечности озера Рудольф американский путешественник направился вверх по долине реки Няням, т. е. Омо, но в дальнейшем отклонился от нее и пошел вдоль одного из левых ее притоков, приняв его по ошибке за главную реку; его мало-водность заставила Смита усомниться в предполагавшемся Хёнелем тождестве Няняма с многоводной Омо и склониться к уже давно утратившему популярность среди географов мнению Аббади о принадлежности Омо к системе Нила. Крайнюю северную точку маршрута Смита в этом районе отмечает горная вершина, которую он назвал своим именем (гора Смит). Вернувшись к озеру Рудольф, он прошел восточным берегом до южной его оконечности, отсюда двинулся на юго-восток, пересек незадолго до того обследованный Чэнлером и Хёнелем бассейн Эвуасо-Нгиро, достиг Таны и вдоль нее вышел к побережью Индийского океана, завершив, таким образом, еще одно пересечение «Африканского Рога». Карта путешествия Смита, основанная на его высококачественных маршрутных съемках и астрономических определениях, была опубликована в «Географическом журнале» (Лондон) в 1896 г. Его книга «Через неизвестные африканские страны» (Лондон — Нью-Йорк, 1897) представляла большую ценность для современников как источник разнообразных географических и этнографических сведений о южных районах Эфиопии и соседних территориях; вместе с тем ее (как, впрочем, и сочинения большинства других путешественников по Эфиопии) отличает явная тенденциозность в освещении политических событий того периода эфиопской истории, в особенности завоеваний Менелика II. Смит допустил в своей книге грубые нападки на Эфиопию и ее государственную политику.

К середине 90-х годов на территории Эфиопии и Сомали сохранилось еще немало «белых пятен», однако основные черты орогидрографии этой части Африки были уже выяснены. Единственным крупным исключением была все еще остававшаяся предметом дискуссий проблема Омо, в отношении которой, как мы только что видели, Смит сделал по существу шаг назад. Исследование этой реки стало главной научной задачей новой экспедиции В. Боттего (преследовавшей одновременно и политические цели). В конце 1895 г. Боттего прошел из Бравы

в Луг, оттуда проследовал долиной Джубы и затем Дава-Пармы к Эфиопскому грабену и первым из европейцев посетил лежащее в нем пресноводное озеро Абая. Обойдя озеро кругом, итальянский путешественник установил, что оно не связано с расположенной дальше на северо-восток группой озер (Звай и другие) и что сток его направлен на юг, в соседнее озеро Чамо, открытое Смитом. Двинувшись отсюда на запад к Омо-Ньяму, Боттего вышел к этой реке примерно под 6° с. ш. и проследил ее вниз по течению до впадения в озеро Рудольф. В дальнейшем он побывал на западном берегу этого озера, затем направился на север вдоль юго-западных склонов Эфиопского нагорья. Перейдя водораздел между озером Рудольф и Нилом, Боттего открыл и обследовал реку Аकोбо — крупнейший правый приток Пибора, южной ветви Собата. От Аकोбо он прошел к Баро — восточному истоку Собата и намеревался идти дальше к Голубому Нилу, но на водоразделе между Баро и Дабусом — в том самом районе, до которого в 1881 г. дошел с севера Скувер, — погиб 17 марта 1897 г. в сражении с африканцами. Уцелевшие участники экспедиции (Л. Ваннутелли и Ч. Читерни) долгое время провели в плену, но в конце концов были освобождены и, вернувшись на родину, описали это путешествие в книге «Омо» (Милан, 1899).

Хотя между обследованным Боттего нижним участком течения Омо и тем пунктом, до которого проследил ее долину с севера Борелли, еще оставался порядочный разрыв, сомнений в том, что это одна и та же река, более уже не возникало. Завершение исследования бассейна Омо и водораздела между ней и Собатом связано в первую очередь с именем А. К. Булатовича, о работах которого, как и других русских путешественников по Эфиопии, будет рассказано особо.

Общую рекогносцировку озера Рудольф завершил в 1897 г. англичанин Х. С. Х. Кавендиш. Он достиг его из Берберы — путем, частично совпадавшим с маршрутом А. Д. Смита, — и, обойдя озеро с севера, первым из европейцев проследил его западный берег на всем протяжении (при этом было окончательно установлено, что это озеро — бессточное), после чего направился на юг и закончил свое путешествие в Момбасе. Точная съемка западного побережья озера Рудольф была выполнена в 1898 г. майором Х. Х. Остином, участником работавшей в Уганде экспедиции Макдоналда.

Начатое Боттего (и одновременно с ним Булатовичем) исследование бассейна Собата — реки, известной до того лишь в нижнем течении, до Насира, где побывал Юнкер в 1876 г., — было вскоре продолжено другими экспедициями. Уже в 1897 г. французский маркиз де Боншан проник из Аддис-Абебы — города, основанного Менеликом в середине 80-х годов неподалеку от Энтото и ставшего в 1889 г. столицей Эфиопии, —

к реке Баро и спустился по ней до места ее слияния с Пибором; он не смог выполнить возложенной на него политической миссии — соединиться на Белом Ниле с продвигавшейся сюда из Конго экспедицией Ж. Б. Маршана и установить контроль Франции над верхненильской областью, но зато им был доставлен богатый съемочный материал, легший в основу детальной карты, которая была опубликована в Париже в 1900 г. В 1898 г. к берегам Белого Нила вышла вдоль Собата эфиопская военная экспедиция, в которой участвовал русский полковник Артамонов (см. следующий раздел). Непосредственно вслед за этим, в 1898—1899 гг., на заключительном этапе своего трансафриканского путешествия вверх по Собату и Баро и далее на Аддис-Абебу и Джибути (административный центр французской колонии Сомали) проследовал Маршан.

После разгрома махдистского государства и оккупации Судана англо-египетскими войсками под командованием Х. Г. Китченера в исследование бассейна Собата включились англичане. В 1899 г. капитан М. С. Уэллби, перед которым была поставлена задача проникнуть из Эфиопии в Судан и выйти на соединение с Китченером, прошел из Аддис-Абебы вдоль Эфиопского грабена к озеру Рудольф, обогнул его с юга, пересек в северном направлении расположенное к западу от озера плато Туркана и, продолжая путь на север, спустился по Аकोбо, Пибору и Собату до Белого Нила. В том же году совершили путешествие вверх по Собату и далее к озеру Рудольф майоры Х. Х. Остин и Р. Дж. Т. Брайт. В 1900—1901 гг. они же засняли суданско-эфиопскую границу на участке между Голубым Нилом и Собатом, после чего из Насира поднялись вверх по Пибору до района его истоков, оттуда проследовали к озеру Рудольф, затем вдоль его притока Теркуэлл — к озеру Баринго и под конец вышли к станции Накуру на уже построенной к тому времени железной дороге из Момбасы в Уганду. Результаты исследований были изложены Остином в книге «Среди болот и великанов в Экваториальной Африке» (Лондон, 1902). После этих путешествий конфигурация гидрографической системы Собата в целом могла считаться выясненной.

В 1899—1900 гг. вновь прибывший в Африку А. Д. Смит, двигаясь большей частью уже пройденными им ранее или близкими к ним путями, достиг из Берберы озера Рудольф и низовьев Омо; оттуда он направился напрямик на запад и вышел к Бахр-эль-Джебелю немного южнее Реджафа. Тем самым было ликвидировано довольно значительное по размерам «белое пятно» на крайнем юго-востоке Судана. Второе пересечение области между озером Рудольф и Бахр-эль-Джебелем — несколько южнее трассы путешествия Смита — совершила в 1902 г. французская научная экспедиция во главе с виконтом Р. дю Бур де Боза, которая перед тем, в 1901 г., по пути к

озеру Рудольф внесла существенный вклад в изучение верхней части бассейна Веби-Шебели и возвышенного юго-восточного обрамления Эфиопского грабена. Выйдя к Бахр-эль-Джебелю у Нимуле, дю Бур де Боза направился дальше на запад с целью пересечь Африканский континент, но в декабре 1902 г. умер на берегах Уэле; более удачливые его спутники достигли в 1903 г. Атлантического океана по Итимбири и Конго.

В те же годы британская администрация в Судане приступила к систематическому картографированию его территории, включая и бассейн Бахр-эль-Газала, куда был открыт доступ после расчистки в 1900 г. сэддовых барьеров в руслах рек.

Отдельные «белые пятна» на территории Сомали и южной Эфиопии были стёрты с карт экспедициями европейских охотников-спортсменов, для которых путешествия в эти богатые крупной дичью районы в конце XIX в. стали почти что модой. Так, немаловажный вклад в исследование Британского Сомали (северная часть современной Сомалийской Республики) сделали в 90-х годах англичане Х. Дж. К. Суэйн, Э. Дж. Э. Суэйн, Ф. Б. Паркинсон, Г. П. В. Эйлер и др. Обширные территории в бассейне Веби-Шебели охватили своими маршрутными съёмками два австрийских графа — Эрнст фон Хойос и Рихард фон Коуденхов (в 1893—1894 гг.) — и румынские князья Димитрие и Николае Гика-Комэнешть (в 1895—1896 гг.). Ещё большим размахом отличались путешествия австрийского графа Эдуарда фон Виккенбурга: в 1901 г. он прошёл от Джибути до устья Таны, проследив по пути весь Эфиопский грабен. Упомянем также исследования, проведенные на юге Эфиопии в 1899—1901 гг. немецким орнитологом Карлом фон Эрлангером.

Один из последних крупных штрихов на карту Эфиопии положил в самом начале 1900-х годов француз Юг Ле Ру, проследивший ранее неизвестный участок течения Голубого Нила непосредственно выше устья Дидессы и установивший, что Голубой Нил в этом районе проходит примерно на 1° широты южнее, чем показывали тогдашние карты.

Русские путешествия по Северо-Восточной и Восточной Африке

Во второй половине XIX в. путешествия наших соотечественников в Африку стали довольно частым явлением. Долгое время преобладали путешествия по странам Северной Африки, Египту и прилегающим к ним территориям, но в конце XIX в. особенно учащаются русские экспедиции в Эфиопию, привлекавшую тогда к себе всеобщее внимание активной политикой императора Менелика II. Россия в этот период заняла дружественную позицию по отношению к Эфиопии. Связи между обо-

ими государствами быстро расширялись. Это облегчало поездки в далекую страну многих русских людей, среди которых оказались немало увлеченных путешественников-исследователей.

В конце 1880-х — начале 1890-х годов несколько путешествий в Эфиопию, следуя от Джибути до Аддис-Абебы по южной окраине Данакильской пустыни и через Харар, совершил В. Ф. Машков. Его публичные доклады, журнальные статьи и небольшая книга об Эфиопии с обзорной картой, уточненной самим автором, немало способствовали повышению интереса к Эфиопии в нашей стране.

В 1894 г. А. В. Елисеев, совершивший до этого четыре североафриканских путешествия, о которых говорится дальше в этой главе, организует при поддержке Русского Географического общества экспедицию в Эфиопию. В ее состав, помимо Елисеева, вошли Н. С. Леонтьев и К. С. Звягин. Экспедиция в основном повторила маршруты Машкова, но ей удалось провести много координатных определений и существенно исправить имевшиеся тогда карты посещенных районов. Были собраны также богатые зоологические коллекции, проведены этнографические и антропологические наблюдения. Н. С. Леонтьев вел регулярные метеорологические наблюдения, которые он затем продолжил в своих последующих путешествиях по Эфиопии, куда впоследствии возвращался и К. С. Звягин.

Наиболее важны для уточнения географии этой части Африки путешествия Александра Ксаверьевича Булатовича. Его первое знакомство с Эфиопией произошло в 1896 г., когда он вошел в состав отряда Российского Общества Красного Креста, направившегося в Эфиопию для оказания помощи раненым в итало-эфиопской войне и медицинского обслуживания населения. Вскоре после прибытия в Аддис-Абебу Булатович получил разрешение заняться изучением западных районов Эфиопии. Он предпринял три продолжительные поездки в глубь страны, многие результаты которых вошли в опубликованную уже в 1897 г. его книгу «От Энтото до реки Баро».

Первое путешествие Булатовича по Эфиопии было по существу попыткой разобраться в сложной гидрографической сети притоков Собата и рек, не входящих в нильский бассейн. Тогда Булатович еще не смог найти правильных ответов на интересовавшие его вопросы, хотя им были обследованы значительные участки долин рек Баро, Омо, Аваш и некоторых южных притоков Голубого Нила, проведены астрономические определения координат, высотные измерения, климатические и ботанические наблюдения и т. п.

В 1897 г. Булатович входит в состав первой официальной русской миссии в Эфиопии под начальством П. М. Власова. Любопытно, что почти все участники этой миссии — Л. К. Артамонов, врачи П. В. Щусев, Н. П. Бровцын и многие дру-

гие — оказались настоящими исследователями и опубликовали впоследствии ряд трудов по исторической и медицинской географии Эфиопии, антропологии, этнографии и социальным проблемам этой страны. С сентября 1897 по июль 1898 г. А. К. Булатович, сопровождая эфиопскую армию, совершает маршруты общей протяженностью около 8000 км по области Каффа и смежным с нею территориям на западе и юге Эфиопии. Именно это путешествие дало особенно ценные результаты. Они вошли во вторую книгу А. К. Булатовича — «С войсками Менелика II», а до этого были доложены в начале 1899 г. в Географическом обществе в Петербурге.

В своей книге А. К. Булатович четко определил основные задачи географического изучения территории, куда он стремился проникнуть, задачи, за решение которых он взялся еще в первом своем путешествии. «Передо мной стоял целый ряд еще не разрешенных научных вопросов: куда течет главная река Южной Эфиопии — Омо, впадает ли она в оз. Рудольфа или, огибая Каффу с юга, течет в Собата и затем — в Средиземное море? Если же Омо не есть верховье Собата, а впадает в оз. Рудольфа, то где находятся истоки Собата?»

А. К. Булатович точно установил, картировал и дал подробное описание истоков и течения реки Омо, проследив ее до впадения в озеро Рудольф. Он окончательно определил восточные истоки Собата, нанес их на карту. В ходе своих маршрутов Булатович открыл горный хребет, простирающийся на сотни километров с севера на юг к западу от Омо, зафиксировал ряд горных вершин и межгорных долин. Все это позволило уточнить очень сложную орографическую схему водоразделов между бассейнами притоков Голубого Нила, Собата, а также Аваша и Омо. Путешественник обследовал и закартировал северный берег озера Рудольф, уточнив данные Боттего и других исследователей.

А. К. Булатович был первым европейским путешественником, который целиком пересек Каффу и изъездил ее буквально вдоль и поперек. Это позволило ему дать географическую характеристику всей области, основанную на личных наблюдениях, сопроводив ее оригинальными картами. Вторую половину 1898 г. Булатович проводит на западных границах Эфиопии, где определяет координаты более 80 пунктов в бассейнах южных притоков Голубого Нила, создавая основы современной карты этой труднодоступной территории.

Дальнейшая жизнь А. К. Булатовича ничего не прибавила к тем выдающимся географическим достижениям, которые дали два его первых путешествия по Эфиопии. В эту страну он приезжает еще дважды: в 1899 г., когда он в основном был занят военно-дипломатическими делами, и в 1911 г., через много лет после того, как он неожиданно оставил службу и науку в конце

1902 г. и целиком отдался делам православной религии, постригся в монахи. В 1919 г. полуослепший монах Антоний — А. К. Булатович был убит дома бандитами.

Одновременно с Булатовичем по Эфиопии путешествовал другой член Русского Географического общества — Леонид Константинович Артамонов. В 1898 г. он отправился из Аддис-Абебы на запад Эфиопии для картографической рекогносцировки бассейна Собата до впадения этой реки в Нил. Протяженность маршрутных съемок (полосой до 30 км) составила более 5000 км, а определение высот было сделано в 2000 пунктов. Благодаря работам Артамонова впервые был выяснен с весьма высокой точностью весь гипсометрический профиль Северо-Восточной Африки от Красного моря на широте Джибути и до Белого Нила вблизи устья Собата.

В том же 1898 г. П. В. Щусев направился из Аддис-Абебы на север к озеру Тана и истокам Голубого Нила, откуда через Эритрею вышел к Красному морю. Им были собраны точные данные о высотах в бассейне верхнего течения Голубого Нила, об особенностях почв, растительности, земледелия в прилегающих к озеру Тана районах. Географические и этнографические исследования в Эфиопии русские путешественники продолжали и в последующие годы. Заслуживают упоминания прежде всего русская экспедиция в провинцию Воллега для изысканий на месторождениях золота и платины, которой руководил горный инженер Н. Н. Курмаков, а также этнографические исследования Б. В. Владыкина и А. И. Кохановского.

С начала XX в., когда все большее значение повсюду в Африке начали приобретать углубленные исследования природы, среди русских путешественников в Африку все чаще отправляются профессиональные натуралисты. В 1910 г. зоолог С. В. Аверинцев после совместных с И. И. Пузановым зоологических и зоогеографических исследований по берегам Красного моря продолжает путешествие по восточноафриканскому побережью. В 1912—1914 гг. зоолог В. В. Троицкий изучает животный мир Восточной Африки, совершая путешествие от Момбасы к озерам Виктория и Танганьика. Примерно одновременно на озере Виктория ведет исследования еще один русский зоолог — В. Н. Никитин, а в 1914 г. в этих же местах путешествуют натуралисты В. А. Догель и И. И. Соколов. Собранные этими учеными коллекции и опубликованные ими материалы во многом способствовали познанию восточноафриканской фауны (особенно водной) и среды ее обитания.

Как бы завершает этот период экспедиция в Эфиопию Николая Ивановича Вавилова, состоявшаяся уже в советское время (в 1927 г.) и давшая результаты мирового значения о флоре Северо-Восточной Африки и ее особом месте в развитии культурной растительности.

**Поселеливингстоновский период исследования
Южной и Южно-Центральной Африки.
Трансафриканская экспедиция Капеллу и Ивенша.
Путешествия Голуба.
Колониальные захваты в Южной Африке
и связанные с ними исследования**

Давнишний замысел португальцев — проложить прямой путь из Анголы в Мозамбик — был осуществлен в 1884—1885 гг. Э. К. ди Бриту Капеллу и Р. Ивеншем, бывшими спутниками Серпа Пинту. Их трансафриканское путешествие началось в Мосамедише. Преодолев уступ Серра-да-Шела, Капеллу и Ивенш поднялись на плоскогорье Уила и дошли до Кунене долиной ее правого притока Какуловара (за два года до того обследованного английской охотничьей экспедицией графа Мейо). Проследовав вверх по Кунене до устья ее левого притока Шитанда, экспедиция двинулась на восток, пересекая плоские песчаные междуречья и широкие заболоченные долины Кубанго, ее левых притоков — Кватир и Квито и правого притока Замбези — Квандо. За Квандо Капеллу и Ивенш вышли на трассу маршрута Серпа Пинту и, следуя ей, достигли Замбези. Это было первое пересечение европейцами южной части современной Анголы из конца в конец, в результате которого, как отмечал А. Зупан в «Сообщениях Петерманна», «ранее столь пустое пространство на картах оживилось чрезвычайно богатой гидрографической сетью».

Португальские путешественники поднялись вверх по долине Замбези к низовьям Кабомпо и прошли вдоль этой реки почти до самых ее истоков. Исследование Кабомпо позволило исправить ошибку Ливингстона, приписывавшего ей роль истинного истока Замбези: Капеллу и Ивенш установили, что Кабомпо менее многоводна, чем Либа-Замбези выше слияния, и, следовательно, может рассматриваться только как приток.

На своем пути Капеллу и Ивенш встретили небольшую реку, носящую название Луалабы, и были убеждены, что открыли исток Луалабы-Конго. В действительности дело было просто в совпадении названий: та Луалаба, на берегах которой побывали португальцы, относится к системе Кабомпо.

У истоков Лунги, правого притока Кафуэ, Капеллу и Ивенш пересекли слабовыраженный в рельефе водораздел Конго — Замбези и вышли в район истоков Луфиры (по дороге они побывали в непосредственной близости к настоящему истоку Луалабы — Конго, но этот факт остался им неизвестен). Здесь португальские исследователи вступили в пределы государства Мсири. Ивенш дошел до Бункен, резиденции Мсири, попутно осмотрев медные копи Катанги. Африканский владыка отказался пропустить экспедицию через свою страну. По возвращении

Ивенша к истокам Луфиры, где его ожидал Капеллу, путешественники двинулись на восток и обследовали водораздельную область между Луфирой на западе, Луаполой на востоке и Кафуэ на юге (впервые фиксируя, в частности, положение истоков Кафуэ). Выйдя к Луапуре, они попытались спуститься по ней к озеру Мверу, но были остановлены сопротивлением местных жителей. Не удалось достичь и озера Бангвеулу; Капеллу и Ивенш дошли вверх по долине Луапурлы только до водопада Мамбирима. Опрос населения подтвердил сведения Жиро о том, что Бангвеулу состоит из двух частей — собственно озера на севере и обширного болота на юге.

Взяв направление на юг, Капеллу и Ивенш пересекли междуречье Кафуэ и Лвангвы и вышли к Замбези. Дальнейший путь их вниз по этой реке до Индийского океана проходил уже по хорошо известной европейцам местности.

Свое трансконтинентальное путешествие — самое крупное исследовательское предприятие португальцев в Африке последней четверти XIX в. — Капеллу и Ивенш описали в двухтомной книге «От Анголы до противоположного берега», вышедшей в Лиссабоне в 1886 г. К ней была приложена детальная карта, основанная на тщательной съемке всего пути (более чем 7000 км) с астрономическими определениями широт и долгот и барометрическими измерениями высот.

Примерно одновременно с Капеллу и Ивеншем некоторую лепту в исследование Южной Анголы внес много лет проживший здесь французский миссионер-иезуит Дюпарке. Он же довел до печати результаты исследований французского путешественника Анри Дюфура, объездившего в 1879—1880 гг. обширную территорию к югу и востоку от Кунене и погибшего в начале 1881 г. на пути в Мосамедиш; эти исследования впервые пролили свет на гидрографию междуречья Кунене и Кубанго.

В те же годы был разрешен вопрос о гидрографической принадлежности Кубанго-Окаванго. Справки, наведенные в свое время Серпа Пинту, а затем Дюпарке, подтверждали мнение о том, что продолжением Кубанго является река Таохе, впадающая в озеро Нгами; напротив, Капеллу и Ивенш, базируясь на полученной ими устной информации, склонны были связывать Кубанго с Квандо, т. е. с системой Замбези. В 1884 г. немецкий колонист из Наталя Аурель Шульц достиг Окаванго со стороны низовьев Квандо и установил, что большая часть вод Окаванго поступает через Таохе в Нгами, меньшая же — в Квандо (через систему болот); сообщение о результатах этого путешествия было помещено в «Докладах Берлинского общества землеведения» в 1885 г. В 1887 г. нижнее течение Окаванго обследовал английский миссионер Э. Ллойд.

В 1885—1886 гг. португальская военная экспедиция под начальством лейтенанта Артура ди Пайвы прошла разведанным

Капеллу и Ивеншем путем от Кунене к верховьям Кубанго и утвердила португальское владычество в этой области. Одновременно другая экспедиция во главе с Энрики ди Карвалью поставила под контроль Португалии ослабленное междуусобными войнами государство Лунда. Все эти колонизационные предприятия сопровождались съемками.

Дополнительные данные по географии Южной Анголы принесла во второй половине 80-х годов голландская экспедиция Д. Вета и П. И. ван дер Келлена. Расширению и углублению географических знаний о центральной части Анголы — области истоков Кунене, Кубанго и Кванзы — способствовала развернувшаяся в тот же период деятельность американских миссионеров в Бие (среди них выделяется имя У. Т. Карри). В 1884 г. в Бие прибыл из Наталя через страну бароце в долине Замбези шотландский миссионер Ф. С. Арнот. Двумя годами позже он прошел отсюда (более северным путем, чем Капеллу и Ивенш — через Дилоло) в Катангу, или Гаренганзу, как ее иногда называли в то время, добился разрешения Мсири основать там миссионерскую станцию и находился на ней до начала 1888 г. Вернувшись на родину, Арнот опубликовал книгу «Гаренганза» (Лондон, 1889), в которой дал более полное, чем все его предшественники, описание Катанги. В 1889 г. он вновь прибыл в Анголу и провел там (главным образом в Бие) еще четыре года. К числу географических заслуг Арнота относится уточнение местоположения истоков Либы-Замбези.

Одним из виднейших исследователей Южной Африки в послеливингстоновское время был чех Эмиль Голуб. С юности он мечтал попасть в Африку и пройти путями Ливингстона, своего любимого героя. В 1872 г., 25 лет от роду, сразу же по окончании медицинского факультета в Праге Голуб прибыл в Кейптаун. Средства, необходимые для задуманных им путешествий, он приобрел врачебной практикой на алмазных приисках Кимберли. В 1873—1879 гг. Голуб объездил западные районы Трансваала и страну бечуанов, побывал в землях бароце на Замбези, повидал водопад Виктория. Он вывез из Африки богатейшие естественноисторические и этнографические коллекции, в том числе сотни петроглифов — образцов наскальных рисунков, которые чешский исследователь правильно приписал бушменам. Хотя в этом путешествии Голуб посетил районы, уже известные европейцам, вклад его в научное познание природы Южной Африки и населяющих ее народов был очень велик. Книга молодого чешского врача «Семь лет в Южной Африке», вышедшая в свет в двух томах в Вене в 1880 г., получила у современников самую высокую оценку. «Давид Ливингстон, — отмечалось в тогдашней печати, — отлично описал Южную Африку, но так подробно, так совершенно, как доктору Голубу, это не удалось никому... Он видел Африку глазом прирожден-

ного естествоиспытателя... В мировой литературе описание путешествий Голуба можно сравнить только с книгой «Путешествие натуралиста вокруг света» знаменитого Чарлза Дарвина».

В 1883—1887 гг. Голуб совершил второе путешествие в Африку. Грандиозный план его — пересечь «Черный континент» с юга на север — не был осуществлен, но все же на этот раз ему удалось проникнуть в пределы «белого пятна» к северу от Замбези и первым из европейцев достичь среднего течения Кафуэ. Враждебность населяющих этот район баила, известных также под названием «машукулумбе», заставила чешского путешественника повернуть назад. Ценнейший естественнонаучный и этнографический материал экспедиции был обобщен Голубом в двухтомном труде «Из Капштадта в страну машукулумбе» (Вена, 1889—1890). Обширные коллекции Голуба обогатили многие музеи Европы и Америки; они представлены и в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

Голуб собирался снова вернуться в Африку, но этого не позволило подорванное многолетними скитаниями здоровье. Замечательный чешский исследователь скончался в 1902 г.

Одновременно с Голубом кое-какие новые сведения о долине Замбези в ее среднем течении и о расположенных к югу от нее территориях доставили обосновавшиеся здесь миссионеры, в особенности француз Ф. Куайяр. В 1884 г. в глубь Калахари проник американец итальянского происхождения Дж. А. Фарини. В 1885 г. часть территории, населенной бечуанами (нынешней Ботсваны), была занята английской военной экспедицией генерала Ч. Уоррена. В начале 90-х годов была опубликована карта южной части Калахари и соседних районов, составленная по материалам съемок и опросным данным Эдуардом Уилкинсоном. Позднее, в 1896—1898 гг., важный вклад в научное изучение природы Калахари внес выдающийся немецкий географ Зигфрид Пассарге.

Исследование территории современной Намибии в конце XIX в. было всецело связано с немецкой колониальной экспансией. В 1883 г. бременский купец Адольф Людериц «приобрел» район бухты Ангра-Пекена; в следующем году германский флаг был поднят во многих других пунктах побережья Намибии, от Оранжевой до Кунене. Для изучения естественных ресурсов и экономических возможностей новой колонии уже в 1884 г. на средства Людерица была организована экспедиция во главе с Г. Поле. В 1885 г. Поле совместно с геологом А. Шенком обследовал район между бухтой Ангра-Пекена и нижним течением Оранжевой. Участвовавший в той же экспедиции швейцарский ботаник Г. Шинц охватил в 1884—1886 гг. своими маршрутами обширную территорию, простирающуюся до Кунене на севере и озера Нгами на востоке; опубликованный им впоследствии обстоятельный труд «Германская Юго-

Западная Африка» (Ольденбург, 1891) стал важнейшим источником знаний о природе и населении этой страны. В те же годы Э. Пехуэль-Лёше посетил Дамараленд, а геолог Ф. М. Штапф предпринял исследование района Китовой бухты и впадающей в нее реки Кейсеб. В 1889 г. в «Сообщениях Петерманна» была помещена значительно более точная, чем все предыдущие, карта Дамараленда, составленная фон Штейнекером. Геологическим изучением Дамараленда занимался в 1888—1889 гг. Г. Гюрих, книга которого, послужившая ценным дополнением к работе Шинца, вышла в свет в Гамбурге одновременно с ней и под тем же заглавием. Из других исследователей Юго-Западной Африки 80-х годов можно назвать К. Бюттнера, И. Ольпа, Б. Шварца, Э. Германна.

Немецкая колонизация Юго-Западной Африки встретила упорное сопротивление коренного населения, и многие исследования этой страны в конце XIX — начале XX в. явились побочным результатом завоевательных и карательных экспедиций. Командовавший колониальными войсками в начале 90-х годов Курт фон Франсуа обследовал еще не посещавшуюся европейцами территорию на северо-западе Калахари, между Дамаралендом и Окаванго; он заснял, в частности, правый приток Окаванго — пересыхающую реку Оматако — на всем протяжении вплоть до устья и уточнил положение среднего течения Окаванго. Точные топографические съемки Франсуа охватили и многие другие районы современной Намибии.

В 1892 г. рекогносцировкой пограничного района между Германской Юго-Западной Африкой и Капской колонией занимался Иоахим фон Пфайль. Одновременно с ним в Юго-Западной Африке, главным образом в Дамараленде, побывал Карл Дове (ему принадлежит, между прочим, оригинальная схема климатического районирования субтропической части Южной Африки). Область Каоко (Каокофелд) к югу от Кунене обследовал Хартманн. Новый картографический материал дали проведенные в 1900-х годах работы по демаркации границы между германскими и британскими владениями.

Образующее водораздел между Лимпопо и Замбези плато Матабеле в 1872—1892 гг. избородил маршрутами своих охотничьих экспедиций, во многом дополнив и уточнив его карту, англичанин Фредерик Кортни Селоус. На заключительном этапе своей деятельности он активно сотрудничал с агентами «Британской Южноафриканской компании», основанной известным финансистом и политическим деятелем Сесилом Родсом, и немало способствовал созданию английской колонии Южная Родезия. Селоус обследовал также некоторые районы к северу от Замбези — в стране, получившей название Северная Родезия (ныне Замбия). В 1884 г. территорию Южной Родезии пересек с юго-запада на северо-восток У. Монтегю Керр. Район

среднего течения Лимпопо, по обе стороны границы между Южной Родезией и Трансваалем, обследовал в 1889 г. немецкий миссионер К. Кноте. Изучением руин Большого Зимбабве занимался в 1891 г. Дж. Т. Бент.

Начатое Эрскином исследование внутренних областей Южного Мозамбика продолжил в 1880 г. английский капитан Т. Л. Фипсон-Уайбрант; он поднялся на паровом баркасе вверх по Сави, но вскоре умер от лихорадки. На протяжении 80-х годов рекогносцировка этой части Мозамбика была в основе своей завершена португальскими военными экспедициями под начальством Ж. Пайвы ди Андрады, Аугушту Кардосу, Ж. Машаду и других офицеров колониальных войск. Упомянем также английскую экспедицию Д. Дойла, пересекающую в 1891 г. Южный Мозамбик от района Маника на севере до устья Лимпопо на юге. Значительное обогащение карты было связано с начавшимися в 1892 г. работами по демаркации границы между Мозамбиком и британскими владениями.

Ликвидации большого «белого пятна» на севере Мозамбика, между озером Ньяса и побережьем, положили начало английские миссионеры. Особенно много сделал У. П. Джонсон, обследовавший в 1877—1884 гг. восточные берега Ньясы, область истоков Рувумы, долины ее притоков Лужеринго и Луженда, а также территории к западу и югу от озера Ширва. Он установил, что Луженда выходит из озера, принятого им за Ширву. Другой английский миссионер, Чонси Мейплс, обследовал в 1881 г. область между Рувумой и впадающей южнее ее в Индийский океан рекой Лурио. В том же году на Рувуме работал геолог Джозеф Томсон, посланный занзибарским султаном для поисков месторождений угля.

Существенный вклад в изучение территории между Ньясой и побережьем внес британский консул в Мозамбике Х. Э. О'Нил, преемник Элтона. В наиболее значительном своем путешествии, в 1883—1884 гг., он обнаружил, что Луженда берет начало в болотах к северу от озера Ширва (не имея с ним связи) и далее протекает через узкое озеро Чиута-Амарамба, северный конец которого и видел в свое время Джонсон. По пути к истокам Луженды О'Нил открыл высочайшую вершину Северного Мозамбика — останцовую гору Намули.

Много новых данных о той же территории принесла португальская экспедиция 1885—1886 гг., первоначально возглавленная А. Серпа Пинту, а после его возвращения на побережье (по болезни) Аугушту Кардосу. Эта экспедиция пересекла Северный Мозамбик от Ибо (между устьями Рувумы и Лурио) до южной оконечности озера Ньяса и, повернув на юг, достигла устья Замбези. По всему пути были проведены триангуляционные работы, обеспечившие высокую точность съемок.

В 1885—1887 гг. в северной части Мозамбика и на терри-

тории современного Малави работала экспедиция Королевского Географического общества под руководством Дж. Т. Ласта, детально обследовавшая, в частности, район горы Намули. К тому же периоду относится исследование озера Ширва английским натуралистом Х. Драмондом.

Исследование восточной части современной Замбии тесно связано с колонизационной деятельностью агентов «Британской Южноафриканской компании». Среди них особенно выделяется Альфред Шарп, ликвидировавший в 1890 г. большое «белое пятно» в бассейне Лвангвы, а также побывавший на озере Мверу и в Катанге. Одновременно с ним Джозеф Томсон, поступивший на службу той же компании, достиг южных берегов озера Бангвеулу. В 1896 г. съемку этого озера выполнил П. Уэзерли. Дальнейшему расширению и углублению географических знаний о территориях к югу от озера Танганьика способствовала деятельность обосновавшихся здесь католических миссионеров. Упомянем также съемки французского охотника-спортсмена Э. Фоа, пересекшего эту область в своем трансафриканском путешествии 1894—1897 гг. — от устья Замбези к устью Конго.

Виднейшую роль в изучении области верховьев Замбези в конце XIX в. сыграл английский офицер А. Сент-Хилл Гиббонс. В 1895—1896 гг. он охватил своими маршрутами обширную территорию между верхним течением Замбези и Кафуэ, а в 1898—1900 гг. совершил пересечение Африки с юга на север, от Замбези до устья Нила, обследовав по пути районы, расположенные к западу от верхнего течения Замбези, в том числе часть бассейна Окаванго.

Решение проблемы Уэле-Убанги Ван Желем и другие бельгийские исследования бассейна Конго в конце XIX—начале XX в.

Выше уже говорилось, что исследование Уэле Юнкером в 1882—1883 гг. и Убанги Гренфеллом в 1885 г. предельно приближило проблему Уэле к разрешению. Сразу же по получении сообщения о плавании Гренфелла по Убанги бельгийский географ А. Ж. Вотерс выдвинул гипотезу об идентичности Уэле и Убанги. Того же взгляда придерживался и сам Гренфелл; к нему же склонился и Юнкер, когда по возвращении из своего второго центральноафриканского путешествия узнал о результатах исследований английского миссионера. Однако, сколь бы правдоподобным ни было это предположение, оно еще не имело бесспорных доказательств, и наряду с ним могли существовать и иные точки зрения. Так, в опубликованной в 1888 г. в «Бюллетене Венгерского Географического общества» статье И. Янко высказывалась мысль о том, что обследованная Юнкером гид-

рографическая система Уэле в действительности состоит из трех обособленных частей: верхняя Уэле продолжается притоком Конго Итимбири; та река, которую Юнкер видел у Багбинне и Абдаллы, продолжает собой Уэре (Вере) и в свою очередь продолжается Убанги; Мбому же относится к системе Шари.

Окончательное установление тождественности Уэле с Убанги связано с именем бельгийского офицера и колониального деятеля Альфонса Ван Желя (Ван Геле) — того самого, который в 1884 г. вместе с Хансенсом открыл устье Убанги. Первую попытку исследования Убанги Ван Жель предпринял совместно с лейтенантом В. Льенаром на пароходе «Генри Рид» в октябре 1886 г. Как и Гренфелл, он поднялся по реке до порогов Зонго, но преодолеть их не смог. На обратном пути Ван Жель произвел рекогносцировку правых притоков Убанги — Лобае и Ибенга и левого — Гири (незадолго до того на берегах Гири побывал другой бельгийский офицер — лейтенант Камиль Эме Кокийя, проникший сюда непосредственно от Конго). В феврале 1887 г. Ван Жель совершил плавание на «Генри Риде» по левому притоку Конго — Лулонге до слияния образующих ее рек — Маринги и Лопори и затем вверх по Лопори, до того известной лишь в самых низовьях. В середине того же года он поднялся по Итимбири до границы судоходства и попытался пройти отсюда на север, к Уэле, но не смог достать в этой безлюдной лесной местности ни проводника, ни продовольствия и вынужден был вернуться.

В ноябре 1887 г. Ван Жель и Льенар вновь отправились в плавание по Убанги на паровом баркасе «Ан-Аван» — ветеране речной флотилии «Независимого государства Конго». На этот раз им удалось, предельно разгрузив пароход, провести его бечевой как через пороги Зонго, так и через вышележащие пороги и стремнины. За ними река, текущая с востока, была более удобной для судоходства. Экспедиция поднялась по Убанги до $21^{\circ}55'$ в. д., немного не дойдя до слияния Уэле и Мбому; повернуть назад ее заставило вооруженное сопротивление приречных жителей и спад воды в реке. Крайний восточный пункт этого плавания, достигнутый 1 января 1888 г., отстоял от крайней западной точки, до которой Юнкер проследил Уэле, всего на сотню километров или около того, и было почти невероятно, чтобы речь могла идти о двух разных реках. Проблема Уэле-Убанги могла считаться решенной.

Отчеты Ван Желя и Льенара об этом путешествии были опубликованы в «Бюлетене Королевского Бельгийского Географического общества» в 1888—1889 гг.

В 1890 г. две бельгийские экспедиции одна за другой проникли в бассейн Уэле с юга, со стороны среднего течения Конго. Капитан Жером Беккер (в прошлом участник экспедиции «Международной ассоциации» на Танганьику) выступил с ка-

раваном арабских купцов из Ямбуи на Арувими, пересек междуречье Арувими и Итимбири, затем Итимбири и Уэле и вышел к Уэле в районе современного Бондо, несколько выше достигнутой Юнкером в 1883 г. зерибы Абдалла. Вслед за ним в тот же район прибыли, поднявшись вверх по Итимбири, капитан Леон Роже и лейтенант Жюль Александр Мильц. Тем временем Ван Жель, посланный в 1889 г. в сопровождении лейтенанта Жоржа Эдуара Ле Маринеля и других бельгийских офицеров в новую экспедицию на Убанги и развернувший на ее берегах энергичную колонизационную деятельность, поднялся по этой реке до места слияния Уэле с Мбому и далее вверх по Уэле — сначала на пароход, затем на лодке — до водопада Маквангу, находящегося всего в 15 км от крайнего западного пункта путешествия Юнкера. В дальнейшем Ван Жель обследовал нижнее течение Мбому, фиксировал место впадения ее левого притока Били и открыл на Мбому водопад, назвав его именем Хансенса. В конце 1890 г. Ван Жель пересек междуречье Мбому — Уэле и вышел к Уэле на траверсе острова Мутему, где побывал Юнкер в феврале 1883 г. Поднявшись отсюда на лодках вверх по реке, он вскоре встретился с Мильцем. Так была установлена непосредственная связь между маршрутными съемками исследователей, проникавших в бассейн Уэле с востока (Юнкер), с запада (Ван Жель) и с юга (Роже и Мильц).

За этими бельгийскими экспедициями последовали новые, завершившие оккупацию бассейна Уэле. Среди них заслуживает упоминания большая экспедиция 1891—1892 гг. под начальством Гийома Франсуа Ван Керкховена (после его смерти возглавленная Мильцем). Она прошла долиной Уэле от района Бондо до области истоков Кибали и достигла Бахр-эль-Джебеля. Попутно с задачами военного и политического характера ею была выполнена съемка ряда участков Кибали-Уэле, оставшихся непрослеженными после путешествий Юнкера, и тем самым по существу завершена рекогносцировка этой реки.

Довольно значительную исследовательскую работу в бассейне Мбому и другого правого притока Убанги — Котто провел в начале 90-х годов Ж. Э. Ле Маринель. Участник экспедиции Ван Керкховена Ш. де ла Кетюль обследовал в 1891—1892 гг. бассейн Шинко, правого притока Мбому. Т. Нилис совместно с Кетюлем прошел в 1893—1894 гг. из бассейна Шинко к верховьям Котто и оттуда к Адде, притоку Бахр-эль-Араба; одновременно в бассейн Котто и оттуда в бассейн Шари проник Л. Аноле. Научные результаты этих и большинства других бельгийских экспедиций стали достоянием географической общественности главным образом благодаря публикациям А. Ж. Вотерса в журнале «Географическое движение».

— Одновременно с рекогносцировкой бассейна Убанги бельгий-

цами была проведена большая исследовательская работа в других районах современной Республики Заир. В 1887 г. капитан бельгийского генерального штаба Альбер Тис, личный адъютант Леопольда II, выполнил точную съемку Касаи и Лулвы до места впадения Лвебо (составленная на ее основе карта масштаба 1:200 000 была опубликована в следующем году в Брюсселе). Тис был одним из инициаторов создания «КККИ» («Компании дю Конго пур ле коммерс э л'индустри») — первой монополистической компании по эксплуатации природных ресурсов бассейна Конго. Для оценки экономического потенциала «Независимого государства Конго» этой компанией была организована экспедиция во главе с бельгийским коммерсантом Александром Делькоммюном. С апреля по август 1888 г. Делькоммюн занимался разведкой судоходных путей в бассейне Касаи. Он поднялся на пароходе «Руа де Бельж» («Король бельгийцев») по Касаи и Фими до озера Леопольда II, обошел его кругом, а затем проследил течение Лукение намного дальше по направлению к ее истокам, чем Кунд и Таппенбек, до 23°40' в. д. Вернувшись на Касаи, Делькоммюн поднялся по ней и далее по Лулве до устья Лвебо, после чего совершил плавание вверх по Санкуру до водопада Вольф, а на обратном пути предпринял рекогносцировку правого притока Санкуру — Лубефу; поднявшись по этой реке дальше, чем Вольф, он установил, что вскоре она сильно сужается и вопреки предположению Вольфа явно не может быть низовьем многоводной Ломами. Перед возвращением в Леопольдвиль бельгийский исследователь совершил еще плавание вверх по Кванго и ее правому притоку Джуме (Квилу), проследив эту реку до пункта, расположенного немного выше места ее слияния с Инзиа.

С ноября 1888 по март 1889 г. продолжалось второе большое пароходное плавание Делькоммюна — по Конго до водопадов Стэнли, а также по Ломами, Арувими, Итимбири, Лулонге, Руки-Чвапе и озеру Тумба. Некоторые притоки Конго, в частности Ломами, он проследил дальше вверх по течению, чем его предшественники. Всего Делькоммюном было пройдено в 1888—1889 гг. около 12 000 км судоходного пути. Текущие сообщения о научных результатах его плаваний публиковались в журнале «Географическое движение», полное же описание своих путешествий (включая экспедицию в Катангу, о которой речь будет ниже) он дал много позднее, в 1922 г., в книге «Двадцать лет жизни в Африке».

Плавания Делькоммюна имели результатом выявление широчайших экономических возможностей внутренних областей бассейна Конго, что стимулировало строительство железной дороги в обход водопадов Ливингстона в нижнем течении великой реки, завершленное в 1898 г. С изысканиями трассы железной дороги были связаны обширные топографические работы.

Еще раньше, в 1885—1887 гг., существенный вклад в изучение области нижнего течения Конго внес шведский путешественник барон Ханс фон Шверин; он детально обследовал Стэнли-Пул и его окрестности, выполнил рекогносцировку долины Инкиси (совместно со своим соотечественником Карлом Хакансоном) и совершил несколько экскурсий в район эстуария Конго (в одной из них был найден, между прочим, падран Диогу Кана, поваленный голландцами в 1642 г.).

В 1886 г. бельгийский офицер Эрнест Баэрт заснял Монгалу, правый приток Конго, до места слияния образующих ее рек Два, Эбола и Ликаме. Первые две реки в 1889—1890 гг. проследил на значительное расстояние вверх по течению Артур Эжен Констан Ходистер, агент дочерней фирмы «КККИ» — «САБ» («Сосьете аноним белж»). Общую рекогносцировку гидрографической системы Монгалы завершил в 1891—1892 гг. шведский моряк Карл Готтфрид Шагерстрём, участвовавший в бельгийской военной экспедиции на Убанги; он пересек водораздел между Убанги и Монгалой, обследовал Ликаме и спустился вниз по Монгале до устья. В 1896 г. в том же районе работал немецкий исследователь Франц Тоннер, разведавший, в частности, водораздел между Монгалой и Конго.

Новые данные о Ломами принес в 1889 г. генерал-губернатор «Независимого государства Конго» Янсен, поднявшийся вверх по этой реке до границы судоходства. Идентичность ее с той Ломами, которая была открыта Камероном, окончательно установили в 1890 г. бельгийцы Поль Амедей Ле Маринель и А. Э. К. Ходистер; первый из них проник в бассейн Ломами с запада, со стороны Санкуру, второй — с севера, от Конго. Ходистер обследовал также междуречье Ломами и Луалабы.

В 90-х годах была в основном завершена рекогносцировка и других крупных судоходных притоков Конго в ее среднем течении. Исследователь Монгалы Э. Баэрт, занимаясь в 1890 г. колонизационной деятельностью в бассейне Лулонги, проследил обе составляющие ее реки — Марингу и Лопори — дальше вверх по течению, чем Гренфелл и Франсуа в 1885 г. и Ван Жель в 1887 г. Француз Леон Констан Тьерри, торговый агент «САБ», поднялся в 1893 г. по Руки-Бусире-Чвапе до крайнего предела судоходства, а также обследовал ее притоки — Момбойо, Салонгу и Ломелу.

Дальнейшему ознакомлению европейцев с бассейном Кванго способствовали оккупировавшие этот район бельгийские военные экспедиции Ф. Ж. А. Вандевельде (1889 г.) и Ф. Э. Ж. М. Даниса (1890—1891 гг.). Обширный картографический материал по области междуречья Кванго — Касаи дали проведенные в 1892—1893 гг. работы по демаркации границы между «Независимым государством Конго» и Анголой (с бельгийской стороны в них участвовал известный исследователь Джордж

Гренфелл, с португальской — майор Сармиенту). Одновременно с этими сухопутными экспедициями продолжалась разведка судоходных путей бассейна Касаи. Так, в 1893 г. представитель «САБ» майор У. Парминтер проследил весь судоходный нижний участок течения Квилу — правого притока Кванго, а другой агент той же компании, Э. Штахе, обследовал в 1896—1897 гг. левые притоки Касаи — Камиша и Лванге. Реку Лукение в 1892 г. проследил до самых истоков Ф. Демёз.

Важнейшим бельгийским военно-колонизационным предприятием начала 90-х годов была оккупация богатой минеральными ресурсами Катанги (ныне провинция Шаба Республики Заир). Первым бельгийцем, побывавшим в Бункее, столице государства Мсири, был лейтенант Поль Амедей Ле Маринель, проникший сюда из Лусамбо на Санкуру; в ходе своего путешествия (1890—1891 гг.) он познакомился с областью верховьев Лубилаша (Санкуру) и водораздельными плато между Лубилашем, Ломами и Луалабой, фиксировал в двух пунктах (местах переправы) течение верхней Луалабы и пересек плато Биано (Маника), разделяющее долины Луалабы и Луфиры. Вслед за этим Леопольд II направил в Катангу одну за другой еще три экспедиции: Александра Делькоммюна (1890—1892 гг.), капитана У. Дж. Стейрса (1891—1892 гг.) и капитана Люсьена Биа в сопровождении лейтенанта Эмиля Франки и геолога Жюля Корне (1891—1893 гг.). Политически наиболее важной из них была экспедиция Стейрса (бывшего спутника Стэнли), достигшая Катанги с востока, со стороны Занзибара и Танганьики. Упорно отказывавшийся признать власть «Независимого государства Конго» Мсири был в декабре 1891 г. застрелен во время переговоров помощником Стейрса капитаном Бодсоном; тем самым было устранено главное препятствие на пути бельгийской колонизации Катанги.

В географическом отношении эта экспедиция оказалась бесплодной, зато две остальных дали важные научные результаты. Делькоммюн, поднявшись вверх по Ломами до района ее истоков, перевалил через ограничивающие с запада долину верхней Луалабы горы Хакансон (они были названы так в честь одного из спутников Делькоммюна — шведского офицера Карла Хакансона, погибшего здесь в стычке с африканцами) и спустился к открытому Камероном озеру Кисале. Он открыл и пересек возвышающуюся по противоположную сторону долины Луалабы горы Кибара, обследовал нижнее течение Луфиры и затем, дойдя до Бункеи, совершил большой круговой маршрут к неизвестным до того европейцам истокам Луалабы. В дальнейшем Делькоммюн направился на северо-восток к Танганьике и оттуда через еще совершенно неисследованную территорию — на запад, к Луалабе и Ломами. Попутно он завершил исследование Лукуги, пройдя вдоль нее до места ее впадения в Луалабу.

Путь Биа, Франки и Корне из Лусамбо в Катангу проходил примерно посередине между маршрутами Ле Маринеля и Делькоммюна; по дороге бельгийцы смогли более основательно ознакомиться с течением Луалабы в озерно-болотном районе Камолондо. По прибытии в Бункею экспедиция разделилась: Корне занялся геологическим изучением меденосной зоны Катанги, а Биа и Франки предприняли большой круговой маршрут к Луапале, Бангвеулу и Мверу. Вскоре по возвращении из этого маршрута Биа умер. Франки и Корне вернулись в Лусамбо более западным путем, позволившим, в частности, положить на карту все течение верхней Луалабы от истока до места впадения ее левого притока Лубуди. Все основные вопросы орографии территории между Луалабой и Луапалой на этом могли считаться решенными. Большую ценность для науки представили геологические наблюдения Корне.

Участвовавшие в одной из бельгийских военных экспедиций консульский агент США в Конго Ричард Мохен и английский врач Сидни Лэнгфорд Хайнд выполнили в 1894 г. съемку неизвестного до того участка Луалабы между Ньянгве и устьем Лукуги. Ими было открыто вырытое Луалабой ниже Конголо глубокое ущелье, получившее название Порт-д'Анфер (Адские ворота). Было установлено также, что «озера Ланджи», значившегося на картах со времен Камерона на этом отрезке долины Луалабы, в действительности не существует.

Вышележащий участок течения Луалабы был вскоре после этого разведан бельгийскими офицерами Клеманом Брассером и Леоном Луи Жозефом Серкелем; они обследовали также реку Ловуа, уточнили очертания озера Мверу и внесли много других дополнений и исправлений в карты Катанги. Некоторые новые данные о районе между озером Танганьика и Луалабой выше Ньянгве принесло упоминавшееся выше трансафриканское путешествие Э. Фоа. В конце 90-х годов обширные «белые пятна» между Луалабой и озерами Западного рифта были сняты с карт бельгийскими военными экспедициями; особо отметим работы лейтенанта Шарля Аделена Глори, обследовавшего правые притоки Луалабы — Улинди и Элилу.

Важную роль в создании надежной основы для карт бассейна Конго сыграла геодезическая экспедиция А. Дельпорта 1890—1891 гг., определившая координаты и высоты 35 пунктов по нижнему и среднему течению Конго от устья до водопадов Стэнли. Еще более широким размахом отличались геодезические работы, проведенные Шарлем Лемером: в 1898—1900 гг. — в Катанге (здесь были астрономически определены координаты 195 пунктов) и в 1902—1905 гг. — на северо-востоке бассейна Конго и в области водораздела между Конго и Нилом (135 пунктов). Важным географическим результатом катангской экспедиции Лемера было точное установление линии

водораздела Конго — Замбези. В 1911 г. вдоль того же участка водораздела были проведены съемочные работы в связи с разграничением бельгийских и английских владений.

Уже в 1895—1898 гг. А. Ж. Вотерс опубликовал в журнале «Географическое движение» карту «Независимого государства Конго» масштаба 1 : 2 000 000, а в 1900 г. выпустил новое издание ее на четырех листах. В следующем году появилась составленная Х. Дрогмансом 15-листная карта области нижнего течения Конго масштаба 1 : 100 000. Итогом многолетней исследовательской деятельности Дж. Гренфелла явилась карта среднего течения Конго масштаба 1 : 500 000, помещенная в 1902 г. в лондонском «Географическом журнале».

Исследования Камеруна и других территорий на западе Экваториальной Африки

Знакомство европейцев с территорией современного Камеруна к началу 80-х годов ограничивалось, с одной стороны, узкой полосой приморской низменности и возвышающимся над ней вулканическим массивом Камерун, с другой же — крайними северными районами между Чадом и Бенуэ, которые были в свое время затронуты (правда, только частично) маршрутами исследователей Центрального Судана, в первую очередь Барта.

Новый период исследований Северного Камеруна открыл после долгого перерыва прибалтийский немец Эдуард Роберт Флегель. Впервые попав в Африку двадцатилетним юношей в 1875 г. (в качестве агента одной из немецких торговых фирм в Лагосе), он начал свою исследовательскую деятельность с участия в экспедициях английского «Церковного миссионерского общества», располагавшего к тому времени сетью станций на побережье Гвинейского залива и в низовьях Нигера. Вместе с миссионерами Эшкрофтом и Кёрком Флегель совершил в феврале 1879 г. восхождение на гору Камерун, а позднее в том же году — плавание на миссионерском пароходе «Генри Венн» вверх по Нигеру и Бенуэ в Адамаву (с посещением крупнейшего города этой области — Йола, где после Барта европейцы не бывали еще ни разу); важным результатом этого плавания явилась выполненная Флегелем детальная съемка Бенуэ между Джемом (крайним восточным пунктом, достигнутым в 1854 г. экспедицией Бейки) и Рибого (близ Гарвы). По возвращении в Европу Флегель представил на рассмотрение «Африканского общества в Германии» план дальнейшего исследования бассейна Бенуэ. Получив от общества финансовую поддержку, он снова отправился в Африку и в порядке подготовки к осуществлению своего плана посетил в 1880—1881 гг. северонигерийские государства — эмират Нупе и султанат Сокото, чтобы зару-

читься у тамошних властителей рекомендательными письмами к правителям ламидатов (княжеств) фульбе в Адамаве. По пути в Сокото Флегель смог внести ценный вклад в исследование Нигера, засняв его течение на участке от Бусы — пункта, до которого были доведены английские съемки Нижнего Нигера в 50-х годах, — до места впадения реки Сокото.

Задуманная Флегелем экспедиция в Адамову состоялась в 1881—1883 гг. Из Биды в Нупе он прошел сухим путем к Бенуэ, переправился через реку и, сделав большой крюк к югу через совершенно неисследованную область ее левобережья, вновь вышел к ней у Йолы; двинувшись отсюда на юго-восток, немецкий путешественник достиг Нгаундере — крупного торгового центра Южной Адамавы, до того известного европейцам лишь понаслышке. Это первое проникновение европейского исследователя в самое сердце нагорья Адамава, помимо общего расширения географического кругозора, ознаменовалось открытием истоков Бенуэ, находящихся, как установил Флегель, на небольшом расстоянии к северу от Нгаундере. По соседству с ними он обнаружил истоки Вины, одного из притоков Логоне. Тем самым была впервые фиксирована восточная граница бассейна Бенуэ и опровергнуты взгляды тех географов, которые склонны были видеть верховье этой реки в Уэле (напомним, что проблема Уэле тогда еще оставалась неразрешенной).

Флегель собрал также кое-какую информацию о гидрографии области, расположенной к югу от водораздельных высот Адамавы. Он узнал о существовании там двух обособленных гидрографических систем, из которых одна, образованная реками Дьерем и Лом, ориентирована на юго-запад, а другая, более восточная, включающая реки Нана, Мамбере и Каден, — на юг. Немецкий исследователь был того мнения, что первая из этих речных систем находится в связи со Старым Калабаром (Кроссом), вторая же — с Огове. В обоих случаях он ошибся: в действительности Дьерем и Лом образуют своим слиянием впадающую в залив Биафра Санугу, а Нана, Мамбере и Каден — Сангу, правый приток Конго.

В 1883—1884 гг. Флегель совершил еще одно путешествие в Адамаву. В его намерения первоначально входило проникнуть к истокам Наны и выяснить, куда она течет, но охватившая край война заставила его отказаться от этого замысла. Не удалась и попытка проложить путь из Адамавы на юго-запад, к берегам залива Биафра. Флегелю пришлось ограничиться более близким ознакомлением с нагорьем Адамава, в особенности с западной, более возвышенной его частью.

Последняя экспедиция Флегеля, состоявшаяся в 1885 — 1886 гг., преследовала уже не географические, а политические цели. Это была попытка установить контроль Германии над областью Нижнего Нигера и Бенуэ — попытка неудачная, так

как Флегеля опередил посланный с аналогичным заданием британской «Нигерской компанией» Дж. Томсон. Не успев добраться до Йолы, Флегель был отозван немецким правительством и вернулся в Брасс в дельте Нигера, где и скончался 11 сентября 1886 г., в возрасте 31 года. Путевые письма и отчеты этого незаурядного исследователя печатались главным образом в «Сообщениях Африканского общества в Германии»; собрание его писем было опубликовано в Лейпциге в 1890 г.

Одновременно с проникновением Флегеля в Адамаву со стороны Нигера началось продвижение других исследователей в глубь Камеруна с берегов залива Биафра. Первой серьезной попыткой такого рода была экспедиция мичмана русского флота, поляка по национальности, Стефана Шольца-Рогозинского; находясь официально под эгидой Русского Географического общества, она была организована Рогозинским частично за собственный счет, частично на средства, собранные по подписке. Прибыв в апреле 1883 г. на Фернандо-По и перебравшись оттуда на камерунское побережье, Рогозинский и трое его спутников — геолог Клеменс Томчек, метеоролог Леопольд Яниковский и механик Владислав Осташевский — основали на острове Мондоле в бухте Амбас научную станцию. В июле того же года Рогозинский и Томчек отправились вверх по реке Мунго и проследили ее течение до водопадов, которые она образует неподалеку от Кумбы. Сильно поранив себе ноги, Рогозинский вынужден был воздержаться от дальнейшего продвижения в глубь страны, так что последующие маршруты были проделаны Томчком одним; в сентябре 1883 г. им были открыты протекающая к северу от массива Камерун в западном направлении река Меме и небольшое озеро Баромби-ба-Мбу (Слоновое). По возвращении на побережье Рогозинский стал готовиться к новому путешествию в глубинные районы, но последовавшая в мае 1884 г. смерть Томчека, болезнь самого Рогозинского и материальные затруднения помешали осуществить этот замысел. После нескольких непродолжительных экскурсий в прибрежной области, совершенных им совместно с Яниковским и включавших, в частности, восхождение на гору Камерун, Рогозинский отбыл в 1885 г. на родину. О своем путешествии он написал книгу «Под экватором», изданную на польском языке в Кракове в 1886 г. В 1887—1890 гг. он вновь побывал в Экваториальной Африке, но на этот раз ограничился исследованием внутренней части острова Фернандо-По.

После того как Г. Нахтигаль, назначенный генеральным консулом Германии в Западной Африке, прибыл в июле 1884 г. на борту военного судна в Камерунский залив и объявил о переходе побережья Камеруна «под защиту его величества кайзера Германской империи», инициатива в исследовании этой части Африки перешла в основном к немцам. Кое-что для по-

полнения географических знаний о Камеруне сделал уже Нахтигаль и еще больше — сопровождавший его корреспондент газеты «Кёльнише Цайтунг» Гуго Цёллер; последний с целью заключения новых договоров и общей рекогносцировки местности объездил в 1884—1885 гг. значительную часть камерунского побережья, совершив в числе прочих маршрутов восхождение на гору Камерун и плавание на лодке вверх по реке Ньонг до первых ее порогов (до того эта река была известна лишь в самом устье). Свои путевые впечатления и наблюдения (касающиеся не только Камеруна, но и Того, где он побывал перед тем с Нахтигалем) Цёллер изложил в объемистом сочинении «Немецкие владения на западноафриканском побережье», вышедшем в свет в Штутгарте в 1885—1886 гг.

Важнейшее значение для создания карты камерунского побережья имели начавшиеся в 1885 г. гидрографические съемки офицеров немецких военных судов «Хабихт», «Бисмарк», «Ольга», «Мёве», «Циклоп», «Гиена» и «Нахтигаль» — фон Шукманна, Ванзелова, Штубенрауха, Берншторфа и др. Немецкие моряки впервые «расшифровали» и точно нанесли на карту сложную систему лиманов, рукавов и протоков общей дельты рек Акпа-Яфе, Ндиан, Адонкат и Меме — то, что раньше считалось устьем одной реки — Рио-дель-Рей (последнее название сохраняется ныне за центральным рукавом дельты). Аналогичная работа была проделана в Камерунском заливе; были также засняты нижние судоходные бьефы рек Санага и Ньонг. С картографическими работами флотских офицеров смыкаются тщательные съемки нижних участков течения впадающих в Камерунский залив рек Мунго и Вури, выполненные в 1885 — 1890 гг. немецким колониальным чиновником Ф. Шраном.

В глубь страны вслед за Рогозинским и Томчеком проник в 1885 г. командированный в Камерун немецким правительством Бернгард Шварц; он продвинулся вверх по долине Мунго несколько дальше польских путешественников, но не смог достичь своей главной цели — верховьев Старого Калабара (Кросса)*. Некоторым обогащением географических знаний о массиве Камерун и его окрестностях, в особенности о бассейне Меме, увенчалась деятельность шведских торговцев каучуком Г. Вальдау и К. Кнутсона, поселившихся в Камеруне в 1884 г. и активно сотрудничавших с Нахтигалем, Цёллером и другими немецкими колонизаторами. Особенно же больших успехов в исследовании внутренних областей Западного Камеруна добился немецкий правительственный агент Эуген Цинтграфф. Прибыв в Камерун в 1886 г., он приступил в сотрудничестве с офицером колониальных войск Цейнером к систематической реког-

* Свое путешествие Шварц описал в книге «Камерун» (Лейпциг, 1886).

носцировке территорий, прилегающих к массиву Камерун с востока и севера, в дальнейшем же расширил пространственный размах своих исследований и в 1888 г. выполнил то, что не удалось Шварцу: пройдя из района истоков Мунго на север, первым из европейцев достиг верховьев Красса и даже продвинулся на небольшое расстояние к северу от этой реки, пока не был остановлен сопротивлением коренного населения. То, что это именно Красс, а не один из притоков Бенуэ, было доказано Цинтграффом в следующей его экспедиции, состоявшейся в 1888—1890 гг. Пробившись с боями на север от Красса, он пересек западные отроги нагорья Адамава и вышел к левому притоку Бенуэ — Кацина-Ала, а затем и к самой Бенуэ у Иби; оттуда он примерно той же дорогой, что и Флегель в начале 80-х годов, добрался до Йола, после чего повторил с небольшими отклонениями весь пройденный путь в обратном направлении. Этот маршрут Цинтграфа впервые связал между собой разобщенные ранее съемки прибрежных районов Камеруна, с одной стороны, и Адамавы — с другой. В 1890—1891 гг. Цинтграфф попытался еще раз проникнуть тем же путем в Адамаву, но потерпел поражение в битве с одним из местных племен и вынужден был отступить. Описание всех этих путешествий содержится в его книге «Северный Камерун» (Берлин, 1895).

Параллельно с продвижением немцев на север от Камерунского залива и массива Камерун шло их проникновение в южные области Камеруна — те, о которых А. Кирхгофф писал в 1886 г. (в «Сообщениях Петерманна»): «Нигде в настоящее время terra incognita внутренней части Африки не подступает настолько вплотную к берегу, как вдоль длинной береговой полосы к югу от Камерунского залива». Первый «прорыв» в этом направлении — из Большой Батанги (Криби) к среднему течению Ньонга и Санаги — был сделан в 1887—1888 гг. немецкими офицерами Р. Кундом и Г. Таппенбеком, уже стяжавшими известность своими исследованиями в бассейне Конго. Вновь посетив тот же район в 1888—1889 гг., они основали на водоразделе между Санагой и Ньонгом станцию Яунде, будущую столицу Камеруна, после чего Кунд, тяжело заболев, должен был вернуться в Европу, Таппенбек же продолжил исследования и продвинулся на небольшое расстояние к северу от Санаги; в июле 1889 г., по возвращении на побережье, он умер от лихорадки. Основным географическим результатом этих экспедиций было установление общих черт орографии лесистых плоскогорий Южного Камеруна, и в первую очередь того факта, что Санага и Ньонг берут начало гораздо дальше в глубине материка, чем принято было считать*.

* Отчеты Кунда, Таппенбека и большинства других немецких исследователей Камеруна публиковались в основанном в 1888 г. журнале «Сообщения из немецких протекторатов».

Следующий шаг в исследовании Санаги был сделан в 1889—1890 гг. лейтенантом Куртом Моргеном: проследовав приблизительно тем же путем, что и его предшественники, из Криби через Яунде к среднему течению этой реки, он открыл ее главный правый приток Мбама и затем спустился вниз по долине Санаги до самого устья. В 1890—1891 гг. Морген проник из Яунде на север, за Санагу, пересек междуречье Санаги и Мбама, достиг района истоков Мбама и оттуда, перевалив через нагорье Адамава, вышел к Иби на Бенуэ; таким образом маршруты исследователей Южного Камеруна сожкнулись с маршрутами Флегеля и Цинтграффа. Это путешествие было описано Моргеном в книге «Через Камерун с юга на север» (Лейпциг, 1892). В 1892 г. исследование бассейна Санаги было продолжено лейтенантом Г. Рамзаем (позднее получившим более широкую известность своими съемками в Восточной Африке), а в следующем году ротмистр фон Штеттен совершил путешествие с берегов Санаги через нагорье Адамава в Йолу. В 1893—1894 гг. нагорье Адамава исследовала экспедиция Э. фон Ихтрица, в которой участвовал географ Зигфрид Пассарге (он описал эту экспедицию в книге «Адамава», изданной в Берлине в 1895 г.), а в конце 1897 г. лейтенант фон Карнап-Квернхаймб впервые проложил прямой путь из Яунде к верховьям Санги — правого притока Конго, незадолго до того обследованного французами (см. следующий раздел). Дальнейшее пополнение географических знаний о внутренних районах Камеруна было связано в основном с немецкими военными экспедициями конца 1890—1900-х годов; особо отметим большую исследовательскую работу, проведенную в 1895—1905 гг. в Южном Камеруне фон Штейном. Уже к началу XX в. было накоплено достаточно материала для создания карты Камеруна масштаба 1 : 1 000 000 (такая карта была опубликована в 1901 г. в Берлине Максом Мойзелем), отдельные же районы были закартированы в значительно более крупном масштабе.

В расположенной к югу от Камеруна области Рио-Муни (континентальная часть современной Экваториальной Гвинеи) некоторую исследовательскую активность проявили во второй половине 70—80-х годов испанцы. Среди них необходимо назвать прежде всего Мануэля Ирадьера Булфи, баска по национальности, посетившего эту область в 1875—1877 гг.; по материалам его съемок была составлена большая карта прибрежных районов бухты Кориско и островов Кориско и Элобей, помещенная в «Бюллетене Мадридского Географического общества» за 1878 г. В 1884 г. он вновь появился в эстуарии Рио-Муни, на этот раз с политическими целями. Более значительным размахом отличалась исследовательская деятельность двух других испанских путешественников-колонизаторов — Х. Мон-

теса де Ока и А. Осорио. В 1885 г. они прошли от исследованной Ленцем реки Тембони к среднему течению Бенито — реки, впадающей в Гвинейский залив к северу от эстуария Рио-Муни и до того известной европейцам лишь в самых низовьях. В следующем году Осорио поднялся на значительное расстояние вверх по реке Кампо (Нтем), от нее прошел к Бенито и проследил эту реку до самого устья. В результате этих путешествий границы «белого пятна» к северу от эстуария Рио-Муни были отодвинуты от побережья примерно на 150—200 км.

В 1885 г. низовья Бенито посетил (и в том же году там умер) французский путешественник Леон Гираль. Другой француз, лейтенант Поль Крампель, в 1888—1889 гг., двинувшись на север от верхнего течения Огове, пересек бассейн ее правого притока Ливиндо, вышел к верховьям Нтема, проследил эту реку на некоторое расстояние вниз по течению и затем, отклонившись от нее на юго-запад, вышел к берегу у Баты. Доставленные Крампелем географические данные были вскоре существенно дополнены лейтенантом Альфредом Луи Фурно, достигшим Нтема в 1889 г. от нижнего течения Огове. Уже Крампель пришел к правильному выводу о том, что Нтем — это верховье Кампо, однако многим представлялась более вероятной связь его с Бенито. Тождество Нтема и Кампо окончательно установил в 1901—1902 гг. немецкий врач Хёземанн.

Горы Шайю к югу от Огове впервые пересек в их центральной части в 1890 г. Ж. Бертон, маршрут которого прошел от Ластурвиля в верховьях Огове через район истоков Лоло и Фове к нижнему течению Нгуние (Нгуме). Детальную съемку долины Квилу-Ниари выполнил в 1887—1888 гг. инженер Л. Жакоб. В 1890—1891 гг. западное побережье Африки от устья Кампо на севере до границы между французскими владениями и португальской Кабиндой на юге объездил Побеген; его маршрутные съемки легли в основу опубликованного в Париже в 1893 г. «Атласа берегов Французского Конго» (22 листа карт масштаба 1:80 000). Из более поздних исследований на западе Экваториальной Африки упомянем съемочные работы, проведенные на рубеже 1890-х и 1900-х годов в бассейне Огове и между Огове и Конго экспедицией Жандрона.

Продвижение французов от Конго к озеру Чад и Нилу и связанные с ним исследования

Одним из наиболее крупных «белых пятен», все еще сохранившихся на карте Африки к началу 90-х годов, была область водораздела между бассейнами Нигера, озера Чад, Конго, Огове и береговых рек Камеруна. Южный выступ этой неисследованной области доходил между Убанги и Ликвалой до пра-

вобережья Конго, охватывая весь бассейн Санги — правого притока Конго, известного тогда европейцам лишь в самом устье. Выше уже говорилось, что кое-какие сведения о реках, образующих Сангу, собрал Флегель во время своего пребывания в Адамаве; уже в 1883 г. Э. Бем, комментируя сообщения Флегеля, пришел к правильному выводу о том, что эти реки относятся к бассейну Конго, однако никакой уверенности в их связи с открытой Долизи Сангой не было.

Ликвидация указанного «белого пятна» была связана в первую очередь с французской колониальной экспансией в Экваториальной Африке.

Исследованию Санги положил начало французский колониальный администратор Ж. Шоле, совершивший в 1890 г. плавание вверх по этой реке на пароходе «Балле»; он достиг места слияния Санги с ее крупнейшим правым притоком Нгоко (Джа) и проследил обе реки на некоторое расстояние выше слияния. В 1891 г. исследование Санги продолжили лейтенанты Фурно и Гайяр. Поднявшись по ней до устья Нгоко, они разделились: Гайяр на борту «Балле» продолжил плавание вверх по Санге, а Фурно двинулся пешком на запад с целью рекогносцировки Нгоко. В дальнейшем он вернулся на Сангу, и оба отряда — речной и сухопутный — достигли места слияния образующих ее рек — Кадеи и Мамбере. Гайяр заснял Мамбере до порогов Баниа, Фурно же прошел ее долиной значительно дальше на север; он намеревался проникнуть оттуда к озеру Чад, но потерпел сокрушительное поражение в битве с африканцами и вынужден был спастись бегством. Уже эти первые французские экспедиции на Сангу дали достаточно верное представление об общей конфигурации ее течения и о протяженности ее бассейна в северном направлении, что позволило правильно оценить ее роль в гидрографической системе Конго как крупнейшего после Убанги правого притока великой реки.

Новый путь в бассейн Санги с северо-запада, из Адамавы проложил в 1891—1892 гг. лейтенант Л. Мизон. Поднявшись по Нигеру и Бенуэ до Йолы, он совершил несколько рекогносцировочных маршрутов в области верховьев Бенуэ, после чего, не найдя возможности проникнуть отсюда к Чаду (как он намеревался первоначально), прошел дорогой Флегеля из Йолы в Нгаундере, двинулся из этого города на юго-восток через восточную часть нагорья Адамава, переправился через Лом — восточный исток Санаги, побывал в непосредственной близости от истоков Кадеи и Мамбере и вышел к низовьям Кадеи. Близ места слияния Мамбере и Кадеи Мизон встретился в апреле 1892 г. с генеральным комиссаром Французского Конго — Пьером Саворньяном де Бразза, лично прибывшим на Сангу для оккупации этой области. Благодаря путешествию Мизона была впервые установлена непосредственная связь между съем-

ками в бассейне Нигера, с одной стороны, и в бассейне Конго — с другой. В 1893 г. Мизон предпринял новую попытку достичь озера Чад от Нигера и Бенуэ, но встретил противодействие англичан и был отозван французским правительством.

Под руководством Бразза на Санге были развернуты топографические работы, результаты которых легли в основу карты, приложенной к франко-германскому соглашению 1894 г. о разграничении сфер влияния в Экваториальной Африке.

Одновременно шло продвижение французов к Чаду со стороны Убанги, на правом берегу которой непосредственно ниже последних порогов был основан военный пост Банги (ныне столица Центральноафриканской Республики). В конце 1890 г. отсюда выступил во главе большой военной экспедиции Поль Крампель. Он первым из европейцев пересек водораздел Конго — Чад и проник в область истоков Шари, точнее одной из образующих ее рек — Баминги. Поход этот закончился гибелью Крампеля и большинства других участников экспедиции в области между Баминги и Ауком в апреле 1891 г. В конце 1891 г. в том же направлении, но не так далеко, как Крампель, лишь до правобережья Кукуру, левого притока Баминги, продвинулась другая французская экспедиция — под начальством Жана (Яна) Дыбовского, поляка по национальности. Дыбовский доставил первые точные сведения о водоразделе Конго — Чад. Свое путешествие он описал в книге «Дорога к Чаду» (Париж, 1893).

Много более результативной с географической точки зрения была экспедиция Казимира Местра 1892—1893 гг. Двинувшись на север от Убанги, этот французский офицер перешел водораздел Конго — Чад несколько западнее, чем Крампель и Дыбовский, и открыл текущую на север реку Грибинги; в то время она была сочтена продолжением Кукуру, и лишь позднее выяснилось, что речь идет о самостоятельном истоке Шари. Местр проследил Грибинги почти до места ее слияния с Баминги, затем отклонился на северо-запад и открыл еще одну, самую западную из образующих Шари рек — Бахр-Сара (ныне именно ее обычно считают главным истоком Шари). Отказавшись ввиду недостатка средств от своего первоначального замысла проникнуть в Борну, французский путешественник двинулся форсированным маршем на запад, в Адамаву; он переправился через Логоне у Лаи, вышел к верхнему течению Бенуэ недалеко от места впадения ее правого притока Майо-Кебби, оттуда через Йолу прошел в Иби и спустился по Бенуэ и Нигеру до Гвинейского залива. Выполненная Местром тщательная съемка всего проделанного им пути, который в значительной своей части, от Убанги до Бенуэ, пролегал через совершенно неисследованную область, явилась крупным обогащением карты Африки. Принципиально важным результатом экс-

педиции Местра было то, что она впервые точно фиксировала положение того «веера» образующих Шари рек, о котором слышал еще Нахтигаль. К книге Местра «Через Центральную Африку», вышедшей в свет в Париже в 1895 г., была приложена составленная на основе его съемок детальная карта масштаба 1: 320 000.

Следующий шаг в изучении области водораздела Конго — Чад сделал в 1894 г. Франсуа Клозель, прошедший на северо-восток от места слияния Мамбере с Наной и открывший на противоположной стороне водораздела текущую в северо-восточном направлении реку Уам, исток Бахр-Сары.

Главная цель всех этих французских экспедиций — проникновение к озеру Чад — была достигнута в 1897 г., когда Эмиль Жантиль, переправив с Убанги на Грибинги канонерку «Леон Бло», спустился на ней вниз по Грибинги и далее по Шари до устья. Через несколько лет Жантиль вновь прибыл с берегов Убанги на Чад, на этот раз во главе большой военной экспедиции, которая, соединившись с двумя другими, двигавшимися к Чаду из Алжира и с Нигера, утвердила французское господство в Центральном Судане. Свою исследовательскую и военно-колониционную деятельность он описал в книге «Падение империи Рабаха» (Париж, 1902).

Менее значительные географические результаты были достигнуты на другом направлении французского продвижения — к Нилу. Кульминацией этого продвижения была сильно шумевшая в печати трансафриканская экспедиция Жана Батиста Маршана 1896—1899 гг. Поднявшись по Конго, Убанги и Мбому, Маршан переправил через водораздел Нил — Конго маленький разборный пароход «Федерб», спустился на нем по Суэ-Джуру и далее по Бахр-эль-Газалю до Белого Нила и поднял французский флаг в Фашоде, опередив тем самым экспедицию Китченера, продвигавшуюся в тот же район с севера, из Египта. Возникший в связи с этим англо-французский дипломатический конфликт закончился тем, что Франция пошла на уступку — Маршан был отозван. Покинув берега Нила, он проледел через Эфиопию в Джибути. Наиболее важным географическим достижением экспедиции Маршана явилась съемка Суэ-Джура — реки, большая часть течения которой до того оставалась в стороне от маршрутов путешественников. Съёмочные работы в области водораздела Нил — Конго, вдоль границы между современными Центральноафриканской Республикой и Суданом, проводились в конце 1890—1900-х годов Кюро, Руле и другими французскими колонизаторами.

В исследование западной части водораздела Конго — Чад существенный вклад внесли французский военный врач Юо и администратор Бернар, совершившие в 1900 г. путешествие от Грибинги до Санги; особенно важным результатом этой экспе-

диции было установление тождества Уама и Бахр-Сары (до того существовало мнение, что Уам — верховье Мпоко, правого притока Убанги). Область междуречья Убанги и Санги обследовали Р. Десирье де Повель в 1901 г. и Купе в 1902 г.

В 1901—1902 гг. экспедиция Дестенава (в которой участвовал молодой французский ботаник Огюст Шевалье, впоследствии один из крупнейших авторитетов по вопросам ботанической географии тропической Африки) выполнила точную съемку озера Чад и нижнего течения Шари. В те же годы капитан Лёфлер проложил путь от верховьев Санги к Бахр-Саре и Логоне и обследовал обширную территорию в бассейне этой последней реки. Он подтвердил дошедшие до европейцев еще со времен Барта слухи о том, что один из притоков Логоне в сезон дождей непосредственно сообщается с Майо-Кебби, притоком Бенуэ, через болото Тубури. В 1904 г. этой бифуркацией воспользовался Э. Ланфан, чтобы проникнуть водным путем из бассейна Нигера в бассейн озера Чад. Впоследствии Ланфан внес немалый вклад в изучение южной части бассейна Шари. Большое картографическое значение имели законченные в 1905—1907 гг. работы по демаркации границы между французскими владениями в Экваториальной Африке и Камеруном.

Исследования Западной Африки

На протяжении примерно трех последних десятилетий XIX в. все новое в географическом изучении Западной Африки было связано с разведывательными и военными экспедициями западных держав. Все эти экспедиции проводили различные географические наблюдения, маршрутную съемку и нивелировку, нередко геодезическую съемку, создавали рекогносцировочные карты. Одни маршруты пересекались с другими, и их густая сеть в относительно короткий срок свела на нет почти все «белые пятна» на карте Западной Африки.

С точки зрения географического изучения Африки в рассматриваемый период на первое место выступают результаты, полученные в связи со стремлением Франции создать единую колониальную империю от Магриба до Конго. Это стремление проявилось в продвижении французов к озеру Чад и Центральному Судану сразу с трех сторон: с севера через Алжирскую Сахару, с запада от Сенегала и колоний на побережье Гвинейского залива и с юга от французских форпостов на Нижнем Конго. Экспедиции по этим направлениям позволили окончательно установить линии главных водоразделов между бассейнами Конго, Шари, Нигера и рек, текущих в Атлантику к западу и востоку от бассейна Нигера. Далекое вперед продвинулось изучение бассейна Чада.

Более скромными по масштабам кажутся на этом фоне результаты исследований в прибрежных областях. Здесь в первую очередь англичане и немцы сосредоточили свои усилия на детальном изучении Золотого Берега, Того, Нигерии и других захваченных ими стран Гвинейского побережья. Но по существу именно здесь были заложены основы глубокого изучения природы и ресурсов влажнотропических районов Западной Африки.

До начала 1880-х годов продвижение европейских исследователей в глубь Западной Африки от побережья обычно проходило по долинам рек, многие из которых долгое время оставались известными лишь в нижнем течении. Широкие эстуарии некоторых рек даже в конце XIX в. порождали надежды на новые крупные открытия. Но при продвижении вверх от таких широких эстуариев на побережье Гвинеи, Берега Слоновой Кости или Золотого Берега иногда довольно быстро приходилось констатировать, что внушительные масштабы эстуария отнюдь не означают, что впадающие в них реки отличаются большой протяженностью. Так, по-видимому, было с экспедицией Ж. Бонна, занявшегося в 1875 г. сначала изучением реки Анкобры на Золотом Берегу, но вскоре перешедшему к исследованию бассейна Вольты в 1875—1876 гг. Многие сделал для изучения восточной части этого бассейна на территории Того Г. А. Краузе в 1886—1887 гг. Но наибольшие результаты в исследовании Вольты дала французская экспедиция во главе с Луи Гюставом Бенже, начавшаяся в 1887 г.

Бенже проник в бассейн Вольты с северо-запада, из Бамако. Его многочисленные маршруты проходили по почти неизвестным тогда районам северной части Берега Слоновой Кости и той территории, которая в результате деятельности Бенже вскоре стала другой французской колонией — Верхней Вольтой. Бенже после завершения территориального раздела этой части Западной Африки стал губернатором Берега Слоновой Кости. А в 1887 г. он стремился как можно дальше пройти в бассейн Вольты, чтобы опередить отряды «Королевской компании Нигера», выполнявшей для Англии те же задачи, что и экспедиция Бенже для Франции. Бенже удалось установить, что долина среднего течения Нигера значительно менее широка, чем это считалось, и что истоки Черной и Белой Вольты лежат совсем недалеко от этой долины. В 1889 г. Бенже завершил свою экспедицию у Гран-Бассама на атлантическом побережье в устье реки Комоз.

В 1891 г. полковник П. А. Монтейль продолжил исследования Бенже, выступив со своим отрядом из Сегу на Нигере и пройдя через всю излучину Нигера. На этом участке была проведена съемка района истоков Вольты и правых притоков Нигера, через который экспедиция вновь переправилась север-

нее Ниамея. Дальше Монтейль в 1892 г. двинулся на восток и через Сокото и Борну вышел к Чаду, а затем традиционным путем из Борну на север достиг Триполи.

Военный поход Монтейля как бы укрепил территориальные притязания Франции, основанные на экспедиции Бенже, и «Королевской компании Нигера» пришлось посчитаться с этим. В том же 1892 г. Бенже поручается провести демаркацию всей границы между французским Берегом Слоновой Кости (включавшим тогда и территорию будущей отдельной колонии Верхняя Вольта) и английским Золотым Берегом. Новые маршруты Бенже составили почти 2000 км. Демаркация требовала достаточно точной съемки, что и было выполнено под руководством Бенже. Значительная часть этих маршрутов охватила ранее неизвестную европейцам территорию.

Организация экспедиций Бенже и Монтейля с Нигера на восток и на юг стала возможной благодаря прочному закреплению к этому времени французов в Западном Судане — нынешнем Мали. Продвижение французов к верхнему и среднему течению Нигера от атлантического побережья до начала 1880-х годов шло медленно. Еще в конце 1850-х — начале 1860-х годов пройти от Гвинейского побережья на верхний Нигер пытался Ламбер, но ему удалось лишь исследовать плато Фута-Джалон. В 1863—1866 гг. попытку пройти от верхнего течения Сенегала к Нигеру предпринял еще один французский офицер — Э. Маж, которому было предписано установить судходные участки на Нигере. В инструкции Мажу верно предполагалось, что такой участок должен начинаться у Бамако. Маж дошел до Нигера, но продвинуться дальше Сегу не смог, хотя и собрал немало ценных и интересных сведений о Западном Судане, вошедших в его книгу, получившую широкую известность в Европе и переведенную в 1872 г. на русский язык под названием «Западный Судан. Путешествие капитана Мажа».

С конца 1870-х годов французы сосредоточивают усилия на достижении среднего течения Нигера из Сенегала, где они давно и наиболее прочно обосновались. Еще до осуществления захватов на Нигере возникает идея постройки железной дороги от Дакара до Нигера. Первые французские военные экспедиции сочетаются с исследованием намеченной трассы этой дороги.

В 1881 г. из Сенегала начинает свой марш колонна под командованием Жозефа Симона Галлиени, которой только в 1883 г. удастся захватить Бамако. В 1885 г. Ж. Туте предпринимает неудачную попытку спуститься по Нигеру, рассчитывая проплыть из района Томбукту до устья реки. В 1887 г. Д. Э. Карону на специально построенных судах удается освоить речной путь от Бамако до речных ворот Томбукту —

Кабары. После захвата Томбукту французами в 1894 г. лейтенант Э. А. Л. Урст наконец совершает первым плавание по всему течению Нигера от Кабары до океана.

Но основные проблемы течения Нигера были уже давно решены. В этот период остро встала задача детального обследования всего бассейна этой великой западноафриканской реки для хозяйственного освоения, в котором были заинтересованы колониальные метрополии. Как отмечалось выше, англичане первыми широко развернули такие исследования по нижнему течению Нигера. Хотя здесь прошли десятки исследователей, но их маршруты совпадали, как правило, с речными долинами, а большие пространства между речей от слияния Нигера с Сокото и до дельты оставались совершенно или почти неизученными. Для осуществления новых задач колониальной администрации прежде всего нужны были карты.

В 1890—1891 гг. топографическую съемку по Бенуэ вплоть до его верхнего течения проводит Г. Л. Голлуэй, а по Нижнему Нигеру и его притокам — А. Ф. Моклер-Ферримэн и К. М. Макдоналд. Голлуэй известен также как исследователь пояса лагун между дельтой Нигера и Лагосом. В 1893 г. Фаулер проводит съемку южной части Нигерии от Лагоса до дельты Нигера. В 1899 г. после официального объявления всей территории Нигерии английской колонией картографические работы начинаются и на севере этой страны. Первые карты для этой части Нигерии были получены в результате съемок смешанной англо-французской экспедиции по демаркации границ Нигерии и французской колонии Нигер в 1902—1903 гг. В 1904—1907 гг. большая группа английских военных топографов как бы завершает работу, начатую Фаулером, и создает первую топографическую основу для всей Нигерии. Незадолго до этого немецкие картографы выпустили карты, покрывавшие всю территорию Того (1899 г.).

На грани последних столетий демаркационные работы охватывают всю Западную Африку. Здесь, как и почти во всех других африканских колониях, в это время организуются постоянные топографические службы, подчиненные картографическим ведомствам в метрополиях. Демаркационные работы были важным шагом на пути создания современной карты Африки. В 1898—1900 гг. проводится демаркация границ между Того и Дагомеей, в 1902 г. — между Того и Золотым Берегом, в 1903 г. — между Сьерра-Леоне и Либерией и т. д. В 1909 г. завершаются геодезические работы и картирование, позволившие наконец демаркировать границы французских владений (Гвинеи и Берега Слоновой Кости) с Сьерра-Леоне и Либерией в труднодоступных горных массивах, тогда еще почти повсеместно покрытых нетронутыми влажнотропическими лесами. В ходе этих работ были уточнены съемки полковника

Дж. К. Троттера, в 1896 г. проводившего картирование истоков Нигера — Джолибы.

В 1909 г. группа английских топографов проводила съемку на территории Либерии, создав рекогносцировочную карту, долгое время бывшую единственной картой для ряда внутренних районов этого африканского государства. В том же году англичане проводят геодезическую съемку на востоке Нигерии, где из-за сложности рельефа до этого времени не была закончена демаркация границы с Камеруном.

Исследования Центрального Судана и области Чада в этот период были связаны как с западноафриканскими экспедициями, так и с проникновением французов в этот район со стороны Сахары и Конго, рассмотренном в других разделах этой главы. В 1900 г. к озеру Чад пришла пересекающая Сахару колонна под командованием Фуру и Лами. Почти одновременно сюда подошел и отряд Мейнье, примерно повторивший путь Монтейя. Отряд Фуру прошел на юг по пути Жантия и возвратился назад к Чаду. Все это позволило французам, установив полный контроль над областью Чада, приступить к планомерной геодезической съемке озера Чад и нижнего течения Шари силами топографов отряда полковника Ж. Дестенава.

Некоторые новые данные по озеру Чад были получены в 1904 г. Бойд-Александром, организовавшим экспедицию, ставившую целью пересечь Африку с запада на восток водным путем — от Нигера до Нила. Бойд-Александр задержался на озере Чад и исследовал его зеркало, установив, что в засушливый сезон оно состоит из нескольких расчлененных водных поверхностей, сливающихся в одно зеркало лишь после заполнения озерной чаши водами притоков Чада. Экспедиция Бойд-Александера дала немного для науки, хотя дорого стоила для многих ее участников, погибших вскоре после ухода с Чада от рук кочевников. Та же участь позже постигла и Бойд-Александера в его новом путешествии в 1910 г. где-то между Вадаи и Дарфуром.

Исследования Атласских стран и Сахары

В конце XIX в. три североафриканские страны — Тунис, Алжирия и Марокко — находились на совершенно разных уровнях географической изученности. Территория упорно боровшегося за свою независимость Марокко все еще была почти недостижима для научного изучения европейцами. Относительно небольшой по площади Тунис после кабального договора с Францией стал с начала 1880-х годов полем бурной исследовательской деятельности французских ученых, в короткий срок завершивших географическое изучение этой страны. В Алжи-

рин в 1880 г. французы торжественно отмечали пятидесятилетие захвата Алжира. За эти 50 лет территория Северной Алжирии, т. е. внесахарской части страны, была изучена в географическом отношении не хуже даже некоторых европейских стран.

С этой неравномерностью в изученности стран Северо-Западной Африки были связаны отсутствие достаточно четкого представления о единстве Атласской природной области и незавершенность орографической схемы Атласа, не вполне еще ясной в западной части — в Марокко. Изучение сахарских районов Северо-Западной Африки в это время все еще ограничивается отдельными маршрутами путешественников-одиночек или военных отрядов.

В Северной Алжирии к 1880-м годам период общего географического изучения полностью закончился. Для всей этой территории имелись топографические карты самых разных масштабов и высокой точности. Были завершены обзорные работы по геологии, гидрогеологии, климатологии, ботанике, этнографии этой части Атласской области. В 1898 г. обширный труд по географии Алжирии Ж. А. Баттандье и Л. Трабю как бы подвел итог всем этим исследованиям.

В течение примерно 30 лет, с начала 1880-х годов и до первой мировой войны, изучение Северной Алжирии приобретает характер углубленного исследования всех компонентов природы, ресурсов и возможности более интенсивного хозяйственного использования различных природных районов этой средиземноморской части Африки. Среди исследователей этого периода, естественно, доминируют французы, главным образом представители отдельных естественных наук. Но по Алжирии в эти годы путешествуют и ученые из других европейских стран, в том числе немало наших соотечественников, например географы М. И. Венюков (1884) и А. В. Елисейев, о путешествии которого по Алжирской Сахаре в 1885 г. подробнее говорится ниже, ботаник В. И. Липский (1902), почвовед Д. А. Драницын (1913), зоолог Е. Н. Павловский (1914) и некоторые другие. Эти ученые, бесспорно, внесли определенный вклад в изучение природы Алжирии.

В Тунисе вскоре после договора на вилле Бардо, фактически превратившего эту страну после 1881 г. в колонию Франции, по «алжирскому опыту» организации исследовательских работ создается «Миссия по научному изучению Туниса». До 1890-х годов эта миссия сама проводит и координирует следующие одна за другой французские научные экспедиции в Тунис, успешно собиравшие материалы по геологии, гидрогеологии, почвам, флоре и т. д. В 1885 г. создается метеорологическая служба. Вскоре заканчивается составление современной топографической карты на всю территорию страны. Особенно активно в эти годы изучаются геология и полезные ископаемые Туниса.

В 1907—1913 гг. стал возможен выпуск трехтомного геологического описания всей страны, подготовленного Ф. Тома. Эта монография включила подробную характеристику орографии и геоморфологии Туниса. Почти одновременно появились обобщающие сводки по гидрографии и гидрологии, флоре, агроклиматологии страны, специальные физико-географические карты. Период общего географического изучения Туниса завершился таким образом, в самом начале XX столетия.

Резким контрастом на фоне Северной Алжирии и даже Туниса выглядит в эти годы положение с изучением Марокко, география которого до конца XIX в. все еще основывается на отрывочных сведениях, самые свежие из которых относятся к путешествиям таких одиночек, как Каиэ или Рольфс. Отдельные новые географические данные поступали обычно от участников европейских дипломатических миссий в Марокко. Но эти миссии чаще всего следовали по одной и той же «дороге послов» — от Танжера до Феса. Лишь изредка этим европейцам удавалось добраться до Марракеша или посетить некоторые северные районы страны. Так, в 1870-х годах группа немецких путешественников (К. Фрич, Теобальд Фишер и другие) смогла попасть в область Гарб и смежные с ней равнины на севере Марокко. В 1879—1882 гг. Г. Шаудт проник в предсахарские прибрежные районы страны. В 1880 г. Оскар Ленц в путешествии, закончившемся в Томбукту, сначала пересекает все Марокко от Рифа до Марракеша, затем по западной окраине Высокого Атласа и Анти-Атласа через Джебель Бани доходит до оазиса Тиндуф на караванном пути в Западную Сахару.

Трудность проникновения в Марокко до конца XIX в. объясняется прежде всего политическими причинами. Это государство оставалось последней страной в Северной Африке, не захваченной колониальными державами. Но оно было в то же время объектом ожесточенной борьбы между этими державами, каждая из которых хотела стать единоличным хозяином плодородных земель и богатейших недр Марокко. Между прочим, целью ряда французских и немецких легальных и нелегальных путешествий в эту страну в этот период был сбор информации о ее минеральных ресурсах.

Борьба Франции и Германии за Марокко, как известно, не раз в 1905—1911 гг. ставила эти державы на грань войны. Германия «отступилась» от Марокко в пользу Франции, лишь получив за это значительную часть правобережного Конго, захваченного Францией. Только в 1912 г. Фесский договор дал возможность Франции оккупировать большую часть Марокко, некоторые области которого по этому же договору стали протекторатом Испании. Напряженная международная обстановка не позволяла до этого договора ни одной из империалистических держав решиться на прямое вторжение в Марокко, где,

защищая свои интересы, марокканцы стремились всеми средствами не допускать проникновения даже одиночных нежелательных европейцев. Именно поэтому многим европейским путешественникам по Марокко в конце XIX — начале XX в. еще приходилось маскироваться под жителей этой страны. В первую очередь это относится к тем лицам, которые действительно путешествовали в разведывательных целях, хотя собранные ими сведения попутно становились и достоянием географической науки.

Одной из таких наиболее ярких фигур был французский военный разведчик виконт Шарль де Фуко. В 1883—1884 гг. он совершил свое наиболее знаменитое путешествие по Марокко, замаскировавшись под марокканского еврея. От атлантического побережья Марокко Фуко добирается до Высокого Атласа и пересекает его восточнее маршрутов Кайе и Рольфса. Он исследует межгорную равнину между Высоким Атласом и Анти-Атласом и северные склоны Анти-Атласа, вновь пересекает Высокий Атлас и изучает верхнее течение Мулуйи. Фуко удалось выяснить все основные черты сложной орографии западной части Атласской горной системы. Он определил положение главных горных сооружений Центрального и Южного Марокко, многие из которых сохранили в географии названия, данные им Фуко. Собранные в долгом путешествии сведения Фуко включил в свой двухтомный труд «Разведка Марокко», вышедший в 1899 г. Дальнейшая жизнь Фуко немного напоминает необычную биографию Булатовича. Фуко принимает сан католического священника, но в отличие от Булатовича занимается не только делами религии, а сочетает миссионерскую деятельность с выполнением заданий французской армии. По совету своего сподвижника и друга генерала Лаперрина «отец Фуко» поселяется в центре Ахаггара в Таманрассете, где ведет метеорологические и астрономические наблюдения, попутно собирая информацию о передвижениях туарегов. В 1916 г. во время одного из набегов кочевников он был убит в своей обсерватории.

В 1886 г. упоминавшийся уже Дювейрье сделал попытку проникнуть в Риф, но смог исследовать лишь северный участок алжиро-марокканской границы. В 1887 г. К. Дуль потерпел неудачу в попытке проникнуть в Сахару через Южное Марокко. В 1888 г. англичанин Дж. Томсон проникает до Среднего Атласа с севера. В 1901 г. маркиз Сегонзак, переодетый арабом, совершает свое первое путешествие по Марокко, добираясь до Анти-Атласа, где он был разоблачен, но остался жив.

Важным этапом в изучении Марокко в этот период явились путешествия геологов. Французские горнодобывающие компании, а также немецкие промышленники были заинтересованы в получении максимально точных сведений о месторождениях полезных ископаемых в стране, где они рассчитывали вскоре приложить свои капиталы. В 1901—1907 гг. совершает пять

путешествий в Марокко Брив, будущий профессор геологии Алжирского университета. Наиболее продолжительным было его путешествие в 1903 г., когда он из Мазагана прошел через прибрежные равнины Абда — Дуккала, углубился на восток до области Рехамна, достиг Марракеша и из него совершил ряд поездок в Высокий Атлас и в долину уэда Сус. Всего в путешествиях по Марокко Брив провел около двух лет. Он подчеркивал, что европеец должен путешествовать в Марокко открыто и поддерживать дружественные отношения с населением. Брив неоднократно брал с собой в путешествие жену, вместе с которой они занимались оказанием медицинской помощи местным жителям.

С аналогичными целями, но на средства германских компаний в 1906 г. в Марокко начал геологическую съемку Р. Маннесманн, которого в 1907—1913 гг. сопровождали его четыре брата. С 1904 г. и фактически до конца своей жизни в 1925 г. проводит исследования в Марокко французский физико-географ и геолог Луи Жантиль. Его первое путешествие происходило в составе новой экспедиции Сегонзака. Жантиль проникает в районы, закрытые для европейцев, выдавая себя то за дервиша, то просто за нищего. Еще в первые годы исследования Марокко он шесть раз пересекает всю систему Марокканского Атласа и по существу окончательно уточняет его орографическую схему. В 1907—1908 гг. Жантиль уже без маскарада исследует область Шауйа и массив Бени-Снассен. В 1912 г. после оккупации Марокко французами Жантиль становится советником по науке при резиденте Франции генерале Лиотее. В том же году в Париже выходит написанная Жантилем первая физическая география Марокко.

Таким образом, к моменту французской оккупации географическое обследование Марокко в основных чертах было завершено. Были накоплены некоторые исходные материалы, особенно по геологии, для дальнейшего более углубленного изучения природы, населения и хозяйства страны. С 1917 г. почти на всей территории Марокко начаты рекогносцировочная съемка и геодезические работы, позволившие с начала 1920-х годов выпускать современные топографические карты разных масштабов. Но многие районы страны оставались почти недоступными даже для военно-топографических отрядов из-за отчаянного сопротивления свободолюбивых горцев. Только в 1920-х годах французам удалось подавить сопротивление Рифа, а в Анти-Атласе очаги сопротивления сохранились даже до 1930-х годов.

Последней страницей в истории географического исследования Африки явилось изучение огромных пространств Сахары, все еще остававшихся самыми крупными «белыми пятнами» на карте континента. В конце XIX — начале XX в. эти исследования в основном были сосредоточены на Западной и

Центральной Сахаре, оказавшихся в сфере французской экспансии в Северной Африке. Почти все крупные сахарские экспедиции этого периода были проведены французами и, как правило, непосредственно связаны с широкой кампанией Франции по завоеванию и освоению Сахары.

В 1870—1880-х годах еще продолжались отдельные путешествия исследователей-одиночек, проникавших в глубь Сахары или даже пытавшихся пересечь ее с севера на юг. Но в связи с активными действиями французской армии на севере Сахары все более усиливалась враждебность кочевого населения пустыни к французам. Такие путешествия для них стали крайне опасны. В 1874 г. около Гадамеса гибнут Дурно-Дюпере и Жубер, в 1877 г. туареги убивают вблизи Аира Э. фон Бари. Правда, Ленц, как отмечалось, благополучно пересекает Западную Сахару в 1880 г., но в 1885 г. Пала гибнет у Айн-Салаха, в 1886 г. терпит неудачу Дювейрье, а вскоре гибнет К. Дуль.

В 1884 г. большое путешествие по Северной Сахаре удается совершить русскому географу Александру Васильевичу Елисееву. Это была его третья, и предпоследняя, экспедиция в Африку после двух путешествий в Египет. Елисеев сначала попытался проникнуть в Сахару из Триполи, но караван вернулся с пути из-за слухов о волнениях в Сахаре. Тогда Елисеев из Туниса добрался до Бискры, затем прошел до Гадамеса и возвратился в Алжир через Уарглу и Туггурт. Он изучал быт кочевников, попутно занимаясь их врачеванием, собирал материалы о природе пустыни, давшие немало нового для развития представлений о типах рельефа песков, климате, флоре и фауне Сахары.

Особенно важное значение для научного изучения Сахары имели крупные экспедиции, порожденные двумя гигантскими проектами освоения Сахары, родившимися еще в 1870-х годах—проектом создания внутреннего сахарского моря и проектом постройки транссахарской железной дороги.

Еще в 1850 г. Бербрюже, бывший членом Научной комиссии по изучению Алжирии, во время исследования территории на границе Алжирии с Тунисом отметил своеобразие гипсометрии депрессий Шотт-Джерида в Южном Тунисе и Шотт-Мельгира в Алжирии, лежащего на 20 с лишним метров ниже уровня моря. Карл Риттер, Александр Гумбольдт и ряд других крупнейших географов середины XIX в. высказали гипотезу о том, что Средиземное море еще в четвертичное время вдавалось глубоким заливом в Сахару на юге Туниса, доходя до депрессий указанных выше шоттов. Не располагая никакими научными доказательствами, в поддержку этой гипотезы выступили позже Рольфс и некоторые другие географы и геологи. В 1872—1879 гг. детальные геологические исследования на юге Туниса, проведенные французским геологом Помелем, казалось

бы, неопровержимо доказали несостоятельность этой гипотезы. Но в 1873—1875 гг. организуется специальная экспедиция Рудера, чтобы проверить на местности возможность прорытия канала для пропуска морской воды в Шотт-Джерид и создания так называемого внутреннего сахарского моря. Положительным результатом такого повышенного интереса к этому району Северной Сахары явились его детальная топографическая съемка, работы по нивелированию и особенно геологические изыскания, во многом способствовавшие пониманию геологической истории Северной Сахары. Идея создания внутреннего сахарского моря просуществовала до 1950-х годов в Европе, а в 1960-х годах возродилась вновь в независимом Тунисе.

Идея построить железную дорогу, чтобы соединить Алжирию с французскими колониями к югу от Сахары, возникла во Франции в середине 1870-х годов. Этой идее тоже не суждено было осуществиться полностью до наших дней, хотя сто лет спустя — в 1970-х годах — и этот проект вновь оживает в независимой Африке.

В 1875 г. инженер Дюпоншель сделал первую попытку разведать возможную трассу такой дороги из Алжира, но не смог пройти дальше Лагуата. Вскоре было решено организовать несколько экспедиций для выбора лучшей трассы по Северной Сахаре. В 1879—1880 гг. отряды Пуяна и Шуази исследуют в связи с этой задачей сахарские районы к югу от департамента Оран в Алжирии и путь от Лагуата до Эль-Голеа. Было собрано много данных по гипсометрии, формам рельефа, геологическому строению обследованных районов и т. п. Обеим этим экспедициям не удалось продвинуться дальше в Сахару. В начале 1880 г. третий отряд под начальством полковника П. Флаттера выступил с той же рекогносцировочной целью из Бискрсы. Флаттер, полагаясь на большую вооруженную охрану, надеялся провести маршрутную съемку до Нигера. В декабре 1880 г. отряд прошел Уарглу и в начале 1881 г. достиг плато Тингерт, где вся экспедиция была истреблена туарегами где-то у северной оконечности сухого русла Ихаргара.

Гибель отряда Флаттера была использована как прямой повод для организации военного вторжения и оккупации Сахары. Для осуществления этого плана Франции было необходимо завершить переговоры о разделе сфер влияния в Северной Африке. В отношении Сахары этого удалось достичь только в 1890 г. В течение нескольких лет экспедиции в глубь Сахары не снаряжаются. Большой отряд Фернана Фура, сформированный в 1880-х годах, не рискует отходить далеко от Уарглы.

К 1890 г. были не только устранены международные преграды для французской оккупации сахарских областей, но и созданы экономические и военные предпосылки для этого вторжения. Были учтены неудачи прежних экспедиций, связанные

с недостаточным знанием географии пустыни, удобных проходов через песчаные массивы и горы, расположения колодцев и т. д. В войска, готовившиеся к сахарским походам, включались отряды топографов, к ним прикомандировывались ученые, а офицеры проходили специальную подготовку для того, чтобы самостоятельно проводить различные географические исследования. Благодаря этому в последующие годы французские колонны, проходившие через Сахару, смогли провести разнообразные исследования неизвестных районов пустыни.

В 1890 г. Фуру делает первую попытку со своим отрядом достичь Айн-Салаха — своеобразной экономической столицы кочевых туарегов. Отряду пришлось остановиться в предгорьях Тадемаита. В 1892 г. отряд Ж. Мери проходит до Темассина, а в следующем году Фуру с новыми подкреплениями продолжает наступление на Айн-Салах. Только в 1894 г., пройдя с боями через все плато Тадемаит, отряд Фуру наконец захватывает Айн-Салах, откуда в 1895—1897 гг. совершаются рейды в предгорья Ахаггара. Эти рейды были частью стратегического плана французов, которым требовались данные для обеспечения дальнейшего продвижения войск. На протяжении семи лет Фуру и его офицеры собрали огромный материал по орографии, геологии, климату, фауне и растительности Центральной Сахары, провели рекогносцировочную съемку нескольких тысяч квадратных километров и маршрутные съемки очень большой протяженности.

Настоящее завоевание Сахары французы начали в 1898 г., когда отряд Фуру соединился с отрядом майора Лами и объединенная колонна двинулась от Уарглы к Чаду через Ахаггар. После операций в Ахаггаре, наводящих на мысль о запоздалой мести за гибель Флаттера, колонна дошла до Агадеса и через Зиндер вышла к Чаду, где ее ожидали отряды Мейнье — Жоаллана и Жантиля. В одном из сражений Лами был убит. О дальнейшем маршруте Фуру говорилось выше.

В 1900 г. Фуру доставил собранные им сведения, карты, различные коллекции и другие материалы в Париж, предоставив их в распоряжение ученых. В 1904—1905 гг. в трех томах были опубликованы «Научные документы Сахарской экспедиции (миссия Фуру — Лами) от Алжира до Конго, через Чад».

После похода Фуру — Лами еще много лет исследования глубинных районов Сахары проводятся только военными экспедициями, хотя в них все чаще включаются ученые или же для сопровождения ученых выделяются крупные военные отряды. В конце 1899 г. начинает свои многолетние исследования в Центральной Сахаре геолог из Алжира Ж. Фламан. В его первом путешествии в южную часть Тадемаита для охраны с ним был направлен отряд из 140 солдат. Исследования Фламана завершились в 1911 г. монографией объемом в тысячу страниц

о географических и геологических наблюдениях в Алжирской Сахаре. В 1902 г. офицеры Коттене и Гило-Лоан с большим отрядом проникают в самый центр Ахаггара, поднимаются на его высшие точки и устанавливают их абсолютную высоту. В 1903 г. Лаперрин во главе большой колонны проходит через западную часть Ахаггара, где в 1904 г. соединяется с отрядом Тевеньо, пришедшим сюда из Томбукту.

В 1905 г. делает первые шаги в изучении Сахары видный французский географ Э.-Ф. Готье, будущий первоклассный знаток этой пустыни. Вместе с ним начинает также свое первое сахарское путешествие преподаватель Алжирского университета Рене Шюдо. Как и Готье, он увлекается изучением Сахары, и для обоих французских ученых ее исследование становится основным в их научной жизни. Шюдо, попросивший у ректора короткий отпуск, чтобы сопроводить своего коллегу Готье в Сахару, затем с небольшими перерывами путешествует по пустыне до 1918 г. В путешествии 1905—1906 гг. Готье из Туата совершает переход до Нигера и возвращается во Францию через Сенегал, а Шюдо, прежде чем направиться в Дакар, поворачивает от Ахаггара на юго-восток и через Зиндер проходит к Чаду, затем следует на запад через Ниамей, Томбукту и Бамако и уезжает в Сенегал. В 1908 г. вышло первое издание классического труда Готье — «Алжирская Сахара», а через год книга Шюдо «Суданская Сахара».

В 1906 г. отряд Арно совершает поход из Адрара в Гао и оттуда на юг до побережья Дагомеи. Из пяти тысяч километров в этом маршруте более тысячи приходится на совершенно неизученные районы пустыни. В том же году М. Кортье приступает к топографической съемке Адрара, а в 1909 г. этот офицер вместе с отрядом Ж. Ньеже картирует Ахаггар, Тассили и Аир, первая карта которого печатается в 1910 г. В 1912 г. Кортье совместно с Шюдо проводит детальное обследование всей западной части Ахаггара, но результаты этой экспедиции были опубликованы только в 1925 г. Приложенная к отчету карта оставалась главным картографическим материалом для района несколько десятилетий.

Военные и топографические отряды, научные экспедиции в эти годы буквально бороздят просторы Сахары. В западной ее части исследования этого периода начались в 1905 г. экспедицией военного отряда Фли-Сент-Мари в пустыню к западу от Туата. В 1913 г. его работу продолжил Ожьера, занимавшийся картированием Западной Сахары до начала 1920-х годов. Его маршруты доходили от Ахаггара до юга Мавритании, смыкаясь с районами рекогносцировки Мавритании, проводившейся из Сенегала майором Лозанном.

После 1912 г. среди исследователей Центральной Сахары выделяется фигура Жана-Огюста-Мари Тило. В 1912 г.

он назначается начальником французского гарнизона области Канем к северо-востоку от Чада. Служба Тило проходила почти в непрерывных карательных экспедициях, особенно частых в годы первой мировой войны, когда в Сахаре создается сплошной фронт восставших кочевников от юга Туниса до Судана. Маршрут многолетнего похода Тило проходил через Тибести, Борну, Эннеди и западную часть Кордофана и Вадаи и даже Дарфура, откуда в 1917 г. он вернулся в Канем. На всей этой территории Тило занимался определением географических координат, исправлял неточности ранее проведенных определений, измерял высоты, вел маршрутную съемку и занимался картированием. Маршрутная съемка Тило по протяженности достигла 10 000 км. Все это позволило ему подготовить четыре листа международной миллионной карты мира, охватившей значительную часть Центральной Сахары. В 1919 г. Тило публикует краткий географический очерк о Тибести, Борку и Эннеди, а в 1926 г. вышла его книга «От озера Чад до Тибести».

Исследование восточных областей Сахары в рассматриваемый период происходило совершенно независимо от изучения западной и центральной частей этой в физико-географическом отношении единой природной области. В 1896 г. в Египте была создана геологическая служба, которая возглавила систематическое изучение пустынь на территории Египта и примыкающих к нему районах Ливийской пустыни на западе. Экспедиции преимущественно английских ученых и военных в начале 1900-х годов завершили сбор материалов, обеспечивавших довольно полную географическую характеристику Сахары от Нубийской пустыни до Ливии. В 1909—1911 гг. эти данные были дополнены результатами экспедиций В. Дж. Хардинга-Кинга в Ливийскую пустыню и исследованиями В. Ф. Юма, Дж. Болла и других путешественников в северо-восточных частях Сахары.

Военные англо-египетские экспедиции в годы первой мировой войны обследовали малоизвестные территории Сахары к западу и юго-западу от Вади-Хальфа вплоть до районов, незадолго перед этим изученных отрядом Тило. Обследование и съемка Восточной Сахары проводились эпизодическими экспедициями и в 1920-х годах. Но на всей территории Сахары, как на востоке, так и на западе оставались «белые пятна», стертые только после начала широкого применения аэрофотосъемки, уже на современном этапе исследования Африки.

Мадагаскар

После военного вторжения на Мадагаскар Франция в 1886 г. объявила свой протекторат над островом, ставшим по существу одной из ее колоний. Однако покорение всего острова

растянулось на долгие годы и завершилось лишь в 1896 г. Как и во всех французских колониальных экспедициях, вместе с войсками, покорявшими страну, продвигались и ученые.

В этот период существенный вклад в изучение северо-западных прибрежных районов и юго-восточной части острова внесли Л. Ката и К. Местр, совершившие в 1889 г. в два приема пересечение острова по диагонали. В 1892 г. исследования природы Мадагаскара начал Г. Готье, опубликовавший вскоре детальную физико-географическую характеристику острова на основании своих наблюдений и результатов путешествий Грандидье и его коллег. Все эти работы способствовали появлению в 1895 г. новой обзорной карты Мадагаскара масштаба 1:2 000 000. Год спустя началась детальная съемка острова французскими военными топографами. С 1896 по 1906 г. они создали первую карту Мадагаскара в масштабе 1:500 000.

В эти годы на Мадагаскаре проводятся и крупные научные экспедиции, среди которых особое место занимают исследования сына А. Грандидье — Гийома Грандидье, изучавшего в 1898—1902 гг. южную и западную части Мадагаскара и обследовавшего несколько совершенно неизвестных европейцам районов острова. Французские ученые начинают организовывать специальные экспедиции для изучения геологического строения, растительного и животного мира Мадагаскара, развиваются этнографические исследования. В 1906 г. в Антананариву создается Географическая служба, основной задачей которой становится проведение геодезических работ, необходимых для создания карты острова в масштабе 1:100 000. Выпуск первого издания этой карты растянулся почти на 20 лет и завершился только в 1924 г. Таким образом, уже в первой четверти XX в. территория Мадагаскара была детально закартирована и дальнейшие исследования были ориентированы преимущественно на изучение природных условий и ресурсов, особенностей жизни и хозяйства населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АФРИКИ

Современный этап научного исследования географических проблем Африки начался после того, как были стерты основные «белые пятна» на карте внутренних областей континента. Для разных территорий Африки начало современных научных исследований географического профиля датируется по-разному, но почти для всех африканских стран оно связано с развитием колониальной эксплуатации. С конца XIX в. и почти до 1960-х годов на большей части Африканского континента географические исследования проводились в интересах колониальных метрополий и поэтому были преимущественно направлены на изучение отдельных компонентов природной среды и естественных ресурсов для облегчения эксплуатации тех природных богатств Африки, которые наиболее интересовали колонизаторов. Во французских колониях в Северной Африке такие исследования, как мы видели, развернулись уже с середины XIX в. По особому пути пошли географические исследования в Южной Африке, где сформировалось специфическое расистское государство, в котором «белое» меньшинство установило колониальное господство над коренным населением этой части Африки. Некоторые особенности в развитии современных географических исследований имелись и в других колониальных, полуколониальных (Египет до 1950-х годов) и независимых (Эфиопия, Либерия) странах Африки. Однако в целом для Африки началом современного этапа исследований континента можно считать начало XX в.

Этот этап отчетливо делится на два периода: колониальный, продолжавшийся до конца 1950-х годов, и период независимости, началом которого принято считать 1960 год — «год Африки», когда большинство стран континента освободилось от колониального гнета.

В течение долгого колониального периода научные исследования природы и ее ресурсов в Африке, как правило, не носили планомерного и даже систематического характера. Они обычно определялись либо конкретными интересами компаний, фирм и других частных предпринимателей из метрополий, либо интересами отдельных ученых, также преимущественно из метрополий. Конечно, проведенные таким путем исследования способствовали накоплению знаний о природе Африки, географии населения, хозяйства. Однако в ходе таких исследований, равно как и в работе научных учреждений и научно-практических служб, возникших в XX в. почти во всех колониях, преобладала ориентация на изучение тех географических проблем, которые представляли непосредственный стратегический или экономический интерес для колонизаторов. По этой же причине, несмотря на внешне кажущееся обилие различной информации по природным условиям, ресурсам, населению и хозяйству, для большей части африканских стран уровень научной изученности их территорий оказался совершенно недостаточным, когда встал вопрос о независимом развитии народного хозяйства этих стран.

Тем не менее даже в самом кратком обзоре итогов исследования Африки в первой половине XX в. заслуживают упоминания некоторые крупные научные учреждения и организации, созданные на континенте колониальными метрополиями, в основном в 1930—1950-х годах. С ними связано появление большого количества публикаций этих лет по географическим проблемам Африки. Некоторые из этих учреждений послужили в дальнейшем исходной базой для развития национальных исследовательских организаций в независимых африканских странах.

Общий обзор научных исследований Африки южнее Сахары в колониальный период был опубликован в 1958 г. Э. Уортингтоном, бывшим в 1950—1955 гг. генеральным секретарем так называемого Научного совета для Африки. После второй мировой войны крупнейшей научно-исследовательской организацией, объединявшей ученых из метрополий, занимавшихся исследованиями в африканских колониях, стала межправительственная Комиссия по техническому сотрудничеству в Африке к югу от Сахары (ССТА). При этой комиссии и был создан Научный совет для Африки из представителей колониальных держав — Англии, Франции, Бельгии и Португалии. В отдельные периоды в совет входили также ученые из Испании и Южной Африки. Комиссия лишь координировала и направляла исследования, которые практически проводились учеными

из Бельгии в бельгийских колониях, французскими учеными — во французских и т. д. Основная деятельность комиссии заключалась также в обобщении результатов исследования природных условий в Тропической Африке, проводившегося в колониях разных метрополий, в издании сводных карт и монографий, проведении научных конференций и т. д.

В самих колониях в это время уже существовало несколько крупных научно-исследовательских учреждений. Так, в Бельгийском Конго еще в 1933 г. был создан Институт агрономических исследований. После второй мировой войны здесь же возник Институт научных исследований в Центральной Африке, который проводил изучение природы бассейна Конго и его ресурсов, не связанных с сельскохозяйственным развитием.

В 1938 г. в Дакаре был открыт Французский институт Черной Африки (ИФАН). В 1940—1950 гг. филиалы этого института возникли в большинстве из восьми колоний Французской Западной Африки, а также в Того и Камеруне. ИФАН долгие годы возглавлял один из крупнейших натуралистов Франции, географ-африканист Теодор Моно. Под его руководством ИФАН уделял особое внимание географическому изучению Тропической Африки, геоботаническим, экологическим и другим исследованиям в Западной Сахаре, в горных районах Западной Африки и на стыке саванн сахельской и суданской природных зон. Трудными сотрудниками института были созданы основы комплексного атласа Западной Африки, выпущены этнодемографические карты пестрых в этническом отношении районов этой части континента и ряд ценных монографий по указанным выше географическим проблемам. После достижения независимости Сенегал сохранил этот институт как национальное научное учреждение. Слово «французский» в его названии было заменено на «фундаментальный», и таким образом без изменений осталось сокращение ИФАН, знакомое африканистам всего мира.

Развитие в ИФАНе даже в колониальный период исследований, направленных на объективное изучение различных географических закономерностей в Западной Африке, и относительно небольшая связь с задачами непосредственного ведения колониальной экономики во многом объясняются тем, что для практических целей во Франции было создано специальное научно-практическое учреждение — Управление научных и технических исследований в заморских владениях (ORSTOM). Его центральный аппарат и даже большинство лабораторий находились во Франции, а в колониях работали экспедиции и была создана сеть опытных станций. Это Управление проводило изучение почв, растительности, водных и климатических ресурсов и т. д., занималось специальным картографированием. На Мадагаскаре, а позже и в Камеруне также были организо-

ваны научно-практические центры, занимавшиеся и проблемами географического изучения этих стран. Значительные исследования тропической природы проводил в послевоенные годы Институт тропических исследований в Абиджане. Так выглядела в основных чертах система научных учреждений, проводивших исследования, связанные с географическим изучением Африки во французских колониях к югу от Сахары накануне достижения этими колониями политической независимости.

В английских владениях в Африке заметно преобладали исследования сугубо практической направленности для нужд колониальной эксплуатации. Например, такие учреждения, как западноафриканские институты рыболовства, рисоводства и т. п., созданные в Нигерии и Гане, Восточноафриканская организация по исследованиям для сельского и лесного хозяйства и многие другие подобные им институты и организации в британской Восточной или Западной Африке, довольно редко занимались комплексными проблемами географического изучения соответствующих территорий. После второй мировой войны более широко такими проблемами занимались получившие развитие в английских колониях университетские колледжи. Точно так же в странах так называемой Французской Северной Африки до и после войны университетские исследования играли важную роль в географическом изучении этих стран.

В послевоенный период возникло также несколько научно-исследовательских организаций, объединявших ученых европейских метрополий, периодически работавших в африканских колониях по отдельным направлениям исследований. Так были созданы Ассоциация африканских геологов (т. е. европейских геологов, изучавших Африку), Межафриканское почвенное бюро и другие подобные организации, центры которых и все архивы находились либо в Париже, либо в Лондоне.

Даже в конце 1959 г. в Африке было еще только 10 независимых государств. Но уже в 1961 г. их стало около 30, а к началу 1970-х годов число независимых африканских стран перевалило за 40. После 1961 г. на долю независимых государств Африки приходилось более $\frac{2}{3}$ территории континента и почти $\frac{3}{4}$ его населения. Перед всеми молодыми африканскими государствами сразу остро встала задача активного развития национальной экономики, и в связи с этим потребовалось оценить степень изученности своих территорий и потенциальные возможности освоения различных естественных богатств.

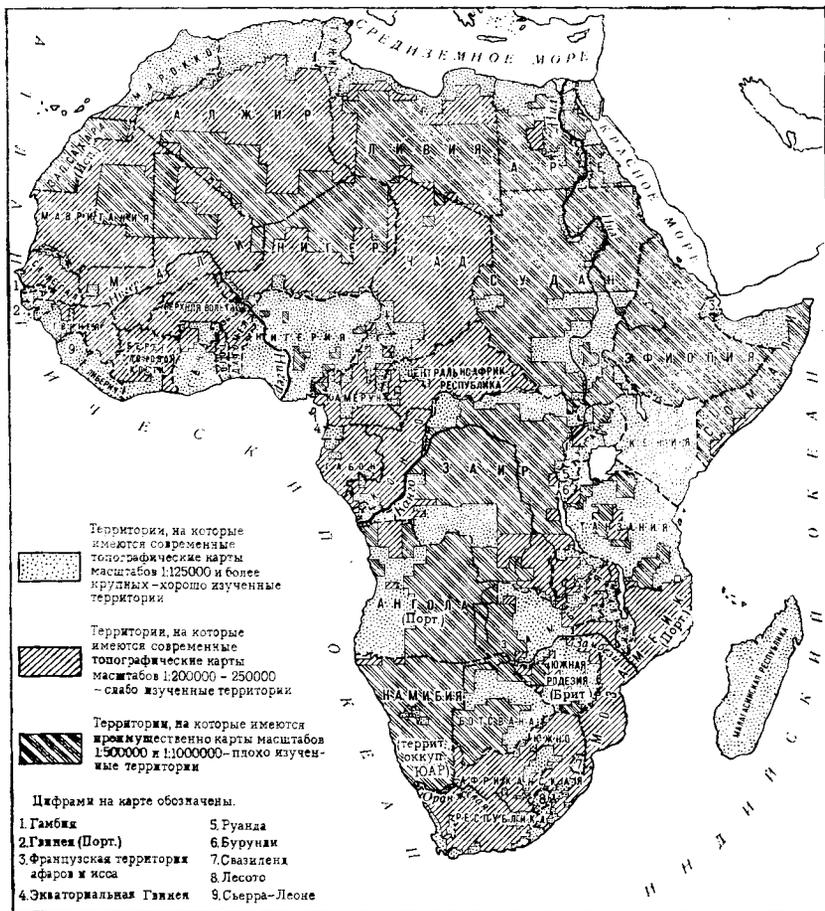
На первой сессии Экономической комиссии ООН для Африки в 1959 г. африканские страны приняли решение о создании серии обзоров об изученности природы Африки и ее ресурсов, включая полный анализ картографической изученности континента. Выполнение этой важной задачи взяло на себя ЮНЕСКО. В 1963 г. был издан подготовленный с помощью

экспертов из разных стран, в том числе и из СССР, «Обзор природных ресурсов Африканского континента». Обзор охватил следующий круг вопросов: топографическая изученность и специальное картирование, геология и минеральные ресурсы, климат и метеорология, гидрология и водные ресурсы, почвы, флора и фауна.

По данным ЮНЕСКО, к 1950 г. лишь 43% Африки было покрыто современными топографическими картами, при этом в основном обзорными картами, относительно малополезными при осуществлении конкретных хозяйственных мероприятий. Крупномасштабные карты имелись для некоторых районов стран Магриба, дельты и части долины Нила и некоторых других, относительно небольших по площади территорий. Французская Западная Африка, Танганьика и Нигерия располагали обзорными топографическими картами лишь на половину их территории. Значительная часть Восточной и Южной Сахары, Ливии, Эфиопии, Сомали, Анголы, Мозамбика, Бечуаналенда вообще не была обеспечена даже обзорными современными картами. Однако и для тех стран, где положение с топографическими картами обстояло лучше, преобладали временные издания листов, нередко нуждавшиеся в серьезной корректировке.

Только в течение последующего десятилетия в основном благодаря более широкому применению аэрофото съемки наступило улучшение картографической изученности Африки. Появились карты для некоторых территорий, не имевших ранее никакой топографической основы, заметно расширилась площадь, покрытая крупномасштабными картами. Тем не менее и к началу 1960-х годов южная часть Ливии, некоторые территории на западе Сахары, большая часть Эфиопии и т. д. все еще не имели топографических карт. Топографическая основа, необходимая для решения практических задач развития экономики, в большинстве африканских стран охватывала лишь часть их территорий. Почти повсеместно картографические проблемы решались силами метрополий (или бывших метрополий), а печатание карт производилось, как правило, в Западной Европе или Америке.

Таким образом, в этом важнейшем для изучения и освоения природных ресурсов и вообще для экономического развития вопросе африканские страны, вырвавшиеся из колониальной зависимости, оказались почти повсюду на континенте без полноценной, современной топографической базы, не располагая обычно ни техническими средствами, ни национальными кадрами для проведения необходимых топографических и картографических работ. Для решения этой проблемы африканским странам потребовались значительные усилия и средства, и хотя к началу 1970-х годов наметился серьезный сдвиг в создании национальных картографических учреждений, пройдет еще не-

1) Названия государств даны на 1.IX.1972 г.

Картографическая изученность Африки на 1966 г.

мало времени, пока повсеместно в Африке будут удовлетворены потребности в современных крупномасштабных картах.

Обзор ЮНЕСКО показал также, что к концу 1950-х годов Африка все еще представляла поразительное сочетание территорий, геологическая изученность которых не уступала многим так называемым развитым странам, и целых государств, геологическое строение территорий которых было известно крайне схематично, а минеральные ресурсы почти не выявлены. Например, в это время лишь схематические геологические карты мелких масштабов позволяли судить о геологии Эфиопии, большей части Сомали и ряда других африканских стран. Если ис-

включить геологически хорошо изученные страны Магриба, Котангу, юг Ганы и некоторые другие районы Африки, то для всей остальной территории континента преобладали обзорные геологические карты. Многие из них были составлены в колониальный период на основе довольно беглых маршрутных съемок и не всегда оказывались достоверными при их использовании в полевых условиях. К указанному времени карты полезных ископаемых, представляющие практический интерес, т. е. характеризующие, например, металлогенические признаки и оруднение или морфологические особенности поверхности для районов россыпных месторождений и т. д., почти не существовали для африканских территорий.

Приведем еще пример, характеризующий один из аспектов географической изученности Африки к началу 1960-х годов. Для стран Африки, в своем большинстве и поныне остающихся аграрными странами, исключительно важное значение имеет изучение климата. Метеорологическая сеть, призванная обеспечивать данными климатические исследования, к началу периода независимости в Африке была очень далека от тех норм, которые с любой точки зрения могли бы считаться хотя бы удовлетворительными. Даже в области синоптической метеорологии, получившей в эти годы наибольшее развитие в Африке в связи с ростом числа международных авиалиний западных компаний, общее число пунктов наблюдения на всем континенте составляло около 100, и при этом половина синоптических центров не имела многих необходимых средств для приема, передачи или обработки данных. Еще плачевнее выглядела сеть станций, проводящих наблюдения за климатообразующими факторами. Например, в Гане, значительно опередившей многие африканские страны по климатической изученности, число метеопостов было в 10 раз меньше, чем в Англии, имеющей почти одинаковую с ней площадь. На территории бывшей Французской Западной Африки один дождемерный пост приходился в 1960 г. на 6 тыс. кв. км, а в Чаде — даже на 10 тыс. кв. км. Вообще до 1960-х годов на территории Тропической Африки не было научно-исследовательских учреждений, специально занимавшихся вопросами климатологии и метеорологии (такие учреждения имелись лишь в Северной Африке и были связаны в основном с исследованием пустынь).

Аналогичная картина вытекает из обзора ЮНЕСКО (и из реального положения) при анализе состояния изученности природы Африки до 1960-х годов по итогам гидрологических, почвенных и других исследований, рассмотренных в указанном обзоре. Совершенно очевидно, что состояние географической изученности природы Африки и ее ресурсов почти повсеместно на континенте не отвечало насущным потребностям организации эффективного и рационального освоения природных бо-

гатств в интересах подъема экономики и жизненного уровня в молодых независимых африканских государствах.

За 10 с небольшим лет, прошедших после 1960 г., сдвиги в географической изученности Африки на первый взгляд могут показаться небольшими, да их еще рано и трудно полностью оценить. Сложная политическая обстановка в большинстве независимых африканских стран в эти годы, большие экономические трудности первых лет независимости, поиски разных путей для выхода из экономической отсталости, противодействие империалистических сил — все это, да и многое другое нередко отвлекало африканские страны от организации комплексных исследований природно-ресурсного потенциала своих территорий. К тому же в Африке повсеместно сказывается нехватка или даже отсутствие необходимых кадров специалистов.

Тем не менее во многих развивающихся странах Африки эти годы наметился значительный сдвиг в сторону создания серьезных предпосылок для развития систематических исследований природы, населения, хозяйства, направленных на более рациональное использование всех природных и трудовых ресурсов в национальных интересах. В создании условий для развития географических исследований и накопления необходимых новых данных о ресурсном потенциале Африки участвует немало иностранных специалистов. Все более широкую помощь в этом направлении оказывают африканским странам Советский Союз и другие социалистические страны, уделяя особое внимание задаче скорейшей подготовки национальных африканских высококвалифицированных кадров, в том числе исследователей природы и ее ресурсов.

С каждым годом все больше и больше африканских специалистов включается в дальнейшее исследование своего континента. Можно сказать, что сейчас происходит новое географическое открытие Африки самими африканцами. И в этом залог успеха будущего экономического подъема независимой Африки.

ОСНОВНАЯ ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Арабские источники VII—X веков. Подготовка текстов и переводы Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева. М.—Л., 1960.
- Арабские источники X—XII веков. Подготовка текстов и переводы В. В. Матвеева и Л. Е. Куббеля. М.—Л., 1965.
- Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. Пер. с англ. М., 1950.
- Брем А. Э. Путешествие по Северо-Восточной Африке или по странам, подвластным Египту: Судану, Нубии, Сеннару, Россересу и Кордофану. Пер. с нем. М., 1958.
- Булатович А. К. С войсками Менелика II. М., 1971.
- Бэкер С. У. [Бейкер]. Путешествие к верховьям Нила и исследование его источников. Пер. с англ. М., 1868.
- Бэкер С. У. [Бейкер]. Измаилия. Пер. с англ. СПб., 1876.
- Вагнер Г. Путешествия и открытия д-ра Фогеля в Центральной Африке, Великой пустыне и землях Судана. Пер. с нем. СПб., 1868.
- Вальская Б. А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М., 1956.
- Ган Ф. Африка. Пер. с нем. СПб., 1903.
- Голуб Э. По Южной и Центральной Африке. Пер. с нем. и чешск. М., 1967.
- Дэвидсон Б. Новое открытие древней Африки. Пер. с англ. М., 1962.
- Дю Шалью (Дю Шайю). Путешествие во внутреннюю Африку. Пер. с франц. СПб., 1871.
- Дю Шалью [Дю Шайю]. Дикая Африка. Пер. с франц. СПб., 1872.
- Елисеев А. В. По белу свету, т. 1—4. СПб., 1901—1903.
- Забродская М. П. Русские путешественники по Африке. М., 1955.
- «История Африки в XIX—начале XX в.». М., 1967.
- Керстен О. Путешествие по Восточной Африке в 1859—1861 годах барона Карла Клауса фон Декен. Пер. с нем. М., 1870.
- [Кобищанов Ю. М., Дридзо А. Д., Мириманов В. Б.] Африка: встречи цивилизаций. Под ред. В. Б. Мириманова. М., 1970.
- Ковалевский Е. Путешествие во внутреннюю Африку, ч. 1—2. СПб., 1849.
- Компъень де. Экваториальная Африка. Пер. с франц. СПб., 1879.
- Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. Избранные сочинения, т. IV. М.—Л., 1957.
- Куббель Л. Путь в Томбукту. М., 1971.
- Ливингстон Д. Путешествия и исследования в Южной Африке с 1840 по 1855 г. Пер. с англ. М., 1955.

Ливингстон Д. Последнее путешествие в Центральную Африку. Пер. с англ. М., 1968.

Ливингстон Д., Ливингстон Ч. Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 г. Пер. с англ. М., 1956.

Линде Г., Бретшнейдер Э. До прихода белого человека. Африка открывает свое прошлое. Пер. с нем. М., 1965.

Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 1967.

[Маж Э.] Западный Судан. Путешествие капитана Мажа. Пер. с франц. СПб., 1872.

Мор Э. Путешествие в Африку к водопадам Виктория на Замбези. Пер. с нем. СПб., 1876.

Норов А. С. Путешествие по Египту и Нубии в 1834—1835 гг. СПб., 1840.

Ольдерогге Д. А. Западный Судан в XV—XIX вв. М.—Л., 1960.

Парк М. Путешествие во внутренность Африки, ч. 1—2. Пер. с англ. СПб., 1806—1808.

Райт М. В. Русские экспедиции в Эфиопию в середине XIX—начале XX в. и их этнографические материалы. — «Труды Института этнографии АН СССР», т. XXXIV. М., 1956.

Рафалович А. А. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб., 1850.

Стэнли Г. М. Как я отыскал Ливингстона. Пер. с англ. СПб., 1874.

Стэнли Г. М. В джунглях Африки. Пер. с англ. СПб., 1892; 2-е изд. М., 1948.

Томсон Дж. О. История древней географии. Пер. с англ. М., 1953.

Харт Г. Морской путь в Индию. Пер. с англ. М., 1954.

Хенниг Р. Неведомые земли, т. I—IV. Пер. с нем. М., 1961—1963.

[Щенковский Л. С.] Отчет о путешествии в северо-восточный Судан. — «Географ. Известия ИРГО». СПб., 1850, 1851.

Юнкер В. В. Путешествия по Африке (1877—1878 и 1879—1886). Пер. с нем. М., 1949.

Abbadie Antoine d'. Géodesie d' Ethiopie. Paris, 1860—63.

Abbadie Arnaud d'. Douze ans dans la haute Ethiopie (Abyssinie). T. 1—2. Paris, 1868.

Afrika auf Karten des 12—18 Jahrhunderts. Leipzig, 1968.

Alibey el Abbasi (alias Domingo Badia y Leblich). Voyages en Afrique et en Asie pendant les années 1803—1807. Vol. 1—3. Paris, 1814.

[Alvarez E.]. Verdadera informaçam das terras do Preste Joam. Lisboa, 1540.

Andersson C. J. Lake Ngami. London, 1855.

Andersson C. J. The Okavango River. London, 1861.

Axelson E. South-East Africa, 1488—1530. London—New York, 1940.

Axelson E. Portuguese in South-East Africa, 1600—1700. Johannesburg, 1960.

Baikie W. B. Narrative of an exploring voyage up the rivers Kwora and Binue in 1854. London, 1856.

Baker S. W. The Albert Nyanza. Vol. 1—2. London, 1866.

Baker S. W. The Nile tributaries of Abyssinia. London, 1867.

Barros J. de. Da Asia. Lisboa, 1552.

Barth H. Reisen und Entdeckungen in Nord- und Centralafrika in den Jahren 1849 bis 1855. Bd. 1—5. Gotha, 1855—1858.

Baumann O. Die kartographischen Ergebnisse der Massai-Expedition. «Petermanns Geogr. Mitteilungen», Erg.-Heft Nr. 111, Gotha, 1894.

- B a u m a n n O. *Durch Massailand zur Nilquelle*. Berlin, 1894.
- B e h m E. Dr. Livingstone's Erforschung des oberen Congo. «*Petermanns Geogr. Mitteilungen*», 1872, H. XI.
- B e k e Ch. T. A statement of facts relative to the transactions between the writer and the late British political mission to the court of Shoa, in Abessinia. London, 1846.
- B e k e Ch. T. *The sources of the Nile*. London, 1860.
- B o t t e g o V. *Il Giuba esplorato*. Roma, 1895.
- B o w d i c h T. E. *Mission from Cape Coast Castle to Ashantee*. London, 1819.
- B o w d i c h T. E. *An account of the discoveries of the Portuguese in the interior of Angola and Mozambique*. London, 1824.
- B r a z z a P. S. de. *Voyages dans l'Ouest Africain* (1875—1887). «*Tour du Monde*», 1887, 1888.
- B r e h m A. E. *Reiseskizzen aus Nordost-Afrika*. Jena, 1855.
- B r i c c h e t t i - R o b e c c h i L. *Somalia e Benadir*. Milano, 1899.
- B r o w n e W. G. *Travels in Africa, Egypt and Syria, from the year 1792 to 1798*. London, 1799.
- B r u c e J. *Travels to discover the source of the Nile in the years 1768—1773*. Vol. 1—5. Edinburgh, 1790.
- B r u n - R o l l e t A. *Le Nil Blanc et le Soudan*. Paris, 1855.
- B u r k h a r d t J. L. *Travels in Nubia*. London, 1819.
- B u r t o n R. F. *First footsteps in East Africa*. London, 1856.
- B u r t o n R. F. *The lake regions of Central Africa*. London, 1860.
- B u r t o n R., M a c Q u e e n J. *The Nile basin*. London, 1864.
- C a i l l a u d F. *Voyage à Meroe* Vol. 1—4. Paris, 1823—1826.
- C a i l l i é R. *Journal d'un voyage à Tembouctou et à Djenne dans l'Afrique centrale*. Vol. 1—3. Paris, 1830.
- C a m e r o n V. L. *Across Africa*. Vol. 1—2. London, 1877.
- C a p e l l o H., I v e n s R. *De Benguela ás terras de Jácca, 1577—80*. Vol. 1—2. Lisboa, 1881.
- C a p e l l o H., I v e n s R. *De Angola á contra-costa*. Vol. 1—2. Lisboa, 1886.
- C a s t a n h o s o M. *Historia dar cousas que o muy esforçado capitão Dom Christovão da Gama fez nos Reynos do Preste João, com quatrocecos Portugueses*. Lisboa, 1564.
- C a v a z z i d a M o n t e c u c o l o G. A. *Istorica descrizione de'tre regni Congo, Matamba e Angola*. Bologna, 1687.
- C e c c h i A. *Da Zeila alle frontiere di Caffa*. Vol. 1—3. Roma, 1886—1887.
- C h a i l l é L o n g Ch. *Central Africa*. London, 1876.
- C h u d e a u R. *Le Sahara soudanais*. Paris, 1909.
- [Clapperton H.] *Journal of a second expedition into the interior of Africa, by the late Commander Clapperton*. London, 1829.
- C o m p l i è g n e d e. *L'Afrique équatoriale*. 2 vols. Paris, 1875.
- C o o l e y W. D. *Inner Africa laid open*. London, 1852.
- C o r t i e r M. *D'une rive à l'autre du Sahara*. Paris, 1908.
- D a p p e r O. *Naukeurige beschryving der afrikaansche gewesten van Egypten, Barbaryen, Libyen etc.* Amsterdam, 1668.
- [Decken C. C. von der.] *C. C. von der Deckens Reisen in Ost-Afrika in den Jahren 1859—1865*. Bd. 1—4. Leipzig, 1869—1879.
- D e l c o m m u n e A. *Vingt années de vie africaine, 1874—1893*. Larcier, 1922.
- [Denham D., Clapperton H., Oudney W.] *Narrative of travels and discoveries in Northern and Central Africa in the years 1822, 1823 and 1824*. London, 1826.
- Documentos sobre os Portugueses em Moçambique e na Africa Central 1497—1840*. Lisboa, 1962.

Du Chaillu P. Voyages et aventures dans l'Afrique équatoriale. Paris, 1863.

Du Chaillu P. A journey to Ashango-Land and further penetration into Equatorial Africa. London, 1867.

Duveyrier H. Les Touareg du Nord. Paris, 1864.

Elton J. F. Travels and researches among the lakes and mountains of Eastern and Central Africa. London, 1879.

Emin Pascha. Leipzig, 1888.

[Erhardt J.] J. Erhardt's Mémoire zur Erläuterung der von ihm und J. Rebmann zusammengestellten Karte von Ost- und Central-Afrika. «Petermanns Geogr. Mitteilungen», 1856, H. I.

Erschine St V. Journal of an excursion to the mouth of the Limpopo. «Proceedings of the Royal Geogr. Society», 1869, No. 5.

Fischer G. A. Das Massailand. Hamburg, 1885.

Flacourt E. de. Histoire de la grande île de Madagascar. Paris, 1658.

[Flatters]. Documents relatifs à la mission dirigée au Sud de l'Algérie par le lieutenant-colonel Flatters. Paris, 1884.

Flegel E. R. Vom Niger — Benue. Leipzig, 1890.

Foucauld Ch. E. Reconnaissance au Maroc. Paris, 1888.

Foureau F. Une mission au Tademait. Paris, 1890.

Foureau F. D'Alger au Congo par le Tchad. Paris, 1902.

Foureau F. Documents scientifiques de la mission saharienne (Mission Foureau — Lamy). Paris, 1905.

François C. von. Die Erforschung des Tschuapa und Lulongo. Leipzig, 1888.

Galton F. Narrative of an explorer in Tropical South Africa. London, 1853.

Gamitto A. C. P. O Muata Cazembe. Lisboa, 1854.

Gautier E. F. Le Sahara algérien. Paris, 1908.

Gessi R. Exploration du lac Albert Nyanza. «Bulletin de la Société de Géographie de Paris», 1876, juin.

Giraud V. Les lacs de l'Afrique équatoriale. Paris, 1889.

Götzen G. A. von. Durch Afrika von Ost nach West. Berlin, 1899.

Grandidier A., Grandidier G. Histoire physique, naturelle et politique de Madagascar. Vol. 1—39. Paris, 1875—1905.

Grant J. A. A walk across Africa. Edinburgh-London, 1864.

Gregory J. W. The Great Rift Valley. London, 1896.

Grenfell G. Exploration of the tributaries of the Congo.

«Proceedings of the Royal Geogr. Society», 1886, No. 10.

Grenfell G. The Upper Congo as a waterway. «Geogr. Journal», 1902, nov.-dec.

Griffon du Bellay M. T. Exploration du fleuve Ogo-wai. "Revue maritime et coloniale", 1863, sept., oct.

Güssfeldt P., Falkenstein J., Pechuel-Löschke E. Die Loango-Expedition. Bd. 1—3. Leipzig, 1879—1882.

Heuglin Th. von. Reise nach Abessinien, den Galla-Ländern, Ost-Sudan und Chartum. Jena, 1868.

Heuglin Th. von. Reise in das Gebiet des Weissen Nil und seiner westlichen Zuflüsse. Leipzig, 1869.

Höhnel L. von. Ostäquatorial-Afrika zwischen Pangani und dem neuentdeckten Rudolf-See. "Petermanns Geogr. Mitteilungen", Erg.-Heft Nr. 99, Gotha, 1890.

Höhnel L. von. Zum Rudolf- und Stephanie-See. Wien, 1892.

Holland T. J., Hozier H. Record of the expedition to Abyssinia. Vol. 1—2. London, 1870.

Holub E. Sieben Jahre in Südafrika. Bd. 1—2. Wien, 1880.

- Holub E. Von der Kapstadt ins Land der Maschukulumbe. Bd. 1—2. Wien, 1889—1890.
- Hornemann F. Tagebuch einer Reise von Cairo bis nach Murzuk in den Jahren 1797—1798. Weimar, 1802.
- Ibn Battouta. Voyages. Vol. 1—5. Paris, 1853—1859.
- James F. L. The unknown Horn of Africa. London, 1888.
- Johnston H. H. The Kilima-njaro Expedition. London, 1886.
- Junker W. Reisen in Afrika, 1875—1886. Bd. 1—3. Wien—Olmütz, 1889—1891.
- [Junker W.] Wissenschaftliche Ergebnisse von Dr. W. Junkers Reisen in Zentralafrika. "Petermanns Geogr. Mitteilungen", Erg.-Heft Nr. 92 u. 93, Gotha, 1888—1889.
- Krapf J. L. Reisen in Ost-Afrika, ausgeführt in den Jahren 1837 bis 1855. Th. 1—2. Kornthal—Stuttgart, 1858.
- Labat J. B. Nouvelle relation de l'Afrique occidentale. Vol. 1—5. Paris, 1728.
- Labat J. B. Relation historique de l'Ethiopie occidentale. Vol. 1—5. Paris, 1732.
- Laing A. G. Travels in Timanee, Kooranko and Soolima countries in Western Africa. London, 1825.
- Lander R. Records of Clapperton's last expedition to Africa. Vol. 1—2. London, 1829—1830.
- Lander R. Journal of an expedition to explore the course and the termination of the Niger. Vol. 1—3. London, 1832.
- Lejean G. Voyage aux deux Nils. Paris, 1865.
- Lenz O. Reise vom Okandeland bis zur Mündung des Schebeflusses. Wien, 1878.
- Lenz O. Timbuktu. Leipzig, 1884.
- Leo Africanus. Descriptione dell'Africa. Roma, 1550.
- Livingstone D. Missionary travels and researches in South Africa. London, 1857.
- [Livingstone D.] The last journals of David Livingstone in Central Africa. Vol. 1—2. London, 1874.
- Livingstone D., Livingstone Ch. Narrative of an expedition to the Zambesi and its tributaries. London, 1865.
- Lobo J. Historia de Ethiopia. Coimbre, 1669.
- Magyar L. Reisen in Süd-Afrika in den Jahren 1849 bis 1857. Pest—Leipzig, 1859.
- Maistre C. A travers l'Afrique Centrale. Paris, 1895.
- Marno E. Reisen im Gebiete des Blauen und Weissen Nil, im Aegyptischen Sudan und den angrenzenden Negerländern in den Jahren 1869 bis 1873. Wien, 1874.
- Marno E. Reise in der Aegyptischen Aequatorial-Provinz und in Kordofan in den Jahren 1874—1876. Wien, 1878.
- [Mauch C.] Carl Mauch's Reisen im Innern von Süd-Afrika 1865—1872. «Petermanns Geogr. Mitteilungen». Erg.-Heft Nr. 37, Gotha, 1874.
- Meyer H. Ostafrikanische Gletscherfahrten. Leipzig, 1890.
- Meyer H. Der Kilimanjaro. Berlin, 1900.
- Miani G. Le spedizioni alle origini del Nilo. Venezia, 1865.
- [Miani G.] Il viaggio di Giovanni Miani al Monbuttu. Roma, 1875.
- Mollien G. Voyage dans l'intérieur de l'Afrique aux sorces du Sénégal et de la Gambie. Vol. 1—2. Paris, 1820—1822.
- Monteil P. L. De Saint-Louis à Tripoli par le lac Tchad. Paris, 1895.
- Munzinger W. Ost-Afrikanische Studien. Schaffhausen, 1864.
- Nachtigal G. Sahara und Sudan. Bd. 1—3. Berlin—Leipzig, 1879—1889.

- New Ch. Life, wanderings, and labours in Eastern Africa. London, 1874.
- Owen W. F. W. Narrative of voyages to explore the shores of Africa, Arabia and Madagascar. Vol. 1—2. London, 1833.
- Park M. Travels in the interior districts of Africa. London, 1799.
- Passarge S. Adamaua. Berlin, 1895.
- Paulitschke Ph. Die geographische Erforschung des Afrikanischen Kontinents von den ältesten Zeiten bis auf unsere Tage. Wien, 1880.
- Paulitschke Ph. Harar. Leipzig, 1888.
- Petherick J. Egypt, the Soudan and Central Africa. London, 1861.
- Petherick J., Petherick K. Travels in Central Africa, an exploration of the Western Nile tributaries. Vol. 1—2. London, 1869.
- Piaggia C. Dell arrivo fra i Niam-Niam e del soggiorno sul lago Tzana. Lucca, 1877.
- Pigafetta F. Relatione del Reame di Congo e delle circonvicine contrade. Roma, 1591.
- Pogge P. Im Reiche des Muata Jamwo. Berlin, 1880.
- Poncet Ch. J. Relation abrégée de son voyage en Ethiopie fait en 1698, 1699 et 1700. Paris, 1786.
- Poncet A., Poncet J. Carte du cours moyen des deux Nils et de leurs affluents Dender, Saubat, Nam, Bahr es Zeraf, Bahr Djour. "Bulletin de la Soc. de Géogr. de Paris", 1860.
- Potagos P. Dix années de voyage dans l'Asie centrale et l'Afrique équatoriale. Paris, 1885.
- Reichard P. Bericht über seinen Reisen in Ostafrika und das Quellgebiet des Kongo. "Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin", 1886, Nr. 2.
- Review of the natural resources of the African continent. UNESCO, Paris, 1963.
- Richardson J. Travels in the great Desert of Sahara in the years of 1845 and 1846. Vol. 1—2. London, 1848.
- Rogozinski S. S. Pod Równikiem. Krakow, 1886.
- Rohlf's G. Reise durch Marokko, Übersteigung des Grossen Atlas, Exploration der Oasen von Tafilet, Tuat und Tidikelt und Reise durch die grosse Wüste über Rhadames nach Tripoli. Bremen, 1867.
- Rohlf's G. Von Tripolis nach Alexandria. Bremen, 1871.
- Rohlf's G. Quer durch Afrika. Bd. 1—2. Leipzig, 1874—1875.
- Rohlf's G. Drei Monate in der Libyschen Wüste. Cassel, 1875.
- Rohlf's G. Kufra. Leipzig, 1881.
- Rüppell E. Reise in Nubien, Kordofan und dem Peträischen Arabien. Frankfurt a. M., 1829.
- Rüppell E. Reise in Abyssinien. Bd. 1—2. Frankfurt a. M., 1838—1840.
- Russegger J. von. Reisen in Europa, Asien und Afrika, 1835 bis 1841. Bd. 1—4. Stuttgart, 1841—1850.
- Russia and Africa. Moscow, 1966.
- Salt H. Account of a voyage to Abyssinia. London, 1814.
- Salt H. Voyage to Abyssinia. London, 1814.
- Shaw T. Travels or observations relating to several parts of Barbary and the Levant. Oxford, 1738.
- Schütt O. Reise im südwestlichen Becken des Congo. Berlin, 1881.
- Schuyer J. M. Reisen im oberen Nilgebiet. "Petermanns Geogr. Mitteilungen", Erg.-Heft Nr. 72, Gotha, 1883.
- Schweinfurth G. Im Herzen von Afrika. Bd. 1—2. Leipzig, 1874.
- Serpa Pinto A. How I crossed Africa, from the Atlantic to the Indian Ocean. Vol. 1—2. London, 1881.
- Serval P. Reconnaissance d'une des routes qui mènent du Rhamboé à l'Ogo-wai. "Revue maritime et coloniale", 1863, oct.

Smith A. D. Through unknown African countries. London—New York, 1897.

Soleillet P. Obock, le Choa, le Kaffa. Paris, 1886.

Speke J. H. Journal of the discovery of the source of the Nile. Edinburgh—London, 1863.

Speke J. H. What led to the discovery of the source of the Nile. Edinburgh, 1864.

Stanley H. M. How I found Livingstone. London, 1872.

Stanley H. M. Through the dark continent. Vol. 1—2. London, 1878.

Stanley H. M. The Congo and the founding of its Free State. Vol. 1—2. London, 1885.

Stanley H. M. In darkest Africa. Vol. 1—2. London, 1890.

Stuhlmann F. Mit Emin-Pascha ins Herz von Afrika. Berlin, 1894.

Thibaut. Expédition à la recherche des sources du Nil (1839—1840). Paris, 1856.

Thomson J. To the Central African lakes and back again. Vol. 1—2. London, 1881.

Thomson J. Through Masai Land. London, 1885.

Tilho J. Documents scientifiques de la Mission Tilho (1906—1909). Vol. 1—3. Paris, 1910—1914.

Tilho J. Du lac Tchad aux montagnes du Tibesti. Paris, 1926.

[Tuckey J. K.] Narrative of an expedition to explore the river Zaire. London, 1818.

Van Gèle A. L'exploration de l'Oubanghi-Doua-Koyou. "Bulletin de la Société Royale Belge de Géographie", 1889, N 1.

Vannutelli L., Citerni C. L'Omo. Seconda Spedizione Bóttego. Milano, 1899.

Wakefield T. Routes of native caravans from the coast to the interior of Eastern Africa. "Journal of the Royal Geogr. Society", 1870.

Werne F. Expedition zur Entdeckung der Quellen des Weissen Nil. Berlin, 1848.

Wißsmann H. von. Unter deutscher Flagge quer durch Afrika von West nach Ost. Berlin, 1889.

Wißsmann H. von. Meine zweite Durchquerung Aquatorial-Afrikas vom Kongo zum Zambesi während der Jahre 1886 und 1887. Frankfurt a. O., 1891.

Wißsmann H. von, Wolf L., François C. von, Mueller H. Im Innern Afrikas. Leipzig, 1888.

Wolf L. Die Erforschung des Sankuru. "Petermanns Georg. Mitteilungen", 1888, H. VII.

Worthington E. B. Science in the development of Africa. 1958.

Young E. D. Nyassa. London, 1877.

Zintgraff E. Nord-Kamerun. Berlin, 1895.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббади, Антуан Томсон д'** 129,
 134, 135, 137, 171, 172, 366,
 379
Аббади, Арно Мишель д' 129,
 134, 135, 137, 171, 172, 366, 379
Абд-эль-Кадир 121
Аваншер, Леон 171, 172, 367, 371
Августин 42
Авело, Р. 87
Аверинцев, С. В. 385
Агафархид 17
Адан, Гийом 35, 36, 73
Адансон, Мишель 82
Аделард из Бата 28
Азанбужи, Диогу 61
Азурара, Гомиш Эанниш 40, 45
Айи, Пьер д' 28
Албукерки, Афонсу д' 70, 91, 92
Алвариш, Гонсалу 66
Алвариш, Франсишку 74
Алвару I, король Конго 84, 86
Алвиш, Жузе Антониу 296
Александр оф Уэстертон, Джеймс
 Эдуард 147
Александр Македонский 75
Александр III, папа 35
Аленкер, Перу д' 64, 66
Алказова, Диогу д' 92
Аллен, У. 118, 119
Алмада, Жуан 92
Алмейда, Мануэл ди 76
Алмейда, Франсишку д' 91
Альбиго 278
Анаия, Педру д' 92
Анвиль, Жан Батист Бургиньон д'
 79, 82, 96, 102—105, 109
Андерсон, Карл Юхан 193—196
Аноле, Л. Ш. Э. 394
Антинори, Орацио 171, 229, 246,
 247, 366, 368, 370
Антонелли, П. 368
Апрэ де Маневиллет д' 101
Арбусе, Т. 147
Аристотель 15, 42, 157
Арно, Жозеф д' 128, 129, 211
Арно, Э. 421
Арнот, Ф. С. 388
Арриан 19
Артамонов, Леонид Константино-
 вич 381, 383—385
Аудни, Уолтер 113—115, 153
Афонсу I, король Конго 84
Афонсу V, король Португалии
 56, 57, 60
Афонсу, Фернанду д' 51, 53
Ахмед ибн Ибрагим ал-Гази 74
Ахмед ибн Маджид 68
Ашерсон, Пауль 163
Бадья-и-Леблич, Доминго (Али
 Бей эль Абасси) 123, 153
Байя, Мунью Фернандиш 55
Бакри (Абу Убайд Абдаллах
 ал-Бакри) 29, 32, 50
Бакстер 343
Балдая, Афонсу Гонсалвиш 44,
 48
Балле, Новаль Эжен 288, 290, 313
Банкс, Джозеф 107
Баптиста, Педру Жуан 143
Барбо, Жак 88
Барбо, Жан 82
Бари, Э. фон 418
Баркер, Фредерик 299, 300
Барним, Адальберт фон 169
Баррету, Франсишку 94
Барроу, Джон 114, 118, 145
Барроуш, Жуан ди 45, 49, 59, 60,
 65, 83, 85, 86
Барт, Генрих 153, 155—158,

- 160—162, 164, 165, 235, 248,
274, 330, 399, 409
- Барт-Харматинг, Г. фон 284, 285
- Бастиян, Адольф 192, 193, 282,
283
- Баттандье, Ж. А. 414
- Бауди ди Весме, Э. 374
- Бaudич, Томас Эдуард 95, 116,
138, 140, 142, 271
- Бауманн, Оскар 354, 357, 358,
360, 361, 365
- Баэрт, Эрнест 396
- Бейкер, Дж. 10, 43, 87, 189, 284
- Бейкер, Джулиан Аллан 291
- Бейкер, Сэмюэл Уайт 169, 233,
238—242, 248, 252, 259, 266,
269, 290—292, 301, 302, 304,
305, 339, 355
- Бейкер, Флоренс 238, 291
- Бейки, Уильям Балфур 155, 160,
280, 399
- Бейнс, Томас 182, 197, 201
- Бейтлер, А. Ф. 97, 98
- Бейтмен, Ч. С. Л. 323
- Беккари, О. 171
- Беккер, Жером 342, 393
- Бельград 88
- Бельтраме, Джованни 212
- Бельцони, Дж. Б. 125
- Бём, Й. 197
- Бём, Рихард 346, 347
- Бем, Эрнст 269, 270, 406
- Беньевский (Беньовский), М. А.
101
- Бенже, Луи Гюстав 410, 411
- Беннет, Джеймс Гордон 265, 301
- Бент, Дж. Т. 391
- Бербрюже 418
- Бёрделл, У. 343
- Бермудиш, Жуан 75
- Бернар 408
- Бернсмани, Ф. 197
- Берншторф 402
- Берт 277
- Бертон, Ж. 405
- Бёртон, Ричард Фрэнсис 172,
219—223, 225, 226, 230, 235,
236, 253, 265, 277, 279, 280,
282, 293, 299, 300, 307
- Бёрчелл, Уильям Джон 146
- Бехайм, Мартин 35, 45, 60, 62,
63, 100
- Биа, Люсьен 397, 398
- Бик, Чарлз Тилстон 129, 133,
135, 236, 269
- Бикрофт, Джон 119
- Биндер, Франц 210
- Бируни (Абу-р-Райхан Мухаммед
ибн Ахмед ал-Бируни) 29
- Бланфорд, У. Т. 170, 370
- Блек, Вильгельм Генрих
Эммануэль 201
- Блауайе, А. 343
- Богданович, М. Н. 149
- Бодсон 397
- Бойд-Александр 413
- Бойрманн, Карл Мориц фон 160,
164, 165, 169
- Болл, Дж. 422
- Бондорф, Фридрих 334—336, 354
- Бонна, Ж. 410
- Боншан, де 380
- Бор, Э. 343
- Борелли, Жюль 371, 380
- Бори де Сен-Венсен 154
- Борнхардт, В. 362
- Босман, Виллем 82
- Ботелер, Т. 148
- Боттего, Витторно 375, 378—380
- Бразза (Брацца), Жак Саворньян
де 326, 327
- Бразза (Брацца), Пьер Поль
Франсуа Камилл Саворньян де
287—290, 313, 314, 326, 331,
406, 407
- Брайт, Р. Дж. Т. 381
- Брар 364
- Брассёр, Клеман 398
- Браун, Уильям Джордж 124, 127
- Брауэзек, Ж. Э. 276
- Брёверн, Ж. де 125
- Брем, Альфред Эдмунд 166, 167,
206
- Брем, Христиан Людвиг 166
- Бреннер, Рихард 253, 256, 257
- Брён-Ролле, Антуан 207—209, 230
- Брив 417
- Бонкетти-Робекки, Л. 374, 375
- Бровцын, Н. П. 384
- Брукке, Питер ван ден 87
- Брю, Андре 81, 82
- Брюс, Джеймс 77—79, 82, 106,
107, 133
- Буало, Ф. Ф. Р. 363
- Букарру, Гашпар 94, 95, 183
- Булатович, Александр Ксаверьевич
368, 380, 383—385, 416
- Бур де Боза, Р. дю 382
- Буркхардт, Иоганн Людвиг 113,
125, 126
- Буфар 122
- Бухгольц, Рейнгольд 281
- Бухнер, Макс 316, 317, 318, 322
- Бухта, Рихард 339
- Буэ-Вийомез, Луи Эдуар де 148,
270
- Бьянки, Дж. 368
- Бэкон, Роджер 28

- Бэр, К. М. 136
 Бэттелл, Эндрью 86, 87
 Бюттнер, К. 390
 Бюттнер, Р. 328
- Вавилов, Николай Иванович 385**
 Вагнер, Мориц 122
 Валдиш, Франсишку Травассуш 193
 Валентиа, Дж. 129
 Вальберг, Юхан Август 147, 195
 Вальдау, Г. 402
 Вальдеккер, Б. 366
 Вальская, Б. А. 135
 Вандевальде, Льевен 314
 Вандевальде, Ф. Ж. А. 396
 Ванделер, С. 364
 Ван Жель (Ван Геле), Альфонс 315, 392—394, 396
 Ванзелов 402
 Ван Керкховен, Гийом Франсуа 394
 Ваннутелли, Л. 380
 Варга (Варген) 116, 117
 Велозу, Гашпар 92
 Вельвич, Фридрих 192
 Венсан, А. 160
 Вентюр де Парадиз 153
 Венюков, М. И. 414
 Верне, Фердинанд 128, 129, 294
 Версепюи 364
 Вертер 361
 Весьер, Александр 167, 209
 Вет, Д. 388
 Вийо де Бельфон, Никола 82, 109
 Викар 98
 Виккенбург, Эдуард фон 382
 Виктория, королева Великобритани 179, 239
 Вильгельм I, император Германии 319, 368
 Винко, Анджело 211
 Вирга, Альбертин 37
 Висконти, Педро 58
 Виссманн, Герман Вильгельм фон 320—325, 359, 362
 Владыкин, Б. В. 385
 Власов, П. М. 383
 Воллерт 51, 52
 Вольф, В. 328
 Вольф, Людвиг Генрих 321—324, 395
 Вотерс, А. Ж. 316, 353, 356, 392, 394, 399
- Гагара, Василий 101
 Гайяр 406
 Галвану, Антониу 50, 59, 60
 Галинье, Ж. 133
- Галлиени, Жозеф Симон 411
 Гама, Васко (Вашку) да 29, 43, 44, 65—68, 73, 74, 90, 91, 93
 Гама, Иштеван да 74
 Гама, Криштован да 75
 Гама, Паулу да 66, 68
 Гамитту, А. С. П. 144, 181
 Ган, Гуго 195, 196
 Ган, Ф. 192, 202, 215, 341
 Ганнон 11, 13, 14, 16, 21, 42
 Гардинер, Аален 147
 Гарнье, Вильгельм фон 228
 Гаскуан 372
 Гассиот, У. Х. 198
 Гаттас 246, 249—251, 253
 Гаттина, Микель Анджело да 88
 Гедж, Э. 363
 Генрих Мореплавателъ, см. Энрики
 Герард Кремонский 28
 Германин 363
 Германн, Э. 390
 Геродот 12—16
 Гётцен, Густав Адольф фон 357, 361, 362
 Гиббонс, А. Сент-Хилл 392
 Гийен, Ш. 148
 Гика-Комэнешть, Димитрие 382
 Гика-Комэнешть, Николае 382
 Гило-Лоан 421
 Гирааль, Леон 405
 Глаунинг 362
 Глори, Шарль Аделен 398
 Голлуэй, Г. Л. 412
 Голуб, Эмиль 386, 388, 389
 Гомен, Вашку 94
 Гомиш, Диогу 45, 46, 51, 54, 55, 58
 Гомиш, Фернан 44, 56, 57, 59, 60
 Гонсалвиш, Антан 49, 52
 Гордон, Р. И. 98
 Гордон, Чарлз Джордж 292, 293, 305, 306
 Готье, Г. 423
 Готье, Э. Ф. 421
 Гранди, У. Дж. 282
 Грандидье, Альфред 204, 205, 423
 Грандидье, Гийом 423
 Грант, Джеймс Огастес 230—235, 237, 238, 240, 242, 265, 300, 302
 Граса, Жуакин Родригис 144
 Грегори, Джон Уолтер 365
 Грей, У. 113, 119
 Грейвс 372
 Гренфелл, Джордж 281, 324, 325, 327, 329, 330, 337, 392, 393, 396, 397, 399
 Григорий, эфипоский монах 77
 Григорович-Барский, Василий 101

Гриксо́ни 378
Грин, Б. 146
Грин, Фредерик 195—196
Гриффон дю Белле, М. Т. 277, 278
Гроберг 53
Гроган, Э. С. 363
Гумбольдт, Александр фон 418
Гумилев, Л. Н. 35
Гуэи 278
Гэлтон, Фрэнсис 193—195
Гюйо 343
Гюрих, Г. 390
Гюсфельдт, Пауль 282—284, 313, 314

Дандас, Ф. Дж. 363, 375
Данис, Ф. Э. Ж. М. 396
Данташ, Гонсалу 55
Даппер, Олферт 76, 80, 87, 89, 96
Дарвин, Чарлз 389
Дафтон, Генри 170
Дебоно, Андреа 208, 227, 229, 233
Дегранпре, Л. 89
Ден, Бенедетто 59, 117
Деккен, Карл Клаус фон дер 215, 253—257, 375
Декувриер 88
Делегорг 147
Делькоммюи, Александр 395, 397, 398
Дельпорт, А. 398
Демёз, Ф. 397
Демокрит 15
Денхардт, Густав 348, 349
Денхардт, Клеменс 348, 349
Денэм, Диксон 113—115, 117, 156
Десирье де Повель, Р. 409
Дестенав, Ж. 409, 413
Джеймс, У. Д. 374, 375
Джеймс, Ф. Л. 374, 375
Джеймс, Фредерик 116
Джексон, Грей 123
Джексон, Ф. Дж. 363
Джесси, Ромоло 304—306, 333, 355, 356, 367
Джобсон, Ричард 80
Джонсон, У. П. 391
Джонстон, Гарри Хэмилтон 316, 358, 362
Джонстон, Кит 268, 269, 343
Джонстон, Ч. 134
Джувальетти, Дж. М. 368
Джума ибн Салим 297
Дзучелли да Градиска, Антонио 88
Диаш, Бартоломеу 44, 45, 58, 61, 64—66, 73, 100

Диаш, Диогу 100
Диаш, П. 64
Диаш ди Новаиш, Паулу 84
Дидье, Ш. 167
Дингаан, вождь зулусов 147
Диниш I, король Португалии 40
Дионисий 18
Дмитревский, Ю. Д. 138, 337
Дове, Карл 390
Довьяк 211, 236
Догель, В. А. 385
Дойл, Д. 391
Долиззи, Альбер 326, 327, 406
Дома, М. Ж. Э. 122
Дома, Ф. 147
Дочард 113
Драмонд, Х. 392
Драницын, Д. А. 414
Дроветти 125
Дрогманс, Х. 399
Дуль, К. 416, 418
Дульсерт 33
Дункан, Джон 119
Дурно-Дюпере, Р. 418
Дыбовский, Жан (Ян) 407
Дэвидсон, Дж. 124
Дювейрье, Анри 161, 162, 164, 416, 418
Дюмениль 276
Дюпарке 387
Дюпоншель 419
Дютрей де Рен, Жюль 313
Дюфур 122
Дюфур, Анри 387
Дю Шайю, Поль Беллони 271—279, 283, 286

Елисе́ев Александр Васильевич 383, 414, 418

Жако, Ф. 122
Жакоб, Л. 405
Жандрон 405
Жане, 279
Жаннекен, Клод 81
Жантиль, Луи 417
Жантиль, Эмиль 408, 413, 420
Жануайе 278, 279
Жиро, Виктор 268, 346—348, 387
Жоаллан 420
Жоли 88
Жомар, Франсуа 120, 125
Жуан I (Нзинга-а-Нкуву), король Конго 83, 84
Жуан II, король Португалии 44, 55, 60, 62, 65, 66, 73
Жубер 418
Жузе, Амару (Анастасу) 143

- Закуто, Авраам 39
 Зарку, Жуан Гонсалвиш 44, 46
 Звягин, К. С. 383
 Зейналабдин Ширвани (Гаджи
 Зейналабдин ахунд Искендер оглы
 Ширвани) 150
 Земю, вождь азанде 335, 336
 Зетцен, Ульрих Яспер 125
 Зиль, Шарль 154
 Зупан, Александр 340, 370, 386
 Зюсс, Эдуард 353
- Ибн-Баттута** (Абу Абдаллах
 Мухаммед ибн Абдаллах
 ал-Лавати ал-Танджи) 31, 32,
 59
Ибн-Джузайем 31, 32
Ибн-Халдун (Абу Зайд Абд-ар-
 Рахман ибн Мухаммед ибн
 Халдун) 32
Ибрагим Бас 210
Ибрагим-паша 293
Ивенш, Руберту 318, 319,
 386—388
Идриси (Абу Абдаллах Мухаммед
 ибн Мухаммед ибн Абдаллах
 ибн Идрис ал-Идриси) 28, 29,
 30, 32, 59, 99, 109
Изабелла, королева Кастилии 39
Изальгие, Ансельм д' 59
Изенберг, Карл Вильгельм 132
Изерт, П. Э. 83
Имола, Баттиста 72
Инфанти, Жуан 64
Иоани, легендарный царь-священ-
ник 34, 35, 40, 41, 51, 53, 59,
 62, 73, 74
Иоанн IV, император Эфиопии
 367, 368, 370
Ирадьер Булфи, Мануэль 404
Исманл, хедив Египта 290, 293
Исманл, сын Мухаммеда Али 126
Иссель, А. 171
Ихтриц, Э. фон 404
Иясу I, император Эфиопии 77
- Иеппе, Ф.** 199
Йордан 163
- Каба-Рега, правитель Буньоро** 292,
 293
Кабрал, Гонсалу Велью 44, 46,
 48
Кабрал, Педру Алвариш 91, 100
Кавадци да Монтекукколо, Джо-
ванни (Джио) Антонио 88, 90
Кавендиш, Х. С. X. 380
Кавеньяк 122, 154
- Кададьван, Э. де** 125
Кадамосто, Альвизе да 44, 45, 51,
 54—56
Казати, Гаэтано 341
Кайе, Рене Огюст 117, 119, 120,
 123, 136, 153, 157, 162, 415,
 416
Кайзер, А. 365
Кайзер, Эмиль 346, 362
Кайо, Фредерик 125, 126, 136
Каламба Мукенге, вождь башилан-
ге 320—322
Камбиз, царь Персии 75
Камерон, Верни Ловетт 260, 294—
 298, 301, 307, 308, 315, 317,
 321, 323, 397, 398
Камерон, Ч. Д. 170
Камраси, правитель Буньоро 233,
 239, 292
Кан, Диогу 44, 45, 51, 61—65, 72,
 83, 85, 138, 396
Кандео, Дж. 374
Кандиду 180
Кандт, Р. 363, 365
Капеллен, Адриана ван 242
Капеллу, Эрменегилду Карлуш ди
Бриту 318, 319, 386—388
Карвалью, Энрики ди 388
Кардосу, Аугушту 391
Кариньяно, Джованни ди 33
Карнап-Кверихаймб, фон 404
Карон, Д. Э. 411
Карри, У. Т. 388
Кассенёв, Жан 88
Кастель-Болоньези, Анджело 209
Ката, Л. 423
Катте, А. фон 132
Кауи, А. 146
Кауфманн, А. 212, 244
Каштаньозу, Мигел 75
Келле, Сигизмунд Вильгельм 271
Келлен, П. И. ван дер 388
Кемп, Дж. 294
Кемпбелл 113
Кемпбелл, Джон 146
Кёрк 399
Кёрк, Джон 182, 185, 258, 264
Керр, У. Монтегю 390
Керр Кросс, Д. 362
Керстен, Отто 254, 256
Кетюль, Ш. Э. Э. М. Г. де ла 394
Кинг, Дж. Стюарт 373
Кинцельбах, Теодор 168
Киперт, Г. 191
Киперт, Р. 365
Кир, царь Персии 75
Кирхгофф, А. 356, 403
Китченер, Х. Г. 381, 408
Клаус, Клавдий 46

Клаппертон, Хью 113—115, 117, 118
Клоз, Ч. Ф. 363
Клозель, Франсуа 408
Кноблехер, Игнац 210—212
Кноте, К. 391
Кнутсон, К. 402
Ковалевский, Егор Петрович 135—137, 149
Ковиальн, Педру ди 64, 67, 73, 74
Козьма Индикоплов 34
Кокний, Камилъ Эме 393
Коконцев, Матвей 101
Колен, Э. 204
Коломб 154
Колстон, Р. Э. 170
Колумб, Христофор 9, 28, 40, 66
Кольб, Георг 365
Комб, Э. 132
Комбер, Т. Дж. 281, 324, 329
Компаньон 81
Компъень, Луи Эжен Анри Дюпон де 285—287
Констанций, император 34
Корне, Жюль 397, 398
Кортъе, М. 421
Коттене 421
Коттерилл, Х. Б. 304
Коуденхов, Рихард фон 382
Кохановский, А. И. 385
Кочи, Теодор 127, 128
Кошта, Суэйру ди 56, 59
Кошта Лиал, Фернанду да 192, 193
Крампель, Поль 405, 407
Крапф, Иоганн Людвиг 132, 213—215, 218, 219, 233, 235, 257, 275, 348, 350
Краузе, Г. А. 410
Крачковский, И. Ю. 26, 27, 30, 31
Крешкиш, Жафуду 41
Кристофер 134
Кроков фон Виккероде, Карл 169
Кроне, Г. Р. 55
Кроузер 160
Круммп, Теодор 78
Кубайяр, Ф. 389
Куббель, Л. Е. 25
Кули, Уильям Десборо 27, 90, 143, 144, 213, 215, 217, 218, 225, 269
Кумкес, С. Н. 243
Кунд, Рихард 328, 329, 395, 403
Кунья, Триштан да 91
Купе 409
Курваль 167
Курмаков, Н. Н. 385
Кутзе, Якоб 98
Куэлью, Николау 66

Кьярини, Джузеппе 366, 367
Кюни, Ш. 169
Кьюро 408

Лаба, Жан Батист 82, 88
Лайон, Дж. Ф. 113, 153
Ламбер 411
Лами, А. Ф. Ж. 413, 420
Ламираль, Д. 82
Лангхельд 362
Лансароти (Лансаротте) 44, 49, 50
Ланфан, Э. 409
Лаперрин 416, 421
Ласерда-и-Алмейда, Франсишку Жузе ди 140—144, 181, 213, 218
Ласт, Дж. Т. 343, 392
Лебна Денгель, император Эфиопии 74
Лев Африканский (ал-Хасан ибн Мухаммед ал-Ваззан ал-Заййати ал-Фаси) 32, 69, 70, 72, 104, 108, 123
Лев X, папа 69
Левайян, Франсуа 99
Ледьярд, Джон 109
Лежан, Гийом 170, 228—230, 243
Ле Маринель, Жорж Эдуар 394
Ле Маринель, Поль Амедей 396—398
Лемер, Шарль 398
Лендер, Джон 117, 118
Лендер, Ричард 117, 118, 136
Ленин, Владимир Ильич 312
Ленуар дю Руле 78
Ленц, Оскар Генрих 164, 285—287, 354, 358, 405, 415, 418
Леонтьев, Н. С. 383
Леопольд II, король Бельгии 312, 314, 315, 321, 394, 397
Лепсиус, Р. 125
Лептон, Фрэнк 339, 340
Ле Ру, Юг 382
Ле Руа 72
Ле Руа, А. 343
Леторзек 125, 126
Лефевр, Теофиль 132, 133
Лёфлер 409
Ливингстон, Давид 22, 146, 148, 151, 153, 173—187, 189—191, 193—195, 197, 218, 225, 226, 236, 254, 258—270, 281, 282, 285, 292, 294—297, 299, 300, 303, 307—309, 317, 318, 329, 346, 347, 386, 388
Ливингстон, Мери (урожденная Моффат) 173, 182, 186
Ливингстон, Чарлз 182, 185

- Лидер, Г. 362
 Лижбоа, Жуан да 91
 Лики, Л. 5
 Лима, Родригу ди 74
 Линан де Бельфон, Морис Адольф 127
 Линней, Карл 98
 Лиотей 417
 Липский, В. И. 414
 Лихтенштейн, Мартин Генрих Карл 145
 Лич, Дж. 82
 Ллойд, Э. 387
 Лобу, Жироме 76, 79, 133
 Лозани 421
 Лопиш, Дуарти 86
 Лот, Анри 10, 156
 Лугард, Фредерик 364
 Лудольф, Иов 77
 Луиш I, король Португалии 319
 Льенар, В. 393
 Лэнг, Александр Гордон 109, 115—117, 153, 157
 Лэрд, Макгрегор 118
 Людер, Вильгельм 281
 Людериц, Адольф 389
 Люкас, Саймон 109
 Люкс, А. Э. 284
- Магеллан, Фернан 43**
 Магидович, И. П. 10
 Магомет (Мухаммед) 33, 123
 Мадьяр, Ласло 186—193, 196, 269, 285, 297, 309
 Маж, Э. 411
 Майлс, С. Б. 172
 Макдоналд, Дж. Р. Л. 364, 380
 Макдоналд, К. М. 412
 Маккартни 145
 Маккей, А. М. 342
 Мак-Кейб, Дж. 195
 Маккиндер, Х. Дж. 365
 Мак-Куин, Дж. 191, 192, 202
 Маклар, Томас 148
 Макссуэлл, Джордж 111, 138, 139
 Малколм 258
 Мальзак, Альфонс де 167, 209, 210, 245
 Мальт-Брэн, В. А. 133, 228
 Мальфанте, Антонио 52, 162
 Мамаду, султан Мали 62
 Мамуна (ал-Мамуна) 28
 Манн, Густав 279—281
 Маннесманн, Р. 417
 Мануэл Счастливый, король Португалии 66
 Мариану, Луиш 95
 Марин Сирский 19, 28
 Марко, Лука 73
- Марно, Эрнст 291, 293, 332, 339
 Марш, Альфред 285—288
 Маршан, Жан Батист 381, 408
 Массари, Альфонсо Мария 326—328, 368
 Массая, Гуильельмо 171, 366
 Масуди (Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ибн Али ал-Масуди) 28, 32, 52
 Матвеев, В. В. 25
 Матевос 101
 Маттеуччи, Пеллегринно 367, 368
 Маух, Карл 93, 197, 199—201, 203
 Машаду, Ж. 391
 Машкареньяш, Перу 91
 Машков, В. Ф. 383
 Машон 343
 Мванга, правитель Буганды 351
 Медичи, герцогская династия 28, 50
 Медичи, Лоренцо 37, 70
 Медликотт, М. Б. 284
 Мей 160
 Мейер, Ганс 357—360, 363
 Мейёр, Никола 101
 Мейнье 413, 420
 Мейо 386
 Мейплас, Чонси 391
 Мейсон, А. М. 304, 306, 355, 356
 Мелладью 372
 Менгес, Йозеф 372, 373
 Менелик II, император Эфиопии 366, 369—371, 374, 378—380, 382
 Меренский, А. 199
 Мери, Ж. 420
 Меролаа, Джироламо 88
 Мёррей, Мунго 174
 Меррик 280
 Мёрчисон, Родерик Импи 178, 183, 219, 225, 230, 240, 258, 274
 Мес, Т. 48
 Местр, Казимир 407, 408, 423
 Мехов, Александр фон 318—320, 328
 Миани, Джованни 226—228, 233, 235, 244, 252, 253
 Мизон, Луи Александр Антуан 314, 406, 407
 Миальд, Жюль Александр 394
 Минутולי, Г. фон 125, 127
 Мойзель, Макс 404
 Моклер-Ферримэн, А. Ф. 412
 Мольен, Гаспар 119
 Моно, Теодор 426
 Монтанья, Жуакин ди Санта Рита 202

Монтейль, П. А. 410, 411, 413
Монтейру, Джон 282
Монтейру, Ж. М. К. 144, 181
Монтелеоне, Франческо 88
Монтесарчио, Джироламо да 88
Монтес де Ока, Х. 404
Мор, Эдуард 200, 201, 285, 316
Морген, Курт 404
Морланг, Франц 211, 228, 293
Моселекатсе (Мсиликази), вождь
матабеле 198—200
Мофат, Роберт 146, 173, 178,
198, 199
Мохен, Ричард Дорси Лорен 398
Мсири, правитель Катанги 347,
386, 388, 397
Мтеса, правитель Буганды 231—
233, 292, 300, 301, 340, 351
Мунза, вождь мангбету 250, 253
Мунцингер, Вернер 166—168, 172
Мур, Дж. Э. С. 363
Мур, Фрэнсис 82
Мухаммед Абд-эс-Самат 249
Мухаммед Али, правитель Египта
126, 128, 135, 206, 208, 291
Мухаммед Ват-эль-Мек 227, 229,
233
Мухаммед ибн Омар эль-Тунси
124
Мухаммед Мухтар 173
Мухаммед Хорезмский, см.
Хоризми
Мюллерс 205
Мюллер, Ганс 322, 323
Мюллер, Иоганн Вильгельм фон
166
Мюллер, Франц 322
Найвет, Энтони 87
Наполеон Бонапарт 125, 149
Нахтигаль, Густав 155, 161, 163—
166, 169, 330, 332, 401, 402,
408
Ндорума, вождь азанде 334—336
Нейманн, О. 361
Нехо, фараон 13
Никитин, Афанасий 31, 101
Никитин, В. Н. 385
Николай V, папа 52, 53
Никола 113
Нилис, Т. В. Э. А. А. 394
Нова, Жуан да 91
Ноли, Антонио 55
Норов, Авраам Сергеевич 149
Норрис, Р. 83
Нуньш, Гонсалу 66
Ньеже, Ж. 421
Нью, Чарлз 257, 258
Нэпир, Р. К. 170

Обри, А. 369, 370
Ожьера 421
Олдфилд, Р. А. К. 118
Ольдерогге, Д. А. 116
Оальп, И. 390
О'Нил, Т. 342
О'Нил, Х. Э. 391
Орлова, А. С. 84
Орпен 195
Осорно, А. 405
Осташевский, Владислав 401
Остин, Х. Х. 380, 381
Осуэлл, Уильям 174, 175
Отс, Фрэнк 201
Оуэн, Ричард 274
Оуэн, Уильям Ф. У. 148, 204, 214
Офервег, Адольф 155—158, 162,
165

Павловский, Е. Н. 414
Панш, Педру (Паэс, Педро) 75,
76, 79, 133
Пайва, Артур ди 387
Пайва, Афонсу ди 64, 73
Пайва ди Андрада, Ж. 391
Пала 418
Палгрэйв, У. Котс 197
Пане, Леопольд 160
Парк, Мунго 108, 110—113, 117,
120, 121, 136, 149, 249
Паркинс, М. 134
Паркинсон, Ф. Б. 382
Парминтер, У. 397
Пассарге, Зигфрид 389, 404
Паттерсон, Уильям 98
Пауличке, Филипп 373
Пашо 125
Педди 113, 138
Педру, брат принца Энрики 46
Пейтингер, Конрад 21
Пелисье 154
Пеней, Альфред 226, 228, 236,
244, 293
Пеннацци, Луиджи 372
Перди, Э. С. 169
Пертес, Юстус 152
Перчес, С. 87
Петерманн, Август 129, 152, 187,
217, 273—275, 310
Петерс, Карл 357, 363
Пехуэль-Леше, Эдуард 283, 284,
314, 390
Печиле, Аттилио 326, 327
Пигафетта, Филиппо 86
Пиготт, Дж. Р. У. 363
Пикарда 343
Пинту, Франсиску Жуан 142
Пирейра, Гонсалу Гаэтану 141,
142

- Пирейра, Мануэл Гавтану 140—
 143, 181
 Пири Ренс (Мухиндин ибн
 Мухаммед) 70
 Питрик, Джон 208, 209, 230, 231,
 233, 236, 237, 244, 247, 253,
 293, 294
 Питрик, Кэтрин 237
 Пицигано 37
 Пинний Старший 18, 21, 22
 По, Фернан да 60
 Побеген 405
 Погге, Пауль 284, 285, 317, 320—
 322
 Позняков, Василий 101
 Покок, Фрэнсис Джон 299, 309
 Покок, Эдуард 299
 Поле, Г. 389
 Поло, Марко 31
 Помель 418
 Помпоний Мела 18, 19, 42
 Понсе, Амбруаз 210, 228, 230,
 247—249, 251
 Понсе, Жюль 210, 228, 230, 247—
 249, 251
 Понсе, Шарль Жак 77—79
 Портал, Дж. Г. 364
 Потагос, Панагиотес 329—331,
 334, 339
 Потехин, И. И. 8, 152, 180, 311
 Прайс, Дж. 343
 Праут, Х. Дж. 170
 Прингл, Дж. У. 364
 Принс 362
 Приттвиц, фон 362
 Пруайяр 88
 Пройсенер де ла Востин, Эжен
 Эдуар Жак Мари де 242, 244,
 245
 Псевдо-Арриан 19, 23
 Птолемей, династия 17
 Птолемей II 17
 Птолемей, Клавдий 11, 14, 15,
 19—23, 26, 28—30, 46, 50, 51,
 63, 104, 259, 356, 361
 Пуаре 72
 Пузанов, И. И. 385
 Пуртцеллер, Людвиг 358
 Пуян 419
 Пфайль, Иоахим фон 357, 358,
 390
 Пьяджа, Карло 245—247, 251,
 306
 Пьяченца, Диониджи Карли да 88
 Рабелу, Родригу 63
 Равенстейн, Э. Г. 268, 356
 Рагацци, В. 370
 Рамзай, Г. 363, 365, 404
 Рамсес II, фараон 12
 Рат 195
 Ратцель, Фридрих 341, 359
 Рафалович, Артемий Алексеевич
 150
 Раффенель, Ани 120, 160
 Раффре, Ашиаль 171, 369
 Ребманн, Иоганн 153, 213—220,
 225, 254, 255, 271, 275, 350
 Ревуаль, Жорж 372
 Региомонтан 62
 Рейль, Отто 170
 Рейнел, Перу 63, 100
 Рейтц, Константин 167
 Рейхард, Карл 111, 113, 114, 116,
 118
 Рейхард, Пауль 346, 347
 Рейхенов, Антон 281
 Рембо, Артюр 370
 Рендерс, Адам 200
 Реннелл, Джеймс 109, 111
 Рентген 113
 Рибейра, Диогу 91
 Рибек, Ян ван 96
 Риберу, Жуан Гонсалвиш 55
 Рид, У. Уинвуд 277
 Риттер, Карл 107, 155, 252, 418
 Ритчи, Дж. 113
 Ричардсон, Джеймс 155, 156, 158
 Ришелье, Арман Жан Дюплесси
 81, 100
 Робле 204
 Рогозинский, см. Шольц-Рогозин-
 ский
 Родс, Сесил 390
 Роже, Леон 394
 Рожер II, король Сицилии 32
 Рольфс, Герхард 52, 161—165,
 170, 332, 368, 415, 416, 418
 Роман, де 364
 Романо, Джованни Франческо 88
 Росс, Александр 281
 Роулэндс, Джон, см. Стэнли
 Роше д'Эрикур, К. 133, 134
 Рошер, Альбрехт 253, 254
 Рувье, Ш. 327
 Рудер 419
 Рудольф, эрцгерцог 352
 Руле 408
 Руманика, правитель Карагве 231,
 232, 302
 Руссеггер, Йозеф фон 127, 129
 Русполи, Э. 378
 Руссен 270
 Рюппель, Эдуард 127, 131, 132
 Сабатье 128
 Савойский, Луиджи, герцог
 Аброуцский 365

- Са да Бандейра, Бернарду да 248, 252, 253, 258—260, 265,
 193, 202
 Сади бин Ахеда 257, 258
 Саккони, Пьетро 373
 Саксен-Кобург-Готский, Эрнст,
 герцог 166, 167
 Салданья, Антониу ди 141
 Сансон, Н. 80, 81
 Сантарена, Жуан ди 59
 Сануто (Санудо), Марино 27, 58
 Сапето, Джузеппе 167
 Сармиенту 397
 Сахла Селассие, негус Шоа 133
 Свенске, К. Ф. 150
 Себитуане, вожь макалоло 174,
 175, 179
 Сегонзак, де 416, 417
 Сейид бен Саид, султан Маската
 212
 Секелету, вожь макалоло 175,
 176, 178
 Селим-бимбаши 128
 Селоус, Фредерик Кортни 390
 Серваль, П. 277—279
 Серкель, Леон Луи Жозеф 398
 Серпа Пинту, Алешандри Алберту
 да Роша 318, 319, 386, 387,
 391
 Сешель 91
 Сибри 205
 Сикейра, Руй ди 44, 60
 Сикст IV, папа 72
 Силва Порту, Антониу Франсишку
 Феррейра да 191—193, 321
 Синтра, Гонсалу ди 49
 Синтра, Педру ди 44—46, 51, 55,
 56
 Скотт-Эллот, Дж. Ф. 365
 Скувер (Шувер), Жуан Мария
 367, 380
 Сметс 196
 Смит, Артур Доналдсон 378—381.
 Смит, Дж. Ш. 342
 Смит, У. 82
 Смит, Ч. 364
 Смит, Эндрыо 147
 Снай бин Амир 220
 Снеггрейв, Уильям 83
 Соёо, Герман 283, 284
 Соколов, И. И. 385
 Солейе, Поль 369
 Солт, Генри 129, 131
 Sommerвилл, Уильям 145
 Сотирос, Константин 373
 Соуза, М. ди 141
 Соуза, Руй ди 83
 Спаррман, Андреас 98
 Спик, Джон Хэннинг 172, 218—
 223, 225—227, 230—240, 242,
 248, 252, 253, 258—260, 265,
 292, 293, 295, 299, 300, 302,
 304, 305, 307, 364
 Стаппер, Л. 363
 Стейрс, У. Дж. 356, 397
 Стелл, Симон ван дер 97, 98
 Стефани, эрцгерцогиня 352
 Стиббс, Бартоломью 82
 Страбон 11, 18, 20, 58
 Стэнли, Генри Мортон (Джон
 Роуландс) 152, 153, 260, 264—
 266, 269, 270, 282, 292, 299—
 304, 306—316, 323, 325, 329,
 330, 336, 340, 342, 350, 353—
 357, 359—361, 364, 397
 Стюарт, Джеймс 346
 Суариш, Фернанду 91, 100
 Суси 267
 Суэйн, Х. Дж. К. 382
 Суэйн, Э. Дж. Э. 382
 Сюэлл 205
 Такки, Джеймс Кингстон 113,
 138—140, 281, 298
 Тамизье, М. 132
 Таппенбек, Ганс 328, 329, 395,
 403
 Тевеньо 421
 Теима 125
 Тейди, Диогу 54
 Тейшейра, Алфериш 202
 Тейшейра, Жуан 95
 Тейшейра, Триштан 44, 46
 Тейшейра да Силва, Алешандри
 143
 Телеки, Шамуэль 351—353, 358,
 363, 379
 Темпл, Г. 122
 Террануова д'Антонио, Филипп
 208
 Тибо, Ж. 128
 Тило, Жан Огюст Мари 421, 422
 Тинне, Александрина Петронелла
 Франсина 242—245, 250
 Тинне, Генриетта Мария Луиза
 242
 Тинне, Джон А. 244
 Тиноку, Айриш 51
 Типпо-Тип (Хамед бен Мухам-
 мед) 296, 307
 Тис, Альбер 394
 Тома, Ф. 415
 Томас, Т. М. 201
 Томпсон, Джордж 80
 Томсон, Джозеф 344—352, 362,
 391, 392, 401, 416
 Томсон, Т. Р. X. 119
 Томчек, Клеменс 401, 402
 Тоннер, Франц 396

Торнтон, Ричард 182, 254, 255
Трабю, Л. 414
Траверси, Л. 370, 371
Траттер, Питер 145
Триштан, Нунью 44, 49—51, 53
Троицкий, В. В. 385
Трота, фон 365
Троттер, Дж. К. 413
Троттер, Х. Д. 119
Тунберг, Карл Петер 98
Туте, Ж. 411
Тутмос I, фараон 12
Тушар, Ф. 276, 278
Тьерри, Леон Констан 396
Тэке Хайманот, негус Годжама 367, 369
Тюрхейм, Людвиг фон 167

Уаддинг, Л. 61
Уатт 110
Узодимаре, Антоньотто 53—55
Уилкинсон, Дж. Г. 125
Уилкинсон, Эдуард 389
Уилсон, Ч. Т. 338, 339, 342
Уинтерботтом 110
Уокер, Р. Б. Н. 279, 286
Уоллес, Л. 362
Уоррен, Ч. 389
Уортингтон, Э. 425
Уотсон 294
Уошингтон 123
Урст, Э. А. Л. 412
Уэзерли, П. 392
Уэйкфилд, Томас 257, 258
Уэйрфайт, Джекоб 268
Уэллби, М. С. 381

Фако Самби 157
Фальбе, М. 122
Фалькенштейн, И. 283, 284
Фариа-и-Соуза, М. ди 48
Фарини, Дж. А. 389
Фарлер, Дж. П. 342
Фаруэлл, Фрэнсис 146
Фаулер 412
Федор (Теодрос) II, император
Эфиопии 167, 170
Фейр, Р. 170
Фелкин, Р. У. 338, 339
Фергюссон, М. 363
Фердинанд, король Арагона 39
Фердинанд, Валентин 55
Фернандиш, Антониу, иезуит 76,
92
Фернандиш, Антониу 92—94, 96
Фернандиш, Вашку 63
Фернандиш, Диниш 44, 50, 51
Фернандиш, Жуан 52

Ферранди, У. 375
Ферре, П. 133
Финдлей, А. Дж. 259
Финн, Генри 146
Фипсон-Уайбрант, Т. Л. 391
Фицморрис, Льюис 139
Фишер, Густав Адольф 348—353,
361
Фишер, Теобальд 415
Флад 284
Флакур, Этвен де 100, 204
Фламан, Ж. 420
Флаттер, П. 419, 420
Флегель, Эдуард Роберт 399—401,
403, 404, 406
Флерио де Лангль, А. 270
Фли-Сент-Мари 421
Флуа 270
Фоа, Э. 392, 398
Фогель, Эдуард 158, 160, 164,
165, 168, 242
Фрадкин, Н. Г. 99
Фра-Мауро 56—60, 63, 72, 100
Франки, Эмиль 397, 398
Франсуа, Курт фон 322, 323, 325,
327, 390, 396
Франц-Иосиф, император Австро-
Венгрии 319
Фременат (Фрументий) 34
Фрич, Густав Теодор 202
Фрич, К. 415
Фуко, Шарль де 416
Фурно, Альфред Луи 405, 406
Фуро, Фернан 413, 419, 420

Хабешы 208
Хавашир ибн Юсуф ал-Арики 29
Хаггенмахер, Густав Адольф 172
Хайнд, Сидни Лэнгфорд 398
Хакансон, Карл 396, 397
Ханзаль, Мартин Людвиг 168
Ханнингтон 351
Хансенс, Эдмон Уинни Виктор
314, 315, 316, 393, 394
Хардетгер, Доминик фон 373
Хардинг-Кинг, В. Дж. 422
Харрис, Уильям Корнуоллис 133,
134, 147
Харт, Г. 41
Хартли 199, 200
Хартманн 29
Хартманн 390
Хартманн, Р. 169
Харун-ар-Рашид, калиф 26
Хассенштейн, Бруно 129, 187,
281, 337, 341, 351, 361
Хатчинсон 160
Хатшепсут, египетская царица 12
Хаутон 109, 110

- Хёземанн 405
 Хейглин, Теодор фон 166—168, 170, 171, 242—245, 247, 250, 251
 Хеймбюргер, А. 271
 Хемприх, В. Ф. 127
 Хёнель, Людвиг фон 351—353, 358, 363, 365, 371, 379
 Хенниг, Рихард 34, 51, 54, 61
 Хердер, Ян ван 87
 Херст, Г. 206
 Хильдебрандт, И. М. 172, 348
 Хит 373
 Ходистер, Артур Эжен Констан 396
 Хозьер, Х. 170
 Хойос, Эрнст фон 382
 Холленд, Т. Дж. 170
 Хомейер, Александр фон 284
 Хоп, Хендрик 98
 Хор, Э. К. 342, 343
 Хоризми (Мухаммед ибн Муса ал-Хоризми) 28, 29
 Хорнемани, Фридрих Конрад 110—112, 114, 153
 Хорнер, А. 258
 Хоскинс, Дж. А. 125
 Хэмильтон, Дж. 167
 Хюбнер, Адольф 200, 201
 Хюбнер, Герман 97
- Цейнер 402
 Целлер, Гуго 402
 Ценковский, Лев Семенович 135, 137, 149
 Цинтграфф, Эуген 402—404
 Циттель, Карл 163
- Чака, вождь зулусов 146, 147
 Чекки, Антонио 366—369, 371
 Чепмен, Джеймс 197
 Чиппенделл 294, 305
 Читерни, Ч. 380
 Чума 267
 Чэнлер, Астор 364, 379
- Шавани, Йозеф (Жозеф) 314, 356
 Шагерстрём, Карл Готтфрид 396
 Шайе-Лонг, Чарлз (Шарль) 290, 292—294, 304, 306
 Шаллер, Джордж Б. 273
 Шарп, Альфред 263, 392
 Шаудт, Г. 415
 Шварц, Бернгард 390, 402, 403
 Швейниц 361
 Швейнфурт, Георг Август 163, 169, 209, 247—253, 263, 276, 298, 304, 308, 329—335, 337, 339—341
- Шверин, Ханс фон 396
 Шевалье, Огюст 409
 Шеле, Фридрих фон 362, 363
 Шёлер, фон 346
 Шелли 195
 Шёнер 62
 Шенк, А. 389
 Шимпер, Вилгельм 132
 Шинзе 359
 Шинц, Г. 389, 390
 Шнитцер, Эдуард, см. Эмин
 Шоле, Ж. 406
 Шольц-Рогозинский, Стефан 401, 402
 Шоу, Дж. А. 205
 Шоу, Томас 71
 Шпринг 361
 Шран, Ф. 402
 Штапф, Ф. М. 390
 Штахе, Э. 397
 Штёйднер, Герман 168, 242, 243
 Штейн, фон 404
 Штейнекер, фон 390
 Штеккер, Антонин 368, 369, 371
 Штеттен, фон 404
 Штубенраух 402
 Штульманн, Франц Людвиг 357, 359—362
 Шуази 419
 Шуберт, Герман 168
 Шукманн, фон 402
 Шульц, Аурель 387
 Шульце, Э. 328
 Шюдо, Рене 421
 Шютт, Отто 316, 317, 320, 322
- Щусев, П. В. 384, 385
- Эанниш, Гонсалу 62
 Эанниш, Жил 44, 48
 Эвора, Педру ди 62
 Эдд 279
 Эдмонстон, А. 125
 Эдризи, см. Идриси
 Эдуард VII (Альберт-Эдуард), король Великобритании 355
 Эйлер, Дж. П. В. 374, 375, 382
 Эйхвальд, Эдуард Иванович 150
 Эллиот, Дж. Грант 314
 Элатон, Джеймс Фредерик 203, 303, 304, 346, 391
 Эмбер, П. 81
 Эме, А. 279
 Эмин, Мехмед (Эдуард Шнитцер) 340, 341, 353—355, 357, 359, 360, 363, 364
 Энгельхардт 362
 Эндерсон, А. 197

Эндерсон, Уильям 145
Эрики (Генрих Мореплаватель),
принц 38, 40—42, 44—46, 48—
50, 53—57, 144
Эратосфен 11, 16—19, 23
Эренберг, Христиан Готфрид 127
Эрлангер, Карл фон 382
Эрскин, Сент-Винсент Уитшед 93,
202, 203, 391
Эрхардт, Якоб 213, 215—220,
225, 254, 255, 271
Эскейрак де Лотюр, д' 169
Эшковара, Педру ди 59
Эшкрофт 399
Эштевиш, Алвару 59

Юлий Цезарь 75
Юльке, Карл Людвиг 357
Юм, В. Ф. 422
Юнкер, Василий Васильевич 247,
253, 305, 330—341, 350, 351,
353—355, 364, 372, 380, 392—
394
Юо 408
Якут (Якут ибн Абдаллах ар-
Руми ал-Хамави) 29
Янг, Э. Д. 265, 303, 346
Яниковский, Леопольд 401
Янко, И. 392
Янсен 396

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. <i>Формирование географических представлений об Африке до европейских географических открытий XV в.</i>	8
Контакты цивилизаций и открытие Африки. Древний Египет. Финикийские и карфагенские путешествия. Древнегреческие исследователи Африки. Римские исследования Африки. Изучение географии Африки арабами в VII—XV вв. Средневековые европейские путешествия и картография.	
Глава 2. <i>Установление очертаний Африканского материка в XV в.</i>	38
Первые открытия португальских мореплавателей у берегов Африки. Выход португальцев к побережью Гвинейского залива. Исследование берегов Гвинейского залива; карта Фра-Мауро. Португальцы у побережья Центральной и Южной Африки. Мартин Бехаим — создатель первого глобуса. Плавание Васко да Гамы и завершение открытия береговой линии Африки.	
Глава 3. <i>Развитие географических знаний об Африке в XVI—XVIII вв.</i>	69
Лев Африканский. Расширение знакомства европейцев с Магрибом. Португальцы в Эфиопии. Открытие истоков Голубого Нила. Европейские исследователи Северо-Восточной Африки конца XVII—XVIII вв.: Понсе и Брюс. Англичане и французы в Западной Африке. Проникновение европейцев в Конго и Анголу. Португальцы на восточном побережье Африки и в бассейне Замбези. Голландцы в Южной Африке. «Открытие» Мадагаскара. Первые наши соотечественники в Африке. Критический пересмотр карты Африки Анвилем.	
Глава 4. <i>Исследования Африки в конце XVIII — первой половине XIX в.</i>	105
Основные проблемы географии внутренней Африки и британская «Африканская ассоциация». Проблема Нигера и первые попытки найти ее решение. Открытие Парком верхнего течения Нигера. Транссахарское путешествие Аудни, Денэма и Клаппертона: открытие озера Чад и реки Шари. Путешествие Лэнга к истокам Нигера и в Томбукту. Вторая экспедиция Клаппертона. Окончательное решение проблемы Нигера братьями Лендер и открытие ими Бенуэ. Французские исследования Западной Африки. Путешествие Кайе в Томбукту. Исследования Магриба. Французское завоевание Алжира и начало систематического изучения страны. Исследования Египта и Восточного Судана: Браун, Буркхардт, Кайо и др. Египетские нильские экспедиции. Исследования Эфиопии: Солт, Бик, братья Аббади и др. Ковалевский и Ценковский в Северо-Восточной Африке. Такки в низовьях Конго. Сведения Баудича об Огове. Португальские исследования в Южно-Центральной Африке: Пирейра, Ласерда и др. Начало британской колониальной экспан-	

сии в Южной Африке и связанные с ней исследования. Заметки африканских берегов. Интерес к изучению Африки в России в первой половине XIX в.

Глава 5. Исследования Африки с конца 40-х до конца 70-х годов XIX в. Север и юг Африки	151
Северо-Западная, Западная и Северо-Восточная Африка	153
Экспедиция Ричардсона — Офервега — Барта и связанные с ней исследования. Путешествия Рольфа. Путешествия Нахтигала. Исследования Северо-Восточной Африки: Брем, Хэйглин, Мундингер и др.	
Южная Африка: решение проблемы Замбези и другие исследования «ливингстоновского» периода	173
Начало исследовательской деятельности Ливингстона: открытие озера Нгами и верхнего течения Замбези. Двойное пересечение Южной Африки Ливингстоном в 1852—1856 гг.: от Капской колонии до Анголы и от Анголы до устья Замбези. Замбезийская экспедиция Ливингстона 1858—1864 гг.: завершение исследования Замбези и открытие озера Ньяса. Магдьяр в Анголе. Прочие исследования Анголы в 50—60-х годах. Исследования западной половины Южной Африки (включая Калахари) в 50—70-х годах: Андерсон и др. Исследования Трансваля и междуречья Замбези — Лимпопо в 50—70-х годах: Маух и др. Проблема Лимпопо и ее решение Эрскином. Мадагаскар.	
Глава 6. Исследования Африки с конца 40-х до конца 70-х годов XIX в. Экваториальная Африка.	206
Восточная Экваториальная Африка: поиски истоков Нила, открытие Великих озер и проникновение в бассейн Конго с востока и северо-востока	206
Хартумские купцы в Южном Судане. Первые исследования Бахр-эль-Газала. Австрийские католические миссионеры в верховьях Белого Нила. Арабо-суахильское проникновение в глубь Восточной Африки и слухи о «великом озере». Крапф, Ребманн и Эрхардт в Восточной Африке: открытие снеговых гор Килиманджаро и Кении. «Озеро Уньямвези» Ребманна и Эрхардта. Экспедиция Бёртона и Спика: открытие озер Танганьика и Виктория. «Штурм» истоков Нила с севера: Миани, Пеней и др. Ангинори и Лежан на Бахр-эль-Газале. Экспедиция Спика и Гранта: принципиальное решение проблемы истоков Нила. «Встречная» экспедиция Питрика. Открытие Бейкером озера Альберт. Тинне и Хэйглин в бассейне Бахр-эль-Газала. Прюйсенер. Пьяджа в стране азанде. «Река Бабура». Швейнфурт: открытие реки Уэле. Последнее путешествие Миани. Рошер, Деккен, Бреннер и другие исследователи Восточной Африки. Ливингстон и проблема Луалабы. Поисковая экспедиция Стэнли и последние маршруты Ливингстона. Состояние проблемы Луалабы в начале 70-х годов.	
Западная Экваториальная Африка: решение проблемы Огове и проникновение в бассейн Конго с запада	270
«Река Габун». Дю Шайю — первоисследователь Габона. Исследования гидрографической системы эстуария Габон и нижнего течения Огове французскими морскими офицерами (конец 50-х — 60-е годы). Восхождение Бёртона и Манна на вулкан Камерун и другие исследования прибрежных районов Камеруна в 60—70-х годах. Исследования низовьев Конго до конца 70-х годов. Немецкая экспедиция в Лоанго. Путешествие Погге в Лунду. Барт-Харматинг в Северной Анголе. Новые исследования Огове: экспедиции Компьеня — Марша и Ленца. Браза: решение проблемы Огове и выход к бассейну Конго.	
Решение основных проблем географии Экваториальной Африки в 70-х годах XIX в.: установление целостности гидрографической системы Верхнего Нила, очертаний Великих озер и идентичности Луалабы с Конго	290

Присоединение области Верхнего Нила к египетским владениям и его первые географические результаты. Открытие озера Кьога Шайе-Лонгом. Трансафриканское путешествие Камерона. Первые этапы транс-африканского путешествия Стэнли 1874—1877 гг.: установление целостности озера Виктория, открытие Рувензори и «Мута-Нэйге», исследование Кагеры. Янг и Элтон на озере Ньяса. Исследование озера Альберт Джесси и Мейсоном. Заключительные этапы транс-африканского путешествия Стэнли 1874—1877 гг.: исследование Танганьики и Луалабы-Конго.

Глава 7. *Исследования Африки в эпоху ее империалистического раздела (конец XIX — начало XX в.)* 312

Начало колониального раздела бассейна Конго. Исследования западной части бассейна Конго и сопредельных территорий в первой половине 80-х годов. Плавание Стэнли по Конго и ее притокам и открытие им озер Леопольда II и Тумба. Открытие Убанги Хансенсом, Шютт и Бухнер в Лунде. Трансафриканское путешествие Серпа Пинту. Исследование Кванго экспедициями Капеллу — Ивенша и Мехова. Экспедиция Погге и Виссманна в южную часть бассейна Конго. Исследование Касаи Виссманном и Санкуру — Вольфом. Исследование судоходных рек центральной части бассейна Конго Гренфеллом. Открытие Санги. Проблема Ликоны и связанные с ней исследования. Последняя экспедиция «Африканского общества в Германии» в бассейн Касаи и завершение исследования Кванго Гренфеллом. Проблема Уэле. Потагос; открытие Мбому. Первое центральноафриканское путешествие Юнкера; исследование области водораздела Нил — Конго и открытие истоков Уэле. Второе центральноафриканское путешествие Юнкера; исследование бассейна Уэле. Прочие исследования области Верхнего Нила и северо-восточной окраины бассейна Конго в 70—80-х годах. Исследования Восточной Африки в конце 70-х — начале 80-х годов. Путешествие Томсона к Великим озерам и открытие им озера Руква. Бём и Рейхард в Катанге. Жиро на озере Бангвеулу. Фишер и Томсон — пионеры исследования Восточного рифта. Экспедиция Телеки; открытие озера Рудольф. Трансафриканское путешествие Стэнли 1887—1889 гг. Колониальная экспансия Германии и Великобритании в Восточной Африке и связанные с ней исследования. Экспедиции Мейера, Эмина — Штульманна и Бауманна. Открытие озера Киву Гётценом. Исследования Северо-Восточной Африки в последней четверти XIX — начале XX в. Русские путешествия по Северо-Восточной и Восточной Африке. Послаивингстоновский период исследования Южной и Южно-Центральной Африки. Трансафриканское путешествие Капеллу и Ивенша. Путешествия Голуба. Колониальные захваты в Южной Африке и связанные с ними исследования. Решение проблемы Уэле-Убанги Ван Желем и другие бельгийские исследования бассейна Конго в конце XIX — начале XX в. Исследования Камеруна и других территорий на западе Экваториальной Африки. Продвижение французов от Конго к озеру Чад и Нилу и связанные с ним исследования. Исследования Западной Африки. Исследования Атласских стран и Сахары. Мадагаскар.

Заключение. Основные черты современного этапа географических исследований Африки	424
Основная использованная литература	432
Указатель имен	439

Г69 Горнунг М. Б. и др.
История открытия и исследования Африки. М.,
«Мысль», 1973
454 с. с карт.

Несколько столетий мореплаватели и путешественники разных стран открывали и исследовали береговую линию, реки и озера, горные хребты и равнины, тропические леса, саванны и пустыни Африки. Настоящая книга дает первое на русском языке подробное описание этих открытий и исследований, проанализированных в связи с общими историческими процессами, рассказывает о том, как сложились современные представления о географии Африканского континента.

Г $\frac{0281-080}{004(01)-73}$ 174-72

91(09)

*Горнунг М. Б., Липец Ю. Г.,
Олейников И. Н.*

**ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ
АФРИКИ**

Редактор *С. Н. Кумжес*
Редактор карт *О. И. Ермакова*
Младшие редакторы *Э. В. Кирьянова* и *Т. И. Кондрашова*
Художественные редакторы *А. А. Брантман* и *В. А. Масленников*
Технические редакторы *О. А. Барабанова* и *Т. Г. Усачёва*
Корректор *И. В. Фавич-Щербо*

Сдано в набор 9 ноября 1972 г. Подписано в печать 24 апреля 1973 г.
Формат бумаги 60×90^{1/16}. № 1. Усл. печатных листов 28,5.
Учетно-издательских листов 30,73. Тираж 14 000 экз.
А 03765. Цена 2 р. 22 к. Заказ 2837.

Издательство «Мысль».
117071, Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 5 «Союзполиграфпрома»
при Государственном Комитете Совета Министров СССР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Мало-Московская, 21.

